

ИЗДАВЛЯЕМЫЯ

НА ПЕРВАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ

I

1945г.

 БИБЛИОТ
 НИ Ин-та Краев
 и Музейной р

Л 5

Древній серебряный остяцкій идолъ, изображающій слона.

Лѣтомъ 1892-го года я получилъ свѣдѣніе отъ старшаго геолога Геологическаго Комитета, *О. Н. Чернышева*, что горный инженеръ, *г. Лебедзинскій*, производившій геологическія розысканія по восточнымъ склонамъ сѣвернаго Урала, встрѣтилъ тамъ, между прочимъ, у остяковъ, серебрянаго идола, изображающаго слона или мамонта. Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, я просилъ *О. Н. Чернышева* добыть для меня фотографію означеннаго идола (которая была снята *г. Лебедзинскимъ*), а также собрать вообще болѣе подробныя данныя объ этой находкѣ. *Г. Чернышевъ* былъ такъ любезенъ, что списался съ *г. Лебедзинскимъ*, находившимся тогда въ Олонецкой губерніи, и доставилъ мнѣ потомъ какъ фотографію идола, такъ и письмо *г. Лебедзинскаго*. Изъ этого письма я позволю себѣ выписать все, что относится собственно до найденнаго идола.

„По р. Лѣпсию, впадающей въ р. Сѣверную Большую Сосву, находится одно изъ священныхъ мѣстъ сосвинскихъ остяковъ, охраняемое однимъ изъ нихъ въ качествѣ жреца шамана. Обѣщавъ шаману сохра-

нить въ тайнѣ отъ моихъ товарищей по экспедиціи и рабочихъ мѣсто-нахожденіе божества-идола, я отправился вмѣстѣ съ нимъ, въ сопровожденіи мальчика остяка, несшаго мой фотографическій аппаратъ. Верстахъ въ трехъ отъ р. Лѣпси (на лѣвомъ ея берегу), на возвышенномъ мѣстѣ, находится *шамейка*—маленькій амбаръ-домикъ, покоящійся на двухъ столбикахъ, высотой около $1\frac{1}{2}$ сажени. Шамейка эта и служитъ мѣстопробываніемъ „мамонта“. Прибывъ на мѣсто, остякъ-шаманъ зажегъ кедровую вѣтку и произвелъ окуриваніе дымомъ шамейки, затѣмъ уже открылъ дверь и вынулъ дощечки, закрывающія входъ въ шамейку. „Мамонтъ“ оказался завернутымъ въ разное тряпье, состоящее изъ платковъ шелковыхъ и простыхъ и изъ кусковъ разныхъ матерій, приносимыхъ въ даръ. Затѣмъ „мамонтъ“ былъ поставленъ на устроенную мною площадку у шамейки и снята его фотографія; размѣры „мамонта“: длина—9 дюймовъ, высота— $7\frac{1}{2}$ дюймовъ. Сдѣланъ онъ, повидимому, изъ серебра, внутри пустой. Я обѣщаль остяку не трогать мамонта и поэтому не могъ отломать кусочка для пробы. По словамъ остяка, мамонтъ былъ наполненъ деньгами—серебромъ, но деньги были взяты въ тяжелыя минуты.

На мой вопросъ, откуда и какъ былъ найденъ и добытъ „мамонтъ“, остякъ мнѣ отвѣтилъ нижеслѣдующее.

„Мамонтъ“ былъ найденъ такъ давно, что „отецъ моего отца отецъ не помнилъ“ (подлинныя слова остяка). Остякъ какой-то отправился на охоту, долго ходилъ, наконецъ попалъ на слѣды звѣря (дѣло было зимою); идя по слѣдамъ, онъ все не могъ его настичь, хотя по временамъ видѣлъ „настоящаго большаго звѣря“, такого же, какъ „мамонтъ“. Наконецъ, слѣдъ пропалъ и, послѣ долгихъ поисковъ, остякъ нашель въ снѣгу „мамонта“ металлическаго, который былъ настолько тяжелъ, будто-бы, что онъ одинъ поднять его не могъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, „мамонта“ подняли и помѣстили въ шамейку. Ни мѣста нахожденія этой первой шамейки, ни—„мамонта“ мой остякъ-шаманъ не могъ указать, за незнаніемъ; сказалъ лишь, что теперешнее мѣстопробываніе его не первичное. Я предлагаль остяку 100 руб., желая взять у него мамонта, но онъ не согласился. На мой вопросъ, какъ называется по остяцки означенный „мамонтъ“, онъ привелъ два названія, одно—*яны-уй* (большой звѣрь), другаго въ настоящую минуту не припомню. Вотъ все, что могу сообщить о видѣнномъ мною „мамонтѣ“.

Таковы свѣдѣнія, доставленныя г. Лебедзинскимъ. По словамъ Н. Л. Гондатти, по большой Сосвѣ и ея притокамъ живутъ собственно не остяки, а вогулы, или, какъ они сами себя называютъ, маньзы,

хотя, впрочемъ, и вогулы, и остяки, въ сущности, одинъ народъ, и говорятъ однимъ языкомъ.

На переданной мнѣ г. Чернышевымъ фотографіи (см. рис. 8) видно, что описанный идолъ-мамонтъ представляетъ статуэтку слона, и именно азіатскаго, индійскаго слона, какъ это можно заключить на основаніи всей фигуры животнаго, его спины, затылка, величины и формы ушей, бивней и т. д. Относительно размѣровъ статуэтки, жаль, что г. Лебедзинскій не пояснилъ, какъ онъ бралъ свои измѣренія, т. е. наибольшую ли высоту (отъ затылка) и наибольшую длину (т. е. отъ

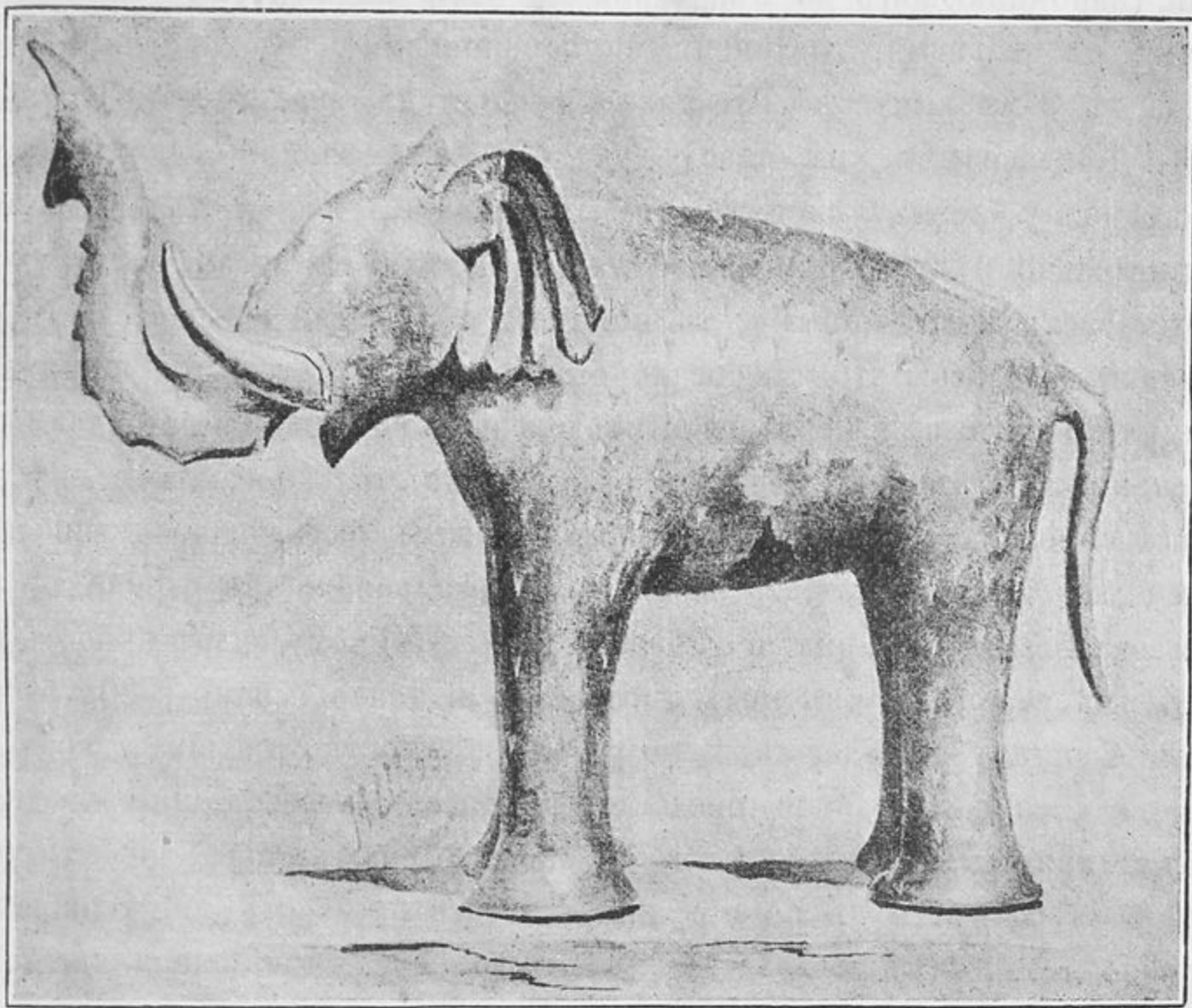

Рис. 8. Остяцкій идолъ.

конца хобота до хвоста), или какъ иначе. Статуэтка сдѣлана вообще довольно реально, хотя копыта ногъ не выражены, хоботь нѣсколько толстъ, хвостъ тоже и въ особенности уши не натуральны: они начинаются наверху завиткомъ и затѣмъ спускаются внизъ какъ бы пятью сросшимися продольными пластинками, округленными или треугольно-заостренными на концахъ. Можетъ быть, этимъ имѣлось въ виду передать складки уха, но онѣ вышли слишкомъ неестественными и шаблонными, или же эти пять пластинокъ слѣдуетъ понимать, какъ пять

искусственныхъ надрѣзовъ уха; на фотографіи, между двумя пластинками (3-ей и 4-ой), видѣнъ, дѣйствительно, просвѣтъ, который какъ бы указываетъ на подобное раздѣленіе уха на лопасти. Интересно, что на одномъ, т. наз. Сассанидскомъ, серебряномъ блюдѣ (точнѣе дискѣ или бляхѣ) въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображающемъ прирученнаго слона, покрытаго попоной и съ башенкой на спинѣ, въ которой сидятъ два воина съ копьями (на шеѣ слона сидитъ еще поводырь — корнакъ, съ крюкомъ), ухо животнаго (изображеннаго вообще довольно вѣрно) также передано не натурально. Оно изображено здѣсь въ видѣ лежащаго вдоль шеи слона треугольника, подраздѣленнаго пятью ребрами (напоминающаго до нѣкоторой степени видъ ступни плавающей птицы, съ пальцами, соединенными перепонками). Въ описаніи этого блюда въ 3-мъ выпускѣ „Русскихъ Древностей“, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, по поводу уха слона замѣчено (стр. 89): „ухо обрѣзалось у боевыхъ слоновъ, чтобы уменьшить шансы пораненія этой сравнительно нѣжной и большой части тѣла“. Но если здѣсь ухо и представлено подрѣзаннымъ, то немного, такъ какъ большая часть его все-таки осталась; что требовало бы поясненія, такъ это форма его, именно присутствіе на немъ пяти продольныхъ возвышеній. Повидимому, здѣсь имѣлось въ виду передать складки уха, только сдѣланы онѣ неестественно, схематично и шаблонно. Можетъ быть, однако, уши прирученныхъ слоновъ подвергались въ Индіи (вообще въ странахъ, гдѣ пользовались прирученными слонами) искусственному надрѣзанію въ цѣляхъ ихъ украшенія (въ родѣ того, какъ и теперь, напр., обрубаются часть хвоста у лошадей или подрѣзаются хвосты и уши у собакъ). Хвостъ у слона (на дискѣ) представленъ также неестественнымъ, слишкомъ длиннымъ и раздвоеннымъ на концѣ, если только не слѣдуетъ видѣть здѣсь нѣчто въ родѣ чехла, надѣтаго на хвостъ для украшенія, подобно тому, какъ и подъ шейю у этого слона привѣшена кисть.

Но у остякаго слона - идола хвостъ представленъ естественнаго вида и длины, только нѣсколько утолщеннымъ и безъ покрывающихъ его волосъ. Наоборотъ, рѣдкіе волоса намѣчены на туловищѣ и ногахъ животнаго въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ пучковъ, размѣщенныхъ семью рядами вдоль туловища и двумя - тремя рядами вдоль ногъ. На брюхѣ слона видно довольно большое отверстіе, (изъ него, очевидно и выбирали деньги, если рассказъ остяка-шамана вѣренъ). Стоящій слонъ представленъ въ просящей или ожидающей позѣ: хоботъ его поднять кверху и широко раскрытъ на концѣ (нижній контуръ хобота съ рядомъ какихъ-то выступовъ); ротъ тоже открытъ, уши нѣсколько оттопырены. Въ ногахъ, однако, не выражено никакого движенія; онѣ

представлены просто круглыми столбами съ расширеніями внизу, на мѣстѣ ступней.

Нахожденіе подобной статуэтки слона въ качествѣ идола у остяковъ-вогуловъ представляетъ фактъ довольно интересный, и во всякомъ случаѣ—исключительный. Извѣстно, что у остяковъ встрѣчаются священныя изображенія лебеда, лошади, медвѣдя, но изображеніе слона до сихъ поръ не было находимо. Очевидно, что такая статуэтка могла попасть къ нимъ только отъ другаго народа, болѣе искуснаго въ серебряномъ дѣлѣ и знакомого съ слономъ не по наслышкѣ. Въ настоящее время вогулы и остяки добываютъ изображенія лошадей и лебедей, также какъ требуемыя для ихъ святилищъ серебряныя тарелочки—отъ русскихъ, заказывая ихъ даже нарочно, чрезъ посредство знакомыхъ купцовъ. Судя по нѣкоторымъ находкамъ Н. Л. Гондатти въ старинныхъ вогульскихъ могилахъ, такое пріобрѣтеніе металлическихъ издѣлій отъ русскихъ (напр., шпагъ, медальоновъ, рѣзныхъ кружковъ съ изображеніями лошадей и лебедей, мѣдныхъ яндовъ и т. д.) практиковалось вогулами и ранѣе, въ первой половинѣ XVIII и въ XVII вѣкѣ, и, такъ какъ по словамъ показывавшаго этого идола г. Лебедзинскому остяка, идолъ этотъ былъ найденъ такъ давно, что о времени находки не помнилъ ничего даже его прадѣдъ, то слѣдовательно, идолу этому надо положить по меньшей мѣрѣ около 150—200 лѣтъ. Но возможно ли было пріобрѣтеніе подобной статуэтки въ началѣ XVIII-го или концѣ XVII-го вѣка отъ русскихъ купцовъ? Сомнительно. Во первыхъ, мало вѣроятно, чтобы русскіе мастера того времени могли выполнить подобное изображеніе (хотя, положимъ, первый слонъ былъ приведенъ въ Москву еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, такъ что съ этого времени русскіе люди могли уже наблюдать слона въ натурѣ), а во вторыхъ, если бы подобное произведеніе искусства и было выполнено какимъ нибудь искуснымъ русскимъ мастеромъ, то весьма невѣроятно, чтобы оно могло попасть къ остякамъ. Притомъ у остяковъ сохранилось преданіе, что статуэтка эта была найдена, т. е. досталась имъ въ видѣ клада,—разсказъ, который не можетъ быть признанъ невѣроятнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ Приуральѣ, какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала, было найдено въ землѣ множество древнихъ серебряныхъ вещей,—блюды, кувшиновъ, бляхъ и т. д. Но если допустить фактъ нахождения статуэтки, то по аналогіи придется заключить, что древность ея гораздо болѣе значительна и соотвѣтствуетъ эпохѣ, въ продолженіе которой особенно обильно доставлялись въ Приуралье серебряныя художественныя издѣлья, именно времени не позже X в. Такое заключеніе однако, требовало бы болѣе прямыхъ и убѣдительныхъ доказательствъ,

которыми мы не располагаемъ. Во первыхъ, между восточными (сассанидскими) древностями, найденными по настоящее время въ Приуральѣ, неизвѣстно ни одного, несомнѣнно относящагося къ указанной эпохѣ, изображенія слона. Въ числѣ древностей Эрмитажа находятся, правда, два диска, щита или большія круглыя выпуклыя бляхи (7—8 вершковъ въ діаметрѣ) съ изображеніемъ боевыхъ слоновъ, признаваемые за сассанидскія и найденныя, будто бы, въ Сибири, но по словамъ г. хранителя Эрмитажа Г. Е. Кизерицкаго, о мѣстѣ находенія этихъ бляхъ ничего положительнаго неизвѣстно, и, по его мнѣнію, судя по работѣ и стилю, онѣ происходятъ скорѣе изъ Южной Россіи ¹⁾. Я. И. Смирновъ обратилъ мое вниманіе еще на одинъ предметъ, хранящійся въ Эрмитажѣ (подъ № 1094) именно на металлическую бронзовую (?) пустую внутри, статуэтку слона, хранящуюся въ шкафу „сибирскихъ вещей“, мѣста находокъ которыхъ точно неизвѣстны и которыя были присланы еще при Петрѣ I въ бывшую кунсткамеру. Статуэтка эта высотой вершка три, длиной около четырехъ, шириной около двухъ. „Спина слона вся сломана, ноги поставлены вертикально, кромѣ правой передней, выставленной нѣсколько впередъ; туловище толстое и широкое. Бивни были вставлены особо и потому отсутствуютъ. Хоботъ опущенъ вертикально внизъ и лишь конецъ его загнутъ вверхъ. Голова очень широкая съ плоскимъ лбомъ. Она, повидимому, покрыта матерчатымъ чапракомъ, судя по узорамъ, кажется позолоченнымъ, вырѣзаннымъ на лбу. Узоры

1) Одна изъ этихъ бляхъ или щитовъ изображена въ III вып. „Русскихъ Древностей“, гр. Толстаго и Кондакова, на стр. 88. По свидѣніямъ, любезно сообщеннымъ мнѣ, чрезъ посредство А. В. Орѣшникова, Я. И. Смирновымъ, специально занимающимся изученіемъ найденныхъ въ Россіи сассанидскихъ древностей, такихъ бляхъ въ Эрмитажѣ двѣ и украшены онѣ почти одинаковымъ изображеніемъ, обращеннымъ лишь въ разные стороны. На боевомъ слонѣ, покрытомъ узорчатой попоной, поставлена башенка, изъ-за стѣны которой выглядываютъ два воина; на шеѣ слона сидитъ корнакъ (погонщикъ) съ крюкомъ. Отличіе одного изображенія состоитъ только въ томъ, что передняя фигура воина выдается изъ-за стѣны башни больше, чѣмъ на бляхѣ, изображенной въ „Русскихъ Древностяхъ“, и кромѣ головы, видна еще верхняя часть одежды, косая пола, запахнутая слѣва направо. Шлемы воиновъ на той и другой бляхѣ также сходны, равно какъ и головной уборъ погонщика, который, впрочемъ, сдѣланъ неясно: какъ будто повязка съ круглымъ щитомъ или бляхой надъ лбомъ, что напоминаетъ, по словамъ г. Смирнова, уборы на нѣкоторыхъ древне-индійскихъ рельефахъ. Вообще, по мнѣнію г. Смирнова, эти бляхи могутъ быть признаны, всего вѣроятнѣе, за бактрианскія произведенія, чѣмъ можно объяснить и явно-античныя черты въ этомъ изображеніи индійскаго боеваго слона. Такіе слоны бывали и въ самой Бактрианѣ; такъ царь Еввидемъ былъ принужденъ выдать своихъ боевыхъ слоновъ Антиоху. Въ Эрмитажѣ имѣется еще пара подобныхъ большихъ бляхъ или щитовъ съ изображеніемъ драконовъ, и напоминаетъ еще эти послѣднія — пара серебряныхъ „щитовъ“ Тифлискаго музея, изъ ст. Успенской. Что касается означенныхъ двухъ бляхъ съ изображеніемъ слоновъ (№ 954), то онѣ выпуклы (около вершка) и — замѣчаетъ г. Смирновъ — „судя по вѣнному виду и по рисунку обратной стороны на гравюрахъ, изготовленныхъ въ прошломъ вѣкѣ для изданія Monumenta Sibiriae, задуманнаго Академіей Наукъ, — имѣютъ сзади три петли

образуются на срединѣ лба сложнымъ плетениемъ, которое спускается внизъ и кончается широкой полосой въ видѣ кистей (?); нѣсколько ниже ихъ, надъ бивнями, какъ бы бордюръ, окаймляющій край чапрака. Ротъ слона обозначенъ небольшимъ уступомъ. Уши имѣютъ видъ вертикальныхъ узкихъ выступовъ; реального изображенія ихъ, впрочемъ, нельзя и требовать, если голова покрыта чапракомъ. На шеѣ слона округлое отверстіе, окаймленное небольшимъ выступомъ, большій діаметръ котораго направленъ поперекъ шеи; отъ этого ободка на обѣ стороны свисаютъ ноги погонщика, сдѣланныя въ плоскомъ рельефѣ; концы ногъ доходятъ до нижняго края ушей. Очевидно, фигура самого погонщика служила крышкою этого отверстія. Спина слона, какъ сказано, не уцѣлѣла“. Г. Смирновъ задаетъ вопросъ: „не была ли это лампа? Тогда башня или что иное служила для свѣтильни, а отверстіе на шеѣ, съ крышкой въ видѣ корнака, для подливанія масла. Если

Рис. 9. Статуэтка слона изъ Павлоградскаго у. Екатеринославской губ., хранящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

для ремней, какъ золотая бляха изъ ст. Сѣверской, въ Моск. Историческомъ Музеѣ, т. е. бляхи эти служили украшеніемъ сбруи (?) и, по большой величинѣ ихъ, едва ли конской (не слоновьей-ли, или не вродѣ ли тѣхъ щитовъ, коими украшена башня слона на Миринской терракотѣ, см. Dagemberg et Saglio, Dict. des Antiq. s. v. Elephas?). Въ другомъ послѣдующемъ письмѣ г. Смирновъ указалъ еще на одно, впрочемъ мелкое—изображеніе слона на бордюрѣ одного серебрянаго, вѣроятно персидскаго блюда (Отч. Арх. Комм. за 1881 г., атласъ таб. II, рис. 10) и на слѣдующее извѣстіе, перепечатанное въ „Пермскомъ Сборникѣ“, кн. II, стр. 42, изъ № 24 „Казанскихъ Извѣстій“ за 1812 г., изъ статьи Н. С. Попова: „Нѣчто, относящееся къ древностямъ Пермской губерніи“. „Въ 1810 г. видѣлъ я въ одномъ домѣ большую серебряную стопу, найденную въ окрестностяхъ Чердыни, на которой снаружи изображены выпуклою работою (отливкой и чеканомъ) разныя животныя странъ южныхъ, какъ-то: слонъ, строфокамель съ сидящимъ на шеѣ человѣкомъ, что весьма любопытно, крокодилъ, тигръ и другія, въ томъ числѣ и лягушки. По всему видно, что сосудъ сей не европейскаго вкуса и искусства, но индѣйскаго или азіатскаго народа“. По поводу этого извѣстія г. Смирновъ замѣчаетъ, что среди извѣстныхъ сосудовъ такой „стопы“ съ рельефами снаружи нѣтъ, и сохранилась ли она гдѣ—неизвѣстно. Нельзя также сказать съ увѣренностью, была ли эта „стопа“ персидской или античной работы. Вопросъ въ томъ, что разумѣлъ Поповъ подъ строфокамилемъ? Если—страуса, то таковой въ соединеніи съ крокодиломъ и сидящимъ на страусѣ человѣкомъ, вѣроятно геніемъ, указываетъ на александрійскую работу. Но если строфокамель фантастическое животное, въ родѣ того какъ на Строгановскомъ кувшинѣ („Русск. Древн.“ III, стр. 91, рис. 96),—полуверблюдъ-полуптица, то это явно персидское чудовище, и человѣкъ явится возносящимся на небо, и окажутся аналогию съ сказочной птицей Рохомъ (см. напр. изображенія на золотыхъ сосудахъ влады изъ Nagy Szent Miklos). Но это мало вѣроятно.

такъ, то эта статуэтка представляетъ аналогію бронзовымъ, античнымъ повидимому лампамъ въ видѣ всадниковъ, найденнымъ также гдѣ то въ Сибири въ началѣ прошлаго вѣка и изданнымъ Montfaucon'омъ въ V томѣ „Supplements de l'Antiquité expliquée“. Г. Смирновъ обратилъ мое вниманіе еще на то, что въ числѣ терракоттъ, доставленныхъ въ Эрмитажъ Н. И. Веселовскимъ изъ раскопокъ въ Афросіабѣ (близъ Самарканда), есть также поломанная фигурка слона съ сидящимъ на ней верхомъ всадникомъ, но довольно грубой работы.

Получивъ означенныя свѣдѣнія отъ Я. И. Смирнова (которому приношу за нихъ глубокую благодарность), я обратился къ Г. Е. Кизерицкому съ просьбой сообщить мнѣ, если окажется возможнымъ, болѣе точное свѣдѣніе о мѣстѣ находки статуэтки слона № 1094 и рисунокъ ея. Г. Кизерицкій былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что немедленно же выслалъ мнѣ рисунокъ этой статуэтки изъ приготовляемаго имъ къ изданію каталога Эрмитажа (рисунокъ этотъ, № 9, мы здѣсь воспроизводимъ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ, что статуэтка эта была найдена въ 1865 г., въ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ деревни Знаменки, на правой сторонѣ балки Гнилуши, въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. На дальнѣйшіе мои запросы г. Кизерицкій отвѣтилъ мнѣ, что изображеній слоновъ между древними предметами изъ Сибири ему неизвѣстно и, во всякомъ случаѣ, въ Эрмитажѣ, кромѣ указанныхъ выше двухъ серебряныхъ щитовъ и только что описанной статуэтки изъ южной Россіи, никакихъ другихъ изображеній слоновъ не имѣется ²⁾.

Такимъ образомъ, никакой аналогіи къ описываемому серебряному идолу, въ числѣ сассанидскихъ вещей, найденныхъ въ Сибири или Приуральѣ, не оказывается. Тѣмъ не менѣе, самый сюжетъ изображенія уже указываетъ на страны южной Азіи, на Индію, или, по крайней мѣрѣ, на область Передней Азіи, гдѣ прирученные слоны были также извѣстны, и откуда они попадали въ качествѣ военныхъ трофеевъ и въ Египетъ ³⁾.

²⁾ А. В. Орѣшниковъ обратилъ мое вниманіе на то, что петельный узоръ на лбу только что описанной статуэтки слона напоминаетъ татарскія тамги XIV в. (напр. на монетахъ Дмитрія Донскаго, Василя Дмитріевича и др.). По словамъ И. Е. Забѣлина такой же узоръ, по всей вѣроятности итальянскаго происхожденія, былъ извѣстенъ и русскимъ въ XVII ст.; онъ называется въ описяхъ „кафимскимъ узломъ“, очевидно отъ Кафы—въ Крыму.

³⁾ Г. Смирновъ сообщаетъ мнѣ, что специально сассанидскихъ изображеній слоновъ, кромѣ извѣстныхъ рельефовъ охоты въ Тахтъ-и-Бостанѣ, на одномъ рельефѣ въ Шапурѣ и на одномъ рѣзномъ камнѣ (у Horn и Steindorf, Sassan. Siegelsteine № 1322, см. „König. Museen zu Berlin. Mitt. aus den Orient-sammlungen. N. IV) ему неизвѣстно. Прирученные слоны изображены на нѣкоторыхъ ассирійскихъ и египетскихъ монументахъ. Въ недавно вышедшемъ изданіи Martin, L'Age de Bronze au Musée de Minoussinsk. 1893, на табл. 27, № 12, находится изображеніе мѣднаго зеркала, вѣроятно китайской работы, съ кольцомъ или ручкой, представляющимъ слона: „L'anneau est remplacé par un petit éléphant fondu du même jet que le miroir“.

Извѣстно, что слонъ играетъ немаловажную роль какъ въ браминской, такъ и въ буддѣйской миѳологіи, и изображенія его встрѣчаются въ числѣ предметовъ культа этихъ религій. Такъ, напр., у буддистовъ, даже въ Монголіи и Забайкальѣ, гдѣ никто живаго слона не видалъ, употребляется большое чучело этого животнаго при одномъ религіозномъ празднествѣ, т. наз. круговращеніи Майдари, когда этотъ бурханъ везется кругомъ монастыря въ колесницѣ, запряженной чучеломъ бѣлаго или зеленаго слона (или зеленой лошади). На престолѣ, въ буддѣйскихъ храмахъ, въ числѣ необходимыхъ священныхъ принадлежностей, помѣщается, между прочимъ, всегда статуэтка слона (монгол. „занъ эрдени“), у котораго на спинѣ водружено восьмирадіусное „хурдэ“, т. е. кругъ— символъ совершенства и молитвы ⁴⁾. Что буддѣйскіе идолы иногда заносились въ Приуралье, доказываетъ находка бронзоваго бурхана, найденнаго около Троицка, Оренбургской губ. и описаннаго (съ приложеніемъ фотографіи) въ „Запискахъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія“. Т. VII, в. 4, 1884 г.

Впрочемъ, изображенія слоновъ (изъ кости, дерева, камня, металла) вообще весьма обыкновенны въ Индіи (и на Цейлонѣ), какъ на историческихъ памятникахъ, такъ и просто въ качествѣ украшеній ⁵⁾, и, судя потому, что описываемая статуэтка лишена всякихъ атрибутовъ, которые бы указывали на какой-либо особый священный ея характеръ, вѣрнѣе думать, что она первоначально не имѣла религіознаго назначенія, а просто была художественнымъ воспроизведеніемъ слона и притомъ (судя по надрѣзаннымъ ушамъ, просящему хоботу и рту)—слона прирученнаго. Гдѣ именно она была сдѣлана и откуда попала въ Приуралье, рѣшить едва-ли возможно, но все заставляетъ полагать, что она была занесена сюда съ юга, изъ Персіи или Бактріи, и, по всей вѣроятности, еще въ ту эпоху, когда сношенія съ этими странами и доставленіе оттуда серебряныхъ художественныхъ издѣлій было болѣе обычно. Впослѣдствіи она могла (можетъ быть и съ серебряными монетами) попасть въ землю, гдѣ и была, вѣроятно, найдена остяками.

Д. Анучинъ.

⁴⁾ Позднѣвъ, Очерки быта буддѣйскихъ монастырей въ Монголіи. Спб. 1887, стр. 88, 387.

⁵⁾ Многія изображенія слоновъ на древнѣйшихъ индѣйскихъ памятникахъ находятся, по словамъ г. Смирнова, въ разныхъ томахъ Archeological Survey of India, Cunningham'a и въ книгахъ Rajendralala Mitra: Buddha-Saga и—Antiquities of Orissa.

II

Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала.

Глубокій интересъ, съ которымъ встрѣчена была повсюду находка Гермеса Праксителя въ Олимпіи,*) объясняется, безспорно, — не говоря уже о высокомъ достоинствѣ группы, — тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь чуть ли не впервые мы встрѣтились не съ копіей, но съ оригиналомъ

Рис. 10

великаго художника Греціи, и притомъ оригиналомъ, хорошо засвидѣтельствованнымъ ¹⁾ и дошедшимъ до нашего времени въ настолько хорошей сохранности, что на немъ можно прослѣдить манеру работать художника, признаваемые имъ для себя обязательными пропорціи тѣла, способъ отдѣлки имъ нагой поверхности его и т. п. Отравляла общую радость только потеря правой руки Гермеса, недававшая возможности сразу объяснить мотивъ поднятаго положенія этой руки и затемнявшая, такимъ образомъ, смыслъ композиціи; чувствовалась утрата и лѣвой руки малютки Діониса, непозволявшая и съ этой стороны рѣшительно заключать о находившемся въ рукахъ Гермеса атрибутѣ; смущали археологовъ и менѣе важные въ глазахъ любителей дефекты ²⁾, имѣвшіе,

однако, существенный интересъ для научнаго изученія группы. Значеніе этихъ утраченныхъ частей ея выяснилось лучше всего и для публики при

*) Для того, чтобы дать возможность читателю удобнѣе слѣдить за нижеслѣдующими соображеніями А. Н. Шварца, прилагается при семъ уменьшенная копія (рис. 10) сохранившихся частей группы Праксителя по сочиненію Ad. Boetticher, Olympia, 2 Aufl. 1886. *Ред.*

¹⁾ Разумѣется извѣстное мѣсто Павсанія V, 17, 3: *χρόνον δὲ ὑστερον καὶ ἄλλα ἀνέθεσαν ἐς τὸ Ἡραῖον, Ἐριῆν λίθου, Διόνυσον δὲ φέρει νήπιον, τὴν γὰρ δὲ ἐστὶ Πραξιτέλους*, на счетъ смысла котораго, кажется, достигнуто полное соглашеніе.

²⁾ Наболѣе полно все сохранившееся изображено на фотографіи, приложенной къ соч. Овербека, *Geschichte der griech. Plastik*, III³ Titelblatt. О неудачномъ изображеніи группы на всѣхъ ксило-лио- и фотографіяхъ говоритъ справедливо S. Reinach *Rev. Arch.* tome XI (1888), p. 1; изданная имъ, однако, гелиография тоже далека отъ совершенства.

В. П. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Рис. 10

...находка
 ... — не говоря уже
 ... что здесь
 ... но съ оригиналомъ
 ... Гречия, в притомъ ориги-
 ... и
 ... время въ настолько
 ... что на немъ можно про-
 ... художника, признава-
 ... пропорция
 ... поверхности
 ... только
 ... подлинная
 ... объяснить мотивъ
 ... и затененная
 ... образомъ, смелая
 ... утрачена и двѣ
 ... Діониса, непо-
 ... рѣшительно
 ... рукахъ Гермеса
 ... и не въ важ-
 ... и живые,

однако, существующая опасность для научнаго изучения древняго искусства этихъ утраченныхъ частей не исключается.

*) Даже тогда, когда мы имеемъ дело съ оригиналомъ, мы должны быть осторожными соображеніями А. В. Шарфа, приведенная при этомъ ссылка на сохранившихся члѣнъ группы Пандіонидовъ по сочиненію Ас. Философа, 1874 г., стр. 106. *Ред.*

1) Работы этой группы известны по Пантанио V, 14, 2, и по Ас. Философу, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, на часть смысла котораго, кажется, достаточно ясно.

2) Наиболее полно все сохранившееся изображеніе этой группы сохранилось у Овербега, *Geschichte der griech. Plastik*, 1870, в изображеніи группы на вѣсѣхъ конзо, живо- и фотографическія изображенія *Rev. Arch.* tome XI (1888), p. 1; издаваніе это, однако, не является совершенствомъ.

I.

Æ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

последовавшихъ съ теченіемъ времени попыткахъ реставраціи этого произведения, предпринятой одновременно нѣсколькими новѣйшими скульпторами (Шверцекомъ, Шаперомъ и др.)³⁾; историки искусства признавали его уже съ самаго начала и, конечно, употребляли съ своей стороны всѣ усилія, чтобы въ существующихъ копіяхъ и подражаніяхъ найти хоть какія либо указанія для рѣшенія представившейся имъ въ этой группѣ загадки. Небольшія бронзы, терракотты, рисунокъ на ручкѣ серебряной чарки, черепки глиняной посуды съ рельефными украшеніями, монеты, словомъ сказать, всякіе, самые мелкіе остатки древнихъ издѣлій, въ которыхъ по той или другой причинѣ думали найти передачу этого памятника искусства⁴⁾, все изучалось самымъ кропотливымъ образомъ, все принималось въ соображеніе для того, чтобы какъ нибудь выяснить затемненный смыслъ столь важнаго произведения.

Какъ извѣстно, вполне истолковать его не удалось и до сего времени; безконечные, повидимому, споры все еще ведутся по этому поводу съ прежней настойчивостью и всякій новый памятникъ, поѣтому, заключающій въ себѣ какой либо намекъ на возможность хоть подойти къ пониманію группъ, можетъ, мнѣ кажется, попрежнему рассчитывать на интересъ и вниманіе.

Полагаю, что даже бѣглый взглядъ на прилагаемый здѣсь снимокъ (см. табл. I: верхній снимокъ представляетъ обѣ стороны монеты въ натур. величину, нижній увеличенъ вдвое) съ римской монеты императорскаго времени долженъ убѣдить всякаго, знакомаго съ ранѣе опубликованными подражаніями⁵⁾, что изображенному на ней рельефу суждено отнынѣ играть выдающуюся роль въ исторіи вышеозначенныхъ попытокъ истолковать и реставрировать группу.

Монета составляетъ собственность Императорскаго Одесскаго Об-

---

³⁾ Реставрація Шапера дана у L. Mitchell, a history of ancient sculpture, 1883, fig. 193; о реставраціи Шверцека см. O. Benndorf) въ послѣсловіи къ статьѣ H. Rollett'a въ Arch. epigr. Mittheil. aus Oesterreich VIII; о происхожденіи реставраціи въ извѣстномъ сочиненіи Laloux et Monceau, Restauration d'Olympie pl. hors texte на стр. 107, мнѣ ничего неизвѣстно.

⁴⁾ Наилучшимъ образомъ всѣ эти остатки собраны и классифицированы въ статьѣ A. H. Smith, The journal of Hellenic Studies, vol. III, p. 81—95, съ изображеніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Свѣдѣнія объ отысканныхъ впоследствии памятникахъ помѣщены въ 2 статьяхъ Вальдштейна, *ibid.*, p. 96 и 107.

⁵⁾ Изъ ранѣе сдѣлавшихся извѣстными монетъ особенно поучительна монета изъ Филладельфій, изданная Бенндорфомъ (Vorlegeblätter für arch. Uebungen, Serie A, Wien, 1879), гдѣ въ правой рукѣ Гермеса находится кадуцей. Свободнымъ подражаніемъ можетъ быть признана монета изъ Фенея, описанная у Смита подъ № 2; монеты, описанныя у него подъ № 13 и 14 ничего общаго съ Праксителейскимъ изваяніемъ не имѣютъ (Гермесъ представленъ на нихъ тоже держащимъ младенца, но сидящимъ). Ср. также F. Imhoof-Blumer, Monnaies grecques 1883, p. 173, 174, 339.

щества Истории и Древностей, но извлечена она на свѣтъ изъ витринъ Музея означеннаго Общества и дѣлается теперь доступной для изученія лишь благодаря любезности А. Л. Бертъе Делагарда, доставившаго ее А. В. Орѣшникову, который и передалъ мнѣ гипсовый слѣпокъ съ монеты для ея опубликованія и разъясненія ея показаній касательно смысла и особенностей группы Праксителя.

Въ нижеслѣдующей замѣткѣ попытаюсь по мѣрѣ силъ исполнить это лестное порученіе.

Препровождая ко мнѣ гипсовый слѣпокъ съ монеты, мой уважаемый другъ даетъ такое нумизматическое ея описаніе:

„Монета изъ свѣтлой бронзы, довольно потертая, чеканена въ Анхіалѣ, на еракійскомъ побережьѣ Чернаго моря (*Ἀγχιάλος, Anchialus*). Вѣсъ ея 8,27 гр.; діаметръ 24 — 25 миллиметровъ. На лицевой сторонѣ, вправо, изображенъ задрапированный бюстъ М. Аврелія Цезаря, и, слѣдовательно, монета бита между 139—161 г. по Р. Хр., къ каковому времени относятся и еще нѣкоторыя монеты съ изображенными на нихъ копіями древнихъ произведеній искусства⁶⁾. Круговая надпись видна только слѣва: . . . . *ΡΗΛΙΟΣΟΥ* . . . .⁷⁾. На обратной сторонѣ изображенъ Гермесъ, опершійся локтемъ лѣвой руки на колонну и держащій на ней малютку Діониса съ простертой впередъ ручкой; въ правой, согнутой у локтя кверху рукѣ, Гермесъ держитъ какой-то предметъ, неясный для глаза вслѣдствіе потертости монеты. Круговая надпись: *ΑΝΧΙΑΛ. ΩΝ* (= *Ἀγχιαλέων*, по нерѣдкой и въ надписяхъ замѣнѣ носоваго γ черезъ ν). Кругомъ всего ободокъ изъ точекъ“.

Спрашивается, что сообщаетъ эта монета историку искусства?

За то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *копіей* какого-то художественнаго изображенія, ручается прежде всего помѣщеніе всей группы и въ монетномъ изображеніи на особой, ясно различаемой базѣ⁸⁾.

Что въ данномъ случаѣ представлена копія именно Праксителевой группы Гермеса съ малюткой Діонисомъ, показываетъ сличеніе монеты съ сохранившимися остатками группы.

⁶⁾ Ср., напр., *Zeitschrift für Numismatik* IX (1882), p. 140 и вообще объ изображеніяхъ художественныхъ произведеній на монетахъ императорскаго времени U. Köhler, *Mittheil. des d. arch. Inst. in Athen* IV (1881), 4, S. 365.

⁷⁾ Ch. Merivale, *Gesch. der Römer unter dem Kaiserthume*, IV, 2, S. 485, ann. 32.

⁸⁾ Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нумизматовъ Германіи D-r K. Weil (*Zeitschrift f. Num.* XIII (1885), S. 404) говоритъ: *Unter den Kennzeichen, aus welchen zu schliessen ist, dass auf dem Münzbild die Kopie eines aufgestellten Kunstwerkes vorliegt, ist das sicherste, wo das Bildwerk unmittelbar in den architektonischen Rahmen gebracht wird; ein anderes Merkmal bildet die Darstellung der Figur auf einer besonderen Basis*—и, кажется, съ нимъ согласны въ этомъ и другіе нумизматы (см. J. P. Six, *ibid.* vol. XIV (1887), S. 142 и J. v. Schlosser, *Wiener Num. Zeitschr.* v. 23 (1891), S. 9).

Но, прежде чѣмъ дѣлать на основаніи этой копіи какія либо заключенія касательно утраченныхъ частей группы, надо, конечно, взглянуть и на то, насколько, судя по этому сличенію, можемъ мы вообще довѣрять точности этого, сохранившагося на монетѣ, изображенія ея. Рѣзчики монетъ, какъ извѣстно, не очень стѣсняются при воспроизведеніи своихъ образцовъ отдѣльными подробностями и съ большой свободой передаютъ не только атрибуты, обстановку и подставки копируемыхъ статуй, но, по необъяснимымъ иногда причинамъ, позволяютъ себѣ даже измѣненія въ позѣ, поворотѣ и пропорціяхъ изображаемой фигуры. Они могутъ, слѣдовательно, ввести въ значительное заблужденіе довѣряющихъ имъ изслѣдователей, коль скоро эти послѣдніе не имѣютъ достаточно матеріала для провѣрки ихъ изображеній.

На этотъ разъ однако наиболѣе твердымъ критеріемъ при сужденіи о вѣрности копіи является самъ, найденный въ Олимпіи, подлинникъ группы Праксителя, хотя я долженъ прибавить, что для правильнаго сужденія о недостаткахъ и достоинствахъ монетнаго изображенія будетъ удобнѣе всего сличать его со снимками группы не en face, но въ томъ положеніи, какъ она представлена, напр., на реставраціи Laloux ⁹⁾ и въ каковомъ она, повидимому, находилась и передъ глазами рѣзчика монеты.

Произведенное, такимъ образомъ, сличеніе показываетъ, что и на этотъ разъ рѣзчикъ монеты не затруднился видоизмѣнить второстепенныя детали: онъ замѣнилъ стволъ дерева, на который опирается у Праксителя Гермесъ, колонной, устранилъ не особенно и въ подлинникѣ нужную ¹⁰⁾ драпировку лѣвой руки бога,—только слабые остатки ея могутъ быть, кажется, различаемы внизу тѣла малютки,—отбросилъ безобразный кусокъ мрамора, соединяющій дерево съ ногой Гермеса ¹¹⁾,

⁹⁾ Русская публика можетъ найти хорошую фототипію съ этой реставраціи, выполненную заведеніемъ К. А. Фишера, въ пересказѣ текста Монсо у К. Мазурина, Олимпія, М. 1892.

¹⁰⁾ Конечно, болѣе, чѣмъ стволъ дерева можетъ она считаться „*a sculptor's accessory*“, по выраженію А. S. Murray (The XIX century, 1880, p. 46).

¹¹⁾ Трей и Овербекъ считаютъ даже, что эта перекладина назначалась только для перевозки изъ Аѣинъ въ Олимпію и осталась до позднѣйшаго времени по недосмотру. Овербекъ и называетъ ее „*hässlich*“ (Griech. Plastik III³, p. 39). Иначе пытается объяснить дѣло Бруннъ (Deutsche Rundschau, Mai 1882, S. 193): художникъ, будто бы, желалъ mit ihrer Hülfe die zwischen Körper und Stamm von oben nach unten klaffende Spalte für das Auge gewissermassen überbrücken. Правильно, однако, говорить про все эти подробности Трей (Treu, Hermes mit dem Dionysosknaben, Berlin, 1878, S. 11): das sind eben Nebendinge, die einer untergeordneten Kraft überlassen bleiben mochten. Оттого и работа ихъ не особенно тщательна; оттого и измѣненіе ихъ на монетѣ ничего не говоритъ противъ достоинства копіи. Греки никогда не относились къ такимъ Nebendinge серьезно. Это будутъ именно тѣ lesser discrepancies Смита, which do not affect the main composition (Smith, 1, с., p. 87).

наконецъ, согласно съ большинствомъ другихъ копій и затрудняемый, быть можетъ, мѣстомъ, понизилъ и согнутую въ локтѣ правую его руку¹²⁾.

Но съ другой стороны передавъ съ большей вѣрностью верхнюю, сохранившуюся и въ мраморной группѣ, часть торса, поворотъ головы и широкія формы груди, правильно понявъ ритмъ всего движенія и удержавъ неестественно малые размѣры ребенка¹³⁾, онъ показалъ, что въ существенныхъ чертахъ онъ старался, по мѣрѣ силъ и возможности, соблюсти главныя особенности подлинника и не рѣшился отступить отъ нихъ въ угоду вкусамъ болѣе поздней эпохи, въ которую суждено было жить ему¹⁴⁾.

Эти послѣднія свойства его ремесленной, но добросовѣстной работы позволяютъ, поэтому, съ достаточной долей довѣрія отнестись и къ другимъ подробностямъ, которыя отличаютъ его копию отъ позднѣйшихъ, повидимому, подражаній нашему сюжету.

По крайней мѣрѣ, для главнаго пункта препирательства между археологами по поводу нашей группы, для вопроса объ атрибутѣ, который слѣдуетъ считать помѣщавшимся въ правой рукѣ Гермеса, свидѣтельство публикуемой теперь монеты можетъ имѣть очень важное значеніе.

Въ настоящее время на этотъ счетъ, собственно говоря, существуютъ два, исключаютъ другъ друга воззрѣнія: одно изъ нихъ помѣщаетъ въ правую руку бога ѳирсъ¹⁵⁾, другое — гроздь винограда¹⁶⁾. Пробовали, правда, вложить въ эту правую руку и какой-либо другой

12) Любопытно, что такое пониженіе правой руки (о „want of space“ и, слѣдовательно, объ „unintentional variation“ въ данномъ случаѣ помышляетъ и А. Н. Smith, p. 89) замѣчается почти во всѣхъ подражаніяхъ и копіяхъ съ нашей статуи. Исключеніе, кажется, представляетъ только вотивный рельефъ изъ Маннгейма и ручка съ серебряной чарки изъ Турина, изображенные у Смита подъ № 4 и 5.

13) О всѣхъ этихъ особенно характеристичныхъ для этой ранней группы Праксителя особенностяхъ лучше всего трактуетъ Бруннъ (Deutsche Rundschau, Mai 1882) и А. S. Murray (a history of greek sculpture II¹, p. 256 sq. и Handbook of greek archaeology, p. 279).

14) Именно въ существенныхъ чертахъ изображеніе нашей монеты менѣ всего является „infected with the Barocco style“, который отмѣчаетъ А. Н. Smith въ другихъ подражаніяхъ.

15) Родоначальникомъ этого воззрѣнія былъ Treu, Hermes mit dem Dionysosknaben S. 6, b. Наиболѣе сочувственно отнесся къ ней Н. Rollet (въ упомянутой статьѣ о черепкѣ изъ Карнунта, S. 229), который „möchte diese Annahme für die natürlichste halten“ и отчасти О. В(enndorf) въ послѣсловіи къ этой статьѣ S. 233, хотя онъ указываетъ и очень вѣское возраженіе противъ нея. Meines Wissens, говоритъ онъ, findet sich auf dem Reste der in die Basis eingelassenen Standplatte der Gruppe keine Spur, die auf den Einsatz eines stabartigen Attribute deuten könnte und natürlicherweise würde man eine solche Spur dort vorauszusetzen haben. Эстетическія соображенія Ф. Адлера менѣ важны. Рѣшить эстетически этотъ вопросъ можно было бы, испытать реставрацію съ ѳирсомъ, denn eine Entscheidung, какъ замѣчаетъ Бенндорфъ, werden nur sehr genaue Proben abgeben können.

16) Мысль о такой реставраціи пришла въ голову Гиршфельду уже при первомъ открытіи статуи. Она пользуется не малымъ сочувствіемъ у археологовъ.

небольшой предметъ, въ родѣ кошелька ¹⁷⁾, кроталь ¹⁸⁾, канѳара или ритона ¹⁹⁾, кадуцей ²⁰⁾ и т. п., но всѣ эти попытки, вызванныя довольно произвольными догадками о значеніи сцены и слабо подтверждаемыя аналогичными произведеніями искусства ²¹⁾, не особенно сочувственно были приняты авторитетными археологами. Онѣ должны были, когда рѣчь заходила о предметѣ небольшихъ размѣровъ, отступать передъ болѣе естественной и понятной для Діониса гроздью винограда точно такъ же, какъ въ противоположной гипотезѣ кадуцей долженъ былъ отступить на второй планъ передъ ѳирсомъ, единственно понятнымъ въ этомъ случаѣ у художника IV вѣка ²²⁾.

И вотъ изъ этихъ двухъ возможныхъ, повидимому, гипотезъ, наша монета рѣшительно свидѣтельствуесть въ пользу реставраціи правой руки Гермеса съ гроздью винограда ²³⁾.

Правда, разсмотрѣть въ настоящее время предметъ, который былъ первоначально въ этой рукѣ бога, возможности уже не представляется, но что это не былъ ѳирсъ, въ этомъ, конечно, сомнѣній быть не можетъ, ибо иначе окончечность его сохранилась бы хоть въ нижней, менѣе потертой части монеты. Къ тому же атрибутъ, который держалъ Гермесъ, возбуждалъ, очевидно, сильное желаніе малютки Діониса, и это ясно видно теперь по протянутой кверху лѣвой рукѣ его, которая тоже не удержалась въ подлинной группѣ, но которой, какъ и предполагали наиболѣе крупные авторитеты, онъ силится достать интересующій его предметъ.

До сихъ поръ, однако, объ этомъ жестѣ только догадывались по положенію всего тѣла малютки ²⁴⁾; теперь мы имѣемъ на этотъ счетъ несомнѣнное показаніе монеты, и, если угодно, это свидѣтельство, ко-

¹⁷⁾ Ad. Boetticher, Olympia, 2 Aufl. 1886, S. 338 sq.

¹⁸⁾ F. Adler, Illustr. Zeitung 1879, N. 1857.

¹⁹⁾ A. Murray, a history of greek sculpture, p. 257 (предположительно). Теперь, основываясь на рисунокѣ изъ Помпей и на двухъ терракоткахъ Британскаго музея онъ стоитъ за гроздь винограда (см. Handbook of greek archaeology, p. 280).

²⁰⁾ A. H. Smith въ не разъ цитованной статьѣ on the Hermes of Praxiteles (Journ. of Hell. stud. III, p. 81—95).

²¹⁾ Говорю о слабомъ подтвержденіи потому, что всѣ эти произведенія представляютъ черезчуръ уже удаленныя подражанія нашей группѣ.

²²⁾ См. O. B(enndorf) l. c. p. 233: ein langes Kerykeion... ist dem Hermestypus des vierten Jahrhunderts fremd.

²³⁾ За кадуцей въ лѣвой рукѣ Гермеса и за вѣнокъ на головѣ его монета не говоритъ ни слова по вполнѣ понятной причинѣ. Первый, при томъ положеніи, которое придано статуѣ на монетѣ, все равно бы не вышелъ; послѣдній, быть можетъ, трудно различить вслѣдствіе потертости монеты. За присутствіе металлическаго вѣнца на головѣ бога я высказался бы по многимъ причинамъ.

²⁴⁾ Совершенно вѣрно выражался S. Reinach, говоря, что le petit dieu réclame son attribut (l. c., p. 2).

торое врядь ли могло быть выдумано добросовѣстнымъ копистомъ, говорить о первоначальномъ мотивѣ поднятой руки Гермеса не менѣе выразительнымъ образомъ, чѣмъ если бы сохранился въ рукѣ самый предметъ, возбуждавшій желаніе Діониса. Ибо если дѣйствительно, какъ теперь чаще всего толкуютъ группу ²⁵⁾, Гермесъ съ Діонисомъ изображены на пути къ нимфамъ, которыя должны воспитать ребенка, и остановились въ лѣсу для того, чтобы отдохнуть отъ пути, Гермесъ долженъ былъ позаботиться во время этой остановки и о пищѣ для мальчика ²⁶⁾, а въ такомъ случаѣ, давъ въ руки старшему богу виноградную кисть, за которой жадно потянулся ребенокъ, художникъ вложилъ въ группу и вполне понятный мотивъ ²⁷⁾ и лучше, чѣмъ какой-либо другой подробностью, характеризовалъ и природу изображеннаго бога.

И не имѣю въ виду, конечно, сказать этимъ, чтобы показаніе на этотъ счетъ монеты должно было имѣть рѣшающее значеніе, но я не усомнюсь утверждать, что мнѣніе противниковъ гипотезы Трея, слабо подтвержденной черепкомъ изъ Карнунта, получаетъ теперь новое и весьма вѣское подтвержденіе.

Указаніе, которое даетъ затѣмъ монета для реставраціи лѣвой ноги Гермеса, на мой взглядъ, тоже должно считаться весьма поучительнымъ.

Вопроса о положеніи ногъ Гермеса обстоятельно касаются только немногіе ученые, изслѣдовавшіе нашу группу, и обыкновенно указыва-

²⁵⁾ См. вмѣсто другихъ цитатъ А. S. Murray, Handbook of gr. arch., p. 279.

²⁶⁾ Съ какимъ бы подозрѣніемъ мы ни относились къ показанію Плинія (Nat. Hist. 34, 87) о группѣ отца Праксителя, Кефисодота, которому, будто бы, тоже принадлежалъ Mercurius Libereum patrem in infantia nutriens, но во всякомъ случаѣ существованіе такого мотива въ греческой пластикѣ доказано этимъ свидѣтельствомъ безъ всякихъ сомнѣній. Если, какъ предполагаютъ, Плиній смѣшалъ здѣсь отца съ сыномъ, то это еще болѣе будетъ говорить за реставрацію нашей группы съ гроздью винограда. Остроумное предположеніе С. Рейнака о смѣшеніи здѣсь Плиніемъ греческаго причастія φέρων (см. мѣсто Павсанія) съ τρέφων не особенно убѣдительно.

²⁷⁾ Возраженіе Вальдштейна противъ такого толкованія съ той точки зрѣнія, что, такимъ образомъ, группѣ придается жанровый характеръ, я не считаю убѣдительнымъ потому, что и въ Апполонѣ Савроктонѣ, напр., такая склонность къ жанру у Праксителя сказывается съ меньшей силой (см. Overbeck, gr. Plastik III Halbband, 3 Aufl., S. 37). Его замѣчаніе о томъ, что въ такомъ случаѣ the relation between child and grapes would be the centre of interest .....while the infant Dionysos is, both in spirit and execution, purely accessory, я не могу принять, несмотря на авторитетъ и Брунна, ибо не рѣшаюсь признать побочнаго значенія Діониса (см. Journ. of Hell. Studies, p. 109). Наконецъ, не надо забывать, что мотивъ этотъ засвидѣтельствованъ не малымъ количествомъ памятниковъ, гдѣ, такимъ образомъ кормить Діониса то Гермесъ, то Панъ или какой-либо другой богъ χορηγοτρόφος (см. F. Imhoof — Blumer, Monnaies grecques 1883, p. 67 et 68, на котораго обращаетъ мое вниманіе А. В. Орѣшниковъ: на изображенныхъ здѣсь монетахъ изъ Кассандрей несомнѣнно гроздью винограда собирается кормить Діониса Ниса, по толкованію Блумера. Поза Діониса особенно на первой монетѣ совершенно подходитъ къ Праксителивой).

ютъ лишь на то, что лѣвая нога его должна была нѣсколько отступить назадъ по сравненію съ правой, на которой главнымъ образомъ покоится тѣло Гермеса ²⁸⁾). Вальдштейнъ, правда, отмѣчаетъ мимоходомъ, что для соотношенія обѣихъ ногъ должны быть приняты во вниманіе указанія одной бронзовой копии съ группы Праксителя въ Луврскомъ музеѣ подъ № 655 ²⁹⁾, но, за неимѣніемъ подъ руками снимка съ этой бронзы ³⁰⁾, я не могу ничего сказать опредѣленнаго объ этомъ предположеніи. Я имѣю возможность, такимъ образомъ, принять пока въ соображеніе только догадки, высказанныя на этотъ счетъ Гейнр. Брунномъ ³¹⁾).

Понимая очень хорошо роль, которую играетъ въ пластическихъ изображеніяхъ фигуръ, если онѣ не представляются падающими или парящими, умѣнье найти правильную точку опоры, которой затѣмъ опредѣляется все положеніе тѣла, и зная, какъ медленно въ этомъ отношеніи совершался въ греческомъ искусствѣ прогрессъ отъ твердо, на обѣ ступни поставленныхъ архаическихъ статуй къ свободнымъ вполнѣ постановкамъ фигуръ позднѣйшей пластики, Бруннъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія этотъ вопросъ при своемъ тщательномъ анализѣ нашей группы; но и онъ, не представляя ея реставраціи, ограничился относительно положенія ногъ Гермеса только общими, такъ сказать, теоретическими соображеніями.

Онъ думаетъ именно, что въ группѣ Гермеса съ Діонисомъ, принадлежащей несомнѣнно къ болѣе раннимъ произведеніямъ художника ³²⁾, Пракситель стоитъ еще и въ этомъ отношеніи на прежней точкѣ зрѣнія, находится подъ вліяніемъ своихъ учителей и, конечно, прежде всего подъ вліяніемъ отца своего Кефисодота. Иными словами, Бруннъ думаетъ, что создавая олимпійскую группу, Пракситель не научился еще вполнѣ пользоваться введенной имъ въ пластику подставкой, не умѣлъ

28) Overbeck l. c. p. 38.

29) C. Waldstein, l. c., p. 108: it *definitely* indicates the position of the legs below the knee that are wanting in the marble.

30) Рисунокъ, который, судя по List of wood - cuts, долженъ сопровождать статью Вальдштейна (to face p. 106) не имѣется, къ сожалѣнію, въ единственно доступномъ мнѣ экземплярѣ Journ. of Hell. Stud. Московскаго Минцъ-Кабинета. Notice des bronzes antiques, составленная A. Longprérier и описывающая эту бронзу какъ Нерона съ младенцемъ Британикомъ на рукахъ, тоже ничего не упоминаетъ о положеніи ногъ на ней.

31) См. особенно въ Deutsche Rundschau, Mai 1882, S. 191 и 192.

32) Это мнѣніе, мастерски развитое на основаніи изученія стилистическихъ особенностей группы Брунномъ, принято и A. S. Murray, находитъ себѣ, между прочимъ, подтвержденіе въ соображеніяхъ С. Рейнака (Revue arch. 1888, p. 3) относительно историческихъ обстоятельствъ, могшихъ вызвать изготовленіе этого произведенія (по Рейнаку оно исполнено около 362 года, когда заключенъ былъ между Аркадіей и Элидой миръ, завершившій кровопролитную борьбу между ними).

еще совершенно освобождать ногу отъ участія въ несеніи тяжести тѣла и, такимъ образомъ, достигать легкости, присущей фигурамъ его позднѣйшихъ произведеній, но что ноги Гермеса представляютъ еще переходъ отъ покойнаго стоянія на одной ногѣ, съ выгнутымъ положеніемъ всего стана, къ такому положенію, при которомъ, благодаря помѣщенію одной руки на внѣ фигуры расположенной подставкѣ, получается уже новая точка опоры для верхней части тѣла. Гермесъ не опирается еще на эту подставку, какъ, напр., Аполлонъ Савроктонъ, который безъ такой подставки долженъ былъ бы пошатнуться; онъ не прислоняется къ ней и такъ, какъ то дѣлаетъ извѣстный Силенъ съ Діонисомъ на рукахъ, который и прямо упалъ бы безъ нея ³³); она нужна Гермесу лишь для того, чтобы поддержать не тѣло, а лѣвую руку, нѣсколько утомленную несеніемъ ребенка.

Этотъ взглядъ Брунна, развитый имъ съ обычной его обстоятельностью, подѣйствовалъ, какъ кажется, всего болѣе на реставраторовъ и, какъ можно видѣть на реставраціи Шапера, съ которымъ въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству Бенндорфа, сходится и Шверцекъ ³⁴), у нихъ положеніе лѣвой ноги Гермеса слѣдуетъ почти вполнѣ Поликлетовскимъ на этотъ счетъ предписаніямъ.

Если вѣрить, однако, монетѣ, Пракситель и въ этомъ раннемъ своемъ произведеніи гораздо болѣе уклонился отъ прежнихъ образцовъ, чѣмъ то рѣшался допускать Бруннъ.

Лѣвая рука Гермеса не служитъ, правда, и согласно съ показаніемъ монеты, для поддержки тѣла; сильно оперся богъ прежде всего на правую ногу, но лѣвая его нога все таки уже вполнѣ является свободной и характеристическій для Праксителя сгибъ въ колѣнѣ и отклоненіе одной ноги въ сторону ³⁵) указываетъ на то, что возлѣ Гермеса поставленная подпорка для него необходима и что появленіе ея и съ этой точки зрѣнія вполнѣ мотивировано.

Прибавить, наконецъ, нужно, что заключеніе Брунна о сравнительной короткости ногъ фигуры, высказанное имъ на основаніи широкаго строенія костей въ ея торсѣ и на основаніи нѣкоторой тяже-

³³) Ср. сопоставленіе этихъ фигуръ (очевидно для разъясненія упомянутыхъ въ текстѣ взглядовъ Брунна) у Lucy Mitchell, a history of ancient sculpture, p. 445, fig. 194 и 195.

³⁴) O. B(enndorf), l. c., S. 231, говоря о реставраціи Шапера, замѣчаетъ: aber in der Hauptsache, in dem Stande der Figur, stimmt sie mit der Ergänzung Schwerzeks vollkommen überein.

³⁵) Какъ извѣстно, въ настоящее время, подъ вліяніемъ Кекуле (Ueber den Kopf des Praxitelischen Hermes, Stuttgart, 1881), съ которымъ согласенъ Бруннъ и отчасти Murray, въ головѣ Гермеса видятъ ближайшее сродство съ головами въ статуяхъ Мирона. Не должны ли мы и въ характеристическихъ позахъ Праксительскихъ статуй видѣть дальнѣйшее развитіе идей того же художника?

лизны всего тѣла Гермеса, отличающаго его отъ другихъ чисто Праксителейскихъ типовъ³⁶⁾), находятъ себѣ въ свидѣтельствѣ нашей монеты весьма любопытное подтвержденіе.

И съ этой стороны, слѣдовательно, изображенный на ней рельефъ является, повидимому, не столько подражаніемъ, сколько копіей, выполненной съ возможной для рѣзчиковъ подобныхъ произведеній точностью.

А. Шварцъ.

Дополненія и поправки къ статьѣ «О змѣвикѣ съ семью отроками»

Вслѣдствіе поспѣшности работы, вкралось въ статью нѣсколько ошибокъ и пропусковъ, которые считаю необходимымъ здѣсь исправить.

На стр. 51 строка 16 сверху слѣдуетъ: ὕστερα вм. ὕστερα.

На стр. 55 строка 24 сверху слѣдуетъ: «въ словѣ **ЕФЪСЬСКЪЕ**» вмѣсто «вм. **ЕФЪСЬСКЪЕ**».

На стр. 55 примѣчаніе 3 слѣдуетъ: «Срезневскій».

На стр. 57 строка 21 сверху слѣдуетъ: ὁ ἄγιος вм. ἄγιος.

На стр. 58 строка 2 сверху слѣдуетъ: «хрыщенни вм. хрыщинни», а не «хрыщенини вм. хрыщинни».

Въ текстѣ надписи на той же страницѣ строка 3 раздѣляются слова такъ: **миръны и оугасн**. Стран. 60 строка 5 сверху слѣдуетъ читать: **кзыдоша на гороз** (а не—на гороу).

Дополненія: 1) Стр. 59 примѣч. 3: **Молитва стѣхъ седмн отроковъ на немощнаго и не спѣнаго** читается во II ч. Требника (л. 1—3, по изд. 1888 г. Москва 16^о).

2) Стр. 55 строка 6 сверху: не прочтенное вполнѣ имя послѣдняго отрока на неаполитанскомъ змѣвикѣ (μα) должно быть восстановлено: Μάλχος такъ какъ въ редакціи сказанія о семи отрокахъ, извѣстной Григорію Турскому, именно вмѣсто Ямвлиха читается *Малхъ*, а вмѣсто Антонина читается *Серапионъ*, какъ и на неаполитанскомъ змѣвикѣ; т. е. въ основѣ послѣдняго и въ основѣ разсказа Григорія Турскаго лежитъ одна и таже редакція сказанія о 7 отрокахъ (см. арх. *Сергія* «Православный мѣсяцесловъ Востока» II, 231).

3) Въ стр. 60 строка 7: отроки проспали не 315, а 372 года (Минологій Василя); эта цифра, по мнѣнію Арх. Сергія (ibid. II, 232), ошибочна, и наиболее близкой къ хронологіи имп. Декія (250) и Θεодосія младшаго (408—450) поправкой должно быть принято 172 года, т. е. годъ пробужденія—432 или 433 (а не 425, 437 и. т. д.).

М. С.

³⁶⁾ Это мнѣніе всецѣло раздѣляетъ и Бенндорфъ въ томъ же мѣстѣ вышеозначенной статьи. Хваля Шапера за то, что его реставраціи ein glücklicheres Ebenmass der Beine eigen ist, indem sie die Unterschenkel um ein Geringes kürzer annahm als in Wien geschehen ist, онъ, между прочимъ, прибавляетъ: die breite Anlage des Ganzen, die schweren Verhältnisse im Körper des Hermes treten hier wie dort verstärkt hervor, und ich bekenne erst durch diese Ergänzungen ganz von einem Sachverhalte überzeugt werden zu sein, welchen Brunn zuerst und von Anfang an mit grosser Bestimmtheit behauptet hatte. Присоединяется къ этому мнѣнію и А. S. Murray въ обоихъ вышецитованныхъ трудахъ своихъ.

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за-границею.

— Для предстоящаго въ Вильнѣ въ 1893 году IX археологическаго съѣзда, по порученію Могилевскаго губернатора тайн. сов. А. С. Дембовецкаго, были произведены въ 1892 г. гг. Фурсовымъ и Чоловскимъ раскопки кургановъ, дневникъ и очеркъ которыхъ изданы отдѣльными брошюрами. Археологическая экскурсія совершена поименованными лицами въ 5 уѣздахъ Могилевской губ.: Рогачевскомъ, Быховскомъ, Чериковскомъ, Климовичскомъ и Мстиславскомъ, лежащихъ въ долинахъ Днѣпра, Сожа, Друти, Прони, Остра и Бесѣди. При поѣздкѣ насчитано было до 350 кургановъ, изъ которыхъ 60 раскопано. Изъ дневника раскопокъ видно, что обрядъ погребенія въ курганахъ въ означенныхъ уѣздахъ смѣшанный: безъ сожженія и съ сожженіемъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ найдены костяки въ насыпи и въ грунтѣ и погребеніе нѣкоторыхъ довольно своеобразное: такъ, въ одномъ курганѣ Рогачевскаго уѣзда съ четырьмя костяками, одинъ лежалъ на доскѣ, остальные—въ грунтѣ; въ другихъ курганахъ того-же уѣзда встрѣтилось погребеніе съ сожженіемъ и съ костякомъ, лежавшимъ ничкомъ, съ руками, закинутыми на голову, которая была обращена на Ю. З. Въ одномъ изъ кургановъ Мстиславскаго уѣзда оказалась могила, выкопанная въ грунтѣ на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина; лежавшій въ ней, головою на З., костякъ имѣлъ раскинутыя руки, помѣщенные въ углубленія, выкопанныхъ въ противоположныхъ бокахъ четырехугольной ямы, такъ что могила имѣла форму четырехконечнаго креста. На костякѣ находилось 6 серебряныхъ проволочныхъ колець, соединенныхъ кожею, къ которой были прикрѣплены привѣски филигранной работы въ формѣ ягодъ; на груди находились бусы изъ сердолика, горнаго хрусталя и стеклянныя съ позолотою; въ полости живота лежалъ золотой четырехконечный крестъ—тѣльничекъ съ финифтью, съ обломаннымъ нижнимъ концомъ (при описаніи имѣется рисунокъ); ниже креста находились металлическіе бубенчики; на правой рукѣ былъ найденъ массивный серебряный браслетъ въ формѣ жгута, на лѣвой—серебряный перстень изящной работы съ синимъ камнемъ (сапфиромъ?),

обхваченнымъ четырьмя лапками паука, какъ бы выползающаго изъ листвы. Около плеча находилась рукоятка ножа, въ ногахъ—черепокъ горшка и кучка углей, которые также были и у черепа. Всѣ цѣнныя украшенія были прикрыты берестой, и надъ могилой, до насыпки кургана, былъ устроенъ сколоченный гвоздями деревянный срубъ. Въ двухъ другихъ курганахъ той-же мѣстности могилы также оказались въ грунтѣ и надъ обоими также были устроены срубы, при чемъ одна имѣла ту особенность, что шла тремя уступами, которые были по горизонтальной линіи выложены дубовыми досками, обернутыми берестой, такъ что могила казалась трехэтажной и каждый этажъ былъ глухо закупоренъ; дно могилы было покрыто густоосмоленной берестой. Характерною чертою обряда погребенія является постановка горшка въ ногахъ (рѣдко при бедрѣ) у костяка женщины и въ головахъ—у мужчины; горшки найдены большею частью цѣлыми, внутри чистыми, иногда закопченными и только въ двухъ случаяхъ горшки заключали остатки чего-то. Если горшки находились разбитыми, то черепки ихъ всегда были разбросаны. Величины горшки разной—отъ самыхъ маленькихъ до объема ведра; покрыты по краю орнаментомъ. При костякахъ найдены желѣзные топоры, желѣзные ножи съ костяными и деревянными рукоятками, серебряныя височныя кольца, шейныя гривны, серьги въ формѣ колець и проч. Въ одномъ изъ кургановъ въ им. Лутчицы, Быховскаго уѣзда, въ 1½ в. отъ Днѣпра, найденъ костякъ, головой на З., съ вытянутыми вдоль туловища руками; на груди найдено много бусъ, а у лѣвой руки—тщательно завернутое въ кору и прикрытое дощечками бронзовое изображеніе челоуѣка, по словамъ г. Чоловскаго, производившаго раскопку,—скиѳа, оригиналомъ которому (по тому-же объясненію) послужило одно изъ изображеній скиѳовъ на Чертомлыцкой вазѣ. Приложенный рисунокъ представляетъ грубо сдѣланнаго мужчину въ одеждѣ до колѣнъ, съ мечемъ съ правой стороны и съ кольцомъ въ видѣ жгута въ правой рукѣ; по работѣ и по композиціи фигура ничего общаго не имѣетъ ни съ однимъ изображеніемъ Чертомлыцкой вазы. При поѣздкѣ по Могилевской губ. гг. Фурсовъ и Чоловскій не ограничивались исключительно изслѣдованіями кургановъ, но также замѣчали все интересное въ археологическомъ отношеніи. Такъ, въ 4 в. отъ м. Петровичи, Климовичскаго уѣзда, осмотрѣнъ камень съ фигурами и буквами—надгробный, по ихъ отзыву. Въ Кричевѣ у г. Голынскаго осмотрѣнъ архивъ, къ сожалѣнію находящійся въ хаотическомъ безпорядкѣ, но цѣнный по имѣющейся въ немъ перепискѣ Потемкина съ разными лицами, по планамъ его владѣній въ Бѣлоруссіи, портретомъ импер. Екатерины въ старости и самого Потемкина.

— А. И. Черепнинъ, изъ Рязани, сообщилъ редакціи слѣдующую замѣтку: „Въ 1892 году, въ концѣ іюля мѣсяца, на строящейся Московско - Казанской жел. дор., на 35 верстѣ отъ г. Рязани, близъ с. Пальное, на правомъ берегу р. Оки, рабочіе, прорывая выемку для желѣзнодорожнаго пути, случайно открыли древнее кладбище, мѣсто-нахожденіе котораго представляетъ уединенный песчаный бугоръ, свыше ста сажень длиною, съ двумя выдающимися на поверхности его возвышеніями, имѣющими форму кургановъ. Выемка пролагалась по скату бугра. На глубинѣ отъ 1—2 аршинъ отъ поверхности земли, рабочіе находили человѣческія кости, волоса, остатки ткани, дуба, желѣзное оружіе, бронзовыя украшенія, бусы и проч.

Найденныя вещи (вѣроятно не всѣ) были отправлены хозяину артели землекоповъ, М. М. Селиванову. Селивановъ пригласилъ меня осмотрѣть ихъ. Находка, въ полномъ своемъ составѣ, представляла поразительное сходство съ вещами изъ Курманскаго могильника (раскопан. въ 1888 г. гр. Θ . А. Уваровымъ) и Борковскаго (раскоп. въ 1892 г., по порученію Импер. Археол. Ком., членами Рязанской учен. арх. ком.—А. В. Селивановымъ, А. И. Черепнинымъ и В. А. Городцовымъ): тѣ же бронзовыя круглыя и плоскія шейныя гривны, бронз. браслеты изъ толстой бронз. проволоки, со звѣриными головками на концахъ, и пластинчатые плоскіе, съ расширенными концами и линейнымъ орнаментомъ, большія бронз. височныя кольца, круглыя пятилопастныя височныя подвѣски, спиральныя кольца, крупныя луновидныя привѣски, мелкія трубчатыя, колокольчатыя и трапецевидныя привѣски, бронз. пряжки; большія, круглыя сплошныя и ажурныя фибулы; односторонніе желѣзные мечи, длина клинка около 15 дюйм., безъ рукоятки, ширина по срединѣ клинка — около 1 дюйма, (видѣлъ три меча); желѣзные наконечники копій и дротиковъ, разной формы и величины, самый большой наконечникъ копья, съ удлинено-листообразнымъ перомъ, имѣетъ $9\frac{1}{2}$ дюйм.; другое копье, формы удлиненаго въ одну сторону ромба, имѣетъ 8 д.; желѣзные топоры разной величины (подобныя найдены были въ Курманскомъ и Борковскомъ могильникахъ), имѣющіе форму массивнаго долота, отчасти напоминаютъ древніе бронз. кельты; меньшіе курганнаго типа желѣзные ножи; красныя бусы изъ композиціи, стеклянныя, внутри посеребренныя; остатки женскихъ косъ, заплетенныхъ въ три пряди, и кучки волосъ, скрученныя въ одну прядку, волоса черныя; меньшіе кусочки темной шерстяной ткани, на одномъ кускѣ удержались двѣ средней величины бронз. пряжки и остались на ткани слѣды двухъ другихъ отпавшихъ пряжекъ; крупныя бусы и мелкія бронз. привѣски навязаны на ремеш-

кахъ, представляющихъ изумительную сохранность: не имѣя полной увѣренности, что ремешки пробыли въ землѣ болѣе 1000 лѣтъ, можно было-бы думать, что они пролежали 30 — 40 лѣтъ въ могилѣ; мелкія бусы нанизаны на шерстяныхъ и шелковыхъ тонкихъ шнуркахъ. Въ одной могилѣ, вмѣстѣ съ бронзов. вещами, былъ найденъ небольшой шарообразный камень (плотный известнякъ), съ остатками окиси бронзы на поверхности его; камень, повидимому, обдѣланъ рукою человѣка; вѣсъ его 25¹/₂ золотниковъ.

М. М. Селивановъ любезно предложилъ мнѣ часть находки. Полученныя вещи переданы мною въ Рязанскій музей.

Цѣлый рядъ однородныхъ могильниковъ, раскинутыхъ по берегамъ Оки на протяженіи свыше 220 верстъ, представляетъ интересные бытовые остатки древняго населенія Рязанской области. Въ настоящее время мы еще не знаемъ границъ этой области, — Курманскій и Кузьминскій (этотъ послѣдній — гадательно) могильники пока представляютъ крайніе, извѣстные намъ пункты; и только дальнѣйшія изысканія по берегамъ Оки и ея притоковъ могутъ указать настоящія границы древнерязанской области. Сообщая въ 1891 году Рязанской учен. арх. ком. о Борковскомъ могильникѣ, я упоминалъ о важномъ значеніи археологическихъ изслѣдованій по Окѣ. Почти ежегодныя открытія памятниковъ глубокой старины невольно привлекаютъ вниманіе къ этой мѣстности. Здѣсь зачался и постепенно развился зародышъ Великорусскаго народа; древнее населеніе Окскаго бассейна вошло въ него, какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ. Понятно, какіе важные результаты можетъ дать для древней русской исторіи систематическое изслѣдованіе древнихъ кладбищъ, городищъ и другихъ остатковъ старины, разбросанныхъ въ такомъ изобиліи по берегамъ рѣки Оки и ея главныхъ притоковъ.

Въ Рязанской губ., по Окѣ, изслѣдованы только два древнѣйшихъ могильника: Курманскій и Борковскій. Оба могильники доставили немало цѣннаго матеріала; и тѣмъ не менѣе, на основаніи найденнаго въ нихъ, мы не можемъ еще сдѣлать научно обоснованныхъ заключеній ни о времени, къ которому относятся названные могильники, ни о племенномъ составѣ населенія, оставившаго ихъ. Пока возможны только одни предположенія, болѣе или менѣе достовѣрныя, о томъ и другомъ.

Остальные могильники — Старорязанскій (мѣстонахожденіе котораго до сего времени не опредѣлено, хотя имѣется много вещей изъ него, доставленныхъ мѣстными крестьянами), Пальновскій и Кузьминскій ждутъ изслѣдованій и съ каждымъ годомъ разрушаются природою и людьми.

Въ русской исторіи укоренилось много положеній, не имѣющихъ реального значенія; они держатся въ наукѣ благодаря нашему равнодушію къ древнимъ вещественнымъ памятникамъ. Эти послѣдніе могли бы придать дѣйствительный смыслъ тѣмъ словамъ, которыя въ настоящее время представляютъ пустой звукъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что мы знаемъ о Ростовской, Муромской и Рязанской языческихъ областяхъ? Кто такіе были меря, мурома, мордва, черемисы? Финскія племена, отвѣчаютъ намъ историки, короткоголовые — говорятъ антропологи. Между тѣмъ, въ кладбищахъ, которыя несомнѣнно оставлены древнѣйшими обитателями Окскаго бассейна, т. е. такъ называемыми финскими племенами, находятъ длинноголовые черепа, открываютъ разнохарактерныя погребенія, которыя, относясь къ одной эпохѣ, не могутъ принадлежать одному и тому же племени, и очень внушительно указываютъ на разноплеменность здѣшняго древняго населенія“.

— Замѣчательная находка недавно была осмотрѣна („Сѣв. Кав.“) г. атаманомъ Майкопскаго отдѣла въ необитаемыхъ верховьяхъ рѣки Б.-Лабы (въ Куб. обл.).

Одинъ изъ жителей ст. Андрюковской, охотясь въ верховьяхъ р. Б.-Лабы, недалеко отъ поляны, на которой была когда-то ст. Пименская, случайно открылъ отверстіе въ каменистомъ берегу большаго обрыва, оказавшееся могилой съ засохшимъ трупомъ какого-то древняго воина. Эта находка и была предметомъ осмотра г. атамана Майкопскаго отдѣла. Судя по мѣсту могилы, мало доступному въ настоящее время для человѣка, надо полагать, что трупъ лежитъ въ ней уже не одно столѣтіе и, несмотря на это, онъ такъ хорошо сохранился, что тлѣнія нигдѣ рѣшительно нельзя было замѣтить, и только одни волосы отпали съ головы, когда трупъ начали вытаскивать изъ могилы. Къ несчастью, едвали удастся опредѣлить время жизни и національность покойника, такъ какъ признаки, по которымъ можно бы было это сдѣлать — металлическій шлемъ, оружіе и костюмъ, бывшіе на покойникѣ, гораздо раньше сняты съ него г. Nosca, австрійскимъ подданнымъ, проживающимъ въ ст. Псебайской, и отправлены въ Австрію.

Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой археологической находки, какъ памятникѣ мало извѣстной исторіи Кавказа. (Нов. Вр. № 6084, 1893 г.).

— Въ Австріи, въ двухъ часахъ ѣзды на пароходѣ внизъ по Дунаю отъ Вѣны, на правомъ берегу исторической рѣки, находится древній тевтонскій городъ Альтенбургъ, гдѣ пароходы на короткое время останавливаются. Противоположный альтенбургской пристани берегъ скалистъ, крутъ и достигаетъ высоты 105 футовъ. Здѣсь находятся

обширныя каменоломни, откуда добывается матеріалъ, необходимый для работъ по урегулированію гирль Дуная. На вершинѣ скалъ сохранились остатки древняго вала, который недавно изслѣдованъ германскими археологами. При произведенныхъ раскопкахъ обнаружилось, что этотъ валъ — огромная, землею прикрытая стѣна, состоящая изъ мощныхъ балокъ, сложенныхъ въ видѣ рѣшетки. Валъ, вмѣстѣ со стѣною, возникъ, по мнѣнію археологовъ, нѣсколько [позднѣе первыхъ римскихъ походовъ на Европу. При раскопкахъ здѣсь найдено, между прочимъ, изображеніе персидскаго божества Митры, въ фригійскомъ колпакѣ въ туникѣ и плащѣ; на колѣняхъ у него опрокинутый телець, которому онъ вонзаетъ ножъ въ горло — символъ силы солнца, когда оно вступаетъ въ знакъ тельца. Тутъ же найдено шесть жертвенниковъ, передъ которыми приносились язычниками обѣты. При дальнѣйшихъ раскопкахъ отрыли множество каменныхъ плитъ съ надписями; найдены также монеты, римскій серпъ со знакомъ LX легіона, осколки огромныхъ средневѣковыхъ сосудовъ изъ графита, оружія и крайне рѣдко встрѣчающіяся желѣзныя латы XII-го столѣтія, съ прекрасно сохранившимися масками, и т. п.

На землѣ, принадлежащей теперь городскому обществу Альтенбурга, находились нѣкогда римскій лагерь, амфитеатръ и термы или бани. Здѣсь теперь отрытъ цѣлый городъ. Отчетливо сохранились положенныя улицы, полъ бывшихъ огромныхъ бань и разныя приспособленія для нагрѣванія пола и воды. Полъ покоится на квадратныхъ кирпичныхъ колонкахъ, а внутреннія стѣны бани построены изъ кирпича, сложеннаго въ видѣ рѣшетки, для свободнаго пропуска внутрь бани нагрѣтаго воздуха. Въ разстояніи четверти часа пути, вправо отъ лагерь, недавно обнаруженъ римскій амфитеатръ — огромное овальное непокрытое зданіе, состоящее изъ двухъ соединенныхъ между собою театровъ, съ помѣщеніемъ для ристалища. Величественныя развалины амфитеатра и теперь еще сохранили первоначальный видъ. На арену, находящуюся посрединѣ, ведутъ, по длинѣ оси эллипсиса, два широкихъ входа: восточный и западный. У восточнаго находится жертвенникъ, который былъ посвященъ Немезидѣ. Арена — длиною до сорока и шириною до двадцати пяти сажень; кругомъ ея идетъ массивная каменная ограда, а позади возвышаются ступеньками ряды сидѣній для народа. Лѣстницы, ведшія къ этимъ сидѣньямъ, открывались наружу подъ колоннадами, которыми окружено все зданіе. Амфитеатръ вмѣщалъ около 8,000 зрителей; прекрасно сохранились ложа императора, а противъ нея — двери, черезъ которыя выносили растерзанныхъ звѣрями гладіаторовъ. Посрединѣ арены оказался бассейнъ съ отводнымъ каналомъ для воды, очевидно позднѣйшаго происхожденія.

Въ незначительномъ разстояніи отъ амфитеатра тянется крѣпостной валъ. Произведенныя здѣсь раскопки обнаружили развалины форума съ портиками, множества великолѣпныхъ зданій, языческаго храма со статуею генія и, наконецъ, огромнаго запаснаго цейхгауза, длиною до пятидесяти и шириною до двадцати сажень. Все это наглядно свидѣтельствуешь о важномъ значеніи для римлянъ этого укрѣпленнаго города. Какъ видно изъ надписей на сохранившихся плитахъ, укрѣпленный лагерь заложенъ XV легиономъ по распоряженію императора Веспасіана, а затѣмъ, когда постройки были закончены, императоръ Адрианъ перевелъ сюда XIV легионъ — „*gemina martia victrix*“ — покорившій Британію.

По близости отъ развалинъ лагеря, въ имѣніи Петронелли, принадлежащемъ графу фонъ-Абенспэргу, въ паркѣ, гдѣ помѣщается звѣринецъ, съ разрѣшенія владѣльца, недавно приступлено къ раскопкамъ, которыя уже дали замѣчательные результаты. Сначала открыли храмъ Юпитера, въ которомъ найдена превосходная мраморная статуя этого бога, а затѣмъ, при дальнѣйшихъ усиленныхъ раскопкахъ, открытъ цѣлый городъ, — древній Карнунтъ, нѣкогда служившій резиденціею римскаго намѣстника Панноніи. Уже открыта цѣлая улица, съ прекрасными зданіями, магазинами и многочисленными храмами, въ одномъ изъ которыхъ оказалось двадцать пять языческихъ жертвенниковъ. Дома удивительной архитектуры, съ мозаичными полами, художественною стѣнною живописью, каминами для отопленія, такъ что, по мнѣнію археологовъ, Карнунтъ уступаетъ Помпеѣ одними только размѣрами.

Нѣсколько въ сторонѣ найдены массивные саркофаги, позади которыхъ обнаруженъ огромный высоты каменный сводъ въ видѣ триумфальныхъ воротъ. Подъ ними оказался колоссальный памятникъ, еще не совсѣмъ открытый. Работы по раскопкамъ въ этой мѣстности начались еще, сравнительно, недавно, а между тѣмъ, количество археологическихъ находокъ весьма велико. Какъ императорскій музей древности, такъ и общественные и частные музеи въ Вѣнѣ наполнены предметами древности, добытыми въ Карнунтѣ.

Львиная доля добычи очутилась въ частномъ владѣніи графа фонъ-Абенспэрга и сосѣднихъ землевладѣльцевъ, а въ особенности у г. Людвигсдорфа, который собралъ богатѣйшій музей изъ предметовъ, открытыхъ въ его помѣстьи. Въ этомъ музеѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе огромная мраморная статуя (безъ головы) неизвѣстнаго царя въ одѣяніи жреца Ваала, приносящаго въ жертву ребенка. У ногъ статуи помѣщены бюсты Венеры и Амура изъ слоновой кости. Рядомъ съ означенной статуей видна художественная бронзовая статуя танцов-

щицы. Впереди статуй размѣщены военные знаки и доспѣхи XIV легиона: ключи, кубики, плиточки съ военными девизами, треножники и золотой замокъ съ загадочною надписью: FELICESTVN. Кромѣ того, въ музеѣ собрано множество статуэтокъ и бюстовъ римскихъ императоровъ и боговъ, и проч.

Долгое время Карнунтъ считался одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей римскаго государства, но подъ стѣнами крѣпости неожиданно появились воинственные и могущественные квады — древній германскій народъ — и разрушили ее. Возстановленный и снова укрѣпленный, Карнунтъ въ 166 г. снова подвергся нападенію другаго, не менѣе воинственнаго германскаго племени, и — городъ вторично былъ разрушенъ, несмотря на то, что „осажденные, для умиловленія боговъ, бросили въ волны Дуная двухъ львовъ“. Побѣдители проникли до Аквилей, но здѣсь въ кровопролитномъ сраженіи съ римскими войсками, разбитые на-голову Маркомъ Авреліемъ, бѣжали. Послѣ побѣды, Маркъ Аврелій пробылъ въ Карнунтѣ три года; въ этомъ же городѣ Септимій Северъ объявленъ императоромъ и одно время въ Карнунтѣ пребывали императоры: Діоклетіанъ, Максиміанъ и Галерій, признавшій здѣсь Лицинія августѣйшимъ. Вскорѣ началось движеніе народовъ съ востока въ Европу, затѣмъ двинулись съ запада на востокъ, по развалинамъ же Карнунта, крестonosцы и, наконецъ, нагрянули съ востока турки. Всѣ они топтали почву, поглотившую славный тысячелѣтній римскій городъ. (Прав. Вѣстн. № 23, 1893 г.).

— Вниманіе всѣхъ паломниковъ и путешественниковъ, поднимающихся въ Палестинѣ на Елеонскую гору, гдѣ высится храмъ въ честь Вознесенія Господня, всегда привлекала изящная мозаика, находящаяся въ одной изъ комнатъ дома, расположеннаго на востокъ отъ церкви. Знатки дѣла всякій разъ со вниманіемъ разсматриваютъ мозаическія фигуры: рыбъ, пѣтуха, агнца и виноградъ. Еще большее, конечно, впечатлѣніе произведетъ недавно открытая полная мозаическая картина, которая находится между Вознесенскою церковью и домомъ.

Открыта эта мозаика совершенно случайно: работнику понадобилось земли, онъ сталъ копать ее и нашелъ мозаику, которая является надгробнымъ памятникомъ, что видно изъ первыхъ словъ сохранившейся на ней надписи: „Айс хишатакаранъ“. По объясненію свѣдущихъ армянъ, „хишатакаранъ“ означаетъ не просто памятникъ, а по преимуществу надгробный. Новая мозаика состоитъ изъ трехъ отдѣльных картинъ, соотвѣтствующихъ, вѣроятно, расположенію подземныхъ помѣщеній. Первая картина — продолговатая; она имѣетъ около 5 квадратныхъ аршинъ съ бордюрами и состоитъ изъ 35 (семь въ длину и пять

въ ширину) мозаическихъ взаимно-пересѣкающихся круговъ. Вторая и главная мозаика имѣетъ въ длину 5 аршинъ безъ двухъ вершковъ, въ ширину 4 аршина безъ 5 вершковъ, и представляетъ художественную по исполненію, чудную по замыслу и разнообразнѣйшую по содержанію картину. Всѣхъ фигуръ—35 (семь въ длину и пять въ ширину). Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ птицы — каждаго изъ 12-ти видовъ по парѣ. Рядомъ съ птицами — нѣсколько фигуръ рыбъ. Изъ царства растительнаго взяты гранаты, арбузы, виноградъ. Вмѣстѣ всѣ эти фигуры представляютъ одно изящное цѣлое и окружены роскошнымъ бордюромъ. Въ сѣверо-западномъ углу этой мозаики, внѣ бордюра, видно какое-то углубленіе, выложенное тоже мозаикой. Сначала было непонятно назначеніе его, но когда стали мыть мозаику, то поняли, что это углубленіе сдѣлано для стока воды. Вся мозаическая картина имѣетъ нѣкоторый наклонъ къ сѣверо-западу. Третья мозаическая картина имѣетъ видъ меньшаго (около $1\frac{1}{2}$ аршинъ) параллелепипеда, окруженнаго мозаическими звѣздами. Она лежитъ къ сѣверо-востоку отъ второй большой картины и образуетъ съ нею прямой уголъ. Между второй и третьей картинами находится надпись на армянскомъ языкѣ — изъ 8 словъ, расположенныхъ въ $3\frac{1}{2}$ строкахъ. Хотя надпись сохранилась вполне, но читается съ трудомъ. Только послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ чтеній, учителя армянской семинаріи установили одно чтеніе и пониманіе этой надписи, а именно: „Этотъ памятникъ (надгробный) господина (тьярена) Якова, который былъ сдѣланъ по просьбѣ (дословно — спрашиваемую рукою)“. Армянское слово „тьярена“ не обозначаетъ господина въ обыкновенномъ смыслѣ, какъ у французовъ *monsieur*, — а оно обыкновенно употребляется въ обращеніи къ архіереямъ, къ патриархамъ, какъ у грековъ *δεσπότης*. Первый выводъ, такимъ образомъ, изъ вновь открытой надписи тотъ, что это надгробный памятникъ архіерея Якова. Кто былъ этотъ Яковъ, къ какому времени относится памятникъ, — въ надписи указаній не имѣется.

Вопросъ о времени вновь открытой мозаики, нѣкоторымъ образомъ, выясняется изъ особенностей надписи и сравненія этой мозаики съ прежде открытыми. Армянскій архіерей Аства-Цатуръ, авторъ двухтомной исторіи Іерусалима, законченной въ прошломъ году, имѣетъ оттиски всѣхъ армянскихъ надписей въ Палестинѣ. По его словамъ, достаточно взглянуть на вновь открытую надпись, чтобы во всемъ памятникѣ видѣть работу V или начала VI столѣтія. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ этого времени замѣчается одна особенность въ начертаніи буквъ (круглость ихъ) и слитность словъ. Эти двѣ особенности нашли полное подтвержденіе во вновь открытой надписи. Не требуется также большой

прозорливости и догадливости, чтобы видѣть большое сходство вновь открытой мозаики съ мозаикой, находящейся въ комнатѣ. Фигуры, бордюры, самая работа первой мозаики напоминаютъ вторую. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что обѣ эти мозаики дѣло рукъ одного мастера, а слѣдовательно, и одновременны. О мозаикѣ же находящейся въ домѣ, составилось общее мнѣніе, что она относится къ V столѣтію.

Мнѣніе, что мозаика, открытая на Елеонѣ, принадлежитъ къ V и VI вѣкамъ, согласно съ показаніемъ исторіи. Въ эту эпоху замѣчался, по словамъ „Церк. Вѣстн.“, необыкновенный приливъ армянъ въ Іерусалимъ. Недавно напечатанъ армянскій документъ VIII вѣка, представляющій перечень армянскихъ монастырей въ Іерусалимѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Въ то время армяне имѣли 70 монастырей. Вторымъ изъ этихъ монастырей поставленъ „монастырь Панталеона, который былъ освященъ во имя Предтечи, находился на востокѣ Елеонской горы и былъ устроенъ на царскія милости“. Естественна мысль, что болѣе знатные армяне устраивали себѣ могилы и выкладывали полы мозаикой около этого Предтеченскаго царскаго монастыря, который процвѣталъ до нашествія Хозроя. Этотъ страшный опустошитель разрушилъ всѣ христіанскіе памятники въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ.

Печальная участь постигла и Елеонскій Предтеченскій монастырь: на мѣстѣ царскихъ зданій оказалась груда мусора, подъ которымъ до нашихъ дней и сохранялись прекраснѣйшія мозаики. (Прав. Вѣстн., № 39, 1893 г.).

— Нѣмецкая „Presse“ (№ 50, 1893 г.) сообщаетъ, что новый директоръ египетскихъ музеевъ въ Каиро Морганъ нашелъ въ Сахарѣ близъ Серапеума двѣ великолѣпныя деревянныя статуи временъ фараоновъ, строителей пирамидъ. Въ высшей степени реальное выраженіе лицъ далеко превосходитъ всемірно - извѣстнаго „Шехъ-ель-Беледа“ (сельскій староста), находящагося въ каирскомъ музеѣ. Деревянная статуя „Шехъ - эль - Беледа“, вырытая 30 лѣтъ назадъ въ той - же мѣстности Маріэттомъ, занимала въ исторіи искусствъ выдающееся положеніе, которое теперь будетъ оспариваться вновь найденными, возбуждающими всеобщее удивленіе, статуями, которыя теперь переправлены къ гробницѣ Ти, извѣстной всѣмъ путешественникамъ. находка эта представляетъ новое доказательство, что сколько еще археологическаго богатства хранить въ себѣ песокъ пустыни.

— „Presse“ (№ 66, 1893 г.) со словъ „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik“ сообщаетъ объ открытіи въ Америкѣ

„Помпеи“: недавно, въ 3-хъ километрахъ къ востоку отъ Сантьяго делосъ Кабаллеросъ, одного изъ значительнѣйшихъ городовъ Гватемалы, у подошвы вулкана Агуа, найденъ засыпанный городъ. Донъ Альворадо, землевладѣлецъ въ этой мѣстности, случайно нашель нѣсколько предметовъ, имѣвшихъ, большое сходство съ домашнею утварью, которую употребляли туземцы во времена открытія Новаго Свѣта. Предпринятія на мѣстѣ находки раскопки дали на глубинѣ отъ 2-хъ до 5 метровъ цѣлую кучу интереснѣйшихъ предметовъ—домашнюю утварь, фаянсовую посуду, стеклянную посуду, покрытую краскою и рѣзьбой, вазы, кухонные горшки—все прекрасной сохранности. Также были вырыты топоръ, молотки, сабли, ножи и наконечники копій изъ оникса, короче сказать, цѣлый рядъ оружія, бывшаго въ тѣ времена въ употребленіи у Индѣйцевъ. Найдена была цѣлая масса глиняныхъ разрисованныхъ божковъ, жемчужинъ, бирюзы и разныхъ цѣнныхъ камней, круглой шлифовки, и нанизанныхъ въ ожерелья. На нѣкоторыхъ стеклянныхъ сосудахъ находятся очень хорошо сдѣланные рисунки съ гіероглифическими надписями и съ орнаментами, исполненными прозрачными красками. Найденныя статуи изъ прекраснаго чернаго базальта, свидѣтельствуютъ о значительной техникѣ, чѣмъ болѣе это удивительно, что для обработки были употребляемы каменные орудія, такъ какъ при раскопкахъ не найдено ни одного металлическаго предмета. Это послѣднее обстоятельство заставляеть высказать предположеніе, что находки относятся къ каменному вѣку, который, во всякомъ случаѣ, въ Америкѣ продолжался дольше, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ. Уже на глубинѣ 1½ метра наткнулись на стѣны домовъ древняго города и на глубинѣ фундамента нашли цѣлую кучу расположенныхъ въ безпорядкѣ человѣческихъ костяковъ, частью въ сидячемъ положеніи, частью лежащихъ на спинѣ или навзничь. Доисторическая раса, населявшая открытый городъ, была, какъ показываютъ костяки, очень высокаго роста: костяки имѣли до двухъ метровъ длины. Положеніе костяковъ, равно какъ и состояніе развалинъ, позволяютъ заключить, что городъ исчезъ съ лица земли вслѣдствіи изверженія вулкана.

IV

Разныя извѣстія.

— Объ открытіи въ Новгородѣ въ нынѣшнемъ году Музея „Моск. Вѣд.“ (№ 21) сообщаютъ слѣдующее: „17 января, въ Новгородѣ, въ присутствіи губернатора, высокопреосвященнаго архіепископа Теоноста, губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, всѣхъ гласныхъ губернскаго земства и городской думы освящено зданіе новгородскаго музея древностей. При открытіи музея, новгородскій губернаторъ А. Н. Мосоловъ, какъ сообщаетъ „Правительственный Вѣстникъ“, сообщилъ въ краткихъ словахъ исторію возникновенія музея, упомянувъ что около 30 лѣтъ тому назадъ скончавшійся недавно протоіерей отецъ Николай Богословскій, при содѣйствіи тогдашняго начальника губерніи, покойнаго Э. В. Лерхе, положилъ начало собранію памятниковъ старины, преимущественно новгородской. Въ 1878 г. Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи обратили вниманіе на богатство собранныхъ отцомъ Николаемъ коллекцій и своими пожертвованіями положили основаніе новгородскому музею. Вниманіемъ и трудами нынѣшняго губернатора это учрежденіе значительно пополнено и будущее его развитіе обезпечено устройствомъ приличнаго зданія и открытіемъ при немъ бібліотеки для облегченія научныхъ работъ по исторіи, археологіи, статистикѣ и этнографіи края. Основаніе музея нашло сочувственный откликъ во всемъ новгородскомъ обществѣ: новгородское дворянство, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, помогло музею не только денежными пожертвованіями, но и цѣнными вкладами изъ своихъ семейныхъ архивовъ; городское общество уже выразило свою признательность устроителямъ музея особымъ постановленіемъ, которымъ обезпечивается, въ нѣкоторой мѣрѣ, дальнѣйшее существованіе музея; наконецъ, въ средѣ сочувствующихъ этому дѣлу лицъ возникаетъ Новгородское Общество Любителей Древности. Отраднымъ явленіемъ въ жизни музея является также то обстоятельство, что ко времени его открытія, во главѣ новгородской паствы, поставленъ архипастырѣ, извѣстный своею любовію къ сохраненію памятниковъ древности“.

Ко дню открытія музея вышло „Краткое описаніе Новгородскаго Музея“, составленное гг. Ласковскимъ и Лашковымъ (изданіе нов-

городскаго губернскаго статистическаго комитета), изъ историческаго очерка котораго видно, что музей помещается въ Златоустовской башнѣ новгородскаго дѣтинца и пристроенномъ флигелѣ, соединенномъ съ башнею особымъ зданіемъ. Зданіе выстроено въ „теремномъ“ характерѣ и украшено снаружи старинными изразцами, а наружныя двери сдѣланы по образцу дверей углицкой церкви св. Димитрія царевича. Внутри одинъ изъ входовъ расписанъ фресковой живописью по рисункамъ Новоладожской церкви XII вѣка. Музей распадается на слѣдующіе отдѣлы: церковный, историческій, бытовой, оружіе, образцы письменности и книги, строительный, нумизматическій и „раритеты“. Въ церковномъ отдѣлѣ особаго вниманія заслуживаютъ фрески XV или начала XVI в., перенесенныя изъ церкви пр. Сергія, на Владычномъ дворѣ, изображающія житіе преподобнаго, количествомъ 13. Въ числѣ иконъ „Краткое описаніе“ отмѣчаетъ нѣсколько иконъ московскихъ писемъ, изображающихъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, Отечество и „Всякое дыханіе“. Изъ нѣсколькихъ рѣзныхъ церковныхъ предметовъ музея XVII вѣка (по опредѣленію авторовъ „Краткаго описанія“) описаны: Христосъ въ темницѣ, св. Ниль Столбенскій, Распятіе и проч.; собраніе мѣдныхъ иконъ и разной церковной утвари довольно значительно; изъ числа паникадилъ интересны 2 мельхіоровыхъ (?), Нюрнбергской работы, вкладъ Бориса Годунова въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ отдѣлѣ историческихъ и бытовыхъ памятниковъ находятся портреты царственныхъ особъ, посуда съ царскими вензелями, кладъ серебряныхъ предметовъ изъ Старорусскаго уѣзда (судя по приложенному рисунку, XI—XII в.), состоящій изъ пары бляхъ съ византійскими крестами (по объясненію авторовъ „Краткаго описанія“ — гербы знатныхъ лицъ), перстней, серебряной цѣпи (въ родѣ бахромы) и др. вещей. Памятники каменнаго и металлическаго вѣковъ представлены предметами изъ случайныхъ находокъ въ Новгородской губ. и изъ пожертвованій кн. Путятина. Въ отдѣлѣ оружія описаны: холодное вооруженіе — топоры, бердыши; метательное — лукъ, самострѣлы XVII в., артиллерійскія орудія XVII в.; знамена, значки и проч. Къ числу „раритетовъ“ въ музеѣ отнесены: бивни мамонта, осколки мрамора отъ гробницъ изъ римскихъ катакомбъ, калмыцкіе идолы, мѣдный утюгъ, неупотребляющейся нынѣ формы, кусокъ лавы изъ Везувія (?) и т. п. „Описаніе“ снабжено 14-ю таблицами рисунковъ памятниковъ музея и его видовъ.

— Въ Кишиневѣ существуетъ не безъизвѣстный любителямъ классическихъ древностей музей, составляющій собственность частнаго лица — И. К. Суручана. Музей является хранилищемъ древностей, которыя удалось собрать И. К. Суручану въ періодъ около 30 лѣтъ.

Музей этотъ представляетъ богатая коллекціи вещей, найденныхъ на мѣстахъ греческихъ колоній на черноморскихъ берегахъ. Предметы, находящіеся въ музеѣ, распадаются на нѣсколько отдѣловъ: нумизматическій, керамическій, лапидарный и т. п. Коллекція нумизматическая заключаетъ болѣе 10 тысячъ цѣнныхъ, въ археологическомъ смыслѣ, монетъ. Керамическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ: терракотты, греческія амфоры, расписныя вазы и различные мелкіе греческіе сосуды. Одинъ обломокъ большой расписной вазы, съ красными фигурами по черному фону, содержитъ на внутренней сторонѣ загадочную, нацарапанную надпись греческими буквами (будетъ изданъ въ III т. *Inscriptionum orae septentrionalis Ponti Euxini*). Подобныя же надписи встрѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ обломкахъ. Большихъ и малыхъ амфоръ (цѣльныхъ) въ музеѣ имѣется 63; одна изъ нихъ, доставленная изъ Гурзуфа, отличается исполинскими размѣрами: болѣе 1 сажени высоты и 50 пудовъ вѣсомъ. Наконецъ, здѣсь же хранится болѣе 1300 амфорныхъ ручекъ, 78 черепицъ и 68 амфорныхъ горлышекъ, на которыхъ находятся обычные греческія клейма. Въ числѣ мелкихъ глиняныхъ сосудовъ нѣкоторые поражаютъ своей миниатюрностью при чрезвычайно искусной работѣ. Таковъ, напр., миниатюрный (менѣе наперстка) сосудикъ въ видѣ кувшинчика, покрытый голубой поливой. Сверхъ того, почти всѣ роды греческихъ сосудовъ представлены въ музеѣ. Здѣсь же мы находимъ и образцы кирпичныхъ карнизовъ съ отдѣльными буквами въ меандрѣ, напр., Р, Н, В, А, идущими въ этомъ порядкѣ справа на лѣво.

Коллекціи золотыхъ вещей представляютъ значительное разнообразіе: небольшіе львы, въ видѣ привѣсокъ, отпечатки человѣческихъ масокъ, небольшого размѣра, дѣтскіе перстни и т. п. Въ послѣднее время этотъ отдѣлъ обогатился прекраснымъ золотымъ вѣнцомъ съ довольно загадочной греческой надписью позднѣйшаго времени. Точно также коллекція мраморовъ обогатилась скульптурнымъ изображеніемъ льва съ прекрасно выдѣланнымъ туловищемъ. Къ сожалѣнію, льву еще не достаетъ нѣкоторыхъ частей: хвоста и заднихъ лапъ. Коллекція рѣзныхъ камней представляетъ превосходные образцы тонкой греческой работы этого рода.

Наконецъ, гордость музея составляетъ коллекція стеклянной греческой посуды, представляющей образцы стеклянныхъ греческихъ произведеній самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ. Въ особенности замѣчательна одна стеклянная ваза, довольно значительныхъ размѣровъ. Къ сожалѣнію, часть вазы при промывкѣ сломана. Довольно богатъ отдѣлъ надписей на камняхъ: известковыхъ и мраморныхъ. Достаточно

просмотрѣть I-й томъ *Inscriptionum gr. et l. orae. s. P. E.*, чтобы имѣть представленіе о цѣнномъ матеріалѣ, хранящемся въ музеѣ: его превосходятъ лишь немногіе государственные музеи. Въ частности очень оригинальны надписи (на мраморѣ), изданные В. В. Латышевымъ подъ №№ 166, и слѣд., состоящіе изъ греческихъ (и кое гдѣ латинскихъ) буквъ съ прибавкою знаковъ, не имѣющихся въ греческомъ алфавитѣ. Смыслъ ихъ до сихъ поръ еще не разгаданъ. И въ этомъ отдѣлѣ—надписей на камняхъ—въ послѣднее время владѣльцемъ получены нѣкоторыя новости. Всего неизданныхъ надписей теперь имѣется 42; онѣ, вѣроятно, въ скоромъ времени выйдутъ особымъ „Сборникомъ“, посвященнымъ памяти П. Шумскаго *). Большинство надписей фрагментарно. Три номера представляютъ выдающійся интересъ: одна надпись, повидимому, имѣетъ значеніе для топографіи священныхъ пунктовъ, а двѣ другія (псефизмы римскаго времени)—по прекрасной сохранности, довольно значительнымъ размѣрамъ и исторической важности, повидимому, имѣютъ не малое значеніе для ольвійской хронологіи. Въ музей поступали вещи, находимыя почти исключительно въ Ольвіи, Керчи, Аккерманѣ и вообще на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Изъ другихъ мѣстностей, другихъ народовъ и временъ вещей почти нѣтъ. Впрочемъ, въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года И. К. Суручанъ получилъ изъ Египта мумію, повидимому женщины, заключенную въ двухъ гробахъ; покойница принадлежала, вѣроятно, къ среднему классу—ремесленниковъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ музею служитъ цѣнная библіотека, въ составъ которой входитъ много сочиненій, весьма важныхъ для изученія греческихъ древностей вообще и въ частности черноморскихъ.

Музей и библіотека всегда доступны для всѣхъ интересующихся классической древностью, благодаря полной любезности владѣльца, который всю свою душу вложилъ въ это дѣло. (Сообщ. В. М. Сысоевъ).

— По словамъ „Новаго Времени“ (№ 6118, 1893 г.) въ Архангельскѣ основывается Общество любителей старины, задавшееся цѣлью изслѣдованія памятниковъ древности въ Архангельской губерніи.

— „Московскія Вѣдомости“ (№ 64, 1893 г.) сообщаютъ, что послѣ смерти извѣстнаго дѣятеля на югѣ Россіи и собирателя древностей, А. Н. Поля, по просьбѣ вдовы, для болѣе правильной ликвидаціи дѣлъ и уплаты долговъ покойнаго, учреждено опекунское управленіе, начавшее продавать его имѣнія; теперь на очереди стоитъ продажа его музея, находящагося въ Екатеринославѣ. Музей особенно богатъ предметами временъ Запорожцевъ; въ немъ также много рѣд-

*) Умершаго родственника И. К. Суручана.

кихъ предметовъ каменнаго и металлическаго вѣка. Покойный скупаль все, что было цѣннаго при раскопкахъ. Много въ музеѣ серебряныхъ, золотыхъ вещей и севрскаго фарфора. Любители, въ особенности иностранцы, лѣтъ 5—6 назадъ, цѣнили его въ 200,000 рублей; теперь, когда предстоитъ надобность въ продажѣ, говорятъ, предлагаютъ отъ 50 до 60 тысячъ рублей. И очень можетъ быть, что за такую сумму онъ и пойдетъ за границу, въ Англiю, откуда являются покупатели. Нечего и говорить, что весьма желательно, чтобы Музей не ушелъ въ руки иностранцевъ, а остался бы или въ Екатеринославѣ, откуда его, по мнѣнiю корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, не должно бы выпускать мѣстное дворянство изъ уваженiя къ памяти и заслугамъ покойнаго А. Н. Поля, или же, наконецъ, поступилъ въ одинъ изъ столичныхъ русскихъ музеевъ.

— Редакцію извѣщаютъ, что напечатанное на стр. 75 „Археол. Изв. и Зам.“ сообщенiе о сожженiи въ подмосковномъ с. Карачаровѣ иконостаса не вѣрно; сожженъ былъ не иконостасъ, а престолъ, находившійся въ церкви этого села въ предѣлѣ храма въ честь Знаменiя Пресвятыя Богородицы, пришедшій отъ времени (онъ тамъ находился 60 лѣтъ) въ ветхость. Подробности этого обряда сожженiя напечатаны въ № 2 „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

— Вдова Шлимана изъявила согласіе дать Дёрпфелду денегъ на новую трехмѣсячную экспедицію въ Трою, куда онъ отправится въ половинѣ апрѣля настоящаго года. Передъ этимъ онъ совершитъ на нанятомъ имъ пароходѣ путешествіе по нѣкоторымъ островамъ архипелага и намѣренъ посѣтить Эгину, Порось, Делось, Миконось, Еретрію, Оропось, Рамнусъ, Мараѳонъ и Суніонъ (Berl. Phil. Woch. № 6, 1893).

V

Библиографія.

Труды седьмаго Археологическаго Съезда въ Ярославль въ 1887 г. Томъ III. Подъ редакціей гр. Уваровой. Съ XXIX т. и многочисленными рисунками въ текстъ. Москва 1892 г.

Появленіе 3-го тома Трудовъ VII съезда обязано субсидiи, отпущенной, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя (1,000 руб.), и щедрой помощи (5,000 р.), оказанной жителемъ Ярославля С. Н. Сорокинымъ. Главное содержаніе тома состоитъ изъ 4-хъ статей: Н. Ѳ. Красносельцева — Объ Обиходникѣ Архангелогородскаго собора и приложенной къ нему лѣтописи; А. М. Павлинова — Древности Ярославскія и Ростовскія

статья, представляющая большой интерес по тому богатому материалу, который дает авторъ. А. М. Павлиновъ даетъ подробное описаніе замѣчательныхъ ярославскихъ церквей—Іоанна Предтечи въ слободѣ Толчковѣ, Іоанна Златоуста, въ Коровникахъ и Ильи Пророка, снабжая свои описанія архитектурными чертежами, разрѣзами, планами, промѣрами и копіями со старинныхъ рисунковъ тѣхъ же церквей. Въ особой главѣ „деревянное зодчество“ имъ описываются превосходныя произведенія ярославскихъ рѣзчиковъ—иконостасы, царскія врата, царскія и патриаршія сидѣнья и надпрестольныя сѣни, превосходная работа которыхъ передана въ прекрасныхъ рисункахъ автора или же посредствомъ фотографіи. Высокая степень рѣзнаго русскаго искусства видна въ надпрестольной сѣни ц. Ильи Пророка, сдѣланной въ 1657 г., и другая—въ Никольской Надеенской церкви 1636 г.; къ той же школѣ относятся сидѣнья царское (по преданію, царя Алексѣя Михайловича) и патриарха Никона; лицевая сторона царскаго сидѣнья представляетъ прекрасно вырѣзанную доску съ двуглавымъ орломъ среди богатаго растительнаго орнамента, съ птицами и сиренами. Такимъ же образомъ тщательно описаны и Ростовскія церкви—Іоанна Богослова, Воскресенія Борисоглѣбскій монастырь, Спасъ на Сѣняхъ, ростовскій Соборъ и церковь Іоанна Богослова на Ишиѣ съ ея прекрасными рѣзными царскими вратами. Всѣ описанныя церкви принадлежать къ разцвѣту русскаго искусства къ XVII в., и если въ постройкѣ ярославскихъ церквей и участвовали голландскіе мастера, то, несмотря на ихъ участіе, вліянія, по словамъ автора (стр. 21), нисколько не сказалось и стиль построекъ чисто русскій. Живописи на стѣнахъ церквей авторъ не касается. С. О. Долговъ представилъ Описаніе Евангелія XIII в., принадлежащаго Ярославскому Архіерейскому Дому; Евангеліе, къ сожалѣнію, не все сохранившееся, писано на пергаментѣ и украшено многими замѣчательными по раскраскѣ и композиціи заглавными буквами, нѣсколько образцовъ которыхъ приложено на 2-хъ хромофотографированныхъ таблицахъ. Е. В. Барсовъ—Харатейный списокъ XIV в. молитвъ Кирилла Туровскаго. Въ Приложеніи къ III тому помѣщены протоколы Съѣзда и археологическій матеріалъ, составляющій отвѣты на запросы съѣзда, съ мелкими статьями гг. Голышева, Полевктова, Ордина, Чекалина, Богословскаго—послѣдній представилъ описаніе деревянныхъ сосудовъ и брачныхъ вѣнцовъ изъ Нижегородской губерніи, съ рисунками; Суворова—о надписяхъ на церковныхъ предметахъ въ церквахъ Вологодскаго уѣзда и др. Въ концѣ помѣщено описаніе, сдѣланное г. Ординымъ, древностей Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго Собора, въ числѣ которыхъ представляютъ интересъ: серебряныя, превосходной чеканной работы, ладаница и братина съ надписями (при описаніи рисунки), изъ которыхъ видно, что они были положены въ церковь Н. Г. Строгановымъ; крайне интересенъ по работѣ холщевый съ изображеніями саккосъ св. Стефана Пермскаго и наконецъ—г. Колчина—двѣ грамоты изъ архива Соловецкаго монастыря.

Древности Восточныя. Труды Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей М. В. Никольскаго. Томъ I. Съ 14 таблицами фототипій и цинкографій, одной автографіей и 45 рисунками въ текстъ. Москва 1893. Цѣна 12 рублей.

Настоящее изданіе представляетъ результаты дѣятельности учрежденной въ 1887 году при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Восточной Коммисіи со спеціальною цѣлію изслѣдованія Восточныхъ древностей, преимущественно надписей и литературныхъ памятниковъ Востока. Большой томъ, объемомъ въ 61 листъ убористой печати, со множествомъ иногда пространныхъ текстовъ и цитатъ на разныхъ восточныхъ языкахъ восточными шрифтами, украшенный фототипіями и рисунками представляетъ уже самъ по себѣ явленіе новое и въ своемъ родѣ исключительное. Изданіе выходило выпусками, которыхъ числомъ было 3. Въ первомъ выпускѣ, изданномъ въ 1889 году, особенное вниманіе удѣлено разработкѣ незадолго до того времени открытыхъ въ Семирѣченской области несторианскихъ надгробныхъ надписей, изъ коихъ большая часть написана на сирскомъ языкѣ и только немногія—на языкѣ тюркскомъ. Обработка сирскихъ надписей принадлежитъ С. С. Смуцкому, тюркскихъ—*Θ. Е. Коршу*. Затѣмъ нѣсколько статей посвящены были замѣчательнымъ предметамъ бывшей въ Москвѣ месопотамской коллекціи г. Блау, именно статьи *М. В. Никольскаго*: Халдейскій вѣкъ эпохи Гудеа и „о сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи“, *И. И. Соловейчика*: „О еврейско-вавилонской вазѣ“. Статья *В. К. Трутовскаго*: „Гулистанъ золотой Орды“ представляетъ попытку опредѣлить мѣстоположеніе одного изъ важныхъ монетныхъ дворовъ Золотой Орды. Къ выпуску приложены протоколы засѣданій Восточной Коммисіи, содержащія исторію возникновенія Коммисіи, ея организацію и отчетъ о первыхъ 10 засѣданіяхъ. Во 2 выпускѣ, вышедшемъ въ 1891 году, помѣщена статья *В. Θ. Миллера*: „О сарматскомъ богѣ Іатафарнѣ“, имя котораго изображено въ золотомъ амулетѣ изъ собранія графа *И. И. Толстаго*. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ статьи *М. В. Никольскаго*: „Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома 666 г. до Р. Х.“ съ прекраснымъ фототипическимъ снимкомъ съ самаго контракта, и „По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ“. Послѣдняя статья, въ виду ея интереса по вопросу объ именахъ божествъ, упоминаемыхъ на цилиндрахъ, переведена на французскій языкъ и помѣщена въ *Revue archéologique* (Juillet-août, 1892), Статья *В. К. Трутовскаго*: „Текіе Афганъ-Мохаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями“ представляетъ опытъ объ историческомъ значеніи и о чтеніи касимовскихъ надписей на основаніи снимковъ, представленныхъ на выставку VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Въ статьѣ *Г. А. Муркоса*: „О рукописномъ сборникѣ XVII в. на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія графа А. С. Уварова“ опубликованъ текстъ съ переводомъ и замѣчаніями одного письма Антиохійскаго патріарха Макарія, написаннаго имъ въ бытность его

въ Москвѣ въ качествѣ Алеппскаго митрополита. Обширный трудъ *Г. Г. Церетели*: „Полное собраніе надписей и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря“ есть результаты произведенныхъ имъ по порученію Комитета V Археологическаго Съѣзда работъ по сниманію и изслѣдованію этихъ важныхъ для исторіи Грузіи памятниковъ.

Въ только что вышедшемъ III выпускѣ бар. *Р. Р. Штакельбергъ* въ статьѣ: „Ирано-финскія лексикальныя отношенія“ представляетъ разборъ словъ заимствованныхъ изъ иранскихъ языковъ въ финскія съ объясненіемъ ихъ этимологіи и значенія. *А. С. Хахановъ* въ обширной статьѣ: „Источники по введенію христіанства въ Грузію“ даетъ сводъ дошедшихъ до насъ сказаній о началѣ христіанства въ Грузіи съ присоединеніемъ новооткрытыхъ источниковъ по сему вопросу. Авторъ изъ сличенія всѣхъ этихъ данныхъ дѣлаетъ попытку установленія древнѣйшей редакціи этого сказанія. Въ статьѣ *М. С. Щекина*: „О четырехъ обязанностяхъ дервиша“ изданъ и переведенъ съ рукописи, привезенной изъ Индіи, интересный для характеристики суфизма персидскій текстъ. *М. В. Никольскимъ* изданы съ приложеніемъ фототипій два весьма интересныхъ ассирійскихъ памятника, принадлежащихъ князю П. А. Путятину, именно фрагментъ надписи ассирійскаго царя Асуръ-насиръ-абала (885—860 г. до Р. Х.) и другой фрегментъ ассирійской скульптуры, представляющій, по мнѣнію автора, Эламитянина. *С. С. Слукій* подробно изложилъ научные результаты IX Международнаго Съѣзда ориенталистовъ въ Лондонѣ и отмѣтилъ участіе, какое принимала въ немъ Восточная Коммиссія. Затѣмъ слѣдуетъ обширная статья *М. В. Никольскаго*: „Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи“. Авторъ издалъ клинописный текстъ съ транскрипціей, переводомъ и комментариемъ 17 (изъ 22-хъ) найденныхъ въ русской Арменіи клинообразныхъ надписей. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы только впервые, большая же часть были уже извѣстны западной наукѣ, но авторъ провѣрилъ ихъ по новымъ снимкамъ и воспроизвелъ клинописными знаками, пользуясь шрифтомъ, нарочно для сего отлитымъ въ типографіи О. О. Гербека. Изданію самыхъ надписей предпослано обширное введеніе, представляющее исторію открытія разбираемыхъ надписей и очеркъ исторіи страны *Урарту* (Араратъ), царямъ которой принадлежали эти надписи (IX—VIII в. до Р. Х.). Къ статьѣ присоединена фототипія, представляющая 5 камней съ надписями и огромной величины цинкографическій снимокъ сцены изъ похода ассирійскаго царя Салменассара II въ Урарту, гдѣ наглядно представлены типы народа Урарту. *Х. И. Кучукъ-Иоаннесовъ* представилъ описаніе армянской рукописи Евангелія IX в., памятника, древнѣе котораго нѣтъ на армянскомъ языкѣ, и сообщилъ результаты сличенія текста рукописи съ греческимъ текстомъ и употребительнымъ армянскимъ. Выпускъ заключается статьей *Ө. Е. Корша*: „Универсалы Петра Великаго къ Буджацкимъ и Крымскимъ татарамъ“. Литографированные экземпляры этихъ универсаловъ на татарскомъ языкѣ петровскаго времени найдены *М. В. Никольскимъ* въ библиотекѣ Московской Синодальной

типографіи. Они относятся ко времени, предшествовавшему Прутскому походу (1711 г.). Авторъ представилъ текстъ на татарскомъ языкѣ съ переводомъ на языкъ дипломатическихъ актовъ петровскаго времени, при чемъ онъ съ удивительнымъ знаніемъ и искусствомъ воспроизводитъ характерную фразеологию самого Петра. Статья весьма богата историческими и лингвистическими наблюденіями и замѣтками.

Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ. 2-е дополненное изданіе. Москва, 1893 г. (IX+604 стр.). Цѣна 1 р.

Въ указателѣ описаны памятники, расположенные въ 14 открытыхъ залахъ Музея. Порядокъ расположенія предметовъ хронологическій, начиная съ древнѣйшей эпохи человѣческой культуры—каменнаго вѣка, которому посвящены 2 первыхъ залы (въ первой предметы каменнаго вѣка изъ Азіатской Россіи, во второй—изъ Европейской). Третья зала заключаетъ памятники древнѣйшаго металлическаго вѣка, четвертая—памятники позднѣйшаго металлическаго вѣка, добытые, главнымъ образомъ, изъ кургановъ и городищъ, которые находятся также и въ пятой залѣ. Описаніе шестой залы посвящено памятникамъ эллино-скиѣскимъ и частью кавказскимъ. Въ залахъ А, Б и В описаны памятники Херсониса, Кавказа, греческихъ поселеній на черноморскомъ побережьѣ и христіанскіе памятники до X вѣка. Начиная съ 7-й залы описаны памятники исторической Руси: въ двухъ залахъ, 7-й и 8-й, памятники Кіевскаго и удѣльно-вѣчеваго періода до нашествія Татаръ, въ 9-й—памятники Новгородскіе и Псковскіе, въ 10-й и 11-й Владиміро-Суздальской области. Передъ памятниками каждой эпохи предпосланъ краткій историческій очеркъ и многія коллекціи, особенно курганнаго періода, снабжены библиографическими ссылками на тѣ труды, гдѣ они были ранѣе описаны.

Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи, изданный по порученію Императорской Академіи Наукъ В. В. Радловымъ. СПб. 1892 г. 70 табл. (кромя шести, которыя будутъ изданы во второмъ выпускѣ). Цѣна 15 рублей.

Въ 1891 году академикъ Радловъ предпринялъ, по порученію Императорской Академіи наукъ, путешествіе въ Монголію для изслѣдованія тамошнихъ древностей. По возвращеніи, онъ сдѣлалъ историко-фолологическому отдѣленію предварительный докладъ о результатахъ своей экспедиціи въ долину Орхона и представилъ рисунки, эстампажи надписей и планы развалинъ городовъ. Академія Наукъ, чтобы по возможности скорѣе доставить ученому міру результаты открытій, поручила акад. Радлову издать прежде всего атласъ рисунковъ, плановъ и надписей безъ дальнѣйшихъ объясненій. Остальные работы членовъ этой экспедиціи—дневники, описаніе развалинъ и кладбищъ появятся въ особомъ изданіи „Сборникъ трудовъ Орхонской Экспедиціи.“ Изданный атласъ заключаетъ 64 таблицы и представляетъ 1-й выпускъ (2-й скоро будетъ изданъ). Матеріаль этого выпуска, составленный изъ эскизовъ,

фотографій, рисунковъ, эстампажей, плановъ и картъ, представилъ большія трудности для воспроизведенія. Большая часть фотографій была неудобна для употребленія частью потому, что негативы пострадали дорогою, частью также потому, что однотонная окраска монгольского ландшафта и неопредѣленность контуровъ руинъ не дали возможности дать вѣрнаго объ нихъ понятія, и потому должны были быть перерисованы. Часть надписей оказалась неудобною для разбора не вслѣдствіе неудовлетворительности эстампажей или фотографій, но вслѣдствіе пропусковъ на самихъ камняхъ. Такъ, большой памятникъ съ трехязычною надписью изъ уйгурскаго Каракорума, главнаго города средняго царства Монголіи, такъ разбитъ и вывѣтрился, что не было возможности сдѣлать лучшіе эстампажи. Также большая часть камней съ надписями изъ монгольского Каракорума, столицы третьяго царства, стерты буддійскими монахами, покрывшими ихъ буддійскими молитвами и символами, такъ что эстампажи даютъ только случайные слѣды прежнихъ надписей. Издатель позаботился помѣстить рядомъ съ невозстановленными надписями—возстановленныя, читаемыя вполне ясно. Составленіе списка словъ помогло автору возстановить мѣста, почти нечитаемыя и частью вывѣтрившіяся, и позволило ему дополнить многіе знаки и слова. Особенно трудно было возстановить 2 большія намогильныя надписи, потребовавшія цѣлаго мѣсяца работы.

Собранныя Орхонской экспедиціей древности распадаются на 4 большія группы, соотвѣтствующія приблизительно четыремъ эпохамъ народныхъ наслоеній. Первая группа (табл. 1—4) заключаетъ памятники безъ письменныхъ знаковъ и вѣкъ которыхъ не можетъ быть опредѣленъ: курганы, каменные сооруженія, рисунки на скалахъ и камняхъ, принадлежащія къ древнѣйшей исторіи того народа, хотя все же нельзя сказать, что всѣ они относятся къ доисторическому времени. Вторая группа (табл. 5—26) представляетъ памятники династіи Ту—кюэ, правившей до половины VIII в. надъ большею частью сѣверной Монголіи; памятники этой эпохи отличаются рукообразными письменами или же памятники безъ письменъ, но сходные по формѣ съ таковыми. Азбука этого, до сихъ поръ неизвѣстнаго, языка заключаетъ 39 знаковъ, и акад. Радловъ обѣщаетъ въ особомъ сочиненіи дать отчетъ объ ихъ разборѣ. Сами древности состоятъ изъ гробницъ, столбовъ, каменныхъ идоловъ, каменныхъ черепахъ, на которыхъ возвышались намогильные камни, гранитныхъ жертвенныхъ камней, львовъ, оленей, мраморныхъ фигуръ мужчинъ и женщинъ, каменныхъ плитъ съ барельефами и большаго количества надписей. Сохранившіеся памятники, хотя многіе и грубой работы, все же свидѣтельствуютъ о довольно развитой культурѣ. Третья группа (табл. 27—35) представлена памятниками Уйгурской династіи, правившей въ Монголіи съ половины VIII до конца IX вѣка. Уйгуры, извѣстные Китайцамъ подъ именемъ Хѣиху, повидимому, тюркскаго племени и жили на Алтаѣ около Коссогольскаго озера, также въ долинахъ Селенги и Орхона. Гузы, западная часть Уйгуровъ, пошли къ Лопскому и Коралар-

скому озерамъ, откуда распространились на востокъ до Аксу, на сѣверъ черезъ Тянь-Шань, вступили въ торговыя сношенія съ Тибетомъ, откуда получили культуру, письмена и гдѣ приняли буддѣйскую религію, перестали быть кочевниками и сдѣлались земледѣльческимъ и торговымъ народомъ, завели сношенія съ западно-азиатскими народами, такъ какъ жили на торговомъ пути, который вель въ Китай изъ странъ, лежавшихъ на Оксусѣ. Оставшіеся на Селенгѣ единоплеменники, Уйгуры, въ 630 году направились къ югу, подчинили себѣ Китайцевъ и засѣли въ половинѣ VIII ст. въ верхнихъ долинахъ Орхона, гдѣ ихъ ханъ основалъ городъ, названный Тибетцами Хоръ-инъ, черезъ приставку къ которому слова Кара (черный) образовался Каракорумъ. Долгое время онъ служилъ передовой защитой Азіи, и его государи роднились съ китайскою императорскою фамиліею, но, какъ и у большей части тюркскихъ государей, власть ихъ не долго продолжалась: съ юга ихъ тѣснили Тибетцы, съ сѣвера—Гакасы и послѣдніе подчинились въ 840 году вмѣстѣ съ ханомъ Каискомъ, голова котораго была отрублена врагами. Вслѣдствіе этого подчиненія Уйгуры во множествѣ переселились въ тюркскую страну около Тянь-Шаня. Несторіанство распространилось между ними и отъ Несторіанъ приняли они также и алфавитъ. Уже въ древнія времена они были самымъ культурнымъ народомъ восточной Азіи и учителями Монголовъ. Подобно остальнымъ Тюркамъ изъ Тянь-Шаня, они подчинились Курханамъ и въ началѣ XIII в. подпали подъ иго Темучина, который ихъ оцѣнилъ и принялъ ихъ законы и обычаи. Отъ нихъ остались еще развалины дворца у Барацорума съ остатками большаго уйгурско-китайскаго памятника и нѣкоторое число надписей. Четвертая группа (табл. 36—70) обнимаетъ памятники монгольской династіи, т. е. всѣ тѣ, которые были сооружены въ Монголіи въ XIII в. Отъ Каракорума сохранились еще значительные остатки, такъ какъ и отъ ханскаго дворца (теперь монастырь Ерденицзу), затѣмъ храмы, могильные камни, каменные львы, собаки, черепахи и орнаменты и большое количество монгольскихъ, китайскихъ, тибетскихъ и персидскихъ надписей. Остатки монгольской эпохи превосходятъ полнотою предыдущія группы и безъ сомнѣнія представляютъ цѣнный матеріалъ.

Академія Наукъ рѣшила обратить свое вниманіе на дальнѣйшее изслѣдованіе монгольскихъ древностей; такъ, проф. Позднѣеву, командированному на 2 года въ Монголію, поручено обратить вниманіе и на древности; кромѣ того, Академія поручила дѣлопроизводителю восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Клеменцу предпринять въ теченіе пяти лѣтъ путешествіе по сѣверной и западной Монголіи съ цѣлью археологическихъ изысканій. Такимъ образомъ, акад. Радловъ надѣется, что изданный имъ атласъ въ будущемъ обогатится еще многими дополнительными выпусками и можетъ составить полный *Corpus inscriptionum runicarum Mongoliae*.

Филологическое Обозрѣніе, журналъ классической филологіи и педагогики, издаваемый А. Адольфомъ и В. Апфельротомъ. III тома. Москва, 1891—92 года.

Издающееся съ 1891 года въ Москвѣ „Филологическое Обозрѣніе“ главнымъ образомъ, конечно, посвящено вопросамъ языка и литературы классическихъ народовъ, но, въ виду обширнаго значенія, которое придается теперь понятію о филологіи, журналъ, между прочимъ, отводитъ не мало мѣста и статьямъ по археологіи и искусству обоихъ народовъ древности. Такъ уже въ разсматриваемыхъ здѣсь первыхъ книжкахъ помѣщена самостоятельная статья А. Н. Деревицкаго, представившаго опытъ новаго и весьма интереснаго истолкованія группы художника Менелая, и статья В. Г. Апфельрота по поводу раскопокъ въ Веронѣ. Кромѣ того редакторы видимо заботятся объ ознакомленіи своихъ читателей съ любопытными произведеніями по археологіи, появившимися какъ за границей, такъ и у насъ, въ Россіи: изъ произведеній перваго рода разобраны книги Гарднера (*new chapters in gr. history*), Имгофъ-Блумера (*Die griech. Münzen*), Мёррея (*Handbook of greek archaeology*) и т. п.; по произведеніямъ русскихъ ученыхъ, естественно привлекающимъ особое вниманіе русскаго журнала, помѣщены рецензіи сочиненій гг. Благовѣщенскаго (Винкельманъ), Мазурина (Олимпія), Мальмберга (Метопы древне-греч. храмовъ), Орѣшникова (описаніе монетъ унив. собр.) и Шварца (древне-греч. рельефы), причемъ дается должное мѣсто обзору и учебныхъ пособій по исторіи искусствъ и древностямъ, начинающихъ появляться въ Россіи, въ поучительныхъ статьяхъ (о таблицахъ г. Цыбульскаго и т. п. атласахъ) гг. Латышева и Апфельрота и въ замѣткахъ по поводу школьнаго учебника исторіи Трачевскаго. Наконецъ сообщаются въ журналѣ и свѣдѣнія о новѣйшихъ раскопкахъ на почвѣ Греціи въ весьма интересной „хроникѣ эллинскаго востока“ А. Н. Щукарева, въ замѣткахъ г. Селиванова, въ обзорѣ микенскихъ древностей г. Бузескула и т. п.; помѣщаются иногда отчеты о засѣданіяхъ археологическихъ обществъ (Моск. и Казанск.); въ обзорѣ журналовъ принимаются въ соображеніе вновь выходящія книжки археологическихъ изданій, а въ библиографическомъ листкѣ печатаются объявленія о важнѣйшихъ трудахъ и по этой части.

Словомъ сказать, видно, что редакторы не жалѣютъ ни труда, ни времени для того, чтобы заинтересовать классическихъ филологовъ и педагоговъ этой, столь важной для нихъ дисциплиной, и можно только пожелать, чтобы цѣнныя указанія ихъ сотрудниковъ не прошли даромъ для тѣхъ, кому поручено преподаваніе классическихъ языковъ и особенно исторіи. Археологи по профессіи уже изъ прилагаемаго краткаго обзора усмотрятъ тотъ интересъ, который можетъ имъ представить это почтенное изданіе.

Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. Подъ редакціею В. К. Трутовскаго и В. А. Уляницкаго. Первый полтомъ, съ 4 табл. и 24 рис. въ текстъ (144 стр.). Москва, 1893 г.

Московское Нумизматическое Общество, возродившееся изъ Московскаго Кружка Нумизматовъ, открыло свою дѣятельность въ Октябрѣ 1888 года.

(Уставъ Общества утвержденъ 17 марта 1888 г.). Черезъ 2 года оно уже обладало достаточнымъ матеріаломъ для изданія, который и былъ отданъ въ печать, но въ пожарѣ, постигшемъ типографію, сгорѣла большая часть рукописей, такъ что пришлось начинать печатать „Труды“ по уцѣлѣвшимъ черновымъ оттискамъ статей снова и, такимъ образомъ, выпускъ ихъ затянулся до сего времени. Вышедшій полумомъ, въ форматѣ „Древностей“ Московскаго Археологическаго Общества, представляетъ очень изящное изданіе, заключающее 2 отдѣла; 1) лѣтопись Общества съ годичными отчетами съ 1888 по 1892 г., очеркомъ, составленнымъ В. К. Трутовскимъ „Московский Кружокъ Нумизматовъ, какъ предшественникъ Московскаго Нумизматическаго Общества“ съ приложеніемъ къ нему Устава Общества. 2) Монографіи, изслѣдованія и статьи—заключаютъ двѣ статьи А. А. Карзинкина: неизданная медаль царя Василія Шуйскаго и о медаляхъ царя Димитрія Ивановича (Лжедимитрія), съ которыми русскіе нумизматы уже знакомы, такъ какъ были изданы авторомъ ранѣе, но послѣднее изслѣдованіе напечатано съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Статья А. Д. Нечаева „нѣкоторыя рѣдкія русскія монеты и медали изъ собраній Историческаго Музея и А. Н. Лѣнинова“ представляетъ интересъ какъ для нумизматовъ, такъ и для любителей рѣдкихъ монетъ; въ ней описаны и изображены на прекрасно исполненныхъ 2-хъ таблицахъ 21 монета, изъ которыхъ 3 издаются впервые: золотая медаль Петра I 1703 г. съ числомъ „9 февраля“, алтынъ 1710 г. и серебрянная копѣйка 1730 г.; изъ прочихъ рѣдкостей интересны: денга Петра I 1700 г. съ его портретомъ, разнящаяся отъ извѣстныхъ подобныхъ денегъ, рѣдчайшій мѣдный (пробный) рубль Петра I, 1723 г., рубль Екатерины I 1726 года „безъ локона“, двухкопѣчникъ Анны 1740 года съ портретомъ, двѣ пробныхъ копѣйки Елизаветы 1755 г. и нѣкоторыя другія монеты, хотя и изданныя, но интересныя по ихъ рѣдкости или имѣющія съ изданными разновидности. Въ числѣ описанныхъ три: царей Ѳедора Ивановича, Михаила Ѳедоровича и Ѳедора Алексѣевича,—не стараго чекана, но позднѣйшаго, т. е. что называется у нумизматовъ „новодѣлки“. Въ статьѣ М. Г. Деммени „Къ исторіи Екатеринбургскаго монетнаго двора“ сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ этомъ дворѣ, по которымъ можно себѣ составить понятіе о нашихъ монетныхъ дворахъ прошлаго вѣка. Консерваторъ Бергенскаго музея (въ Норвегіи) густафсонъ прислалъ статью „объ одной рѣдкой монетѣ В. К. Ярослава I“, напечатанную въ трудахъ по русски и по французски, изъ которой узнаемъ объ интересномъ кладѣ монетъ, найденномъ въ Несбое, близъ города Мольде и заключавшемъ англосаксонскія монеты Этельреда и Канута (X—XI в.), нѣмецкія трехъ первыхъ Оттоновъ, Генриха II, епископскія того-же времени, двухъ обломковъ арабскихъ диргемовъ (IX—X в.) и 1 экз. норманскаго подражанія монетѣ Ярослава I, что, впрочемъ, автору неизвѣстно (онъ ее считаетъ за оригиналь) и поясняется въ примѣчаніи редакціею и статьею Н. П. Чернева объ этой монетѣ, напечатанной въ этомъ-же выпускѣ. Н. П. Лихачевъ помѣстилъ

небольшое изслѣдованіе „Пѣнзи великокняжескихъ и царскихъ свадьбъ“ и А. К. Жизневскій 4 статьи — „Монеты Городенскія“, „Пуль кн. Василя Ивановича“, „Пуль кн. Ярослава Александровича“ и „Пуль кн. Семена Константиновича“ — представляющія попытку дать объясненіе нѣкоторымъ темнымъ мѣстамъ нумизматики Великаго Княжества Тверскаго. Выпускъ обрывается на начатой статьѣ В. А. Уляницкаго „Монеты, чеканенныя польскими Королями для Галицкой Руси въ XIV и XV вв“. Судя по напечатаннымъ статьямъ „Трудовъ“, Нумизматическое Общество намѣрено серьезно относиться къ своей задачѣ, поэтому нельзя не пожелать ему полного успѣха въ его дальнѣйшихъ занятіяхъ.

Mélanges d'archéologie et d'épigraphie, par Albert Dumont, réunis par Th. Homolle. Paris 1892. Цѣна 25 фр.

Въ этомъ сборникѣ собраны статьи умершаго въ 1884 г. французскаго археолога и эпиграфиста Дюмона, разсѣянныя по различнымъ изданіямъ, кромѣ его большихъ изслѣдованій о керамографіи, хронологіи аѳинскихъ архонтовъ и эфебіи. Всѣ его статьи размѣщены въ 4 отдѣлахъ: 1) Доисторическая археологія со статьями о памятникахъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ Греціи и Швейцаріи; 2) Археологія и эпиграфика греческая и греко-римская, съ болѣе или менѣе небольшими статьями о разныхъ памятникахъ классической древности, въ которыя вошла также диссертация Дюмона: „Похоронный пиръ“, о греческой метрологіи и о памятникахъ языческой и христіанской древности и надписяхъ Балканскаго полуострова и обширный корпусъ надписей и барельефовъ. Оракіи съ особымъ указателемъ собственныхъ и географическихъ именъ и проч., встрѣчаемыхъ въ надписяхъ. 3) Археологія и эпиграфика христіанская и византійская и 4) Средневѣковая археологія со статьею „О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Успенія Богородицы“. Къ изданію приложено 17 гравированныхъ таблицъ, многочисленные политипажи и портретъ Дюмона съ замѣткою о его трудахъ, написанною Heuzeu.

Nachrichten über deutsche Alterthumsfunde. Mit Unterstützung des Kön. Preuss. Ministeriums der geistlichen, Unterrichts-und Medicinal-Angelegenheiten, herausgeg. von der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, unter Redaction von R. Virchow und A. Voss.

„Извѣстія объ археологическихъ находкахъ въ Германіи“ стали издаваться съ 1890 г., какъ приложение къ издаваемому Берлинскимъ Антропологическимъ Обществомъ „Этнологическому журналу“ (*Zeitschrift für Ethnologie*), въ количествѣ 6 выпусковъ (по одному печатному листу) въ годъ. Кромѣ свѣдѣній о раскопкахъ и случайныхъ находкахъ здѣсь приводятся иногда библиографическіе обзоры всѣхъ другихъ подобныхъ извѣстій, въ различныхъ нѣмецкихъ (и австрійскихъ) журналахъ, сборникахъ и т. д. Нѣкоторыя сообщенія иллюстрируются рисунками. Въ вышедшихъ за 1892 г. помѣщены слѣдующія, болѣе крупныя статьи: Библиографическій обзоръ нѣ-

мецкой археологіи за 1891 г., Мёвеса; находки по Рейну. Находки предметов доисторической эпохи въ окрестностях Арнебурга, Altmark. (свенскія могилы съ сосудами, бронз. украшеніями, желѣз. оружіемъ); бронзовый кладъ изъ Эльстерверда, въ пров. Саксоніи (бронз. гривны, браслеты, серпы, долота, наконечники копій, разломанныя фибулы); городище (Burgwall) въ Мариенвальдѣ, въ пров. Бранденбургѣ (съ рисунками сосудовъ, фибуль, костяныхъ и желѣзныхъ предметовъ); каменная гробница, найденная близъ Гольдбега, въ Ганноверѣ (съ рис.); городище близъ Кратцига, въ окр. Кестлина (съ планомъ); курганы близъ Ніенбурга на Везерѣ въ Ганноверѣ (съ рисунками сосудовъ); городище въ Alt-Ruffin, въ Бранденбургѣ (съ рисунками жел. стрѣль, шпоръ, клеймъ горшковъ въ видѣ крестовъ и свастики и т. д.); раскопки и приобрѣтенія Музея отечественныхъ древностей въ Килѣ.

VI

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи Московскаго археологическаго Общества, 26-го января 1893 г., бывшемъ подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой и въ присутствіи Его Высочества, Великаго Князя Сергѣя Александровича, А. М. Павлиновъ сдѣлалъ сообщеніе объ искусствѣ у татаръ, иллюстрируя свое изложеніе множествомъ фотографическихъ снимковъ съ татарскихъ памятниковъ зодчества въ Крыму. У древнихъ татаръ-язычниковъ не было, повидимому, никакого собственнаго зодчества, и они пользовались, для возведенія болѣе значительныхъ построекъ, услугами иностранныхъ, въ томъ числѣ и европейскихъ художниковъ и мастеровъ. Принявъ мусульманство и занявъ Крымъ, татары стали возводить постройки (мечети и дворцы) при помощи сперва египетскихъ, затѣмъ константинопольскихъ турецкихъ мастеровъ, которые, въ свою очередь, усвоили себѣ приемы византійскихъ зодчихъ, дополняя ихъ арабскими мотивами. Начиная съ XVI вѣка, въ крымскихъ ханскихъ постройкахъ замѣчается и вліяніе западнаго, итальянскаго искусства и рококо, но, тѣмъ не менѣе, ничего самостоятельнаго въ этомъ татарскомъ искусствѣ указать нельзя. В. А. Уляницкій сообщилъ о замѣчательной нумизматической рѣдкости, хранящейся въ собраніи гр. А. С. Уварова, именно о польскомъ талерѣ (полукопкѣ) Сигизмунда Августа 1565 года, являющемся unicum, но тѣмъ не менѣе представляющемъ всѣ данныя въ пользу его подлинности. Д. Н. Анучинъ прочелъ рефератъ о серебряномъ остяцкомъ идолѣ-слонѣ. Онъ же, г. Анучинъ, демонстрировалъ костяную пластинку овальной формы, вырѣзанную изъ кости человѣческаго черепа, снабженную круглымъ отверстіемъ для привѣски и служившую, очевидно, аму-

летомъ. Пластинка эта была найдена уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Нефедовымъ на холмѣ (дюнѣ?) рѣки Ветлуги (Ветлужскаго у., Костромской губ.), въ 1 — 1½ вер. отъ с. Николо-Одоевскаго, вмѣстѣ съ многочисленными остатками жилищъ (ямъ) и мастерской каменнаго (неолитическаго) вѣка, т. е. кремневыми орудіями и осколками, полированными каменными топорами, костяными издѣліями, глиняными черепками, костями животныхъ и т. д. Насколько извѣстно, это первый случай находенія въ Россіи подобнаго амулета и вообще слѣдовъ доисторической трепанаціи черепа. На западѣ (во Франціи и Германіи) такихъ амулетовъ найдено довольно много, и обычай ношенія ихъ существовалъ еще у галловъ, судя по находкѣ въ одномъ курганѣ этого племени бронзовой шейной гривны съ привѣшенной къ ней круглой бляшкой изъ человѣческаго черепа. Референтъ представилъ по этому поводу результаты изслѣдованій Брокà относительно доисторической трепанаціи черепа, которая, какъ доказано, практиковалась какъ надъ живыми, особенно дѣтьми, такъ и надъ умершими. Трепанація живыхъ имѣла, повидимому, цѣлью (судя по новѣйшимъ наблюденіямъ надъ этимъ обычаемъ въ Океаніи, Алжирѣ и др. мѣстностяхъ) излѣченіе отъ эпилепсіи и другихъ нервныхъ и психическихъ болѣзней, а трепанація мертвыхъ головъ—полученіе амулетовъ, которымъ приписывалась какая-то особая предохранительная сила.

Въ засѣданіи Московскаго археологическаго Общества, состоявшемся 16-го февраля 1893 г. въ квартирѣ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Д. И. Иловайскій сдѣлалъ сообщеніе о русскомъ былинномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, при чемъ высказалъ мнѣніе, что типъ этого богатыря, съ переходомъ кіевскаго былиннаго эпоса на сѣверъ, въ предѣлы Суздальской Руси, измѣнился, въ томъ смыслѣ, что богатырь Илья сталъ выводиться изъ крестьянскаго сословія, былъ приуроченъ къ Мурому, а позже, въ XVII вѣкѣ, получилъ даже эпитетъ „старога казака“. Для объясненія послѣдняго эпитета г. Иловайскій напомнилъ дѣло о самозванцѣ Илейкѣ Муромцѣ, выдававшемъ себя въ смутное время за царевича Петра Ѳедоровича (сына Ѳедора Ивановича), взятомъ въ плѣнъ подъ Тулою и казненномъ въ Москвѣ; по мнѣнію референта, этотъ казакъ Илья Муромецъ наслоиился въ народномъ представленіи на стародавняго былиннаго богатыря и послужилъ поводомъ къ переносу на послѣдняго эпитета „казакъ“. Что подобный переносъ возможенъ, показываетъ появленіе въ нѣкоторыхъ былинахъ „Маринки“, — личности, которая могла появиться лишь подъ вліяніемъ образа Марины Мнишекъ, жены 1-го Самозванца. Сообщеніе г. Иловайскаго вызвало замѣчанія со стороны проф. В. Ѳ. Миллера, указавшаго, что дѣло объ Илейкѣ Муромцѣ не внесло никакихъ новыхъ чертъ въ былинный сюжетъ и что эпитетъ „старый казакъ“ могъ возникнуть совершенно помимо самозванца Илейки, къ тому же и не-

бывшаго „старымъ казакомъ“,—также со стороны В. В. Каллаша (указавшаго, что сопоставленіе съ Илейкой Муромцемъ было сдѣлано еще Квашиннымъ - Самаринимъ въ 1872 г.), П. Н. Милюкова (настаивавшаго, по примѣру В. Ө. Миллера, что древнѣйшее прозвище богатыря Ильи было „Муравлинъ“, „Муравинъ“ а не „Муромецъ“, и что, по всей вѣроятности, оно означало уроженца Муровска или Мурависка, — сѣвернаго города, бывшаго сторожевымъ и стоявшаго на границѣ со степью) и др. В. И. Сизовъ сообщил о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ недавно верстахъ въ 30 отъ Москвы, въ имѣннѣ проф. Кожевникова — Городище, на берегу Москвы-рѣки. Наконецъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ сдѣлалъ сообщеніе о празднованіи весною прошлаго года въ Римѣ 70-ти лѣтїа извѣстнаго итальянскаго археолога Ж. Б. де-Росси, при чемъ сообщилъ біографическія данныя объ этомъ первомъ знатокѣ христіанской археологіи. Главнѣйшіе труды де-Росси составляютъ: „Сборникъ христіанскихъ надписей первыхъ вѣковъ нашей эры“, 2 большихъ тома; „Бюллетень христіанской археологіи“, издаваемый имъ болѣе 30 лѣтъ и „Roma sotterranea“ или описаніе римскихъ христіанскихъ катакомбъ (вышло 3 тома, печатаются еще 2). Съ согласія и при содѣйствіи Росси, въ завѣдываніи котораго находятся все римскія катакомбы, проф. Цвѣтаевъ могъ осуществить свое намѣреніе—снять точныя копіи красками съ изображеній внутри катакомбъ первыхъ четырехъ вѣковъ. Планъ этотъ могъ быть, впрочемъ, осуществленъ только благодаря помощи русскаго художника Реймана, болѣе 20 лѣтъ уже живущаго въ Римѣ, и который, проникнувшись важностью задачи, не щадитъ ни времени, ни трудовъ для лучшаго исполненія порученнаго ему заказа, проводя по цѣлымъ днямъ въ отдаленныхъ, мрачныхъ катакомбахъ. Покуда выполнено имъ около 50 акварелей, изъ коихъ 28 были выставлены въ залѣ засѣданія. (Русск. Вѣд. № 48, 1893).

Въ засѣданіи Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоявшемся 28 января 1893 г., было сдѣлано два доклада. Первый принадлежалъ М. П. Сабинину, который сообщилъ, что собирая матеріалы для составленія 2-го тома издаваемой имъ агіологіи иверской церкви, онъ, между прочимъ, нашель у одного лица на Аѳонѣ списокъ, содержащій полное описаніе страданій святыхъ мучениковъ армянской церкви, подвизавшихся въ эпоху православнаго состоянія вышеупомянутой церкви, когда эта послѣдняя была еще въ тѣсномъ единеніи со всею восточною православною церковью. Этотъ списокъ, написанный на грузинскомъ языкѣ, составляетъ нѣкотораго рода рѣдкость, какъ документальный памятникъ глубокой древности, могущій, по мнѣнію референта, пролить новый свѣтъ на исторію армянской церкви, до ея отдѣленія отъ восточной церкви.

Сравнивая текстъ списка съ текстомъ *Исторіи* Моисея Хоренскаго и, находя что первый отличается полнотой изложенія и связностью повѣству-

емаго даннаго факта, и что указаніе дней кончины того или другаго лица списка приурочены къ мѣсяцамъ, которые не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ мѣсяцамъ армянскаго лѣтосчисленія, принятаго армянскою церковью послѣ V вѣка, референтъ пришелъ къ заключенію что Моисей Хоренскій всецѣло пользовался этимъ источникомъ, цитируя изъ него, переставляя произвольно факты и дополняя ихъ изъ народныхъ сказаній. Въ доказательство этого референтъ прочелъ относящіяся сюда отрывки изъ рукописи на грузинскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ и, сопоставивъ ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ Моисея Хоренскаго, выразилъ желаніе, чтобъ арменологи обратили вниманіе на этотъ памятникъ.

Затѣмъ референтъ демонстрировалъ принесенные имъ въ даръ Обществу, прекрасно исполненные имъ самимъ, факсимильные снимки съ Гуджаровъ или дарственныхъ грамотъ Ниноцмидской епископской каѳедры, въ юрисдикцію которой входили знаменитыя въ древности Гареджійскія обители и снимки съ сигиліи, данной этой каѳедрѣ разными грузинскими царями.

Второе сообщеніе принадлежало А. Е. Крымскому, который изложилъ очеркъ исторіи суфизма въ I и II вѣкахъ Гиджры. Вскорѣ послѣ смерти Мохаммеда возникло мусульманское подвижничество, порожденное какъ пессимизмомъ Корана, такъ и тяжелыми общественными бѣдствіями. Родъ монастыря возникъ у мохаммеданъ еще въ 38 году Гиджры, но настоящимъ основателемъ исламской аскетической школы считается Хасанъ-эль-Басри, умершій въ 728 году. Крайнее изнуреніе плоти, въ связи съ религіознымъ напряженіемъ, доводило подвижниковъ до экстаза и такимъ образомъ въ исламскій аскетизмъ введенъ мистицизмъ; однимъ изъ первыхъ мистиковъ ислама считаютъ женщину Рабію († 753). Около 767 года появляется и названіе „суфи“ (одѣтый въ власяницу), и приблизительно въ то же время былъ основанъ однимъ христіанскимъ княземъ первый монастырь для суфіевъ въ Дамаскѣ. Арабскій суфизмъ, который развивался преимущественно въ Сиріи, подвергся многочисленнымъ постороннимъ вліяніямъ; уже въ самомъ началѣ онъ испыталъ воздѣйствіе христіанскаго монашества, а затѣмъ гностизма и неоплатонизма. Но особенно измѣнилась первоначальная незатѣйливая основа арабскаго монашества, когда оно перешло въ Персію, обращенную въ Исламъ. Въ Персіи суфизмъ былъ принятъ очень охотно; особенно въ Хорасанѣ и Бактріанѣ, гдѣ еще во время Сассанидовъ укрѣпилось буддійское вліяніе. Первый суфійскій монастырь у Персовъ извѣстенъ былъ въ 815 г. въ Хорасанѣ. Усвоенный такими персидскими сектантами, которые были мусульманами только по имени, суфизмъ въ Иранѣ сталъ рѣзко отличаться отъ суфизма западно-исламскаго, довольно легко примирившагося съ подлинною коранною догматикой; связующимъ звеномъ обѣихъ вѣтвей суфизма служилъ аскетическій образъ жизни. III в. Гиджры есть вѣкъ взаимныхъ суфійскихъ недоразумѣній. На этомъ пунктѣ референтъ остановился, такъ какъ эволюція суфизма въ III в. Гиджры составитъ предметъ особаго доклада.

Въ заключеніе референтъ изложилъ тѣ стороны суфизма, которыя привлекали массу адептовъ. *Аскетизмъ* суфійскій охотно усвоивался массой въ виду бѣдственныхъ соціально-экономическихъ условій жизни Востока. *Мистицизмъ* имѣлъ значеніе по многимъ причинамъ: 1) онъ давалъ успокоеніе человѣку, утомленному безконечными религіозными спорами, которыми былъ такъ богатъ II вѣкъ Гиджры; 2) суфійскія мистическія откровенія имѣютъ ту прелесть, что даютъ отвѣты на вѣковѣчные вопросы о міровыхъ тайнахъ; 3) мистицизмъ являлся естественною религіей той массы, которая не понимала Корана, написаннаго на арабскомъ языкѣ. Мистическій *пантеизмъ* имѣлъ силу потому, что позволялъ человѣку ощущать себя частью божества, тогда какъ деизмъ Корана разъединяетъ человѣка и божество; кромѣ того, грубыя исламскія представленія о воздаяніи заставляли болѣе возвышенную душу отвергнуть исламъ и принять суфійскую пантеистическую теорію сліянія души человѣческой съ душой всемірною.

Въ засѣданіи Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 26 февраля 1893 года, былъ прочтенъ отчетъ Н. Н. Пантусова о продолженіи его изслѣдованій (прошлую осенью) при-Пишпекскаго несторіанскаго кладбища и его окрестностей. Въ Китаѣ, Монголіи и Туркестанѣ несторіанскія общины, состоящія изъ пришлыхъ Сирійцевъ и изъ обращенныхъ ими въ христіанство туземцевъ, существовали съ VII по конецъ XIV вѣка, по Тамерлановъ погромъ. Отъ этого семивѣковаго существованія, захватившаго между прочимъ цѣлое племя Кераитовъ, остались: слѣды въ обрядахъ буддійскихъ, алфавиты: уйгурскій, монгольскій и друг., свѣдѣнія китайскихъ источниковъ (обширѣйшее собраніе которыхъ сдѣлано покойнымъ архим. Палладіемъ въ „Вост. Сборникъ“, Спб. 1870), арабскихъ писателей и западныхъ путешественниковъ (Марко Поло, Рубруквисъ, Плато Карпини и др.). Но вещественный памятникъ несторіанства въ Средней Азіи былъ извѣстенъ лишь одинъ: чудная, пространныя Китайско-Сирская христіанская надпись восьмаго вѣка, найденная и хранящаяся въ древней столицѣ Китая, Си-нян-фу.

Но въ 1885 г. въ русскомъ Туркестанѣ, въ окрестностяхъ оз. Иссыкуля, гдѣ и не подозрѣвалось существованіе когда либо несторіанъ, открыто два обширныя ихъ кладбища (при г. Пишпекѣ и Токмакѣ), съ камнями украшенными крестами и надписями сирскимъ алфавитомъ на сирскомъ и турецкомъ языкахъ. Начальство Семирѣченской области приняло мѣры къ сохраненію драгоценнаго нежданнаго памятника, а старшій чиновникъ особыхъ порученій при семирѣченскомъ губернаторѣ, Н. Н. Пантусовъ, отдалъ ежегодному неустанному и умѣлому изслѣдованію кладбищъ и ихъ окрестностей то рѣдкое время, которое остается у него отъ его обширныхъ административныхъ трудовъ. Доселѣ Н. Н. Пантусовъ изслѣдовалъ около 100 могилъ, изслѣдовалъ окрестности кладбищъ, засыпанные землей остатки города вокругъ кладбища Пишпекскаго города, погибшаго въ пожарѣ, какъ сообщаетъ послѣдній

отчетъ Н. Н. Пантусова, прислалъ въ С.-Петербургъ, въ Императорскую Археологическую Коммисію, болѣе ста подлинныхъ камней (въ Москвѣ около 20 камней хранятся въ Историческомъ музеѣ) и снабдилъ русскихъ изслѣдователей снимками съ болѣе чѣмъ 600 надписей—матеріаль замѣчательно богатый! Такъ воскресло предъ нами неожиданно бывшее христіанское населеніе въ Туркестанѣ, воскресъ несторіанскій городъ, говорящій своими надписями ¹⁾.

Затѣмъ С. С. Слущкій сообщилъ наиболѣе яркія изъ 200 просмотрѣнныхъ имъ надписей изъ новой присылки Н. Н. Пантусова (прислано около 350 надписей, что съ прежними заходитъ за 600). Эти надписи даютъ интересныя указанія для хронологіи надписей (доселѣ надписи были съ половины XIII до пол. XIV вѣка, нынѣ одна восходитъ, кажется, къ самому началу XIII в.), для мѣстнаго календаря сирскаго и турецкаго, для семейныхъ отношеній, церковнаго и общественнаго быта, именъ личныхъ и словаря.

Кромѣ крестовъ, на нѣкоторыхъ камняхъ оказываются изображенія предметовъ (кувшины, столики, тамги). Разнообразіе крестовъ на камняхъ возбуждаетъ невольный интересъ.

Х. И. Кучукъ - Іоаннесовъ сообщилъ о путешествіи нѣмецкаго ученаго Вольдемара Белька по русской и турецкой Арменіи со спеціальною цѣлью изслѣдованія ванскихъ клинообразныхъ надписей. Въ 1891 онъ посѣтилъ Елисаветпольскую и Эриванскую губерніи; особенное вниманіе онъ обратилъ на берега Гокчайскаго озера, гдѣ онъ нашелъ одну новую надпись и снялъ новые снимки съ надписей Аличалу и Ордаклу. Затѣмъ онъ отправился въ Ванъ, гдѣ, при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, ему удалось найти большое число новыхъ надписей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ найденная имъ въ горѣ Варакъ, вблизи Вана, огромная стела съ надписью ванскаго царя Русы въ 33 строки. Всего надписей открыто имъ болѣе 30. Матеріаль этотъ Белькъ передалъ извѣстному нѣмецкому ассириологу Леману, который и опубликовалъ въ недавнее время статью въ изданіи Берлинскаго Этнографическаго Общества. Леманъ съ большою похвалою отзывается о снимкахъ Белька и придаетъ особенное значеніе надписямъ, относящимся къ прорытію канала на югъ отъ Вана царемъ Менуасомъ. При этомъ Леманъ дѣлаетъ опыты перевода этихъ надписей съ комментариемъ. Народъ, которому принадлежатъ эти надписи онъ называетъ новымъ именемъ *понтійскихъ Халдеевъ* въ отличіе отъ Халдеевъ месопотамскихъ.

Въ дополненіе къ прочтенному реферату, М. В. Никольскій указалъ на весьма важное значеніе факта снятія Белькомъ надписи въ Аличалу, такъ какъ до сего времени ни одному изъ русскихъ изслѣдователей не удавалось снять эту важную надпись, равно какъ на высокое значеніе открытыхъ имъ въ Ванѣ надписей. Въ одной изъ нихъ называется вмѣстѣ съ царемъ Менуасомъ другой его сынъ по имени *Инуспасъ* (а не Аргистисъ). Референтъ,

¹⁾ «Древности Восточныя» Имп. Моск. Арх. Общ., выпускъ 1 и 2.

разобравъ мѣста изъ Ксенофонта, на которыхъ Леманъ основываетъ свое названіе ванскаго народа Понтійскими Халдеями, полагаетъ со своей стороны, что это названіе преждевременно; точно также сообщилъ онъ и другіе выводы Лемана относительно ванскихъ надписей, насколько онъ познакопился съ ними изъ статьи Белька и Лемана въ *Zeitschrift für Assyriologie* о надписи въ Коршунской мечети въ городѣ Ванѣ.

Въ осеннихъ засѣданіяхъ 1892 года Московскаго Нумизматическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ В. К. Трутовскаго, между прочимъ были сдѣланы слѣдующіе доклады: о сочиненіяхъ Галиба-Эдхема-бея на турецкомъ языкѣ: 1) каталогъ монетъ и медалей собранія автора и 2) опытъ нумизматики Сельджукидовъ; предсѣдатель Общества отнесся объ обоихъ сочиненіяхъ съ величайшею похвалою, хотя, къ сожалѣнію, авторъ не могъ воспользоваться, за незнаніемъ языка, трудами русскихъ ученыхъ по нумизматикѣ Сельджукидовъ. В. А. Уляницкій сообщилъ о единственномъ до сихъ поръ литовскомъ талерѣ (полкопкѣ) Сигизмунда Августа 1565 г., принадлежащемъ собранію гр. Уварова, рѣдкость котораго объясняется референтомъ тѣмъ, что талеръ пробный. Хранителемъ Бергенскаго Музея (въ Норвегіи), г. Густафсономъ, было сообщено о находкѣ въ Несбое, близъ Молде, клада средневѣковыхъ западно - европейскихъ монетъ съ обломками куфическихъ диргемовъ и монеты вел. кн. Ярослава; статья объ этой находкѣ имѣетъ быть напечатана въ готовящемся къ выходу I-му тому трудовъ Моск. Нум. Общества. М. Г. Деммени сообщилъ нѣсколько документовъ, касающихся изготовленія персидскими мастерами медали на взятіе Эривани въ 1828 г., объ отчеканкѣ медали въ память посѣщенія Государемъ Императоромъ мюнцъ-кабинета великаго князя Георгія Михайловича и жетоновъ, выдаваемыхъ великимъ княземъ „посѣтителю“ и о чеканкѣ нѣкоторыми частными лицами жетоновъ въ память Свящ. Коронованія 15 Мая 1883 года. А. К. Жизневскій сообщилъ о городенскихъ монетахъ, которыя были чеканены въ Старицѣ, такъ какъ, на основаніи историческихъ документовъ, Городня и Старицы тождественны; монеты съ надписью п ч а т ь Я р о с л , по мнѣнію г. Жизневскаго, можно приурочить князю Ярославу Александровичу и, наконецъ, мѣдныя монеты, находимыя въ Тверской губ. съ изображеніемъ, похожимъ на букву С, г. Жизневскій предполагаетъ отнести князю Семену Константиновичу Дорогобужскому, получившему въ удѣль Семеновъ городокъ. Изъ монетъ, между прочимъ, былъ демонстрированъ снимокъ съ деньги Петра I, 1700 г., принадлежащей г. Чистоклѣтову въ Калугѣ, съ надписью самодержавны повелитель, которая до сихъ поръ ни разу не встрѣчалась.

11 - го февраля 1893 г., въ московскомъ архитектурномъ Обществѣ П. В. Никитинъ прочелъ докладъ о работахъ по реставраціи Варварской башни

и устройству часовни. Въ 1875 г. былъ составленъ проектъ устройства часовни въ Варварской башнѣ и въ слѣдующемъ году начались работы. Варварская башня составляла одну изъ самыхъ главныхъ стрѣльницъ Китай-города, но была заброшена, надо полагать, со времени изгнанія поляковъ изъ Кремля полчищами кн. Пожарскаго. Огражденіе Китай-города каменной стѣной было задумано отцемъ Іоанна Грознаго, в. к. Василиемъ Ивановичемъ, и исполнено во время правленія Елены Глинской, вполнѣ же окончено около 1534 г., о чемъ свидѣтельствуется и архитектура ея—первой половины XVI вѣка. Въ 1620 г. часть стѣны около Варварской башни подверглась значительному поврежденію. При реставраціи башни, не измѣняя прежняго чертежа и приспособленія ея для часовни, были сдѣланы слѣдующія работы: въ 1-мъ этажѣ башни, теперь подвальномъ, устроены духовыя печи; во 2-мъ этажѣ, теперь 1-мъ, устроена часовня съ пристройкой для сторожей. Внутри часовни поставленъ иконостасъ изъ итальянскаго мрамора. Образа написаны на мѣдныхъ доскахъ академикомъ Н. М. Быковскимъ. Въ центральной нишѣ поставлена древняя икона Боголюбской Божіей Матери. Полъ часовни и паперть высланы тарусскимъ камнемъ. Въ 3-мъ этажѣ, теперь 2-мъ, устроены кельи для настоятеля и монаховъ, служащихъ въ часовнѣ, и трапезная. Терраса вокругъ шатра покрыта асфальтомъ. (Русск. Вѣд., № 42, 1893 г.).

25 - го февраля 1893 г., въ московскомъ архитектурномъ Обществѣ, Д. Н. Чичаговъ прочелъ докладъ: „Реставрація иконостаса Успенскаго собора въ Москвѣ въ 1882 г.“. Большой Успенскій соборъ въ Москвѣ построенъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ III, для чего въ 1475 г. онъ вызвалъ черезъ своего посла въ Венеціи Толбузина, болонскаго уроженца Фіоравенти, котораго „хитрости ради зваху Аристотелемъ“. Соборъ былъ освященъ въ 1478 г., такъ что по сіе время онъ существуетъ уже 415 лѣтъ. За это время своего существованія онъ перенесъ не мало невзгодъ, нѣсколько разъ горѣлъ вмѣстѣ съ Москвою, но самое большое разореніе было въ 1812 г.: ризница собора была вывезена въ Вологду, но иконостасъ съ иконами, конечно, оставался на мѣстѣ. Непрiятель вывезъ изъ него 325 пуд. серебра и 18 пуд. золота. По выходѣ непрiятеля изъ Москвы было приступлено къ возобновленію собора. Дѣло это было совершено усердіемъ частныхъ лицъ и, между прочимъ, бывшимъ въ то время старостою собора В. Третьяковымъ. Возстановленіе это было сдѣлано очень спѣшно и узоръ иконостаса возстановили по уцѣлѣвшимъ частямъ. Въ 1882 г., передъ коронаціей царствующаго нынѣ Императора Александра III, иконостасъ этотъ было рѣшено возобновить. Для сего была образована коммиссія, состоявшая изъ прокурора московской синодальной конторы, протопресвитера собора, двухъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, И. Е. Забѣлина, В. Е. Румянцева и старосты собора М. Е. Попова. Производителемъ работъ былъ назначенъ Д. Н. Чичаговъ. При обсужденіи общаго расположенія частей

новаго дубоваго иконостаса комиссіей рѣшено было сохранить существующее расположеніе всѣхъ частей, какъ схожее съ описями иконостаса, начиная съ 1627 г. Нѣкоторыя иконы, пропущенныя при реставраціи 1813 г., были возстановлены по рисункамъ, находящимся въ книгѣ вѣнчанія на царство Михаила Ѳедоровича, и по гравюрамъ, изображающимъ коронованіе Императрицы Анны Іоанновны. Стоимость работъ изъ серебра достигла очень значительной цифры—всего серебра было употреблено около 1,200 фунтовъ и фунтъ серебра съ золоченіемъ обошелся около 85 р. (Русск. Вѣд., № 57, 1893 г.).

По случаю исполнившагося 15-тилѣтія дѣятельности Археологическаго института, 15-го января 1893 г. состоялось торжественное засѣданіе. Въ числѣ присутствовавшихъ находились профессоры института во главѣ съ директоромъ—А. Н. Труворовымъ и много приглашенныхъ лицъ.

Директоръ института А. Н. Труворовъ сдѣлалъ обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій въ 1891 г., учрежденныхъ по инициативѣ покойнаго Н. В. Калачова съ цѣлью обследовать и разработать памятники русской старины. Къ дѣйствовавшимъ въ 1890 г. костромской, нижегородской, оренбургской, орловской, пермской, рязанской, саратовской, таврической, тамбовской, тверской и ярославской комиссіямъ прибавилась въ 1891 г. калужская. При вновь открытой комиссіи, благодаря дѣятельности, главнымъ образомъ, гг. Симсона и Четыркина, организованъ музей, собрана библіотека изъ 300 названій и положено начало издательской дѣятельности. Въ настоящее время ученые архивныя комиссіи находятся въ крайне печальномъ положеніи по скудости матеріальныхъ средствъ. Несмотря на это, большинство ихъ стремится осуществить свое назначеніе, отыскивая и описывая древности, разбирая архивы казенные и семейные, составляя изъ найденныхъ документовъ рефераты и извлеченія и печатая знаменательные акты. Между прочимъ, предсѣдатель костромской комиссіи, сенаторъ К. Н. Селифонтовъ составилъ систематическую опись 440 рукописей перваго отдѣленія Линевскаго архива. Его указатель именъ препровожденъ директоромъ Археологическаго института, какъ образецъ, для руководства при изданіяхъ актовъ, во всѣ ученые комиссіи.

Профессоръ института Н. И. Веселовскій сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ прошлаго года близъ Симферополя. Сообщение демонстрировалось предметами, найденными въ могильникахъ. Г. Веселовскимъ были раскопаны два кургана, принадлежащіе скиѳамъ. Въ одномъ изъ нихъ найденъ костякъ мужчины въ лежачемъ положеніи, пять амофоръ съ надписями, черепъ лошади, кожаная уздечка съ наборомъ, кости быка и ножъ. Въ срединѣ гробницы находились желѣзные копья, мечъ и колчанъ со стрѣлами. Интересны изображенія на колчанѣ орла, держащаго въ клювѣ какого-то звѣря съ пушистымъ хвостомъ, и грифоновъ, пользовавшихся у скиѳовъ большимъ уваженіемъ, такъ какъ грифоны, по вѣрова-

нію скиновъ, защищали и предохраняли человека отъ несчастій. Платье покойника было, видимо, изъ черной матеріи, украшенной золотыми бляшками въ формѣ небольшихъ треугольниковъ и ромбовъ. На головѣ найдена кожаная шапка съ золотыми бляхами. Въ другомъ курганѣ обнаруженъ женскій скелетъ въ сидячемъ положеніи. Кругомъ находились женскія украшенія: серьги, представляющія собою изображеніе грифона съ ушами и раскрытымъ клювомъ и др. Найденные при раскопкахъ предметы поступятъ на храненіе въ Эрмитажъ. (Нов. Вр. № 6066, 1893 г.).

18-го января 1893 г. состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Помощникъ предсѣдателя А. Θ. Бычковъ привѣтствовалъ Его Высочество рѣчью, въ которой отъ лица всего Общества выразилъ увѣренность, что Императорское Русское Археологическое Общество, въ теченіе 47 лѣтъ всегда пользовавшееся вниманіемъ своихъ покойныхъ предсѣдателей, ихъ императорскихъ высочествъ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго и великаго князя Константина Николаевича, въ настоящее время, подъ высокимъ покровительствомъ Его Высочества, будетъ продолжать съ неослабнымъ рвеніемъ свои занятія надъ разъясненіемъ древностей какъ нашего отечества и близкой ему Византіи, такъ и классическаго Запада и странъ Востока. Засѣданіе было посвящено реферату Н. И. Веселовскаго „О раскопкахъ кургановъ подъ Симферополемъ лѣтомъ 1892 года“. (Нов. Вр. № 6069, 1893).

5-го февраля 1893 г. состоялось засѣданіе славяно-русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Засѣданіе было посвящено докладамъ В. И. Ламанскаго („Новый документъ о Константинѣ-философѣ“) и А. В. Половцева— („Столица гетмановъ Батуринь, его прошлое и его настоящее“). В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе отдѣленія на опубликованный въ прошломъ году нѣмецкимъ ученымъ Фридрихомъ документъ, проливающій новый свѣтъ на обстоятельства жизни славянскаго первоучителя Кирилла-Константина философа. Такимъ документомъ является письмо современника Константина философа, Анастасія бібліотекаря къ епископу Гавдерику въ Велитрахъ, въ Италіи, сохранившемся въ сборникѣ XIV вѣка изъ собранія рукописей одного изъ лиссабонскихъ монастырей. Въ письмѣ этомъ констатируется, между прочимъ, несомнѣнная принадлежность Константину философу слова объ обрѣтеніи мощей святаго Климента, папы римскаго и краткой исторіи этого обрѣтенія. Чтеніе свое о достопримѣчательностяхъ Батурина А. В. Половцевъ иллюстрировалъ на экранѣ посредствомъ волшебнаго фонаря и, такимъ образомъ, наглядно представилъ это мѣстечко, Черниговской губ. Конотопскаго уѣзда, съ его богатымъ историческимъ прошлымъ. Одна изъ

достопримѣчательностей Батурина — такъ называемый городокъ Мазепы, укрѣпленіе на крутомъ берегу рѣки Сейма; другимъ замѣчательнымъ памятникомъ здѣсь является роскошный дворецъ послѣдняго малороссійскаго гетмана Кирилла Разумовскаго, обращающійся въ настоящее время въ развалину. Дворецъ этотъ, поражаетъ своей выдержанностью стили, въ духѣ древне-греческихъ орденовъ, и своею грандіозностью. Въ томъ же засѣданіи А. В. Половцевъ представилъ разъясненіе интересующаго многихъ западныхъ эстетиковъ вопроса, куда исчезло одно изъ замѣчательнѣйшихъ изваяній знаменитаго Торвальдсена, конная статуя Іосифа Понятовскаго, польскаго генерала, погибшаго въ рѣкѣ Эльстерѣ. Эта прекрасная статуя, сдѣланная въ духѣ римской конной статуи императора Марка Аврелія и представляющая Іосифа Понятовскаго въ видѣ римскаго всадника, украшаетъ зданіе дворца графа Паскевича-Эриванскаго въ Гомель, уѣздномъ городѣ Могилевской губерніи. (Нов. Вр. № 6087, 1893 г.).

Въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 12 февраля 1893 г., А. К. Марковымъ было сдѣлано сообщеніе „Нумизматическій комментарий на одно мѣсто изъ Лукана“. Фактъ существованія права у римскихъ военачальниковъ выпускать отъ своего имени (во времена республики) монеты, какъ банковыя такъ и кредитныя, былъ уже давно установленъ Моммзеномъ, Ленорманомъ и др. Выпускавшіяся въ силу *imperium militare* въ римскомъ лагерѣ монеты чеканились изъ *lateres argentei atque aurei*, которыя римскій полководецъ получалъ отъ сената изъ Рима или же изъ награбленнаго имъ серебра и золота при успѣшныхъ военныхъ операціяхъ. Чеканъ монеты производился въ походномъ монетномъ дворѣ, но о немъ ни одинъ изъ *scriptores rei militaris*, оставившихъ намъ столь подробныя описанія устройства лагеря, не упоминаетъ. Точно также и у другихъ латинскихъ писателей не говорится ничего объ этихъ *monetae*. Единственное упоминаніе о немъ находится у Лукана (*Pharsalia*, I, 380): *Numina miscebit castrensis flamma monetae*, т. е. статуи (боговъ) расплавить пламя походнаго монетнаго двора; — но до сей поры ни одинъ изъ его многихъ ученыхъ комментаторовъ, со включеніемъ и всѣхъ древнихъ схолиастовъ Фарсалій, не понялъ этого мѣста. Бурманъ, Веберъ, Оудендорпъ и др. полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о храмѣ богини *Juno Moneta*, находившемся въ Римѣ. Г. Марковъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ о походномъ монетномъ дворѣ *Moneta castrensis*, на которомъ центуріонъ Лелій предлагалъ Цезарю сплавить и перечеканить въ монету статуи боговъ по его первому желанію. Б. А. Тураевъ сообщилъ „О народѣ Кефть въ египетскихъ памятникахъ“; референтъ, ссылаясь на недавно изданныя изображенія народовъ — данниковъ на гробницахъ двухъ высшихъ египетскихъ сановниковъ времени царя Тутмеса III (1503—1449 г. до Р. Х.), обращаетъ вниманіе на приносимые этими данниками богатые

дары, въ которыхъ сказывается высокая культура и изощренный вкусъ Кипра и Микенъ, при чемъ данники эти являются на египетскихъ памятникахъ вмѣстѣ съ Финикіянами, которыхъ, на ряду съ жителями острововъ Средиземнаго моря, Египтяне называли общимъ именемъ Кефть.

16-го февраля 1893 года, въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, сдѣланъ былъ докладъ В. В. Бартольдомъ „О турецкой легендѣ Коркудъ-Намэ“. Рукопись древней турецкой поэмы о Коркудѣ сохранилась въ Дрезденской королевской библіотекѣ. Одинъ изъ эпизодовъ этой поэмы представляетъ поэтической разсказъ о богатырѣ въ борьбѣ съ ангеломъ смерти Азраиломъ; богатырь спасенъ самоотверженіемъ жены, готовой отдать за него свою душу, что сдѣлать для него не согласились престарѣлые родители. Въ томъ же засѣданіи прочтены были сообщенія Н. П. Остроумова („Пѣсня о Викторѣ-баѣ“) и Н. Θ. Петровскаго „О древностяхъ Кашгара“. Н. П. Остроумовъ доставилъ записанную со словъ кокандскихъ бачей пѣсню объ одномъ русскомъ промышленномъ дѣятелѣ самаго недавняго времени, который, будучи представителемъ большой русской торговой фирмы, произвелъ растрату въ двѣсти тысячъ рублей, при чемъ оказался неисправнымъ должникомъ и по отношенію ко многимъ туземцамъ, довѣрявшимъ ему свои деньги на храненіе. Н. Θ. Петровскій, произведя раскопки на мѣстѣ древняго урочища Ханъ-Уй, близъ Кашгара, съ особымъ вниманіемъ останавливается, между прочимъ, на сохранившемся здѣсь большомъ каменномъ сооруженіи, которое туземцы называютъ голубятнею, а равно указываетъ на большое количество находимыхъ здѣсь старинныхъ стеклянныхъ вещей мѣстнаго производства. (Нов. Вр. № 6097, 1893 г.).

26-го февраля 1893 г., въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, А. Θ. Семеновъ сдѣлалъ сообщеніе „О гражданской присягѣ херсонесцевъ“. Эта клятвенная формула, начертанная на камнѣ, найденномъ въ развалинахъ Херсонеса, по опредѣленію опубликовавшаго ее В. В. Латышева, относится ко второй половинѣ III вѣка до Р. Хр. и содержитъ данныя для опредѣленія политическаго устройства древней греческой колоніи на южномъ берегу Таврическаго полуострова. Анализируя эти данныя и сопоставляя разбираемый памятникъ съ клятвенными формулами острова Крита, докладчикъ указываетъ на демократическія начала, положенныя въ основу гражданской присяги херсонесцевъ. Въ томъ же засѣданіи А. И. Покровскій прочиталъ рефератъ „Объ археологическихъ и топографическихъ данныхъ въ сочиненіи Аристотеля объ Аѳинскомъ государствѣ (*Ἀθηναίων πολιτεία*)“. Докладчикъ подвергъ подробному пересмотру фактическую сторону сочиненія Аристотеля и со-

поставилъ каждое изъ его указаній на топографію древнихъ Аѳинъ съ соотвѣтственными свѣдѣніями о древностяхъ Аѳинъ, какія имѣются у дошедшихъ до насъ другихъ классическихъ авторовъ. (Нов. Вр. № 6107, 1893).

Въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности, въ засѣданіи 22 января 1893 г., И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о житіи св. Питирима, еп. Пермскаго. До сихъ поръ извѣстно было довольно длинное житіе его, написанное въ XVIII в. и изданное г. Михайловымъ, но теперь референтъ отыскалъ проложную память Питирима въ рукописи XVI в. Разсматривая оба текста г. Шляпкинъ пришелъ къ выводу, что редакція XVIII в. стоитъ въ зависимости отъ „Памяти“ и интерполирована вставками изъ другихъ житій. По поводу этого доклада, нѣкоторыя замѣчанія были сдѣланы П. И. Савваитовымъ, занимавшимъ на сей разъ предсѣдательское кресло. Вслѣдъ за тѣмъ секретарь Общества доложилъ собранію о выходѣ въ свѣтъ 92 выпуска Памятниковъ: „Изреченія Исихія и Варнавы“ (трудъ В. А. Семенова) и 102 нумера изданій Общества: „Можайскіе Акты“ (собраніе арх. Діонисія), сдѣлалъ сообщеніе о новомъ апокрифѣ, имѣющимъ связь съ повѣстью о Синагрипѣ. Разказъ этотъ, озаглавленный „Словомъ о патріархѣ Θεостириктѣ“, носитъ всѣ признаки византійскаго происхожденія и въ основѣ своей содержитъ разъясненіе вопроса, почему святой 29 февраля Θεостириктъ, подобно Кассіану, чествуется церковью всего разъ въ четыре года, тогда какъ, напримѣръ, память св. Николая празднуется 2 или даже 3 раза въ году. М. А. Гамазовъ принесъ въ даръ музею Общества дубовую вѣтку съ могилы Вашингтона (?) и придворную скатерть 1783 г. съ инициалами Великой Княгини Елены Павловны (Нов. Вр. № 6074, 1893 г.).

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій философско-историческаго отдѣла вѣнской академіи знаменитый славистъ *И. В. Яичъ*, сообщилъ краткій отчетъ о приготовляемомъ имъ къ печати изслѣдованіи и изданіи вновь найденныхъ глаголическихъ отрывковъ, представляющихъ живой интересъ для всѣхъ, занимающихся исторіей славянской письменности *). Мы передаемъ этотъ интересный отчетъ цѣликомъ:

„Когда я три года тому назадъ былъ занятъ изданіемъ глаголическихъ „Вѣнскихъ листковъ“ („Glagolitica“ появились въ XXXVIII томѣ журнала *Denkschriften* Вѣнской академіи), я получилъ изъ Рима первое извѣстіе о новой находкѣ, которая также принадлежала къ глаголическому отдѣлу старославянской литературы и уже тогда показалась мнѣ немаловажною для дальнѣйшаго уясненія судебъ старославянской письменности. Что я имѣлъ

*) См. *Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der K. K. Wiener Akademie der Wissenschaften*. Wien. 1893.

сказать по этому поводу въ первую минуту, читатели найдутъ въ указанномъ выше изданіи (стр. 32, прим. 1). Тѣмъ временемъ прошло болѣе двухъ лѣтъ и неожиданно и эта новая находка попала въ мои руки: югославянская академія въ Загребѣ поручила мнѣ изданіе новооткрытаго памятника, перешедшаго въ ея владѣніе. Мое изслѣдованіе въ теченіе этого года появится въ сборникѣ *Starine*; но такъ какъ мои взгляды на значеніе новой находки уже установились, то я позволяю себѣ сообщить здѣсь краткій отчетъ о результатахъ занятій, посвященныхъ мною этому предмету. —

Новонайденные отрывки состоятъ, къ сожалѣнію, всего изъ четырехъ пергаменныхъ листковъ въ малую четверку, точнѣе говоря — изъ двухъ вдвое сгибаемыхъ листовъ тетради пергамента, именно — внѣшняго перваго листа и внутренняго третьяго. Отсюда ясно, что съ концемъ каждаго листка прерывается текстъ. Содержаніе составляетъ старославянскій переводъ части Дѣяній Апостольскихъ, именно главы IV — IX, не полностью, а съ указанными перерывами. Вся рукопись представляла нѣкогда „Апостоль“, т. е. часть Новаго Завѣта, обнимающую Дѣянія и Посланія. Старославянская литература не бѣдна текстами этого рода, однако чаще встрѣчаются такъ называемые Апостолы Апракосъ (извлеченія въ видѣ церковныхъ чтеній), чѣмъ полные тексты. Памятникъ послѣдняго рода, но писанный кириллицей, находится въ императорской публичной библіотекѣ въ Спб., еще другой — въ Болоньѣ. Глаголическіе памятники этого рода до сихъ поръ не были извѣстны. Поэтому, если-бы наша рукопись сохранилась въ полномъ видѣ, мы имѣли-бы въ ней параллель къ такимъ Четвероевангеліямъ, какъ Зографское, Маріинское и др. Однако по языку эти отрывки принадлежатъ сербохорватскому изводу славянской письменности, въ нихъ пишется Ѣ вм. ѐ, э вм. е или ѣ и т. д.; но въ отличіе отъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ глаголическихъ текстовъ хорватскаго происхожденія, листки еще отличаютъ ѣѣ (-ѣи) отъ ѣ (-и), хотя и не безъ исключеній. Только слабые слѣды того древняго оригинала, который содержалъ носовые звуки, сохранились въ нѣсколькихъ случаяхъ употребленія ѣѣ. Но въ грамматическихъ формахъ и словарѣ отрывки обнаруживаютъ всѣ признаки древнѣйшей редакціи, такъ какъ въ выборѣ чтеній они примыкаютъ къ древнѣйшимъ текстамъ старославянскаго Апостола, а въ грамматическомъ отношеніи украшены столь рѣдкими формами, какъ сильный аористъ и аористъ сигматическій безъ соединительной гласной, или какъ формы имперфекта на -шеѣ.

Все это уже само по себѣ обезпечиваетъ отрывкамъ относительно глубокую древность, но только совпаденіе этихъ признаковъ съ нѣкоторыми палеографическими особенностями, между которыми болѣе всего важенъ круглый характеръ глаголическаго письма, дѣлаетъ изъ нихъ многозначительное *unicum*, которому выпадаетъ на долю, подобно Пражскимъ, Кіевскимъ и Вѣнскимъ листкамъ, расширить нашъ кругозоръ и при томъ — отмѣтимъ съ удовлетвореніемъ — въ направленіи нашихъ предыдущихъ пред-

положеній и комбинацій, основательность которыхъ устанавливаетъ новая находка. — Уже давно было извѣстно, что въ кирилловскихъ памятникахъ сербской письменности съ древнѣйшихъ временъ обнаруживается извѣстнаго рода дуализмъ, который въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ (XV—XVII) становится болѣе и болѣе характернымъ, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, надлежитъ различать два типа: юго-восточный, сербскій по преимуществу, и сѣверо-западный, боснійскій типъ. Этотъ послѣдній былъ замѣченъ прежде всего въ печатныхъ изданіяхъ XVII вѣка, позднѣе — въ древнихъ грамотахъ Босніи, пока онъ не былъ наконецъ обнаруженъ также въ литургическихъ книгахъ (Евангеліяхъ, Апостолахъ, Псалтыряхъ). Только что названные тексты навели далѣе на предположеніе, что боснійскій типъ кирилловской письменности обязанъ своими выдающимися палеографическими и орфографическими особенностями своей тѣсной связи съ глаголизмомъ. Все это оставалось до сихъ поръ не всѣми учеными раздѣляемымъ предположеніемъ, для котораго не доставало фактическихъ подтвержденій. Только теперь новонайденные отрывки заполняютъ пробѣлъ въ нашихъ доказательствахъ. Листки Матанича — такъ называю я памятникъ по имени лица, нынѣ уже умершаго, которое въ 1888 году перенесло ихъ въ Римъ, были открыты, правда, на островѣ Кркѣ (Veglia) въ городѣ Врбникѣ (Verbenico), но есть несомнѣнные признаки, что ихъ первоначальной родины слѣдуетъ искать далѣе на востокъ, т. е. въ предѣлахъ Босніи, весьма вѣроятно — въ южныхъ частяхъ этой страны. Рукопись, уцѣлѣвшій остатокъ которой представляютъ наши четыре листка, была написана, приблизительно, въ концѣ XII-го вѣка, и только позднѣе, на примѣръ, въ концѣ XIII-го вѣка, кто-то снабдилъ на поляхъ глаголическій текстъ кирилловскими замѣтками, въ которыхъ даны указанія, гдѣ начинаются чтенія и когда они должны читаться. Эти замѣтки, на что должно быть обращено особое вниманіе, исполнены въ стилѣ боснійской кириллицы и относятся къ чтеніямъ по восточному раздѣленію церковнаго года. Отсюда получается выводъ, что этотъ Апостоль въ эпоху написанія кирилловскихъ замѣтокъ на поляхъ его (долго ли послѣ этого — знать нельзя) еще употреблялся въ качествѣ богослужебной книги греко-восточнаго обряда литургии, и при томъ въ предѣлахъ той страны, гдѣ употреблялся боснійскій типъ кириллицы. Такимъ образомъ отрывки оказываются остаткомъ старославянской письменности того болѣе древняго періода, въ который глаголица также и въ такихъ странахъ, какъ Боснія, еще не была вытѣснена кирилловскою письменностью. Далѣе мы можемъ заключить изъ этихъ нѣмыхъ свидѣтелей, что глаголическія книги и въ концѣ XIII-го вѣка еще не совсѣмъ вышли изъ употребленія, если они даже и принадлежали тогда къ рѣдкостямъ. Возможно, но не удостовѣрено, что эта древнѣйшая азбука всего долѣе удерживалась у богомиловъ; однако литургическій характеръ полевыхъ замѣтокъ нашего памятника указываетъ на употребленіе въ православной церкви, а не у богомиловъ.

Эти отрывки пріятнымъ образомъ восполняютъ пробѣлъ въ до сихъ поръ

существовавшихъ взглядахъ на распространеніе глаголитизма. До сихъ поръ говорили только о паннонской, потомъ о македонской и хорватской глаголицѣ въ памятникахъ языка и литературы. Теперь можно знать навѣрное, что прежде позволительно было подозрѣвать: что и лежація между названными областями срединныя земли, и прежде всего Боснія, постоянно служившая соединеніемъ востока съ западомъ, до XII-го вѣка знали и употребляли глаголицу. Судя по палеографическому характеру нашихъ отрывковъ, которые будутъ изданы вполнѣ, въ точнѣйшемъ фототипическомъ воспроизведеніи, глаголическое письмо Босніи и другихъ сербскихъ земель представляло связующее звено между Македоніей и Хорватіей“. (Сообщилъ В. Н. Щепкинъ).

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ин-та Крѣповедческой
и Музейной работы

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Товарищъ Предсѣдателя Д. Анучинъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составляютъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- 1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кроме субботы и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.
- 2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всеѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ

ИЗВѢСТІИ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВЪЕМЫА

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

А. В. ОРЪШНИКОВА.

№ 5

МОСКВА

**ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.**

1893.

ИЗДАВАННЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I

1945г.

 БИБЛИОТЕКА
 НИ Ин-та Краеведческой
 и Музейной работы

58

Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грознаго.

Въ „Археологическомъ описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ“ арх. Макарія, ч. I, стр. 242, при описаніи Знаменскаго собора, упомянуты „двѣ золотыя четырехугольныя продолговатыя медали“ съ надписями, сходными съ находящимися на двухъ, повидимому, такихъ же пластинкахъ, принадлежащихъ Историческому Музею въ Москвѣ. Обѣ пластинки Историческаго Музея серебряныя, ромбической формы, длиною въ 1 верш., и на одной сторонѣ у каждой пластинки находится вырѣзанная въ глубь надпись, исполненная четкою скорописью; заднія стороны обѣихъ пластинокъ гладкія. Верхняя часть ихъ снабжена ушками, снизу же у одной сохранился стержень, у другой видны слѣды припайки, вѣроятно такого-же стержня или, можетъ быть, крючка.

Надпись первой пластинки (см. рис. 11 въ натуральную величину) слѣдующая: Лта *) 7080 г. 6 Октебра сю чепь к прчтой Бце к Знаменью приложил Гдрь своего Ливнскаго по-

*) Между буквами л и а изображенъ треугольникъ, значеніе котораго для меня непонятно.

 ИСТИТУТ
 НАСЛЕДІЯ

ходу. Другая пластинка (рис. 12) имѣтъ слѣдующую надпись: Кпрчтой Знаменю сеі золотоі приложил црвичь Иванъ своего Ливонского походу. ¹⁾ Не выдавъ золотыхъ пластинокъ Знаменскаго Новгородскаго собора, я не могу сказать, на сколько разнятся наши отъ новгородскихъ, но общій характеръ надписей и самый видъ серебра, нѣсколько потускнѣвшаго, показываетъ, что если

Рис. 11.

Рис. 12.

наши пластинки и копии, то сдѣланныя не въ позднѣйшее время. Надписи точно опредѣляютъ время и назначеніе обоихъ памятниковъ: во 2-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. III, стр. 174), подъ 7080 годомъ, 21 Августа, упомянуто о выѣздѣ царя Ивана Васильевича изъ Новгорода, гдѣ онъ жилъ на „Никитинѣ улицы“ одиннадцать недѣль и въ томъ же году осенью царь возвратился въ

Новгородъ съ царевичами Иваномъ и Ѳеодоромъ. ²⁾ Упоминаемая въ обѣихъ надписяхъ новгородская святыня — икона Знаменія Богородицы — особенно чтилась царемъ Иваномъ Васильевичемъ, о чемъ повѣствуетъ та же лѣтопись (стр. 165) подъ 7079 годомъ: 25 Іюня новгородское духовенство и народъ встрѣчали икону Владимірской Божьей Матери, пѣли молебны и понесли икону въ церковь Знаменія при пѣніи многихъ „дьяковъ Московскихъ“; за иконою шель царь съ царевичемъ Иваномъ; принеся икону въ церковь, архіепископъ Леонидъ служилъ молебенъ, а царевичъ у образа знаменовался, чинно и съ страхомъ молился; затѣмъ икона Знаменія вмѣстѣ съ Владимірскою были перенесены въ Софійскій соборъ, а оттуда въ церковь св. Никиты и т. д. Этой чтимой иконѣ Знаменія и были принесены въ даръ царемъ и его сыномъ упомянутые въ надписяхъ пластинки золотая цѣпь и „золотой“. Архимандритъ Макарій ни словомъ не упоминаетъ въ „Описаніи“, сохранились ли цѣпь и монета, хотя обь обломкахъ цѣпи Знаменскаго собора и былъ сдѣланъ въ 1886 г. докладъ въ Общ.

¹⁾ 1) Лѣта 7080 г. 6 Октября сію чепь къ Пречистой Богородицѣ къ Знаменю приложилъ Государь своего Ливонскаго походу. 2) Къ Пречистой Знаменю сеі золотой приложилъ царевичъ Иванъ своего Ливонскаго походу.

²⁾ Карамзинъ, IX, стр. 217. Во второй Новгородской лѣтописи (стр. 167) возвращеніе царя показано 24-мъ Декабря.

Люб. Древн. Письменности (см. Ист. Вѣстн. 1886 г., Февраль, стр. 494) съ демонстраціею фотографіи съ „двухъ обломковъ хранящейся въ ризницѣ Новгородскаго Знаменскаго собора золотой цѣпи, оставленной монастырю Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и его сыномъ Иваномъ Ивановичемъ въ 1572 г. въ память Ливонскаго похода, какъ это значится въ надписи, сдѣланной на сохранившихся обломкахъ“. Не приняты ли ошибкою обѣ золотыя пластинки за обломки цѣпи?

Приложенные царемъ и царевичемъ къ иконѣ цѣпь и золотой, по всей вѣроятности, не представляли изъ себя предметовъ такъ сказать фамилльныхъ, но, судя по надписи „своего ливонскаго походу“ были предметами, полученными обоими участниками Ливонской войны въ память похода или, если можно въ этомъ случаѣ выразиться, въ награду. Хотя о наградахъ за этотъ походъ не имѣется свѣдѣній, но въ „Розрядныхъ книгахъ“ мы находимъ списки наградъ во время похода 1577 г., по которымъ можно заключить, что и за первый походъ 1572 г. были розданы участникамъ награды, не исключая царя и старшаго царевича. Въ „Розрядной“, хранящейся въ библиотекѣ Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (№⁹⁹/₁₃₁ л. 530, in folio) подъ 7085 (1577) годомъ читаемъ:... „къ государю пришла вѣсть, что король Арцмагнусъ послалъ нѣмецъ къ Володимерцу, да Володимерецъ взялъ. И государь царь і великій князь о томъ на короля учалъ кручиниться... да послалъ дворенина своего Богдана Яковлевича Бельскаго, да Деменшу Черемисинова, а велѣлъ имъ въ городъ ѣхати, какъ и въ Куконось въѣхали тѣми жъ обычеи, да королевскихъ нѣмецъ переимати“ (порученіе это было удачно исполнено) „и Государь за ту службу Богдана пожаловалъ золотой португалской да чепъ золоту, а Деменши Черемисинову золотой угорской, а дворяномъ государевымъ по золотой ноугородке, а инымъ по московке золотой, а инымъ по золоченой, а зъ золотыми приезжалъ Ѳома Аѳонасьевичъ Бутурлинъ, а выныхъ розрядехъ пишетъ, что приезжалъ къ Богдану зъ золотыми Михайла Михайловичъ Кривой Салтыковъ“. Этотъ перечень наградъ, кромѣ свѣдѣній о награжденіи ратныхъ людей за походы „золотыми“, предшественниками современныхъ медалей и орденовъ, позволяетъ также судить о степеняхъ наградъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ золотая цѣпь и португальскій золотой, затѣмъ золотыя монеты, угорскія, новгородки, московки и серебряныя вызолоченыя, ходячія въ то время, русскія монеты. Если допустить, что за походъ 1572 г. были розданы награды, то конечно первую степень получилъ царь, какъ верховный начальникъ войска; сопутствовавшій же царю царевичъ Иванъ Ивановичъ получилъ одинъ изъ „золотыхъ“.

О награжденіи за ратныя дѣла имѣются свидѣтельства, и первое,

кажется, упоминаніе о наградахъ золотыми монетами мы находимъ въ 1469 году: во время войны съ Ибрагимомъ Казанскимъ отличились устюжане, и въ награду за это Иванъ III „дважды послалъ имъ по деньгѣ золотой“ и нѣсколько кафтановъ, шубъ и т. д.“¹⁾ Въ 1551 г. за военныя заслуги Шигъ Алея и его войска къ нему и къ воеводамъ посланы золотые, а въ 1555 г. за подвиги противъ черемисъ и казанскихъ татаръ Иванъ пожаловалъ воеводамъ золотые²⁾. При Борисѣ Годуновѣ, въ 1605 году опять встрѣчаемъ въ числѣ наградъ, розданныхъ боярамъ и служилымъ людямъ, сидѣвшимъ въ осадѣ въ Новгородѣ Сѣверскомъ³⁾: боярину и воеводѣ кн. Трубецкому и окольнику и воеводѣ Басманову по золотому въ 5 золотыхъ угорскихъ; двумъ воеводамъ по золотому Угорскому; тремъ головамъ и дьяку по золотому московскому и золотой (безъ обозначенія — какой); четыремъ головамъ же по золотому вполы московскаго; девяти сотникамъ по деньгѣ золоченой, при чемъ одному „дана деньга золотая, что была послана государева жалованья Ивану Зиновьеву, и Ивану дана государева жалованья Ноугородка золочена“; дѣтямъ боярскимъ 148-ми, столькимъ же приблизительно стрѣльцамъ и 53 пушкарямъ и затынщикамъ по новгородкѣ золоченой; около 250 стрѣльцамъ и 175 казакамъ по деньгѣ золоченой; да сверхъ росписи 14 пушкарямъ и казацкимъ и стрѣлецкимъ дѣтямъ по новгородкѣ золоченой, а 15-ти по деньгѣ золоченой; а всего 2 золотыхъ по 5 золотыхъ угорскихъ, да 2 золотыхъ угорскихъ, 4 золотыхъ московскихъ, да 4 золотыхъ вполы московскихъ, да 9 московкѣ золотыхъ, да 418 ноугородокѣ золоченыхъ, да 411 московкѣ золоченыхъ. А за расходомъ осталось 145 ноугородокѣ золоченыхъ, да 225 московкѣ золоченыхъ, и тѣ ноугородки и московки взяты въ Московскій Розрядъ. Сверхъ того 420 служилымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ роздано 1283 рубля (по 5, 3, 2 и 1 рублю) и др. награды.

Изъ приведенныхъ мною данныхъ о наградахъ на Руси XVI и начала XVII ст.⁴⁾ можно заключить, что медалей, нарочно отчеканенныхъ для награды, въ томъ смыслѣ, какой мы имѣемъ о теперешнихъ медаляхъ, тогда не было, а пользовались или иностранными монетами — португальскими, венгерскими, или же золотили обыкновенныя ходячія

1) Карамзинъ, VI, прим. 26 (ссылка на Арханг. Лѣт.).

2) Карамзинъ, VIII, прим. 232, 396 и 397.

3) Акты Моск. Гос. I Разрядный Приказъ, № 42, стр. 66.

4) Въ XVII в. до Петра I въ награду за ратныя дѣла и въ память какихъ либо событий, напр., царскихъ свадебъ и т. п. раздавали золотыя монеты иностранныя или русскія нарочно на тотъ случай отчеканенныя. См. объ этомъ свидѣтельства Маржерета, Петрея и др. въ „Трудахъ Московскаго Нумизмат. Общ.“ т. I, стр. 57.

серебряныя русскія монеты; если же награждали „золотымъ“ русскимъ (новгородка, московка), то эти золотые имѣли форму монеты, т. е. лишены были ушка, а вѣроятно просверливались, какъ это мы видимъ на нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ экземплярахъ того времени. ¹⁾ Золотой монеты въ Россіи до Петра Великаго не чеканили, поэтому возможно предположить, что упоминаемые въ приведенныхъ мною мѣстахъ „золотые“ были чеканены исключительно для наградъ. Степень награды, въ XVI в., конечно, выражалась величиною монеты, и самыми крупными были португальскія, собственно говоря ливонскія, чеканенныя по образцу португальскихъ (Эмануила, короля Португалии) великимъ магистромъ Ливонскаго ордена Вальтеромъ фонъ Плеттенбергомъ (первой половины XVI в.), ходившія въ Ливоніи ²⁾, затѣмъ слѣдуютъ угорскіе или венгерскіе червонцы, бывшіе въ большомъ ходу въ Россіи (см. Шодуаръ, Обзор. русск. и иностр. денегъ, I, 62—63) и, наконецъ, новгородки, по вѣсу (въ серебрѣ) равнявшіяся двумъ московкамъ.

Золотыхъ новгородокъ до сихъ поръ не найдено ни одной, хотя, основываясь на вышеприведенномъ свидѣтельствѣ „Розрядной книги“, онѣ несомнѣнно были, и при наградѣ ихъ даже отличаютъ отъ золоченыхъ, т. е. серебряныхъ вызолоченныхъ (послѣднія нерѣдко попадаются). Русскія золотыя монеты, или лучше сказать медали, времени царя Ивана Васильевича Грознаго извѣстны въ нѣсколькихъ экземплярахъ и представляютъ большую рѣдкость ³⁾; большая часть извѣстныхъ экземпляровъ имѣетъ изображеніе двуглаваго орла и одинъ экземпляръ— всадника. Который же изъ двухъ типовъ называется „московкою“? Мнѣ казалось бы, принимая въ соображеніе, во первыхъ, послѣдующее за новгородками мѣсто, которыя были вдвое болѣе московокъ, т. е. ихъ величину, и, во вторыхъ, типъ московскій, т. е. всадника на конѣ, изображавшагося на серебряныхъ деньгахъ московскихъ XVI в., — считать золотыя московки одинакими по типу съ серебряными деньгами; золотые съ орломъ царя Ивана Васильевича, довольно крупные и вѣроятно болѣе новгородокъ (которыя намъ неизвѣстны), поэтому они должны были бы стоять ранѣе новгородокъ. Впрочемъ, за неимѣніемъ прочныхъ

¹⁾ Золотыя монеты жалованныя носились пришитыми на кафтанахъ или шапкахъ. Флетчеръ, О государствѣ Русскомъ, стр. 54.

²⁾ Золотыми португальскими назывались въ Польшѣ и другихъ европейскихъ государствахъ золотыя монеты въ 10 червонцевъ. Въ томъ же смыслѣ употребляютъ названіе „золотой португальской“, вѣроятно и въ Россіи: „Да къ Воскресенью Христову далъ 3 золотыхъ португальскихъ, а въ нихъ 30 золотыхъ угорскихъ“. (Древн. Росс. Вивліюника, XII стр. 441).

³⁾ См. Опис. мон. кн. С. В. Долгорукова №№ 39—41 и Schubert, Monnaies russes, p. 11—12.

данныхъ, я свое мнѣніе не отстаиваю, и возможно допустить, что подъ именемъ золотыхъ московокъ подразумѣвались всѣ золотыя монеты, чеканенныя въ Москвѣ. Что же касается типа золотыхъ новгородокъ, то весьма вѣроятно, что онъ былъ одинаковъ съ типомъ ходячей серебряной новгородской монеты времени самостоятельности Великаго Новгорода или же послѣ его подчиненія Москвѣ. Царевичъ Иванъ Ивановичъ былъ награжденъ, вѣроятно, слѣдующею за цѣпью наградою, т. е. португальскимъ золотымъ, который и былъ прикрѣпленъ къ стержню пластинки и принесенъ иконѣ, что и пояснено въ надписи.

Снабжать царскіе приклады къ иконамъ пластинками съ надписями было, очевидно, въ обычаѣ въ старину: такой же, сходный съ описанными, памятникъ находится въ Зарайскомъ Никольскомъ соборѣ на иконѣ св. Николая Зарайскаго: это золотая дощечка, почти квадратная (по описанію А. И. Писарева, ¹⁾ Собр. надп. съ памятн. Рязанской старины) вѣсомъ $1\frac{1}{2}$ золотника, со слѣдующею надписью: Лѣта 7391 Іануаріа въ кз день Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всеа Руси приложилъ къ чудотворному образу Великаго Чудотворца Николы Заразскаго, какъ Богъ освободилъ городъ его отъ воровскихъ людей его Чудотворцовскою молитвою, и добили челомъ Государю.

Что приложилъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, надпись не говоритъ, но находящійся на той же иконѣ португальскій „золотой“, въ $9\frac{1}{2}$ зол. вѣс. (ib., стр. 303), заставляетъ предположить, что пластинка принадлежитъ къ нему. Описанная Писаревымъ золотая монета принадлежитъ королю Эмануилу португальскому (1495—1521).

Обычай украшать иконы привѣсками или прикладами въ видѣ монетъ, вещей изъ драгоценныхъ металловъ (ожерелій, колець, серегъ и т. п.) было нерѣдкимъ явленіемъ въ прежнее время и даже встрѣчается и теперь. Въ описи иконы Владимірской Божьей Матери Московскаго Успенскаго Собора, составленной въ 1627 году по указу патріарха Филарета Никитича (см. Древности Росс. Госуд., отд. I, стр. 5 — 7), въ числѣ прикладовъ и привѣсокъ значатся: ожерелье, прикладу царя Михаила Ѳеодоровича, низанное крупнымъ жемчугомъ съ камнями (перечислены), 6 золотыхъ цать, 4 панагіи, 16 крестовъ съ жемчугами и драгоценными камнями, сверхъ того рясы и серьги, 152 золотыхъ угорскихъ и московскихъ, 4 золотыхъ двойныхъ угорскихъ, Новгородка золотая и серебряна золочена. Все сіе, продолжаетъ авторъ „Древностей Россійскаго Государства“,

¹⁾ См. Зап. Имп. Арх. Общ. т. VIII (1856 г.), стр. 277 и 303.

составляло богатое и разнообразное украшение св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ св. Синодъ для разбора, „что въ нихъ старое и куріозное“: тогда она лишилась большей части своихъ узорочій.

Большіе государственные расходы заставили Петра Великаго извлекъ металлъ для „денежнаго передѣла“ изъ серебряной посуды, принадлежавшей монастырямъ, и по этому поводу находимъ любопытныя свѣдѣнія во 2-й части „Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, собранныхъ Ив. Ег. Забѣлинымъ“ (стр. 781—783): „Св. Прав. Синода въ Прав. Сенатъ вѣдѣніе. Сего 722-го года ... Сентября въ 7-й день. по е. и. в. указу и по приговору Св. Прав. Синода, велѣно о требуемой къ денежному передѣлу серебряной посудѣ описныя книги изъ Монастырскаго Приказу взнести въ Св. Синодъ, по которымъ тое посуду, разобравъ и учиня разсмотрѣніе въ Синодѣ, буде которая надлежитъ къ денежному передѣлу, тое отослать съ описью въ Сенатъ при вѣдѣніи, а которые вещи изъ той посуды покажутся куріозныя, таковыя для сохраненія отдать Синодалному дому Казначею съ роспискою“. Далѣе: „Справка 1723 г. По справкѣ въ Сенатѣ: въ прошломъ 722-мъ году февраля во 12-й день, въ Сенатѣ при собраніи и при докладываніи по доношенію изъ Синода объ отдачѣ въ тотъ Синодъ Патріарша Дому ризницы и вещей, генераль фельд-маршалъ свѣтлѣйшій князь господинъ Меншиковъ и тайный дѣйствительный совѣтникъ ковалеръ Петръ Андреевичъ Толстой объявили: что е. и. в. указалъ изложенія соборныя, и ризницу и протчіе вещи, которыя были прежде Патріарша дому, отдать въ Синодъ съ описными книгами съ роспискою, а таковы-жъ описныя книги взнести въ Сенатъ за ихъ руками, а которые всякіе вещи взяты изъ монастырей оныхъ, всѣхъ вещей въ Синодъ не отдавать, а взнести для разсмотрѣнія въ Сенатъ, и изъ того старыя вещи оставить въ Казенномъ Дворѣ, а протчіе серебряныя вещи отдать на денежныя дворы вѣсомъ съ роспискою... А въ протокольной запискѣ октября 17-го дня 722-го году написано: по вѣдѣнію изъ Духовнаго Синода о досмотрѣ монастырскихъ вещей по описи, Прав. Сенатъ приказали: у осмотру и разбору тѣхъ вещей быть отъ Сената генералу фелцейхъ-мейстеру графу Брюсу... А Октября-жъ 29-го, генераль фелцейхъ-мейстеръ графъ Брюсъ Прав. Сенату объявилъ, что онъ по вѣдѣнію и по описи Св. Синода вещи осматривалъ, а по осмотру ево изъ того серебра надлежитъ оставить одну братинку для куріеозита, а досталное все отослать въ Бергъ-Коллегію въ денежный передѣлъ“. Далѣе говорится объ отправ-

ленныхъ въ полки медаляхъ, которыя дѣлать изъ опредѣленныхъ денегъ, „а буде придѣльныхъ денегъ не будетъ, то по самой нуждѣ изъ капитала, а то число въ капиталъ наполнить, что по указомъ въ Бергъ-Коллегію велѣно въ Штатсъ-Конторѣ изъ всѣхъ мѣстъ присылать наличное золото и серебро и золотые, также золотую и серебряную посуду для передѣловъ въ Бергъ-Коллегію“. Изъ приведеннаго можно заключить, какое количество древнихъ вещей, отобранныхъ изъ монастырей и „изъ всѣхъ мѣстъ“, было отдано при Петрѣ Великомъ въ денежный передѣлъ. Тѣмъ удобнѣе было уничтожить такіе предметы, какъ золотую цѣпь царя Ивана Васильевича и золотыя монеты съ иконъ, что онѣ едва ли могли для графа Брюса представлять „куріозитъ“, подобно единственной братинкѣ, заслужившей его вниманіе.

Третій памятникъ той же эпохи царя Ивана Васильевича, также находящійся въ Историческомъ Музеѣ, — мѣдное Распятіе, обыкновеннаго, довольно часто встрѣчающагося типа, но особенность его заключается въ надписи, которою покрыта задняя, гладкая сторона. Въ виду интереса, который заключаетъ надпись, позволю себѣ представить описаніе этого памятника: Распятіе, величиною въ $4\frac{5}{8}$ в., красно-мѣдное, покрытое полудою, восьмиконечное съ ушкомъ въ верху, носящимъ изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Ушко показываетъ, что крестъ былъ назначенъ для ношенія; подобные кресты носятъ названіе „параманныхъ“ (для ношенія на раменахъ), но сверлины, находящіяся въ ушкѣ и въ нижней поперечной доскѣ, указываютъ, что крестъ былъ прикрѣпленъ къ доскѣ или кіоту и поставленъ на ряду съ иконами для поклоненія, или же просто приколоченъ надъ воротами дома, т. е. обращенъ въ „поклонный“.

Работа лицевой стороны Распятія довольно грубая; такой же грубый характеръ носятъ и надписи. По сторонамъ главы Христа находится надпись: ЦАРЬ ІС — ХС СЛАВЫ. Надъ главою Христа изображены два летящіе внизъ Ангела; надъ ними двухстрочная надпись МИХЛЪ (Михаилъ) ГАВРИЛ. Подъ ногами Христа находится Голгоѳа съ Адамовой главой. Очень сходное съ нашимъ Распятіемъ, но нѣсколько меньшаго размѣра, издано въ 3 — 4 вып. „Сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ“, г.г. Леопардова и Чернева, таб. II, № 16, съ тою только разницею, что подъ руками Христа находятся поясныя изображенія четырехъ Предстоящихъ, которыхъ на нашемъ нѣтъ ¹⁾.

Обратная сторона Распятія имѣетъ слѣдующую, вырѣзанную вглубь,

¹⁾ Историческій Музей имѣетъ нѣсколько такихъ Распятій.

надпись вязью и подъ титлами (см. рис. 13 въ нат. вел.): Крестъ Архангелскаго Монастыря старца Геро(н)тия а сменен на милостинные денги что давал Государь по царевичи Иване Ивановичи.

Государь, упоминаемый въ надписи, Иванъ Васильевичъ Грозный, убившій въ запальчивости въ 1582 году въ Александровской Слободѣ своего сына царевича Ивана Ивановича. Смерть сына повергла царя въ страшное отчаяніе и глубокое раскаяніе. Карамзинъ ¹⁾, на основаніи свидѣтельствъ Посевина и Одерборна, слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ о состояніи царя: „Іоаннъ отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ себя и дворъ въ одежду скорби; служилъ панихиды и каялся; послалъ 10000 рублей (или 20000 золотыхъ) ²⁾ въ Константинополь, Антиохію, Александрію, Іерусалимъ къ Патріархамъ, да молятся объ упокоеніи души царевича“. Въ третьей Новгородской лѣтописи ³⁾ объ этомъ же сказано: „Въ лѣто 7090, марта въ 2 день, государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи посылалъ съ Москвы въ Царьградъ, и во Антиохію, и во Александрію, и во святой градъ Іерусалимъ, и въ Синайскую гору, и во Египеть, къ патріархомъ и архіепископомъ и архимандритомъ и игуменомъ, съ милостынею по сынѣ своемъ по царевичѣ Іоаннѣ Іоановичѣ, съ купцемъ Трифономъ Коробейниковымъ да съ Юрьемъ Грекомъ, а съ нимъ ѣздилъ крестечной мастеръ; да съ нимъ же послалъ въ Синайскую гору къ великомученицы Екатерины, идѣ же лежало по смерти тѣло ея на горѣ, ангеломъ хранимо, 500 рублевъ денегъ“. Но не къ однимъ восточнымъ патріархамъ были разосланы денги на поминъ души, безъ сомнѣнія, въ многочисленныя русскіе монастыри и церкви были розданы вклады и поминныя денги. За смертью каждаго члена царскаго дома слѣдовали вклады, о чемъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія вкладныя книги монастырей, а тѣмъ болѣе неожиданная трагическая кончина царевича Ивана вызвала царя сдѣлать, вѣроятно, еще болѣе щедрыя и многочисленныя вклады. Такъ, по сообщенію Ив. Ег. Забѣлина, во вкладной (Строгановской) книгѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря значится: 7090 (т. е. 1582 г.). По царевичѣ Иванѣ 2000 рублей. Преставился 19 Ноября, погребенъ 22 Ноября. По царицѣ Марѣѣ 500 рублей. — Въ синодикѣ же царя Ивана Васильевича ⁴⁾, посланномъ въ тотъ-же монастырь годъ спустя послѣ смерти царевича, имени его не значится;

1) IX, 335.

2) У Одерборна показано 77000 золотыхъ.

3) П. С. Р. Л., III, стр. 263.

4) См. Устряловъ, Сказанія кн. Курбскаго, ч. II.

очевидно „поминаніе“ заключаетъ имена (а иногда только число людей безъ именъ) умершихъ опальныхъ людей. Другая запись о вкладѣ царя Ивана Васильевича по царевичѣ Иванѣ приводится еписк. Макаріемъ въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ объ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ“¹⁾ „7091 (1583) года по царевичѣ Іоаннѣ Іоанновичѣ прислалъ: 1) Денегъ 450 рублей, 2) книгу канонъ Антонію чудотворцу, творенія царевича Іоанна Іоанновича, 3) образовъ окладныхъ и сосудовъ серебряныхъ на 50 рублей и 20 коп., 4) шубу соболью, съ которой верхъ снятъ, за 50 рублей, а охабень (тулупъ) за три рубля, 5) образа маленькіе, низанные жемчугомъ по черному атласу, репьеватые, 6) пуговицы, обнизанныя жемчугомъ, кисти золотыя 24 рубля, 7) образцы половинчатые, саженные жемчугомъ по черному атласу 20 рублей, 8) образа маленькіе, саженные жемчугомъ съ канителью 5 рублей, 9) кушакъ шаматинскій мягкаго шелку червчатого съ разными шелками за 40 рублей. И того платья на 103 рубля 20 коп. А всего дано по царевичѣ Іоаннѣ Іоанновичѣ платья и денегъ на 603 рубля 30 алтынъ и 2 деньги. Пѣти по немъ панихиду и обѣдню служити повелѣно соборомъ: а память его декабря (ноября?) въ 19 день“. О той же милостынѣ упоминается въ жалованной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1618 года въ Сійскій монастырь²⁾:... „и ту (Сійскаго монастыря) монастырскую вотчину велѣлъ Государь царь и Великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Руссіи обѣлить за милостинной хлѣбъ для сына своего царевича Ивана Ивановича всеа Руссіи къ чудотворцу Антонію вѣру держалъ и стихиры и канонъ твореніе царевича Ивана Ивановича всеа Руссіи“. Вѣроятно, подобные-же рукописные памятники уцѣлѣли и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ.

Архангельскій монастырь, упоминаемый въ надписи Распятія, не можетъ, покуда, за неимѣніемъ данныхъ, быть съ достовѣрностью указанъ. Въ „Спискахъ іерарховъ“ Строева упомянуто шесть Архангельскихъ монастырей, основанныхъ ранѣе XVII вѣка, до нынѣ существующихъ или упраздненныхъ: въ Архангельскѣ, Устьвымскѣ (Вологодской губ.), Устюгѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Твери и Угличѣ,—но въ которой изъ нихъ были посланы „поминныя деньги“—неизвѣстно.

Старецъ Геронтій, вымѣнявшій крестъ на поминныя деньги, также не извѣстенъ; въ числѣ лицъ, прикосновенныхъ къ поименованнымъ Архангельскимъ монастырямъ, перечисленныхъ у Строева, имени Геронтія въ концѣ XVI в. не встрѣчается.

¹⁾ См. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1878 г., кн. 3, стр. 71.

²⁾ Ib. стр. 26.

Подлинное ли Распятіе, сказать трудно; во всякомъ случаѣ, если оно отлито позже, то по матрицѣ стараго оригинала и въ давнее время, о чемъ свидѣтельствуесть его потертость отъ ношенія и сверлины. Сомнѣваться въ поддѣльности надписи нѣтъ основаній: общій ея характеръ и самый шрифтъ не возбуждаютъ никакого сомнѣнія.

Распятіе Историческаго Музея не единственное: существуютъ въ частныхъ рукахъ еще 2 экземпляра (мнѣ извѣстныхъ), вылитыхъ въ плохой формѣ, вслѣдствіе чего надпись получилась расплывчатая и съ трудомъ читается, тогда какъ надпись нашего Распятія рѣзкая и вполне ясно читается.

А. Оршниковъ.

II

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, приобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

— Городище на Княжей Горѣ (Черкаскаго у., Кіевской губ.), находящееся близъ Канева, при впаденіи Роси въ Днѣпръ, дало не мало замѣчательныхъ предметовъ древности, не восходящихъ далѣе XIII в., находящихся въ Кіевѣ въ собраніи В. В. Тарновскаго и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, и частью въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ (собр. Д. Я. Самоквасова). Начиная съ 1891 г. Княжая Гора, по порученію г. Тарновскаго, стала систематически раскапываться, и интересный отчетъ о первыхъ раскопкахъ былъ напечатанъ Н. Θ. Бѣляшевскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ въ 1892 г. (янв.). Въ 1892 г. раскопки продолжались, и отчетъ объ этой экскурсіи появился въ нынѣшнемъ году въ апрѣльской книгѣ того же журнала, составленный также Н. Θ. Бѣляшевскимъ, производившимъ раскопки. Что это былъ за поселокъ, еще съ достовѣрностью не опредѣлено, хотя нѣкоторые видятъ въ немъ городъ Родню, упоминаемый въ лѣтописи подъ 980 годомъ¹⁾. Разрушеніе поселка, сопровождавшееся пожаромъ (въ доказательство чему имѣются археологическія данныя), произошло, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ, такъ какъ большинство предметовъ не старше этого времени, и разрушили его, можетъ быть, татары.

Въ 1892 г. были изслѣдованы бока горы, на которой расположено

¹⁾ И послуша его Ярополкъ и избѣгъ предъ нимъ затворися въ градѣ Родни на усть Роси (т. е. Роси) рѣки.

городище, — юго-восточная сторона и часть сѣверо-западной. Всѣ предметы раскопокъ 1892 г. распадаются на двѣ группы: на предметы каменнаго вѣка и великокняжеской эпохи. Издѣлія каменнаго вѣка состоятъ изъ предметовъ кремневыхъ отбивныхъ, шлифованныхъ, костяныхъ и глиняныхъ. Самый многочисленный видъ кремневыхъ орудій — пилы, ихъ найдено 5. Затѣмъ найдено нѣсколько разной формы скребковъ. Оружіе представлено однимъ наконечникомъ дротика и двумя наконечниками стрѣлъ. Отбойниковъ, служившихъ для приготовления кремневыхъ орудій, найдено 4; всѣ они изъ песчаника, два имѣютъ форму сплюснутыхъ шаровъ, одинъ въ видѣ неправильнаго куба и одинъ въ видѣ столбика съ гранями. Шлифованныхъ орудій найдено до 70, состоящихъ изъ разнаго вида топоровъ — молотковъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ изящную форму, обломка булавы, пестовъ, зернодробилокъ и наконечъ камней, посредствомъ которыхъ производилась шлифовка каменныхъ орудій. На одномъ изъ найденныхъ г. Бѣляшевскимъ топоровъ можно прослѣдить процессъ шлифовки: топоръ былъ приготовленъ вчернѣ, т. е. поверхность была шероховатая, затѣмъ просверлено отверстіе и, наконечъ, приступлено къ шлифовкѣ, при чемъ молотокъ сломался, и шлифовка осталась неконченной. Костяныхъ орудій — острівъ и долотъ, найдено до 100, сдѣланныхъ изъ расколотыхъ вдоль костей, которыя заострены посредствомъ тренія о камень. Интересны 2 ножа, сдѣланные одинъ изъ плоской кости, другой изъ клыка кабана. Затѣмъ трубочки, конусы, черепаховыя пластинки и 8 бабокъ со сквозными отверстіями, которыя, впрочемъ, г. Бѣляшевскій не относитъ къ древнѣйшему времени, и, наконечъ, 10 костяныхъ стрѣлъ, со слѣдами на нихъ металлическаго инструмента, что заставляетъ ихъ отнести къ болѣе позднему времени. Предметовъ изъ глины найдено довольно значительное количество; большая часть заключается въ черепкахъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые покрыты жгутовымъ орнаментомъ. Особенный интересъ представляютъ миниатюрные, въ 4—5 сантим. длины, глиняные топоры, назначеніе которыхъ опредѣлить трудно. Изъ украшеній эпохи каменнаго вѣка найдены: плитка изъ зеленоватаго камня со сверлиною и 2 медвѣжьихъ клыка (одинъ въ обломкахъ) также со сверлинами. Изъ предметовъ эпохи, слѣдующей за каменнымъ вѣкомъ, такъ называемаго бронзоваго вѣка, найденъ одинъ листовидной формы бронзовый наконечникъ стрѣлы. Отъ предметовъ доисторическихъ г. Бѣляшевскій переходитъ прямо къ находкамъ великокняжеской эпохи, описывая прежде всего два датированныхъ памятника: бронзовую византійскую монету (безъ точнаго опредѣленія), дурнаго чекана, XIII вѣка, и обломокъ свинцовой печати митрополита Кирилла (совершенно подобная ей, при-

надлежащая Историческому музею, изображена на рис. 14.). Болѣе датированныхъ памятниковъ на Княжей Горѣ не находили; отсутствіе монетъ между находками (кромѣ двухъ, такъ называемыхъ, кievскихъ гривень), — фактъ интересный, тѣмъ болѣе, что поселокъ, судя по значительному количеству найденныхъ вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, былъ довольно богатый.

Изъ построекъ найдена глинобитная печь, конусообразной формы со срѣзаннымъ верхомъ, внутри которой въ глинѣ были видны отпечатки кольевъ, служившихъ основой, на которую накладывалась глина; со временемъ огонь уничтожалъ ихъ. При раскопкахъ обнаружена „землянка“, въ формѣ полукруга; по бокамъ земляныхъ стѣнокъ замѣтны слѣды дерева; полъ состоитъ изъ плотно убитой глины. Въ другомъ мѣстѣ обнаружены другіе слѣды жилища - землянки, стѣнами которой, повидимому, могъ служить бокъ горы, огороженный съ наружной стороны, и покрытый крышею, покоившейся на деревянныхъ столбахъ; для храненія запасовъ жителей найдено до 30 ямъ съ земледѣльческими орудіями, посудой, предметами домашняго обихода и перегорѣвшими хлѣбными запасами (подробнаго описанія авторъ не приводитъ). Единичныя находки состоятъ: изъ каменной круглой просфорной печати съ изображеніями крестовъ; каменныхъ образковъ свв. Николая и Георгія (обломокъ) съ надписями; мѣдныхъ иконъ съ изображеніями Богоматери, Распятія и др. Изъ крестовъ особенно интересенъ рѣдко попадающійся серебряный крестъ-складень (энколпiонъ) съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія, на другой Влахернской Божьей Матери; всѣ изображенія исполнены чернью; затѣмъ нѣсколько мѣдныхъ крестовъ-складней, тѣльниковъ серебряныхъ, мѣдныхъ, глиняныхъ, изъ сланца и одинъ янтарный; змѣевика мѣдный — одинъ обломанный съ надписью, не упомянутый въ изслѣдованіи о змѣевикахъ гр. Толстаго, другой цѣлый, типа, повидимому, сходнаго съ № 24 у гр. Толстаго. Изъ бытовыхъ предметовъ упомянуты: замки, мѣдныя литыя оковки отъ ларцовъ и сундуковъ, мѣдныя чашечки, колокольчикъ, части тазовъ, обломокъ деревянной точеной чашки, глиняныя миниатюрныя горшки, глиняныя сосуды, одинъ даже съ остаткомъ пици (повидимому, горохъ). Изъ инструментовъ: наковальня, молотки, кузнечныя щипцы, ножницы, ножи, изъ которыхъ у одного сохранились серебряныя обоймицы, у другаго костяная орнаментированная ручка. Украшеній найдено довольно много, такъ, найденъ цѣлый кладъ, состоящій изъ браслета, серегъ замкообразной формы съ чернью и прорѣзнымъ ободкомъ, 21 пластинка отъ ожерелья или повязки и 8 серегъ кievскаго типа; всѣ эти предметы серебряныя и были завернуты въ холщевую тряпку, частью сохранив-

шуюся. Въ одной изъ ямъ найдена кость руки со стекляннымъ браслетомъ, также нѣсколько перстней, на щиткѣ одного изображенъ крестъ, затѣмъ бусы, остатки выдѣланной кожи, тканей, игральныя кости и т. д. Изъ предметовъ художественной работы упомянута, къ сожалѣнію безъ рисунка, мѣдная обломанная пластинка съ нарѣзными изображеніями 4-хъ воиновъ съ копьями и щитами; изображенія сохранились только по грудь; лица воиновъ круглыя, безбородыя, волосы острижены въ кружокъ; стоятъ они подъ зубчатой аркой, которая соединяется съ трехэтажною башней съ тремя окнами; величина этого любопытнаго памятника 10 сантим. длины и 7 и 4 сантим. ширины.

Череповъ найдено нѣсколько десятковъ, при чемъ на одномъ видны слѣды сабельнаго удара; также нѣсколько костей со сросшимися переломами. Городище Княжей Горы представляетъ такой огромный интересъ для древней исторіи русскаго быта, что было бы весьма желательно издать цѣликомъ всѣ найденные предметы великокняжескаго періода и окончательно изслѣдовать какъ самую Княжую Гору, такъ и сосѣднюю съ ней Марьину Гору, на которой, повидимому, продолжался тотъ же поселокъ, такъ какъ на немъ находятъ предметы, сходные съ описанными.

— Въ коллекціи Д. Я. Самоквасова, Всемилоствѣйше переданной Государемъ Императоромъ въ Историческій музей, находится цѣлый рядъ древностей, найденныхъ на Княжей Горѣ, нынѣ выставленныхъ въ одной изъ залъ Историческаго музея, между которыми особый интересъ представляетъ свинцовая печать съ именемъ русскаго митрополита Кирил-

ла. О находкѣ ея было упомянуто (съ приложеніемъ очень плохаго рисунка) въ „Газетѣ Гатцука“ (№ 45, 1881 г., стр. 756), гдѣ она, по ошибкѣ, значит-ся найденною близъ Корсуня, Кіевской губ. (въ книгѣ Д. Я.

Рис. 14.

Самоквасова „Основаніе хронологической классификаціи“ она упомянута на стр. 101). На лицевой сторонѣ печати (см. рис. 14) изображена Богоматерь въ ростъ съ воздѣтыми руками и Младенцемъ въ кругѣ на груди, по сторонамъ (MP) ΘV ΠΙΕΡ(Α) т. е. η̄ ιεροῦ

(Пресвятая); на обратной сторонѣ находится пятистрочная греческая надпись: + ΚΥΡΙΛΛΟΣ ΜΟΝΑΧΟΣ ΕΛΕΩ ΘΥ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ (Τ)ΗΣ ΜΙΤΡΟΠΟΛΕΩΣ ΡΩΣΙΑΣ, т. е. + *Κύριλλος μοναχός ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας* (= Кирилль монахъ милостию Божьей архіепископъ митрополи Русской). По поводу этой печати Н. Θ. Бѣляшевскій сдѣлалъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Нумизматическаго Общества сообщеніе, въ которомъ сдѣлалъ попытку объяснить, которому изъ Кирилловъ она можетъ принадлежать. Приводимъ вкратцѣ его сообщеніе: „Въ „Исторіи Россійской іерархіи“ іеромонаха Амвросія сказано: Кирилль 1146 г. — сомнительный. Кирилль I Грекъ, хиротонисанъ въ 1224 г., января 6; правительствовалъ 5 лѣтъ; скончался въ 1229 г. Кирилль II Грекъ, хиротонисанъ въ 1230 г., правительствовалъ 6 лѣтъ; скончался въ 1236 г. (стр. 47—48). Здѣсь Амвросій допустилъ ошибку, сдѣлавъ изъ одного Кирилла двухъ, что уже замѣтилъ Карамзинъ; такимъ образомъ, вмѣсто Кирилловъ I и II остается одинъ Кирилль Грекъ (1225—1233). Далѣе у Амвросія слѣдуетъ Кирилль III (II) „россіянинъ“, хиротонисанный въ 1250 г.; въ 1280 г. онъ перенесъ митрополию изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ. Слѣдующіе затѣмъ историки русской церкви, архіепископы Филаретъ Черниговскій и Макарій Харьковскій, даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кириллѣ I Грекѣ. Что же касается Кирилла II, то архіепископъ Макарій (Исторія русской церкви, IV, стр. 2) прямо говоритъ, что онъ былъ русскій и съ него начинается самостоятельность русской іерархіи отъ константинопольскихъ патріарховъ. Строевъ (Списки іерарховъ) раздѣляетъ митрополитовъ кіевскихъ и митрополитовъ всея Руси; Кирилломъ I Грекомъ онъ заканчиваетъ рядъ первыхъ, а Кирилломъ II открываетъ рядъ вторыхъ. Такое раздѣленіе говоритъ противъ нашего предположенія, что данная печать принадлежитъ Кириллу I, такъ какъ на печати читается „архіепископъ митрополи русской“; мнѣ кажется, что принятое Строевымъ дѣленіе произвольно: патріархи константинопольскіе, назначая въ Россію архіепископовъ, конечно, имѣли въ виду не одну кіевскую митрополию, а всю Россію.

Большинство предметовъ, найденныхъ на Княжей Горѣ, относится къ XIII вѣку. Поселокъ на горѣ былъ разрушенъ внезапно, что могло случиться при нашествіи татаръ Батыя, вѣроятно нѣсколько ранѣе разрушенія Кіева, и, такимъ образомъ, археологическія данныя показываютъ, что наша печать принадлежала Кириллу I“.

Въ „Кіевской Старинѣ“ (апрѣль, 1893 г., стр. 141) описанъ другой экземпляръ подобной печати, сохранившійся только на половину, найденный также на Княжей Горѣ во время раскопокъ въ 1892 году.

Осенью 1891 г., вслѣдствіе находокъ золота и серебра въ нѣсколькихъ древнихъ могилахъ, киргизы Семирѣченской области были охвачены эпидеміей раскопокъ. Коцали мужчины и женщины, старый и малый, лопатами и серпами, днемъ и ночью; выходя изъ аула на раскопки, молились и закалывали въ жертву лошадей, быковъ и барановъ; раскапывались и невѣдомыя, и завѣдомо мусульманскія могилы; были случаи раскопки могилъ недавно умершихъ родичей. Начальство поспѣшило оповѣстить о незаконности раскопокъ, гдѣ можно, приняло предохранительныя мѣры, и, по порученію Н. Н. Пантусова, А. М. Фетисовъ, снабженный небольшою суммой, выѣхалъ осмотрѣть, что сдѣлано киргизами, и дѣлать научныя раскопки. Нынѣ въ Московское Археологическое общество прислана Н. Н. Пантусовымъ записка А. М. Фетисова: *Раскопки древнихъ могилъ въ Иссыккульскомъ, Токмакскомъ и Върненскомъ уѣздахъ.*

Киргизы скоро наловчились разрывать лишь богатыя могилы, отдѣльно расположенныя. Въ нихъ скелетъ лежалъ на спинѣ, головой къ сѣверу, надъ нимъ доски или плиты, на нихъ лошадь на спинѣ, головой къ сѣверу. Въ могилѣ находили золотыя кольца, дорогіе пояса, сабли съ оправой, чашки серебряныя и золотыя. Могилы эти располагались по южнымъ сухимъ (не поддающимся культурѣ) склонамъ. Такихъ могилъ было большинство, и въ запискѣ г. Фетисова поэтому постоянна фраза: „здѣсь всѣ могилы были разрыты“. Онъ находилъ лишь яму, части костяковъ, разбросанные остатки вещей *). Могилъ иного рода Фетисову удалось раскопать 34. На нихъ лежали неотесанные камни, то пластомъ, съ бѣльшими камнями въ головахъ и ногахъ; то двумя, тремя пластами крупныхъ камней; то кучей съ тремя торчащими камнями сверху; то периметрическимъ прямоугольникомъ. Въ могилѣ оказывалось особое гробовище: то вся нижняя часть ямы, прикрытая досками или камнями, или прутьями, или досками и камнями, порой выложенная камнями; то это былъ подкопъ сбоку, заслоненный досками или плитами. Скелетъ, обыкновенно аршина 2 съ 1 или 2 вершк., лежалъ почти всегда на спинѣ (разъ на боку), головой къ сѣверу (очень рѣдко къ западу), и съ руками вдоль туловища (разъ на груди). Въ могилахъ находились изрѣдка: мѣдныя кольца, пряжки, бляхи, зеркала китайскаго склада; желѣзные ножи, наконечники стрѣлъ, шашки въ деревянныхъ ножнахъ; серьги обыкновенно по двѣ, мѣдныя проволочныя, съ одной бусой, разъ мѣдная серьга пластинкой съ поддѣльной бирюзой,

*) Одна изъ разрытыхъ киргизами могилъ: гробовище, выложенное камнями, на поверхности земли обозначено периметрическимъ прямоугольникомъ камней; выше у гробовища могила расширена для помѣщенія лошади.

другой разъ — серьги въ видѣ голубей; бусы сердоликовыя, стеклянныя, алебастровыя, буса изъ кедроваго орѣха; подвѣски перламутровыя, изъ ляписъ-лазури, янтарныя, нефритовыя; перламутровыя бляхи и кольца; мелкія жемчужины; иммитация бирюзы въ мѣдной оправѣ; костяная игла, 3 раковинки; колчаны кожаные и изъ березовой коры; кожаныя сумочки, кожаный щитъ (?); шерстяной шишакъ; части шелковой злато-тканой одежды, часть матеріи бѣлой бумажной; березовая кора; дерево; части сѣдла, узды. У плечъ нерѣдко: съ лѣвой стороны глиняный кувшинъ, съ правой — бараньи кости (часто въ глиняной тарелкѣ), позвонки лошади шейные и спинные, кости передней ноги съ лопаткой (только верхъ ноги: копыть никогда не было). На ногахъ одного скелета сапоги съ загнутыми носками; сапоги зеленой кожи съ тонкимъ ненынѣшнимъ шитьемъ валялись у разрытой могилы. Въ одной изъ разрытыхъ киргизами могилъ гробъ былъ въ видѣ колоды со слѣдами желѣзныхъ обручей; у этой могилы валялись куски парчи и часть упомянутаго кожанаго щита (?).

Совершенно иное кладбище на урочищѣ Кешкенъ-Ташъ. Здѣсь пять отдѣльныхъ дворовъ, прямоугольникомъ, съ глинобитными стѣнами (27 × 9 аршинъ; одинъ дворъ 32 × 20 арш.). По угламъ снаружи кучки камней; входъ съ востока, черезъ засыпанную землей понижающуюся траншею, приводитъ къ двери въ подземную кирпичную башню, лежащую подъ серединой западнаго конца двора. Башня цилиндрическая, со сводомъ полушаромъ, высотой въ разрытомъ склепѣ 4 арш. 13 верш., въ діаметрѣ 3 арш. 4 1/2 верш. Въ ней, у западной стѣны, ящикъ съ пепломъ и глиняная миса, въ которой, по мнѣнію г. Фетисова, опущенъ былъ новый пепель, по засыпкѣ траншеи, сквозь разрытую одно время надъ башней землю и разобранный сводъ. Недалеко отъ этого кладбища, къ востоку, найдены три камня, торчавшіе въ землѣ, безъ надписей и безъ могилъ. Это сожженіе и храненіе пепла, въ связи съ направленіемъ выхода на востокъ, и эти камни, на востокѣ же, живо напоминаютъ докладъ А. А. Ивановскаго на Моск. Археол. Съѣздѣ 1890 г. о похоронныхъ обычаяхъ китайскихъ киргизовъ и торгоутовъ и о каменныхъ бабахъ.

На необходимость скрыть могилы отъ врага указываютъ, кажется, тѣ случаи, гдѣ могила, идущая съ сѣвера на югъ, обозначена на поверхности земли периметрич. прямоугольникомъ камней, но по разрытіи оказывается пустой, а изъ сѣверной части ея есть низкій входъ въ склепъ, помѣщенный внѣ черты наружнаго прямоугольника, и гдѣ скелеть лежитъ головой къ востоку.

— В. А. Ошурковъ, во время своей поѣздки минувшимъ лѣтомъ

въ Усинскій край и Урянхайскую землю, посредствомъ эстампажа, произвелъ оттиски съ могильныхъ камней съ рунообразными письменами, числомъ 14, изъ которыхъ двѣ надписи, по словамъ „Восточ. Обозр.“ (1892, № 45), „представляютъ новостъ въ изслѣдованіяхъ этого рода“. Одна изъ нихъ найдена на лѣвомъ берегу Улу-кема, ниже устьевъ Чакуля, другая—по р. Бегре, притоку Бей-кема. Кромѣ того, сняты оттиски съ изображеній человѣка, животныхъ и сценъ охоты на скалахъ по р. Убуръ-Тархалыку, притоку озера Убса, на скалѣ по Улу-кему, недалеко отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка составляется изъ двухъ ея вершинъ Ха-кема и Бей-кема, и на могильномъ камнѣ въ Уюкской степи. Отчетъ В. А. Ошуркова объ его изслѣдованіяхъ будетъ напечатанъ въ „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сибир. Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества.

— „Казанскій Телеграфъ“ (№ 12, 1893 г.) сообщаетъ, что одинъ ремонтный рабочій, разрывая на 185-ой верстѣ Московско-Курской жел. дор. землю близъ дер. Китаевки, около Тулы, выкопалъ довольно большой глиняный кувшинъ, залитый у отверстія воскомъ; въ кувшинѣ оказались древнія серебряныя монеты въ большомъ количествѣ. Находчикъ перепродалъ монеты за 30 р. двоимъ сторожамъ той же дороги, которые, въ свою очередь, ихъ продали одному тульскому мѣщанину за 120 р. Жандармъ станціи „Тула“, узнавъ объ этомъ, донесъ мѣстному полицеймейстеру, который монеты отобралъ и передалъ въ тульскій статистическій комитетъ. Статистическій комитетъ, въ свою очередь, препроводилъ монеты въ Императорскую археологическую комиссію. Разобравъ монеты, комиссія отобрала изъ нихъ болѣе интересныя экземпляры; затѣмъ 236 монетъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ, препроводила обратно въ тульскій статистическій комитетъ, а остальную часть клада передала для сплава на монетный дворъ съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отсюда причитающихся за сплавленные монеты денегъ, выслать находчикамъ клада надлежащее вознагражденіе. Вскорѣ археологическая комиссія увѣдомила тульскій статистическій комитетъ о томъ, что онъ уполномоченъ ею получить изъ мѣстнаго казначейства 150 р. для немедленной выдачи оныхъ въ вознагражденіе находчиковъ клада. Всѣ 236 монетъ, по опредѣленію археологической комиссіи, какъ видно изъ составленной ею описи, татарскія, а именно: джугидскія, джелаиридскія и джегатайскія VIII вѣка.

— Въ Кіевѣ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ на углу Мало-Владимірской и Срѣтенской улицъ, рабочими на значительной глубинѣ найденъ неправильной формы глиняный горшокъ съ одною ручкой покрытый желѣзнымъ кружкомъ вродѣ сковородки и наполненный

серебряными вещами. Въ горшкѣ оказались: шесть цѣльныхъ серебряныхъ серегъ и одна сломанная серьга кievскаго типа съ тремя шипами каждая, всѣ различныхъ типовъ; три шипа отъ подобныхъ же серегъ; двѣ бронзовыя дужки для подвѣшиванія серегъ къ ушамъ; серебряный медальонъ съ орнаментаціею по обѣимъ сторонамъ (лиліи); два обломка отъ подобнаго же медальона; серебряный широкій, ок. $\frac{3}{4}$ вершка, браслетъ, створчатый, состоящій изъ двухъ половинокъ; на каждой половинкѣ, на лицевой сторонѣ награвировано въ аркахъ съ колонками по три фигуры съ чернью: въ срединѣ, повидимому, грифъ, а по сторонамъ по фантастической птицѣ, съ обращенными назадъ головами. На внутреннихъ, гладкихъ стѣнкахъ браслета, повидимому, въ одномъ мѣстѣ начерчено что-то похожее на ёлку, а въ другомъ — на человѣческую фигуру. Подъ горшкомъ найденъ желѣзный топоръ съ остатками деревяннаго топорища. Кладъ этотъ, едва не попавшій въ руки барышниковъ, но спасенный благодаря энергіи наблюдающаго за работами инженера К. В. Остроградскаго, былъ препровожденъ въ полицейскій участокъ, гдѣ и былъ рассмотрѣнъ профессорами В. Б. Антоновичемъ, А. В. Праховымъ и Н. И. Петровымъ, отнесшими всѣ вещи къ XII вѣку. Кладъ имѣетъ быть препровожденъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію *)

— Въ Лондонѣ изданъ отчетъ Вальдштейна о раскопкахъ американскою школою въ Аѣинахъ храма Геры въ Аргосѣ. Первый храмъ Геры сгорѣлъ въ 423 г., и второй былъ выстроенъ Эвполомомъ въ 420 г. до Р. Х.; въ послѣднемъ и находилась хрисоэлефантинная статуя Геры, работы Поликлета, и думаютъ, что всѣ скульптурныя работы зданія были исполнены имъ же. Американская школа нашла значительныя остатки этихъ скульптуръ, прекрасную голову женщины, несомнѣнно работы V вѣка, довольно схожую съ фарнезскою Герою, происходящую, можетъ быть, изъ фронтонныхъ скульптуръ храма, нѣсколько обломковъ метоповъ—мужской торсъ и 2 головы превосходнаго стила, изъ которыхъ одна представляетъ Фригійца, другая Амазонку. Благодаря этимъ открытіямъ, историки искусства могутъ теперь вѣрнѣе судить о Поликетѣ, произведенія котораго до насъ дошли въ александрийскихъ или римскихъ репликахъ. Около храма изслѣдователи нашли толстый слой архаическихъ ex-voto—бронзовыхъ, глиняныхъ и костяныхъ, черепковъ вазъ микенской эпохи. Кромѣ того, найденъ порфировый левъ, покрытый гiероглифами, предметы изъ египетской пасты,

*) Браслетъ, сходный съ найденнымъ въ Кіевѣ, находится въ Историческомъ Музее въ числѣ предметовъ, случайно найденныхъ близъ мѣстечка Романова Могилевской губ. (Указатель, стр. 590).

янтарныя бусы, большое количество черепковъ архаическихъ вазъ, фигурки изъ бронзы, слоновой кости и глины.

— Жофруа, директоръ Ecole française въ Римѣ, сообщаетъ, что во время работъ во дворцѣ Кафарелли въ Римѣ, рабочіе открыли часть стѣны, принадлежащей къ восточной целлѣ древняго храма Юпитера Капитолійскаго. Въ 1875 г. была также открыта часть внутренняго пространства храма и обломки колоннъ пентелійскаго мрамора, привезенныхъ Домиціаномъ изъ Греціи. Діаметръ колоннъ 2,10 метра, тогда какъ колонны Пантеона имѣютъ въ діаметрѣ 1,9 метра. (Revue. Ст. № 6, 1893).

— Въ одной изъ гробницъ Кіузи нашли бронзовую голову волчицы, схожую со знаменитою волчицею Капитолійскаго музея. Сравненіе обоихъ памятниковъ, изъ которыхъ вновь найденный безъ сомнѣнія этрусской работы и по техникѣ, по мнѣнію профъ Гельбига, болѣе поздняго происхожденія, представляютъ новый аргументъ за этрусское происхожденіе волчицы дворца Консерваторовъ. Напротивъ того, новое изслѣдованіе знаменитаго льва св. Марка, возстановленнаго въ 1815 г. послѣ его возврата въ Венецію изъ Парижа и опять реставрированнаго въ 1892 г., показало, что это работа XII—XIII в.; бронзовые части льва всѣ составлены на желѣзныхъ полосахъ и никакъ не могутъ быть отнесены къ этрусской техникѣ. Но за этрусское происхожденіе послѣдняго стоятъ многіе ученые, такъ напр. г. Казати выставляетъ въ доказательство слѣдующіе аргументы: 1) Средневѣковая бронза содержитъ 25 или 20⁰/₀ свинца, тогда какъ бронза, изъ которой сдѣланъ левъ, содержитъ не болѣе 15⁰/₀. 2) Стилъ никоимъ образомъ не подходитъ къ средневѣкому. 3) Если бы этотъ памятникъ былъ изготовленъ въ XII в., то о немъ сохранилось бы свидѣтельство въ какомъ-нибудь изъ италіанскихъ архивовъ; документа же объ немъ никакого не существуетъ.

— Графъ Г. С. Строгановъ приобрѣлъ въ Италіи великолѣпную византійскую мощехранительницу, въ формѣ деревянной рамы, съ металлической обдѣлкой, украшенной изображеніями святыхъ и снабженной отдѣленіями, содержащими еще частицы мощей разныхъ святыхъ. Главный фасъ украшенъ пластиной, съ перегородчатой финифтью, превосходной работы и прекраснаго цвѣта, съ изображеніями Распятія и Положенія во гробъ. Работа относится, по мнѣнію Шлумбергера, къ лучшей эпохѣ византійскаго искусства—къ X—XI вѣку. По всей вѣроятности, этотъ драгоценный памятникъ былъ похищенъ крестоносцами въ Константинополѣ послѣ его взятія въ 1204 г. и попалъ на западъ, подобно многимъ византійскимъ предметамъ, теперь еще находящимся во многихъ церквахъ Италіи, Франціи и нѣкоторыхъ прирейнскихъ городовъ (R. Ст. № 7, 1893 г.).

III

Разныя извѣстія.

— Профессоръ В. З. Завитневичъ сообщаетъ слѣдующія подробности объ открытыхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года фрескахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ: „Фрески были обнаружены въ соборѣ, по снятіи иконостаса для позолоты, на четырехъ столбахъ—двухъ алтарныхъ и двухъ боковыхъ. На правомъ боковомъ столбѣ изображена Богоматерь съ воздѣтыми руками, представляющая копію съ знаменитаго мозаичнаго изображенія, находящагося на алтарномъ абсидѣ того же собора. На лѣвомъ боковомъ столбѣ находится фигура Іоанна Предтечи. На каждомъ изъ алтарныхъ столбовъ находятся по два изображенія, расположенныхъ одно надъ другимъ: на лѣвомъ, внизу, какъ видно изъ прочитанной надписи, св. Евстаѳій (Плакида?), вверху—стройная фигура юноши мученика; обѣ фигуры праваго алтарнаго столба разобрать еще не удалось. Всѣ эти изображенія находятся на лицевой сторонѣ столбовъ, и каждое имѣетъ около 3 арш. вышины. Кромѣ того, открыты слѣды фресокъ на правой сторонѣ лѣваго боковаго столба и на лѣвой сторонѣ лѣваго алтарнаго столба. Изъ этого видно, что всѣ эти столбы украшены были фресками, по крайней мѣрѣ, съ трехъ сторонъ. Въ общемъ фрески сохранились сравнительно хорошо; лики святыхъ выступаютъ отчетливо; почти на всѣхъ фрескахъ видны слѣды греческихъ надписей, расположенныхъ то вертикально, то горизонтально; надписи разбираются съ трудомъ. Но кромѣ этихъ древнихъ надписей, современныхъ происхожденію самихъ фресокъ (времени строителя собора — великаго князя Ярослава Владиміровича), послѣднія испещрены позднѣйшими надписями, вырѣзанными обыкновеннымъ острымъ орудіемъ; такъ, у ногъ Іоанна Предтечи ясно читается: Jan Medgynsky. 1622. Кромѣ только что перечисленныхъ, нѣсколько раньше, въ разныхъ уголкахъ Софійскаго собора, открытъ былъ рядъ другихъ фресокъ, изображающихъ: свв. Димитрія Стратилата, Домна, Адріана и Наталію и нѣкот. другихъ. Проф. А. В. Праховъ, которому принадлежитъ трудъ и инициатива открытія и расчистки всѣхъ этихъ фресокъ, надѣется въ будущемъ на рядъ новыхъ открытій“.

По поводу этого открытія газеты говорятъ, что алтарная преграда, замѣненная впоследствии иконостасомъ, находилась въ алтарной аркѣ,

между пилонами и далѣе ихъ впередъ не выступала. Преграда эта была не выше полуторы сажени и состояла изъ мраморныхъ колоннъ съ перекладиной вверху и малыми тумбами внизу; весь алтарь былъ такимъ образомъ открытъ взору предстоящихъ въ храмѣ. Случаемъ этого открытія возбуждается вопросъ о сокращеніи длины нынѣшняго иконостаса или замѣнѣ его новымъ, мраморнымъ, который бы не закрывалъ вновь открытыхъ фресокъ. Существующій теперь иконостасъ устроенъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и представляетъ собою рѣдкій образецъ превосходной рѣзьбы по дереву въ стилѣ рококо.

— По инициативѣ высокопреосвященнаго архіепископа новгородскаго Θεогноста, въ настоящемъ году предпринимается реставрація знаменитаго Софійскаго собора. Это по древности вторая святыня на Руси. Соборъ построенъ въ 1045 году Владиміромъ Ярославичемъ и имѣлъ для новгородцевъ такое вліяніе въ религіозномъ и политическомъ значеніи, что существованіе Новгорода тѣсно связывалось съ существованіемъ св. Софіи: „Кздѣ святая Софія, ту Новгородъ“.

Софійскій соборъ былъ выстроенъ въ стилѣ греко-византійскихъ храмовъ. Всѣ его общія массы сохранились въ первоначальномъ видѣ и только пристроены въ позднѣйшее время паперти. Своды собора поддерживаются десятью пилонами. Съ трехъ сторонъ находятся обширные хоры. Съ западной стороны къ собору примыкаетъ Круглая башня. Вся внутренность собора была украшена царьградскими художниками фресковой живописью, которая въ XV столѣтіи, съ передѣлкою штукатурки храма, была, къ сожалѣнію, уничтожена. Сохранилось нѣсколько фресокъ только въ главномъ куполѣ, гдѣ изображеніе Спасителя.

Реставрація храма будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ восстановленіи живописи и орнамента украшеній по всѣмъ стѣнамъ собора въ строгомъ стилѣ, соотвѣтствующемъ времени построенія Софійскаго собора. Составленіе подробныхъ рисунковъ реставраціи и наблюденіе за оной поручается академику архитектуры В. В. Суслову. (Нов. Вр. № 6146, 1893 г.)

— Въ № 6129-мъ Новаго Времени помѣщено краткое извѣстіе, что завѣдующій Бахчисарайскимъ дворцомъ г. Иваненко при раскопкахъ, вызванныхъ ремонтными работами, открылъ двѣ подземныя комнаты древнѣйшихъ ханскихъ временъ.

— Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи предполагаетъ приступить нынѣшнимъ лѣтомъ къ дальнѣйшимъ раскопкамъ въ с. Булгарахъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ выполненіе составленной П. А. Пономаревымъ программы работъ, въ которую входитъ обслѣдованіе того крайне любопытнаго обряда погребенія, который

принадлежалъ руссамъ и который былъ подробно описанъ очевидцемъ, ученымъ арабомъ Ибнъ-Фодланомъ, въ 992-мъ году. По поводу проекта этихъ раскопокъ Общество входило въ сношеніе съ Императорской археологической комиссіей и уже получило отвѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ. (Волжскій Вѣстн. № 93, 1893).

— Въ концѣ марта 1893 г. Императорская Публичная Библиотека обогатилась новымъ, весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра финансовъ ходатайства директора Библиотеки, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ей изъ суммъ Государственнаго казначейства средства на покупку извѣстнаго собранія старинныхъ русскихъ рукописей, принадлежавшаго нашему заслуженному ученому, академику *Θ. И. Буслаеву*.

Со многими рукописями этого собранія изслѣдователи древней нашей литературы и искусства были знакомы какъ изъ трудовъ самого ихъ владѣльца, особенно изъ „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства“ и „Русскаго лицеваго апокалипсиса“, такъ и изъ изслѣдованій и изданій другихъ лицъ, которымъ *Θ. И. Буслаевъ* радушно предоставлялъ пользоваться своимъ собраніемъ.

Въ настоящее время это замѣчательное собраніе, высоко цѣнимое специалистами, поступило уже въ Публичную Библиотеку. Всѣхъ рукописей въ немъ находится девяносто восемь, которыя относятся къ XV—XVIII вѣкамъ. Богатѣйшіи отдѣлы собранія составляютъ такъ называемыя „лицевыя“ рукописи, которыхъ насчитывается въ коллекціи 52 №№. Тутъ находятся нѣсколько экземпляровъ толковаго апокалипсиса, въ томъ числѣ два древнѣйшей редакціи, изъ нихъ одинъ въ спискѣ XV—XVI вѣка, а другой въ спискѣ XVI—XVII вѣка, положенные въ основу изслѣдованія *Θ. И. Буслаева* о русскомъ лицевомъ апокалипсисѣ; „Александрія“, XVII вѣка, со множествомъ миниатюръ при каждой главѣ, составленныхъ подъ вліяніемъ иностранныхъ кунштовъ, какъ въ фигурахъ, такъ и въ архитектурѣ. Особенно изящны въ этой рукописи изображенія звѣрей и чудовищъ. По художественности исполненія эта рукопись можетъ быть поставлена на ряду съ извѣстнымъ спискомъ „Александріи“, принадлежащимъ *И. Е. Забѣлину*; Псалтирь съ возслѣдованіемъ, XV вѣка, съ характерною орнаментаціею этого столѣтія и художественными миниатюрами, могущими соперничать съ миниатюрами лицевой псалтири 1397 года, принадлежащей Императорскому Обществу любителей древней письменности; по нѣскольку экземпляровъ Страстей Христовыхъ, Синодиковъ, житій *Василія Новаго* и *Андрея Юродиваго*, далѣе — житія священномученика *Харалампія епископа магнисійскаго*, *Евфросиніи Суздальской*, новгородскихъ святыхъ; чудеса

Тихвинской иконы Божіей Матери, нѣсколько сборниковъ, въ одномъ изъ которыхъ находится весьма рѣдко встрѣчающійся лицевой списокъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, и проч.

Изъ рукописей не лицевыхъ должны быть отмѣчены, между прочимъ: южно-русскій хронографъ одинаковой редакціи съ лѣтописью Боболинскаго; обширный русскій лѣтописный сборникъ XVII вѣка; Лѣствица Іоанна Лѣствичника XV вѣка; Азбуковникъ первой половины XVII вѣка; обширный сборникъ житій новгородскихъ святыхъ и службъ имъ; псалмы и вирши; подробный лѣчебникъ — травникъ начала XVIII вѣка, принадлежавшій профессору Иноземцеву; наконецъ нѣсколько сборниковъ XVI, XVII и XVIII вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые содержатъ въ себѣ статьи весьма интересныя и рѣдкія, напр., авто-біографію преподобнаго Мартирія Зеленецкаго; правила, постановленныя на соборѣ 22-го февраля 1551 года (сокращенная редакція Стоглава, безъ раздѣленія на главы); нѣсколько народныхъ былинъ и стиховъ, и многое другое (Нов. Вр. № 6144, 1893 г.).

— „Новое Время“ (№ 6151, 1893 г.) сообщаетъ о выставкѣ доисторическихъ древностей Новгородской области, собранныхъ В. С. Передольскимъ и выставленныхъ въ залахъ Николаевского дворца въ Петербургѣ. Всѣ выставленныя древности относятся г. Передольскимъ къ палеолитической эпохѣ и принадлежать, по его мнѣнію, къ первобытному племени, которое въ періодъ каменнаго вѣка обитало на берегахъ Ладожскаго озера. Древности состоятъ изъ множества доисторическихъ предметовъ, остатковъ ископаемыхъ животныхъ, нѣсколькихъ человѣческихъ череповъ и другихъ частей костяка, относящихся къ названной эпохѣ. Всѣ животные и человѣческіе остатки носятъ на себѣ слѣды огня; въ трехъ случаяхъ плечевыя кости человѣка имѣютъ слѣды поврежденій, произведенныхъ острымъ орудіемъ. Изъ животныхъ найдены остатки первобытнаго буйвола, лося, вепря, медвѣдя, бобра, волка, рыси, лисицы, мелкихъ хищниковъ, грызуновъ и кости рыбъ. Изъ предметовъ доисторической индустріи добыты: 1) Различныя обломки глиняной посуды съ орнаментами, какъ гравированными, такъ и сдѣланными рельефами. 2) Кремневыя орудія частью грубой, частью довольно старательной обработки, между которыми встрѣчаются: лезвія для ножей, скребки, топоры, молотки, пилы, наконечники стрѣлъ и проч. 3) Предметы изъ костей: иглы, шилы, наконечники стрѣлъ и метательныхъ копій (гарпуновъ) и разнаго рода другія принадлежности охоты и домашняго обихода, между прочимъ — обломки роговъ лося и оленя въ видѣ ручекъ для ножей, молотковъ и т. д. Изъ предметовъ искусства той эпохи выставлены двѣ костяныя пластинки, представля-

ющія одна изъ нихъ птичью голову, а другая—человѣческую, съ длиннымъ носомъ, острымъ подбородкомъ и въ шапкѣ, напоминающей турецкую феску. Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть и о просверленныхъ клыкахъ медвѣдей, рысей, волковъ и другихъ животныхъ,—клыкахъ, нанизывавшихся, быть можетъ, украшенія ради, а всего вѣроятно служившихъ доисторическому человѣку каменнаго вѣка амулетами.

— Въ Цетиньѣ наступающимъ лѣтомъ состоится празднованіе четырехсотлѣтія мѣстной типографской дѣятельности, имѣвшей въ свое время громадное значеніе для всѣхъ окрестныхъ странъ. Вотъ что сообщаетъ о предстоящемъ торжествѣ черногорскій комитетъ празднества въ слѣдующемъ, предварительномъ возваніи:

„Въ текущемъ 1893 г. истекаетъ четыре вѣка съ того времени, какъ вышла въ свѣтъ первая изъ доселѣ извѣстныхъ книгъ типографіи Черноевича въ Рѣкѣ (Fiume).

Спасая послѣдніе остатки сербской державы отъ неудержимаго напора азіатскаго потопа, Зетскіе властители Черноевичи переносятъ свою столицу въ Цетинье, къ подножію Ловченскихъ горъ, и здѣсь прежде всего закладываютъ монастырь (1484 г.) „еже и митрополи зетска нарекохомъ“; и въ то же время, твердой ногою стоя „на камнѣ вѣры“, они воздвигаютъ типографію, изъ которой стали выходить церковныя книги.

Одна изъ этихъ книгъ, которая дошла до насъ, такъ говоритъ въ своемъ предисловіи: Понеже въ Троици славими Богъ благоизволи исполнити свою црковь различными книгами, видѣвъ азъ въ Христа Бога храними господиномъ Гюргъ Черноевыкъ цркви празны светыхъ книгъ грѣхъ ради нашихъ расхищеніемъ и раздраніемъ агаранскыхъ чедь, възрѣвновахъ поспѣшеніемъ Светого Духа и любовію къ божественнымъ црквамъ и написахъ сию душеспаснѣю книгу Осмогласникъ и т. д. А въ концѣ предисловія читается: Повелѣнемъ господина ми Гюргга Черноевика азъ Христѣ равъ священноинокъ Макаріе рѣкоделисахъ се при всеосвященномъ Митрополите Зетскомъ вѣрѣ Павулѣ въ лѣто 733 ѿ (т. е. отъ сотворенія свѣта 7001-е, а отъ Рождества Христова 1493-е), крѣгъ сьнца ѿ, лѣне ѿ.

И такъ, по времени это книга, принадлежащая одной изъ древнѣйшихъ типографій кирилловскаго письма, а какъ доказываютъ нѣкоторые — самодревнѣйшей (вообще же первой считается до сихъ поръ Краковская, 1491 года). Такъ, едва исполнилось пятьдесятъ лѣтъ изобрѣтенію славнаго Гуттенберга, какъ оно уже было усвоено Зетой, и то было въ самую трудную годину жизни всего сербскаго племени.

Современная Черная Гора, наслѣдница Зеты, до послѣдняго времени единственный, одинокій поборникъ за все сербское племя, должна

торжественно отпраздновать это событіе, которое столь замѣчательно не только для сербскаго народа, но также и для остальнаго славянства.

Приступая къ исполненію этого священнаго долга своего, Черная Гора по волѣ своего повелителя, Его Высочества Князя Николая, будетъ праздновать четырехсотлѣтнюю годовщину знаменательнаго событія въ текущемъ году, по мѣрѣ скромныхъ средствъ своихъ, по обычаю народному открывъ на эти праздничные дни домъ свой, съ хлѣбомъ солью, для гостей изъ всѣхъ земель сербскихъ и славянскихъ, а равно и для всѣхъ иныхъ иноземныхъ друзей своихъ.

Нижеписанный комитетъ по устройству празднества симъ объявляетъ это постановленіе всѣмъ, кто по сочувствію къ этому просвѣтительному событію пожелаетъ вмѣстѣ съ нами участвовать въ этомъ торжествѣ.

Избравши лѣтнее время для празднованія, мы постановили устроить его въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда и связанные службою люди пользуются отдыхомъ и досугомъ. Сообразно съ этимъ комитетъ назначить день и одновременно сообщить программу празднества. А покуда мы ограничиваемся этимъ общимъ извѣщеніемъ и говоримъ: „Кто придетъ—будетъ намъ дорогимъ гостемъ, добро пожаловать“.

Цетинье 1-го марта 1893 г.

Комитетъ по устройству торжества четырехсотлѣтія типографіи“.

— Берлинская Академія предприняла изданіе полнаго *Corpus*'а древнихъ монетъ и съ этою цѣлью командировала профессора Цюрихскаго Университета Б. Пика въ Россію и на Балканскій полуостровъ, гдѣ г. Пикъ долженъ былъ осмотрѣть всѣ правительственныя и частныя монетныя собранія, описать и сдѣлать снимки съ монетъ, назначенныхъ къ изданію 1-го тома *Corpus*'а, который будетъ заключать описаніе древнихъ монетъ Сѣверной Греціи и Сарматіи (Ольвіи, Тиры и Скиѳскихъ царей). Недавно въ „Извѣстіяхъ Академіи“ профессоръ Моммсенъ напечаталъ краткій отчетъ о посѣщеніи профессор. Пикомъ собраній Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы, Букарешта, Константинополя, Адрианополя, Филиппополя и Софіи, въ которыхъ городахъ всѣми хранителями музеевъ и владѣльцами частныхъ коллекцій, при осмотрѣ монетъ, г. Пикъ было оказано всевозможное содѣйствіе и имъ привезенъ огромный и важный матеріалъ, къ обработкѣ котораго уже приступлено. Первая часть этого обширнаго труда, съ описаніемъ монетъ Мезіи и Фракіи, надѣются, будетъ издана въ концѣ 1893 г. или началѣ 1894, а весь 1-й томъ будетъ изданъ до 1895 года.

IV

Библиографія.

Древнѣйшія русскія монеты X—XI в., гр. И. И. Толстого. Спб. 1893. (Отд. отт. изъ VI т. Записокъ Имп. Русск. Археол. Общ.).

Новый трудъ гр. Толстаго о древнерусскихъ монетахъ кievскаго періода распадается на нѣсколько отдѣловъ: первый посвященъ вопросу объ иноземныхъ образцахъ, служившихъ оригиналами для рѣзчиковъ нашихъ монетъ; второй—разбору критическихъ замѣчаній Н. П. Чернева на первый трудъ автора о кievскихъ монетахъ и третій—описанію новопріобрѣтенныхъ авторомъ и неизданныхъ донынѣ монетъ Кievскаго типа.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ, указавъ на попытку Волошинскаго сравнить наши монеты съ монетами византійскими Алексѣя I Комнина и Василія II, на основаніи внѣшнихъ типовъ, настаиваетъ на невозможности отнесенія монетъ Владиміра только IV типа къ Владиміру св., а III типа—къ Владиміру Мономаху, такъ какъ типы монетъ указанныхъ царствованій установлены Волошинскимъ неправильно. Между тѣмъ несомнѣнно, что прототипомъ для разсматриваемыхъ русскихъ монетъ служили византійскіе образцы. Констатировавъ фактъ, что при подражаніи иноземнымъ образцамъ, это подражаніе обнаруживается иногда лишь по второстепеннымъ деталямъ штемпеля, авторъ указываетъ весьма близкій оригиналь для златниковъ Владиміра въ одномъ солидѣ Василія II и Константина (976—1025 г.), а для сребренниковъ I типа принимаетъ сборный византійскій прототипъ и даже высказываетъ убѣжденіе, что эти сребренники не суть непосредственныя копіи съ византійскихъ образцовъ, а являются копіями съ копій, т. е. съ златниковъ съ прибавленіемъ мелкихъ подробностей, встрѣчаемыхъ на современныхъ имъ византійскихъ монетахъ. Для сребренниковъ II типа прототипа въ византійскихъ монетахъ не отыскалось. Для сребренниковъ III типа, именно для характеризующаго ихъ, по классификаціи гр. Толстаго, престола авторъ находитъ прототипъ на византійскихъ монетахъ 911—944 г. Относительно же сребренниковъ IV типа авторъ обращаетъ вниманіе на встрѣчающуюся на *нѣкоторыхъ* монетахъ этого типа деталь—постановку креста на „голгоѣ“,—деталь, встрѣчающуюся на византійскихъ монетахъ до 976 г. Не находя подходящаго оригинала для сребренниковъ Святополка, авторъ обратилъ вниманіе на четыре точки по угламъ креста въ рукахъ князя и указываетъ (съ нѣкоторою, впрочемъ, натяжкою) отчасти подобный крестъ на монетѣ Василія и Константина, который, по его мнѣнію, несомнѣнно и послужилъ образцомъ для русскихъ монетчиковъ. Наконецъ, допуская возможность самостоятельнаго рисунка „Ярославля серебра“, авторъ и тутъ объясняетъ по-

мѣщенный въ „родовомъ знакѣ“ этихъ монетъ II типа полумѣсяць заимствованіемъ полумѣсяца, находящагося подъ крестомъ на монетахъ Василя и Константина.

Весь этотъ кропотливый и не вполне оказавшійся благодарнымъ трудъ потребовался автору для доказательства, что русскіе сребренники всѣхъ типовъ были подраженіями византійскимъ монетамъ именно современныхъ Владиміру, Святополку и Ярославу императоровъ. Впрочемъ, не ограничиваясь этимъ, авторъ въ подкрѣпленіе своей мысли и въ доказательство возможности рѣзкихъ переменъ въ типахъ и рѣзбѣ монетъ даже одного и того же княженія излагаетъ и цѣлый рядъ соображеній о постепенной смѣнѣ денежныхъ мастеровъ, то болѣе, то менѣе искусныхъ, до возстановленія внутренняго спокойствія страны утвержденіемъ единой державы Ярослава, которое благотворно отразилось и на монетномъ дѣлѣ, такъ какъ „къ этому времени относятся и отлично исполненныя монеты Ярослава сребра“.

Разсматриваемый первый отдѣлъ своего труда гр. Толстой заканчиваетъ доказательствами, почерпнутыми изъ изслѣдованія академика Стефани, того, что нимбъ въ византійскомъ искусствѣ и въ византійской нумизматикѣ употреблялся первоначально какъ эмблема святости, и какъ эмблема высокаго сана и, въ частности, царскаго величія. Такъ, нимбъ окружаетъ постоянно на византійскихъ монетахъ до начала VII в. (а потомъ въ рѣдкихъ случаяхъ) голову императора.

Русскіе рѣзчики сребренниковъ II типа, грубой работы, хотѣли восполнить свою неумѣлость въ изображеніи вел. князя воспроизведеніемъ этого символа царственнаго величія, точно такъ же, какъ наоборотъ рѣзчики III типа, заимствовавшіе для изображенія трона фигуру престола, на которомъ изображался сидящимъ Христосъ на византійскихъ монетахъ, могли побояться сохранить нимбъ во избѣжаніе смѣшенія изображенія вел. князя съ изображеніемъ Христа.

Во второмъ отдѣлѣ своего труда гр. Толстой подвергаетъ критикѣ замѣчанія, сдѣланныя Н. П. Черневымъ на его изслѣдованіе о монетахъ вел. княжества Кіевскаго, именно—противъ отнесенія *всѣхъ* ихъ къ вел. княжеству Кіевскому и въ частности—къ Владиміру св. и Святополку. Настаивая на своемъ мнѣніи, что установленная имъ классификація монетъ вел. княжества Кіевскаго единственно возможная въ настоящее время, авторъ рѣшительно не признаетъ за мнѣніями и замѣчаніями г. Чернева никакого серіознаго значенія. Напр., попытка г. Чернева по начертанію отдѣльныхъ буквъ на большомъ количествѣ экземпляровъ II типа добиться разбора надписи на этихъ монетахъ вызываетъ съ его стороны лишь насмѣшки, такъ какъ эта попытка не привела къ желаемымъ результатамъ, и авторъ предпочитаетъ читать эту надпись по внутреннему убѣжденію и по аналогіи съ другими, подобными надписями, оправдывая такой произволь предпологаемою безграмотностью рѣзчиковъ. Между тѣмъ у попытки г. Чернева нельзя отрицать хотя бы того практическаго результата, что ею обнаружена невозможность

читать эту надпись (особенно на лиц. сторонѣ) согласно желанію гр. Толстаго. Не отрицая остроумія представленныхъ гр. Толстымъ въ объясненіе „безграмотности“ многочисленныхъ экземпляровъ II типа (хотя и разныхъ штемпелей) соображеній, мы предпочитаемъ пока мнѣніе г. Чернева, что осторожнѣе воздержаться до поры до времени окончательнымъ сужденіемъ объ этихъ монетахъ.

Авторъ настаиваетъ также на правильности своего чтенія надписей на сребренникахъ Ярослава первыхъ двухъ типовъ, т. е. на чтеніи Гегіосъ или Гергіосъ (т. е. Георгіосъ), а не Петросъ или Петосъ, какъ читаетъ г. Черневъ, и не видитъ никакой нужды отстать отъ своего чтенія“. Тѣмъ не менѣе чтеніе г. Чернева „на глазъ“ все-таки правильнѣе или, по крайней мѣрѣ, естественнѣе, если, конечно, читать надпись безъ предвзятой мысли, что она непременно должна имѣть отношеніе къ Ярославу. Остальные замѣчанія г. Чернева, относительно рѣзкихъ различій въ типахъ и чеканкѣ сребренниковъ, приписываемыхъ Владиміру (и Ярославу), о томъ, что они могутъ быть отнесены и къ другимъ, даже не русскимъ князьямъ того времени, и о значеніи топографическихъ условій нахождения, рѣзко отличающихся между собой по типу монетъ въ Кіевѣ и Нѣжинѣ, авторъ оставляетъ въ сущности безъ разсмотрѣнія.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего новаго труда гр. Толстой даетъ описаніе двухъ златниковъ и 15 сребренниковъ Владиміра и двухъ — Святополка. Повторяя при этомъ случаѣ свои соображенія въ пользу своей классификаціи, авторъ, между прочимъ, касается и вопроса о сребренникахъ Ярослава (первые два типа), при чемъ допускаетъ „въ крайнемъ случаѣ“ возможность отнести и эти монеты къ Святополку, но никакъ не ко времени потомковъ Ярослава, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы признать въ составѣ нѣжинскаго клада необъяснимый крупный скачекъ, — если, конечно, предполагать правильнымъ отнесеніе авторомъ остальныхъ монетъ этого клада къ Владиміру св. и Святополку.

Свое заключеніе гр. Толстой формулируетъ такъ: „каждый опытный нумизматъ или археологъ, на основаніи одного лишь внѣшняго вида *всѣхъ* русскихъ монетъ, описанныхъ въ моей книгѣ, ни на минуту не усомнится въ общности ихъ по времени изготовленія въ сравнительно короткій періодъ времени; а такъ какъ часть ихъ *несомнѣнно* чеканена въ X или XI в., то и остальные столь же *несомнѣнно* относятся къ тому же времени“. Но мы предпочитаемъ присоединиться къ заключительнымъ словамъ автора, именно къ его пожеланію „всѣмъ любителямъ русской нумизматики, чтобы новые обильные клады выпустили на свѣтъ Божій возможно большее количество интереснѣйшихъ въ русской нумизматикѣ монетъ, благодаря которымъ все, остающееся не вполне яснымъ въ нихъ, выяснилось бы, а доказанное подтвердилось бы такъ, чтобы и сомнѣвающимся болѣе не сомнѣвались“.

Къ статьѣ приложены 2 таблицы съ 24 превосходно изданными фототипи-

чески рисунками: двухъ златниковъ и 22 сребренниковъ, изъ коихъ 20 донынѣ неизданы, а въ текстѣ помѣщены 27 рисунковъ монетъ, иллюстрирующихъ мнѣнія автора о заимствованіи типовъ изъ Византіи.

В. Уляницкій.

Великій Князь Георгій Михайловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи (1759—1762), Грузіи (1804—1833), Польши (1815—1841) и Финляндіи (1864—1890). Съ 16-ю таблицами. С.П.Б. 1893 г. Цѣна 15 р.

Первая часть этого роскошнаго по внѣшности и по богатству матеріала выпуска посвящена монетамъ и документамъ, относящимся къ исторіи монетъ, чеканенныхъ русскимъ правительствомъ для Восточной Пруссіи во время занятія ея русскими войсками при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ 1759 по 1762 г. Въ то время въ Пруссіи не было единства монеты: каждая изъ ея провинцій чеканила собственную и, кромѣ того, тамъ обращались монеты и другихъ государствъ, такъ что въ монетномъ отношеніи въ Пруссіи царилъ полнѣйшій беспорядокъ. Кромѣ того, Семилѣтняя война, потребовавшая огромныхъ расходовъ, заставила Фридриха Великаго прибѣгать къ разнымъ способамъ, иногда неразборчивымъ, къ добыванію средствъ: онъ чеканилъ малоцѣнную монету, перечеканивалъ старымъ штемпелемъ, которымъ прежде чеканили высокопробную монету, низкопробную и даже не стѣснялся поддѣлывать монеты другихъ государствъ; въ одномъ изъ документовъ (№ 52) сказано:... „за обращающуюся нынѣ въ Пруссіи монету почитать надо одни польскіе тимфы и шестаки, хотя и сихъ тамо и въ самой Польшѣ такъ какъ здѣсь весьма мало, а больше хотя съ трудомъ и съ убыткомъ ихъ приѣма обращаются поддѣльные отъ короля прусскаго подъ польскимъ гербомъ“. Съ занятіемъ провинціи русское правительство возстановило монетный дворъ въ Кёнигсбергѣ и стало чеканить по образцу прусской монетной системы монеты въ 18, 6, 3, 2 и 1 грошевикъ и шилингъ, лучшаго качества, чѣмъ прежнія прусскія.

Въ 1761 г. были чеканены гульдены и полугульдены. Но не на одномъ Кёнигсбергскомъ монетномъ дворѣ чеканили монету для Пруссіи (рисунки для монетъ были изготовлены Болотовымъ), съ 1761 г. стали чеканить также и на Московскомъ; отличительный признакъ 6 и 3 грошевиковъ московскихъ—пропускъ буквъ D и G въ титулѣ императрицы, но этотъ штемпель былъ уничтоженъ и замѣненъ новымъ. Въ приложенныхъ документахъ находятся интересныя подробности объ устройствѣ монетнаго двора, о мѣрахъ, какія принимало наше правительство противъ ввоза малоцѣнной монеты, фальшивыхъ фридрихсдоровъ, и проч., и вывозу русской серебряной монеты и т. д.

Монеты для Грузіи, которая была объявлена составною частью Россіи въ 1801 г., стали чеканиться съ 1804 г., но вліяніе Россіи на Грузію въ XVIII в. оказалось на нумизматическихъ памятникахъ до ея присоединенія: на монетахъ Ираклія II, начиная съ 1781 г. встрѣчаемъ двухглаваго орла

въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Введеніе во вновь приобрѣтенной области грузинской монеты явилось необходимою вслѣдствіе незнакомства кавказскаго населенія съ русскими монетами. Монетная единица, на которой, согласно толкованію проф. Цагарелли надписей на монетахъ, была построена грузинская монетная система, была пули, которыхъ въ абазѣ имѣется 200 (абазъ=20 копѣйкамъ, а 20 пули были приравнены 2 коп.). Монетный дворъ находился въ Тифлисѣ, въ бывшемъ помѣщеніи царскихъ бань. Такъ какъ этотъ монетный дворъ былъ убыточенъ казнѣ, то его предполагали въ 1816 и 1822 г.г. закрыть, но сенатскій указъ о его закрытіи послѣдовалъ лишь въ 1835 г.

Въ изданіяхъ „Монетъ царствованій Императоровъ Николая I и Александра II“ Августѣйшій авторъ описалъ монеты съ русско-польскими надписями; въ настоящемъ выпускѣ описаны монеты исключительно съ однѣми польскими надписями, чеканенными въ Царствѣ Польскомъ съ 1815 по 1841 г. на Варшавскомъ монетномъ дворѣ. Кромѣ того, въ видѣ приложенія, описаны монеты, чеканенныя въ Замостьи во время осады русскими войсками. Послѣдняя четвертая часть этого выпуска посвящена монетамъ Финляндіи. Въ Финляндіи, присоединенной въ 1809 г. къ Россіи, до 1860 г. была русская денежная система, но Высочайшимъ манифестомъ 23 марта 1860 г. въ ней была введена особая монетная единица марка (=25 серебр. коп.) и раздѣлявшаяся на 100 пени. Въ 1878 г. появилась золотая монета въ 20 или 10 марокъ. Монетный дворъ находится въ Гельсингфорсѣ. До 1873 г. штемпеля вырѣзывались въ Стокгольмѣ, въ 1873 г. эта работа производилась медальеромъ петербургскаго монетнаго двора; съ 1874 г. при Гельсингфорсомъ монетномъ дворѣ имѣется собственный медальеръ.

На приложенныхъ 16 таблицахъ фототипіей изображены всѣ описанныя въ выпускѣ монеты въ великолѣпныхъ снимкахъ. Между монетами есть много рѣдкихъ, пробныхъ, издающихся впервые. Этимъ выпускомъ заканчивается *Congrus* русскихъ монетъ XIX в.; слѣдующій долженъ быть посвященъ монетамъ имп. Екатерины II.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, издав. подъ ред. управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена. Томъ VII, выпуски I—IV (съ приложеніемъ двухъ таблицъ и одного портрета). Спб. 1893.

Содержаніе: Протоколы Вост. отдѣленія И. Р. Арх. Общества, стр. I—VIII.—Калмыцкія сказки. VI. II. Позднѣва.—Киргизскія пословицы и загадки. А. Меліоранскаго.—Вторая пѣсня о бывшемъ Кокандскомъ ханѣ Сяйдѣ Мухаммадѣ Худоярѣ. Н. Остроумова.—Легенда объ Иисусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Аттара. В. Жуковскаго.—Записки по армянскому языку. Н. Марра.—Кашгарская рукопись. Н. О. Петровскаго. С. Ольденбурга.—Основы арабскаго стихосложенія. I—VI. Бар. Д. Гинибурга.—О новомъ способѣ приготовленія эстампажей съ надписей на камняхъ. В. Радлова.—По-

сланіе: „Благія вѣсти“. Бар. В. Розена.—Послѣднее слово Беха-Уллы. А. Туманскаго.—Будійскій сборникъ „гирлянда джѣтакъ“ и замѣтки о джѣтакахъ. С. Ольденбурга.—О китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Satākamālā. А. О. Ивановскаго.—Мелкія замѣтки и извѣстія.—Августъ Мюллеръ. Некрологъ. Бар. В. Розена (съ портретомъ Мюллера).—Критика и библиографія (отзывы о 13 русскихъ и 15 иностранныхъ книгахъ), — Мусульманскія печатныя изданія въ Россіи за 1891 годъ. В. Смирнова.—Новыя книги.—Исправленія и дополненія.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ XI (1893 г.).

Выпускъ 1: Вотчины Казанскаго Кизическаго монастыря. Е. Д. (съ приложеніемъ неизданныхъ актовъ).—Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. В. А. Машкова.—Черемисы Арбанской волости. Н. Троицкой.—Хроника. Итоги археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 г. И. Н. Смирнова.—Библиографія (отзывы о 4 книгахъ). И. Н. Смирнова.—Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1892 году.

Выпускъ 2: Данныя о городахъ Волжской Булгаріи III Кашанъ. П. А. Пономарева.—Изъ области лингвистической археологіи. Слово „хомутъ“ въ аріо-европейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ. В. А. Богородскаго.—Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Имятьева. Матеріалы для хар. муз. творчества инородцевъ etc. (продолженіе В. А. Мошкова.—Матеріалы Кара-якуповская волость. И. А. Износкова. Духовные стихи. Сообщ. И. А. Соколовъ. Захватъ, купля и продажа инородокъ въ Якутской волости въ XVII в. Н. Н. Бакай.—Хроника на текущія темы. И. Н. Смирнова.—Корреспонденція. Письма изъ Гельсингфорса. Г. Г. Вихмана.—Музеографія, новѣйшія пріобрѣтенія музея Уральскаго Общ. Люб. Ест. Д. И. Лобанова.—Библиографія (отзывы о 2 книгахъ). И. Н. Смирнова.—*Приложеніе:* Черемисско-Русскій словарь. В. А. Троицкаго.

Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань. 1892, 8⁰ (Всѣ статьи помѣщенныя, въ „Сборникъ“ имѣютъ особую пагинацію).

Въ немъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи, имѣющія отношенія къ исторіи и археологіи мѣстнаго края: 1) *О задачахъ дѣятельности Петровскаго Общества изсл. Астр. края.* Рѣчь д. ч. Общ. К. Н. Малиновскаго, прочитанная на публичномъ собраніи Общества 30 мая 1889 г. (26 стр.)—2) *Кремль Астраханскій* (сводъ нѣкоторыхъ данныхъ о началѣ астраханскаго кремля, краткій очеркъ его исторіи и современнаго состоянія). К. Н. Малиновскаго (23 стр.)—3) *Отчетъ о поѣздкѣ въ село Семитрянное,* Княжевской волости, Енотаевского уѣзда, лѣтомъ 1888 года, члена общества К. Н. Малиновскаго (содержитъ археологическое и историко-этнографическое

описание села и находящагося при немъ городища, а также упоминается о нѣкоторыхъ другихъ остаткахъ древности въ Черноярскомъ и Енотаевскомъ уѣздахъ. 17 стр.). — 4) *Астраханскіе калмыки* (наблюденія и замѣтки) Ир. А. Житеикало (214 стр. съ 35 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ). — 5) *О названіяхъ и географическихъ картахъ Каспійскаго моря*, д. чл. Общества А. Ф. Мюллера (62 стр. съ 11 картами на отдѣльной таблицѣ).

У. А. Хойновскій. *Раскопки Великокняжескаго двора древняго града Кіева, произведенныя въ 1892 г. Археологически(sic)-историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1893. 4^о. 78 страницъ и XXIX таблицъ. Цѣна 4 р.*

Книга посвящена описанію съемки земли, произведенной въ февралѣ и мартѣ прошлаго года на части усадьбы кн. Трубецкаго, уступленной имъ инженеру Кривцову. Усадьба эта, находящаяся на Старомъ Кіевѣ, противъ Десятинной церкви, издавна считается приманкою для археологовъ, какъ предполагаемое мѣсто дворца Великихъ Князей Кіевскихъ. Предположеніе это подтверждается неоднократными находками какъ на этой усадьбѣ, такъ и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ, различныхъ предметовъ великокняжеской эпохи. Съемка земли, происходившая на одномъ изъ ея участковъ, обѣщала богатую жатву для археолога, а потому г. Хойновскій, въ надеждѣ на важныя открытія, рѣшился почти ежедневно присутствовать при земляныхъ работахъ, и ему удалось приобрѣсти нѣсколько интересныхъ вещей, хотя болѣе важные предметы были взяты кн. Трубецкимъ.

Текстъ книги г. Хойновскаго распадается на три части: введеніе, дневникъ раскопокъ съ экскурсіями въ область исторіи и археологіи, и заключеніе.

Во введеніи, авторъ даетъ характеристику изслѣдованной отъ мѣстности и передаетъ лѣтописныя сказанія о первоначальной исторіи Кіева. Исходная точка его: превосходство археологическихъ изысканій, какъ источника для изученія старины, передъ лѣтописными сказаніями, въ которыхъ онъ видитъ лишь сухой хронологическій перечень событій. По отношенію къ этимъ изысканіямъ г. Хойновскій считаетъ себя „опытнымъ въ выводахъ изъ находокъ соображеній“.

Дневникъ раскопокъ онъ сопровождаетъ комментариемъ къ найденнымъ предметамъ, крайне курьезнымъ, такъ найденный въ одной изъ могилъ бронзовый крестъ складень служитъ для него достаточнымъ доказательствомъ для гипотезы, что здѣсь похороненъ былъ „игуменъ Янкина монастыря Григорій“, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1127 г. Нѣсколько обломковъ шиферныхъ досокъ и желѣзное кольцо, (которое онъ, впрочемъ только *видѣлъ*) совершенно достаточны для г. Хойновскаго для того, чтобы создать въ своемъ воображеніи великокняжескую гробницу, которую онъ и изображаетъ на таб. XV, со всѣми подробностями. Не довольствуясь этимъ, онъ на основаніи того, что невдалекѣ отъ этихъ обломковъ былъ найденъ клинокъ изъ пло-

хаго желѣза, согнутый въ дугу и проржавѣвшій почти до полной потери первоначальной формы, не колеблясь, приписываетъ возсозданную имъ гробницу Ярополку II, а въ дрянномъ желѣзномъ дреколѣи видитъ „драгоценный мечъ, безъ сомнѣнія, великокняжескій“ (стр. 38). На слѣдующей страницѣ онъ уже несомнѣнно является „мечемъ сына Мономаха, который онъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ кievскимъ престоломъ унаслѣдовалъ отъ своего славнаго отца Владиміра Мономаха“. Еще нѣсколько далѣе и, благодаря неистощимой фантазіи автора, у меча оказываются золотыя ножны, (отъ, которыхъ, впрочемъ, г. Хойновскій получилъ два микроскопическихъ кусочка, потому что они были, будто-бы, разломаны и украдены рабочими) и „эфесь рукоятки“ изъ массивнаго золота, захваченный монголами при ограбленіи гробницы въ 1240 г.

Найдя два предмета, костяной и глиняный, похожіе на современные игральныя шашки (таб. XIV, фиг. 138 и 139), г. Хойновскій на стр. 75 предполагаетъ, что это тѣ самыя шашки, которыми „юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками“; мало того, по его мнѣнію „игра въ шашки, можетъ быть, принесена Св. Ольгою изъ Византіи, гдѣ ею забавлялись при дворѣ; а потому 956 г. можно считать началомъ введенія этой игры въ Кіевѣ и съ этого времени игра въ шашки начала замѣнять существовавшую у насъ со времени Сарматскихъ игру въ кости“, и т. д.; подобныхъ курьезовъ въ книгѣ не мало.

Рисунки съ пріобрѣтенныхъ г. Хойновскимъ древностей могли-бы еще имѣть нѣкоторое значеніе, еслибы они были сдѣланы съ подлинныхъ вещей, но авторъ предпочелъ сдѣлать съ нихъ сначала рисунки карандашемъ (иногда очень небрежные), съ которыхъ и сняты фототипіи.

Н. Ч.

V

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 2 марта 1893 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, Д. И. Иловайскій прочелъ „Дополнительную замѣтку объ историческихъ наслоеніяхъ былинъ“, главнымъ содержаніемъ которой было дополненіе къ докладу объ Ильѣ Муромцѣ, читанномъ референтомъ въ предыдущемъ собраніи и разборъ мнѣній Н. Д. Квашнина-Самарина и опроверженіе замѣчанія В. В. Каллаша на первый докладъ, что Квашнинъ-Самаринъ уже проводилъ параллель между былиннымъ Ильей и Илейкой Муромцемъ. По справкѣ оказалось, что Квашнинъ-Самаринъ совершенно не касался эпитета Ильи „Старый казакъ“.

М. Н. Сперанскій прочелъ докладъ Н. П. Лихачева „Къ вопросу о разрѣшительныхъ грамотахъ Восточнаго духовенства“. Изложивъ историческіе

факты привоза въ Россію греческимъ духовенствомъ, а затѣмъ и изготовленія въ Москвѣ въ Синодальной типографіи разрѣшительныхъ грамотъ, авторъ пришелъ къ выводу, что эти грамоты имѣли характеръ католическихъ индульгенцій. При чтеніи былъ демонстрированъ фотографическій снимокъ съ подобной грамоты, выданной одному изъ предковъ автора статьи въ XVIII в. Съ выводами автора не согласились: М. Н. Сперанскій, М. И. Соколовъ и др. П. Н. Милуковъ доложилъ статью г. Иванова „Къ вопросу о походѣ князей Сѣверскихъ на Половцевъ въ 1185 г.“, въ которой авторъ, вопреки принятому теперь мнѣнію, что путь князей шелъ на югъ, ведетъ ихъ на востокъ, не только не рѣшая этимъ вопроса о мѣстѣ битвы при Каялѣ и нахожденіи этой рѣки, но заставляя Половцевъ дѣйствовать въ мѣстности, гдѣ ихъ никогда не было. Нѣкоторыя же мелочи относительно топографіи и названій мѣстности, составляющей предметъ разсужденій автора, заслуживаютъ вниманія.

В. И. Сизовъ прочелъ отзывъ *) о раскопкахъ А. М. Фетисова въ Токмакскомъ уѣздѣ, Семирѣченской области, произведенныхъ послѣднимъ по порученію Н. Н. Пантусова. Гр. П. С. Уварова сообщила о новыхъ изслѣдованіяхъ Несторіанскаго при-Пишпекскаго кладбища Н. Н. Пантусовымъ въ октябрѣ 1892 г. Н. Н. Пантусовъ продолжалъ съ помощью А. М. Фетисова свои изслѣдованія несторіанскихъ кладбищъ у гор. Пишпека и Токмака. Онъ обнаруживалъ могилы изъ подъ слоя земли, снялъ почти съ 350 надгробныхъ камней по 8—9 отличныхъ снимковъ типографской краской и перевезъ камни въ г. Вѣрный. Оказывается, что Киргизы стали разбивать новооткрытые христіанскіе камни, такъ что на при-Токмакскомъ кладбищѣ цѣлыхъ камней найдено нынѣ лишь пять. Раскопки около кладбища обнаружили слѣды поселеній, относящихся ко времени заполнения кладбища; найдены развалины зданій, мельничные жернова, слѣды какого-то завода (маслобойнаго?) съ каменнымъ прессомъ. Обнаруженные при раскопкахъ обугленные куски дерева показываютъ, что городъ, вѣроятно, погибъ отъ пожара. Найдены остатки зданія, служившаго банею, подъ поломъ которой, залитой цементомъ, шли водопроводныя трубы. Вещи, добытыя при раскопкахъ, посланы въ Императорскую Археологическую Коммиссію, по порученію которой производились раскопки.

Въ засѣданіи 19 марта 1893 г. Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина, (секретарств. С. С. Слудскій). И. А. Линниченко прочелъ докладъ „Десятинная организація въ древней Руси“. Разсмотрѣвъ юридическое и экономическое положеніе класса *сотныхъ* людей въ Галицкой Руси XV в., референтъ пришелъ къ заключенію, что это разрядъ служебныхъ людей, поселенныхъ въ подзамковыхъ селахъ для отбыванія специальныхъ услугъ въ пользу замковъ. Считая сотныхъ людей XV в. Гал. Руси остат-

*) См. стр. 169 „Арх. Изв. и Забѣтокъ“.

комъ переживанія старыхъ русскихъ порядковъ княжескаго періода и основываясь на аналогіи съ древнимъ устройствомъ сотныхъ людей и сотни у другихъ славянскихъ народовъ, референтъ съ этой точки зрѣнія сдѣлалъ попытку опредѣлить происхожденіе и значеніе десятичной организаціи древней Руси и пришелъ къ заключенію, что древнее сотенное устройство не было въ древней Руси общимъ устройствомъ, а лишь особымъ устройствомъ одного городского и подгороднаго населенія, назначеннаго къ особымъ услугамъ въ пользу князя и княжеской дружины, сидѣвшей въ городѣ. Въ виду этого И. А. Линниченко утверждалъ, что сотенное устройство не было на Руси земскимъ до-княжескимъ устройствомъ народа, а явилось у насъ только со времени упроченія княжеской власти. По этому-то и представителей сотеннаго устройства тысяцкихъ, сотскихъ референтъ считалъ первоначально княжескими чиновниками, ставшими земскими лишь впоследствии въ силу близости къ населенію и то только тамъ, гдѣ произошло болѣе рѣзкое отдѣленіе земства отъ дружины.

Д. И. Иловайскій, возражая референту, признавалъ единственнымъ возможнымъ путемъ для объясненія такого явленія, какъ десятная система — путь широкой аналогіи. Эта система существуетъ у многихъ народовъ, ведя происхожденіе, очевидно, съ доисторическаго времени. Въ историческое время мы видимъ лишь обломки ея, чрезвычайно разнообразныя и измѣнявшіеся. Но послѣдующія измѣненія не мѣшаютъ предполагать широкаго общаго значенія системы прежде — именно еще въ кочевой періодъ, какъ полагаетъ лично г. Иловайскій. В. О. Ключевскій, возражая на нѣкоторыя мѣста доклада И. А. Линниченко, заявилъ, что подъ „горожанами“, на которыхъ Даниль Галицкій наложилъ пеню 4 гривны, нельзя разумѣть „подзамковое населеніе“ горожанъ въ теперешнемъ смыслѣ: кромѣ ничтожности денежной суммы, тому препятствуетъ установленность древнихъ терминовъ: „городъ“ = кремль и посадъ, и „слобода“ = городъ въ нашемъ смыслѣ, „подзамковое населеніе“ — два различные юридическіе типа. Затѣмъ, если бы тысячное устройство было происхожденія княжескаго, то оно было бы во всѣхъ княжескихъ городахъ. Но мы встрѣчаемъ его только въ большихъ городахъ и въ Бѣлгородѣ, городѣ пограничномъ, важномъ въ военномъ отношеніи. Далѣе, Псковъ никогда не имѣлъ тысячи; въ Смоленскѣ въ 1228 г., въ договорѣ съ Нѣмцами, представителемъ города является не тысяцкій, а сотскій. Съ другой стороны, есть примѣръ сотни въ полѣ: извѣстная Сновская сотня XII в. — „сотня“, слѣдовательно, въ смыслѣ позднѣйшихъ малороссійскихъ „полковъ“. Городская сотня въ древнее время не несла никакихъ повинностей, кромѣ обще-государственныхъ: повинности городскія распредѣлялись на все населеніе, а не были повинностями людей одного класса. Состоянія (напр. крѣпостное) не могли развиваться изъ сотеннаго дѣленія, значеніе котораго были лишь государственное, а не личное и не сословное. И. А. Линниченко не согласился съ этимъ опроверженіемъ, указавъ на повинности натурою, рыболововъ, колесниковъ, ковачей и т. п., на что В. О. отвѣчалъ,

что тутъ не было прикрѣпленія къ службѣ. Для выясненія значенія сотенъ, важно обратиться къ сѣверовосточной Руси, гдѣ сотни являются съ яснымъ характеромъ уже въ XIV в. Города и подгородныя области дѣлятся здѣсь на округа, которые называются „сотнями“, а если городъ большой, то могутъ называться „тысячами“ (что не необходимо: въ Псковѣ видимъ лишь нѣсколько сотенъ и судъ изъ двухъ посадниковъ, а тысяцкаго нѣтъ). Сотня—*полицейскій округъ*, цѣль ея—сборъ податей и ратниковъ. Тысяцкій въ Новгородѣ—полицейскій начальникъ, а не судья (за исключеніемъ суда полицейскаго): „тысяцкому въ судъ посадника не мѣшаться“. На основаніи такого значенія сотни тамъ, гдѣ полицейскій округъ не совпадаетъ съ судебнымъ, тамъ является сотенное дѣленіе; гдѣ эти округа совпадаютъ, тамъ нѣтъ надобности въ сотенномъ дѣленіи и тамъ его, дѣйствительно, нѣтъ. Сельскія области, отдаленныя отъ города, представляютъ собой судебныя округа и глава округа называется *волостелемъ* или *сельскимъ старостою*. Полицейская власть ввѣряется тогда тѣмъ же мѣстнымъ чиновникамъ: поэтому такой округъ называется не *сотней*, а *волостью*. Но подраздѣленія этихъ округовъ, не имѣющія судебного значенія, а представляющія изъ себя лишь подъ-округа полицейскіе, оказываются *десятьями*. Случалось, что одна волость образовала 12 десятенъ, а сама сотней никогда не звалась. Отдаленная отъ города волость можетъ также имѣть сотенное дѣленіе: Двинская земля имѣла своего сотскаго, а городовъ тамъ мы не знаемъ. Объясняется это военно-податнымъ обложеніемъ, т. е. потребностью полицейской. При податномъ обложеніи въ городахъ окладная единица—промышленная: *дворъ*, т. е. извѣстный торговый оборотъ; въ хлѣбопашныхъ и сельскихъ областяхъ окладной единицей могъ быть только участокъ земли. Такія области, какъ Сумерская, Велія, Моревская имѣютъ характеръ преимущественно торгово-промышленный: поэтому онѣ облагаются дворами, а не участками земли, и поэтому же въ нихъ видимъ сотенное дѣленіе, которое вообще является по преимуществу тамъ, гдѣ бытъ основанъ не на хлѣбопашествѣ, а на торговомъ промыслѣ. Отсюда понятно, почему, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ городахъ нѣтъ сотскаго, а есть староста или княжой чиновникъ: это города не торгово-промышленныя. Понятно, что отъ сотеннаго дѣленія податнаго, надобно строго различать сотенное дѣленіе чисто и исключительно военное. И въ сѣверной Руси часто встрѣчается *сотня*—рота, когда образуется городовое казачество. Любой уѣздъ южной окраины, достаточно снабженный дворянствомъ, дѣлится, независимо отъ городовъ и сель, на дворянскія сотни, образуя отъ 2-хъ до 3-хъ десятковъ сотенъ. Одинъ изъ посѣтителей Общества, г. Любавскій, опираясь на данныя Сѣверо-западной Руси, возражалъ И. А. Линниченкѣ противъ юридическаго, сословнаго дѣленія, объясняя это дѣленіе цѣлями военными. Референтъ отрицалъ возможность ссылаться въ этомъ вопросѣ на Русь сѣверо-западную, гдѣ дѣйствовало литовское, а не русское право.

Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 9 апрѣля 1893 г. подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича былъ прочтенъ рефератъ А. Н. Шварца „Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала“ *), доложенный, за болѣзную референта, А. В. Орѣшниковымъ. По прочтеніи реферата, И. В. Цвѣтаевъ возразилъ, что изображеніе на монетѣ представляетъ такія уклоненія отъ подлинника группы и къ тому же монета такъ неудовлетворительно сохранилась, что трудно сказать, представляетъ ли она копію съ подлинника. Затѣмъ г. Цвѣтаевъ привелъ то мѣсто изъ Плинія (Nat. Hist. 34, 87), гдѣ говорится о подобной же группѣ раб. Кифисодота, отца Праксителя, и, принимая въ соображеніе, что олимпійская группа есть одно изъ раннихъ произведеній Праксителя и, вѣроятно, не изъ лучшихъ, г. Цвѣтаевъ высказалъ предположеніе, что изображеніе на монетѣ, можетъ быть, представляетъ копію съ произведенія Кифисодота **).

В. И. Сизовъ сообщилъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ по порученію могилевскаго губернатора, т. е. Дембовецкаго, гг. Фурсовымъ и Чоловскимъ, въ уѣздахъ: Рогачевскомъ, Быховскомъ, Чериковскомъ, Климовичскомъ и Мстиславскомъ, въ долинахъ Днѣпра, Сожа, Друти, Прони, Остра и Бесѣди. Всего раскопано было до 60 кургановъ, отчасти со слѣдами погребенія, отчасти — сожженія; въ нѣкоторыхъ курганахъ было по нѣсколько костяковъ, лежащихъ головою къ западу или юго-западу, иногда съ раскинутыми руками, помѣщенными въ соотвѣтственныхъ углубленіяхъ; надъ нѣкоторыми могилами были устроены дубовые срубы. При костякахъ находились и горшки (у мужчинъ — въ головахъ, у женщинъ — въ ногахъ), иногда съ остатками чего-то, желѣзные топоры и ножи, серебряныя височныя кольца, шейныя гривны, серьги въ видѣ колець, бусы изъ сердолика, горнаго хрусталя, стекла съ позолотою, серебряныя браслеты и перстни; въ одной могилѣ — еще золотой обломанный крестъ съ финифтью, а въ другой — тщательно завернутая въ бересту фигурка человѣка, въ одеждѣ до колѣнъ, съ мечемъ съ правой стороны и съ кольцомъ въ видѣ жгута въ правой рукѣ. Въ фигуркѣ этой г. Чоловскій видитъ изображеніе скиѳа, но г. Сизовъ не находитъ въ ней ничего скиѳскаго, а скорѣе — сходство съ нѣкоторыми скандинавскими изображеніями эпохи Викинговъ. — Г. Сизовъ, кромѣ того, указалъ на вышедшій недавно трудъ г. Тотура по древностямъ Минской губерніи. — Н. Ѳ. Бѣляшевскій демонстрировалъ образцы предметовъ каменнаго вѣка обширной коллекціи, добытой имъ при раскопкахъ на Княжей горѣ, на берегу Днѣпра, недалеко отъ г. Канева, произведенныхъ [на средства и по

*) См. стр. 102 „Арх. Изв. и Зам.“.

**) Въ закрытомъ засѣданіи Моск. Арх. Общества, 18 апрѣля 1893 года, И. В. Цвѣтаевъ заявилъ, что онъ свое возраженіе беретъ назадъ и присоединяется ко взгляду А. Н. Шварца, мотивируя это тѣмъ, что упоминаемая группа Кифисодота была бронзовая, тогда какъ оригиналь, съ котораго сдѣлана копія на монетѣ, былъ мраморный, что онъ заключаетъ изъ подставки въ видѣ колонки подъ рукой, что свойственно только произведеніямъ изъ мрамора.

порученію В. В. Тарновскаго. На этой горѣ были найдены обширные слѣды поселенія велико княжеской эпохи, повидимому, раззореннаго татарами въ XIII в., но въ болѣе глубокихъ частяхъ культурнаго слоя здѣсь оказались и слѣды болѣе древняго періода, именно поселенія и мастерской каменнаго вѣка, всего вѣроятнѣе—конца его, какъ то доказываютъ находки многихъ продырявленныхъ топоровъ-молотковъ и одной бронзовой плоской стрѣлы. Предметовъ изъ кремня (приготовленныхъ оббивкою) сравнительно немного, и между ними преобладаютъ скребки, хотя есть также стрѣлки, пилы и др. Болѣе предметовъ изъ другихъ горныхъ породъ (песчаника, сланцевъ, гранита и др.), болѣе или менѣе полированныхъ и представляющихъ топоры, молоты, песты, грузила для неводовъ и т. п. Есть также издѣлія изъ кости—стрѣлки, шилья, рыболовные крючки и др., но нѣкоторыя изъ нихъ относятся, повидимому, уже къ металлической эпохѣ, такъ какъ выказываютъ слѣды обработки ихъ металлическими орудіями. Было найдено также много костей животныхъ (служившихъ въ пищу), рыбьей чешуи, раковинъ *Unio*—и черепковъ глиняной посуды, съ плоскимъ или круглымъ дномъ и съ различнымъ вдавленнымъ и выпуклымъ орнаментомъ.

Первое засѣданіе Славянской комиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, происходившее 29 октября 1892 г. подъ предсѣдательствомъ проф. М. И. Соколова, открылось рѣчью Предсѣдателя, изложившаго цѣли и объемъ занятій Славянской Комиссіи и отношеніе ея занятій къ занятіямъ Археологическаго Общества. Въ Славянскую Комиссію рѣшено было разсылать приглашенія тѣмъ членамъ Общества, которые изъявляютъ желаніе принимать въ ней участіе, а также и постороннимъ лицамъ, выразившимъ тоже желаніе. Предсѣдатель возбудилъ вопросъ объ обзорѣ и приведеніи въ извѣстность книгъ и журналовъ, интересныхъ для всѣхъ занимающихся славянской древностью, и рѣшено было на первое время ограничиться осмотромъ таковыхъ, получаемыхъ въ московскихъ библіотекахъ, обществахъ и учрежденіяхъ; составленные т. о. списки представить въ Комиссію, гдѣ они и будутъ храниться для справокъ. Секретаремъ Комиссіи, Мих. Нест. Сперанскимъ, былъ доложенъ рефератъ: „Обзоръ славянскихъ библіотекъ въ Австро-Венгріи и Сербіи“. Рефератъ былъ дополненъ П. А. Лавровымъ, сообщившимъ о библіотекѣ покойнаго Л. Гая въ Загребѣ. И. А. Линниченко сдѣлалъ обзоръ и оцѣнку труда проф. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи“. Правила, которыми будетъ руководиться „Славянская Комиссія“ слѣдующія:

1. Славянская Комиссія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества образуется изъ членовъ Общества, желающихъ принять участіе въ изученіи славянскихъ древностей, изданіи и сохраненіи относящихся къ нимъ памятниковъ.

Примѣчаніе. Ежегодно къ годичному засѣданію Общества Предсѣдатель Комиссіи освѣдомляется у членовъ объ ихъ желаніи оставаться въ ея составѣ.

2. Славянская Коммиссія выбираетъ изъ своей среды Предсѣдателя и товарища Предсѣдателя срокомъ на три года. Предсѣдатель заботится объ устройствѣ засѣданій Коммиссіи, ея занятіяхъ и изданіи ея „Трудовъ“.

Примѣчаніе. Секретарь приглашается Предсѣдателемъ.

3. Коммиссія имѣетъ право на основаніи § 3-го Устава Московскаго Археологическаго Общества привлекать къ своимъ занятіямъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу членовъ Общества; въ случаѣ, если бы лица эти отвѣчали требованіямъ §§ 11 и 19 Устава Общества, членамъ Коммиссіи предоставляется право предлагать ихъ на общепринятыхъ основаніяхъ (§§ 23 и 24) въ члены Общества и просить объ ихъ баллотировкѣ.

4. Засѣданія Коммиссіи происходятъ въ домѣ Археологическаго Общества; о днѣ и часѣ ихъ созыва извѣщается заблаговременно Предсѣдатель Общества.

Примѣчаніе. Засѣданія Коммиссіи не публичныя. Приглашеніе или допущеніе случайныхъ посѣтителей предоставляется усмотрѣнію Предсѣдателя.

5. Протоколы Славянской Коммиссіи докладываются въ ближайшихъ засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества. Сообщенія, представляющія общій археологическій интересъ, докладываются въ засѣданіяхъ Общества.

6. Къ годовому собранію Московскаго Археологическаго Общества Предсѣдатель и секретарь Коммиссіи озабочиваются приготовленіемъ отчета о дѣятельности Коммиссіи, который и печатается вмѣстѣ съ отчетомъ Общества.

7. Труды Славянской Коммиссіи печатаются на средства Общества.

8. Въ виду спеціальности трудовъ Коммиссіи, Предсѣдатель и секретарь ея признаются членами Редакціоннаго Комитета Общества.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества 20 января 1893 г. В. М. Истринъ прочелъ рефератъ „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“; референтъ, разсмотрѣвъ исторію „Сказаній“ вообще и о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ въ частности, подробно остановился на сказаніяхъ о диковинныхъ людяхъ и животныхъ, упоминаемыхъ въ „Сказаніи“, при чемъ отмѣтилъ отношеніе „Сказанія“ къ „Александріи“, куда частью вошло и самое „Сказаніе“. Изъ анализа какъ отдѣльныхъ списковъ „Сказанія“, такъ и того, который послужилъ источникомъ для редактора славянскаго перевода „Александріи“, референтъ нашелъ возможнымъ сдѣлать слѣдующіе выводы: а) списокъ „Сказанія“, вошедшій въ „Александрію“, долженъ быть признанъ первоначальнымъ для славянскихъ текстовъ, переведенныхъ съ 3-й редакціи латинскаго текста „Сказанія“; б) ближайшимъ, но уже изгладившимъ слѣды латинскаго оригинала, долженъ быть признанъ текстъ Кирилло-Бѣлозерскій, изданный акад. Веселовскимъ, и в) переводъ совершенъ, вѣроятно, тамъ же, гдѣ и переводъ сербской „Александріи“, т. е. въ Далмаціи

или на побережьѣ Адриатики. Въ преніяхъ по поводу этого доклада В. Ѳ. Миллеръ, соглашаясь въ общемъ съ референтомъ, предложилъ для непонятнаго слова „шидъ“ (что-то въ родѣ шелку) производство не отъ *sidus*, а отъ вост. слова *set*. М. И. Соколовъ указалъ на то, что самый порядокъ перечисленія чудесъ въ различныхъ редакціяхъ „Сказанія“ могъ бы дать, можетъ быть, указанія полезныя для рѣшенія вопроса о редакціи оригинала „Сказанія“, и попросилъ объясненія относительно списка Бѣлградской бібліотеки, списаннаго М. Н. Сперанскимъ. Референтъ призналъ этотъ списокъ весьма позднимъ и по составу не идущимъ къ его изслѣдованію. С. О. Долговъ указалъ, что въ цитатахъ, приведенныхъ референтомъ въ текстѣ, вошедшемъ въ „Александрію“ и въ старшемъ Кирилловскомъ—2 различные перевода, изъ которыхъ второй, какъ не носящій на себѣ признаковъ латинскаго оригинала, могъ быть иного происхожденія; кромѣ того, въ текстѣ, вошедшемъ въ „Александрію“,—важная черта—отсутствіе упоминанія о царѣ Іоаннѣ; наконецъ С. О. Долговъ находилъ, что необходимо вести доказательство на основаніи сравненія болѣе крупныхъ отрывковъ изъ того и другого текста, чѣмъ это сдѣлано референтомъ. Такимъ образомъ фактъ перевода „Сказанія“ съ латинскаго нельзя признать доказаннымъ.

М. И. Соколовымъ было приведено одно мѣсто изъ пророчествъ о судьбахъ Балканскаго полуострова (по рукоп. П. С. Сречковича), переведенныхъ съ греческаго, гдѣ встрѣчается какой-то Іоаннецъ „сирѣчь индійскій“.

П. А. Лавровъ прочелъ докладъ о новомъ изданіи пѣсенъ бр. Миладиновыхъ (Софія, 1891 г.); охарактеризовавъ дѣятельность современныхъ болгарскихъ собирателей памятниковъ народнаго творчества (по „Сборнику“ болг. мин. нар. просв.), референтъ сравнилъ новое изданіе съ первымъ, указалъ недостатки того и другаго и предложилъ рядъ исправленій.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 23 февраля 1893 года, В. В. Богдановъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ вопросу о звуковой транскрипціи русскаго языка“, вызванное запросомъ одного изъ провинціальныхъ этнографовъ въ этнографическомъ отд. И. О. Л. Е. А. и Э. о выработкѣ научной и точной транскрипціи для передачи всѣхъ звуковыхъ явленій изслѣдуемаго говора,—чтобы записанными въ такомъ видѣ матеріалами могъ пользоваться не только этнографъ и историкъ, но и лингвистъ. Референтъ изложилъ транскрипцію, какою онъ пользовался для записыванія говора крестьянъ Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ Смоленской губ. А. В. Башкировъ прочелъ рефератъ „О стихотвореніяхъ Юрія Крижанича“, о которыхъ до послѣдняго времени ничего не было извѣстно; но въ 1886 г. въ *Starin*'ахъ о. Евс. Фермеджинъ помѣстилъ 4 стихотворенія Крижанича, найденныя имъ въ старопечатной книгѣ „*Triumphus caesareus polyglottus*“, но при перепечаткѣ почему-то выпустилъ еще одно стихотвореніе на турецкомъ языкѣ, въ которомъ Крижаничъ обращается къ тур-

камъ съ увѣщаніемъ прочесть кн. Кирхера „Oedipus Aegyptiacus“, изъ которой де они познаютъ истиннаго Бога. Кромѣ указанныхъ стихотвореній, мы имѣемъ еще одинъ стихотворный опытъ Крижанича, помѣщенный на чистыхъ листахъ рукописи „De arte bene moriendi“; это черновой переводъ двухъ гимновъ Іоанну Крестителю, слитыхъ въ одинъ, изъ которыхъ одинъ извѣстный „нотный“ гимнъ.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 13 марта 1893 г., были прочтены некрологи двухъ славянскихъ ученыхъ, А. Я. Вртытки и Я. М. Чернаго, недавно скончавшихся въ Прагѣ, послѣ чего присутствующіе почтили ихъ память вставаніемъ. Затѣмъ С. О. Долговъ изложилъ свои соображенія и возраженія по поводу славянскихъ текстовъ „Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ“, бывшихъ предметомъ доклада В. М. Истрина въ 3-мъ засѣданіи Коммиссіи: С. О. Долговъ въ своихъ выводахъ склонялся болѣе на сторону греческаго происхожденія оригинала нашихъ текстовъ, находя возможнымъ и возникновеніе самого „Сказанія“ объяснять изъ греческихъ и вообще восточныхъ источниковъ; поэтому онъ не находилъ возможнымъ основываться на текстѣ „Сказанія“, вошедшемъ въ „Александрію“, для опредѣленія времени и мѣста перевода. Въ противоположность этому В. М. Истринъ, какъ и прежде, отстаивалъ связь отдѣльныхъ текстовъ „Сказанія“ съ тѣмъ, который вошелъ въ „Александрію“, а этотъ послѣдній ставилъ въ связь съ латинскими текстами памятника. Вторая половина засѣданія была посвящена также преніямъ по поводу доклада В. В. Богданова (въ засѣданіи 23 февр.) „О звуковой транскрипціи живаго русскаго языка“. Главными оппонентами были Е. А. Ляцкій, приготовившій для этой цѣли обширный докладъ и разборъ взглядовъ и теоріи В. В. Богданова и Ѳ. Е. Коршъ. Разсужденія по этому вопросу не были окончены и перенесены на одно изъ послѣдующихъ засѣданій Коммиссіи.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 16 апрѣля 1893 г., первая половина посвящена была двумъ докладамъ библиографическаго характера: пражскаго ученаго, археолога Л. Г. Нидерле и секретаря Коммиссіи М. Н. Сперанскаго. Л. Г. Нидерле познакомилъ присутствующихъ съ недавно вышедшимъ трудомъ своего соотечественника и товарища по работамъ пражскаго же ученаго О. В. Пича „Археологическія изысканія въ средней Чехіи“ (Archeologický výzkum ve středních Čechách), изложивши съ своими замѣчаніями, главнымъ образомъ, первую половину труда О. В. Пича, посвященную вопросу объ отношеніяхъ и времени поселенія различныхъ племенъ въ современной Чехіи, именно Галловъ-Бойевъ, Германцевъ-Маркомановъ и Славянъ. Исправивъ нѣсколько неточностей у автора книги, референтъ вполне присоединился къ мысли О. В. Пича о необходимости и возможности провѣрять данныя историческихъ источ-

никовъ данными археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ. М. Н. Сперанскій сдѣлалъ докладъ о наиболѣе выдающихся трудахъ по славяновѣдѣнію, явившихся въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго года; особенное вниманіе было обращено на труды проф. Ягича, Вандрака и Облака, посвященные начальному періоду славянской письменности и ново-открытому письму Анастасія бібліотекаря. Докладъ объ этой новости вызвалъ нѣсколько замѣчаній и дополненій со стороны М. И. Соколова, обратившагося къ присутствующимъ съ предложеніемъ В. И. Ламанскаго объ источникахъ о Кириллѣ, могущихъ найтись у С. Метафраста, А. В. Орѣшникова, указавшаго на интересъ легендъ и сказаній о Кириллѣ въ связи съ раскопками на островѣ въ Казачьей бухтѣ, близъ Севастополя, и М. Н. Сперанскаго по поводу преданій о епископствѣ Кирилла на основаніи фресокъ X — XI в. въ церкви S. Clemente въ Римѣ.

Вторая половина засѣданія была посвящена докладу члена Восточной Коммиссіи А. С. Хаханова о найденномъ имъ грузинскомъ переводѣ „Александри“, сдѣланномъ, какъ доказывалъ референтъ, непосредственно съ *сербской* редакціи памятника—фактъ доселѣ неизвѣстный въ исторіи повѣстей: о связи между грузинской литературой и юго-славянскими. По взглядамъ референта переводъ сдѣланъ; можетъ быть, въ Россіи и, можетъ быть, стоитъ въ связи съ литературной дѣятельностью царевича Арчила, жившаго въ Москвѣ въ XVII в., а также съ стихотворной грузинской обработкой Александри нѣкоего Петра.

18 марта 1893 г., состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Сообщенія были сдѣланы А. Я. Гаркави и барономъ В. Р. Розеномъ. Первый изъ референтовъ читалъ докладъ на тему: „Предположенія мусульманъ объ упоминаніи Мухамеда въ Пятикнижій“. Критически отнесясь къ гипотезѣ, которую высказалъ по этому предмету одинъ изъ европейскихъ ориенталистовъ, А. Я. Гаркави указалъ на то, что мусульманскія толкованія въ данномъ случаѣ опираются на совпаденіе въ числовомъ значеніи буквъ въ составѣ даннаго слова Библии и въ имени Мухамеда. Баронъ В. Р. Розенъ въ сообщеніи своемъ: „Слѣды новаго иранско-индійскаго сказочнаго цикла“—указалъ на сохранившійся въ одномъ арабскомъ сочиненіи IX вѣка рассказъ о походѣ въ Индію персидскаго царя Балаша, сына Фируза; вставныя повѣсти въ этомъ рассказѣ — индійскаго происхожденія и находятъ для себя близкое соотвѣтствіе въ Джатакахъ, Гитопадесѣ и Магабгаратѣ (Нов. Вр. № 6128, 1893.).

19-го марта 1893 г., въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ Н. И. Стояновскаго, Г. Е. Кизерицкій сдѣлалъ сооб-

ценіе: „О сибирскихъ древностяхъ временъ Петра Великаго“. Докладчикъ представилъ результаты того художественнаго анализа, которому онъ подвергъ золотыя вещи, присланныя изъ Сибири въ началъ прошлаго столѣтія въ Кунсткамеру, основанную Императоромъ Петромъ Великимъ для собранія всякаго рода „раритетовъ“ и „натуралій“, и перешедшія затѣмъ въ собственность Императорскаго Эрмитажа послѣ преобразования Кунсткамеры въ естественно-историческій музей Императорской Академіи Наукъ. Эти художественные предметы представляютъ различныя украшенія одеждъ и оружія, съ причудливыми изображеніями животныхъ (грива и хвостъ оканчиваются птичьими головами, изо рта льва выходитъ другое животное и т. п.). Не имѣя ничего общаго съ античнымъ греческимъ искусствомъ, эти художественные памятники неизвѣстнаго народа, обитавшаго въ сибирскихъ степяхъ на югъ отъ Томска, обнаруживаютъ сходство съ чертами древне-персидскаго искусства и относятся докладчикомъ, на основаніи сближеній съ извѣстными уже памятниками, къ VI-му вѣку до Р. Хр.

Въ томъ же засѣданіи А. О. Эрманъ прочиталъ рефератъ: „Объ именахъ—Эллада и эллины“. Указавъ на то, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ эти названія еще не имѣютъ общенациональнаго значенія для всѣхъ грековъ, докладчикъ путемъ сопоставленій съ представляемыми исторіей другихъ народовъ фактами обозначенія однимъ и тѣмъ же именемъ и незначительной народности и цѣлаго племени, объединяющаго группу народовъ, подвергъ критическому разбору мнѣя, связанные съ вышесказанными названіями и какъ бы объясняющіе ихъ происхожденіе (Нов. Вр. № 6129, 1893 г.).

31-го марта 1893 г., засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества состоялось въ помѣщеніи Императорской Археологической Коммиссіи, въ зданіи Императорскаго Эрмитажа. Засѣданіе было посвящено осмотру древностей, добытыхъ Императорской археологической коммиссіей въ истекшемъ 1892 г. Управляющій русскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, онъ же предсѣдатель археологической коммиссіи, графъ А. А. Бобринскій, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой привѣтствовалъ прибывшаго въ засѣданіе Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Константиновича и многочисленныхъ членовъ Общества, а за симъ предоставилъ слово специалистамъ, которые и приступили къ демонстрированію коллекцій, размѣщенныхъ въ залахъ коммиссіи. Объясненія выставленныхъ предметовъ даны были А. А. Спицынымъ—по доисторической археологіи, В. М. Радловымъ—по сибирскимъ древностямъ, Н. Я. Марромъ—по армянскимъ древностямъ и Н. И. Веселовскимъ—по древностямъ Таврическаго полуострова. Выставка эта отличается чрезвычайнымъ богатствомъ. Результаты раскопокъ гг. Смирнова—въ бассейнѣ рѣки Камы, Дружинина—по скатамъ Урала, Романова—въ Витебской губерніи, Брауна—въ Эстляндіи.

ди и Спицына—въ Тамбовской губерніи, даютъ драгоцѣнный матеріалъ для живыхъ обобщеній относительно культуры народовъ, населявшихъ нашу равнину до возникновенія здѣсь исторической жизни. Херсонесъ и Керчь по-прежнему остаются неисчерпаемымъ источникомъ эпиграфическаго матеріала и замѣчательныхъ образцовъ классическаго искусства. Раскопки въ Арменіи обнаружили скрытые въ землѣ архитектурные памятники, большею частью въ обломкахъ, но замѣчательные по характеру орнамента и стѣнной живописи въ строго-византійскомъ духѣ (Нов. Вр. № 6138, 1893 г.).

8-го апрѣля 1893 г., въ классическомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. В. Помяловскій сдѣлалъ сообщеніе— „О путешествіи въ Палестину св. Виллибальда (VIII вѣка)“. Среди обширной литературы западныхъ, болѣе древнихъ, чѣмъ византійскія, путешествій въ Святую Землю, путешествіе св. Виллибальда, англійскаго монаха, а впоследствии епископа, рукоположеннаго св. Бонифаціемъ, побывавшаго въ Палестинѣ четыре раза, отличается точностью, непосредственностью впечатлѣній и отсутствіемъ легендарности.

Въ томъ же засѣданіи А. М. Щукаревъ представилъ докладъ— „О греческихъ надписяхъ съ береговъ Пропонтиды“. Это надписи, собранныя г. Лишинымъ и разобранныя докладчикомъ по порученію отдѣленія. Изъ 50-ти надписей только 9 уже изданы въ свое время различными изслѣдователями. Всѣ надписи надгробныя; одна изъ нихъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что на ней приведены численныя, а не имянные названія филь города Перинеа (Нов. Вр. № 6146, 1893 г.).

15-го апрѣля 1893 г., въ засѣданіи русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, прочтенъ былъ докладъ А. А. Спицына „о мордовскихъ могильникахъ IX—XVII в.“. Въ связи съ современными этнографическими данными и соотвѣтственными историческими фактами, послѣдовательно проведенными докладчикомъ, совместно съ профессоромъ Смирновымъ, раскопки въ бассейнѣ рѣкъ Мокши и Цны ясно устанавливають различный характеръ культуры мордовскаго племени въ такія эпохи, какъ IX вѣкъ, потомъ XIV и, наконецъ, XVII вѣкъ.

Въ томъ же засѣданіи князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе „О пещерныхъ жителяхъ южной Европы“. Докладчикъ ознакомилъ собраніе съ подробностями сдѣланнаго въ прошломъ году въ ментонскихъ каменоломняхъ открытія пещеры съ тремя скелетами съ несомнѣнными слѣдами древнѣйшаго ритуала погребенія. Каменные орудія, найденныя при костякахъ ментонской пещеры, воспроизведенныя въ рисункахъ, въ изслѣдованіяхъ французскихъ ученыхъ, докладчикъ демонстрировалъ на соотвѣтственныхъ

экземплярахъ изъ собственной коллекціи каменныхъ орудій такихъ же точно типовъ, собранныхъ княземъ Путятинымъ въ его имѣніи Бологое (Нов. Вр. № 6153, 1893 г.).

Въ засѣданіи Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ 13-го апрѣля 1893 г., были заслушаны слѣдующія сообщенія: И. А. Износкова „Памяти В. А. Казаринова“. Скончавшійся 16-го марта В. А. Казариновъ, бывшій инспекторъ народныхъ училищъ въ Казанской губерніи, былъ въ началѣ 80-хъ годовъ дѣятельнымъ членомъ сотрудникомъ Общества, въ „Извѣстіяхъ“ котораго помѣстилъ нѣсколько сообщений и замѣтокъ. Въ дополненіе къ поминкѣ г. Износкова проф. А. В. Васильевъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о заслугахъ покойнаго Казаринова въ дѣлѣ народнаго образованія, а П. А. Пономаревъ—объ одной изъ заслугъ его въ области мѣстной археологіи, именно объ опредѣленіи имъ мѣстоположенія болгарскаго города Тубуму-тау. Общество почтило память усопшаго сочлена обычнымъ вставаніемъ. Слѣдующія два сообщенія были объ открытыхъ памятникахъ древности—въблизи г. Спасска, Казанской губерніи и у селенія Муранки Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи. Первое сообщеніе было сдѣлано студентомъ мѣстнаго университета Обрѣзковымъ, второе—дѣйствительнымъ членомъ Общества В. Н. Поливановымъ. Г. Обрѣзковъ, экскурсируя лѣтомъ прошлаго года по Спасскому уѣзду, наткнулся тамъ на слѣды древняго поселенія въблизи самаго Спасска. На берегахъ омывающей этотъ городъ рѣчки Бездны Обрѣзковъ усмотрѣлъ въ землѣ слѣды четырехугольныхъ ямъ, наполненныхъ золою, рыбьими костями, кухонными отбросами и вообще соромъ. Въ двухъ изъ этихъ ямъ, по произведеннымъ Обрѣзковымъ раскопкамъ, оказались между прочимъ два человѣческихъ черепа, по одному въ каждой. Такъ какъ ямы эти были усмотрѣны имъ на берегахъ Бездны въ большомъ количествѣ, то онъ и сдѣлалъ выводъ, что мѣсто нахожденія ихъ служило въ древности обитателямъ этой мѣстности кладбищемъ. Сообщеніе это вызвало въ собраніи оживленные пренія. П. А. Пономаревъ заявилъ, что такія ямы и съ такимъ же содержимымъ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ всюду, гдѣ находятся слѣды древнихъ поселеній болгаръ, при чемъ костяки и черепа почти не попадаютъ въ такихъ ямахъ, вслѣдствіе чего считать ихъ могилами нельзя. По мнѣнію П. А. Пономарева, это скорѣе сорныя ямы, которыя устраивались булгарами для свалки отбросовъ и нечистотъ, вывозившихся за поселенія, отчего онъ и представляются при раскопкахъ наполненными исключительно кухонными отбросами. Это обстоятельство показываетъ, кромѣ того, что болгары были народомъ очень чистоплотнымъ и старательно заботились о санитарномъ благоустройствѣ въ своихъ поселеніяхъ. Профессоръ И. Н. Смирновъ возражалъ, высказывая предположеніе, что эти ямы служили мѣстомъ для жилья древнихъ обывателей Спасскаго уѣзда, которые отличались, по всей вѣроятности, крайней неряшливостью и неопрятностью и держали возлѣ себя соръ, не убирая его

вовсе; когда же его накоплялось такъ много, что въ ямѣ становилось тѣсно, обитавшіе въ нихъ люди устраивали для себя по сосѣдству новыя ямы-землянки. Вообще предположенія по поводу обнаруженныхъ вблизи г. Спасска ямъ въ землѣ на рѣчкѣ Безднѣ высказывались разныя.

Второй памятникъ древности представляетъ дѣйствительно древній могильникъ. Въ немъ открыто болѣе 200 могилъ. Всѣ обнаруженныя въ нихъ гробницы находятся на глубинѣ не болѣе 16—20 вершковъ отъ поверхности почвы и представляются выдолбленными изъ обрубковъ сосноваго дерева въ закругленную колодообразную форму. Въ гробницахъ были откапываемы въ большомъ количествѣ, кромѣ череповъ и костяковъ, множество женскихъ косъ, подвѣски съ пряжками, кожаная обувь, топоры, ножи, огнивы и др. домашняя утварь. Всего изъ Муранскаго могильника добыто около 550 различныхъ вещей, въ числѣ которыхъ имѣются даже золотыя. Во многихъ гробницахъ найдены серебряныя и мѣдныя татарскія монеты начала XIV-го вѣка. Большинство этихъ монетъ имѣютъ надписи и изображенія, относящія чеканку ихъ къ временамъ хановъ Золотой Орды—Узбеку, Джанибеку, Тимуру, Ходжа и др. Серебряныя украшенія, добытыя въ этомъ могильникѣ,—браслеты, серьги и кольца,—по характеру работы имѣютъ близкое сходство съ издѣліями болгаръ. Всѣ эти вещи передаются, по мѣрѣ откапыванія, въ распоряженіе Императорской археологической комиссіи. Хотя производящій въ этомъ могильникѣ раскопки В. Н. Поливановъ и высказалъ въ своемъ сообщеніи мнѣніе, что возникновеніе его должно быть отнесено къ X-му вѣку, но большинство членовъ собранія признали, что найденныя въ этомъ могильникѣ татарскія монеты при костякахъ свидѣтельствуетъ о принадлежности его татарамъ XIV вѣка.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составляютъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго Моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

5.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ

ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВЪЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№№ 7—8

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1893.

ИЗДАВЛЯМА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I

1945г.

 БИБЛИОТЕКА
 НИ Ин-та Краеведческой
 и Музейной работы

58

Древне-христіанская пиксида Болонскаго Музея.

Среди богатаго собранія памятниковъ рѣзьбы на слоновой кости, которыми владѣетъ городской музей Болоньи (Museo Civico), выдѣляется небольшой круглый ящичекъ, безъ дна и крышки, высоты $7\frac{3}{4}$ сантим., а въ діам. 9×10 сант. (изъ собр. Palaci, № 224). Ящичекъ этотъ — пиксида — тотъ родъ церковныхъ сосудовъ, которые служили для храненія св. Даровъ ¹⁾. Она вся украшена христіанскими изображеніями, дѣланными довольно высокимъ рельефомъ (головы выступаютъ на 8 миллим.). Содержаніе изображеній на нашей пиксидѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію на памятникахъ того же рода: символическія, про-

¹⁾ Кромѣ св. Даровъ пиксиды могли содержать реликвіи, о чемъ см. у Du-Cange, Constantinop. Christ, lib. III, cap. 62; пиксида, найденная въ Римѣ съ изображеніемъ мученій св. Мины, могла содержать реликвіи этого мученика. См. Garrucci, *Storia dell'arte cristiana*, vol. VI, p. 61 и 56, и tav. 440, 3. Къ указанному назначенію пиксиды, какъ хранительницы св. Даровъ, весьма подходитъ изображеніе на одной недавно изданной Дж. Бат. де-Росси Карфагенской пиксидѣ Ливорнскаго музея; оно даетъ сцену чудеснаго увеличенія хлѣбовъ и рыбъ, столь извѣстную на памятникахъ древне-христіанскаго искусства и привимаемую согласно ученію Отцовъ церкви, какъ символъ св. Евхаристіи (*Bulletino di archeologia cristiana*, Serie V, Anno 2, № 2, Roma 1891, p. 50 и др., табл. IV—V).

образовательныя сцены ветхаго завѣта и главнѣйшія чудеса Христа и главнѣйшія событія изъ жизни Богородицы ²⁾).

На нашей пиксидѣ изображено изъ сценъ ветхаго завѣта—жертвоприношеніе Исаака, а изъ сценъ новаго завѣта: Воскрешеніе Лазаря, исцѣленіе паралитика, исцѣленіе нѣмаго и двухъ слѣпыхъ ³⁾. Памятникъ, описаніе и объясненіе котораго предлагаемъ далѣе, на сколько намъ извѣстно не былъ еще опубликованъ и бѣглое указаніе на него находимъ лишь у Вествуда въ перечнѣ предметовъ изъ слоновой кости, составлявшихъ часть собранія болонской Archiginnasio. (J. O. Westwood, A descriptive catalogue of the fictile ivories in the South-Kensington Museum, London 1876, p. 363). Описаніе сценъ даемъ въ порядкѣ ихъ находенія на памятникѣ.

Воскрешеніе Лазаря (см. рис. 16). Воскрешеніе Лазаря — одна изъ древнѣйшихъ композицій христіанскаго искусства; встрѣчается уже въ катакомбахъ (со 2-й половины II вѣка) и является затѣмъ одной изъ распространеннѣйшихъ сценъ въ скульптурѣ саркофаговъ, диптиховъ, пиксидъ, и т. д. Композиція ея весьма обычна и вырѣизуется весьма мало: Лазарь—муміобразная фигура стоитъ въ эдикулѣ, юный Христосъ прикасается къ нему жезломъ, крестомъ или просто благословляетъ его; позади Христа одинъ или два Апостола, и у ногъ его колѣнопреклоненная сестра Марѳа (напр., на Миланскомъ диптихѣ). Это сложная композиція; простая же состоитъ изъ Христа и Лазаря (напр., въ кубикулѣ св. Цециліи, Garrucci, Storia dell'arte cristiana. Prato 1859—1877 tav. 12, 2).

Композиція на нашей пиксидѣ ближе къ встрѣчающимся на саркофагахъ: юный Христосъ въ хитонѣ и гиматіи стоитъ предъ храмикомъ, въ дверяхъ котораго, образованныхъ двумя витыми колонками, стоитъ Лазарь, обвитый пеленами; Христосъ въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ—символь своего ученія, а въ правой рукѣ, которую опустилъ къ ступенямъ лѣстницы гробницы, палку (*virgula divina* древнихъ). Изоб-

2) Такъ, на извѣстныхъ намъ пиксидахъ изъ сценъ ветхаго Завѣта встрѣчаемъ: жертвоприношеніе Авраама (Берлинская), Моисей, получающій законъ, жертвоприношеніе Авраама и Мельхиседека (Базилевскаго), три отрока въ печи, три отрока предъ идоломъ (Вестфальская), исторія Іоны (Базилевскаго и изд. Ганномъ), и исторія Іосифа (Берлинск. и Базилевскаго). См. Garrucci, VI, 440, 1; 440, 2; 437, 1; 437, 2 и 3; 439, 5 и 6. Изъ сценъ новаго Завѣта встрѣчаются, какъ было сказано, преимущественно чудеса Христа, а на нѣкоторыхъ пиксидахъ V—VI в. и событія изъ жизни Богородицы, какъ напр.: Благовѣщеніе, бѣгство въ Вифлеемъ, Рождество Христово (Миндельская, Garrucci 437, 4); Благовѣщеніе, Испытаніе водой обличенія (Керченская, см. Д. Айдалова, *Три древне-христіанскіе сосуда изъ Керчи*, Спб. 1891, табл. I) и др.

3) Вествудъ сцену, принимаемую нами за исцѣленіе слѣпыхъ, считаетъ Воскрешеніемъ сына вдовы.

раженіе гробницы въ видѣ античнаго храма — *aedicula*, не соотвѣтствуетъ разсказу Ев. Іоанна XI, 38, по которому Лазарь былъ погребенъ въ пещерѣ (*σπήλαιον*)⁴⁾, и, очевидно, заимствованъ христіанскимъ художникомъ отъ античныхъ образцовъ⁵⁾. Нельзя не отмѣтить весьма близкаго сходства нашего изображенія съ изображеніемъ на Брешианской липсанотекѣ, гдѣ Христосъ кладетъ, однако, палку на голову Лазаря, какъ это въ большинствѣ изображеній; наше изображеніе въ этомъ случаѣ представляетъ уклоненіе, какъ и деталь — деревцо съ двумя вѣтвями у храма. Позади Христа стоитъ, полуобернувъ голову въ его сторону, юный ученикъ, держащій правую руку подъ гиматіемъ.

Рис. 16.

Распространенность даннаго сюжета на древне-христіанскихъ памятникахъ объясняется отношеніемъ самого событія къ вѣрованіямъ древнихъ христіанъ въ воскресеніе по смерти; по ученію Тертуліана, Воскрешеніе Лазаря было — „*primum resurrectionis exemplum*“ (De resurr. carn. с. LI). На то же отношеніе его ко всеобщему воскресенію указываютъ и другіе свв. Отцы: Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Григорій Нисскій и др.⁶⁾.

4) На одной пиксидѣ Лазарь видѣнъ у входа пещеры; дверь вырублена, повидимому, въ скалѣ (Garrucci, 439, 2).

5) Schultze, *Archaeologische Studien über altchristliche Monumente*. Wien 1880, p. 58

6) Martigny, *Dictionnaire des antiq. chrét.*, p. 360.

Исцѣленіе паралика (см. рис. 17). Тоже одна изъ распространеннѣйшихъ сценъ древне-христіанскаго искусства, особенно на золотыхъ стекляныхъ донышкахъ. Какъ извѣстно объ разслабленномъ, который, будучи исцѣленъ Христомъ, взялъ и понесъ одръ свой, рассказывается у всѣхъ Евангелистовъ, только у Марка (II, 3 — 11) и Луки (V, 18 — 25) это произошло въ домѣ, куда больного спустили черезъ раскрытую крышу, а у Ев. Іоанна (V, 8—10)—у Винозды. На древне-христіанскихъ памятникахъ изображается только моментъ ухода разслабленнаго и такимъ образомъ возможно полагать, что художники могли пользоваться не только Ев. Матѳеемъ IX, (2—7), у котораго нѣтъ

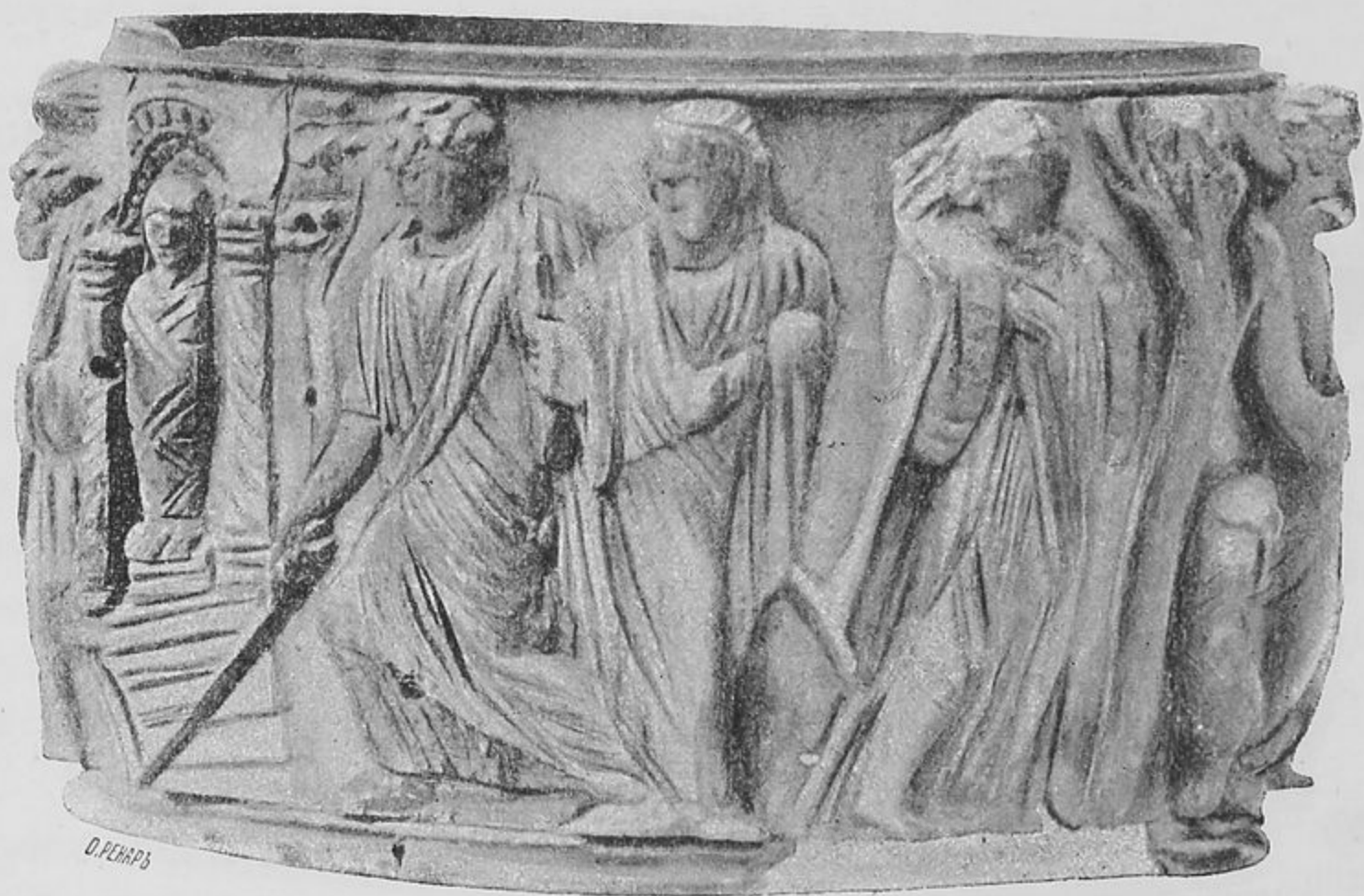

Рис. 17.

вышеуказанныхъ деталей, но и всѣми другими; отъ VI в., въ мозаикахъ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ имѣемъ изображеніе — ухода разслабленнаго съ постелью и спуска его съ крыши дома въ двухъ отдѣльныхъ сценахъ (Gar., 248, 1 и 3).

Изображеніе на нашей пиксидѣ ближе къ изображеніямъ, встрѣчаемымъ такъ часто на золотыхъ донышкахъ, гдѣ дается одинъ только, какъ и здѣсь, разслабленный, несущій постель, за спиной (Gar. 160, 1; 171, 2; 177, 3, 4), а Христось опускается. Такое сокращенное изображеніе чуда встрѣчается изрѣдка и на саркофагахъ среди другихъ чудесъ, совершаемыхъ Христомъ ⁷⁾, а равно на пикси-

⁷⁾ См. на саркофагѣ Аира (Gar. 301, 3).

дахъ⁸⁾. Замѣчательно, что на саркофагахъ исцѣленный расслабленный, какъ и другіе исцѣляемые, всегда почти изображается меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Христосъ и Апостолы; въ этомъ, быть можетъ, можно видѣть отраженіе античнаго вліянія — возвышать фигуру божества въ сравненіи съ фигурой простаго смертнаго. Нельзя не отмѣтить способа несенія больнымъ постели. На нашей пиксидѣ больной, одѣтый въ хитонъ и гиматій, спускающійся у него на груди треугольникомъ, поддерживаетъ постель, лежащую у него вдоль всей спины за двѣ переднія ножки, которыя на плечахъ; въ этомъ наше изображеніе весьма сходно съ тѣми, что на пиксидѣ, изданной Ганномъ и Ватиканской (Gar. 438, 5 и 3)

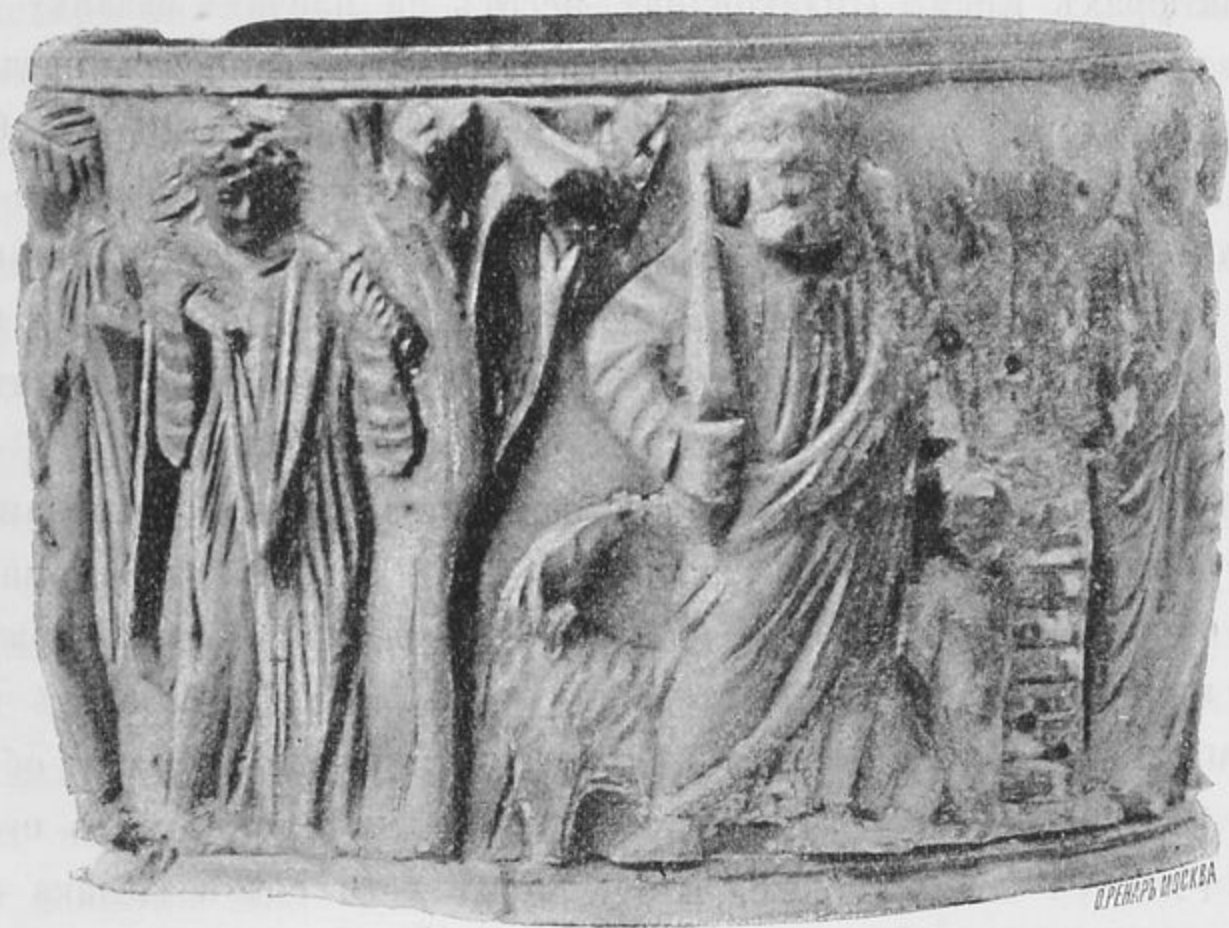

Рис. 18.

и на Равенскомъ диптихѣ (Gar. 456), въ то время какъ на большинствѣ саркофаговъ господствуетъ два типа: или онъ несетъ держа его надъ головой⁹⁾, или на спинѣ, держа руками за среднюю часть постели¹⁰⁾.

Жертвоприношеніе Авраама (рис. 18). Также одна изъ распространеннѣйшихъ сценъ древне-христіанскаго искусства, особенно на саркофагахъ. Иконографія ея представляется довольно неустойчивой, особенно,

8) На пиксидѣ Ватикана и на изданной Ганномъ, гдѣ онъ изображенъ позади Христа, исцѣляющаго слѣпорожденнаго (Gar. 438, 3 и 5).

9) Gar. 362, 2; 375, 3; 376, 1 и др.

10) 312, 1; 313, 1; 314, 5; 318, 1, 4; 364, 1; 372, 3; 374; 376, 3. Въ одномъ случаѣ больной сидитъ на постели, а Христосъ положилъ на его голову руку (Gar. 400, 4).

если принять во вниманіе извѣстныя сцены во фрескахъ катакомбъ, гдѣ уже Авраамъ изображается то юнымъ, то старымъ. Такъ напр. весьма оригинальное и впослѣдствіи не повторяющееся изображеніе имѣемъ въ катакомбахъ Каллиста, гдѣ Авраамъ юноша стоитъ какъ Оранта, рядомъ съ нимъ Исаакъ тоже какъ Оранта; возлѣ него у дерева лежитъ вязанка хвороста и стоитъ овца, смотрящая на Исаака (Gar. 7, 4). Во фрескахъ катакомбы св. Марцеллина и Петра Авраамъ—пожилой, въ одной рубашкѣ, доходящей до колѣнъ, Исаакъ стоитъ на колѣняхъ на дровахъ; возлѣ него, однако, въ то-же время и алтарь съ огнемъ, сзади котораго агнецъ; но десницы не видно (Gar. 48, 1). Во фрескахъ катакомбы св. Агнесы и св. Присциллы Исаакъ, какъ позже въ въ миниатюрахъ Космы Индикоплова, несетъ на плечахъ вязанку дровъ; въ первой Авраамъ юноша, въ хитонѣ и гиматіѣ, заноситъ надъ нимъ ножъ, а во второй указываетъ ему на алтарь съ огнемъ (Gar. 67, 2; 77, 2). Выдающимся изъ ряда обычныхъ является изображеніе сцены на одномъ золотомъ донышкѣ, гдѣ у Исаака, стоящаго на колѣняхъ у дерева, завязаны глаза; Авраамъ—юный, положивъ одну руку на его голову, а въ другой держа ножъ, обернулся въ сторону агнца, что стоитъ у алтаря (Gar. 172, 8).

Простая схема данной сцены на саркофагахъ такова: Авраамъ, пожилой, бородатый, одѣтый въ хитонъ и гиматій¹¹⁾, или въ экзомисъ,¹²⁾ стоитъ обернувшись въ лѣвую сторону, гдѣ видна десница Божія; въ правой приподнятой рукѣ онъ держитъ ножъ, а лѣвую кладетъ на голову нагого, или чаще одѣтаго въ короткую рубашку Исаака, обернувшегося къ нему лицомъ, или чаще спиной, за которой лежатъ его связанные руки (Gar. 369, 4; 376, 4); кромѣ того возлѣ Исаака стоитъ часто алтарь зажженный, или не зажженный¹³⁾, а налѣво отъ Авраама, у дерева, смотря на перваго, агнецъ; чаще же всего встрѣчаются и алтарь, и агнецъ въ указанномъ распредѣленіи, при чемъ на алтарѣ стоитъ на колѣняхъ Исаакъ¹⁴⁾ — композиція, съ которой встрѣчаемся позже въ мозаикахъ ц. св. Виталія въ Равеннѣ (Gar., 262, 2). Любопытную подробность въ изображеніи сценъ въ нѣсколькихъ случаяхъ представляетъ введеніе одной или двухъ человѣческихъ фигуръ по сторонамъ Авраама—юной, или пожилой. Въ однихъ случаяхъ однѣ изъ этихъ фигуръ дѣйствительно можно принимать за Ангела, остановив-

11) Gar., 318, 1; 322, 2; 323, 4 и др.

12) Gar., 310, 4; 312, 1; 312, 3; 358, 1; 359, 1; 360, 1; 364, 2; 367, 3; 369, 4; 376, 4; 384, 3.

13) Gar., 364, 3; 365, 1; 367, 3; 376, 3 и др.

14) Gar., 323, 4; 324, 3; 326, 2; 327, 4; 379, 3.

шаго жертвоприношеніе Авраама, какъ принимаетъ это Гарруччи, Фикеръ, не находя страннымъ этого плеоназма, ибо Ангель здѣсь является на ряду съ десницей Божіей ¹⁵⁾; но въ другихъ это просто фигуры, введенныя художникомъ для замѣщенія пространства, или для симметріи, какъ встрѣчаемъ напримѣръ ихъ и по сторонамъ Христа, творящаго чудеса. Такъ, на Берлинской пиксидѣ юная фигура, стоящая слѣва отъ Авраама и какъ бы бесѣдующая съ нимъ—внѣ сомнѣнія— Ангель, такъ какъ имѣетъ крылья (Gar. 440, 1); со значеніемъ Ангела, очевидно, даны фигуры юношей на саркофагахъ, гдѣ они схватываютъ за руку Авраама ¹⁶⁾. Судя по аналогіи, нужно было бы принимать за Ангела и бородатую фигуру, схватывающую Авраама за руку, но ни Гарруччи, ни Фикеръ не считаютъ этого возможнымъ; Гарруччи полагаетъ, что въ данномъ случаѣ въ ней нужно видѣть Петра, или олицетвореніе христіанскаго жречества (I, 331) ¹⁷⁾. Какъ лицъ, введенныхъ просто для замѣщенія пространства, симметріи мы видимъ юныя фигуры на саркофагахъ Толизскомъ (Gar. 312, 3), Латеранскомъ (358, 3), Юнія Басса (322, 2), другомъ Латеранскомъ (367, 3), на саркофагѣ изъ Арля (366, 3) и др.; ибо, если ихъ принимать за Ангеловъ, то тогда придется принимать за таковыхъ и тѣ юныя фигуры на саркофагахъ, на которыхъ онѣ представлены на ряду со схватывающими Авраама за руку (384, 3; 367, 1).

На нашей пиксидѣ жертвоприношеніе Исаака дано въ типѣ обычномъ саркофажномъ: Авраамъ пожилой, съ бородой, одѣтый въ хитонъ и гиматій, обернувшись немного въ лѣвую сторону къ десницѣ, что видна надъ деревомъ, стоящимъ сбоку отъ него, держитъ въ правой рукѣ длинный ножъ у плеча, а правую положилъ на голову нагого маленькаго Исаака; послѣдній стоитъ со связанными на спинѣ руками у алтаря, который имѣетъ видъ небольшой лѣстницы; слѣва Авраама, у его ногъ, стоитъ, смотря на него, агнецъ. Изображеніе весьма близко, какъ сказано, къ обычному саркофажному типу сюжета и отчасти съ изображеніемъ на Берлинской пиксидѣ (Gar. 440, 1).

Сцена жертвоприношенія Исаака символизovala собою, по ученію Отцовъ церкви первыхъ вѣковъ, не только страданія Хри-

¹⁵⁾ Garrucci, *Storia* t. I, cap. Abraamo e Isaco. Ficker, *Die altchristlichen Bildwerke im Christlichen Museum des Laterans*, Leipzig 1890, p. 123, 140.

¹⁶⁾ Garrucci, 314, 6; 384, 3; 367, 1, 2; 378, 3.

¹⁷⁾ По мнѣнію Шульца и такую фигуру можно принимать за Ангела и онѣ принимаетъ её за такового на указанномъ примѣрѣ, на Латеранскомъ саркофагѣ, гдѣ та стоитъ позади лица, сидящаго въ креслѣ, на одномъ римскомъ и галльскомъ саркофагѣ. По его мнѣнію бородатый типъ Ангела былъ переходнымъ къ типу юному, крылатому. Schultze, l. c., p. 150—151.

ста ¹⁸), но и его Воскресеніе и воскресеніе вообще вѣрующаго; спасеніе Исаака, по ихъ мнѣнію, было ручательствомъ всеобщаго воскресенія. Въ такомъ смыслѣ объясняется жертва Исаака еще въ посланіи къ Евреямъ, гдѣ говорится: „Вѣрою Авраамъ будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака, и имѣя обѣтованіе, принесъ едиnorodнаго... Ибо онъ думалъ, что Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскреситъ“ (XI, 17—19); а затѣмъ въ примѣненіи ко всѣмъ людямъ у свв. Отцевъ: Оригена (In gen. c. 11; hom. 8), Епифанія, Іоанна Златоуста (Homil. 25 in epist. ad Ebr.), Евхерія (lib. 2 in genes), Теофилакта и др. ¹⁹).

Рис. 19.

Испытаніе нѣмаго (рис. 19), такъ мы называемъ слѣдующую сцену, представляющую юнаго Христа, одѣтаго въ хитонъ и гиматій, держащаго въ лѣвой рукѣ жезлъ, а пальцемъ правой прикасающагося рта юноши; послѣдній, одѣтый въ хитонъ и гиматій, правую руку выдвигаетъ.

¹⁸) Тертуллианъ, *Adv. Marc.* c. 18, говоритъ: Itque in primis Isaac quum a Patre hostia duceretur et lignum ipse sibi portaret, Christi exitum iam tunc denotabat, in victimam concessus, a Patre. (Bosio, Roma Sotteranea, Roma 1632, p. 607 и Кондаковъ, *Исторія виз. нек.*, 94). Теофилактъ, In Io, c. 8: „Sicut enim ille Isaac ligna, ita Dominus crucem portavit“. Въ такомъ-же смыслѣ толкуютъ св. Кириллъ Алекс., Исидоръ, Іеронимъ, Амвросій и др. См. у Bosio, *ibid*, p. 607, и у Гарруччи, *Storia*, I, 329. Блаж. Августинъ въ соч., „о градѣ Божіемъ“, кн. 16, гл. 32: „потому-то какъ Господь свой крестъ, такъ Исаакъ самъ несъ для себя на мѣсто жертвоприношенія дрова, на которыя имѣлъ быть возложенный“ (твор. Блаж. Августина, изд. Кіевск. Дух. Акад., гл. 5, стр. 198).

¹⁹) Bosio, l. c., p. 608 и Schultze, l. c., p. 93—94.

нуль впередъ и почти прикасается ею ногъ Христа, а лѣвую держитъ у груди. Позади Христа стоитъ юноша, вѣроятно, Апостоль. Объ исцѣленіи нѣмаго и въ то же время бѣсноватаго рассказывается у Ев. Маттея (IX, 32—33)²⁰⁾ и Ев. Луки (XI, 14), но изображенія этого чуда, на сколько извѣстно, не встрѣчалось на древне-христіанскихъ памятникахъ, по крайней мѣрѣ выраженнаго такимъ нагляднымъ образомъ — прикосновеніемъ ко рту. Но о чудѣ этомъ, наряду съ другими чудесами, служащими доказательствомъ божества Христа и его силы въ воскрешеніе мертвыхъ, упоминаютъ свв. Отцы, какъ, напр., Іустинъ мученикъ²¹⁾, и потому неудивительно, если мы встрѣчаемъ эту сцену на описываемой пиксидѣ.

Рис. 20.

Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ (рис. 20). Эту сцену мы полагаемъ возможнымъ видѣть въ слѣдующихъ изображеніяхъ²²⁾: юноша въ хитонѣ и гиматіи, представляющій, очевидно, слѣпца, опирается рукой на плечо женщины, данной ростомъ ниже его и обработанной лучше всѣхъ другихъ фигуръ; одну руку она держитъ у груди, а другой поддерживаеъ конецъ гиматія, который красиво обходитъ у нея по спинѣ поверхъ

²⁰⁾ У него же, XII, 22 рассказывается объ исцѣленіи нѣмаго и въ то же время слѣпцаго.

²¹⁾ Iust. M. Dial. с. Tryph. с. 69; ed. Otto, Jenae 1848, p. 241. *Χριστός δὲ καὶ ἐν τῷ γενεῖ ἡμῶν πέφανται καὶ τοὺς ἐκ γενετῆς καὶ κατὰ τὴν σάρκα πηροὺς, καὶ κωφοὺς καὶ χωλοὺς ἴασατο.* Ср. Schultzе, l. с., p. 16.

²²⁾ Вествудъ принимаетъ эту сцену за Воскрешеніе сына вдовы (Fict. ivor. стр. 363).

хитона. Женщина эта, очевидно, подводитъ его къ юному Христу, отдѣленному отъ нея лишь небольшимъ деревцомъ и творящему чудо надъ другимъ слѣпымъ. Христосъ—съ прекраснымъ продолговатымъ лицомъ, съ тонкимъ подбородкомъ, въ хитонѣ и гиматіи, переброшенномъ черезъ лѣвое плечо, обернулся въ сторону женщины и, имѣя въ лѣвой рукѣ свитокъ, держитъ протянутой правой жезлъ на головѣ другаго слѣпца, который смотритъ почти en face, склонивъ, однако, голову немного въ сторону Христа; гиматій, одѣтый у него поверхъ хитона, спускается на грудь въ видѣ треугольника, и лѣвой рукой онъ поддерживаетъ эту часть гиматія, а правую опустилъ внизъ; между нимъ и Христомъ стоитъ юный Апостоль, повернувшій голову въ сторону Христа; у Апостола только голова сдѣлана барельефомъ, а одежды намѣчены рѣзцомъ.

Исцѣленіе одного слѣпаго, по разсказу Ев. Марка (VIII, 22—23) и Ев. Іоанна (IX, 1—8), одинъ изъ распространеннѣйшихъ сюжетовъ на христіанскихъ саркофагахъ и повторяется здѣсь въ простой, однообразной формѣ: слѣпой, обыкновенно мальчикъ, въ короткой туникѣ, стоитъ передъ Христомъ, который или касается пальцемъ одной руки его глазъ (Латер. № 135), а другой придерживая голову (Л. № 191), или прикрывая его два глаза (Л. № 193), или прикрывая лобъ (Л. № 55), или же положивъ её на голову (Л. № 125).

Исцѣленіе же двухъ слѣпыхъ встрѣчается весьма рѣдко на памятникахъ древне-христіанскаго искусства и при томъ въ иной композиціи, чѣмъ на нашей пиксидѣ. Такъ, въ единственномъ примѣрѣ на саркофагахъ, на одномъ Латеранскаго музея, оба слѣпыхъ—мальчики: передній съ посохомъ, задній опирается рукою на его плечо; Христосъ, исцѣляя, положилъ руку на голову перваго мальчика (Gar. 314, 5). На Миланскомъ диптихѣ два слѣпыхъ юныхъ, опираясь на посохи, стоятъ одинъ возлѣ другаго подъ портикомъ; Христосъ благословляетъ ихъ; сзади него Апостоль (Gar. 455)²³). Сравнительно съ указанными памятниками композиція сценъ на пиксидѣ является такимъ образомъ осложненной и вмѣстѣ съ тѣмъ единственной, такъ какъ въ послѣдующихъ памятникахъ въ такомъ видѣ не встрѣчается.

При разборѣ нѣкоторыхъ изъ вышеописанныхъ сценъ (Воскрешеніе Лазаря, Жертвоприношеніе Исаака) мы указывали на тотъ интересъ, какой представляли онѣ для древнихъ христіанъ. То же самое можно указать и для другихъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства. Чу-

²³) Въ болѣе позднихъ памятникахъ, VI в., въ мозаикахъ ц. св. Аполливарія Новаго въ Гавеннѣ—оба слѣпыхъ—мужчины, первый съ посохомъ, второй стоитъ позади него, Христосъ прикасается къ глазамъ перваго (Gar. 249, 4).

десами прообразовательными ветхаго завѣта и главнѣйшими чудесами Христа доказывались божественность, могущество Христа, его святое посланничество въ міръ: они выдвигались свв. Отцами первыхъ вѣковъ для этой цѣли въ виду различныхъ ересей, съ которыми пришлось вести борьбу церкви, и они-же служили имъ лучшимъ доказательствомъ главнѣйшей надежды, вѣры первыхъ христіанъ, въ воскресеніе ихъ Христомъ по смерти. И искусство, выдвигаемое этимъ ученіемъ, вѣрованіями, естественно изображало эти же самыя чудеса, тѣ событія, которыя были для нихъ такъ понятны, дороги. Лучшей иллюстраціей сказаннаго, а равно изображеній на описываемой пиксидѣ и на другихъ древне-христіанскихъ памятникахъ, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ „Постановленій Апостольскихъ“ — памятника, относимаго къ III вѣку: „Кто и Лазаря воскресилъ на четвертый день, и дочь Іаира, и сына вдовы, и самого себя, по приказанію отца пробудилъ на третій день, тотъ упованіе нашего воскресенія; кто вывелъ Іону живымъ и не пострадавшимъ на третій день изъ чрева кита и трехъ юношей изъ печи Вавилонской, и Даниїла изъ пасти львовъ, у того будетъ могущество и насъ пробудить. Кто паралитика здоровымъ сотворилъ и мужа съ изсохшей рукой исцѣлилъ и слѣпому отъ рожденія возвратилъ недостававшее зрѣніе отъ праха и слюны, тотъ и насъ воскреситъ. Кто пятью хлѣбами и двумя рыбами пять тысячъ человѣкъ насытилъ съ остаткомъ въ двѣнадцать корзинъ и претворилъ воду въ вино и изъ тѣла рыбы статеръ чрезъ Петра отдалъ требовавшимъ подати, тотъ и насъ воскреситъ изъ мертвыхъ ²⁴⁾“.

Изображенія на описываемой пиксидѣ дѣланы довольно грубо и небрежно; одежда высѣкается лучше, чѣмъ лица; но высокій рельефъ головы и свободныя движенія, равнымъ образомъ какъ и красота фигуръ, сквозящая сквозь грубое исполненіе, приближаютъ памятникъ по стилю къ Берлинской пиксидѣ. Всѣ композиціи даны въ художественномъ замыслѣ, т. е. часто недостатокъ мѣста обойденъ только указаніемъ, что фигура принадлежитъ извѣстной композиціи; напимѣръ, по-

24) „Ὁ καὶ Λάζαρον ἀναστήσας τετραήμερον καὶ τὴν θυγατέρα Ἰαίρου καὶ τὸν υἱὸν τῆς χήρας καὶ ἑαυτὸν προστάγματι τοῦ πατρὸς διὰ τριῶν ἡμέρων ἀνεγείρας, ὁ ἀραβῶν τῆς ἀναστάσεως ἡμῶν, ὁ τὸν Ἰωνᾶν διὰ τριῶν ἡμερῶν ξῶντα καὶ ἀπαθῆ ἔξαγαγὼν ἐκ τῆς κοιλίας τοῦ κήτους καὶ τοὺς τρεῖς παῖδας ἐκ καμίνου Βαβυλωνίας καὶ τὸν Δανιὴλ ἐκ στόματος λεόντων οὐκ ἀπορήσει δυνάμει καὶ ἡμᾶς ἀνεγείραι.—Ὁ τὸν παραλυτικὸν σῶον ἀνεγείρας καὶ τὸν ἐξηραμένην ἔχοντα τὴν χεῖρα ἰασάμενος καὶ τὸ λείπον μέρος ἐν τῷ ἐκ γενετῆς πηρῷ ἐκ γῆς καὶ σιέλου ἀποδοὺς, ὁ αὐτὸς καὶ ἡμᾶς ἀνεγερεῖ· ὁ ἐκ πέντε ἄρτων καὶ δύο ἰχθύων πεντακισχιλίους χορέσας καὶ περισσεύσας δώδεκα κοφίνους καὶ ἐξ ὕδατος οἶνον μεταποιήσας καὶ ἐκ στόματος ἰχθύος στατήρα δι' ἐμοῦ πέτρον τοῖς ἀπαιτοῦσι κῆρσον ἀποστείλας, ὁ αὐτὸς καὶ τοὺς νεκροὺς ἀνεγερεῖ“. (Const. apost., lib. V, 7, p. 133; 137, ed. Lagarde). Ср. у Schultze, 1. с., 17—18.

воротъ головы паралитика указываетъ на его отношеніе къ Христу въ сценѣ воскрешенія Лазаря; такой же поворотъ головы Христа въ сторону слѣпаго, подводимаго къ нему съ лѣвой стороны, указываетъ на отношеніе этихъ двухъ фигуръ къ самому исцѣленію. Для обозначенія поля художникъ даетъ деревцо, замѣщающее и оставшійся промежутокъ, и кромѣ того, всѣ фигуры даетъ по извѣстному правилу изокефализма. Интересно, что типъ Христа не вездѣ одинаково сдѣланъ; въ сценѣ исцѣленія нѣмаго у него лицо довольно широко, подбородокъ косою, ротъ сдѣланъ двумя штрихами, волосы кочьями; въ сценѣ исцѣленія слѣпаго оно у него иное, обработанное съ большей старательностью и изяществомъ: продолговатое, съ тонкимъ подбородкомъ, ртомъ, сдѣланымъ двумя тонкими линіями; въ Воскрешеніи Лазаря лицо приближается къ тому, что въ первой сценѣ.

Памятникъ можетъ принадлежать концу IV, началу V вѣка.

Е. Рьдинъ.

II

Одинъ изъ типовъ Христа въ мозаикахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ.

Надъ сѣверными и южными дверями круглаго баптистерія св. Констанцы на *via Nomentana*, въ двухъ конхахъ и въ потолкѣ сохранились интересныя мозаики, много разъ изданныя и описанныя. Полнота литературныхъ извѣстій, собранныхъ въ статьяхъ Е. Мюнца ¹⁾, а также въ извѣстномъ изданіи римскихъ мозаикъ де-Росси ²⁾, во многомъ разсѣиваютъ тѣ недоумѣнія, которыя возбуждали и отчасти до сихъ поръ возбуждаютъ эти мозаики.

Сюжеты въ конхахъ были впервые объяснены Н. П. Кондаковымъ и новому издателю этихъ мозаикъ де-Росси ничего не оставалось болѣе, какъ принять почти до мелочей это объясненіе.

Нельзя сказать, что бы раскрашенные рисунки этого изданія, представляющіе двѣ сцены въ конхахъ, могли бы вполне удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ рисункамъ, важнымъ для

¹⁾ *Revue Archéologique* 1875, II; 1878, V.

²⁾ *Mosaici cristiani e saggi dei pavimenti delle chiese di Roma* anteriori al secolo XV con cenni storici e critici del Com. Giov. Battista de Rossi. Roma.

археологiи; они малы, мелки и не точны; типы Христа, столь важные для исторiи образовъ Христа, не внушаютъ никакого довѣрiя, а между тѣмъ типъ Христа надъ сѣверными дверями, обыкновенно опредѣляе-

Рис. 21.

мый какъ типъ юношественный, требуетъ самаго точнаго воспроизведе-
денiя (см. рис. 21).

Христосъ представлень стоящимъ на облакахъ надъ холмикомъ, изъ котораго текутъ райскiя рѣки; по сторонамъ холмика изображены

четыре овцы, подходящія къ источникамъ водъ и символизирующія четырехъ евангелистовъ; сзади овецъ изображены Иерусалимъ и Виѳлеемъ въ видѣ круглыхъ башенъ, представляющія древнѣйшій типъ этихъ городовъ, принятый въ иконографіи. По сторонамъ Христа изображены Петръ и Павелъ; одному изъ нихъ Христосъ вручаетъ развернутый свитокъ съ надписью—*Dominus rasem dat* ³⁾, а по направленію къ другому, или скорѣе по направленію къ пальмѣ, растущей сзади него, простираетъ руку; такая же пальма растетъ и сзади перваго Апостола.

Что мозаика во многихъ частяхъ подвергалась реставраціи — это доказываетъ число трехъ рѣкъ вмѣсто четырехъ, равнымъ образомъ и то обстоятельство, что Христосъ стоитъ надъ холмикомъ, въ то время какъ на совершенно тѣхъ же композиціяхъ, на саркофагахъ, на донышкахъ сосудовъ онъ всегда стоитъ на холмикѣ; равнымъ образомъ непонятнымъ является и жестъ правой руки Христа, высоко поднятой надъ головой Апостола; этотъ жестъ объясняется хорошо сохранившимися аналогическими композиціями на саркофагахъ Ватиканскаго грота, Веронскаго, другаго Ватиканскаго, открытаго подъ настилкой Ватиканской базилики, а также нѣкоторыхъ другихъ ⁴⁾. На всѣхъ этихъ саркофагахъ Христосъ протягиваетъ руку къ фениксу, сидящему на пальмѣ и такимъ образомъ жестъ является вполне мотивированнымъ и обозначаетъ указаніе на бессмертіе. На иныхъ примѣрахъ Христосъ прямо протягиваетъ руку къ Апостолу и тогда феникса нѣтъ ⁵⁾. Отсутствіе этой любопытной подробности въ мозаикѣ должно отнести на счетъ реставраціи; тѣмъ не менѣе, согласно общему наблюденію и отсутствію слѣдовъ реставраціи въ самомъ образѣ Христа, онъ представляетъ наилучшую часть сохранившейся мозаики и всё, что извѣстно о реставраціи его, состоитъ въ томъ, что фонъ близъ нимба, отставшій отъ стѣны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ заново прикрѣпленъ къ ней посредствомъ гвоздя со звѣздообразной головкой. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что композиція дана съ чертами катакомбной символики; но это обстоятельство ничуть не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для того, чтобы отодвигать памятникъ болѣе къ четвертому, чѣмъ пятому столѣтію, такъ какъ всѣ саркофаги, имѣющіе данную композицію, вслѣдствіе своего уже падшаго стиля, должны быть относимы къ V и VI вѣкамъ. Съ другой стороны распространенность этой композиціи въ римскихъ мозаи-

3) О типахъ Апостоловъ см. статью Мюнца, *Revue Archéologique* 1875, II, p. 10. Онъ совершенно справедливо отрицаетъ сходство Апостола, получающаго свитокъ съ традиционнымъ типомъ Петра; измѣненіе типа нужно отнести на счетъ реставраціи.

4) Garrucci, *Storia dell'arte cristiana*, V, tav. 327, fig. 2; 333, 1; 334, 2.

5) Garrucci, *Ibid.*, 330, 5; 335, 2; 334, 3 и др. Нѣкоторые примѣры не могутъ идти въ сравненіе потому, что фигура Петра и Павла даны въ половину роста Христа.

кахъ указываетъ на то, что она создавалась сравнительно поздно; эта композиція, заключающая въ себѣ пальму съ фениксомъ, Христа, холмикъ съ четырьмя рѣками и овецъ известна въ мозаикѣ абсиды ц. Космы и Даміана VI в., гдѣ кромѣ Петра и Павла мы видимъ еще мѣстныхъ святыхъ—Косму и Даміана и Θεодора; таковы же композиціи въ ц. св. Андрея и Пракседы въ Римѣ (IX в.) ⁶⁾. Вслѣдствіе этого даже донышко сосуда, соединяющее композицію саркофаговъ и мозаикъ, т. е. дающее Христа, Петра и Павла, феникса на пальмѣ, холмикъ съ четырьмя рѣками и овецъ, не должно быть относимо ранѣе V вѣка ⁷⁾. Къ этому присоединяется еще и то весьма любопытное обстоятельство, что на громадномъ большинствѣ указанныхъ сценъ типъ Христа данъ въ такихъ чертахъ, которыя характеризуютъ его какъ типъ историческій. Еще болѣе любопытно то, что на саркофагахъ Христосъ въ данной сценѣ, т. е. въ сценѣ врученія Петру свитка, всегда дается въ типѣ историческомъ, а въ сценахъ чудесъ и страстей, сопровождающихъ эту центральную сцену, онъ сохраняетъ свой юный, идеальный типъ. Таковымъ онъ является въ сценахъ—бесѣды съ Самаритянкой, цѣлованія Іуды, невѣрія Θомы, предъ Пилатомъ, размѣщенныхъ по сторонамъ разбираемой сцены ⁸⁾. Вышеупомянутое донышко сосуда также даетъ историческій типъ.

Уже въ виду подобнаго согласія памятниковъ ⁹⁾ любопытно опредѣлить въ частностяхъ типъ Христа въ мозаикѣ св. Констанцы.

Христосъ здѣсь имѣетъ свѣтлые, выпадающіе въ желтый цвѣтъ волосы, огибающіе гладкими космами темя, раздѣленные на лбу на двѣ пряди и спадающіе на плечи роскошными локонами. Овалъ лица явственно удлиненъ и подбородокъ опущенъ небольшой раздвоенной бородкой. Глаза выражены синими кубиками, а въ углы глазъ у носа вставлено по красному кубику, обозначающему железу. Такіе же кубики вставлены и въ оконечность прямого правильнаго носа и въ губы—для данія лицу цвѣтущаго вида. Самый цвѣтъ лица отличается блѣдностью въ сравненіи съ цвѣтомъ лица у Христа въ противоположной конхѣ. Въ этомъ образѣ видна схема и сразу бросается въ глаза стиль, который уничтожаетъ въ лицѣ индивидуальность. Таковы всѣ черты въ этомъ образѣ, которыя относятся на счетъ античнаго преданья: большіе миндалевидные глаза, цвѣтуція губы и полныя щеки, т. е. иначе,

⁶⁾ Garrucci, IV; 252; 253 и 240.

⁷⁾ Garrucci, *Vetri ornati*, tav. 10.

⁸⁾ Garrucci, *Storia dell'arte crist.*, 331, 2, 1; 335, 2, 3, 4 и др.

⁹⁾ Изображеніе въ Урзіанскомъ Баптистеріѣ въ Равеннѣ, данное въ рельефѣ, не позволяетъ разобрать типа. Мозаическое изображеніе баптистерія Неаполя (V—VI) еще ожидаетъ своего изслѣдователя и хорошаго изданія; рис. у Гарруччи IV, 169 и VI, 484, 14.

въ самомъ типѣ виденъ, съ одной стороны, античный характеръ. Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что черты образа весьма сходятся съ тѣми чертами, которыя извѣстны въ апокрифическомъ посланіи Лентула къ римскому сенату. Текстъ, относящійся сюда, гласитъ слѣдующее: *Homo quidem staturae procerae mediocriter, et spectabilis vultum habens venerabilem, quem intuentes possunt diligere et formidare. Capillos habuit coloris nucis avellanae praemature, et planos fere usque ad aures, ab auribus vero cincinnos, crispas, aliquantulum ceruleos, et fulgentiores ab oculis ventilantes, discrimen habens in medio capitis juxta more Nazareorum, frontem planam et serenissimam cum facie sine ruga et macula aliqua, quam rubor moderatus venustat. Nasi et oris nulla prorsus est reprehensio. Barbam habens copiosam et intensam, capillos concolorem, non longam, sed in medio bifurcatam. Aspectum habet simplicem, et maturum, oculis glaucis, variis et claris existentibus* ¹⁰⁾.

Этотъ текстъ приводится здѣсь, какъ наиболѣе подходящий, хотя нельзя не видѣть, что выраженіе *barbam habens copiosam et intensam* совершенно не подходитъ къ данному образу. Въ другой версіи Лентулова посланія, приводимой Фабриціусомъ о бородѣ говорится только: *barba ejus multa* ¹¹⁾, но настаивается на строгости (*severitate*) лица, чего нѣтъ въ первой редакціи. Принимая во вниманіе замѣчательное разнообразіе въ редакціяхъ посланія, не будетъ казаться удивительнымъ существенное противорѣчіе въ опредѣленіи характера бороды въ первомъ текстѣ: *barbam copiosam et intensam... non longam*. Выраженія эти съ характернымъ опредѣленіемъ, что борода раздвоена на двѣ половины, констатируются памятниками весьма древними, и существованіе цѣлыхъ наслоеній въ опредѣленіи характера бороды зависитъ прямо отъ художественныхъ типовъ, въ разныя времена вліявшихъ на составъ посланія. На недлинной бородѣ настаиваетъ и Никифоръ Каллистъ въ словахъ: *Barbae capillus flavus nec admodum demissus*.

Длина бороды, опредѣляемая въ этихъ выраженіяхъ, конечно, не такъ велика, какъ та, о которой говоритъ текстъ св. Бригитты ¹²⁾: „*longitudo barbae palmo per transversum manus*“, каковая длина должна быть отнесена къ тѣмъ образамъ V, VI вѣка, которые извѣстны подъ именемъ чудотворныхъ, напр. въ Латеранской базиликѣ въ Римѣ въ катакомбѣ Марцеллина и Петра и др., и имѣютъ длинную, но нераздво-

¹⁰⁾ *Jesu Christi Crucifixi stigmata sacrae Sindoni impressa*. Ab Alphonse Palaroto, Archiepiscopo II. Bononiensi explicata Auctore Daniele Mallonio, Venetiis, 1606, Cap. III, pag. 35.

¹¹⁾ Fabricius, *Codex apocryphus Novi Testamensi*, Hamburgi 1703, I, 302.

¹²⁾ *Mallonius* ibid, pag. 36, cap. III.

енную бороду: въ указанномъ текстѣ ничего не говорится о раздвоенномъ видѣ бороды.

Какія бы еще частности относительно бороды не заключало посланіе Лентула, уже на основаніи образа въ мозаикѣ ц. св. Констанцы, должно принять въ немъ за черты первоначальныя—типъ блондина съ длинными локонообразными у плечъ волосами и съ раздвоенной бородкой. Этотъ типъ въ то-же самое время долженъ быть признанъ уже сложившимся не только для пятого столѣтія, но и для четвертаго. Если мы припомнимъ, что всѣ священныя изображенія идутъ съ востока, что образъ Авгаря ¹³⁾, Вероники упоминаются очень рано и что въ зависимости отъ нихъ могли находиться тѣ длинноволосые образы Христа на востокѣ, о которыхъ упоминается въ V и VI вѣкахъ, напр. въ Гіераполѣ, такъ какъ до насъ дошло извѣстіе Епифанида, около 485 года: *κόμην ἔχοντα, τὸν Σωτῆρα γράφουσιν ἐξ ὑπονοίας διὰ το Ναζωραίων αὐτὸν καλεῖσθαι εἴπερ οἱ Ναζωραῖοι κόμας ἔχοντα* ¹⁴⁾... то не будетъ казаться удивительнымъ возникновеніе въ V вѣкѣ въ Римѣ, типа, дающаго длинные назорейскіе волосы и раздвоенную бороду. Около 536 года Захарія, епископъ Мелитины, поклонился въ гор. Амидѣ, въ церкви свв. Сорока Мучениковъ также Христу съ длинными назорейскими волосами ¹⁵⁾. Если извѣстно перенесеніе образа Авгаря изъ Эдессы въ Константинополь въ X вѣкѣ, а легендарное перенесеніе образа Вероники въ Римъ во времена императора Тиверія ¹⁶⁾, то надо для объясненія распространенности историческихъ типовъ Христа предположить перенесеніе въ разныя времена съ Востока на Западъ священныхъ образовъ; иначе останется неяснымъ, какимъ образомъ на Трульскомъ соборѣ въ 692 году символическій образъ агнца была замѣненъ историческимъ образомъ Христа. Путешествія въ св. землю достаточно объясняютъ проникновеніе на западъ такихъ священныхъ образовъ ¹⁷⁾. Образъ мозаики ц. св. Констанцы долженъ быть считаемъ однимъ изъ тѣхъ раннихъ типовъ, которые сохраняютъ слѣды первоначальныхъ художественныхъ и литературныхъ версій, проникшихъ съ Востока на Западъ и закрѣп-

¹³⁾ У Евсевія, у Моисея Хоренскаго, см. *Lettre d'Abgar ou l'histoire de la conversion des Edesséens* par Laboubnia ecrivain contemporain des apôtres, traduite sur la version arménienne du V me siècle. Venise 1868. Моисей Хоренскій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ исторіи Лабубнія. Имя Лерубна б. м. измѣненное Лабубнія упоминаетъ и Евсевій.

¹⁴⁾ Garrucci, *Stor. dell'arte cristiana* T. I, стр. 516.

¹⁵⁾ Asseman, *Bibl. Orient.* II, pag. 61.

¹⁶⁾ *Dissertatio historico dogmatica de sacrarum imaginum cultu religioso quatuor epoc-his complectens etc.* Auctore Abb. Josepho Hispano Fulciniae. 1789, pag. 8 и 9. Guevara.

¹⁷⁾ *Peregrinatio ad loca sancta*, изданное И. В. Помяловскимъ: Палестинскій сборникъ т. VII, выпускъ 20. Спб. 1889. Путешественница видѣла образъ Авгаря, упоминаетъ объ образѣ Вероники, стр. 181.

ленныхъ въ посланіи Лентула. Отсюда вытекаетъ, что историческій типъ Христа удержанъ въ композиціи всей мозаики совершенно аналогично съ современными ей памятниками.

Голова Христа окружена овальнымъ, а не круглымъ нимбомъ, состоящимъ изъ голубой, зеленой и синей полосы, совершенно не переданныхъ въ изданіи де-Росси; эти три полосы объясняютъ въ высшей степени употребительное въ византійскомъ искусствѣ изображеніе $\nu\epsilon\phi\acute{\epsilon}\lambda\eta$, состоящее изъ трехъ полосъ, такъ что и самый нимбъ долженъ быть отнесенъ на счетъ заимствованія съ востока.

Моложавый видъ образа Христа является единственнымъ въ своемъ родѣ среди мозаикъ Рима. Наболѣе близокъ къ нему типъ на нѣкоторыхъ таблетькахъ изъ слоновой кости, дающихъ юный типъ въ связи съ назорейскимъ способомъ ношенія волосъ ¹⁸⁾, каковыя типы хорошо извѣстны и на донышкахъ сосудовъ ¹⁹⁾. Въ сравненіи съ этимъ типомъ образъ св. Констанцы дѣлаетъ шагъ впередъ, ибо даетъ раздвоенную бороду, небольшую, извѣстную также на памятникахъ слѣдующаго времени: въ сирійскомъ Евангеліи и др. Среди различныхъ извѣстій о томъ, что у Христа были короткіе волосы ²⁰⁾ или длинные, большая или малая борода, раздвоенная или нераздвоенная, образъ ц. св. Констанцы даетъ въ V вѣкѣ типъ по одному изъ тѣхъ преданій, которыя утверждаютъ назорейскіе волосы и раздвоенную бороду при типѣ блондина, что весьма важно, ибо наряду извѣстны и попытки иного рода, давшіе въ результатѣ типъ брюнета ²¹⁾. Какъ посланіе Лентула, такъ и образъ Констанцы отмѣчаютъ въ образѣ Христа красоту лица, его благолѣпіе, что должно быть также отмѣчено въ виду существованія типовъ, слѣдующихъ ученіямъ о ничтожномъ видѣ и некрасивомъ обликѣ Иисуса Христа, возникшимъ еще въ первые вѣка христіанства.

Д. Айналовъ.

¹⁸⁾ Garrucci, Stor. 450. Особенно на покрывкѣ манускрипта Парижск. Нац. Библ. *Labarte*, *Histoire des arts industriels*. Paris 1864, T. I, pl. VII.

¹⁹⁾ Garrucci, *Vetri ornati* XVIII, 12; особенно XIX, 4, гдѣ назорейскій способъ ношенія даетъ прекрасный овалъ, близкій къ типу ц. св. Констанцы.

²⁰⁾ *Φασὶ δὲ τινες τῶν ἱστορικῶν ὅτι τὸ οὐλον καὶ ὀλιγότριχον σχῆμα ἐπὶ τοῦ Σωτῆρος οἰκειότερον ἐστὶ*. См. Труды Кіевской Духов. Акад. 1871, Апрель, *Христіанскій Востокъ*, еп. Порфирія Чигиринскаго, стр. 105.

²¹⁾ *Ὀυλόθριζιν, γενεάδα μέλανα ἔχοντα*. Такъ описали образъ Христа отцы на соборѣ въ IX вѣкѣ,

III

Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи.

1.

Софія — премудрость Божія.

Въ знаменитомъ кодексѣ латинской Библии Аміатскаго монастыря, нынѣ Лавренціанской Библіотеки, № 1, относимомъ Бандини къ VI в., на л. 6, — исчисленіе книгъ св. писанія исходитъ отъ круга, въ которомъ, по мнѣнію Бандини, изображенъ монахъ, м. б. самъ Servandus, писатель этого кодекса, или Григорій Великій.

Ближайшее разсмотрѣніе этого изображенія показываетъ, что въ немъ никакъ нельзя видѣть какое-нибудь изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ указываетъ Бандини. Это — прежде всего — юная фигура, въ золотыхъ одеждахъ, съ золотыми волосами и съ золотымъ лицомъ, съ благословляющей десницей; на красномъ фонѣ круга по сторонамъ головы видны слѣды перекрестья. По всѣмъ этимъ признакамъ — здѣсь скорѣе всего можно видѣть образъ Христа Еммануила, изображаемаго, какъ извѣстно, всегда юнымъ; золотое лицо и золотые волосы быть можетъ отмѣчаютъ въ немъ тѣ черты, съ которыми встрѣчаемся въ русской иконописи въ иконографіи Софіи новгородской редакціи, т. е. въ видѣ Ангела съ огненнымъ лицомъ, съ огненными крыльями (см. ст. Филимонова въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства, Москва 1874, стр. 1—3).

Что въ описываемомъ изображеніи круга, отъ котораго исходитъ исчисленіе книгъ св. писанія, скорѣе всего можно видѣть Еммануила, или Софію — Христа, а не лицъ, указываемыхъ Бандини, убѣждаетъ и сопоставленіе его съ другими изображеніями въ подобныхъ же кругахъ, относящимися къ лицамъ св. Троицы: на л. 5 — агнецъ (жертва Христова), на л. 8 — Св. Духъ.

2.

Легенда о смерти Каина.

Легенда о смерти Каина весьма древняго происхожденія¹⁾: древнѣйшее упоминаніе объ убіеніи Каина Ламехомъ находимъ у Иеронима

¹⁾ Заимствована изъ іудейской книги Іашаръ. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой Библіотеки. Сиб. 1877 стр. 51.

въ одномъ письмѣ къ папѣ Дамасу; затѣмъ у Исидора Севильскаго, у Беды, Рабана Мавра. Въ IX в., полагають, она получила полное развитіе въ томъ видѣ, какъ находится въ коментаріяхъ Walafried Strabo (Gloss. ord. In genes., vers. 23). Въ XII в. ее рассказываетъ Петръ Коместоръ въ *Histor. scol., Lib.gen., cap. 28*, а въ XIII в. о ней упоминаетъ Винцентій Бове въ своей *Miroir historial*.

Легенда эта извѣстна и у насъ въ Палеяхъ ¹⁾. Сравнительно съ рассказомъ книги *Iашаръ*, откуда она заимствована, въ Палеяхъ только та особенность, что вмѣсто Тубалкаина въ качествѣ руководителя слѣпаго Ламеха упоминается просто мальчикъ-пастухъ ²⁾.

Этой легенды касается Е. Male въ послѣдней книжкѣ *Revue Archéologique, Mars - Avril, 1893, p. 186 — 194*, данными статьи котораго „*La légende de la mort de Caïn à propos d'un chariteau de Tarbes*“, мы воспользовались для вышеприведенной исторіи легенды.

Рис. 22.

Легенда нашла отраженіе и въ памятникахъ искусства, но, повидимому, не ранѣе XI—XII в.

Изъ византійскихъ памятниковъ, автору вышеупомянутой статьи извѣстенъ лишь одинъ примѣръ: мозаика соб. Монреале (надпись надъ нею: *Trahens Lamec arcu suo interfecit Caum*). Мы можемъ указать еще на два другихъ: въ совершенно тождественныхъ миниатюрахъ Ватиканскаго Октотевха № 746 и № 747, XI—XII в., л.л. 47 и 26 об. Мини-

¹⁾ Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы, т. I, стр. 24. Порфирьевъ, указ. сп., стр. 105—106.

²⁾ Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1873, стр. 42, примѣч. 5.

атиора ¹⁾ представляет слѣва городъ, въ оградѣ котораго бесѣдуютъ двое юношей. Внѣ города, справа Ламехъ (голова стерта) въ рубашкѣ и гиматіи, держитъ лукъ, стрѣлу котораго направляетъ на кустъ („движоущееся тростіе“) мальчикъ („наставникъ его юноша съ нимъ“); у ногъ послѣдняго лежитъ, нужно полагать, убитый — онъ же самъ („і оудари юношу роукою и оуби его“).

За кустомъ далѣе представленъ вновь Ламехъ съ опущеннымъ лукомъ, стоящимъ предъ двумя фигурами: или предъ женами, или же предъ „нѣціими“, которые „поймше и ведоша и въ домъ свой ему и въспріа рыданіе велико, смил'шужеса женама своима“ ²⁾.

Надъ изображеніями надписи:

*Φορέυς λάμεχ πέφυκε καὶ μετὰ νόμον—
Εχθίστα τ' ἔργα ταῖς γυναῖξί πως λέγει.*

Е. Рьдинъ.

IV°

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музееми и проч. въ Россіи и за границею.

— Находящееся вблизи извѣстнаго с. Коломенскаго такъ называемое „Дьяковское городище“ давно уже обращало на себя вниманіе археологовъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ Д. Я. Самоквасовъ производилъ раскопки на этомъ городищѣ, и найденныя имъ вещи находятся теперь въ Историческомъ Музеѣ; послѣ г. Самоквасова изслѣдованіе городища производилъ г. Филимоновъ; вещи, добытыя имъ при раскопкѣ городища, хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ, а отчетъ о раскопкахъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ номеровъ „Вѣстника любителей древне-русскаго искусства“. Года три тому назадъ новыя изслѣдованія городища предприняты были В. И. Сизовымъ, на средства Московскаго Археологическаго Общества. Двукратныя раскопки дали обильный археологическій матеріаль; наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ въ теченіе трехъ дней г. Сизовымъ были сдѣланы вновь раскопки на томъ же городищѣ, а также и раскопки, находящихся вблизи деревни Котляровой, кургановъ. Собранный тремя послѣдними раскопками разно-

¹⁾ № 746. См. рис. 22, издаваемый впервые.

²⁾ Текстъ въ кавычкахъ по Порфирьеву, указ. соч., стр. 105.

образный археологический материал знакомит довольно подробно с характером культуры первоначальников этой подмосковной местности и дает право культуру эту, по обилию найденных орудий из кости, поставить в родовую связь с костеносными городищами, исследованными г. Спицыным в Вятской губернии. В Дьяковом городище найдены в большом количестве разного рода орудия, изготовленные из ребер животных, а также выделанные из кости наконечники стрел, иглы со сверлинами, даже найдено вырезанное из кости изображение животного, по всему вероятно — медведя¹⁾. Большая масса глиняных черепков от сосудов знакомят с формами и характерной орнаментацией гончарных изделий. Наконец, на обработку и отливку металлов в городище указывают найденные в значительном количестве и разнообразные по размерам плавильные тигли и „пущы“ и форма для отливки бронзовых украшений. Найденные повсеместно в культурном слое кости животных указывают на те виды домашних и диких животных, которыми пользовался обитатель городища. Культурный слой в городище залегает местами до 2-х сажень глубины; к средине эта глубина культурного слоя уменьшается. Самое городище расположено на правом крутом берегу Москвы-реки и возвышается на 24 сажени над уровнем реки, имея форму усеченного конуса со всходом к северу; самая площадь представляет закругленный по углам треугольник со следами сохранившегося местами вала. По мнению г. Сизова городище принадлежит финской народности, а не славянской и с близкими курганами обычного московского типа (в д. Котляровой), судя по вещам, культурного родства не имеет. Судя по вещам верхних слоев городище закончило свое существование в VIII—IX в., вероятно, от пожара, а нижний слой указывает на более древнюю эпоху, довольно близкую к эпохе Ананьинского могильника, вообще характерного для начала железного века в северо-восточной России.

Раскопки городища однако еще не закончены вполне, так как работы пришлось прекратить по случаю наступления ненастной погоды. Осталась неизследованной еще небольшая часть площади и боковые осыпи.

Что касается названия городища, то, очевидно, оно происходит от ближней деревни „Дьяково“, но более древнее и более народное название „Чортово городище“ указывает по всему вероятно на иноплеменность и язычество его древних обитателей по отношению к новейшим насельникам-славянам.

1) По мнению г. Анучина — лошади.

— Въ прошломъ году въ Историческій Музей поступило пожертвованіе отъ профессора А. Я. Кожевникова, состоящее изъ бронзовыхъ украшеній, снятыхъ съ женскаго скелета, который былъ случайно найденъ профессоромъ въ своемъ имѣніи Городище, Бронницкаго уѣзда, на песчаной покатости праваго берега Москвы-рѣки. Изъ вещей особенно интересны браслеты особой формы, весьма древней, съ украшеніями изъ выпуклыхъ полушариковъ на овальной бронзовой пластинкѣ. Характеръ этихъ браслетовъ даетъ право отнести погребеніе къ VI—VII в. по Р. Хр. Изслѣдованіе мѣстности посредствомъ траншей, гдѣ найденъ былъ скелетъ, наводитъ на мысль, что разливъ Москвы-рѣки снесъ песчаные слои могильника, оставя лишь случайно означенный скелетъ.

Въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ, лѣтомъ, А. Я. Кожевниковымъ вмѣстѣ съ В. И. Сизовымъ были сдѣланы раскопки лежащихъ въ окрестностяхъ его имѣнія кургановъ. Разрытые, близъ деревни Колоколово курганы, числомъ десять, относятся къ обычному московскому типу кургановъ съ извѣстными семи-лепестными височными кольцами на женскихъ скелетахъ, съ положеніемъ скелетовъ, ориентированныхъ съ востока на западъ. Изъ особенно интересныхъ находокъ можно отмѣтить прекрасно обожженные горшки съ клеймами на днищахъ въ видѣ свастики и треугольной розетки. Въ одномъ курганѣ при двухъ скелетахъ найдены расположенные вокругъ въ видѣ прямоугольника большіе гвозди, числомъ до 40, большею частью въ вертикальномъ положеніи, безъ малѣйшаго признака дерева. Подобнаго рода факты при погребеніи были замѣчены гг. Антоновичемъ и Гамченко въ Волынской губерніи. По близости этого могильника на возвышенномъ полѣ сохранились отдѣльно два кургана, изъ которыхъ одинъ весьма большой, а другой маленькій, расплывшійся. Въ послѣднемъ найдена при мужскомъ скелетѣ желѣзная сѣкира, что составляетъ, какъ кажется, первый единичный фактъ въ курганахъ Московской губерніи. Раскопка большаго кургана не приведена еще къ концу и, вѣроятно, закончится будущимъ лѣтомъ, но и при настоящей раскопкѣ въ большой глубинѣ на обожженномъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ обгорѣлой доской, найдена серебряная монета, хотя и весьма плохой сохранности, но по типу подходящая къ монетамъ англо-саксонскимъ и германскимъ X—XI в. Это также первый случай находки монетъ въ московскихъ курганахъ.

На основаніи сосудовъ съ клеймами и самаго обряда погребенія г. Сизовъ считаетъ болѣе возможнымъ искать родства обитателей этихъ кургановъ съ радимичами, кривичами, древлянами, но не съ финскими народностями.

— На правомъ берегу р. Камы на *воложку*, близъ с. Дмитрі-

евскаго, членомъ Императорскаго Общ. Люб. Ест. Антр. и Этн. Ф. Д. Нефедовымъ открытъ обширный могильникъ, по своему типу, вещамъ при скелетахъ, способу погребенія покойниковъ и проч. относящійся къ одному типу съ знаменитымъ Ананьинскимъ могильникомъ, съ тою лишь разницею, что въ Дмитріевскомъ могильникѣ желѣзныхъ орудій не оказывается, а только орудія и разныя вещи изъ бронзы, кости и камня. Есть основаніе полагать, что этотъ могильникъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ Ананьинскій; тамъ же найдены и жилища-землянки первыхъ обитателей Камы (Волжск. Вѣстн. № 215, 1893 г.).

— Въ засѣданіи Астраханскаго Петровскаго Общества, 5 іюня 1893 г., г. Малиновскій читалъ рефератъ объ археологической экскурсіи А. А. Спицына въ Астраханскій край; содержаніе доклада было помѣщено въ Астраханскомъ Вѣстникѣ (№ 1136): Императорской Археологической Коммиссіей, командированъ былъ въ минувшемъ маѣ въ Астрахань А. А. Спицынъ съ цѣлью изслѣдованія Шаренаго бугра, считающагося мѣстонахожденіемъ древне-хазарскаго города Итиля, а позднѣе — древней татарской Астрахани.

На Шареномъ бугрѣ г. Спицынъ пробылъ 2 дня, измѣрилъ мѣстность, нанесъ ее на планъ и велъ бесѣды съ мѣстными старожилами. Одинъ изъ послѣднихъ, ветеринаръ В. П. Кваченковъ, между прочимъ разсказалъ, что берегъ р. Волги въ данной мѣстности (у с. Хохлацкаго) съ каждымъ половодьемъ систематически разрушается, такъ что въ каждыя 10 лѣтъ онъ обваливается на 20 саж. (вглубь отъ разрѣза). По словамъ старожиловъ, при обвалахъ этихъ обнажаются кувшины старой формы, мѣдныя и желѣзныя вещи, монеты и т. д.

Нанявъ 4 работниковъ, г. Спицынъ произвелъ, при помощи ихъ, раскопки въ трехъ мѣстахъ Шаренаго бугра, глубиною до 2 арш. Найдены были: нѣсколько костяковъ, множество битаго кирпича, посуды, отдѣльныхъ костей, разныхъ металлическихъ вещей, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ, мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ. Г. Спицынъ пришелъ къ заключенію, что данная мѣстность полна историко-археологическаго интереса, почему систематическое ея изслѣдованіе является необходимымъ. Несомнѣнно, что на Шареномъ бугрѣ было въ древности какое-то поселеніе (между прочимъ, въ одномъ разрѣзѣ открыты слѣды правильнаго кирпичнаго сооруженія, масса пепла, угля, битаго камня, черепковъ). На поверхности земли также усматриваются остатки старины, въ особенности же много монетъ (серебряныхъ и мѣдныхъ). Г. Спицыну удалось собрать ихъ до 200 штукъ. По нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, г. Спицынъ относитъ эти монеты не ко временамъ хазаровъ, а къ эпохѣ владычества татаръ, но нѣсколько монетъ (пре-

имущественно серебряныхъ) признаются имъ за арабскія. Вообще слѣдовъ хазарской культуры г. Спицынъ не открылъ, но высказалъ предположеніе, что таковыя отыщутся, если постоянно и внимательно будетъ изслѣдоваться содержимое хотя бы только однихъ береговыхъ разрѣзовъ.

Посѣтилъ также г. Спицынъ и Могильный бугоръ (ниже Астрахани версть на 15). Здѣсь, подъ руководствомъ П. А. Русакова, производились нѣкоторыя раскопки, при чемъ найдено было нѣсколько старинныхъ кувшиновъ, наполненныхъ золой, углями и остатками разныхъ металлическихъ вещей. Одинъ цѣльный кувшинъ переданъ г. Русаковымъ г. Спицыну, другіе же два имѣютъ поступить въ Астраханскій музей. Результатомъ произведенныхъ самимъ г. Спицынымъ раскопокъ было нахожденіе трехъ костяковъ съ остатками около нихъ мелкихъ металлическихъ вещей и бронзовыхъ стрѣлъ. Это, по мнѣнію г. Спицына, намекаетъ на то, что на Могильномъ бугрѣ было во времена монгольскія обширное становище, почему дальнѣйшее изслѣдованіе этой мѣстности представляетъ археологическій интересъ. Вмѣстѣ съ К. Н. Малиновскимъ, г. Спицынъ совершилъ экскурсію на холмы, извѣстные подъ названіемъ Черной гряды, и на Золотой бугоръ (близъ Сѣроглазинской станицы).

Названные холмы тянутся по берегу Волги вер. на $1\frac{1}{2}$ и саж. на 150 вглубь отъ рѣки. Склоны ихъ покрыты убогой растительностью (главнымъ образомъ полынью), верхушки же совсѣмъ обнажены. Состоятъ онѣ изъ суглинка, перемѣшаннаго съ золой и углемъ. Въ нихъ встрѣчается масса битаго кирпича, стекла, разнаго рода посуды, мѣдныхъ, желѣзныхъ и свинцовыхъ вещицъ, а также и отдѣльныя кости человѣческихъ остововъ. Г. Спицынымъ найдена была тамъ, между прочимъ, небольшая желѣзная печать очень древняго происхожденія.

По рассказамъ окрестныхъ жителей, на Черныхъ грядяхъ находятъ много мѣдной монеты. Показанныя экскурсантамъ найденныя монеты относились къ 30-мъ и 40-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Говорятъ также, что здѣсь находили кувшины съ серебряной монетой. По мѣстнымъ преданіямъ, на грядѣ давнымъ давно проживалъ „черный народъ“, „мамай“, но былъ оттуда прогнанъ русскими. Холмы Черной гряды насыпнаго происхожденія.

Въ трехъ верстахъ отъ Черной гряды находится такъ называемый Золотой бугоръ, возвышающійся надъ уровнемъ воды саж. на 20-ть и представляющійся издали довольно величественнымъ. Съ него открывается прекрасная панорама окрестностей, видныхъ на далекое разстояніе.

По состоящимъ изъ супеска и суглинка склонамъ бугра, поросшихъ полынью и другими дикими травами, экскурсанты не нашли ничего достопримѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи. Оголенная вершина бугра за то оказалась густо усѣянной кусками стариннаго кирпича, небольшими камешками, костями, обломками гвоздей и т. д. Обрывы бугра глинистопесчанаго строенія; во многихъ мѣстахъ они изборожжены канавками, образовавшимися отъ стока снѣговой и дождевой воды. Въ одной изъ такихъ канавокъ видны были какъ бы оторванные отъ земли большіе куски стариннаго кирпича и подлѣ нихъ искрошившіяся кости.

Экскурсанты вооружились лопатами и вскорѣ отрыли въ названномъ мѣстѣ два хорошо сохранившихся человѣческихъ скелета (большой и рядомъ съ нимъ маленькій), окруженныхъ стариннымъ кирпичемъ и въ изобиліи обложенныхъ березовой корой. Скелеты лежали головами на сѣверъ, ногами—на югъ; черепа оказались у нихъ раздробленными, грудныя же и позвоночныя и ножныя кости сохранились въ цѣлости. Близъ большого скелета найдены были обломки желѣзной стрѣлы, въ песокѣ же усмотрѣны разныя желѣзныя вещицы, въ видѣ ободковъ, колець, гвоздей и т. п. Экскурсанты заключили, что обширныя раскопки бугра могутъ дать много цѣннаго въ археологическомъ отношеніи.

— Землевладѣлецъ д. Кульпинки Елисаветградскаго у. Херсонской губ. г., Бохенскій раскапываетъ курганы въ своемъ имѣніи на хозяйственныхъ началахъ. Между прочимъ раскопкѣ былъ подвергнутъ одинъ курганъ значительнаго размѣра. Сначала г. Бохенскій раскапывалъ его наемными рабочими, пользуясь для этого такимъ временемъ въ году, когда сельско-хозяйственныя работы прекращаются и рабочіе нипочемъ; онъ разрѣзалъ курганъ узкой траншеей, при чемъ нашелъ скелеты человѣка съ саблей и лошади съ остатками упряжи; траншея завалилась; по расчисткѣ ея впослѣдствіи, нашли грунтовую яму, а въ ней кости человѣка, бронзовый котелъ на одной ножкѣ и большое число бронзовыхъ и костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ; въ настоящемъ году раскопки возобновлены на новыхъ основаніяхъ: г. Бохенскій уступилъ раскопку мѣстнымъ крестьянамъ, условившись подѣлить съ ними поровну тѣ сокровища, которыя ими будутъ найдены; въ настоящемъ году нашли въ курганѣ двѣ глиняныя амфоры, глиняный кувшинъ, лаковое съ травянымъ узоромъ блюдо, бронзовый ковшъ, бронзовую бляшку, бронзовыя пуговицы и желѣзный мечъ. Вещи эти находятся у г. Бохенскаго. (Сообщ. В. Н. Ястребовъ).

— Недавно въ Чемкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области,

на крестьянскомъ полевомъ надѣлѣ села Мамаевки отысканъ кладъ. На лѣвомъ берегу рѣки Арысь, версть на 25 выше развалинъ древняго Отрара, лежащаго по правую сторону той же рѣки, имѣются, какъ передаютъ *Туркестанскія Вѣдомости*, слѣды какого-то загадочнаго сооруженія. Здѣсь высятся два насыпные кургана. Отъ одного изъ нихъ, подъ острымъ угломъ, расходятся двѣ прямыя линіи маленькихъ кургановъ, какъ бы обозначающихъ слѣды древней стѣны. Линія кургановъ, идущихъ параллельно Арыси, тянется версты на три, а затѣмъ расположено множество маленькихъ кургановъ занявшихъ огромное пространство предъ другимъ большимъ курганомъ, высота котораго достигаетъ сажень пятнадцати. Послѣдній окруженъ огромнымъ валомъ или, быть-можетъ, это слѣды магистральнаго арыка. Во время межевыхъ работъ землемѣръ, устанавливая межевой знакъ на первомъ курганѣ, приказалъ рабочимъ рыть яму. Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ кетменемъ, работавшіе услышали звукъ разбиваемаго глинянаго сосуда. Работу повели осторожнѣе и вскорѣ отрыли глиняный горшокъ, покрытый металлическимъ кружкомъ. Въ сосудѣ оказалось: 1.800 серебряныхъ и болѣе 4.000 мѣдныхъ монетъ, нѣсколько зеренъ жемчуга, куски сердолика, двѣ или три маленькія проткнутыя морскія раковины, бронзовое стремя, два серебряные браслета и много разныхъ мелкихъ украшеній. На другомъ курганѣ, при такихъ же обстоятельствахъ, найдены большой круглый столъ изъ обожженной глины, а подъ нимъ ручная мельница. Столъ—на низенькихъ ножкахъ, на немъ видны слѣды украшеній; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ крестообразную форму. Находка, судя по увѣренію одного грамотнаго киргиза, прочитавшаго надпись на монетѣ, должна быть отнесена къ эпохѣ султана Бабура, изъ династіи Тимуридовъ. (Моск. Вѣд. № 162, 1893 г.).

— Англійскій путешественникъ Бентъ (Bent) открылъ въ долинѣ Годасъ, въ Абиссиніи, развалины греческаго города, о которомъ упоминаютъ нѣкоторые древніе географы, въ томъ числѣ и Птоломей, называющій этотъ городъ Колоэ. Птоломей упоминаетъ, между прочимъ, объ огромной цистернѣ, бывшей въ этомъ городѣ. Бентъ нашелъ цистерну, какъ разъ подходящую къ его описанію. По мнѣнію греческихъ археологовъ, городъ Колоэ былъ основанъ греческими выходцами послѣ Александра Македонскаго. Кромѣ этого города въ Абиссиніи были и другіе греческіе города. (Нов. № 234, 1893).

— Профессоръ Марръ, по словамъ газеты „Ардзаганкъ“, въ развалинахъ древней столицы Арменіи нашелъ массу древностей, какъ-то: разныхъ видовъ серебряныя, мѣдныя и желѣзныя инструменты, украшенія и т. д. Вещи эти найдены вмѣстѣ съ человѣческимъ скеле-

томъ въ углу одной изъ комнатъ. Въ другой комнатѣ Марръ подъ землей нашелъ 12 человѣческихъ череповъ и 2 скелета, а также массу кувшиновъ; между прочимъ, онъ возлѣ развалины „мечеть“ открылъ новый, до сихъ поръ неизвѣстный рядъ стѣнъ, что даетъ г. Марру основаніе предполагать, что именно отсюда начинается граница стараго Ани.

— Британскій Музей получилъ въ даръ отъ г. Вебба превосходный обломокъ греческой скульптуры изъ бѣлаго мрамора—голову мужчины въ натуральную величину, въ высшей степени выразительную, относимую, можетъ быть, къ VII в. до Р. Х. Носъ отбитъ, подбородокъ слегка реставрированъ въ послѣднее время. Волосы коротко острижены; глазныя впадины указываютъ, что глаза очевидно были сдѣланы изъ другаго матеріала (Chr. d. Arts, № 16, 1893 г.).

— Проф. Бернабеи представилъ римской академіи dei Lincei два обломка ручекъ бронзовой вазы въ формѣ быка и львицы, превосходной архаической работы. Обломки вазы и обломки треножника, на которомъ она стояла, были найдены около Асколи, недалеко отъ Адриатическаго моря. Нѣсколько разъ въ этомъ мѣстѣ находили обломки превосходныхъ вещей, очевидно греческихъ, которыя были привозимы въ эти мѣста, вѣроятно тарентинцами съ цѣлью обмѣна на шерсть, которая была необходима имъ для производства тканей (Rev. Crit. № 12, 1893 г.).

— Шлумбергеръ представилъ парижской Академіи Надписей, купленный Луврскимъ Музеемъ предметъ изъ слоновой кости византійской работы. Съ наружной стороны вырѣзаны рельефомъ апостоль, говорящій проповѣдь среди толпы слушателей, одѣтыхъ въ костюмы, сходные съ тѣми, въ которые одѣты изображенія людей на равеннскихъ мозаикахъ. Можетъ быть, это изображеніе представляетъ ап. Павла, проповѣдующаго язычникамъ. Слушатели сгруппированы подъ воротами города, представленнаго въ уменьшенномъ видѣ, главныя зданія котораго, очень различныхъ формъ, усѣяны зрителями, слушающими изъ оконъ и съ балконовъ проповѣдь святаго. Особенное расположеніе зданій, умышленная неправильность, съ которой они тѣснятся одно около другаго, характерное разнообразіе формъ, присутствіе обширнаго полукруглаго центрального портика—всѣ эти обстоятельства, въ совокупности, заставляютъ предположить, что художникъ хотѣлъ изобразить городъ, вѣроятно, очень извѣстный. Аббатъ Дюшенъ замѣтилъ, что двѣ подробности этого скульптурнаго произведенія могутъ быть сближаемы съ двумя эпизодами проповѣди ап. Павла: въ Троядѣ, Дѣянія апостольскія рассказываютъ, одинъ юноша заснулъ у окна и упалъ на улицу—на памятникъ, справа, одна фигура человѣка изображена, на

половину выставившеюся изъ окна. Въ Иконіи, какъ разсказывается въ легендѣ св. Ѳеклы, эта святая, слушая изъ окна апостола, говорившаго проповѣдь въ сосѣдномъ домѣ, была такъ поглощена его красно-рѣчіемъ, что ея мать не могла ее убѣдить удалиться отъ окна, — на памятникѣ изображены, слѣва, двѣ женскихъ фигуры, очевидно матери и дочери (Rev. crit., № 12, 1893 г.).

V.

Разныя извѣстія.

— „Кіевлянинъ“ сообщаетъ свѣдѣнія о 13-ти фрескахъ кіевского Софійскаго собора, открытыхъ проф. А. В. Праховымъ и расположенныхъ на пилонахъ жертвенника, главнаго алтаря и діаконника. (См. Арх. Изв. и Зам. стр. 174).

Между новооткрытыми фресками особеннаго вниманія заслуживаютъ изображенія Іоанна Предтечи и Богоматери. Іоаннъ Предтеча изображенъ стоящимъ въ пустынѣ, покрытой цвѣтами. Въ рукѣ онъ держитъ хартію съ текстомъ на греческомъ языкѣ: „Се Агнецъ Божій“. Эта фреска особенно интересна въ томъ отношеніи, что на ней стоитъ подпись мастера (?) Янъ Медринскій и годъ—1622 г. Фресковое изображение Богоматери представляетъ собою точную копию мозаичной иконы Божіей Матери, находящейся надъ горнимъ мѣстомъ главнаго алтаря Кіево-Софійскаго собора. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Пресвятая Дѣва изображена съ приподнятыми руками, въ хитонѣ голубого цвѣта, перетянутомъ узкимъ поясомъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь на поясѣ виситъ бѣлый платокъ. Видно, что надъ головой Богоматери помѣщенъ былъ серебряный вѣнчикъ, а на рукахъ—серебряныя поручи. Интересно, что такое же фресковое изображение Богоматери находится на алтарномъ сводѣ полоцкой Спасской церкви, сооруженной св. княжною Евфросиніей около 1160 г. Подобное изображение св. Дѣвы считается однимъ изъ древнѣйшихъ и встрѣчается уже въ римскихъ катакомбахъ, а также—въ мозаичномъ видѣ—въ константинопольской Софіи надъ бывшимъ иконостасомъ. Мѣстами надъ фресками и кое-гдѣ въ углахъ сохранился и древній орнаментъ.

Что касается вопроса, кто замазалъ древнія софійскія фрески—

замѣчаетъ „Кіевлянинъ“ — то Закревскій, въ своемъ „Описаніи Кіева“, высказываетъ правдоподобную догадку, что эту работу слѣдуетъ приписать уніатамъ, которые „старались истребить или скрыть все то, что напоминало греческое вѣроисповѣдываніе“. Уніаты владѣли Кіево-Софійскимъ соборомъ въ теченіе 37 лѣтъ.

— Въ новгородскомъ Кремлѣ при ремонтѣ подворья Софійскаго собора и возведеній при немъ новыхъ построекъ копали ямы и нашли дубовую колоду, обложенную берестою. Колоду извлекли изъ ямы и разбили; тогда глазамъ присутствующихъ представился скелетъ, лежавшій навзничь, со сложенными на груди руками. Кромѣ костей, въ колодѣ усмотрѣны красноватая кожа отъ башмаковъ и три мѣдныя пуговицы, имѣющія форму горошины, съ придѣланными ушками; предполагаютъ, что пуговицы остались отъ кафтана, въ которомъ былъ погребенъ покойникъ. Если колоду измѣрять по человѣческому росту, то ширина ея къ ногамъ суживается, а длина хотя и равняется росту человѣка, но долбленіе оканчивается у плечъ, а выше ихъ имѣется ямка для головы. Находка была взята въ мѣстный археологическій музей. (Нов. Вр. № 6245. 1893.).

— Въ Херсонѣ, при губернскомъ статистическомъ комитетѣ, стараніями секретаря его, В. И. Гошкевича, образованъ археологическій музей, въ которомъ считается около 1,000 предметовъ древности. Въ составъ его входятъ древности, полученныя изъ Ольвіи, какъ то глиняные сосуды и свѣтильникъ, мѣдная головка, свинцовая пластинка, изображающая голову быка, статуетка богини Гигеи и пр.; изъ Пантикапеи—глиняная статуетка женщины, глиняныя маски и сосуды, одинъ изъ нихъ расписной); древности, собранныя въ кучугурахъ (дюнахъ) между г. Алешками и Кинбурнской косой, а именно: 7 экземпляровъ кремневыхъ стрѣлъ, кремневые нуклеусы, обломки каменныхъ топоровъ, 52 экземпляра кремневыхъ ножей, скребковъ и др. мелкихъ кремневыхъ орудій, 54 экземпляра бронзовыхъ стрѣлъ различной формы, бронзовые: буравъ, шило, игла пряжки, серьги, подвѣска, обломокъ пилы, обломки бубенчиковъ, кольца, гвозди, обломки зеркалъ, далѣе — принадлежности для литья изъ бронзы, какъ то формы для литья, фрагменты сосуда, въ которомъ плавилась бронза, потомъ желѣзные ножи, стрѣлы, кольца отъ кольчуги, стволъ стариннаго огнестрѣльнаго оружія, затѣмъ глиняныя, стеклянныя, янтарныя, каменныя и сдѣланныя изъ композиціи бусы, обломокъ стекляннаго браслета, глиняные сосуды и пр.; предметы, собранныя на пескахъ близъ деревни Вишенки, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ. (глиняныя и шиферная праслицы, кремневыя стрѣлки и ножички, обломки стеклянныхъ браслетовъ, бронзовыя

стрѣлки и бронзовая фибула); нѣсколько вещей изъ кургановъ близъ деревни Могилиной, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, обломки шиферной плиты съ греческой надписью изъ Херсона, казацкіе списъ (пика) и келепъ (знакъ власти куреннаго атамана); монетъ въ музеѣ числится около 400; между ними есть изъ греческихъ колоній сѣвернаго берега Чернаго моря, римскія, византійскія, татарскія (золотоордынскія, крымскія) и др. (Сообщ. В. Н. Ястребовъ).

— Въ „Нижегородской Почтѣ“ описывается рукопись, недавно проданная въ Нижнемъ - Новгородѣ какому-то любителю. Это — „Лѣтописецъ келейный смиреннаго Дмитрія, архіерея ростовскаго“. Вся она писана полууставомъ южно - русскаго письма въ листъ, на 291 л., и отличается отъ многихъ подобныхъ тѣмъ, что мѣстами сдѣланы поправки ошибокъ переписчика характернымъ почеркомъ самого автора св. Дмитрія.

Подобнаго рода рукопись такого же содержанія находится въ синодальной библіотекѣ. Она тоже имѣетъ не мало поправокъ автора. Нужно сказать, что „Келейный Лѣтописецъ“ и по настоящее время еще не напечатанъ вполнѣ. Въ одномъ изъ первыхъ изданій Новиковъ, печатая его въ своей вольной типографіи, долженъ былъ не мало сдѣлать пропусковъ въ виду строгости цензуры тогдашняго времени, не позволявшей касаться вопроса объ отобраніи монастырскихъ имѣній, тогда какъ въ своемъ „Лѣтописцѣ“ авторъ порицалъ распоряженіе императора Петра Великаго по поводу нѣкоторыхъ сокращеній монастырскихъ владѣній. Это любопытное мѣсто въ описываемой рукописи находится во всемъ объемѣ и даже полнѣе, чѣмъ то, которое напечаталъ графъ М. В. Толстой въ „Чтеніяхъ Историческаго Общества“. „Отъ всего, яже ми даси, одесятствую тебѣ десятину. Виждь, коль отъ древнихъ временъ начатся бывати Богу и церквамъ его отъ людей благочестивыхъ подаяніе, а не отъятіе и грабленіе“. Далѣе авторъ подробно разбираетъ вопросъ о десятинахъ и указываетъ, какъ на времена первыхъ патріарховъ, и на русскаго князя Владиміра. „Ибо и святой Владиміръ, великій князь россійскій, просвѣти землю святымъ крещеніемъ, устави десятины церковныя въ пропитаніе служителей Божіихъ и т. д.“.

Св. Дмитрій хотѣлъ подъ названіемъ „Лѣтописца“ передѣлать въ сокращенномъ видѣ библію со своими толкованіями, болѣе понятными простому народу. Эту лѣтопись онъ передѣлывалъ неоднократно и посылалъ въ спискахъ къ своимъ друзьямъ. Однако, „Лѣтописецъ“ остался неоконченнымъ за смертью автора въ 1709 году“.

— Въ нынѣшнемъ году исполнилось 669 лѣтъ со дня битвы

на р. Калкѣ. Гдѣ же было это мѣсто побоища? Почему до сихъ поръ это не изслѣдовано нашими учеными? Постараемся припомнить нѣкоторыя обстоятельства этой битвы, которыя, быть можетъ, помогутъ точному опредѣленію мѣста битвы. Мы знаемъ, что русскіе князья отъ о. Хортицы направились по „восточному берегу“ Днѣпра, степью, къ Азовскому морю, къ р. Калкѣ или Кальміусу. Г. Шмаковъ въ своей замѣткѣ объ этой битвѣ, помѣщенной въ „Екатеринославскихъ Губерн. Вѣдом.“ за 1888 или 1889 г., говоритъ, что отъ Хортицы до рѣки Калки „русскіе шли 9 дней“, и предполагаетъ, что „это разстояніе около 180 верстъ“. Если это такъ, то разстояніе это, по прямой линіи отъ Хортицы на юго-востокъ, приходится на р. Калчикѣ, на поляхъ нѣмецкихъ колоній Киршъ-Вальдъ, Шенбаумъ, Розенъ-Гартенъ, Бѣломежа, Руденвица и Гольшей Кальчиковки. Отъ этой мѣстности, въ 6 верстахъ, на оврагѣ Кара-Ташъ, находится скалистая и крутая возвышенность, имѣющая видъ природнаго бастіона. На этой то позиціи, быть можетъ, и укрѣпился великій князь Мстиславъ Романовичъ и успѣшно отражалъ татарскіе приступы. Такъ полагаетъ и г. Шмаковъ въ своей обстоятельной статьѣ. Далѣе, на западъ отъ этой позиціи видны и теперь курганы, изъ которыхъ одинъ, кажется, носитъ названіе „Камени“ (?), другой „Бесъ-Тохъ“. Названіе колоніи „Бѣлая Межа“ очень напоминаетъ татарское слово — бѣлая вежа, т. е. бѣлая палатка, воинскій станъ. Не было ли это то именно мѣсто, гдѣ стояли татары? Для обзрѣнія этого достопримѣчательнаго мѣста ближе всего проѣхать отъ ст. Кальчикъ, Донецкой желѣзной дороги (въ 28 вер. отъ Мариуполя), оттуда прямо на западъ, черезъ с. Чердаклицкое, до колоніи Бѣлая-Межа, всего около 20 верстъ. Единственное скалистое, возвышенное мѣсто, о которомъ говорилось выше, находится въ 3 верстахъ отъ колоніи „Малый Вердеръ“. Намъ кажется, что обслѣдованіе этого мѣста и раскопки, хотя небольшія, займутъ немного времени и потребуютъ не особенно большихъ расходовъ. Почти навѣрно можно утверждать, что при раскопкахъ можно найти наконецники стрѣлъ и копій, мечи, кольчуги, монеты и другія вещи — „остатки великой битвы“, а Шмаковъ полагаетъ, что могутъ попасться и болѣе древнія вещи бронзоваго и каменнаго вѣка (?). Это мѣсто усыяно курганами, и всѣ они насыпаны не даромъ... Быть можетъ, при тщательномъ и умѣломъ изслѣдованіи этой мѣстности, удастся напасть, хотя случайно, на прахъ и кости князей-героевъ, „положившихъ головы для защиты отечества“. Да, мѣсто это достойно того, чтобы на него обратили вниманіе наши ученые и археологи. („Новоросс. Тел.“, № 5796, 1893 года).

— Въ Турчанскомъ св. Мартинѣ (Венгрія) въ половинѣ апрѣля основалось общество — „Museálna Slovenská Spoločnosť“. Это общество устраиваетъ Музей, въ которомъ должно быть собираемо все, что касается народа Словацкаго въ этнографическомъ, бытовомъ и археологич. отношеніяхъ. Это — первая цѣль Общества и Музея. Слѣдующей цѣлью членовъ Общества будетъ заботиться о сохраненіи собраннаго въ Музеѣ матеріала, а также заботиться объ охраненіи отъ гибели того, что не поступило въ Музей, но имѣетъ значеніе для главной цѣли Общества (§ 2, пунктъ 2 устава). Наконецъ, третьимъ пунктомъ въ дѣятельности Общества должно быть обнародованіе коллекцій Музея, а равно и предметовъ, не принадлежащихъ Музею, но интересныхъ для изученія края. Это достигаться будетъ: а) изданіемъ журнала Общества, въ который войдутъ: описанія коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ Музея, статьи этнографическія, топографическія, естественно-историческія, археологическія, историческія, касающіяся настоящаго и прошлаго Словаковъ и ихъ края; б) изданіемъ отдѣльныхъ книгъ — матеріаловъ, какъ то пѣсни, сказанія, пословицы и т. д.; в) устройствомъ ежегодной выставки предметовъ Музея, особенно новыхъ его пріобрѣтеній, и г) чтеніемъ публичныхъ лекцій по предметамъ, входящимъ въ программу Общества; ближайшая цѣль лекцій — обращать вниманіе публики на предметы, важные для исторіи края, и пріохочивать её къ собиранію и храненію этихъ предметовъ (§ 2, пунктъ 3-й устава).

Общество состоитъ: изъ а) членовъ основателей, б) почетныхъ, в) членовъ - корреспондентовъ и г) дѣйствительныхъ. Всѣ члены дѣлаютъ различные взносы. Иноземцы могутъ быть приняты только съ согласія правительства (Národné poviny. 1893 г., № 69. Приложение).

— Французскій археологъ Делошъ сообщилъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ по отдѣленію изящной словесности и надписей о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ относительно древности существовавшаго во всѣхъ странахъ обычая носить на пальцахъ перстни. У древнихъ Римлянъ желѣзный перстень служилъ знакомъ особаго отличія и жаловался какъ воинамъ за доблестные подвиги, такъ и гражданамъ за чрезвычайныя заслуги. Впослѣдствіи перстни изъ желѣза стали носить патриціи, всадники и судьи въ отличіе отъ низшихъ классовъ населенія; когда же кольца утратили свое значеніе и ношеніе ихъ вошло въ обыкновеніе также и среди плебеевъ, то представители знатныхъ родовъ, а также сенаторы и всадники стали украшать свои пальцы только золотыми кольцами, ношеніе которыхъ возбранялось плебеямъ самимъ закономъ. При византійскихъ императорахъ люди изъ простаго званія не имѣли права носить другихъ колець, кромѣ желѣзныхъ, но

потомки прежнихъ плебеевъ, съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, предъявили притязаніе на право имѣть перстни изъ драгоцѣннаго металла. Ихъ ходатайства по этому предмету долго оставались безъ всякаго удовлетворенія, и только императоръ Юстиніанъ разрѣшилъ всѣмъ безъ различія подданнымъ своимъ носить кольца изъ всякаго металла. Съ тѣхъ поръ это украшеніе утратило значеніе сословнаго отличія. (Моск. Вѣд., № 232, 1893 г.).

— Между пріобрѣтенными Британскимъ Музеемъ въ Египтѣ папирусами оказалось потерянное сочиненіе Менона — „Исторія греческой медицины“. Менонъ — одинъ изъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Аристотеля, содѣйствовавшій своему великому учителю при изданіи энциклопедіи наукъ, предпринятой Аристотелемъ. Самъ учитель составилъ собраніе государственныхъ учрежденій 158 государствъ, для котораго имъ написанъ былъ извѣстный трактатъ о политикѣ Аѳинъ; Теофрастъ обнародовалъ въ 13 книгахъ изложеніе всѣхъ философскихъ системъ и въ 24 — собраніе дѣйствующихъ правовыхъ положеній; Эвдемъ написалъ исторію геометріи, ариѳметики и астрономіи и, наконецъ, Менонъ — собраніе медицинскихъ системъ. Последнее до сихъ поръ считалось навсегда потеряннымъ и было извѣстно лишь по нѣкоторымъ отрывкамъ у Галена. (Русск. Вѣд., № 230, 1893 г.).

— Интересное открытіе было сдѣлано въ нынѣшнемъ году въ Британскомъ Музеѣ. Между обломками Парѳенона, первоначальное мѣстонахожденіе которыхъ на храмѣ не было опредѣлено, находился торсъ, считавшійся Лапиѳомъ одной изъ метопъ. Молодой вѣнскій скульпторъ Шверцекъ, которому было поручено возстановить фронтоны Парѳенона, пришелъ къ заключенію, что этотъ торсъ составляетъ часть фигуры мальчика, стоящаго около фигуры Левкоѳеи на западномъ фронтонѣ. Торсъ былъ снятъ съ современнаго пьедестала и помѣщенъ среди фигуръ западнаго фронтона. Фуртвенглеръ по поводу этого открытія высказалъ аналогичное мнѣніе. Другой чиновникъ Британскаго Музея, которому ранѣе удалось опредѣлить мѣсто девятнадцати обломкамъ скульптуръ Парѳенона, также сдѣлать дополненіе изъ нѣсколькихъ обломковъ къ конной статуѣ изъ Мавзолея. (Chr. d. Arts, № 16, 1893 г.).

VI

Библиографія.

Матеріалы по археологій Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею.

№ 10. *Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. Изслѣдованіе В. Н. Ястребова. Съ XV табл. рис. и съ 51 политип. въ текстъ. СПБ. 1893 г. Цѣна 2 р.*

№ 11. *Древности Юго - Западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. В. Б. Антоновича. Съ 7 планами и 47 политип. СПБ. 1893 г. Цѣна 2 р.*

Лядинскій могильникъ (въ 12 в. отъ Тамбова, близъ р. Ляды) былъ впервые случайно обнаруженъ въ 1869 г. при проведеніи тамбовско-саратовской ж. д. рабочими, дѣлавшими насыпь; тогда было найдено значительное количество желѣзныхъ орудій—топоровъ, кирокъ, наконечниковъ копій и т. д. мѣдныхъ предметовъ — браслетовъ, колець, котловъ и проч., глиняныхъ горшковъ, бусъ, сердоликовая рѣзная печать и нѣсколько серебряныхъ подражаній арабскимъ диргемамъ. Это обстоятельство заставило Археол. Комм. въ 1888 г. произвести изслѣдованіе могильника, которое и было поручено В. Н. Ястребову. Мѣсто изслѣдованія могильника представляетъ поле изъ чернозема съ примѣсью песка, толщиной въ $\frac{1}{2}$ арш., ниже слой песка въ $1\frac{1}{2}$ арш. и еще ниже глина; при такихъ условіяхъ почвы послѣ дождей образуются водомоины, вслѣдствіи чего авторъ не рѣшается отвергать возможности существованія въ прежнее время могильныхъ насыпей, впоследствии размытыхъ. Могильникъ имѣлъ около 100 саж. длины и до 25 саж. ширины, но изслѣдовано только около четверти всего пространства, заключающаго 143 могилы, находившихся на довольно незначительной глубинѣ: отъ $\frac{1}{2}$ арш. до 2 арш. Характеръ погребенія двоякій — обыкновенный, т. е. простое зарытіе и съ остатками трупосожженія. Могиль перваго разряда раскопано 127. Положеніе костяковъ въ большинствѣ случаевъ головою на югъ, съ вытянутыми ногами, головы, большею частію лежали на вискахъ, больше на лѣвомъ; руки лежали или на груди (не скрещиваясь), у таза или были въ вытянутомъ положеніи. Костяки многихъ могилъ были покрыты лубками и одинъ разъ въ могилѣ былъ найденъ костякъ лошади. Могилы раздѣлялись на мужскія и женскія; отличительнымъ признакомъ первыхъ служили ремни съ украшеніями, ножи, бронзовыя ведра, деревянная посуда, удила и проч.; во вторыхъ находились головные вѣнчики, ожерелья, масса украшеній, глиняная посуда и проч., а также косы, намотанныя на палочку и обвитыя ремнемъ. Въ могилахъ съ остатками трупосожженія В. Н. Ястребовъ сдѣлалъ слѣдующія наблюденія: нѣкоторые покойники были частью сожжены, другіе вполнѣ, при чемъ обрядъ сожженія совершался въ могилы,

послѣ котораго пепель и черепки посуды высыпались въ могилу, туда же клались и вещи умершаго. Въ виду того, что наряду съ полнымъ сожженіемъ допускалось неполное, авторъ предполагаетъ, что обрядъ трупосожженія въ эпоху существованія могильника былъ неустойчивъ. Вещи въ послѣднихъ могилахъ сходны съ первыми. Авторъ подробно описываетъ найденныя вещи, важнѣйшіе типы которыхъ представлены на рисункахъ, сравниваетъ ихъ съ другими предметами самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная отъ классической и кончая современной, и въ результатѣ приходитъ къ такому выводу, что Лядинскій могильникъ относится къ X—XI вв. Вопросы, къ какой національности принадлежали покойники изслѣдованнаго могильника, авторъ не рѣшаетъ, и мнѣніе Аспелина, отнесшаго могильникъ къ мордовскому племени авторъ считаетъ не доказаннымъ, за неимѣніемъ никакихъ основаній.

Другой могильникъ, Томниковскій, находящійся въ имѣніи гр. И. И. Воронцова-Дашкова, Тамбовской губ., Шацкаго уѣзда, с. Ново-Томниковъ, по погребеніямъ, о которыхъ, впрочемъ, опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется, и по характеру близко подходитъ къ Лядинскому. Въ приложеніи помѣщены: извлеченіе изъ дневника раскопокъ Лядинскаго могильника, химическій анализъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ немъ въ 1869 г., и извлеченіе изъ дневника раскопокъ Томниковскаго могильника.

Трудъ проф. В. Б. Антоновича посвященъ описанію раскопокъ кургановъ сѣверной части Кіевской губ. и юго - восточной Волынской. Курганы этихъ мѣстностей расположены большими группами, начиная отъ 150 до 200, 300, а у нѣкоторыхъ мѣсть, напр. у с. Ягнятина, на р. Раставицѣ, количество ихъ болѣе 1000. При изслѣдованіи кургановъ, проф. Антоновичъ, принимая во вниманіе характеръ предметовъ, останавливаетъ особенное вниманіе на называемыхъ имъ *древлянскихъ* курганахъ, особенно обильныхъ въ этой мѣстности. Границы распространенія кургановъ древлянскаго похороннаго типа слѣдующія: на югѣ Ирпень и Раставица, на сѣверѣ Припеть, на востокѣ—Днѣпръ и на западѣ—верхнія теченія рр. Тетерева и Уши. Въ указанной мѣстности авторъ насчитываетъ 307 могильниковъ и въ нихъ не менѣе 7400 кургановъ. Изъ этого количества раскопано 313 кургановъ, изъ которыхъ 261 древлянскихъ, которымъ и посвященъ 11-й выпускъ „Матеріаловъ“. Форма древлянскихъ кургановъ конусообразная съ куполообразными вершинами; вышина отъ 25 сантиметр. до 2,85 м.; многіе курганы окружены ровомъ. Въ насыпи кургановъ почти постоянно попадаются черепки глиняныхъ сосудовъ, кости животныхъ (быка, барана, свиньи, грызуновъ), комки угля, осколки дерева, валуны. Присутствіе этихъ предметовъ на разныхъ уровняхъ насыпи авторъ объясняетъ тѣмъ, что насыпка дѣлалась не за одинъ разъ. Кромѣ того, попадались и отдѣльные предметы, случайно уроненные устроителями кургановъ: обломки шейныхъ гривень, браслетовъ, бусы и т. д. Въ шести курганахъ въ насыпи встрѣтилась деревянная постройка изъ дубовыхъ брусевъ, срубленная въ видѣ двускатной крыши, хотя архитектуру опредѣлить трудно, вслѣдствіе разрушенія дерева.

Наиболѣе чаще встрѣчавшееся погребеніе было въ ямахъ въ грунтѣ, затѣмъ на поверхности и, наконецъ, менѣе всего въ насыпи. Костяки лежали чаще всего въ насыпи, но попадались и окруженные слоемъ угля, извести, глины, песку. Болѣе $\frac{3}{4}$ всего количества погребеній не имѣло дерева, въ остальныхъ могилахъ дерево попадалось въ видѣ бревень, досокъ, окружавшихъ костякъ. Многія могилы заключали желѣзные гвозди, расположенные по контуру костяковъ. Положеніе покойниковъ головою на западъ въ вытянутомъ положеніи, при чемъ руки располагались въ разнообразныхъ видахъ. Оружіе (копья, кинжалы, стрѣлы, ножи) попадались рѣдко, также какъ и глиняные горшки; найденные сосуды имѣютъ видъ широкогорлыхъ кувшиновъ безъ ушей, большею частію безъ орнамента или украшенныхъ рядами горизонтальныхъ выпуклыхъ линій.

Въ нѣсколькихъ могилахъ найдены ведра. Интересна находка въ одной могилѣ чаши, сдѣланной изъ отпиленной верхней части человѣческаго черепа, находившейся въ лѣвой рукѣ костяка, лежавшей на груди. Многочисленны находки желѣзныхъ ножицъ съ остатками костяной или деревянной оправы; кромѣ того, найдено 2 серпа и 2 пряслицы изъ шифера отъ веретень. Матеріаль и покрой (конечно и форму) одежды покойниковъ опредѣлить, за разрушеніемъ, невозможно, но авторъ говоритъ, что воротъ ея застегивался на шеѣ особю застежкою въ видѣ кольца, бусъ или пуговицъ, на которыя надѣвалась ременная петля; въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены остатки поясовъ изъ ткани и ременныхъ. Въ 2-хъ курганахъ найденъ при костякахъ толстый слой волоконъ, считаемыхъ, по предположенію автора, остатками овчинныхъ тулуповъ и шапокъ. Обувь въ нѣсколькихъ могилахъ сохранилась хорошо: она состояла изъ тонкой кожи, сложенной въ 2 пласта, имѣла форму полусапога немного выше лодыжки съ широкими отворотами, спускавшимися до стопы; подошвы нѣтъ и сапогъ состоялъ изъ 4-хъ кусковъ, сшитыхъ 4-мя продольными швами: 2 по бокамъ и по одному сверху и снизу стопы; носки сапогъ острые. При нѣкоторыхъ костякахъ найдены желѣзные огнива и кремни, носимыя въ мѣшечкахъ изъ кожи и въ одномъ мѣшкѣ, кромѣ огнива, найдены были: брусокъ, 2 куска сѣры и 3 астрагала. Украшеніями служили, серебряныя, бронзовыя кольца, проволочныя серьги, бусы (довольно рѣдко), перстни; въ одной могилѣ найденъ головной вѣнчикъ, состоящій изъ березовой коры, обтянутой шерстяною тканью, обшитой серебряными колечками и стеклянными бусами. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что факты, добытые раскопками, подтверждаютъ свѣдѣнія лѣтописи о значительномъ развитіи Древлянъ и противорѣчатъ характеристикѣ лѣтописца о Древлянахъ, которые „живяху звѣрскимъ образомъ“. Многіе предметы свидѣтельствуютъ о мирномъ характерѣ племени и объ отсутствіи всякой воинственности. Монетъ не найдено, поэтому время насыпки древлянскихъ могилъ опредѣлить трудно. Въ концѣ общаго очерка приложены дневники раскопокъ и общія замѣчанія.

*Отчетъ Императорской Археологической Коммисіи за 1889 г. Съ 88 по-
литик. Спб. 1892 г. Цѣна 2 р.*

Отчетъ начинается Высочайшимъ повелѣніемъ о правѣ Археологической Коммисіи главнаго надзора за производствомъ археологическихъ раскопокъ и за реставраціей памятниковъ и затѣмъ приведены пункты выработаннаго положенія относительно наилучшаго способа разрѣшенія археологическихъ раскопокъ, которыя желали бы производить члены ученыхъ обществъ. Раскопки 1889 г. въ Керчи и ея окрестностяхъ, произведенныя г. Гроссомъ и гр. Бобринскимъ, дали нѣсколько золотыхъ предметовъ (украшеній), сосудовъ и т. п. Отчетъ г. Гросса крайне сжатъ и не даетъ никакой картины погребеній; монеты найденныя при раскопкѣ гробницъ не опредѣлены, что лишаетъ возможности опредѣлить, хотя приблизительно, время погребеній. Въ Херсонесѣ въ томъ-же году шло изслѣдованіе городища, при чемъ найдены остатки 3-хъ христіанскихъ храмовъ со слѣдами фресокъ, мозаичными полами, мраморными колоннами, плитами и т. п.; интересна найденная капитель съ головами барановъ, изображеніями орловъ и птицъ. Въ Мелитопольскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ раскопки производилъ Н. И. Веселовскій. Близъ Ногайска имъ раскопано 3 кургана и одинъ заключалъ скелеты лошади, при ней деревянное сѣдло и рядомъ костякъ мужчины въ деревянномъ гробу, съ надѣтыми на ноги кожаными сапогами. Вблизи Симферополя тѣмъ же лицомъ были изслѣдованы развалины древняго укрѣпленія—Керменчика, предполагаемое мѣсто скиѣской крѣпости Неаполиса; въ скалѣ, гдѣ находятся развалины крѣпости, находятся гробницы, которыя частью были раскопаны и довольно обстоятельно описаны въ отчетѣ. Изъ вещей случайно найденныхъ тамъ, интересна бронзовая пряжка, изображающая скачущаго скиѣа. В. Н. Ястребовъ произвелъ раскопку кургана близъ с. Мартоноши, Елисаветградск. у., разрытаи въ 1870 г. крестьянами, которые нашли тамъ бронзовую вазу съ ручками съ изображеніемъ архаической Горгоны. Но раскопка г. Ястребова благопріятныхъ результатовъ не дала. Жаль, что найденные въ курганѣ въ 1870 г. предметы находятся въ разныхъ собраніяхъ и, между прочимъ, часть бронзовой вазы въ Одесскомъ музеѣ, а ручка въ Эрмитажѣ. Близъ того же села г. Ястребовымъ раскопано еще нѣсколько кургановъ. Въ Минской губ. раскопки производилъ проф. Завитневичъ (подробности описаны въ IV кн. „Чтеній въ Историческ. Общ. Нестора лѣтописца“) и г. Авенаріусъ, который въ Борисовскомъ уѣздѣ раскопалъ нѣсколько кургановъ и городищъ. Г. Вольтеръ продолжалъ раскопки, начатыя въ 1888 г. въ Виленской губ., въ Трокскомъ и Лидскомъ уѣздахъ, гдѣ онъ нашелъ какъ болѣе древнія погребенія съ трупосожженіемъ, такъ и довольно позднія, судя по найденнымъ монетамъ, XIII вѣка. А. В. Селивановъ продолжалъ изслѣдованіе Старо-Рязанскаго городища, гдѣ имъ были открыты остатки древняго храма и около него костяки; тѣмъ же изслѣдователемъ произведены раскопки въ Старо-Ольговскомъ городкѣ 13 кургановъ (при устьѣ Прони) и остатковъ храма. Раскопкамъ на Кавказѣ

могильниковъ въ верховьяхъ р. Уруха посвященъ довольно длинный отчетъ г. Долбежева; между прочимъ, имъ обнаружены погребенія съ трупосожженіемъ. Въ Сибири, въ долину р. Абакана, мѣстности очень богатой памятниками древности (камни съ письменами, каменные бабы) производилъ раскопки кургановъ г. Клеменць; на р. Томи — г. Адриановъ (въ приложеніи напечатано извлеченіе изъ дневника г. Адрианова). Въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ и приношеній описано нѣсколько очень интересныхъ предметовъ, какъ, напр., великолѣпный кладъ золотыхъ и серебряныхъ вещей XII в., найденныхъ въ Кіевѣ, между которыми замѣчателенъ золотой брачный княжескій вѣнецъ (или діадема) съ финифтяными изображеніями святыхъ, вѣроятно, русской работы, судя по славянскому написанію имени Павелъ; другая интересная находка поступила изъ Казанск. губ. съ Болгарскаго городища, состоитъ изъ двухъ серебряныхъ подвѣсокъ и восьми такихъ съ позолотою и чернью бармъ, повидимому византійскихъ. Въ концѣ отчета находится таблица распредѣленія древностей, поступившихъ въ 1889 г. въ Археологическую Коммиссію, между различными учрежденіями.

Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ. Вып. 1-й. Составила К. Мельникъ. Кіевъ, 1893 г. (I—V+1—217).

О коллекціи покойнаго А. Н. Поля была помѣщена замѣтка на стр. 126 *Арх. Изв. и Зам.* Въ настоящее время коллекція эта назначена въ продажу и довольно обстоятельный каталогъ знакомитъ съ ея содержаніемъ. Въ 1-мъ выпускѣ (2-й будетъ посвященъ описанію предметовъ искусства: картинъ, гравюръ, фарфора, эмалей, бронзы, рѣзныхъ камней и т. п.), описаны предметы каменнаго и бронзоваго вѣка, предметы греческихъ колоній, скиѣскихъ древности, предметы княжеской эпохи, старины запорожской и южно-русской, этнографическіе, оружіе, монеты и медали. Особенно тщательно описаны предметы каменнаго (522 №№) и бронзоваго вѣка (84 №№) — всѣ почти изъ Новороссіи. Предметы греческихъ колоній заключаются въ бронзовыхъ и глиняныхъ статуэткахъ, зеркалахъ, пряжкахъ, бусахъ, серьгахъ изъ благородныхъ металловъ, клейменныхъ ручкахъ (клейма приведены въ текстѣ), сосудахъ и т. п. вещахъ изъ нашихъ черноморскихъ колоній. Подъ названіемъ скиѣскихъ древностей описаны предметы изъ кургановъ Чертомлыцкаго (пріобрѣтенныхъ на мѣстѣ или полученныхъ покойнымъ владѣльцемъ отъ Археологической Коммиссіи въ обмѣнъ на древности изъ его раскопокъ) и другихъ, заключающихъ предметы, сходные съ Чертомлыцкими (Краснокутскаго, Долгой Могилы и др.); между ними довольно много золотыхъ вещей (всѣхъ №№ 355). Въ отдѣлѣ желѣзнаго вѣка описаны древности княжеской эпохи съ Княжей Горы у Канева, предметы изъ кургановъ с. Любомирки, изъ окрестностей Никополя и изъ другихъ мѣстностей; между ними есть много серебряныхъ, золотыхъ и бронзовыхъ бытовыхъ вещей, иконъ, крестовъ, курганныхъ желѣзныхъ саблей, стрѣлъ и т. д., и въ томъ же отдѣлѣ описаны 4 каменныхъ бабы. Отдѣлъ запорожской и южно-рус-

ской старины, въ количествѣ 281 №№, заключаетъ, судя по описанію, очень интересные памятники военные и бытовые: пушки, оружіе, конскіе уборы, предметы домашніе—ложки, чарки, тарелки, музыкальные инструменты, вериги и проч. Отдѣлъ сравнительной этнографіи содержитъ иконы и всевозможные предметы быта русскаго и нерусскаго — серьги, пряжки, восточное оружіе и т. д. Кромѣ того оружію-мушкетамъ, пистолетамъ и разнымъ принадлежностямъ (пороховницамъ и т. п.) посвященъ особый отдѣлъ; большинство оружія не русскаго производства. Въ отдѣлѣ монетъ, 434 относятся къ греческимъ черноморскимъ колоніямъ, которыя описаны по каталогу Бурачкова, но судить о качествѣ ихъ по описанію трудно. Остальное количество (всѣхъ, включая черноморскія, 2060)—греческія, римскія, византійскія, русскія (не представляющія интереса), польскія, западно-европейскія и нѣсколько восточныхъ. Всякая монета имѣетъ оцѣнку. Къ каталогу приложенъ географическій указатель, портретъ А. Н. Поля и 14 табл. фототипій съ древностей. Желающіе купить описанныя въ каталогѣ коллекціи должны обращаться въ Екатеринославъ, въ Опекунское Управленіе по дѣламъ и имуществу А. Н. Поля.

Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи (при Казанскомъ университетѣ). Т. XI. (1893), вып. 3.

Муранскій могильникъ. Археологическій очеркъ В. Н. Поливанова. — Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Имятѣва (продолженіе).—Извѣстія иностранцевъ о народахъ В. Россіи. Strahlemberg, Nord—und Oestliche Theil von Europa und Asia.—Формы жилищъ и поселеній у народовъ В. Россіи. Камчадалы, Коряки, Чукчи.—Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ (продолженіе) В. А. Мошкова. — Матеріалы: замѣтка о происхожденіи нѣсколькихъ кладбищъ при татарскихъ селеніяхъ Волжско-Камскаго края. Г. Ахмарова. — Памятники старины близъ с. Архангельскаго. И. Хохлова. — Эпиграфическій памятникъ Волжской Булгаріи. И. А. Износкова. — Акты, относящіеся къ исторіи Мордвы Пензенской губерніи.—Изъ архива Спасскаго Краснослободскаго монастыря. В. М. Терехина. — Письмо князя Ивана Бакаевича Ширинскаго къ родственнику его въ Казань. Сообщ. А. И. Соколовъ.—Замѣтки о Мордвѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской губ. А. Д. Смирнова. — Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у Вотяковъ. Г. Вихмана. — Изъ областной печати.—Хроника. На текущія темы. И. Н. Смирнова. — Библиографія: Саратовское повожье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. О. О. Чекалина. С. Кедрова.—Литература археологій, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. — Приложение: черемисско-русскій словарь В. П. Троицкаго (продолженіе).

Л. Стојановић. Мирославлево јеванђеље (одломци) — Споменик XX (Београд, 1893) XII + 23, 4^о.

Настоящій выпускъ „Памятниковъ“ Сербской Кралевской Академіи посвященъ изданію отрывковъ (стр. 1—23) одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ сербскаго языка: вмѣстѣ съ т. н. Вукановымъ евангелиемъ (нынѣ Спб. И. Публ. библ.), Мирослававо принадлежитъ къ древнѣйшимъ сербскимъ текстамъ XII в.; оба эти евангелія указываютъ на то время сербской графики, когда еще писались **Ѣ**, **Ѧ** и **ѧ**, впоследствии, какъ излишніе для сербскаго языка, исчезнувшіе. Изъ этого Мирословова ев. до сихъ поръ въ печати (изд. Срезневскимъ, Свѣд. и зам. XLVI, затѣмъ Новаковичемъ и Дучичемъ) извѣстенъ былъ только одинъ листъ, привезенный преосв. Порфириемъ (Успенскимъ) и хранящійся нынѣ въ Спб. Публ. библ.—Л. Стояновичъ три года назадъ сдѣлалъ на мѣстѣ (въ Хиландарѣ, на Аѳонѣ) подробное описаніе и рядъ выписокъ изъ этого евангелія, которыя и составляютъ содержаніе выпуска. Характеризуетъ издатель Мирославова ев. такъ: если оно и небогомилское, то во всякомъ случаѣ должно быть поставлено въ ряду т. н. босанскихъ текстовъ, сохраняя вмѣстѣ съ этими послѣдними глаголическую традицію: **ѣ**, **ѣ**=**ѣ** и **ѧ**, **е**=**е** и **ѥ**; отличается оно отъ этой группы евангелій тѣмъ, что оно апракосъ (недѣльное, тогда какъ босанско-богомилскія ев., доселѣ извѣстныя,—четверо-евангелія), писано въ два столбца (босанскія—въ одинъ) и въ листъ (41 × 25 с.), тогда какъ форма босанскихъ евангелій приближается къ 4-кѣ (тоже и въ глаголич. пам.). Писана рукоп. двумя руками: 1-я—до 45 л., 2-я—остальное (л. 45 об.—180). Вліяніе западное въ орнаментахъ этого евангелія, отмѣченное когда то Ѡ. И. Буславымъ, подтвердилось и въ языкѣ: на л. 36 въ инициалѣ В. изображеніе святаго написано: *жванъ батиста* (итальян. Giovanni Battista) *). Для **ѧ** употребляются **ѧ** и **Ѧ**. Замѣчательно въ палеографическомъ отношеніи употребленіе **у** вмѣсто обычнаго **оу** у втораго писца; впрочемъ съ листа 90 оба начертанія путаются; **ѣ**—въ текстѣ отсутствуетъ; исключительно **ѣ** (а не шт); иногда **ѥ**=**ѥ**, **ѧ**—только, какъ числовой знакъ. Употребленіе **Ѣ** и **Ѧ** весьма интересно: они нигдѣ не смѣшиваются другъ съ другомъ, но ставятся или на своемъ мѣстѣ (какъ въ старо-славянск.), или же вм. **е** и **оу**; иногда они замѣняются по правиламъ сербскаго языка этими послѣдними—обстоятельство, ясно доказывающее, какъ произносили ихъ писцы; **Ѣ** встрѣчается сравнительно рѣже, нежели **Ѧ**, но чаще, нежели **Ѧ**, стоитъ на своемъ мѣстѣ.

Издатель расположилъ свои выписки не по порядку въ рукописи, а по евангелистамъ, что несомнѣнно и удобнѣе, снабдилъ вариантами изъ Никольскаго, Марьинскаго, Загрофскаго, Савина и Остромирова евв., указателемъ листовъ рукоп., гдѣ помѣщены изданные имъ отрывки. Одно только замѣчаніе издателя возбуждаетъ недоумѣніе: говоря о синаксарѣ ев. онъ замѣ-

*) Также въ боснійскомъ ев. XV в. проф. Сречковича (въ Бѣлградѣ) въ заставкѣ изображенъ кентавръ—типа совершенно западнаго.

часть, что въ немъ славянскіе святыя отсутствуютъ; слѣдомъ же приводитъ выписки изъ этого синаксаря (стр. VI), гдѣ подъ 14 февраля читается: „с(ве)т(а)ю авькъсентитъ и с(ве)т(а)ю ѿца оучитель словньска коурила филосопа“. Какъ понимать въ такомъ случаѣ слова издателя: „у синаксару нема ниједног словенског свеца“?

М. Сперанскій.

Bulletino di archeologia cristiana del commendatore G. B. de Rossi, Serie V, anno III, № 3, 4, Roma, 1892.

Настоящая книжка этого журнала отличается богатством матеріала, впервые издаваемого и вносящаго много новыхъ данныхъ для исторіи древне-христіанскаго искусства, иконографіи. Де-Росси продолжаетъ здѣсь сообщеніе эпиграфическаго матеріала изъ новыхъ находокъ въ наиболѣе древней части катакомбъ Присциллы (№№ 283—370) и въ нижнемъ этажѣ ихъ (№№ 1—36). Надписи послѣдняго мѣста даютъ обычныя формулы, уже ранѣе извѣстныя, но такихъ, какъ рах, рах тесит, рах tibi—не имѣется; очевидно, что здѣсь переходъ отъ одного періода къ другому, въ которомъ прежде всего развивается употребленіе символическихъ и идеографическихъ образовъ. Изъ символическихъ образовъ первенствующую роль играетъ якорь, отдѣльно, или въ соединеніи съ рыбой, съ кораблемъ, съ птицей, имѣющей вѣтвь въ клювѣ (№ 15, 19), между двухъ звѣздъ (№ 17) и др. Не меньшую роль играетъ образъ Добраго Пастыря. Здѣсь же встрѣчаемъ рѣдчайшую сцену (на ряду съ Добрымъ Пастыремъ)—встрѣча дѣтьми своей матери въ загробной жизни (табл. III). Всѣ эти изображенія, по мнѣнію де-Росси, относятся къ концу II, началу III вѣка (стр. 120).

Здѣсь же встрѣчаемся съ замѣчательнымъ фактомъ, имѣющимъ громадное значеніе для исторіи монограммы Христа: послѣдняя имѣется здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, какъ памятникъ болѣе ранній времени Константина, къ которому относятъ ея появленіе; она современна надписямъ, которыя исполнены красной краской, ибо и сама писана ею же (см. № 3, табл. IV, 1); форма ея: Выясненію ея значенія, какъ монограммы Христа, сравнительно со сходнымъ по формѣ явленіемъ на языческихъ памятникахъ (монеты Ирода III, нѣкоторые памятники времени Траяна, Адриана—въ значеніи—мѣры, per, pedes и др.) посвящена глава § III (стр. 122—129).

Въ 1888 г. открыты катакомбы возлѣ Кальяри, въ Сардиніи, съ надписями и фресковой живописью. Въ 1892 г. о нихъ появилась замѣтка проф. Виванетъ „Catacombe cristiane di Cagliari scoperte nella collina di Buonaria presso l'attuale cimitero“ въ *Notizie degli scavi*, издаваемыхъ Академіей dei Lincei. А въ настоящемъ номерѣ бюллетеня—ислѣдованіе о нихъ де-Росси, съ приложеніемъ рисунковъ съ живописи (табл. V и хромофотогр. VI—VIII).

Катакомбы Кальяри, выкопанныя въ холмѣ, состоятъ изъ отдѣльныхъ цель и кубикуль; найденныя въ нихъ монеты Діоклеціана и Максиміана опредѣляютъ ихъ эпоху — конецъ III в. Въ одномъ изъ кубилъ встрѣчено множество открытыхъ гробницъ; одна изъ гробницъ, главная, — съ аркосо-

ліемъ; въ люнетѣ аркосолія найдена надпись на мраморѣ, сдѣланная наобѣихъ сторонахъ послѣдняго и говорящая объ одномъ и томъ же лицѣ—*Munatius Irenaeus*; по сторонамъ надписи — по павлину, сверхъ которыхъ надпись: *paх tecum sit cum tuis*; выше павлиновъ два голубка. Сводъ кубикюла усеянъ цвѣтками, розами, обозначающими блаженство небесной жизни.

Вторая открытая камера вся была украшена живописью; теперь она имѣется лишь на двухъ стѣнахъ. Живопись эта замѣчательна по новымъ сюжетамъ, по необыкновеннымъ композиціямъ ранѣе извѣстныхъ сценъ, на сколько, конечно, о таковыхъ можно судить по приложеннымъ рисункамъ; весьма жаль, что къ нимъ не присоединены фотографіи, такъ какъ въ достовѣрности нѣкоторыхъ фигуръ, положеніи ихъ на рисункахъ сомнѣвается и самъ де-Росси.

Живопись представляетъ слѣдующія сцены:

1) Корабль—съ двумя парусами, на которомъ семь юношей; одинъ—у кормы обращается къ остальнымъ какъ бы съ рѣчью; двое закинули сѣть въ воду, гдѣ плаваютъ трое юношей; у носа корабля на берегъ протянута доска, по которой на корабль взбирается овца.

2) Такой же корабль, на которомъ пять юношей; одинъ тащитъ сѣть изъ воды; слѣва отъ корабля въ воду летитъ головой юноша; къ самому кораблю подплываетъ морское чудище; справа оно же выбрасываетъ изъ пасти юношу; далѣе этотъ юноша на сушѣ—стоитъ на колѣняхъ въ позѣ оранты.

3) Родъ хижины или шатра съ купольной крышей между оливковымъ деревомъ и пальмой; на крышѣ сидитъ голубъ съ оливковой вѣтвью въ клювѣ; далѣе юноша несетъ обѣими руками у груди овцу.

Первая сцена—единственная въ христіанской иконографіи; она представляетъ, по мнѣнію обоихъ изслѣдователей, художественное воспроизведеніе обѣщанія, даннаго Христомъ своимъ ученикамъ: „идите за Мной и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“ (Матѳея, IV, 19; Марка, I, 17; Луки, V, 10—въ примѣненіи къ одному Петру). Юноша, сидящій у кормы, это Христосъ; агнецъ, поднимающійся на корабль—вѣрующій, принимаемый въ лоно спасительнаго корабля, въ число агнцевъ Христа.

Вторая сцена, внѣ всякаго сомнѣнія, представляетъ исторію Іоны. Необычно въ композиціи этого сюжета положеніе Іоны на колѣняхъ, въ позѣ оранты; по словамъ Виванетъ, онъ подѣ *cucurbita*, котораго, однако, на рисункѣ не видно.

Хижина въ третьей сценѣ, по мнѣнію де-Росси, представляетъ погребальнѣй мавзолей; голубъ съ вѣтвью символизируетъ блаженную душу *in pace*; юноша, несущій овцу—добрый пастырь.

Композиція живописи въ общемъ, по мнѣнію де-Росси, выражаетъ мысль „спасенія отъ бурнаго моря идолопоклонничества проповѣдью апостольскою вѣрныхъ овецъ Христа, достигшихъ счастливаго конца земной жизни и принятыхъ въ вѣчный миръ, несомыхъ руками божественнаго пастыря (стр. 143).

Предложенное де-Росси толкованіе описанныхъ изображеній при отсутствіи

параллелей изъ древне-христіанской иконографіи и литературныхъ данныхъ, поясняющихъ ихъ, не можетъ считаться вполне исчерпывающимъ вопросомъ объ новооткрытыхъ фрескахъ.

На боковыхъ стѣнахъ того же кубикюла изображены двѣ сцены, изъ которыхъ можно разобрать лишь одну, такъ какъ отъ другой имѣются лишь незначительные остатки. Эта сцена — скорѣе Воскрешеніе Лазаря, какъ и полагаетъ Виванеть, чѣмъ исцѣленіе паралитика: юный Христосъ въ хитонѣ и гиматіи, надъ головой котораго надпись: *paх tecum sit in aeternum cum tuis*, простираетъ жезль къ Лазарю, стоящему у дверей гробницы и протягивающему ко Христу руки; сзади Христа бородатая мужская фигура, быть можетъ Апостоль, но никакъ не Муцій Иреней, ибо изображенія эти даны въ другомъ кубикюлѣ, а не въ томъ же, гдѣ найдена надпись въ честь его.

Е. Рьдинъ.

Revue de l'art chrétien, V-me série, T. IV, 2-me livr. 1893.

Въ данномъ номерѣ журнала на ряду съ продолженіемъ старыхъ статей ¹⁾ имѣется нѣсколько новыхъ. Между ними наибольшаго интереса статья Ю. Гельбига, трактующая о любопытной коллекціи церковныхъ вещей кавалера Росси въ Римѣ (*Le trésor d'ornements et d'instruments liturgiques de la collection du chevalier Giancarlo Rossi à Rome*). Какъ сама коллекція, такъ исторія ея открытія—любопытны во многихъ отношеніяхъ, и мы позволимъ себѣ подробнѣе остановиться на нихъ, пользуясь данными статьи.

Весною 1880 г. неизвѣстный крестьянинъ явился въ Римъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру съ предложеніемъ продать нѣсколько драгоценныхъ вещей: покрышку книги, серебряный дискосъ, крестъ и золотую фобулу. Вещи были изслѣдованы извѣстнымъ ученымъ о. Бруцци и приобрѣтены гр. Строгановымъ за четыре тысячи лиръ.

Черезъ нѣкоторое время тотъ же крестьянинъ снова является къ золотыхъ дѣлъ мастеру и открываетъ подъ секретомъ, не указывая мѣста находки, что у него имѣется еще много вещей, подобныхъ проданнымъ раньше. Покупка и другихъ вещей совершилась, и узнано было ихъ происхожденіе. Крестьянинъ разсказалъ, что однажды, копая землю, онъ натолкнулся на каменную кладку съ аркадой; открывъ послѣднюю, онъ увидѣлъ странное явленіе: предъ нимъ предсталъ какъ бы епископъ, одѣтый въ блестящія одежды, окруженный утварью, золотыми и серебряными вазами, но видѣніе продолжалось лишь моментъ; въ могилѣ онъ нашелъ лишь крестъ и различные предметы, изъ которыхъ и захватилъ наиболѣе драгоценные. Болѣе ничего точнаго неизвѣстно ни о мѣстѣ находки, ни о гробницѣ и т. п. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, открытыя вещи—церковные сосуды—высокой археологической цѣнности. Онѣ были изслѣдованы Гарруччи, Бруццой, де-Росси и

¹⁾ De-Mely, О роли гравированныхъ камней въ средніе вѣка, *Barbier de Montault* — О культѣ учителей церкви въ Римѣ (св. Иеронимъ, св. Леандръ, св. Левъ, св. Петръ Хризолотъ).

др. и послѣ этого пріобрѣтены настоящимъ ихъ владѣльцемъ, а въ 1888 г. по поводу юбилея папы Льва XIII были имъ же частью изданы, и въ болѣе полномъ видѣ въ 1890 г. съ собраніемъ статей объ нихъ нѣкоторыхъ археологовъ.

Вещи вначалѣ возбудили сомнѣніе въ ихъ подлинности, но, по указанію автора, это сомнѣніе устраняется сходствомъ въ стилѣ всѣхъ ихъ, въ символическомъ характерѣ и въ качествѣ работы, быть можетъ исполненной одной и той же рукой.

Вещи эти въ общемъ—новость въ археологіи; правда изображенія, данныя на нихъ, какъ рыба, агнецъ, павлинь, голубь, виноградная кисть и т. п., уже хорошо извѣстны изъ множества другихъ древне-христіанскихъ памятниковъ; но такая ихъ группировка, какъ здѣсь, представляющая собою какъ бы цѣлыя поэмы, встрѣчается впервые. Къ статьѣ приложены въ качествѣ образца два снимка съ двухъ золотыхъ пластинокъ, служившихъ быть можетъ переплетомъ рукописи. Объясненіе изображеній дѣлается авторомъ на основаніи изслѣдованія проф. Гори. Не имѣя возможности передавать подробно соображеній этого изслѣдователя относительно различныхъ изображеній, мы можемъ только сказать, что они, какъ и общій характеръ самихъ памятниковъ, въ высшей степени странны. Характеръ работы грубый, варварскій, комбинація сюжетовъ посредственна, составъ композицій наивенъ и обличаетъ, повидимому, въ составителѣ ихъ искуснаго поддѣльвателя, заботившагося о возможно большемъ количествѣ различныхъ древне-христіанскихъ символовъ и образовъ.

Изслѣдователь видитъ во всѣхъ изображеніяхъ (табл. III) на крестѣ символы св. таинствъ и церковныхъ обрядовъ: крещенія (голубь съ сосудомъ на спинѣ), мвропомазанія (агнецъ съ крестомъ на спинѣ), покаянія (агнецъ безъ креста), евхаристіи (круглый хлѣбецъ и виноградная кисть по сторонамъ креста), брака (двѣ овцы на протянутыхъ рукахъ Христа) и т. п.

Странный характеръ памятника вызвалъ и разнородныя заключенія о времени его происхожденія: одни относятъ къ I вѣку по Р. X. (Vecchi-Pieralice), другіе къ IV в. (владѣлецъ коллекціи), третьи къ VI—VIII в. (Дж. Б. де-Росси) или даже VIII—IX (de Waal). Гори, изслѣдованіемъ котораго пользуется авторъ, относитъ къ V в. Если въ дѣйствительности мы имѣемъ предъ собой оригиналы, а не поддѣлку, то мнѣніе Ваала относительно времени памятника, повидимому, ближе всего къ истинѣ.

Другая новая статья журнала (стр. 122—135) Бертене трактуетъ о литейщикахъ колоколовъ кантоновъ Бурмонъ (Haute-Magne) и Клермонтъ XVI—XVIII в., давая интересный матеріалъ для исторіи индустриальныхъ искусствъ.

Въ отдѣлѣ, дающемъ отчетъ о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, встрѣчаемъ изложеніе нѣкоторыхъ весьма интересныхъ рефератовъ Общества Антикваріевъ Франціи. Такъ, Le Blanc (25 янв.) дѣлалъ отчетъ о своихъ розысканіяхъ, произведенныхъ имъ въ Туркестанѣ въ 1890 и 1891 г.; M. de Baue дѣлалъ отчетъ о трудахъ археологическаго и антропологическаго съѣзда

въ Москвѣ; Durrieu (8 февр.) по поводу миниатюръ золотого кодекса эскуриальской бібліотеки, отмѣтивъ особенности, устанавливающія тѣсную связь между нѣмецкимъ и византійскимъ искусствомъ въ 1-ой половинѣ XI вѣка. Мюнцъ, подтверждая мнѣніе докладчика, указалъ на то, что греческіе художники были вызваны въ Германію императрицей Теофаніей. Мюнцъ (15 февр.) привелъ рядъ свидѣтельствъ отъ V по XV в., указывающихъ на существованіе близкихъ артистическихъ связей Германіи и Италіи съ Византіей. Харузинъ (1 марта) прочелъ докладъ о курганахъ центральной Россіи, въ которомъ доказывалъ, что они не обязаны своимъ происхожденіемъ финнамъ.

Золотыя ворота въ Константинополѣ.

Вопросу объ ихъ происхожденіи, составѣ, пластическихъ украшеніяхъ посвящена статья Стржиговскаго въ *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts*, V. VIII, 1893, S. 1—39.

Стѣнная живопись церкви S. Angelo in Formis близъ Капуи.

Подробное описаніе и изслѣдованіе замѣчательной живописи этой церкви, не безызвѣстной въ нашей археологической литературѣ, начинается Ф. Х. Краусъ въ *Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen XIV B, 1 Heft*, стр. 3—21. О результатахъ этого изслѣдованія дадимъ отчетъ по окончаніи статей.

Е. Рьдинъ.

Въ послѣдней книжкѣ (II, 2) *Byz. Zeitschr.* Густавъ Шлумбергеръ помѣстилъ двѣ интересныхъ статьи: *Quelques monuments byzantins inédits (amulettes, méreaux ect.)* (стр. 187—191) и *Bas-relief du campo Angaran à Venise représentant un empereur byzantin du X siècle* (стр. 192—194). Первая статья служить какъ бы продолженіемъ его работъ по сигиллографіи, точнѣе его же статьи объ амулетахъ, изданной въ *Revue des études grecques* 1891. Здѣсь имъ изданы 7 подобныхъ же бытовыхъ вещицъ старой Византіи, именно: 1) образокъ односторонній VI—VII в. съ изображеніемъ въ верхней половинѣ Распятія съ разбойниками и Предстоящими (?), служившій амулетомъ какому-то Абамуну; образокъ, по мнѣнію Ш. происхожденія Египетскаго. 2) образокъ двусторонній съ изображеніемъ весьма грубымъ жертвоприношенія Исаака Авраамомъ; образокъ служилъ амулетомъ отъ болѣзней желудка и относится къ древнему времени (*d'origine orientale, d'époque chrétienne ancienne*). 3) образокъ съ изображеніемъ Богородицы и подписью, показывающей, что онъ былъ въ связи съ студійской діаконіей (нѣчто въ родѣ *service de la charité*). 4) Жетонъ XI—XII в. съ именемъ довольно извѣстной фамиліи Пепагоменосъ, что то въ родѣ посвятительнаго дара; 5—6) два перстня, одинъ съ именемъ Евдокіи и изображеніемъ Христа, второй съ именемъ *Гіорасъ* и изображеніемъ Благовѣщенія; второй перстень происхожденія или грузинскаго, или армянскаго; относятся оба амулета къ IX—X в. 7) Образокъ эпохи Палеологовъ; съ одной стороны отдыхъ въ Эммаусѣ, съ другой стороны Распятіе съ Предстоящими.

Вторая статья описываетъ барельефъ X в., изображающій императора

въ полномъ облаченіи съ жезломъ и державой. Къ статьѣ приложенъ рисунокъ барельефа. По предположенію Ш. въ Венецію попалъ этотъ барельефъ въ числѣ многихъ византійскихъ памятниковъ, вывезенныхъ въ Венецію послѣ покоренія Константинополя Латинянами (1204 г.).

VI.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 24 мая 1893 г., подъ предсѣдательствомъ В. Н. Юргевича было доложено:

Отношеніе Моск. Арх. Общества отъ 23 апрѣля, по поводу газетныхъ извѣстій объ открытіи въ г. Тирасполѣ Херс. губ. древняго кладбища, въ коемъ найдены были ожерелье и браслетъ, препровожденные въ Импер. Одесское Общество Исторіи и Древностей—съ просьбою о сообщеніи обстоятельствъ этой находки, а равно по возможности и описанія извлеченныхъ при раскопкахъ предметовъ. При этомъ вице-президентъ заявилъ, что имъ послано 7 мая въ Московское Общество увѣдомленіе, что объ открытіи кладбища въ городѣ Тирасполѣ не было сообщено Одесскому Обществу Тираспольскимъ уѣзднымъ исправникомъ, препроводившимъ найденныя вещи, а сказано только, что онѣ найдены въ этомъ городѣ 3-го числа ноября 1892 г., по Покровской улицѣ, при раскопкѣ канавы для устройства водопровода, рабочимъ Иконниковымъ и что онѣ находились, повидимому при трупѣ. Въ присланномъ затѣмъ Обществу маленькомъ мѣшкѣ съ землей оказались слѣдующія вещи: I. Множество стеклянныхъ бусъ, которыхъ набраны три нитки, одна обхватывающая два раза шею, изъ бѣлыхъ, круглыхъ, прозрачныхъ бусъ, между которыми нѣсколько позолоченныхъ внутри, другая такой же длины изъ бусъ, въ родѣ бѣлаго стекляруса и одна изъ бусъ разной величины, большихъ и меньшихъ, покрытыхъ разноцвѣтною стеклянною массою, въ родѣ тѣхъ, которыя находятся часто въ гробницахъ Ольвійскихъ и Керченскихъ. II. Бронзовый тоненькій браслетъ въ видѣ проволоки, несомкнутый, со сплюснутыми концами. III. Большой бронзовый изломанный перстень со слѣдами какихъ-то изображеній на щиткѣ. IV. Четыре желѣзныхъ толстыхъ кольца неизвѣстнаго назначенія, одно въ діаметрѣ равномъ мѣдн. 5 копѣйкамъ, три—3 копѣйкамъ. V. Наконецъ весьма замѣчательный по находенію вмѣстѣ съ упомянутыми вещами, бронзовый, разломанный по поламъ, крестъ изъ круглаго прута, безъ изображенія на немъ распятія Спасителя, вышиною $8\frac{1}{2}$ сантиметровъ, на вертикальной части котораго, отъ вершины до средняго перекрестія находятся въ ровномъ разстояніи одинъ отъ другаго три шарика, а на нижней оконечности что то въ родѣ двухъ, расходящихся въ противоположныя стороны корней. Такіе же шарики и на

оконечностяхъ средняго перекрестья. Въ одномъ мѣстѣ сохранились слѣды позолоты. Объяснить форму этаго креста помогаетъ изображенный и описанный В. Н. Юргевичемъ въ „Запискахъ“, томъ XI, стр. 9, крестъ, изсѣченный на церковной колоннѣ, хранящейся въ Херсонисѣ. Три верхнія оконечности его представляютъ листья смоковницы, изъ нижней же въ родѣ украшенія вырастаютъ длинные и широко развѣтвляющіеся корни. На самомъ же крестѣ, на вертикальной и на поперечной частяхъ находится надпись, объясняющая форму креста: Οὐτως (ὁ σταυρός), φτερούσαι εἰς κράδην Θεοῦ καὶ ῥίζας οἱ θερίζοντες οὐκ ἐκρίζουσιν). „Этотъ крестъ выростетъ въ отводокъ смоковницы Божіей и жнецы не искоренятъ его корней“. Подобная же мысль о животворящей силѣ креста руководила составителемъ рисунка для найденнаго въ Тирасполѣ креста, въ которомъ вмѣсто листьевъ смоковницы видимъ плоды, изображенные шариками, и вырастающіе изъ нижней оконечности корни.—Судя по маленькому браслету надо предполагать, что похоронена была молодая дѣвушка, которой принадлежали ожерелья изъ упомянутыхъ бусъ, доказывающихъ сходствомъ своимъ съ бусами, находимыми въ Ольвіи и Керчи, что умерла въ этихъ мѣстахъ въ весьма древнее время, и какъ можно заключить изъ найденнаго креста весьма близко къ первымъ вѣкамъ христіанства,—если не была сама христіанкой. При этомъ вице-президентъ предъявилъ упомянутыя выше вещи.

Затѣмъ были представлены Обществу предметы, принесенные въ даръ 1) П. О. Бурачковымъ, состоящіе изъ древнихъ глиняныхъ сосудовъ, лампочекъ, масокъ, изъ которыхъ нѣкоторые возбуждали сомнѣніе въ ихъ подлинности, нѣсколькихъ монетъ, между которыми особый интересъ по ихъ рѣдкости представляютъ — скиѣскаго царя Канита и города Θεοδοσίи (съ надписью ΘΕΟΔΟ) и 2) А. Л. Бертъе-Делагардомъ, состоящими изъ мраморной плиты съ надписью, принадлежащая древней Тирѣ, найденная въ Аккерманѣ, дающая право гражданства за посольство къ М. Аврелію; обломка съ нѣсколькими буквами, найденнаго въ Шабѣ; мраморной плиты съ надписью найденной въ Аджиголѣ, дающей разныя права Ахемену Ахеменову; мраморной плиты съ надписью найденной въ деревнѣ Кисляковкѣ съ копіей части псифисма Протогенова. Всѣ надписи хорошей сохранности и будутъ напечатаны въ ближайшей книжкѣ Записокъ Общества. 3) Священникомъ Очаковского собора Никитою Новицкимъ маленькая амфора подъ чернымъ лакомъ съ тисненымъ узоромъ. Д) Очаковскимъ жителемъ Леономъ Гохманомъ весьма рѣдкій стеклянный сосудъ частью обломанный съ надписью вокругъ: ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ ΕΦΩΠΑΡΕΙ, т. е. Εὐφραίνου ἐφ' ὧ παρει—Радуйся тому, что ты здѣсь.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь В. Трутовскій.

ІНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составляютъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ).

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

ИЗДАВЛЯЕМА

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ № 9—10

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1893

Археол. Изв. и Зам. 1893 г.

ИЗДАВЛЕНА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I

1945.

 БИБЛИОТЕКА
 НИ Ин-та Криведческой
 и Музейной работы

580

Икона изъ собранія графа Гр. Серг. Строганова *).

Эта замѣчательная икона (см. рис., уменьшенный въ половину, на табл. IV) приобрѣтена графомъ Гр. Серг. Строгановымъ въ 1892 г въ южной Итали. Она представляетъ квадратную доску съ возвышенными полями, образующими рамы. По тябламъ рамы, облицованнымъ мѣдными пластинками, расположены части св.мощей въ продолговатыхъ ложахъ и въ гнѣздахъ розетокъ, представляющихъ цвѣтки; нѣкоторыя мощи поименованы; такъ здѣсь находятся: мощи Іоанна Предтечи (ΑΥΨΑΝΟΝ ΤΩ ΠΡΟΔΡΟΜΩ) Іоанна Златоуста (ΑΥΨΑΝΟΝ ΤΩ ΧΡΥΣΟ(С)ΤΟΜΩ), Стефана Новаго (ΑΥΨΑΝΟΝ ΤΩ ΑΓΙΟΥ ΣΤΕΦΑΝΩ ΤΩ ΝΕΩ), кровь св. Димитрія (ΑΙΜΑ ΤΩ ΑΓΙΩ ΔΗΜΗΤΡΙΩ) и мощи св. Θεодора (ΑΥΨΑΝΟΝ ΤΩ Θ(Ε)ΟΔΩΡ(Ω)). Не поименованныя мощи находятся въ промежуткахъ между рельефными пластинками и вообще размѣщены симметрично: продолговатая и круглая гнѣзда перемежаются

*) Краткое сообщеніе объ этомъ памятникѣ было помѣщено на стр. 173 «Арх. Изв. и Зам.».

съ розетками. По концамъ иконы вверху также должны были находиться мощи, такъ какъ врядъ ли образокъ здѣсь могъ быть прикрѣпленъ къ доскѣ гвоздемъ, вбитымъ въ центръ его.

Рельефныя пластинки представляютъ: свв. Петра и Павла, Иоанна, Матѳея и Марка, Θεодора Стратилата и несеніе Креста Симономъ.

Въ среднемъ квадратѣ въ центрѣ находится Распятіе—эмалью; по сторонамъ Святители: Іаковъ Братъ Господень (Ⓐ ΙΑΚΩΒΟΣ Ο ΑΔΕΛΦΟΣ ΘΕΟΥ), Григорій Богословъ (Ⓐ ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ Ο ΘΕΟΛΟΓΟΣ),—эмалью; подъ Распятіемъ также эмалью изображеніе Христа, лежащаго на платѣ, съ двумя Ангелами по сторонамъ. Надъ Распятіемъ—Успеніе Богородицы и по четыремъ угламъ четыре святителя: Василій, Николай, Іоаннъ Златоустъ и Аѳанасій;—всѣ пластинки изъ тонкаго золоченаго серебра. Три эмалевыя пластинки съ изображеніемъ Распятія и Святителей Іакова и Григорія Богослова представляютъ собственно выпуклыя бляхи, при чемъ двѣ изъ нихъ, имѣющія миндалевидную форму, разрѣзаны по сторонамъ для того, что бы ихъ можно было распластать и прикрѣпить на поверхности иконы.

Уже изъ этого голаго перечня отдѣльныхъ изображеній и сценъ видно, что составитель иконы имѣлъ подъ рукой самый разнообразный матеріаль, который ему надлежало соединить въ одно гармоническое цѣлое, но который никакъ не могъ уложиться въ строгую систему. Мы видимъ здѣсь всего трехъ Евангелистовъ, вмѣсто четырехъ; имѣемъ Распятіе въ прекрасномъ эмалевомъ изображеніи, а одну изъ сценъ Страстей на маленькой серебряной пластинкѣ, которой мѣсто отведено въ углу иконы. Она должна была бы находиться среди другихъ сценъ изъ Страстей Господнихъ, которыя обыкновенно изображаются по сторонамъ Распятія, въ тѣсной связи съ нимъ по мѣсту. Кромѣ того, мы находимъ здѣсь сцену Успенія Богородицы, которая если и встрѣчается на ряду съ Распятіемъ, то только какъ изображеніе праздника въ необходимой связи съ другими праздниками, которыхъ здѣсь, однако, нѣтъ. Принимая во вниманіе также и то обстоятельство, что одни изображенія эмалевыя, а другія чеканныя, что они соединены здѣсь весьма грубо и по правиламъ лишь одной симметріи, въ настоящей иконѣ нельзя видѣть памятника, возникшаго изъ предметовъ, изготовленныхъ по одному плану и для одной цѣли, а памятникъ сборный и возникшій случайно. Двѣ эмалевыя бляхи съ изображеніемъ святителей, равно какъ и Распятіе, должны были принадлежать, какъ на то указываетъ ихъ форма, какому нибудь окладу книги, сосуду, или иному предмету, гдѣ миндалевидная форма двухъ изъ нихъ стояла въ зависимости отъ мѣста помѣщенія; здѣсь-же эта форма должна была быть замаскирована

прибавками полосокъ орнамента. Очевидно, что сборъ иконы былъ произведенъ у мастера, который изготовилъ облицовку, грубый орнаментъ, идущій по бордюру рамы, а также и тѣ полоски орнамента, которыя окружаютъ эмали, замѣщая свободныя мѣста. Только разнообразною величиной предметовъ, которые нужно было размѣстить по узкимъ тябламъ иконы, можно объяснить себѣ, почему тремъ пластинкамъ лѣваго тябла отвѣчаютъ четыре на правомъ; почему въ соотвѣтствіе съ одной фигурой Θεодора Стратилата мы видимъ цѣлую сцену несенія Креста Симономъ. Поэтому, если эмалевая пластинка съ изображеніемъ покоющагося на платѣ Христа хорошо подошла по смыслу къ эмали съ Распятіемъ, то это должно считать за счастливую случайность, такъ какъ обѣ эмали различаются и по стилю, и по технике и принадлежатъ разнымъ временамъ.

Дѣйствительно, не только этотъ внѣшній распорядокъ изображеній указываетъ на сборный характеръ иконы, но и стиль изображеній и иконографическія подробности. Пластинки съ изображеніемъ Іоанна Златоуста, Аѳанасія и Николая—представляютъ совершенно однородныя по стилю и работѣ изображенія: погрудное изображеніе Святителя заключено въ кругъ, состоящій изъ бусинокъ съ такимъ же нимбомъ; широкія цвѣтуція лица безъ всякаго слѣда поздне-византійской дряблости, большіе широко раскрытые глаза, волосы на бородѣ и усахъ, кончающіеся завитками—все въ этихъ типахъ указываетъ на хорошую раннюю пору византійскаго искусства и близко напоминаетъ нѣсколько тяжелый характеръ рѣзьбы Максиміановой кафедры въ Равеннѣ. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ обычномъ типѣ, т. е. съ остроконечной бородой и широкимъ лбомъ, имѣетъ живое и выразительное лицо; прядь волосъ на лбу указываетъ, что типъ гораздо ранѣе тѣхъ типовъ Святителя, которые извѣстны въ XI в., когда онъ изображается лысымъ. То же самое должно сказать о типѣ Св. Николая и о типѣ третьяго Святителя; головы ихъ покрыты волосами и это сильно отличаетъ ихъ отъ лысыхъ типовъ Паноуплія Ватик. Библ. № 566, мозаикъ Палатинской капеллы и др. Напротивъ, близкое родство съ типами рукописи Космы Индикоплова выступаетъ довольно ярко. Всѣ прочія детали стиля и исполненія указываютъ на болѣе позднюю эпоху. Рѣзкій и тупой взглядъ, оплывшія щеки, тонкій носъ и маленькія губы—все это черты скорѣе X вѣка, чѣмъ вѣка рукописи Космы Индикоплова. Они очень ясно выражены на пластинкахъ изъ слоновой кости Національнаго музея въ Миланѣ (№№ 863—869) съ изображеніями сценъ изъ жизни св. Павла и св. Мины. Характеристика типовъ и внимательная работа, даже планы бороды, кончающейся тѣми-же завитками (идущими еще отъ

полной бороды античной скульптуры), какъ и на пластинкахъ иконы, не только указываютъ на одновременность возникновенія тѣхъ и другихъ памятниковъ, но и на школу, изъ которой они вышли. Какъ изображенія рельефныя, они имѣютъ сходство съ послѣдними лишь въ широтѣ овала и бодромъ видѣ лицъ. Прекрасныя правильнаго полуустава надписи на пластинкахъ Св. Іоанна Златоуста и св. Николая въ связи съ указанными чертами позволяютъ относить эти три изображенія къ IX—X вѣку. Что касается надписи у Аѳанасія, то легко видѣть, что она позднѣе самого изображенія; въ этомъ убѣждаетъ ея однородность съ надписями надъ мощами, и также и то обстоятельство, что ранѣе этой надписи была другая, которой слѣды на пластинкѣ остались до сихъ поръ: явственно видна буква Г, часть буквы О во второй строкѣ, О на другой сторонѣ; по типу Святитель сходится съ изображеніемъ Святителя Григорія Богослова на эмали, помѣщенной надъ нимъ и, очевидно, надпись была сбита и замѣнена другой для того, чтобы не повторить на иконѣ два раза изображеніе одного и того же Святителя. Изображеніе четвертаго Святителя Василя, нѣсколько испорченное, по аскетическому угрюмому морщинистому лицу, по техникѣ, дающей уже вмѣсто правильныхъ складокъ лишь грубую схему ихъ, можно отнести къ XII—XIII вѣку, съ чѣмъ будетъ согласенъ и самый характеръ надписи. Іоаннъ Златоустъ держитъ закрытую книгу и крестъ, форма котораго извѣстна еще въ V—VI в., напр., на хранительницѣ св. реликвій, присланной имп. Юстиномъ святой Редегундѣ, VI в. ¹⁾ Св. Николай не имѣетъ креста и благословляетъ двуперстно. Свв. Василій и Аѳанасій благословляютъ именовсловно и держатъ книги.

Къ иному стилю и къ иному времени принадлежатъ изображенія, расположенныя по тябламъ, Петра и Павла, Евангелистовъ, св. воина и несеніе Креста. Если они и представляютъ еще черты византійскаго стиля, то самая фактура, т. е. грубость и отсутствіе сухости въ фигурахъ, отдаляютъ ихъ отъ чисто византійскихъ произведеній и ставятъ на рубежѣ съ тѣми, которые въ XIII вѣкѣ распространяются въ Италиі.

Достаточно взглянуть на искаженный типъ длиннаго лица Ев. Марка, чтобы видѣть близость этого стиля къ произведеніямъ подобнаго рода.

Грубая надпись, битая острымъ орудіемъ послѣ изготовленія самой пластинки, ошибочно называютъ святыхъ и поэтому странно читать надпись АГ МАТΘΕОС рядомъ съ фигурой, не имѣющей обыкновеннаго атрибута Евангелиста—Евангелія; видѣть типъ, болѣе подхо-

¹⁾ *Garrucci*, Storia dell'arte cristiana, tav. 457, 2. Рис. см. у *Molinier*, *L'Emaillerie*, Paris, 1891, p. 31.

дящій къ типу Павла, переименованнымъ въ Іоанна, и наоборотъ, типъ Іоанна въ типъ Павла. У перваго написано на переплетѣ закрытой книги *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος*; у втораго, въ открытомъ Евангеліи: *εἶπεν ὁ κύριος τὴν παραβολήν*; вся эта путаница могла быть вызвана грубостью и малой типичностью фигуръ.

Образокъ Успенія Богородицы, прикрѣпленный надъ Распятіемъ, по нѣсколько удлинненнымъ фигурамъ и красотѣ лицъ, долженъ быть отнесенъ къ XI в. По сторонамъ Успенія представлены двое юныхъ мучениковъ съ крестами въ рукахъ, держащихъ правую руку ладонью къ зрителю. Богородица лежитъ со сложенными на груди руками на ложѣ; Христосъ, обращая къ ней лицо, держитъ душу Ея въ видѣ спелена-таго младенца; справа и слѣва къ нему подлетаютъ два Ангела, протягивая какъ бы для принятія души руки, покрытыя гиматіемъ. Апостолы стоятъ по сторонамъ, Петръ кадитъ, Іоаннъ стоитъ въ позѣ плачущаго, приложивъ руку къ щекѣ; справа видна надпись: *Η ΚΥΜΗCΙC ΘΚΘ* (*ἡ κοίμησις Θεοτόκου*) Изображеніе уготованнаго престола надъ Успеніемъ, посрединѣ орнамента, изображеніе двухъ Ангеловъ съ мѣрилами по угламъ образка и многія частности композиціи Успенія объясняются на основаніи апокрифовъ, вошедшихъ въ составъ *сказанія Іоанна Богослова объ Успеніи Пресвятыя Богородицы*. Апостолы, окружающіе тѣло Богородицы, слетѣлись, по этому сказанію, на облакахъ изъ разныхъ странъ міра; Христосъ на тронѣ херувимскомъ появляется въ сопровожденіи Ангеловъ и послѣ разговора съ Маріей беретъ ея душу, послѣ чего Богородица умираетъ ²⁾. По сказанію Мелитона, Христосъ вручилъ душу Богородицы Архангелу Михаилу, такъ что эта подробность на образкѣ должна быть отнесена на счетъ послѣдняго сказанія ³⁾; другія же частности, какъ, напр., что Петръ кадитъ, а Павелъ и Θома — одинъ обнимаетъ ноги Богородицы, другой склоняется къ ней — должно быть отнесено на счетъ перваго сказанія, такъ какъ въ немъ говорится, что Христосъ приказалъ Петру пѣть похвальную пѣснь, и Петръ вмѣстѣ съ Павломъ, Іоанномъ и Θомой обняли ноги усопшей.

Въ виду того обстоятельства, что оба сказанія возникли очень рано, одно около II вѣка, другое III — IV в., композиція Успенія, появившаяся не ранѣе VII — VIII вѣка, т. е. послѣ установленія празд-

2) „Βάλετε θυμίαμα, ὅτι Χριστὸς ἔρχεται μετὰ στρατιάς ἀγγέλων. Καὶ ἰδοὺ παραγί- νεται Χριστὸς, καθήμενος ἐπὶ θρόνου χερουβίμ.“

.....Καὶ τοῦ κυρίου ἀπλώσαντος τὰς ἀχρᾶν τοὺς αὐτοῦ χεῖρας ἐδέξατο τὴν ἀγίαν καὶ ἄμωμον αὐτῆς ψυχὴν“. (Tischendorf. *Apocalypses apocryphae*. 1866, p. 109). Латинскій текстъ, *ibid*, pag. 117.

3) А. И. Кирпичниковъ, *Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ* (отд. оттискъ изъ трудовъ VI Арх. Съезда въ Одессѣ, стр. 192, 194).

ника Успенія Императоромъ Маврикиемъ (582—602), должна была заключать уже эти апокрифическія подробности, такъ какъ въ каноническихъ Евангеліяхъ на этотъ счетъ никакихъ указаній нѣтъ ⁴⁾. Въ силу этого обстоятельства Отцы Церкви, какъ Косьма Маюмскій, монахъ Епифаній, Андрей Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ и др. передаютъ черты апокрифическихъ сказаній. Для сужденія о самомъ образкѣ нѣкоторую важность представляетъ изображеніе кувшина съ водой, стоящаго въ чашѣ, подъ ногами Богородицы; въ сказаніи ничего не говорится на счетъ этой подробности и она должна быть отнесена къ тому разряду натуралистическихъ чертъ, которыя въ большомъ обилии пробиваются въ византійскомъ искусствѣ въ XI—XII вѣкѣ; вода въ кувшинѣ есть та вода, которую при положеніи тѣла на ложе, ставятъ подъ него для омовенія души; на таблѣ Равеннской Библіотеки вѣка IX-го этой подробности нѣтъ. Миловидность фігурокъ, ихъ улыбающіяся лица и особенно стройныя фігурки двухъ мучениковъ по сторонамъ, сближаютъ эту пластинку съ лучшими произведеніями византійскаго искусства.

Эмалевое Распятіе чрезвычайно тонкой выдѣлки даетъ изображеніе Распятаго въ нѣсколько изогнутомъ положеніи и со склоненной головой; по сторонамъ — налѣво двѣ Маріи, направо — плачущій Іоаннъ и изумленный Лонгинъ; на Голгоѣѣ Адамова голова, а надъ крестомъ четыре летящихъ полуфігуры Ангеловъ. Этотъ переводъ Распятія передаетъ моментъ смерти Христа на крестѣ и, начиная съ XI вѣка, замѣняетъ собою Распятіе съ Христомъ, у котораго открыты глаза и не обвисло тѣло. Вплоть до X вѣка надъ Распятіемъ обыкновенно видны солнце и луна, какъ, напр., въ Сирійскомъ Ев., въ рукописи Григорія Назіанзена № 510 Париж. Нац. Библ., IX в. и др., и, наоборотъ, на дверяхъ ц. св. Павла „внѣ стѣнъ Рима“, во фрескахъ ц. св. Урбана (въ Римѣ) — солнца и луны нѣтъ, а вмѣсто нихъ Ангелы; во фрескахъ ц. св. Марка въ Венеціи надъ Распятіемъ изображено шесть летящихъ Ангеловъ ⁵⁾. Вообще присутствіе плачущихъ Ангеловъ указываетъ на измѣненіе торжественнаго характера Распятія на страдальческій. Апокрифическіе источники, какъ напр., *Narratio Iosephi*, говорятъ о присутствіи миллиарда Ангеловъ въ то время, когда Христосъ висѣлъ распятымъ на крестѣ ⁶⁾, а апокрифическіе *Акты Пилата* говорятъ о появленіи безчисленныхъ Ангеловъ послѣ смерти Христа, возвѣстившихъ Его сошествіе въ адъ ⁷⁾. Также точно изображеніе текущей крови изъ прободен-

4) А. И. Кирпичниковъ, ук. ст., стр. 192.

5) Rahault de Fleury, *L'Évangile*, I, LXXXV I, 1; LXXXVIII, 1 и 4, LXXXIX, 1 и XC, 1.

6) Tischendorf, *Evangelia apocrypha*, Lipsiae 1876, p. 465.

7) Tischendorf, *Ibid.*, см. *Ἀναφορά Πιλάτου*, p. 362.

наго ребра появляется позднѣе X вѣка, что соотвѣтствуетъ перемѣнѣ изображаемаго момента, ибо Христосъ изображается уже умершимъ ⁸⁾).

На раннихъ памятникахъ крови, текущей изъ ребра Христова, не изображается, равно какъ нѣтъ изображенія и Адамовой головы, о которой апокрифы сложились также сравнительно поздно; въ раннихъ апокрифическихъ Евангеліяхъ, актахъ Пилата и пр. ничего не говорится объ Адамовой головѣ и, напротивъ, сказаніе о ней очень распространено въ средневѣковыхъ легендахъ; надо полагать, во всякомъ случаѣ, что легенда эта была извѣстна на Востокѣ и въ Іерусалимѣ ранѣе XIV ст. ⁹⁾, такъ какъ дьяконъ Игнатій, путешествовавшій отъ Москвы до Царьграда (1391 г.), уже видѣвшій ее, говоритъ: „а съ правую сторону греческія службы на палатѣхъ Голгоѳа, зовомое Лобное мѣсто, гдѣ распяша окаянныя Іудеи Господа нашего Іисуса Христа: тамо есть *Адамля голова*“ ¹⁰⁾. На памятникахъ искусства Адамова голова появляется только съ XI в., и потому эмаль не можетъ быть ранѣе этого времени. Вообще же помѣщеніе Адамовой головы на Голгоѳѣ вытекаетъ изъ того апокрифическаго разсказа, по которому Христосъ былъ распятъ на томъ деревѣ, которое выросло изъ главы Адамовой ¹¹⁾. Интересно, что Богородица держитъ въ лѣвой рукѣ бѣлый платочекъ, а правую руку, окутанную въ мафорій, подноситъ къ струѣ крови, текущей изъ ребра Христа. На эмали изъ собранія г. Звенигородскаго болѣе поздней, чѣмъ описываемая ¹²⁾, кровь собираетъ въ кантаръ одна изъ Магдалинъ (образъ церкви). На этой эмали видны двое ангеловъ надъ крестомъ, Адамова голова подъ крестомъ и Христосъ имѣетъ нѣсколько опустившееся тѣло.

Эмаль на нашей иконѣ еще довольно яркихъ цвѣтовъ; крестъ синій, тѣло Христа мутно-розовое, какъ и лица у всѣхъ, стоящихъ по сторонамъ Христа; перекрестье нимба алое; борода, волосы и глаза у Христа черные; лентіонъ бѣлый; у Іоанна также черные волосы, черные глаза, зеленый нимбъ, голубой гиматій, испещренный синими зигзагами для выраженія складокъ, хитонъ красный съ лазурными складками; у

⁸⁾ Mallonius, *Historia Admiranda Jesu Christi* etc., p. 13., Извѣстно привезеніе изъ разныхъ мѣстъ восточной Греціи въ 1205 году на Западъ Европы крови Господней; нахожденіе ея приписывается Генриху II Мантуанскому. На изображеніяхъ Распятія иногда кровь собираетъ церковь въ видѣ женской фигуры, поэтому изображеніе крови, текущей изъ ребра, можетъ стоять въ зависимости отъ ея почитанія.

⁹⁾ Объ Адамовой пещерѣ внутри Голгоѳы см. Tobler, *Itinera Hierosolymitana* I, 58, 151; о краниевомъ мѣстѣ (лобномъ), получившемъ названіе будто отъ лобной кости Адама, найденной здѣсь, см. Георгія Амартола въ Правосл. Палест. Сборн., выпускъ 16-й, стр. 28, 29.

¹⁰⁾ Сахаровъ, *Сказанія русскаго народа*, II т., VIII, 105.

¹¹⁾ Кушелевъ-Безбородко, *Памятники старинной русскаго литературы*, вып. 3, стр. 8.

¹²⁾ Schulz, *Der byzantinische Zellenschmelz*. Frankfurt a. M. 1890, Taf. 13.

Лонгина — бѣлая головная накидка, перья панциря голубыя, а самый панцирь желтый; яйцевидный щитъ состоитъ изъ синей и бѣлой полосъ, огибающихъ внутреннее сердечко, въ которомъ сидитъ на красной вѣточкѣ зеленый попугай, штаны узорные съ бѣлыми полосками и синими полукругами, сапожки голубые, плащъ лазурный съ желтыми сердечками; Богородица въ синемъ мафоріи, изъ подъ котораго виденъ бѣлый чепецъ, платье лазоревое, нимбъ темнозеленый въ соотвѣтствіе къ нимбу Іоанна. У Магдалины, стоящей позади нея, лазоревый мафорій и пепельно-голубой хитонъ, нимбъ голубой въ соотвѣтствіе къ голубому нимбу Лонгина; Ангелы въ пепельно-голубыхъ хитонахъ и синихъ гиматіяхъ, имѣютъ зеленые нимбы; буквы ІС ХС бѣлыя, Н СТАΥΡΟСΗС (т. е. *η σταύρωσις*) — синія.

Тончайшія перегородки эмали, разнообразіе и сохранность эмалеваго состава, роскошь орнаментаціи на вооруженіи Лонгина, указываютъ на то, что пластинка представляетъ одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній эмальернаго византійскаго мастерства. Къ этимъ техническимъ особенностямъ присоединяется и чрезвычайно тонкая художественность въ исполненіи фигуръ. Ихъ настроеніе запечатлѣно той печалью, которая далека еще отъ всего изувѣрскаго и чрезмѣрнаго. Эта печаль идеальна: фигуры скорѣе грустны и тихо страдаютъ. Ихъ спокойныя позы, склоненныя головы лишены всякой порывистости, и по нимъ еще нельзя себѣ представить перехода къ той драмѣ, которая разыграется у креста въ картинахъ эпохи Возрожденія. Одна фигура Лонгина, который изумляется чуду въ природѣ, вноситъ свѣжую струю въ общее настроеніе печали. Не даромъ византійское искусство съ любовью останавливается на этой фигурѣ и опускаетъ очень часто двухъ разбойниковъ. Въ фигурѣ сотника дается ясный образъ увѣровавшаго христіанина, образъ поучительный и выразительный, между тѣмъ какъ распятія тѣла двухъ разбойниковъ лишь преувеличиваютъ смыслъ драмы. Византійское искусство искало и находило наиболѣе экспрессивныя и художественныя фигуры для своихъ композицій.

Одновременны ей и совершенно схожи по исполненію двѣ эмалевыя бляхи съ изображеніями святителей — Іакова брата Господня и Григорія Богослова; оба они сѣдые, глаза имѣютъ черные; у обоихъ синія фелони, бѣлые омофоры и пепельно-голубые саккосы; у Григорія Богослова подъ фелонью желтый набедренникъ, въ рукѣ голубая закрытая книга; Іаковъ стоитъ на зеленой травѣ съ синими вѣточками и красными цвѣточками и держитъ обѣими руками бѣлый свитокъ. Ихъ сѣдина, впадающая въ зеленый цвѣтъ, рѣзкое выраженіе глазъ и иконописная поза не выдвигаютъ ихъ изъ числа извѣстныхъ эмалевыхъ изображеній.

Ниже Распятія прикрѣплено эмалевое изображеніе Христа, лежащаго на платѣ, украшенномъ сердечками (кѣрами), тремя полосами и зелеными и красными точками. Разрушеніе эмали, происшедшее отъ перелома пополамъ пластинки, позволяетъ видѣть, что она была перегородчатая, что перегородки были припаяны къ основѣ. Форма тѣла Христа заключена въ толстый контуръ, который со стороны нимба, средней части тѣла и ногъ, скрѣпленъ такими же толстыми жгутиками, образующими узорныя полосы плата. Эти толстые контуры нужны были потому, что приходилось заполнить эмалью и фонъ, и весь фонъ плащаницы. Такимъ образомъ, эмаль эта имѣетъ лишь внѣшнее сходство съ родомъ выемчатой и по существу сходится съ эмалью на иконѣ изъ монастыря Джумати (на Кавказѣ) съ изображеніемъ двухъ Архангеловъ ¹³⁾ XIII—XIV в., а также съ эмалью на иконѣ изъ коллекціи Базилевскаго въ Императорскомъ Эрмитажѣ, представляющей св. Теодора. Въ позднемъ происхожденіи эмали убѣждаетъ еще и способность ея къ быстрому разрушенію, а также и самый сюжетъ, весьма рѣдкій въ христіанской иконографіи. Христосъ со сложенными ниже груди руками, опоясанный въ лентіонъ, лежитъ на плащаницѣ; два Ангела, въ позѣ моленія, на маленькихъ отдѣльныхъ пластинкахъ, предстоятъ по сторонамъ; надпись: *Χριστός πρόκειται κοιμίζεται θεός*, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь Христа, который былъ „тридневенъ“ въ гробѣ. Среди сценъ Страстей Христовыхъ мы нигдѣ не находимъ сценъ въ этомъ переводѣ; (мнѣ неизвѣстна совершенно эта сцена среди миниатюръ рукописей, обыкновенно иллюстрирующихъ текстъ Евангелія; укажу примѣръ подобной композиціи на иконѣ монастыря Хопи въ Грузіи XIII, XIV в. Христосъ на платѣ лежитъ, имѣя руки вдоль тѣла; въ верхней части иконы Распятіе. *Кондаковъ и Бакрадзе*, Опись памятн. древности Грузіи, стр. 89); всегда изображается круглый храмикъ (пещера), который стерегутъ воины, такъ какъ въ немъ покоится тѣло Христа; появленіе же разбираемой композиціи должно быть связано съ обрѣтеніемъ и почитаніемъ того плата, или синдона, въ который былъ завернутъ Христосъ и на которомъ отобразилось его лице и все тѣло; на западѣ извѣстны два синдона, одинъ въ Туринѣ, сохраняющійся и теперь, а другой въ Безансонѣ, разрушившійся въ прошломъ столѣтіи; оба синдона даютъ тоже изображеніе Христа со сложенными руками и опоясаннаго въ лентіонъ, что и на разбираемой эмали. Готфридъ Бульонскій въ 1099 году нашель синдонъ въ Іерусалимѣ, который затѣмъ наследственнымъ образомъ достался

¹³⁾ Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, *Русскія древности*, вып. IV, Спб. 1891, рис. 79.

Турину ¹⁴⁾ (около 1453 г.). Любопытно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что Христосъ не обернуть въ плащаницу, а лишь въ лентонъ, т. е. въ ту одежду, которую на Него одѣли предъ Распятіемъ; для иконографіи сюжета это важно въ томъ смыслѣ, что мы имѣемъ здѣсь не тѣло Христа, погребенное и завернутое въ плащаницу, а изображеніе плащаницы, на которой отображено тѣло Христа.

На иконѣ, такимъ образомъ, мы имѣемъ изображенія, происходящія отъ различныхъ временъ, отъ IX—X по XII—XIII вѣка. Поэтому не будетъ ошибочнымъ признать сборъ иконы и приведеніе ея въ тотъ видъ, въ которомъ она существуетъ въ XII или XIII вѣкѣ. Большинство предметовъ на этой иконѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ на боковыхъ тяблахъ ея рамы, равно какъ и мощи, представляютъ родъ тѣхъ предметовъ, ввозъ которыхъ въ Италію и вообще въ Европу особенно усилился со времени крестовыхъ походовъ и паденія Византійской имперіи.

Извѣстія о ввезенныхъ въ Европу съ востока св. мощахъ, между которыми упоминаются и мощи св. Димитрія, Θεодора, Іоанна Златоуста, Іоанна Предтечи и др., о серебряныхъ предметахъ, украшенныхъ золотомъ и драгоценными камнями и „болѣе драгоценными, чѣмъ золото и камни, св. мощами“, и о другихъ предметахъ съ изображеніями святыхъ, во множествѣ сохранились въ лѣтописяхъ старинныхъ церквей и монастырей Европы ¹⁵⁾.

Такіе памятники, какъ рала д'ого церкви св. Марка въ Венеціи, сборный эмалевый окладъ Евангелія Сиенской Библіотеки — подтвержда-

¹⁴⁾ Mallonius *Historia admiranda* etc., p. 24 — 25. Исторія св. плащаницы съ образомъ Христа чрезвычайно темна; о св. синдонѣ говорится въ Евангеліяхъ: у Маттея гл. XXVII, ст. 59; у Марка XVI, 46; у Луки XXIII, 53; у Іоанна XIX, 40; упоминается также и въ апокрифахъ, гдѣ, однако, слову синдонъ усвоивается понятіе убруса, на которомъ отобразилъ свое лице Христосъ во время пути къ Голгоѣ—для Вероники (Tischendorf, *Evangelia apocrypha*, Acta Pilati, p. 482). Іоаннъ Златоустъ, Никифоръ Каллистъ говорятъ о sudarium, который былъ на головѣ Христа во время погребенія вмѣстѣ съ прочими одеждами, но ничего не говорятъ объ образѣ, изображенномъ на немъ; св. Аѳанасій говоритъ, что образъ на синдонѣ былъ изображенъ Никодимомъ, что пронзенный Іудеями, онъ далъ воду и кровь, и что именно этотъ образъ чудеснымъ образомъ явился въ Латеранской Базиликѣ, какъ явствуетъ изъ *Breviarium Romanum*: „Die IX Novembris“. По разсказу того-же Аѳанасія одинъ благочестивый еврей Гамалиль, по Воскресеніи Христовомъ, сохранилъ этотъ синдонъ и передалъ своимъ сыновьямъ, который долгое время хранился между вѣрующими, затѣмъ былъ перенесенъ изъ Іерусалима въ Сирію; Готторидъ Бульонскій опять засталъ его, однако, въ Іерусалимѣ. См. у Mallonius, *op. cit.*, гл. II *Alphonsi Palleoti sacrae Syndonis explicatio*, p. 24. 27 и слѣд. Что синдоны были и въ другихъ мѣстахъ восточной Греціи указывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, наприм., въ 1205 г. изъ Тира, Анконы и др. мѣстъ привезены были въ Саксонію въ числѣ многихъ предметовъ также часть *de syndone et de sudario Domini*. (*P. de Rian*, *Exuvia sacra Constantinopolitana*, т. I, гл. II, p. 19).

¹⁵⁾ *Exuvia Constantinopolitana*. Т. I, гл. II, стр. 22—34; III, VI, стр. 25 и др.

БИБЛИОТЕКА
гип. И. в. Криводеческой
и Музейной работы

1.

2.

ИСТИННО
НАСЛЕДИЯ

ють эти извѣстія. Многочисленныя сборныя иконы монастырей и церквей Грузіи показываютъ, что способъ собиранія иконъ изъ различныхъ памятниковъ былъ самымъ обыкновеннымъ способомъ въ древности ¹⁶⁾. Сборныя иконы существовали на всемъ востокѣ. Икона изъ собранія графа Григ. Серг. Строганова принадлежитъ къ числу такихъ же памятниковъ.

Д. Айналовъ.

II

Серебряная туалетная шкатулка польской королевы Екатерины Гонзаго.

Недавно извѣстный въ Москвѣ антикварный торговецъ г. С—ъ, приобрѣлъ серебряную золоченую туалетную шкатулку (coffret), фототипическое изображеніе которой съ разныхъ сторонъ прилагается къ настоящей статьѣ на табл. II и III *). Шкатулка эта, возбуждая много толковъ среди любителей древностей, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ по оригинальности своего стиля, такъ и по своей претензіи на историческое значеніе: шкатулка украшена сверху польско-литовскимъ гербомъ, а съ боку рельефнымъ портретомъ польской королевы Екатерины Гонзаго, третьей жены Сигизмунда II Августа (1548—1572) — послѣдняго короля изъ рода Ягеллоновъ. Вокругъ портрета королевы находится надпись: Catharina D. G. Pol. Regina, т. е.: „Катерина Божіей милостью королева польская“. Такого рода надпись указываетъ на то, что вещь эта составляла собственность королевы, и сдѣлана была при жизни королевы. Екатерина Гонзаго стала супругой Сигизмунда въ 1553 году, а уже въ 1567 году король съ ней развелся, вслѣдствіе ея болѣзни — эпилепсіи; вскорѣ послѣ развода королева умерла въ Линцѣ. Намъ извѣстна еще бронзовая медаль, отлитая въ 1561 году, также съ портретомъ Екатерины Гонзаго и съ подобной же надписью. Оба предмета напоминаютъ о королевѣ, которая никакой исторической роли не играла. Однако медаль эта заподозривается въ подлинности. Оба портрета представляютъ сходство, такъ что безспорно изображаютъ одно и то-же лицо — небольшая

¹⁶⁾ Кондаковъ и Бакрадзе. Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи. Спб. 1890.

*) Рис. 1-й на табл. II сдѣланъ въ $\frac{1}{2}$ нат. величины.

разница замѣчается только въ поворотѣ фигуры. Такимъ образомъ, судя по изображенію и надписи шкатулка относится ко второй половинѣ XVI вѣка. По первому взгляду форму шкатулки и стиль украшеній можно отнести къ той-же эпохѣ, т. е. ко времени полного разцвѣта италіанскаго ренессанса; но, вглядываясь пристальнѣй въ подробности, можно замѣтить двойственность въ характерѣ техники и изображеній: головки драконовъ, женскія фигурки-каріатиды, ящерицы отличаются художественнымъ выполненіемъ и прекрасной техникой; рельефныя же женскія фигурки на крышкѣ, по сторонамъ герба указываютъ на полное непониманіе пропорцій тѣла и на шаблонность техники; точно также орнаменты съ боку шкатулки значительно новѣе XVI вѣка. Чистымъ „барокко“ отзываются фигурки купидоновъ, неумѣстно помѣщенные на срединѣ ручки — тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о XVI столѣтіи: очевидно эти фигурки взяты съ другой вещи, и прежде въ рукахъ купидоновъ были какіе-то предметы, быть можетъ, стрѣлы, такъ какъ въ рукахъ сохранились отверстія. Задвижки двустворной крышки, въ формѣ сфинксовъ, отличаются грубостью и новизной работы. Позолота снаружи нѣсколько потерта, но внутри сохраняетъ весьма подозрительную свѣжесть. На днѣ шкатулки оттиснуто два раза клеймо, опредѣлить которое намъ не удалось, а потому изображение его помѣщается здѣсь. Такое различіе въ стилѣ украшеній и въ техникѣ указываетъ, по нашему мнѣнію, прежде всего на сборный характеръ самой вещи; что же касается до мѣста, гдѣ произошла фабрикація этого предмета, то мѣсто это можно предположить съ большимъ вѣроятіемъ никакъ ни въ Германіи, а въ Италіи, и скорѣй всего во Флоренціи; на этотъ городъ указываетъ не только общій характеръ стиля, но и обработка нѣкоторыхъ деталей, какъ напр. *ящерицъ* и головъ драконовъ. Замѣтная потертость позолоты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ наружныхъ сторонъ шкатулки и впечатлѣніе мягкости въ поверхности многихъ частей служатъ доказательствомъ, что фабрикація этой вещи произведена уже довольно давно. Къ установленію болѣе точной даты этой шкатулки является на помощь случайно указанный намъ рисунокъ нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала — „Gewerbehalle“ 1887 года, гдѣ въ 9-й тетради изображена подобная же серебряная шкатулка и также съ портретомъ Екатерины Гонзаго, принадлежащая директору Эберле (Häberle) въ Ганноверѣ. При первомъ взглядѣ на этотъ рисунокъ можно признать въ общемъ стиль и въ техникѣ близкое родство этой шкатулки (названной, впрочемъ, — „Schreibzeug“) съ описанной нами шкатулкой: та-же вычурность украшеній, то-же смѣшеніе стилей и почти тотъ-же портретъ королевы

4.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. К. Маркса
и др. в г. Ленинград

съ той-же надписью — очевидно обѣ эти вещи сработаны одной рукой. Къ счастью, орнаменты на стѣнкахъ ганноверской шкатулки такъ ярко выражаютъ стиль „рококо“, что мы можемъ не колеблясь, отнести ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ силу совершенно законной аналогіи, по нашему мнѣнію, той же даты заслуживаетъ и наша шкатулка. Портретъ Екатерины Гонзаго въ такомъ изобиліи появляющійся на разныхъ вещахъ, подтверждаетъ наше мнѣніе объ изготовленіи этихъ вещей въ Италіи, гдѣ имя мантуанской династіи Гонзаго было весьма популярнымъ въ эпоху Возрожденія — по своему культурному значенію. Въ XVIII вѣкѣ эти вещи могли изготовляться съ цѣлью сбыта ихъ въ средѣ польскихъ магнатовъ, среди которыхъ любовь къ роскоши въ это время была характернымъ явленіемъ ихъ общественной жизни.

В. Сизовъ.

III

Засѣданія IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ.

Засѣданіе Совѣта 31 іюля 1893 г.

Засѣданіе было открыто въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніи Виленской Публичной Библіотеки, подѣ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, при секретарѣ засѣданія И. А. Линниченко и въ присутствіи депутатовъ, прибывшихъ на Съѣздъ.

Въ предсѣдатели Съѣзда была избрана единогласно графиня П. С. Уварова. Въ секретари Съѣзда были приглашены: Ю. А. Кулаковскій, М. И. Соколовъ. Предсѣдателемъ распорядительнаго комитета Съѣзда избранъ Ю. О. Крачковскій; въ члены распорядительнаго комитета Ф. Н. Добрянскій, А. С. Долинскій, Л. М. Слезкинъ, О. В. Покровскій, А. И. Маркевичъ, П. И. Яхонтовъ, М. А. Бржезинскій.

Затѣмъ были избраны предсѣдателями отдѣленій: I. В. Б. Антоновичъ, II. А. И. Павинскій, III. Н. В. Покровскій, IV. Н. И. Веселовскій, V. Н. И. Петровъ, VI. А. И. Кирпичниковъ, VII. О. И. Успенскій, VIII и IX. Т. Д. Флоринскій, X. В. Н. Сторожевъ.

Въ секретари отдѣленій были приглашены: I. В. З. Завитневичъ, II. М. Н. Бережковъ, III. О. В. Покровскій, IV. С. М. Середонинъ, V. Н. И. Троицкій, VI. Х. П. Ящуржинскій, VII. Ю. А. Кулаковскій, VIII и IX. И. А. Линниченко, X. Н. О. Бѣляшевскій.

Предсѣдателемъ ученаго комитета Съѣзда былъ избранъ О. И. Успенскій. Прочитана была программа открытія Съѣзда 1 августа.

Открытие Съезда 1 августа.

1 Августа, въ 4 часа, въ домово́й церкви виленскихъ среднеучебныхъ заведеній было молебствіе, совершенное архіепископомъ Донатомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ актовомъ залѣ 1-й виленской гимназіи состоялось открытіе Съезда, въ присутствіи начальника края сенатора П. В. Оржевскаго и многихъ представителей мѣстной администраціи. Съѣздъ былъ открытъ краткою рѣчью начальника края послѣ чего председатель Съезда гр. П. С. Уварова доложила телеграмму Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича съ извѣщеніемъ о дарованіи Государемъ Императоромъ Съѣзду 5000 р., а Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 2000 р. на изданіе трудовъ Виленскаго Съезда. Затѣмъ гр. П. С. Уварова прочла привѣтствіе Съѣзду отъ Почетнаго Предсѣдателя Виленскаго Археологическаго Съезда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича. Послѣ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи попечителя учебнаго округа т. с. Н. А. Сергѣевского, былъ прочтенъ Предсѣдателемъ Съезда отчетъ Предсѣдателя предварительнаго комитета IX Археологическаго Съезда. Упомянувъ о пользѣ и развитіи археологическихъ Съездовъ, графиня П. С. Уварова сообщила о дѣятельности комитета, собравшагося впервые въ январѣ 1891 г. въ Москвѣ:

Комитетъ имѣлъ три засѣданія, въ которыхъ: а) сформировался комитетъ московскаго археологическаго Общества, б) признано необходимымъ образовать филиальныя отдѣленія въ Вильнѣ и другихъ губернскихъ городахъ западнаго края, в) записаны вопросы и запросы, обсужденіе и разработка которыхъ признаны желательными во время Съезда, г) рѣшеніе вопроса о выставкѣ и д) выслушаны мнѣнія проф. Кояловича о предметахъ древности въ Западно-Русскомъ краѣ, Ѳ. В. Покровскаго о разработкѣ древностей края, Е. Р. Романова о неудовлетворительности археологическихъ изслѣдованій, письмо проф. Завитневича о характерѣ могильниковъ края, заявленіе уральскаго общества любителей естествознанія о сохраненіи древнихъ памятниковъ и проф. Павлова о составленіи комментарій къ изданіямъ кн. Оболенскаго о древне-литовской мифологіи. Предварительнымъ комитетомъ выработаны правила Съезда, утвержденныя по ходатайству попечителя округа Н. А. Сергѣевского, г. министромъ Народнаго Просвѣщенія. Осенью 1891 г. сформировалось Виленское Отдѣленіе комитета. Къ содѣйствію по устройству Съезда приглашены были всѣ мѣстные губернаторы, предводители дворянства, епископы православные и католическіе, духовенство и помѣщики, которые, по мнѣнію комитета, должны были имѣть архивы и коллекціи, каковы: князья Огинскіе, Сангушки, Радзивиллы, графы: Тышкевичи, Плятеры, Чапскіе, Замойскіе. Обращено вниманіе на коллекціи въ Галиціи, Богеміи и на границахъ Пруссіи. Составлены при содѣйствіи П. Н. Милокова, И. А. Линниченко, Н. А. Янчука, В. И. Сизова и гр. Уваровой записки о

замкахъ западнаго края и при содѣйствіи К. М. Быковскаго записка объ архитектурныхъ памятникахъ края. Разослано многимъ правительственнымъ и частнымъ лицамъ около семи тысячъ экземпляровъ вопросныхъ пунктовъ по собиранію свѣдѣній о памятникахъ древности каменнаго и бронзоваго вѣка. Приглашены къ содѣйствію трудамъ Съѣзду профессора, ученые и любители, числомъ 172.

Кромѣ того, обращено вниманіе на желательность ихъ усиленія библиографическаго указателя русскихъ и польскихъ источниковъ, касающихся исторіи, археологіи и этнографіи западныхъ губерній; на необходимость изученія *лѣтописнаго списка*, сохраненнаго въ варшавской библіотекѣ гр. Замойскихъ и на важное значеніе изученія и возобновленія древнихъ храмовъ края съ ихъ архитектурою и живописью.

Систематизируя далѣе все, что было сдѣлано комитетомъ для организаціи Съѣзда, гр. П. С. Уварова указала на полученные результаты по всѣмъ вопросамъ и запросамъ.

Выразивъ сожалѣніе по поводу нѣкоторыхъ неудачъ, выразившихся въ отказахъ нѣкоторыхъ лицъ, къ которымъ комитетъ обращался, какъ напримѣръ, въ отказѣ графа К. Замойскаго оказать содѣйствіе въ изученіи *лѣтописнаго списка*, предсѣдатель перешелъ къ исчисленію лицъ, предложившихъ свои услуги Съѣзду.

Такъ проф. А. Ѳ. Мѣржинскій предлагаетъ вопросы для Съѣзда, проф. А. П. Павинскій разработалъ вопросъ о составленіи этнографической карты Царства Польскаго, Н. П. Авенаріусъ резюмируетъ свои взгляды о дрогичинскихъ древностяхъ, графъ Флери сообщаетъ о раскопкахъ, Брезе представляетъ отчетъ о раскопкахъ; помѣщикъ Чудовскій предлагаетъ раскопки въ своемъ имѣніи, князь Радзивиллъ, графъ Э. Чапскій и князь Сангушко предлагаютъ свои коллекціи для выставки; пасторъ Билленштейнъ предлагаетъ разработку вопросовъ присланныхъ Комитетомъ; докторъ Пичъ изъ Праги предлагаетъ модели могилъ Чехіи и Моравіи, Давидъ Запольскій возбуждаетъ вопросъ объ основаніи археологическаго Общества въ Западномъ краѣ, проф. Завитневичъ производитъ раскопки, проф. В. Б. Антоновичъ относится вообще къ Съѣзду тепло и сочувственно и предлагаетъ рядъ раскопокъ.

Не утруждая затѣмъ чтеніемъ объемистаго списка сотрудниковъ и помощниковъ Комитета, предсѣдатель заявляетъ, что справедливость требуетъ чтобы изъ всѣхъ сотрудниковъ были названы съ особеннымъ уваженіемъ три лица, которыя поработали для Съѣзда болѣе другихъ и ожидали его, какъ свѣтлаго праздника для Западной Руси; лица эти: А. М. Семеновскій, А. П. Тыртовъ и Ю. Ѳ. Крачковскій, изъ которыхъ первые двое не дожили до Съѣзда.

Изъ лицъ официальныхъ и правительственныхъ учреждений оказали особенное содѣйствіе комитету: попечитель виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій, могилевскій губернаторъ А. С. Дембовецкій, Императорская Археологическая Комиссія, Археологическій Институтъ, Археографическая Комиссія.

Въ заключеніе предсѣдатель обращаетъ вниманіе на литературную дѣятельность, вызванную вопросами Съѣзда въ ученомъ мірѣ и среди отдѣльныхъ лицъ.

Тверская архивная комиссія издала изслѣдованіе прот. Успенскаго о литовскихъ пограничныхъ городкахъ. Могилевскій губернаторъ издалъ дневникъ курганныхъ раскопокъ Фурсова и Чолоковскаго. Общество Нестора лѣтописца разработало вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ, Довнаръ-Запольскій издалъ очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в., Г. Х. Татуръ напечаталъ очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи. Священникъ Будиловичъ напечаталъ два изслѣдованія о холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери и о Малавской Параскевievской церкви. Н. И. Теодоровичъ приготовилъ описаніе приходовъ и церквей Волынской епархіи, священникъ Горбачевскій издалъ книгу „Русскія древности Холмско-Подляшской Руси“. Е. Орловскій напечаталъ изслѣдованіе г. Гродны. Е. Θ. Карскій—изслѣдованіе бѣлорусскаго нарѣчія, В. К. Струкались—Бѣлоруссія и Литва.

Наиболѣе серьезно и добросовѣстно отнеслась къ дѣлу виленская комиссія по разбору древнихъ актовъ, персоналъ которой, входя въ составъ отдѣленія комитета Съѣзда, или скорѣе, ставъ во главѣ ея, направилъ свою дѣятельность къ разъясненію историческихъ и топографическихъ данныхъ, которыя могли бы послужить необходимымъ подспорьемъ для изученія края или служить продолженіемъ работъ, намѣченныхъ Съѣздомъ. Два тома этихъ матеріаловъ о Копныхъ судахъ и о внутреннемъ бытѣ западнаго русса XVI ст. и старая Вильна явились результатомъ работъ комиссіи.

Та же комиссія составила и издала особой книгой „Виленское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета Съѣзда“. Труды эти составляютъ чрезвычайно пріятное явленіе, должны радовать всякаго русскаго человѣка, любящаго свою родину и особенно они пріятны Съѣзду.

Затѣмъ предсѣдатель виленскаго отдѣленія предварительнаго комитета IX археологическаго Съѣзда Ю. Θ. Крачковскій прочелъ отчетъ о дѣятельности комитета:

5 января 1891 г. въ Москвѣ состоялось первое засѣданіе московскаго предварительнаго комитета IX Археологическаго Съѣзда. Въ этомъ засѣданіи представителями виленскаго учебнаго округа Ю. Θ. Крачковскимъ и Е. Р. Романовымъ были внесены разные вопросы и запросы, сдѣланъ докладъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, которыя желательно было бы предпринять во время Съѣзда и опредѣлено время Съѣзда. Тогда же выработана была программа Съѣзда и открыто отдѣленіе комитета въ г. Вильнѣ.

Фактическое открытіе отдѣленія было сдѣлано попечителемъ виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ, образовавшимъ это отдѣленіе изъ членовъ археографической комиссіи центрального архива, преподавателей и другихъ опытныхъ въ семь дѣлъ лицъ. Предсѣдателемъ отдѣленія былъ

приглашенъ генераль-лейтенантъ А. П. Тыртовъ. Отдѣленіе открыло свои засѣданія 26 октября 1891 года.

Отдѣленіе признало необходимымъ, прежде всего возможно широко распространить въ обществѣ свѣдѣнія о Съѣздѣ, для достиженія каковой цѣли, рѣшило разослать и раздать большое количество правилъ Съѣзда и печатать протоколы своихъ засѣданій въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, оттиски коихъ разсылать всѣмъ интересующимся западно-русской археологіей. Кроме того, правила Съѣзда были напечатаны, по указанію или распоряженію г. попечителя, въ памятныхъ книжкахъ Виленской, Минской и Витебской губерніи, въ „Виленскомъ календарѣ“ и въ циркулярѣ по виленскому учебному округу.

Тогда же, для успѣха дѣла, Отдѣленіе приняло двѣ главныя мѣры. Понимая громадность задачи предстоящаго археологическаго Съѣзда и находя возможнымъ ея осуществленіе только объединенными силами возможно большаго числа лицъ, занимающихся учеными изслѣдованіями края въ томъ или другомъ отношеніи, Отдѣленіе постановило пригласить для совмѣстной работы въ свои сочлены различныхъ лицъ, мѣстныхъ и иногородныхъ, занимающихся археологіей и исторіей края. На призывъ Отдѣленія въ высшей степени сочувственно откликнулись ученые изъ различныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества: Одессы, Кіева, Харькова, Житомира, Кременца, Варшавы, изъ многихъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, Москвы, Петербурга.

Другая мѣра, принятая отдѣленіемъ для успѣшнаго выполненія задачъ предстоящаго Съѣзда, состояла въ томъ, чтобы составить вполне подходящую къ Сѣверо-Западному краю программу для собиранія свѣдѣній о древностяхъ края. Присланный матеріаль оказался очень пригоднымъ для составленія археологической карты Сѣверо-Западнаго края.

Занятія въ Отдѣленіи неминуемо повлекли за собою извѣстные расходы. Сочувствуя цѣлямъ Съѣзда, г. попечитель округа поспѣшилъ на помощь Отдѣленію и изъ скудныхъ средствъ округа въ томъ же 1891 году была выдѣлена значительная сумма въ 713 р. 43 к. на расходы по подготовительнымъ работамъ къ предстоящему Съѣзду. Въ прошломъ 1892 году на тотъ же предметъ г. попечитель перевелъ въ распоряженіе Отдѣленія еще болѣе крупную сумму въ 1000 рублей; такая же сумма ассигнована имъ въ текущемъ 1893 году. Всѣ эти средства израсходованы на нужды по канцеляріи и изданію трудовъ Отдѣленія.

На эти средства напечатанъ текстъ и сдѣланы фотографическіе снимки, иногда въ натуральную величину, двухсотъ семи предметовъ Виленскаго музея, расположенныхъ на двадцати одной таблицѣ.

Такъ какъ первоначально Виленское Отдѣленіе состояло только изъ предсѣдателя и членовъ комиссіи для разбора древнихъ актовъ, то и работы свои это Отдѣленіе приурочивало къ задачамъ московскаго предварительнаго комитета. Въ виду этого, Виленскою комиссіею издано два тома актовъ къ вопросамъ, постановленнымъ въ засѣданіи послѣдняго комитета,

именно: „О внутреннем домашнем бытѣ западно-русса XVI ст.“ и „О коповищахъ и копныхъ судахъ въ западной Россіи“. По ближайшему отношенію названныхъ изданій къ предстоящему Археологическому Съѣзду, предсѣдательствующій исходатайствовалъ у г. попечителя виленскаго учебнаго округа разрѣшеніе на предоставленіе въ распоряженіе Отдѣленія по 100 экземпляровъ того и другого изданія, съ цѣлью раздать таковыя членамъ предстоящаго Съѣзда. Тою же комиссіею подготовленъ еще одинъ новый трудъ, который тоже имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ IX Съѣзду; это XX томъ актовъ, относящихся къ городу Вильнѣ и касающихся, главнымъ образомъ, его топографіи. Въ этомъ новомъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ двухъ, въ предисловіи разсматриваются указанные вопросы, на которые дается почти полный отвѣтъ, на основаніи какъ печатаемыхъ документовъ, такъ и другихъ изданій. Къ XX тому актовъ приложены три плана города Вильны, имѣющихъ большую цѣнность. 100 экземпляровъ и этого тома, съ разрѣшенія т. с. Н. А. Сергіевскаго, будетъ представлено членамъ Съѣзда.

Далѣе Виленское Отдѣленіе къ настоящему времени издало археологическую карту Виленской губерніи. Эта карта потребовала отъ ея составителя г. Покровскаго большого труда и значительныхъ усилій. Онъ долженъ былъ разсмотрѣть, кромѣ печатныхъ трудовъ по археологіи Виленской губерніи, массу, въ буквальномъ смыслѣ, рукописнаго матеріала, собраннаго Отдѣленіемъ отъ различныхъ лицъ Сѣверо-Западнаго края, и другую, не меньшую массу, такого же матеріала, хранящагося въ литовской духовной консисторіи. Зато все вмѣстѣ дало возможность составителю быть въ работѣ положительнымъ и основательнымъ. Составленная карта очень удовлетворительно исполнена въ литографіи г. Маца въ Вильнѣ. Археологическая карта вмѣстѣ съ обширнымъ къ ней пояснительнымъ текстомъ помѣщена въ изданныхъ особымъ томомъ „Трудахъ Виленскаго Отдѣленія“.

Кромѣ напечатаннаго, Виленское Отдѣленіе собрало очень много весьма важнаго рукописнаго актоваго матеріала къ вопросу о евреяхъ въ Западной Россіи, татарахъ, и составило большой, хотя еще не совсѣмъ полный, библиографическій указатель сочиненій, относящихся къ Западной Россіи. Изъ него напечатана въ „Трудахъ“ только очень незначительная доля. Всѣ названные матеріалы и другія статьи не могли быть напечатаны, за недостаткомъ въ Отдѣленіи матеріальныхъ средствъ.

Кромѣ ученой издательской дѣятельности, члены Виленскаго Отдѣленія обращали серьезное вниманіе на устройство при Съѣздѣ археологической выставки. На всѣхъ большихъ съѣздахъ выставки всегда имѣли особенное значеніе. Это понятно. Здѣсь собравшіеся ученые вообще и археологи въ частности наглядно могутъ видѣть распространеніе по извѣстной территоріи того или другого типа археологическихъ предметовъ, могутъ судить объ общности или оригинальности выставленныхъ предметовъ, дѣлать нѣкоторыя догадки о взаимномъ сродствѣ насельниковъ извѣстной мѣстности или

ихъ замкнутой обособленности, судить о развитіи у нихъ искусствъ, художествъ, богатства, сравнивать ихъ нравы, обычаи на пространствѣ цѣлыхъ столѣтій и т. п. Чѣмъ разнообразнѣе археологическая выставка, чѣмъ больше выставлено типовъ извѣстной мѣстности, съ обстоятельнымъ ихъ описаніемъ, тѣмъ многоплоднѣе можетъ быть выставка, тѣмъ многозначительнѣе польза ея изученія. Въ виду этого, обращено вниманіе на сосредоточеніе на выставкѣ возможно большаго числа извѣстныхъ археологическихъ коллекцій. Въ устройствѣ выставки приняли участіе многія лица въ краѣ и учрежденія. Въ настоящую пору поступили для выставки коллекціи отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: отъ гг. Кусцинскаго, могилевскаго губернатора, Авенариуса, отъ Императорской археологической комиссіи (очень богатые, многочисленные и разнообразные экспонаты), отъ ковенскаго и волынскаго статистическихъ комитетовъ, отъ графа Плятера, графа Флери, Романова, Хайновскаго, т. сов. Стадольскаго, Болсуновскаго, В. В. Грязнова, отъ Земли Войска Донскаго, гг. Морачевскаго, Пизани, Татура. Кромѣ коллекціи для выставки, въ Отдѣленіи полученъ рукописный матеріаль: отъ генераль - лейтенанта П. О. Бобровскаго и члена смоленскаго окружнаго суда Бугославскаго; археологическіе рисунки присланы и изъ-за границы— изъ Праги.

Много подготовлено старинныхъ мѣстныхъ плановъ, фотографій видовъ и т. п. предметовъ. Всѣ экспонируемые предметы въ настоящее время установлены, развѣшаны, расположены въ витринахъ и будутъ представлены для осмотра Съѣзду. Каталогъ предметовъ выставки печатается.

Первое общее собраніе 2-го августа.

Почетный предсѣдатель Ю. О. Крачковскій.—Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь М. И. Соколовъ.

1. Баронъ де-Бай, делегатъ французской ассоціаціи для развитія наукъ и Общества французскихъ антикваріевъ, произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой привѣтствовалъ Съѣздъ отъ лица французскихъ археологовъ.

2. Депутатъ московскаго архива министерства юстиціи В. Н. Сторожевъ прочиталъ докладъ: Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка. Довольно значительный матеріаль для исторіи польскихъ войнъ двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ находится въ столбцахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ несовсѣмъ точною рубрикою столбцовъ *московскаго стола Разряда* и разбираемыхъ для академическаго изданія *Актахъ Московскаго Государства*. Первый томъ этого изданія вышелъ еще въ 1890 г., второй долженъ выйти въ самомъ началѣ будущаго года. Въ составъ втораго тома, между прочимъ, войдетъ серія актовъ, касающихся исторіи пребыванія Вильны въ рукахъ московскаго правитель-

ства XVII в. и воеводскаго управленія въ ней князя Мих. Сем. Шаховскаго, а частью военныхъ дѣйствій въ виленскомъ повѣтѣ и виленскаго польскаго съѣзда; акты представляютъ собою рядъ донесеній виленскаго воеводы московскому правительству („отписки“) и отвѣтныхъ на нихъ или самостоятельныхъ указныхъ грамотъ; они не дадутъ матеріала для полной характеристики дѣятельности московскаго воеводы въ Вильнѣ князя М. С. Шаховскаго, но, представляя все-таки самостоятельный мѣстный интересъ, становятся особенно цѣнными при сопоставленіи ихъ съ другими актами подобнаго рода, такъ какъ выясняютъ направленіе и характеръ политики московскаго правительства въ процессѣ округленія границъ московскаго государства. Названные акты обнаруживаютъ страстное желаніе московскаго правительства удержать за собою Литву и Жмудь, такъ что приведеніе къ вѣрѣ на царское имя мѣстнаго населенія должно было составить предметъ особенныхъ попеченій виленскаго воеводы; онъ долженъ былъ всячески привлекать сторонниковъ Москвы и въ общемъ строго держаться мѣръ примирительныхъ, гуманныхъ, отнюдь не репрессивныхъ. Эти сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и отдѣльными особенно извѣстными лицами давали виленскому воеводѣ матеріаль для донесеній о польскихъ, литовскихъ, шведскихъ и жмудскихъ вѣстяхъ, которыхъ такъ жаждало московское правительство. Борьба съ послѣдствіями военной грозы, пронесшейся надъ страной и все еще продолжавшей носиться надъ ней, — вотъ вторая задача, съ которою приходилось считаться виленскому воеводѣ. Продовольственное дѣло, защита города, разрѣшеніе разнаго рода казусовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, вопросы хозяйственной администраціи — словомъ все, что только можно себѣ представить, составляло предметъ вѣдомства виленскаго воеводы, крайне ограниченнаго докладомъ государю и страхомъ жалобы на него со стороны мѣстнаго населенія, такъ что о самостоятельности воеводской власти въ Вильнѣ можно говорить слишкомъ условно. Попутно акты сообщаютъ интересныя данныя о состояніи русскаго войска и разореніи страны.

Референтъ полагаетъ, что для изученія такого любопытнаго эпизода изъ исторіи первой польской войны царя Алексѣя Михайловича, какъ пребываніе Вильны въ рукахъ московскаго правительства XVII вѣка, много могло бы подлинное дѣлопроизводство воеводскаго управленія князя М. С. Шаховскаго въ Вильнѣ. Ему извѣстенъ одинъ документъ, косвенно относящійся къ дѣлопроизводству воеводскаго управленія, можетъ быть, интересный для исторіи г. Вильны и не вошедшій во второй томъ *Актовъ Московскаго Государства*: это — книги приходныя каменишныя 1658 г. по городу Вильнѣ.

По поводу этого доклада членъ съѣзда Флав. Ник. Добрянскій сдѣлалъ дополненіе, что въ книгахъ Виленскаго Гродскаго суда, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ, находятся документы, поясняющіе условія, при которыхъ мѣстные жители давали присягу на вѣрность московскому царю. Оказывается, что польское правительство разсылало агентовъ, убѣждавшихъ населеніе давать притворную присягу. Однимъ изъ такихъ агентовъ

въ 1659 г. былъ „зацный панъ“ Девялтовскій, дѣятельность котораго была раскрыта доносомъ Рогинскаго коменданту Вильны Мышецкому; послѣдній и казнилъ Девялтовскаго. Ф. Н. Добрянскій сообщилъ также, что въ тѣхъ же документахъ есть данныя, рисующія мирныя частныя отношенія между пришлыми московскими людьми и мѣстнымъ населеніемъ; въ примѣръ такихъ мирныхъ связей г. Добрянскій разсказалъ дѣло о женитьбѣ полковника Льва Сытина.

3. Профессоръ Варшавскаго университета Адольфъ Ивановичъ Павинскій сдѣлалъ докладъ „о Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI вѣкѣ въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ“.

Въ началѣ референтъ разъяснилъ значеніе географическаго элемента въ воспроизведеніи прошлаго, извѣстной исторической индивидуальности и отмѣтилъ пробѣлы и недостатки географической программы въ современной наукѣ. Далѣе, говоря о способахъ исчисленія площади геометрической фигуры исторической территоріи по географической картѣ, референтъ подробно объяснялъ и демонстрировалъ употребленіе планиметра Амслера, которымъ онъ пользовался при своихъ работахъ. Для нанесенія политическихъ границъ Подляскаго воеводства въ XVI стол. и для изученія его въ статистическомъ отношеніи ему служили главнымъ источникомъ подымные списки. Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи Подляскаго воеводства. Разъяснивъ значеніе статистическаго метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи Подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведши числовыя данныя. Среднее число народонаселенія Подляшья въ XVI вѣкѣ простиралось до 164,000 душъ. Въ заключеніе референтъ указалъ на недостаточность статистическаго метода, какъ самостоятельнаго научнаго метода, внѣ связи его съ географическимъ элементомъ, и сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя, между прочимъ, методъ географической и статистической, историческая наука сумѣетъ отстоять за собою значеніе науки настоящей.

По поводу доклада проф. Павинскаго священникъ Левъ Паевскій заявилъ о важности точныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій относительно Подляскаго воеводства, какъ важнаго боеваго пункта въ національной и религіозной борьбѣ западной Руси. По примѣру покойнаго Е. М. Крыжановскаго, о. Паевскій находитъ болѣе правильнымъ называть эту „землю“ не *Подляшье*, а *Подлясье*, ставя это имя въ связь со словами лясъ—лѣсь, а не ляхъ—полякъ. Подробное указаніе границъ Подляскаго воеводства, къ которому затѣмъ приступилъ оппонентъ, предсѣдатель собранія предложилъ о. Паевскому представить въ видѣ особаго доклада.

Подполковникъ Гиршфельдъ, сотрудникъ по нѣкоторымъ работамъ ген. Стрѣльбицкаго, указалъ на примѣненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ для вычисленія площади данной территоріи болѣе простаго инструмента, — такъ называемой планшетки, стеклянной пластинки, точно раздѣленной на квадратныя сантиметры, которая накладывается на карты.

Проф. А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что для точности вычисленій слѣдуетъ прибѣгать къ такъ называемой въ геодезіи системѣ координатъ.

Проф. Ѡ. И. Успенскій сочувственно привѣтствовалъ примѣненіе къ славянской и русской исторіи того метода, который въ трудахъ Герара, Штернегга и др., привелъ къ замѣчательнымъ результатамъ по экономической и соціальной западно-европейской исторіи среднихъ вѣковъ. Затѣмъ проф. Успенскій выразилъ мысль, что можно было бы у г. референта попросить объясненій относительно матеріаловъ, къ разработкѣ которыхъ примѣняется указанный имъ географическій и статистическій методъ.

Въ своемъ отвѣтѣ проф. Павинскій, поблагодаривъ оппонентовъ за вниманіе къ его реферату, сообщилъ болѣе полныя свѣдѣнія о разныхъ способахъ вычисленія площади извѣстной территоріи по картѣ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ (при помощи простой планшетки, инструмента Амслера, вырѣзыванія геометрической фигуры территоріи изъ картона и взвѣшиванія). Относительно своихъ вычисленій территоріи при посредствѣ инструмента Амслера, проф. Павинскій сообщилъ, что они провѣрялись инженеромъ Мерчингомъ и математикомъ Климомъ и оказались вполне точными. По вопросу о названіяхъ Подлясье и Подлясье проф. Павинскій заявилъ, что историка, замѣчающаго и преслѣдующаго болѣе общія цѣли, подобные вопросы не могутъ занимать, и онъ лично предоставляетъ ихъ филологамъ. По вопросу о матеріалахъ для своихъ географическихъ и статистическихъ выводовъ проф. Павинскій пояснилъ, что въ основу изслѣдованія положены имъ исключительно оффиціальныя документы (подробно имъ перечисленные), и субъективныя мнѣнія авторовъ той или другой брошюры и книги для него въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія. Въ заключеніе проф. Павинскій отъ лица историковъ протестовалъ противъ писателей-философовъ въ родѣ Бурдо, изъясняющихъ притязаніе начертать программу для историковъ, и заявилъ, что самъ онъ вовсе не перешелъ, какъ нѣкоторые думаютъ, въ лагерь позитивистовъ, а только желаетъ отстоять значеніе исторіи, какъ науки, обнимающей всѣ явленія, какъ духовной, такъ и матеріальной жизни.

4. Профессоръ Новороссійскаго университета Ал. И. Маркевичъ сообщилъ рефератъ: „Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи“.

Опредѣленіе по сохранившимся памятникамъ народностей, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи, представляетъ величайшую трудность; единственнымъ способомъ должно быть классифицированіе памятниковъ по ихъ сходству. Референтъ представилъ фотографическіе снимки съ трехъ памятниковъ: вазы, находящейся въ Императ. Эрмитажѣ и изданной въ отчетѣ Император. Археолог. Коммисіи за 1872 г., надгробія, находящагося въ музеѣ Одесск. Общ. Ист. и Древн., изданнаго референтомъ въ Изв. Тавр. Учен. Арх. Коммисіи № 12, и барельефа, находящагося въ музеѣ Е. Н. Скаржинской въ г. Лубнахъ и до сихъ поръ неизданнаго. Всѣ эти памятники найдены разновременно, но приблизительно въ одномъ мѣстѣ—восточномъ Чер-

номорьи и, по мнѣнію референта, въ изображеніяхъ людей на памятникахъ есть сходство, позволяющее отнести ихъ къ одному племени, но не къ грекамъ или римлянамъ, а также не къ скиѣамъ, такъ какъ изображенные на памятникахъ лица не сходны съ находящимися на извѣстныхъ уже изображеніяхъ этихъ народовъ. На барельефѣ, принадлежащемъ г-жѣ Скаржинской, есть греческая надпись, прочтенная, по просьбѣ референта, проф. А. В. Никитскимъ и дающая отчасти возможность судить о племени изображенного лица.

На основаніи различныхъ соображеній референтъ пришелъ къ заключенію, что на памятникахъ изображено племя, жившее въ Черноморьи въ эпоху подчиненія его римлянамъ, подвергшееся вліянію греческой культуры и, вѣроятно, оракійское.

По поводу реферата проф. Маркевича проф. А. А. Кочубинскій замѣтилъ, что въ рефератѣ все сводится къ признанію въ предложенныхъ изображеніяхъ оракійскаго типа; но опредѣленіе тѣхъ или другихъ жителей южной Руси, какъ оракійцевъ, не имѣетъ значеніе въ виду того, что національность оракійцевъ въ наукѣ точно не опредѣлена. Съ этимъ согласился и проф. Маркевичъ.

Депутатъ Таврической архивной комиссіи, Арсеній Ив. Маркевичъ, замѣтилъ, что изображеніе на 2-мъ изъ рассмотрѣнныхъ проф. Маркевичемъ памятниковъ, найденномъ, по мнѣнію г. референта, въ мѣстности т. наз. Неаполиса, вблизи Симферополя, имѣетъ мало сходства съ изображеніями на другихъ памятникахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Симферополя и имѣющихъ чисто скиѣскій характеръ.

Депутатъ съѣзда отъ кіевской духовной академіи проф. Н. И. Петровъ въ своемъ возраженіи предостерегалъ референта отъ излишняго довѣрія къ изображеніямъ неопредѣленныхъ по своему характеру древнихъ памятниковъ и привелъ примѣръ подобнаго ученаго увлеченія. По словамъ г. Петрова, въ Крыму, недалеко отъ Инкермана, была сдѣлана серія слѣпковъ съ предметовъ древнихъ храмовъ и „столовыхъ“ находящихся теперь въ церковно-археологическомъ музеѣ, которые одинъ археологъ г. Струковъ, принялъ сначала за памятники кельтійскаго происхожденія. Но впоследствии, когда проѣзжавшимъ черезъ Крымъ уремійскимъ епископомъ Ур-Габріелемъ были прочитаны надписи на указанныхъ памятникахъ, то оказалось, что надписи эти написаны на сиро-халдейскомъ языкѣ и, слѣдовательно, памятники эти—восточнаго происхожденія.

Засѣданіе III-го отдѣленія (памятники искусствъ и художествъ) 3 августа.

Почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій.—Предсѣдатель Н. В. Покровскій.—
Секретарь О. В. Покровскій.

1. Депутатъ академіи художествъ, академикъ-архитекторъ В. В. Сусловъ, сдѣлалъ докладъ: „О Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ“.

В. В. Сусловъ, представивъ вниманію Съѣзда копии (въ натуральную величину) съ открытыхъ имъ при недавней реставраціи фресокъ Мирожскаго храма и архитектурные чертежи храма, ознакомилъ собраніе прежде всего съ архитектурной стороною памятника. При выемкѣ позднѣйшихъ половъ, подъ ними былъ обнаруженъ г. Сусловымъ древній полъ и архіерейское сѣдалище въ главной абсидѣ. Затѣмъ, при отбивкѣ внѣшней штукатурки, имъ найдены всѣ позднѣйшія накладки, задѣлки древнихъ оконъ, очертанія первоначальныхъ архитектурныхъ формъ и масса другихъ данныхъ, по которымъ референтъ уяснилъ первоначальный видъ собора, относящагося къ XII ст.: храмъ основанъ былъ въ 1156 г. св. Нифонтомъ, епископомъ Новгородскимъ. Типъ храма оказался совершенно сходнымъ съ греко-византійскими церквами IX — XI ст. Переходя къ объясненію расположенія иконописныхъ сюжетовъ, докладчикъ сначала указалъ на современное ветхое положеніе какъ стѣнъ и сводовъ собора, такъ и весьма любопытной и цѣнной въ научномъ отношеніи фресковой живописи. Излагая перечень иконографическихъ сюжетовъ живописи, сплошь покрывающей всѣ стѣны храма, г. Сусловъ тутъ же указывалъ и на копии съ фресокъ, сдѣланныя подъ его наблюденіемъ. Въ заключеніе имъ былъ высказанъ взглядъ на обстоятельства, при которыхъ вообще на Руси велось наше иконографическое дѣло. Затѣмъ, указавъ на характеръ западной живописи, докладчикъ отмѣтилъ нѣкоторые недостатки и указалъ на большія достоинства нашей древней религіозной иконописи.

Послѣ доклада г. Сулова, г. Грязновъ выразилъ мнѣніе, что фрески относятся къ разнымъ временамъ и, какъ на болѣе художественный экземпляръ, указалъ на фреску Богоматери—Оранты.

2. Депутатъ С.-Петербургской духовной Академіи проф. Н. В. Покровскій представилъ оцѣнку того же памятника съ художественной и съ иконографической точки зрѣнія.

Построеніе Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ относится къ XII в. Одновременны съ сооруженіемъ собора и находящіяся на его внутреннихъ стѣнахъ фрески. Сходныя и близкія по времени фрески наблюдаются также на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора (XI в.), въ Кіево-Кирилловомъ монастырѣ (XII), въ Спасо-Нередицкой церкви, близъ Новгорода, и въ Староладожской церкви св. Георгія, и изъ нихъ ближе всѣхъ, по археологической важности и художественному характеру, стоятъ къ мирожскимъ фрескамъ стѣнописи спасонередицкія. Сверхъ того, въ мирожскихъ фрескахъ есть не мало такихъ композицій, какихъ нѣтъ не только въ Нередицахъ, но и ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

Композиціи въ мирожскихъ фрескахъ представляютъ собою болѣе или менѣе вѣрныя копии съ греческихъ образцовъ: типы лицъ — греческіе, костюмы также традиціонныя—византійскіе; даже уцѣлѣвшія отчасти надписи сдѣланы, повидимому, съ греческихъ образцовъ. Стиль фресокъ тотъ же

самый, что въ фрескахъ нередицкихъ и старолadoжскихъ; это — условный, іератическій стиль мозаикъ Кахріе-Джами въ Константинополѣ, въ которомъ религіозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религіозно-художественное возрѣніе подчиняется установившемуся обще-церковному возрѣнію на задачи религіознаго искусства. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы величественны и превосходны, костюмы условны и нѣкоторые отличаются роскошью; постановка фигуръ по большей части нормальна. Самое размѣщеніе изображеній въ храмѣ носить на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подѣ вліяніемъ символическаго возрѣнія на храмъ и его составныя части. Здѣсь различаются два цикла изображеній: въ алтарѣ и въ средней части храма.

Изъ изображеній въ алтарѣ должны быть отмѣчены: евхаристія, — въ формѣ такъ называемаго литургическаго перевода Тайной Вечери „деисисъ“ и этимасія—уготованіе престола.

Росписи средней части храма, согласно византійскому и древне-русскому обычаю, выражаютъ идею торжествующей церкви Христовой; въ зенитѣ купола—сидящій на тронѣ Спаситель, въ трибунѣ купола—апостолы и пророки, въ парусахъ сводовъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, безъ символовъ; своды, стѣны и арки росписаны сценами изъ евангельской исторіи, каковы, напр., Преображеніе, Распятіе, Положеніе Иисуса Христа во гробъ, Успеніе Богоматери (безъ чуда съ жидовиномъ), Крещеніе Иисуса Христа съ олицетвореніемъ Іордана въ формѣ обнаженной женщины съ опрокинутою урною, Рождества Христова, Тайная вечеря (сигматическая форма) и Сшествіе Св. Духа на апостоловъ. Но наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери, — въ западной части южнаго нефа. Жаль, что нѣкоторыя изъ изображеній этого цикла здѣсь погибли, но во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшая часть доказываетъ съ очевидностью, что уже въ XII в. предки наши знали подробныя сказанія объ этомъ предметѣ и передали намъ въ видѣ опредѣленныхъ художественныхъ композицій.

Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о реставраціи Мирожскаго Спасо-Преображенскаго собора и вообще—о реставраціи древнихъ русскихъ церковныхъ стѣнописей.

По поводу этого реферата академикъ Сусловъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о техникахъ и копированіи мирожскихъ фресокъ, а г. Троицкій указалъ на неточность размѣщенія фресокъ съ точки зрѣнія символическаго храма.

3. Депутатъ Кіевской духовной Академіи проф. Н. И. Петровъ доложилъ Съѣзду: „О монетахъ великаго кіевскаго князя Изяслава Ярославича“.

Въ своемъ капитальномъ трудѣ о монетахъ вел. княжества Кіевскаго гр. Толстой описываетъ три типа монетъ, приписываемыхъ имъ Ярославу I. Одинъ изъ этихъ типовъ (третій) безспорно всѣми признается принадлежащимъ Ярославу I; что же касается другихъ двухъ типовъ, то ихъ принад-

лежность этому великому князю оспаривается, вслѣдствіе различія въ чтеніяхъ находящейся на нихъ надписи. Гр. Толстой читаетъ въ ней имя, болѣе или менѣе искаженное, ГЕГІОС, а Н. П. Черневъ и референтъ читаютъ: одинъ ПЕТРОС, а другой—ДИНИТЬРИ и считаютъ находящееся на нихъ изображеніе за изображеніе св. Петра и св. Димитрія. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ о кievскихъ сребренникахъ ¹⁾ гр. Толстой настаиваетъ на правильности своей классификаціи и своего чтенія, между прочимъ, на томъ основаніи, что никакого князя Петра въ числѣ южно-русскихъ князей XI—XII в. донинѣ неизвѣстно, а вопроса о кн. Димитріи вовсе не касается. Въ своемъ рефератѣ проф. Петровъ доказываетъ, что сребренники съ именемъ Димитрія могутъ быть приписаны преемнику Ярослава I на кievскомъ великокняжескомъ престолѣ Изяславу Ярославичу, въ крещеніи называвшемуся Димитріемъ и основавшему въ Кіевѣ около 1062 г. Димитріевскій монастырь, и сыну его Ярополку Изяславичу, построившему въ этомъ монастырѣ церковь Петра, вѣроятно, въ честь своего патрона, и въ 1087 г. погребенному въ этой церкви (см. труды кiev. дух. Акад. 1892, янв., стр. 112). „Такимъ образомъ, вел. кн. кievскій Изяславъ Ярославичъ въ крещеніи назывался Димитріемъ, а сынъ его Ярополкъ, по всей вѣроятности, Петромъ; а оба эти имени, т. е. Димитрій и Петръ, и являются на монетахъ перваго и втораго типа, приписывавшихся Ярославу I: Петръ на монетахъ перваго типа, а оба вмѣстѣ—на монетахъ втораго типа“. Появленіе именъ отца и сына на одной и той же монетѣ можетъ быть объяснено, по догадкѣ референта, желаніемъ Изяслава измѣнить порядокъ престолонаслѣдія (къ старшему въ родѣ), и сдѣлать кievскій столъ наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ, а потому Изяславъ и чеканилъ монету съ своимъ именемъ и именемъ своего будущаго преемника Ярополка—Петра; или же происхожденіе имени и изображенія св. Петра на разсматриваемыхъ монетахъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что Изяславъ Ярославичъ, будучи согнанъ съ великокняжескаго стола братомъ своимъ Святославомъ (быть можетъ, вслѣдствіе желанія своего измѣнить порядокъ престолонаслѣдія), обратился за помощью къ папѣ и къ польскому королю и получилъ отъ папы грамоту, ставившую его подъ защиту и покровительство папскаго престола и ап. Петра, который поэтому и могъ быть изображенъ на Изяславовыхъ монетахъ.

Послѣ референта проф. Петрова нѣкоторые изъ членовъ съѣзда сдѣлали заявленіе о новыхъ находкахъ по нумизматикѣ. Такъ, одинъ изъ нихъ говорилъ о своей находкѣ въ Смоленскѣ трехъ свинцовыхъ нумизматическихъ знаковъ въ той части города, гдѣ производилась торговля съ Ганзой и гдѣ стоялъ Козмодемьянскій монастырь, основанный въ 1146 году.

Знаки эти имѣютъ форму 2 копѣекъ и на одномъ изъ нихъ вырѣзано четко древнимъ шрифтомъ (до XIII в.), въ обратную сторону „Господи, помози рабу своему Димитрію“, а на оборотной сторонѣ знака находится изоб-

¹⁾ Отчетъ о немъ см. на стр. 180-й Арх. Изв. и Зам.

раженіе святаго. На другомъ свинц. знакѣ есть изображеніе св. Николая чудотворца—какъ можно предположить по общеизвѣстнымъ признакамъ, а на обратной сторонѣ—изображеніе вооруженнаго человѣка.

Такъ какъ предполагался еще цѣлый рядъ рефератовъ по нумизматикѣ, то и вопросъ возникшій о найденныхъ знакахъ былъ отложенъ до того времени.

Засѣданіе II-го отдѣленія (исторіи, географіи и этнографіи) 3 августа.

Почетный предсѣдатель Д. Я. Сомоквасовъ.—Предсѣдатель А. И. Павинскій.—
Секретарь Н. М. Бережковъ.

1. Проф. кенигсбергскаго университета Л. Х. Штида сдѣлалъ докладъ „О наименованіяхъ мѣховъ въ ганзейской торговлѣ“. Отмѣтивъ ту важную роль, какую имѣли мѣха въ древней торговлѣ русскихъ съ нѣмцами и указавъ необходимость имѣть специальную исторію по торговлѣ мѣхами, какъ весьма обширной по размѣрамъ и очень древней по времени, референтъ сдѣлалъ опытъ объясненія изъ русскаго языка многихъ названій мѣховъ, встрѣчающихся въ латинскихъ и нѣмецкихъ документахъ ганзейскаго времени. Референтъ представилъ классификацію этихъ названій по географическимъ особенностямъ, по цвѣту мѣха, качеству товаровъ и по самымъ звѣрямъ, шкуры которыхъ продавались. Всѣхъ названій, изслѣдованныхъ референтомъ, оказалось 46. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: *wimetecken*,—рус. выметка (мѣхъ низшаго достоинства, выборки), *scheweniss*—рус. шевня (полотнище, сшитое изъ нѣскольکو мѣховъ, для шубы), „*smaschi*“ и „*merlici*“—рус. смушки и мерлушки, и много др. Нѣкоторые изъ подобныхъ терминовъ окончательно утратили свой смыслъ и оказываются непонятными и для самого докладчика.

Докладъ проф. Штиды вызвалъ замѣчанія со стороны проф. М. Н. Бережкова и Е. Ф. Шмурло. М. Н. Бережковъ сдѣлалъ весьма лестный отзывъ объ изслѣдованіяхъ проф. Штиды; онъ вполне согласенъ съ правильностью общаго приѣма ученаго докладчика объяснять древнія, иногда очень загадочныя названія мѣховъ въ упомянутыхъ документахъ не изъ инаго языка, какъ именно изъ русскаго; это приѣмъ вполне правильный, научный и надежный. Проф. Шмурло, указавъ на большую эрудицію проф. Штиды, замѣтилъ, что въ научной области подобнаго рода филологическихъ объясненій недостаточно: они не убѣдительны, хотя, можетъ быть, и вѣрны. Проф. Штида и Бережковъ признали нѣкоторую основательность въ замѣчаніи проф. Шмурло.

Въ дополненіе настоящаго реферата профессоръ варшавскаго университета, Е. О. Карскій выяснилъ значеніе непонятныхъ для референта выраженій: „попелица“ (маленькій звѣрекъ на мѣстномъ простонародномъ языкѣ), „беранъ“ (баранъ, на основаніи рукописи XVI в. подъ заглавіемъ „Аристотелевы врата“) и „бугай“ быкъ.

2. Г. А. Виссендорфъ сдѣлалъ докладъ: „О мѣстоположеніи варяжской

Руси“. Докладчикъ на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмара Мерзебургскаго и Анналовъ Кведлинбургскихъ полагаетъ, что первоначальное мѣсто жительства варяжской Руси было на берегахъ рѣки Руси, притока Нѣмана—Русь Жемойтская.

Докладчику возражалъ проф. О. И. Успенскій, развивая мысль, что въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи варяжской Руси весьма важны и болѣе надежны источники византійскіе, какъ болѣе древніе, нежели западно-европейскіе. Съ другой стороны, начальникъ виленскаго центрального архива И. Я. Спрогисъ, по поводу того же реферата г. Виссендорфа, указавъ на значительную близость языка латышско-литовскаго къ русскому, заявилъ, въ видѣ общаго положенія, что было бы весьма важно пользоваться латышско-литовскимъ языкомъ при разъясненіи нѣкоторыхъ сторонъ начальной русской лѣтописи и географіи. Для примѣра онъ предложилъ названія рѣки *Пины* и полоцкой княжны *Рогнѣды*, какъ возможные для истолкованія изъ литовско-латышскаго языка („пина“ — латышск. гирлянда); значитъ Пина-рѣка, сплетенная изъ многочисленныхъ притоковъ-ручьевъ; Рогнѣда — латышск. „рагана“, жрица, колдунья, а въ переносномъ смыслѣ—красавица.

3. Депутатъ одесскаго Общ. исторіи и древностей, Х. П. Ящуржинскій, сдѣлалъ докладъ: „О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ“. Докладчикъ поставилъ два тезиса: 1) что къ превращеніямъ способны миѳическія существа и 2) что этой же силой обладаютъ существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ докладчикъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъ и обратилъ вниманіе на ихъ близость къ природѣ и на свѣжесть чувства въ нихъ. Проф. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя сказки, изложенныя докладчикомъ, какъ бѣлорусскія, имѣютъ происхожденіе другое: онѣ позаимствованы отъ другихъ народовъ и не могутъ быть признаны сказками чисто народными. Затѣмъ А. И. указалъ на значительное накопленіе матеріала этнографическаго и на необходимость разработывать его сравнительнымъ методомъ и въ частности сравненіемъ народныхъ сказочныхъ сюжетовъ съ литературными. Проф. Владиміровъ замѣтилъ, что при изученіи народныхъ сказочныхъ сюжетовъ для того, чтобы опредѣлить общія схемы сказокъ, необходимо употреблять разнообразныя приемы при изученіи. Г. Лонгиновъ указалъ на сходство нѣкоторыхъ сюжетовъ бѣлорусскихъ сказокъ съ образами въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ заключеніе произошелъ еще краткій обмѣнъ мыслей между докладчикомъ и А. И. Кирпичниковымъ.

Засѣданіе I-го отдѣленія (первобытныя древности) 4 августа.

Почетный предсѣдатель Д. Н. Анучинъ.—Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.—
Секретарь В. З. Завитневичъ.

Первымъ референтомъ выступилъ депутатъ кіевской академіи проф. В. З. Завитневичъ съ рефератомъ „Формы погребальнаго обряда въ курга-

нахъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Бобруйскаго уѣздовъ Минской губерніи“. Задачу реферата составляло изображеніе въ сжатомъ видѣ характерныхъ особенностей погребальнаго обряда и его формъ въ курганную эпоху въ мѣстностяхъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Бобруйскаго уѣздовъ Минской губерніи, на основаніи раскопокъ, произведенныхъ докладчикомъ въ послѣдніе годы. Предметомъ научнаго наблюденія для референта послужили 627 изслѣдованныхъ имъ кургановъ, принадлежавшихъ 70 болѣе или менѣе отдѣльнымъ могильникамъ. По формѣ погребальнаго обряда изслѣдованные курганы дѣлятся на двѣ категоріи: 1) курганы съ трупосожженіемъ и 2) курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю.

Распредѣленіе кургановъ первой категоріи по уѣздамъ, ихъ процентное отношеніе къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ таковы: въ Мозырскомъ уѣздѣ курганы съ трупосожженіемъ составляютъ 5%, въ Бобруйскомъ—7,6%, въ Рѣчицкомъ—25,8%. Эти цифровыя данныя, показывающія процентное отношеніе кургановъ первой категоріи къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ, а равно и распредѣленіе ихъ по территоріи изслѣдованной области служатъ основаніемъ для слѣдующихъ двухъ выводовъ: 1) обрядъ трупосожженія не былъ господствующимъ въ данной области; 2) такъ какъ форма этого обряда по направленію къ Днѣпру усиливается, то представляется вѣроятнымъ, что она занесена на западную сторону Днѣпра съ восточной, гдѣ, въ бассейнѣ р. Десны, она имѣетъ господствующее значеніе.

Обрядъ зарыванія покойниковъ въ землю, въ свою очередь, подраздѣляется въ рефератѣ г. Завитневича на три категоріи: 1) погребеніе въ насыпи кургана, т. е. выше поверхности земли; 2) погребеніе на поверхности земли и 3) погребеніе въ ямахъ, т. е. ниже поверхности земли. Первая форма встрѣтилась только въ 3-хъ курганахъ березинскаго бассейна. Курганы съ обрядомъ погребенія въ ямахъ, по уѣздамъ, составляютъ: въ Бобруйскомъ уѣздѣ 11,95 проц., въ Рѣчицкомъ—14,76 проц. и въ Мозырскомъ—21 проц. изъ всего числа изслѣдованныхъ кургановъ. Распредѣленіе кургановъ второго типа по могильникамъ и ихъ процентное отношеніе къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ показываетъ, что обрядъ погребенія въ ямахъ къ сѣверу отъ Припети игралъ второстепенное значеніе и занесенъ былъ сюда, по всей вѣроятности, съ южнаго берега, гдѣ, въ области Древлянскихъ поселеній, онъ былъ господствующимъ. Господствующее же значеніе въ изслѣдованной области имѣлъ обрядъ погребенія на *поверхности* земли. Курганы съ погребеніемъ на поверхности земли по уѣздамъ распредѣляются такъ: въ Мозырскомъ уѣздѣ 73,89 проц., въ Рѣчицкомъ уѣздѣ—59,43 проц. и Бобруйскомъ 80,53 проц. Въ общемъ изъ 627 кургановъ эта форма погребенія наблюдалась въ 443, что составляетъ 70,65 процента.

Встрѣчающіеся въ курганахъ предметы можно раздѣлить на двѣ категоріи: практически-бытовые и служившіе украшеніемъ. Первые предметы свидѣтельствуютъ, что люди курганной эпохи жили въ желѣзномъ вѣкѣ и

находились на сравнительно высокой степени культурного развитія. Для предметовъ украшенія употреблялся матеріаль: золото, серебро, бронза, желѣзо, металлъ неизвѣстнаго состава, сердоликъ, аметистъ, горный хрусталь, стекло и различная композиція. Предметы украшенія группировались около головы шеи и рукъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы филигранной работы, повидимому мѣстнаго приготовленія. Въ краниологическомъ отношеніи преобладалъ типъ долихоцефаловъ 53,5 проц. и субдолихоцефаловъ 28,5 проц., въ общемъ—82,24 проц.

Для опредѣленія хронологіи рассматриваемой курганной культуры служатъ извлеченныя изъ кургановъ три монеты X вѣка: двѣ арабскихъ самаркандскаго чекана и одна—византійская, времени Константина Порфиророднаго.

Д. Н. Анучинъ обратилъ вниманіе на полноту и обстоятельность доклада и выразилъ референту отъ лица собранія благодарность.

Д. Я. Самоквасовъ, указавъ на серьезное значеніе реферата въ ряду другихъ работъ этого рода, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Основываясь на показаніяхъ Геродота, онъ полагаетъ, что изслѣдованная референтомъ область въ эпоху Геродота представляла незаселенную пустыню, которая впервые занята была пришедшими съ Дуная славянами, т. е. людьми одного типа, а поэтому различать между ними элементы древнѣйшіе и новѣйшіе и отмѣчать ихъ взаимодѣйствіе—едва-ли возможно.

На это замѣчаніе референтъ отвѣтилъ, что до занятія славянами при—Днѣпровскихъ областей послѣднія несомнѣнно заселены были людьми культуры каменнаго вѣка, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ курганнымъ населеніемъ культуры желѣзнаго вѣка: каменные орудія, въ громадномъ количествѣ встрѣчающіяся въ изслѣдованной области, въ курганахъ не встрѣчаются. Что же касается сравнительной древности отдѣльныхъ погребальныхъ типовъ и ихъ предполагаемаго взаимодѣйствія, то обо всемъ этомъ въ рефератѣ говорится въ условномъ смыслѣ.

Д. И. Иловайскій, присоединяясь къ мнѣнію референта, нашелъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Самоквасова о приходѣ славянъ съ Дуная.

Князь Путятинъ замѣтилъ, что при изученіи формъ погребальнаго обряда необходимо обращать вниманіе на практическія цѣли, которыя преслѣдовались при сооруженіи могильныхъ насыпей и которыя имѣли вліяніе на форму погребальнаго обряда. Референтъ на это отвѣтилъ, что на эту сторону вопроса уже давно обращено вниманіе въ нашей ученой литературѣ и—между прочимъ—самимъ же референтомъ.

2. Вторымъ сдѣлалъ докладъ депутатъ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ: „Погребальный типъ могилъ Радимичей“.

Радимицкій похоронный типъ изслѣдованъ въ раскопкахъ гг. Фурсова, Яременки и референта. Всего раскопано 262 кургана въ томъ числѣ референтомъ 115 на берегу р. Сожа подлѣ Гомеля и Чечерска.

Главные черты этого похороннаго типа состоятъ въ самомъ устройствѣ могилъ: покойники были погребены выше горизонта (78%), на большей или меньшей возвышенности; средняя ея высота 0,53 метра; ложе, подстланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы съ зернами угля и свѣтлаго песку безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей. Дерево въ устройствѣ могилы встрѣчалось рѣдко (18%), чаще всего въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусевъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета; настоящихъ гробовъ нигдѣ не найдено, равно какъ и гвоздей. Коллективныхъ гробницъ также не встрѣчается въ радимицкихъ курганахъ. Скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, руки были протянуты вдоль тѣла, ноги также протянуты. Измѣрено было 33 черепа, изъ нихъ 28 оказались длинноголовыми; средній черепной указатель 75,09, т. е. типъ черепа находится на границѣ долихоцефализма и субдолихоцефализма по схемѣ Брока. Ростъ измѣренъ въ 22 случаяхъ, по схемѣ Топинара, средняя его цифра 1,66 метра, т. е. ростъ выше средняго. Особенныхъ аномалій не найдено.

При покойникахъ ни разу не было найдено оружія, что безспорно говорить въ пользу мирныхъ занятій того племени, и подтверждается лѣтописными свидѣтельствами. Сосуды—глиняные горшки двухъ типовъ встрѣчались очень часто; они стояли у головы или у ногъ и были наполнены органическимъ перегноемъ. Горшки не симметрической формы, вѣроятно, сдѣланы безъ гончарнаго круга.

Курганы изобилуютъ количествомъ украшеній. Украшенія одежды и бытовые предметы встрѣчались рѣже въ мужскихъ могилахъ; они здѣсь состояли изъ поясныхъ бронзовыхъ пряжекъ, литыхъ бронзовыхъ колець, привѣшивавшихся къ поясу, и желѣзныхъ ножиговъ съ деревянными или костяными рукоятками. Въ женскихъ могилахъ было гораздо болѣе украшеній: у головы встрѣчались украшавшія волосы височныя кольца семилопастныя, рѣже серьги. На шеѣ встрѣчались витыя бронзовыя гривны и многочисленныя (до 7 нитокъ) ожерелья, состояція или изъ крупныхъ бусъ, стеклянныхъ, глиняныхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ и горнаго хрусталя, или изъ мелкихъ глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками, имѣвшими форму: ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ, бубенчиковъ и крестообразныхъ фигуръ. На рукахъ встрѣчались браслеты изъ бронзовыхъ проволокъ и пластинокъ и перстни серебряные изъ проволокъ и пластинокъ, а также бронзовые литые. Въ двухъ случаяхъ встрѣчены фибулы дугообразныя: одна бронзовая и одна желѣзная, на браслетахъ и кольцахъ много орнаментики, болѣею частью представляющей сосенку. Металлическіе предметы, всѣ безъ исключенія не были спаяны. Серебряные предметы были гораздо численнѣе ($\frac{9}{10}$) бронзовыхъ. Янтаря встрѣчается мало.

Хронологическія данныя встрѣтились два раза: въ одномъ случаѣ найдены 5 медальоновъ, сдѣланныхъ изъ восточныхъ монетъ, которыя оказа-

лись саманидскими диргемами первой половины X ст., въ другомъ случаѣ найденъ былъ христіанскій крестикъ, съ изображеніемъ Распятія, привѣшенный, въ качествѣ украшенія, къ ожерелью, — по формѣ одѣянія на Спасителѣ относящійся не позже начала XI ст. Обѣ данныя указываютъ такимъ образомъ на X-ое столѣтіе.

Д. Я. Самоквасовъ, замѣтивъ, что люди науки привыкли видѣть въ докладахъ референта труды, удовлетворяющіе самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ, нашель, что и настоящій рефератъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Предсѣдатель Д. Н. Анучинъ, находя что докладъ референта кромѣ другихъ замѣчательныхъ достоинствъ, отличается прекрасными научными приѣмами, выразилъ ему отъ лица собранія глубокую благодарность.

3. Депутатъ могилевскаго статистическаго комитета М. В. Фурсовъ сдѣлалъ докладъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ въ 1892 году въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи. Цѣль раскопокъ заключалась въ выясненіи погребальнаго типа поселенцевъ береговъ Днѣпра, Сожи и притоковъ ихъ: Друти, Прони, Остра и Бесѣди. Раскопано 60 кургановъ изъ 350 приблизительно. Въ результатѣ, по словамъ докладчика, найдено: 1) полное трупосожженіе (въ 19 курганахъ); 2) неполное, съ положеніемъ трупа на догорающемъ кострѣ (въ 18 курганахъ); 3) погребеніе на поверхности земли (въ 62 курганахъ) и ниже поверхности земли — въ могилахъ (въ 8 курганахъ). Положеніе скелетовъ довольно разнообразное. Найдено 2 случая совмѣстнаго погребенія по 4 и по 2 трупа. Обнаружены также два случая двухъярусныхъ кургановъ (трупы одинъ надъ другимъ). Результаты добытые референтомъ, во многомъ сходятся съ таковыми же профессора Антоновича, но существуютъ и различія. Такъ, на примѣръ, большія кольца были найдены на груди скелетовъ съ привѣсками изъ сердолика, горнаго хрусталя и стеклянныхъ золоченыхъ бусъ, тогда какъ на костякахъ Гомельскихъ такія кольца служатъ головнымъ украшеніемъ; ромбовидныя привѣски, въ формѣ рыбокъ, на костякахъ Гомельскихъ составляютъ часть ожерелій и найдены тамъ во множествѣ; въ раскопкахъ-же г. Фурсова такія привѣски встрѣчены въ небольшомъ количествѣ и постоянно какъ серьги; массивныя браслеты изъ серебра, изящное кольцо съ камнемъ, золотой съ финифтью крестъ (со сломаннымъ нижнимъ концомъ), литая изъ мѣди фигура челоуѣка найдены въ курганахъ Мстиславскаго и Быховскаго уѣздовъ. Въ Гомельскихъ же не встрѣчено вовсе ничего подобнаго. Но всѣ эти разновидности не существенно важны.

Затѣмъ докладчикъ перешель къ описанію погребальныхъ формъ, встрѣченныхъ имъ въ пяти уѣздахъ губерніи.

Погребеніе черезъ положеніе трупа на потухающемъ кострѣ и погребеніе въ искусно-вырытыхъ и обложенныхъ толстыми слоями бересты могилахъ не встрѣчено при раскопкахъ въ Гомельскомъ уѣздѣ, другія же двѣ формы: погребеніе на грунтѣ и погребеніе выше грунта, какъ бы на ложѣ изъ золы

и песку (иногда разноцветнаго), найдены профессором Антоновичемъ, какъ преобладающій типъ погребенія у Радимичей. Съ этимъ согласиться нѣтъ достаточныхъ оснований, при характеристикѣ погребальнаго обряда въ пяти разслѣдованныхъ уѣздахъ, гдѣ жила большая часть (почти $\frac{4}{5}$) Радимичей. Кромѣ того, признать погребеніе на ложѣ изъ песку и золы за типическое—значитъ сдѣлать обобщеніе изъ небольшого числа добытыхъ фактовъ (раскопки въ 2-хъ мѣстахъ Гомельскаго уѣзда); оно было бы поспѣшно даже и тогда, когда такое погребеніе оказалось бы преобладающимъ въ 60-ти раскопкахъ кургановъ пяти уѣздовъ, ибо всѣхъ кургановъ въ бассейнѣ Сожи считается свыше тысячи, раскопано же ихъ не болѣе десятой части.

Затѣмъ, послѣ демонстраціи устройства трехъ Мозырскихъ могилъ, изъ коихъ двѣ обложены внутри берестою въ нѣсколько слоевъ и имѣли надъ собою такъ называемый бдынь (отъ—будовать, строить) или деревянную изъ толстыхъ плахъ постройку, сверху которой и былъ насыпанъ курганъ, докладчикъ перешелъ къ описанію глиняныхъ горшковъ, встрѣчающихся разбитыми въ каждомъ курганѣ и въ цѣломъ видѣ у ногъ или у головы скелета во многихъ курганахъ. Разновидность ихъ противъ Гомельскихъ состоитъ въ томъ, что всѣ горшки (цѣлые) весьма красивой формы, съ глубокою вытяжкою и изъ хорошо вымѣшанной глины (бѣлой или черной), тогда какъ въ Гомельскихъ курганахъ всѣ безъ исключенія горшки сдѣланы изъ плохой глины, съ примѣсью кварца и не на кружалѣ. Кромѣ того, въ горшкахъ, помѣщенныхъ при скелетахъ въ курганахъ пяти уѣздовъ, не оказывается слѣдовъ чего либо, что можно было бы назвать содержимымъ въ нихъ, но стѣнки ихъ болѣею частью только закопчены; въ Гомельскомъ же уѣздѣ существованіе содержамаго въ горшкахъ замѣчено проф. Антоновичемъ.

Высказавъ народный взглядъ на постановку (даже и по нынѣ) горшковъ на могилахъ, референтъ закончилъ этимъ докладъ свой.

Засѣданіе V-го отдѣленія (церковныя древности) 4 августа.

Почетный предсѣдатель протоіерей П. Ф. Николаевскій. -- Предсѣдатель Н. И. Петровъ. — Секретарь Н. И. Троицкій.

1. М. П. Истоминоу прочелъ рефератъ: „Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи“.

Кіево-Печерская лавра имѣла громадное историческое значеніе, какъ хранительница завѣтовъ православія для З. Руси; отсюда понятно становится и вся важность изученія этого памятника какъ въ историческомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ отношеніи встрѣчаются непреодолимые препятствія: время проходило, веѣ остатки древней старины не сохранились, такъ, напримѣръ, не сохранилось древней мозаики, „мусійной живописи“, которою, по извѣстіямъ Патерика и Синописа, былъ украшенъ главный храмъ. Въ особенности для лавры памятенъ

пожаръ 1718 года. Поэтому-то самая древняя живопись въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры, уцѣлѣвшая лишь въ немногихъ мѣстахъ, не восходитъ по времени раньше прошлаго столѣтія.

Въ прошломъ столѣтіи, по свидѣтельству надписи, находящейся на столбѣ у лѣваго клироса, великая лаврская церковь была росписана два раза: въ 1730 и отъ 1772—1776 гг.

Въ описаніи лавры митрополита Евгенія, эта послѣдняя иконопись именуется „превосходною греческою“. Это мнѣніе о греческомъ характерѣ лаврской живописи прошлаго столѣтія требуетъ тщательной провѣрки, насколько она возможна при наличности существующихъ данныхъ. Намъ извѣстны два документа: одинъ, хранящійся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, другой — въ архивѣ Кіево-Печерской лавры; на основаніи ихъ устанавливается фактъ пребыванія въ этомъ монастырѣ живописца Веніамина Фредериче, который около 1758 г. перешелъ изъ бердичевского кармелитскаго монастыря, гдѣ исполнялъ нѣкоторые заказы въ Кіево-Печерскую лавру. Его мы здѣсь встрѣчаемъ еще въ концѣ 1760 г. Изъ разобранныхъ нами дѣлъ видно, что ему поручена была какая-то работа администраціею лавры. Г. Истоминоу полагаетъ, что Фредериче были поручены росписи лаврской церкви.

Въ теченіе почти всего XVIII столѣтія лавра считалась единственнымъ разсадникомъ иконописнаго искусства на всю Западную Россію, хотя, впрочемъ, есть факты, указывающіе на то, что состояніе иконописнаго искусства въ самой лаврѣ не стояло на должной высотѣ; тѣмъ не менѣе, потребность въ этомъ искусствѣ и сознаніе необходимости его усовершенствованія давали себя чувствовать, повидимому, очень сильно. Для удовлетворенія таковой, прежде всего нужна была школа церковной древней живописи, а ея не было при лаврѣ, гдѣ обученіе ему желающихъ происходило „приватно“ по кельямъ монастырской братіи, иноковъ-иконописцевъ. Такая школа была открыта при Кіево-Печерской лаврѣ 17 мая 1763 года. Основаніе ея подвинуло дѣло; подъемъ „иконописнаго мастерства“ выразился въ томъ, что, при выполненіи живописныхъ работъ въ соборной лаврской церкви въ 1772—1776 гг., участвовали исключительно ученики недавно открытой школы.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, почему администрація Кіево-Печерской лавры пригласила къ себѣ для живописныхъ работъ художника итальянца и удерживала его при монастырѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Къ историческимъ заслугамъ Кіево-Печерской лавры нужно отнести то, что она, какъ одинъ монастырь изъ передовыхъ постовъ на стражѣ національныхъ задачъ Западной Руси въ эпоху непрекращавшейся религіозной борьбы, взяла на себя обязанности по обученію иконописному искусству.

Отрывочный фактъ пребыванія въ Кіево-Печерской лаврѣ итальянскаго живописца свидѣтельствуеетъ о томъ, что въ церковной иконописи Западной Руси имѣло мѣсто и западное вліяніе, которое должно было отразиться на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Ви-

зантіи (слѣды этого вліянія замѣтны, напр., въ предѣлѣ св. первомученика Стефана). Съ этой точки зрѣнія получаетъ научный интересъ и изученіе того немногаго, что уцѣлѣло въ Кіево-Печерской лаврѣ отъ живописи прошлаго столѣтія. Поэтому, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что параллельное изученіе живописи въ древнихъ православныхъ и католическихъ храмахъ Западной Руси дастъ богатый матеріаль для исторіи искусства, съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ — византійско-русской и западно-латинской. Къ реферату г. Истомина сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній проф. Н. И. Петровъ.

2. Н. И. Троицкій доложилъ съѣзду сообщеніе: „Пѣснь Пѣсней въ фрескахъ Тульского Успенскаго собора“.

Тульскій Успенскій кафедральный соборъ, обращающій на себя вниманіе своими архитектурными достоинствами, — въ отношеніи обширности, легкости и освѣщенія, — заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія по своему внутреннему убранству, и притомъ какъ въ художественномъ отношеніи, такъ въ особенности со стороны церковной иконографической символики. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его стѣнная фресковая иконопись. Хотя этотъ храмъ построенъ отъ 1762 по 1764 г., а росписанъ *al-fresco* отъ 1765 по 1767 г., тѣмъ не менѣе фрески его замѣчательны въ высшей степени и по своей Technikѣ, и по стилю, а главное — по своей полнотѣ и содержательности. Сколько извѣстно, эта роспись есть послѣднее и совершеннѣйшее созданіе русскаго фресковаго письма. Заполняя все пространство поверхности стѣнъ, столбовъ, сводовъ и куполовъ, она представляетъ въ прекрасныхъ образахъ и лицахъ всю перспективу тысячелѣтней жизни царства Божія на землѣ. Размѣщеніе фресковыхъ изображеній, въ основныхъ чертахъ своего плана, имѣетъ, конечно, большое сходство съ извѣстными росписями храмовъ владимірскихъ, московскихъ и ярославскихъ, а непосредственно примыкаетъ къ ярославскимъ подлинникамъ. И это потому, что — по выраженію лѣтописной надписи на сѣверной двери собора — „трудившіеся о Бозѣ иконописцы“ были „града Ярославля посадскіе люди стѣннаго писанія“. Находясь въ такой зависимости отъ ярославскихъ подлинниковъ, фрески тульского Успенскаго собора имѣютъ, однако, свою весьма замѣчательную особенность и въ составѣ изображеній и въ стилѣ писанія. Какъ таковыя, они служатъ и развитіемъ фресковаго дѣла, и дополненіемъ цикла изображеній, принятыхъ уже въ древнихъ храмахъ и въ частности — въ ярославскихъ. Выдающуюся особенность такого рода фресокъ представляютъ четыре болѣе или менѣе обширныхъ клейма, составляющихъ цѣлый рядъ или ярусъ и расположенныхъ на западной стѣнѣ храма, во всю ея длину — съ изображеніями, которыя стоятъ въ непосредственной связи съ текстомъ ветхозавѣтной канонической книги „Пѣснь Пѣсней“ Соломона.

Тульскія фрески представляютъ прежде всего особенность етіля, хотя она касается главнымъ образомъ декоративной стороны (костюмовъ лицъ, вида палатъ и ландшафта), — духъ и вкусъ эстетическій XVIII в. сказанъ

въ этомъ вѣкѣ и во фресковой росписи (въ особенности—платье широкое съ узкимъ лифомъ). Но главное отличіе тульскихъ фресокъ составляетъ сложность ихъ состава и полнота содержанія, ее обуславливающая: эти фрески воспроизводятъ *все* содержаніе книги „Пѣснь Пѣсней“ и даютъ свое особенное толкованіе основной ея идеѣ.

По толкованію фресковыхъ лицевыхъ изображеній, въ „Пѣсни Пѣсней“ воспѣвается отношеніе не мудрости къ Соломону, на что указываетъ его „Книга Премудрости“,—не народа Израильскаго къ Іеговѣ, какъ училъ р. Акиба,—не души христіанина ко Христу, какъ проповѣдывалъ Оригенъ и прочіе,—не благополучнаго государства Соломона къ нему — царю или къ Іеговѣ, какъ народному благодѣтелю, какъ соображалъ Лютеръ,—не отношеніе жены къ мужу, состоящихъ въ благословенномъ бракѣ, какъ думаетъ Деличъ, — и, наконецъ, не отношеніе Палестины къ своему солнцу, какъ мудрствуетъ Тайяръ;—нѣтъ: „Пѣснь Пѣсней“ воспѣваетъ глубокую любовь ветхо-завѣтной Церкви къ обѣтованному Искупителю, къ новому и вѣчному союзу съ Нимъ.

Такъ опредѣленная идея книги „Пѣснь Пѣсней“ устраняетъ весьма многія недоумѣнія и затрудненія при послѣдовательномъ толкованіи всего текста этой превосходной поэтической книги Ветхаго Завѣта. А именно такому опредѣленію идеи книги „Пѣснь Пѣсней“ по фрескамъ соотвѣтствуетъ ихъ символика, т. е. размѣщеніе ихъ всѣхъ именно на западной стѣнѣ храма.

Церковное ученіе о символическомъ значеніи храма и его частей издревле и до днесь безспорное, незыблемое и совершенно опредѣленное; храмъ — это міръ, алтарь, высшее небо; средняя часть храма — земля; западная стѣна — нижняя область земли, даже адъ. И это символическое ученіе о храмѣ ставится въ неразрывную связь съ символическими богослужебными дѣйствіями епископа.

При этомъ символическомъ ученіи Церкви о храмѣ совершенно понятно отношеніе фресокъ „Пѣсни Пѣсней“ именно къ западной стѣнѣ онаго. Западъ—страна мрака, область скорби, мѣсто томленія, воздыханія, надежды. И вотъ почему на западную сторону переносится и на западной стѣнѣ храма помѣщается изображеніе ветхо-завѣтной Церкви, любящей своего Искупителя, но еще скорбящей о Немъ, ищущей Его, но еще не обрѣтающей, встрѣтившей Его, но нерѣшительно послѣдовавшей за Нимъ,—а вмѣстѣ и изображеніе Искупителя, любящаго свою церковь, говорящаго ей о Себѣ, но еще страдающаго за нее. Это—мѣсто томленія жениха и невѣсты, любящихъ другъ друга, но еще страдающихъ въ любви, не вошедшихъ еще въ брачный, свѣтлый, радостный и славный чертогъ. На семь-то мѣстѣ и переданы столь художественные образы „Пѣсни Пѣсней“ въ прекрасныхъ фрескахъ Тульскаго Успенскаго кафедральнаго собора.

Н. И. Троицкій закончилъ рефератъ слѣдующими словами: „Мнѣ суждено было открыть вамъ господа, только одну страницу величественной хартіи стѣнныхъ росписей православнаго храма, и не очевидно ли, какъ величес-

твенъ православный храмъ по своему символическому значенію, какъ глубока его стѣнная иконопись по своимъ идеямъ. — Безпредѣленъ онъ, какъ безпредѣленъ міръ Божій; глубока онъ по своей идеѣ, какъ глубока разумъ Божій, художествененъ онъ, какъ художественны картины историческихъ тысячелѣтій жизни церкви Божіей!“

3) Проф. Н. И. Петровъ сдѣлалъ докладъ „О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ г. Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора“. Референтъ коснулся двухъ предметовъ: древняго града Владимірова въ Кіевѣ и новооткрытыхъ фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. При выемкѣ земли для прокладки канализационныхъ трубъ по Большой Владимірской улицѣ, открыта была древняя кладка изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей. Какое тутъ было въ древности зданіе — это объясняетъ планъ г. Кіева XVII в., хранящійся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На этомъ планѣ обозначено два крѣпостныхъ вала на Старомъ Кіевѣ—оба съ воротами. Ворота перваго вала обозначены приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ открыта древняя кладка. Это — древній городъ св. Владиміра. Далѣе, на планѣ обозначенъ городъ Ярославовъ со св. Софіею въ центрѣ. Очевидно, оба вала сохранялись до XVII в. и занесены были на планъ.

Фрески въ Кіево-Софійскомъ соборѣ открыты двоякаго рода: однѣ на арочныхъ столбахъ алтаря, который очевидно, не закрывался въ древности иконостасомъ, а другіе въ аркахъ притвора, облежавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ такъ называемой крещальнѣ, находящейся на правой сторонѣ отъ главнаго западнаго входа въ соборъ. Къ реферату проф. Петрова сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній г. Хойновскій.

Засѣданіе для рефератовъ на иностранныхъ языкахъ 5 августа.

Почетный предсѣдатель Л. Х. Штида.—Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—
Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Графъ Флери, депутатъ археологич. Общества въ Шарантѣ, доложилъ „О неолитической стоянкѣ въ Кемнѣ“. Мѣстность стоянки пограничіе Гродненской губерніи въ разстояніи одного километра отъ слиянія Нарева и Бобра. Это островокъ кварцевыхъ песковъ, возвышающійся надъ окрестными заливными лугами; равнину обрамляютъ холмы, усѣянные гранитнымъ камнемъ ледниковаго происхожденія. Населеніе этой стоянки жило рыбной ловлей и охотой, не знало желѣза. Въ обилии были найдены кремневые орудія разныхъ типовъ, и лишь незначительное количество бронзовыхъ украшеній. Богатую коллекцію кремневыхъ орудій (ножей, скребковъ, пилъ, стрѣлъ, и др.) въ прекрасной сортировкѣ на таблицахъ докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія. Указывая на то, что въ данной мѣстности была не только стоянка неолитической эпохи, но и мастерская кремневыхъ ору-

дій, а также найдены были въ обилии фрагменты многочисленныхъ керамическихъ издѣлій и горшковъ съ углями и жжеными костями (горшки различной формы, съ прямыми и острыми доньшками) докладчикъ старался установить здѣсь существованіе могильника той же эпохи. Неолитическое происхожденіе стоянки доказывалъ онъ между прочимъ тѣмъ, что уровень рѣкъ Нарева и Бобра остается и теперь тотъ же, даже во время наводненія, каковъ онъ былъ въ неолитическую эпоху.

Профессора Антоновичъ и Анучинъ просили у докладчика нѣкоторыхъ разъясненій.

2. Депутатъ Общества Антикваріевъ Франціи, баронъ де-Бай, представилъ докладъ: „Объ Асторгскомъ ковчежцѣ для мощей“. Напомнивъ въ краткихъ чертахъ исторію Асторги и области, центромъ которой былъ этотъ городъ въ теченіе вестготскаго періода исторіи Испаніи, референтъ представилъ подробное описаніе ковчежца, хранящагося въ асторгскомъ соборѣ. Его жертвователемъ былъ король Альфонсъ III (866 — 910). Сдѣланъ онъ изъ дерева и обложенъ чеканными серебряными позолоченными пластинами. Характеръ работы варварскій и стиль ея грубый. Мастеръ обнаружилъ безпомощность въ изображеніи фигуръ людей и животныхъ. Со стороны техники особый интересъ представляютъ припаянныя пластинки съ рельефными изображеніями и вставленными гранатными и темнозелеными камнями. Это и есть та манера, которую разносили съ собою повсюду варвары въ періодъ переселенія народовъ. — Крышка ковчежца имѣетъ форму усѣченной пирамиды. На верхней площадкѣ изображенъ агнецъ съ крестомъ и надпись: *Agnus Dei*, а вверху и внизу отъ этого изображенія вытѣснены надписи въ одну строку каждая съ именами короля и его супруги. На узкихъ сторонахъ ската изображено по одному ангелу на той и другой съ надписью: *Angelus* подъ первымъ и *Gabriel* подъ вторымъ. На длинныхъ боковыхъ скатахъ изображены: быкъ съ надписью *Lucas* и орелъ съ надписью *Ioannes*. Боковыя стѣнки ковчежца декорированы въ верхней части цвѣточнымъ орнаментомъ, а въ нижней изображеніями людей. На пластинкѣ, покрывающей днище ковчежца, изображенъ крестъ съ символическими буквами α и ω . Главный интересъ этого памятника составляетъ самый стиль работы, который, несомнѣнно, идетъ съ Востока.

3. Депутатъ Археологич. С.-Петербургскаго Института, князь П. А. Путятинъ, предложилъ нѣсколько замѣчаній: „Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи“. По мнѣнію докладчика, было бы весьма желательно, для успѣха изученія данныхъ доисторической археологій на обширномъ пространствѣ Россіи, выработать нѣкоторыя общія рубрики для классификаціи относящихся сюда предметовъ. Въ виду разнообразія физическихъ условій отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, все пространство нашего отечества можно было бы подраздѣлить на четыре пояса: 1) поясъ полярный съ населеніемъ, не восходящимъ къ очень давнему времени, 2) поясъ сѣверныхъ лѣсовъ съ нѣкоторыми характерными кремневыми орудіями (рѣзакі)

и многочисленными образцами керамического дѣла, 3) поясъ центральный, гдѣ констатировано присутствіе человѣка вмѣстѣ съ мамонтомъ, т. е. находимы были орудія палеолитической эпохи, 4) степной поясъ, гдѣ несомнѣнно констатировано присутствіе мамонта.

Баронъ де-Бай въ отвѣтъ на предложеніе кн. Путятина замѣтилъ, что онъ вообще противъ классификацій. Во Франціи, гдѣ классификаціи сдѣланы были преждевременно, онѣ отстранили и продолжаютъ отстранять отъ до-исторической археологіи многихъ серьезныхъ историковъ. Коснувшись нѣкоторыхъ частныхъ, упоминавшихся въ докладѣ кн. Путятина, баронъ де-Бай замѣтилъ, что, по его мнѣнію, эра прирученія животныхъ совпадаетъ съ эмиграціей новой расы съ Востока; древности Ментоны принадлежатъ неолитической, а не палеолитической эпохѣ, хотя тамъ попадаются предметы этой послѣдней; объясняется это тѣмъ, что онѣ найдены въ ямѣ, сдѣланной въ палеолитическую эпоху.

Кн. Путятинъ замѣтилъ, что онъ считаетъ классификацію первымъ условіемъ каждой науки и въ данномъ вопросѣ солидаренъ во взглядахъ съ предсѣдателемъ парижскаго антропологическаго общества Salmon'омъ.

4. Графъ Флери сдѣлалъ сообщеніе: „О церкви св. Михаила въ Ломжѣ“. Сооруженіе этой церкви относится къ 1520 г. и сдѣланы на средства старосты ломжинскаго, Ивана Войславскаго, съ пособіемъ отъ князя мазовецкаго съ сестрою. Широкій фасадъ съ разукрашеннымъ фронтономъ выведенъ въ томъ же стилѣ, что и Нюрнбергскій соборъ. Позднѣйшая реставрація значительно измѣнила внѣшній видъ церкви, не коснулась лишь колокольни съ ея типическими башенками. Внутри церковь меньше пострадала, нежели снаружи. Главный интересъ церкви въ археологическомъ и художественномъ смыслѣ составляютъ мраморныя и гранитныя гробницы ломжинскихъ старостъ въ хорахъ капеллы и ихъ портреты, нарисованные на оловянныхъ доскахъ. Доски эти прибывались къ изголовью гроба и т. о. портретъ служилъ вмѣсто надписанія имени, какъ дѣлается это теперь. Референтъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія фотографіи колокольни и трехъ гробницъ, а также цѣлую серію досокъ съ портретами XVII и XVIII вв.

Засѣданіе V-ю отдѣленія (памятники быта) 5 августа.

Почетный предсѣдатель В. Г. Васильевскій. — Предсѣдатель Н. И. Веселовскій. — Секретарь С. М. Середонинъ.

1. А. Я. Ефименко доложила съѣзду: „О копныхъ судахъ“.

1-й томъ Актовъ виленской археографической комиссіи (о копныхъ судахъ) представляетъ собою совершенно исключительный по полнотѣ деталей матеріалъ, выясняющій архаическій судный процессъ.

Копный процессъ представляетъ въ своемъ полномъ развитіи три момента, которымъ соотвѣтствуютъ три типичныхъ копы: 1) горячая—предварительное дознаніе, 2) при неудовлетворительномъ результатѣ ея дѣло переходило въ

копу великую, вальную—судебное слѣдствіе и 3) завитая, судебное рѣшеніе вмѣстѣ съ приведеніемъ его въ исполненіе. Характеренъ для горячей копы обычай гнать слѣдъ. Великая копа — центръ суднаго процесса: присутствіе на ней обязательно для всѣхъ членовъ копнаго округа; она обставлялась особою торжественностью; главныя ея процессуальныя дѣйствія—„вольное правовое мовенъе“ (словесное состязательство сторонъ) и предъявленіе судебныхъ доказательствъ, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ присягѣ, очистительной и обвинительной, тогда какъ поличное не играло почти никакой роли, а свидѣтели имѣли лишь второстепенное значеніе. Великой же копой выяснялось, какой характеръ имѣетъ правонарушеніе: простой ли шкгоды, допускающей матеріальное возмѣщеніе, или злодѣйства. Завитая копа собиралась только для злодія. Это пока позволяетъ заглянуть въ самый генезисъ понятія уголовной преступности. Злодій сохраняетъ свое частно правовое отношеніе къ истцу; но и другіе члены копнаго округа могутъ предъявлять къ нему притязанія и пытаться „о свои шкгоды“, буде таковыя бывали, а виновникъ ихъ былъ не найденъ. Обыкновенный конецъ завитой копы — повѣшенія злодія. Опредѣливъ, затѣмъ, отношенія правонарушителя къ потерпѣвшему, какъ отношенія частноправовыя, референтъ во второй части своего изслѣдованія затронулъ вопросъ объ отношеніи народнаго суда къ великокняжескому.

Копный судъ есть судъ народной сходки, громады, вѣча. Какое же мѣсто онъ долженъ занимать въ исторіи суда вообще? Наука исторіи права, въ лицѣ авторитетнѣйшихъ представителей, утверждаетъ, что въ предѣлахъ исторіи судъ есть принадлежность государственной власти. Авторъ реферата считаетъ такое утвержденіе ошибочнымъ. Многія свидѣтельства памятниковъ, говорящія о великокняжескомъ судѣ, можно объяснить въ смыслѣ взиманія въ пользу князя пошлинъ при допущеніи народнаго суда. Но авторъ реферата не отвергаетъ этого великокняжескаго суда, только полагаетъ, что до относительно позднихъ эпохъ онъ имѣлъ характеръ суда полюбовнаго: по крайней мѣрѣ авторъ въ этомъ смыслѣ толкуетъ выраженіе уставныхъ грамотъ XVI в. о выдачѣ. Это утвержденіе авторъ ставитъ въ зависимость отъ своего основнаго взгляда на развитіе права, заключающееся въ томъ, что право, какъ матеріальное, такъ и формальное, шло въ своемъ развитіи первоначально по двумъ русламъ, по двумъ типамъ: правды для своихъ (внутри родовыхъ группъ) и правды для чужихъ (въ междугрупповыхъ отношеніяхъ). Первому типу соотвѣтствуетъ судъ народный, второму — великокняжескій, какъ развившійся изъ суда полюбовнаго.

Рефератъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей.

И. Я. Спрогисъ, поблагодаривъ автора реферата за ея работу, привѣтствовалъ его особенно, какъ трудъ женщины, сердце которой чутко къ свободѣ, такъ какъ въ рассматриваемое время и крестьянинъ стоялъ на ряду съ боярами и творилъ судъ; но г. Спрогисъ заявилъ, что расчлененіе копнаго суднаго процесса, сдѣланное авторомъ, придаетъ отдѣльнымъ копамъ

характеръ судебныхъ инстанцій, между тѣмъ какъ копы, не инстанціи, а только разные моменты одной и той же копы. Г-жа А. Я. Ефименко отвѣтила, что только документами можно доказать точность вывода, но что, вѣроятно, и И. Я. Спрогисъ не станетъ отрицать того, что каждая копа имѣетъ определенное юридическое значеніе; кромѣ того, расчлененіе копнаго суднаго процесса важно и тѣмъ, что оно связываетъ этотъ процессъ съ суднымъ процессомъ другихъ правъ, особенно славянскихъ, которыя постоянно упоминаютъ о трехъ судныхъ рокахъ. И. А. Линниченко указалъ на то, что въ актахъ т. наз. Бернардинскаго Архива во Львовѣ, можно найти матеріалы для копныхъ судовъ въ болѣе раннее время, чѣмъ акты XVIII тома виленской комиссіи, относящіеся къ XVI—XVII стол., когда копные суды начали уже разлагаться; въ заключеніе И. А. Линниченко выразилъ надежду, что А. Я. Ефименко, столь много уже поработавшая надъ русскимъ обычнымъ правомъ, выяснитъ въ своихъ трудахъ характеръ древне-русской общины. Къ этому заявленію присоединился А. В. Романовичъ-Славатинскій, горячо благодарившій А. Я. Ефименко за ея докладъ.

Ө. И. Успенскій обратилъ вниманіе собранія на то, что рефератъ особенно интересенъ съ сравнительно исторической точки зрѣнія. Такъ, въ изученіи германскихъ древностей, трудами Sohm'a выяснено, что община имѣла въ древности участіе въ такихъ актахъ государственнаго характера, которые послѣ перешли въ компетенцію королей. Это видно, наприм., изъ глоссы къ *manumissio ante regem (ana theatha)*, что значитъ народъ). Далѣе, онъ указалъ въ юго-славянскихъ памятникахъ употребленіе термина купа, именно въ словѣ *cupra*.

Ар. В. Лонгиновъ возбудилъ вопросъ о значеніи обычая — приставленія голени къ голени противника и находилъ, что это есть не что иное, какъ очная ставка свидѣтелей.

А. Я. Ефименко полагала, что рациональный смыслъ этого обряда уже утраченъ, но что онъ, по всей вѣроятности, одного значенія съ обрядомъ — ставить шапки съ деньгами и имѣлъ значеніе судебного заклада. Въ древнемъ чешскомъ правѣ, какъ свидѣтельствуется *Kniha stareho prava Z. Rosenbergа*, истецъ и отвѣтчикъ приставляли ногу къ ногѣ, выговаривая при этомъ формулу судебного заклада *wdania (sacramentum, Wette)*.

И. Я. Спрогисъ также находилъ, что этотъ обрядъ имѣлъ для тяжущихся большее значеніе, чѣмъ очная ставка.

Д. Я. Самоквасовъ видѣлъ въ этомъ обрядѣ упоминаніе о судебномъ поединкѣ, къ которому судьи прибѣгали тогда, когда всѣ другія доказательства были уже исчерпаны.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что въ нашей ученой литературѣ (между прочимъ Владимірскимъ-Будановымъ) уже высказано мнѣніе, что дѣлать строго судъ на княжескій и народный нельзя, что населеніе принимало значительное участіе и въ княжескомъ судѣ, княжескіе чиновники наблюдали за правильнымъ поступленіемъ пошлинъ въ княжескую казну.

Л. С. Бѣлогриць-Котляревскій утверждалъ, что историки права не отрицаютъ участія народа въ судѣ; на что В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что въ ученой литературѣ это составляетъ предметъ спора: такъ относительно Меровингской эпохи Фюстель де-Куланжъ отрицаетъ участіе народа въ судѣ, Зомъ совершенно различаетъ судъ народный отъ суда княжескаго, Бруннеръ пытается согласить два эти мнѣнія.

2. Депутатъ Московскаго университета, И. А. Линниченко, сдѣлалъ сообщеніе: „Общины на Валашскомъ правѣ въ юго-западной Руси“.

Указавъ на необходимость всесторонняго изученія прошлой жизни народа и на услуги, оказываемой русской исторической наукѣ археологическими съѣздами, авторъ перешелъ къ спеціальной темѣ своего реферата. По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностью предполагать, что онѣ возникли еще въ XIII ст. Авторъ готовъ считать загадочныхъ болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ обща повинности и отбываетъ извѣстныя работы. Значеніе крайника мало выясняется актами, онъ присутствуетъ въ судѣ съ офиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ cadaго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе князства скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ, и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Князства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наследственную собственность; съ нашей точки зрѣнія князь въ князствѣ являлся только какъ *usufructor*, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельных участкахъ-дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціального занятія валаховъ скотоводовъ. Первые поселенія на валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ - Валаховъ, но съ теченіемъ времени многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

А. В. Лонгиновъ выразилъ сожалѣніе, что авторъ реферата не остановился подробнѣе на тождествѣ болоховскихъ князей съ валашскими князьями. Около 1240 г. болоховскіе князья перешли къ границамъ Мазовіи, тогда же могли появиться валашскія поселенія на Волыни; характерныя черты валашскаго права вытекаютъ изъ занятія валаховъ скотоводствомъ вообще и овцеводствомъ въ частности. Затѣмъ оппонентъ привелъ соображенія, въ доказательство того, что русское право, господствовавшее въ Червонной Руси со временъ Ярослава I, не могло подавить валашскаго права, вытекавшаго изъ бытовыхъ условій румынской народности.

На это предсѣдательствовавшимъ, В. Г. Васильевскимъ, было замѣчено, что референтъ отклонилъ отъ себя вопросъ о болоховскихъ князьяхъ, потому что вопросъ этотъ подробно разрабатывался на одномъ изъ предыдущихъ сѣздовъ.

Засѣданіе II-го отдѣленія (исторіи, географіи и этнографіи) 7 августа.

Почетный предсѣдатель А. О. Мѣржинскій.—Предсѣдатель А. И. Павинскій.—
Секретарь М. Н. Березковъ.

1. Депутатъ одесскаго Общ. исторіи и древностей, А. В. Лонгиновъ, прочелъ рефератъ: „О князѣ Любартѣ-Θеодорѣ Ольгердовичѣ и его потомкахъ, князьяхъ Сангушкахъ“. Референтъ доказывалъ существованіе двухъ сходныхъ по имени князей: 1) Любарта-Дмитрія Гедиминовича и 2) Любарта-Θеодора Ольгердовича Сенкушко или Сангушко, — какъ его позднѣе стали называть, — родоначальникъ князей Сангушковъ, вопреки распространенному между учеными мнѣнію, былъ сыномъ не Любарта-Дмитрія Гедиминовича, а Любарта Θеодора Ольгердовича. Имя Сенкушки или Сангушки, производимое референтомъ отъ слова — *Семень*, *Сенька*, и, слѣдовательно, сначала — личное, по мнѣнію референта, впоследствии обратилось въ фамиліное прозвище для всѣхъ его потомковъ. Родословная Сангушковъ доведена въ рефератѣ до конца XVII в. и представлена подробная родословная роспись. Настоящее изслѣдованіе было напечатано въ Трудахъ виленскаго предварительнаго комитета. На этотъ рефератъ были сдѣланы возраженія г. Любой-Радзиминскимъ. Признавая большую важность настоящаго труда референта, г. Люба-Радзиминскій не соглашался съ нѣкоторыми выводами его хронологическими и генеалогическими по исторіи князей Любартовъ, такъ, наприм., онъ настаивалъ на томъ пунктѣ, что Сангушко былъ сыномъ Θедора Ольгердовича, князя Ратненскаго, не называвшагося Любартомъ и не имѣющаго ничего общаго съ Θедоромъ Любартомъ, сыномъ Любарта Гедиминовича. Референтъ, отвѣчая на эти возраженія, замѣтилъ, между прочимъ, что напрасно г. Радзиминскій отвергаетъ значеніе церковныхъ памятниковъ, какъ историческихъ и генеалогическихъ источниковъ: они представляютъ несомнѣнную историческую цѣнность, особенно при совпаденіи показаній ихъ со свидѣтельствами историческихъ писателей.

2. Депутатъ Новороссійскаго университета, профъ А. И. Кирпичниковъ прочель: „О палладіумъ Константинополя“. Сдѣлавъ историческія справки на счетъ обычая, распространеннаго въ городахъ Римской имперіи, ставитъ статуи Судьбы, покровительницы вновь строимыхъ городовъ, авторъ собралъ указанія источниковъ о таковой же статуѣ Судьбы въ Константинополѣ, прі основаніи его поставленной императоромъ Константиномъ Великимъ и торжественно имъ освященной, равно о другихъ статуяхъ, въ томъ же значеніи позже воздвигавшихся. Къ обзору свѣдѣній по этому предмету (на основаніи статьи Стржиговскаго) референтъ присоединилъ народныя византійскія преданія разныхъ временъ о Константиновомъ палладіумѣ, и показалъ, какъ постепенно значеніе прежнихъ статуй покровительницъ Царяграда получили статуи императоровъ Константина и Юстиніана, о коихъ говорятъ съ удивленіемъ наши русскіе паломники (іеромонахъ Зосима) и западно-европейскіе путешественники, посѣщавшіе Царьградъ. Авторъ заключилъ свой рефератъ обращеніемъ къ русскимъ ученымъ поискать, нѣтъ ли указаній въ русскихъ источникахъ на какой-нибудь подобный же обычай въ древней Руси.

Докладчику отвѣчали Ѳ. И. Успенскій и Д. И. Иловайскій. Первый изъ нихъ обратилъ вниманіе на аналогичныя указанія другихъ литературныхъ источниковъ Византіи, высказывающихъ ту же самую вѣру въ значеніе палладіумовъ — статуй при разныхъ историческихъ случаяхъ, напр., при взятіи Царяграда крестоносцами, при нашествіяхъ варваровъ и т. п. Д. И. Иловайскій указалъ, что въ старой Руси значеніе покровителей городовъ имѣли каедральные храмы и священныя, особенно чтимыя изображенія въ нихъ, какъ, напримѣръ, св. Софія въ Кіевѣ съ ея иконой Богоматери — Нерушимой стѣны, и св. Софія въ Новгородѣ съ изображеніемъ Спасителя со сжатою десницею, содержащей судьбу Великаго Новгорода. Такимъ образомъ, древняя Русь своеобразно ставила этотъ вопросъ; она имѣла свои священныя палладіумы, съ коими связывалась судьба того или другого города, по народнымъ понятіямъ.

3. Н. П. Авенаріусъ сообщилъ „О дрогичинскихъ пломбахъ“. Изложивъ предварительныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ находки пломбъ въ древнемъ Дрогичинѣ, нынѣ заштатномъ городѣ Гродненской губерніи, приведя затѣмъ мнѣнія о значеніи этихъ пломбъ, высказанныя граф. Тышкевичемъ, проф. Лучицкимъ и другими, референтъ высказалъ свой взглядъ на значеніе этихъ интересныхъ, но загадочныхъ памятниковъ старины. По его мнѣнію, дрогичинскія пломбы, носящія изображенія славянскихъ буквъ, были изготовлены дома на русской почвѣ, а не въ Германіи, и имѣли значеніе не таможенныхъ знаковъ, а печатей, кои должны были привѣшиваться къ документамъ.

Докладъ г. Авенаріуса вызвалъ много разнообразныхъ замѣчаній и сужденій о предметѣ его сообщенія со стороны присутствующихъ въ собраніи: одни, согласно съ г. референтомъ, приписывали дрогичинскимъ пломбама значеніе печатей вмѣсто подписей, другіе смотрѣли на нихъ, какъ на гербы

и знаки собственности; третьи приписывали имъ значеніе таможенныхъ знаковъ. Такъ, профессоръ и академикъ В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что торговые и таможенные знаки очень рано были употребительны въ Византіи; по примѣру грековъ, и у насъ могли употребляться такіе же таможенные знаки. Было обращено вниманіе на сходство знаковъ, изображенныхъ на пломбахъ, со знаками на древне-русскихъ кирпичахъ; было выражено желаніе, чтобы знаки собственно буквъ были изучены съ палеографической стороны и проч.

4. Е. Ф. Орловскій прочелъ рефератъ „О началѣ города Гродны“. Г. Орловскій въ своемъ рефератѣ сперва познакомилъ собраніе съ вещественными памятниками старины, какіе въ настоящее время сохранились въ г. Гроднѣ; между этими памятниками референтъ на первомъ мѣстѣ упомянулъ о древнѣйшей въ западномъ краѣ (XII в.) Коложской церкви, которой въ настоящее время, благодаря работамъ, предпринятымъ на противоположномъ берегу Нѣмана (для стоянки судовъ), угрожаетъ полное уничтоженіе. Затѣмъ референтъ обозрѣлъ всѣ прочіе памятники гродненской старины: „Старый“ замокъ Стефана Баторія съ его подземными ходами, новый замокъ, въ которомъ происходилъ извѣстный молчаливый сеймъ 1793 года, а также развалины Симеоновской церкви.

Во второй части своего реферата авторъ разбиралъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ *Городнею* или *Городнемъ*, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ XII вѣка. Референтъ доказывалъ, что мнѣніе, будто Городню или Городень слѣдуетъ искать въ губерніи Волынской или Минской, ни на чемъ не основано, что только великій авторитетъ Карамзинъ распространилъ это мнѣніе, которое, впрочемъ, повторяетъ Соловьевъ и, въ самое новѣйшее время, составители „Бѣлоруссіи и Литвы“ извѣстнаго изданія П. Н. Батюшкова. Основаніе г. Гродно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится и въ настоящее время, г. Орловскій объяснялъ причинами: 1) религіозными, полагая здѣсь древнее Ромове (литовское языческое капище), и 2) стратегическими. Въ заключеніе своего реферата авторъ относилъ основаніе г. Гродны къ одному изъ походовъ на ятвяговъ великаго князя Владиміра Святого въ 938 году, или же—Ярослава Мудраго въ 1038 году.

Докладчику были сдѣланы возраженія и замѣчанія со стороны Н. И. Петрова: онъ не считаетъ рѣшеннымъ вопросъ о началѣ Гродны въ изложеніи референта, а склоняется къ мнѣніямъ прежнихъ авторитетныхъ историковъ, что показанія лѣтописи XII вѣка относятся къ Городнѣ въ Минской области. Въ томъ же смыслѣ высказывался Е. Θ. Карскій, сообщившій нѣсколько устныхъ рассказовъ, слышанныхъ имъ при посѣщеніи мѣстечка Городни. Священникъ Паевскій и С. В. Писаревъ высказались въ пользу древности Гродны на Нѣманѣ, согласно съ референтомъ, который привелъ новый доводъ — древность Коложской церкви въ Гроднѣ. Было обращено вниманіе на выраженія Слова о полку Игоревѣ о „трубахъ городенскихъ“. А. И. Соболевскій полагаетъ, что тутъ идетъ дѣло о пограничномъ городѣ,

имѣвшемъ особое стратегическое значеніе. В. Г. Васильевскій напомнилъ о князѣ Давыдѣ Гарденскомъ, про котораго говорятъ нѣмецкіе источники XIV-го вѣка и котораго упустилъ изъ вниманія г. референтъ.

Засѣданія VIII—IX отдѣленія (древности литовскія, славянскія и восточныя) 7 августа.

Почетный предсѣдатель профессоръ А. Беценбергеръ. — Предсѣдатель Т. Д. Флоринскій. — Секретарь И. А. Линниченко.

Проф. А. О. Мѣржинскій прочелъ рефератъ „О Криве“. Обратившись къ источникамъ, референтъ указалъ, что Дюсбургъ первый и единственный достовѣрный источникъ въ этомъ вопросѣ: до него никто о Криве не упоминалъ, послѣ него два вѣка никто не знаетъ о Криве; только въ XVI вѣкѣ Грунау сообщаетъ намъ свѣдѣнія о Криве, но они недостовѣрны. Всѣ послѣдующіе писатели пользовались только Грунау, и поэтому извѣстія эти не имѣютъ никакого значенія.

Референтъ привелъ изъ Дюсбурга четыре текста изъ V главы, III книги и подвергъ критикѣ первый отрывокъ (остальные данныя Дюсбурга подтверждаются позднѣйшими, независимыми отъ Дюсбурга или Грунау, источниками).

Изъ содержанія перваго отрывка можно заключить, что онъ былъ написанъ между 1275 — 1326 г. Въ 1275 г. Надровія была покорена; такимъ образомъ Дюсбургъ имѣлъ довольно много свидѣтелей и могъ провѣрить ихъ сообщенія.

Во второмъ отрывкѣ слѣдуетъ отличать факты отъ мнѣній и толкованій фактовъ. Первые не подлежатъ сомнѣнію (Romowe лежало въ Надровіи, въ немъ проживалъ жрецъ огня, Sziwe). Въ числѣ мнѣній производство Romowe отъ Roma невѣрное. Слова Дюсбурга о громадной власти Sziwe подлежатъ критическому разбору. Власть его могла быть политической или іерархической. На основаніи историческихъ фактовъ можно утверждать, что въ Литвѣ того времени не существовало верховной политической власти; данныя о литовской миѳологіи и религіозные институты литовцевъ указываютъ также, что высшей іерархической власти Криве имѣть не могъ, отсюда заключеніе, что Дюсбургъ преувеличилъ власть Sziwe. Какія же были основанія такого преувеличенія? Sziwe, какъ жрецъ огня, занималъ выдающееся мѣсто среди гадателей. Найдя созвучіе въ названіяхъ Romowe и Roma, сопоставивъ извѣстіе о существованіи въ Romowe выдающагося по значенію жреца съ положеніемъ папы въ Римѣ, Дюсбургъ и вывелъ, что Sziwe имѣетъ такое значеніе среди языческой Литвы, какъ папа у католиковъ. По мнѣнію референта, власть Sziwe не могла быть такъ обширна, какъ ее рисуетъ Дюсбургъ. Повидимому, она распространялась только на одну Наровію. Затѣмъ проф. М. перешелъ къ вопросу, означаетъ ли названіе Sziwe должность или что иное,

и пришелъ къ заключенію, что это собственное имя послѣдняго жреца огня въ надровскомъ Ромове.

Съ легкой руки Грунау названіе *Crīwe* коверкается писателями на разные лады. Грунау первый пишетъ *Krywo Krywaite* въ значеніи жрецъ надъ жрецами; Гарткнохъ пишетъ *Kriwe Kriweita*, и эту послѣднюю форму употребляютъ слѣдующіе за нимъ писатели; но это не литовская и не прусская форма. Современные знатоки литовскаго языка пишутъ *Krīvu Krivaitis*. Грамматически это правильно, но по значенію бессмысленно (верховный-верховный).

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о значеніи посоха Криве, о чемъ упоминаетъ Дюсбургъ, проф. М. замѣтилъ только, что Криве, повидимому, имѣлъ власть собирать на совѣщанія о народныхъ дѣлахъ знатныхъ людей.

А. Ляцкій замѣтилъ, что названіе Криве Кривейте могло означать—верховный-верховный. Г. Васильевскій высказалъ соображеніе, что выраженія, которыми характеризуются у Дюсбурга значеніе Криве, оказываются преувеличенными вслѣдствіе того, что онъ заимствовалъ ихъ *готовыми* у какого-нибудь изъ классическихъ писателей, служившихъ источникомъ его фразеологіи. Въ повѣствованіи о свиданіи Гедимина съ францисканскими монахами говорится, что литовцы почитаютъ своего бога (въ параллель съ Богомъ христіанскимъ). Если подлинность этого извѣстія можно заподозрить, то византійскій писатель Грегора заставляетъ то же самое говорить Ольгерда.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что не знаетъ никого, кто бы такъ плохо писалъ, какъ Дюсбургъ; онъ слѣдовалъ общей манерѣ нѣкоторыхъ классическихъ писателей (Цезаря, Юстина), но изъ этихъ писателей ничего не выписывалъ. Что касается вопроса о верховномъ богѣ у литовцевъ, то извѣстіе объ этомъ находимъ у Ласицкаго; но извѣстіе это принадлежитъ XII в., а христіанство проникло въ Жмудь въ XV в. и въ теченіе 100 лѣтъ могло повліять на образованіе понятія о высшемъ богѣ, управлявшемъ низшими. Многочисленные данныя показываютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ литовцы обращались къ отдѣльнымъ божествамъ — спеціальнымъ опекунамъ какого-либо занятія человѣка. До христіанства не было условій для выработки понятія о верховномъ божествѣ.

А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что Дюсбургъ могъ прочесть у кого-либо изъ классиковъ или въ Библии о финикійскомъ божествѣ Еммунѣ и нѣкоторыя черты его перенести въ литовскій Олимпъ.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что знакомство съ какою-либо классическою литературою не могло быть у народа, стоявшаго на столь низкой степени культуры, какъ древніе литовцы.

Д. И. Иловайскій не соглашался съ отрицательными доводами референта, указывалъ на возможные параллели — Кривичи и Криве, Ромове и Ромень (Римъ), Перкунасъ-Перунъ. Въ русской миѳологіи были старшіе и младшіе боги. Возможное дѣло, что Дюсбургъ и преувеличилъ кое-что, но отрицать его показанія едва ли возможно. Упорство, съ которымъ жмудины отстаивали свою религію, доказываетъ большое значеніе религіознаго начала у литовцевъ.

Проф. Мѣржинскій отвѣтилъ, что созвучіе Ромове и гор. Ромень случайно. Понятіе о верховномъ божествѣ не могло выработаться у литовцевъ уже потому, что на землѣ въ государственномъ устройствѣ литовцевъ для него не было аналогіи, а небесный Олимпъ у всѣхъ народовъ характеризуется чертами социальна-политическаго строя народа. Литовская троица выдумана у Грунау.

2. А. А. Кочубинскій прочелъ рефератъ: „Литовскій языкъ и наша старина“.

Указавъ на значеніе литовскаго языка, какъ хранителя аризма, т. е. главныхъ чертъ языковъ арійской семьи, референтъ замѣтилъ, что всестороннее изученіе литовскаго языка—нашъ долгъ передъ европейской наукой, требованіе времени, пока время не зашло.

Референтъ остановился въ своемъ докладѣ главнымъ образомъ на выясненіи генезиса слова „druska“—названіе для соли въ литовскомъ языкѣ. Вопросъ о знакомствѣ съ солью у арійской семьи проблематиченъ въ виду положенія литовскаго языка, имѣющаго свое оригинальное слово для обозначенія соли. Попытки доказать присутствіе общеевропейскаго слова для соли въ литовскомъ языкѣ неудовлетворительны. Докладчикъ ищетъ начала литовскаго термина для соли въ культурныхъ коммерческихъ отношеніяхъ давняго, доисторическаго для самой Литвы времени. Отношенія эти слабо отмѣчены исторіей, но они имѣли когда-то мѣсто на громадномъ пространствѣ бассейна Вислы, между побережьемъ Балтійскаго моря и славянскими Карпатами. Вопросъ о происхожденіи слова „druska“ аналогиченъ съ вопросомъ о происхожденіи названія бронзы отъ имени итальянскаго города Brindisi, русскаго слова берковецъ (при древней прилагат. формѣ *берковьскъ*) отъ шведскаго города Birka и т. д. Референтъ приводитъ названіе druska въ связь съ прусскимъ городомъ Truso (въблизи нынѣшняго Эльбинга). Городъ Truso могъ имѣть раннія коммерческія сношенія съ югомъ по Вислѣ, т. е. съ Карпатами, и возможно поэтому предположить вывозъ соли изъ Трансильваніи на сѣверъ по Вислѣ въ гор. Труссо, т. е. къ литовцамъ какъ былъ вывозъ той же соли на Западъ въ Моравію и на Востокъ, къ русскимъ (коломыйская соль въ Ипатьевской лѣтописи).

В. А. Богородицкій замѣтилъ, что слово druska могло быть заимствовано у народовъ не индоевропейскаго происхожденія (сюда можетъ относиться татарское тузь — соль). Референтъ отвѣтилъ, что культура соли была такъ развита у славянъ, что не только латыши, но и мадьяры заимствовали ея названіе отъ славянъ.

И. О. Яблонскій сопоставилъ слово druska съ латышскимъ druska — мелочь.

И. А. Линниченко указалъ на возможность болѣе прямаго полученія соли литовцами изъ Галиціи; путь черезъ Труску окольный.

И. П. Филевичъ указалъ на статью Пастернака о терминахъ горнаго дѣла въ Прикарпатской области. По изслѣдованію этого ученаго, всѣ термины эти славянскіе и указываютъ на очень древнюю разработку славянами солянаго промысла.

Засѣданіе VI-го отдѣленія (памятники языка и письма) 9 августа.

Почетный предсѣдатель А. А. Кочубинскій. Предсѣдатель А. И. Соболевскій.—Секретарь Хр. П. Ящуржинскій.

1. Проф. И. П. Созоновичъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ“.

Референтъ заявилъ, что нашу духовную древность составляютъ былины, или поэмы о героическихъ подвигахъ преимущественно историческихъ лицъ.

Въ объясненіи русскаго былиннаго эпоса, какъ и народной поэзіи вообще, смѣнилось нѣсколько теорій: мифологическая, историко-бытовая, литературная. Въ этихъ направленіяхъ было написано значительное количество работъ, имѣвшихъ цѣлю разъяснить смыслъ и происхожденіе русскихъ былинъ; но, тѣмъ не менѣе, въ существенныхъ чертахъ вопросъ о происхожденіи былиннаго эпоса остается еще и донинѣ открытымъ и спорнымъ.

Подъ вліяніемъ опубликованныхъ въ послѣднее время новыхъ матеріаловъ, записанныхъ на юго-востокѣ Россіи, на Кавказѣ, а также среди тюркомонгольскихъ народовъ, изъ старыхъ теорій получила нѣкоторое оживленіе теорія восточнаго происхожденія русскихъ былинъ, предполагающая, что пѣсенное эпическое творчество въ своемъ содержаніи передано къ намъ съ востока отъ ближайшихъ сосѣдей нашихъ, съ которыми съ давнихъ поръ приходилось сталкиваться русскому народу.

Такой взглядъ, примененный къ объясненію нѣкоторыхъ былинныхъ мотивовъ, оказывается вполне несостоятельнымъ, какъ это напр. съ особенною наглядностью можно видѣть при изученіи одного изъ эпизодовъ, вошедшихъ въ составъ былины про Добрыню Никитича. Я имѣю въ виду разсказъ о томъ, какъ другъ Добрыни, его названный братъ Алеша Поповичъ, пользуясь отсутствіемъ друга, принуждаетъ жену его Настасью Микуличну выйти за него замужъ. Обманомъ ему удается склонить къ этому жену Добрыни; но въ самый разгаръ свадебнаго пира, герой возвращается переодѣтымъ; происходитъ признаніе по кольцу, и вѣроломный Алеша Поповичъ несетъ наказаніе.

Изученіе этого мотива въ литературахъ Запада, какъ напр. литература скандинавская и точнѣе — Эдда, затѣмъ средневѣковыя литературы — англійская, французская, нѣмецкая, шведская, датская, испанская, итальянская, затѣмъ народная поэзія албанская, румынская, ново-греческая, юго-славянская, цыганская, непринятая до сихъ поръ къ сравненію русскими писателями, даютъ полное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ излюбленнымъ сюжетомъ средневѣковой рыцарской литературы, постепенно перешедшимъ изъ письменности въ устную поэзію, при чемъ распространялся онъ въ направленіи съ запада на востокъ: чрезъ посредство славянъ, а быть можетъ, и чрезъ Скандинавію и Великій-Новгородъ проникъ на Русь, а чрезъ посредство ново-греческой народности далѣе на востокъ, въ Малую Азію и Кавказъ.

Идя далѣе въ глубь вѣковъ, доступную для нашего изученія, мы можемъ возвести разбираемый сюжетъ къ его несомнѣнному прототипу, который открывается для насъ въ повѣствованіи Гомера о томъ, какъ Одиссей послѣ долгаго отсутствія возвращается въ Итаку, гдѣ его вѣрная жена Пенелопа, осаждаемая предложеніями жениховъ, все еще надѣялась дожидаться мужа.

Такимъ образомъ, въ основѣ былиннаго мотива про Добрыню и его жену, обмановъ принуждаемую къ выходу замужъ за Алешу Поповича, лежитъ не рассказъ про невѣрность жены, какъ писалъ объ этомъ г. Халанскій, и не восточный рассказъ, какъ предполагаетъ Вс. Оед. Миллеръ, но классическій, прошедшій черезъ западно-европейскія литературы, отразившійся въ западно-европейской народной поэзіи и нашедшій свое выраженіе въ русскомъ былинномъ эпосѣ.

Прочтенный рефератъ возбудилъ продолжительныя пренія.

М. С. Корелинъ замѣтилъ, что предложенный рефератъ касается какъ исторіи культуры, такъ и сравнительной миѳологіи, и что изслѣдованіе можетъ быть убѣдительно при одномъ условіи—строгости метода, а методъ г. референта, по замѣчанію г. Корелина, хромаетъ, такъ какъ одно сходство сюжета не можетъ служить доказательствомъ его чужеземнаго происхожденія, а часто указываетъ только на общность законовъ поэтическаго творчества у различныхъ народовъ.

А. И. Соболевскій сказалъ, что мы имѣемъ дѣло со сказочнымъ сюжетомъ, который распространенъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, и потому могъ находиться уже у предка ихъ — обще-индоевропейскаго народа, и что нельзя говорить о заимствованіи, когда нѣтъ никакихъ слѣдовъ заимствованія.

В. П. Владимировъ замѣтилъ, что указанный мотивъ могъ возникнуть путемъ родства въ представленіяхъ, бытѣ и психикѣ народовъ. Затѣмъ добавилъ, что такъ какъ большинство богатырей—личности историческія, упоминаемыя въ лѣтописи, то многія былины объ этихъ богатыряхъ могли сложиться по слѣдамъ историческихъ событій, которыя въ перепѣвахъ могли измѣниться.

И. П. Созоновичъ отвѣтилъ, что объ обще-индоевропейскомъ происхожденіи сюжета онъ не беретъ говорить; его задача—скромная: указать какъ данный сюжетъ перешелъ къ намъ чрезъ западно-европейскія литературы; что у него нѣтъ восточныхъ сказаній съ этимъ сюжетомъ, и что вообще онъ не можетъ мѣряться съ Гриммомъ въ отношеніи полноты матеріала.

А. И. Кирпичниковъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ быть скромнымъ и ограничиваться однимъ индо-европейскимъ матеріаломъ, что слѣдуетъ идти дальше Гримма: быть можетъ, этотъ сюжетъ—общечеловѣческій.

А. А. Кочубинскій замѣтилъ, что при изслѣдованіи литературныхъ сюжетовъ надо пользоваться методомъ сравнительнаго языкознанія; что одно сходство сюжетовъ не даетъ права говорить о заимствованіи.

В. А. Богородицкій указалъ, въ чемъ состоитъ методъ сравнительнаго языкознанія.

Д. И. Иловайскій выразилъ желаніе, чтобы указано было, какимъ путемъ перешли наши былины съ юга на сѣверъ.

2. Проф. П. Вл. Владимировъ доложилъ рефератъ: „Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. А. Курбскаго“.

Референтъ заявилъ, что въ одномъ изъ сборниковъ XVI в. московской Синодальной библіотеки заключаются нѣкоторые новые неизвѣстные доселѣ переводы кн. Курбскаго изъ Симеона Метафраста, Евсевія Кессарійскаго, Никифора Каллиста и другихъ. Связь этого замѣчательнаго сборника, нѣкогда принадлежавшаго Кутеинскому монастырю (Могилевской губ.), съ сочиненіями кн. Курбскаго устанавливается предисловіемъ и отдѣльными замѣчаніями о русскихъ князьяхъ, о Максимѣ Грекѣ, о положеніи переводчика-пришельца въ юго-западной Руси, наконецъ повтореніями извѣстныхъ уже въ печати объясненій кн. Курбскаго. Референтъ высказалъ положеніе, чтобы литературная дѣятельность кн. Курбскаго, этого талантливаго, плодовитаго и разнообразнаго писателя XVI в., подверглась всестороннему изученію; чтобы сочиненія и переводы его были изданы на основаніи сличенія всѣхъ извѣстныхъ списковъ, и въ доказательство въ этомъ послѣднемъ отношеніи референтъ указалъ на пропуски въ нѣкоторыхъ печатныхъ изданіяхъ даже оригинальныхъ сочиненій кн. Курбскаго, которыя возстановляются новыми списками.

А. И. Соболевскій по поводу прочтеннаго реферата замѣтилъ, что такъ какъ Курбскій трудился надъ переводами не одинъ, а во главѣ цѣлаго кружка, то лучше говорить не о переводахъ Курбскаго, а о переводахъ подъ редакціей Курбскаго.

П. Вл. Владимировъ замѣтилъ, что переводы Курбскаго рѣзко отличаются отъ переводовъ его сотрудниковъ: 1) поясненіями (глоссами), касающимися отношеній Курбскаго къ царю Ивану Грозному, къ Максиму Греку, іосифлянамъ, боярамъ и друг., 2) языкомъ, 3) выборомъ переводовъ (на что имѣются указанія въ письмахъ Курбскаго).

Н. И. Петровъ заявилъ, что одинъ его товарищъ ему сообщилъ, что въ Ковельскомъ уѣздѣ, Вол. губ., у одного мирового посредника или помѣщика находится неизвѣстный еще списокъ переписки кн. Курбскаго.

С. П. Писаревъ заявилъ, что въ Смоленскомъ Историческомъ музеѣ есть списокъ сочиненій кн. Курбскаго, нѣсколько отличающійся отъ изданнаго.

3. Проф. А. И. Соболевскій прочелъ рефератъ: „Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода“.

Референтъ заявилъ, что въ лѣтописи существуетъ краткое указаніе на то, что Ярославъ собралъ переводчиковъ; поэтому необходимо предполагать, что нѣкоторыя сочиненія были переведены на церковно-славянскій языкъ въ Россіи до-монгольскаго періода. Но какъ отличить эти сдѣланные на Руси переводы отъ сдѣланныхъ на славянскомъ югѣ?

Фонетическія и морфологическія особенности не даютъ достаточнаго ма-

теріала для отвѣта на этотъ вопросъ, и потому имѣютъ рѣшающее значеніе особенности лексическія.

Наиболѣе важны три группы словъ, не встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія: 1) слова славянскія по происхожденію со спеціальными значеніями— названія должностныхъ лицъ, монетъ, мѣръ, вѣса и разстоянія, судовъ, одеждъ и т. п., въ родѣ *посадникъ, гривна, верста, кожухъ*; 2) слова, заимствованныя русскимъ языкомъ изъ другихъ языковъ, съ самыми разнообразными значеніями, въ родѣ *тіунъ, шелкъ, жемчугъ, обезьяна*; 3) названія городовъ и народовъ, хорошо извѣстныхъ древней Руси, но неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, отличныя отъ названій греческихъ въ родѣ *Сурожъ, Мурманинъ* (Норманнъ). Сверхъ того, не лишены важности многія слова и выраженія самаго разнообразнаго значенія, извѣстныя намъ по несомнѣнно русскимъ текстамъ, въ родѣ Несторовой Лѣтописи, Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ, какъ, напр., *хвостъ, думати, оба-полю* (по обѣ стороны). На основаніи лексическихъ данныхъ можно считать переведенными въ древней Руси житія св. Андрея Юродиваго, Ѳедора Студита, Стефана Сурожскаго, Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая Черногорца въ Баръ, Монастырскій Студійскій уставъ, Пандекты Никона Черногорца, Исторію Іудейской войны Іосифа Флавія, Александрію, Топографію Козмы Индикоплова, нѣсколько апокрифовъ и друг. Сверхъ того, рядъ сочиненій, переведенныхъ на славянскомъ югѣ, былъ исправленъ въ древней Руси по греческимъ оригиналамъ, между прочимъ: Чудеса св. Николая Чудотворца, Пчела, Хронографъ Георгія Амартола.

П. Вл. Владимировъ, выразивши глубокую признательность референту за удачный выборъ имъ темы, за его труды въ этой области, замѣтилъ, что предметъ этотъ отчасти уже намѣченъ въ трудахъ И. И. Срезневскаго; затѣмъ указалъ на отношеніе русскихъ и южно-славянскихъ списковъ Пандектовъ Никона Черногорца, и въ заключеніе указалъ, что по отмѣченному референтомъ методу, не всегда возможно вѣрно и точно опредѣлить происхожденіе переводовъ (переписчики могли подставлять слова русскія вмѣсто южно-славянскихъ и наоборотъ).

А. И. Соболевскій заявилъ, что онъ имѣетъ въ виду цѣлыя группы словъ, а не отдѣльныя слова.

Засѣданіе I-ю отдѣленія (первобытныя древности) 9 августа.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.—Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.—
Секретарь В. З. Завитневичъ.

1) С. В. Люба-Радзиминскій сдѣлалъ докладъ: „Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни“.

Данныя добытыя референтомъ при раскопкѣ около 20 кургановъ, распо-

ложенныхъ при имѣніи Радзиминъ-Сивки, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи, послужили для него основаніемъ для слѣдующихъ выводовъ: 1) изслѣдованные курганы принадлежатъ каменному вѣку, что, заключая по аналогіи, слѣдуетъ сказать и о всей массѣ кургановъ, расположенныхъ въ бассейнѣ р. Горыни и ея притока Вили; 2) данная область несмотря на отсутствіе въ ея районѣ залежей кремня и діорита, въ старину была мѣстомъ приготовленія кремневыхъ и діоритовыхъ орудій, каковы: молоты-топоры, пилы, ножи, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ „закривленные ножи“ скандинавскаго типа; 3) оставившее послѣ себя курганы населеніе принадлежало къ типу долихоцефаловъ; 4) покойники погребались (а не сожигались) на поверхности земли и придавливались сверху 6-ю „валиками“ изъ бѣлой глины, которые клались поперекъ покойника параллельно одинъ другому; 5) кромѣ каменныхъ орудій (замѣнявшихся иногда осколками) въ могилахъ, у головы, ставились сосуды (2—3) изъ разноцвѣтной глины, предназначавшіеся, какъ полагаетъ референтъ, для пищи. Каменные орудія такого типа, по словамъ референта, встрѣчаются въ городищѣ с. Матвіевицы, Кременецкаго уѣзда, и среди археологическихъ памятниковъ села б. Мощаница, Дубенскаго уѣзда, изслѣдованныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ. Отступленіе отъ описаннаго типа составляютъ курганы съ трупосожженіемъ, обнаруженные близъ селъ: Корытное (урочище Надышень) и Плужное (ур. Нева), Острожскаго уѣзда. Въ заключеніе авторъ познакомилъ собраніе съ каменной могилой („плитовой гробъ“), открытой въ 1878 г. въ Радзиминѣ.

А. К. Жизневскій добавилъ, что кривой кремневый ножъ того же типа найденъ былъ на берегу Волги въ Твери.

Баронъ де-Бай замѣтилъ, что коллекція, собранная г. Радзиминскимъ на Волыни, свидѣтельствуешь, что на Волыни были мастерскія, гдѣ обрабатывали кремень такъ же хорошо и изящно, какъ и въ Скандинавіи; но сверхъ кремневыхъ пилъ, тождественныхъ съ скандинавскими, въ коллекціи г. Радзиминскаго (которая тутъ же была выставлена) обращаетъ на себя вниманіе количество особыхъ кривыхъ ножей; до настоящаго времени баронъ де-Бай встрѣтилъ только два такіа орудія—въ сочинен. Эванса и у графа Бобринскаго, въ окрестностяхъ Смѣлы, такъ что кривые ножи въ коллекціи г. Радзиминскаго составляютъ самую многочисленную коллекцію этихъ предметовъ.

В. Б. Антоновичъ добавилъ, что въ музеѣ Кіевскаго университета находится нѣсколько такихъ же кривыхъ ножей, найденныхъ въ мастерской орудій каменнаго вѣка у села Мощеницы, сосѣдней съ мѣстностью, описанною г. Радзиминскимъ

2. Докладъ князя П. А. Путятина: „Каменный ножъ и его измѣненія“.

Въ процессѣ своего развитія каменный ножъ съ его видоизмѣненіями проходитъ слѣдующія формы.

Первообразъ. Миндалевидное орудіе съ остриемъ и рѣжущими боками, изъ которыхъ нижній составляетъ основаніе скоблиль и скребковъ. Его форма

перешла въ наконечники копій, дротиковъ и стрѣль. Способъ приготовленія этого орудія состоитъ въ удаленіи осколковъ посредствомъ ударовъ. Типъ этотъ носитъ названіе Сенташель.

Эволюція 1-ая. Широкіе и длинныя ножи съ остриемъ и безъ него, образовавшіеся путемъ удлиненія миндалевиднаго орудія, обитаго съ каждой стороны по одной плоскости, а не по двумъ. Орудіе это современно мамонту и носорогу; названіе этого типа—Демустье.

Эволюція 2-ая. Ножи во многихъ мѣстностяхъ начинаютъ принимать миниатюрныя формы, что обуславливается какъ ихъ матеріаломъ, такъ и ихъ практическимъ назначеніемъ; тщательная отдѣлка ножей этого типа достигается обыкновеннымъ путемъ нажима; въ скребкахъ преобладаетъ удлиненная форма; острие достигаетъ высокой степени отдѣлки; блестящіе образчики такой отдѣлки представляютъ наконечники копій и лавролистовыхъ ножей—кинжаловъ. Варіантомъ этого типа, по мѣстамъ, является такъ называемый „клювъ попугая“, имѣющій особое практическое значеніе буравчикъ и рѣзецъ, служащій для рѣзбы на кости. На ряду съ каменными орудіями этого типа въ большомъ количествѣ встрѣчаются и костяныя, а равно и кости такихъ сѣверныхъ животныхъ, какъ сѣверный олень, лось и другія породы. Это типъ—Маделень.

Эволюція 3-я. Переходная ступень отъ палеолитическихъ къ неолитическимъ орудіямъ характеризуется рѣзаками; рѣзакъ — это видоизмѣненный клинъ съ поперечнымъ лезвіемъ, перешедшій потомъ въ долота, стамески, топоры, стрѣлы съ поперечнымъ остриемъ и др. Грубыя, первичныя формы орудій этой фазы находимы были въ датскихъ кухонныхъ отброскахъ, во многихъ мѣстностяхъ Франціи, Испаніи, Россіи. Форма позднѣе трансформируется въ соотвѣтствующія формы орудій Швеціи, Венгріи и др.

Эволюція 4-ая. Полированные каменные орудія. Въ эту фазу, начиная съ отбивныхъ и кончая полированными, въ особенности происходило высшее развитіе наконечниковъ копій, дротиковъ и стрѣль самыхъ разнообразныхъ типовъ. Каменный ножъ маделеновой фазы теперь тоже встрѣчается въ большомъ количествѣ. Продукты гончарнаго производства встрѣчаются въ большомъ количествѣ и самыхъ разнообразныхъ типовъ.

Эволюція 5-ая. Переходная фаза отъ каменныхъ орудій къ металлическимъ. Многія изъ нарождающихся бронзовыхъ орудій по своей формѣ тождественны бывають съ отживающими каменными; сюда принадлежатъ: рѣзаки, наконечники копій, дротиковъ, стрѣль, долотца и др. Форма ножей и стрѣль съ насадкой часто находитъ себѣ аналогію даже въ предметахъ желѣзной культуры.

З. Л. К. Житинскій сдѣлалъ докладъ: „Языческое кладбище въ селѣ Б. Рыкань, Дубенскаго уѣзда“. Сказавъ нѣсколько словъ о географическо-топографическомъ положеніи могильника, референтъ познакомилъ слушателей съ результатами произведенныхъ въ немъ раскопокъ, начало которымъ положено было еще въ 1858 году. Покойники погребены были не въ очень

глубокихъ ямахъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ обставлены были деревянными бревнами; въ каждой раскопанной могилѣ найдено было по одному костяку; костяки лежали головою на западъ; руки вытянуты были вдоль туловища. Въ мужскихъ могилахъ, кромѣ кусковъ окислившагося желѣза, ничего не находилось. Въ могилахъ женскихъ были находимы; кольца, серьги, браслеты, небольшой желѣзный ножикъ и бусы — каменные, стеклянные, янтарныя и бронзовыя. Кромѣ того, найдены были еще слѣдующіе предметы: кусокъ золотого позумента, медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери и славянскою (трудно разбираемою) надписью и небольшой стеклянный зеленоватаго цвѣта шарикъ — пустой, закупоренный. Авторъ полагаетъ, что данный могильникъ образовался въ теченіе ряда столѣтій, и что древнѣйшимъ его пунктомъ была западная сторона, откуда онъ постепенно развивался на востокъ.

В. Б. Антоновичъ, замѣтивъ, что, кромѣ сообщеній г. Любы-Радзиминскаго, о первобытныхъ древностяхъ этого края до настоящаго времени ничего не было извѣстно и что работа референта есть первая въ своемъ родѣ, предложилъ вопросъ: доходила-ли яма до подпочвеннаго слоя или оканчивалась выше его? Референтъ отвѣтилъ, что доводилась до подпочвеннаго слоя.

А. А. Спицынъ, желая сопоставить форму погребальнаго обряда даннаго могильника съ формами, обнаруженными раскопками гг. Антоновича и Завитневича, попросилъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) не обнаружено-ли каменныхъ прикрытій могилъ? 2) обнаруженные въ могилахъ слѣды березовыхъ бревенъ не были-ли остатками деревянныхъ срубовъ, обнаруженныхъ другими археологами? 3) не обнаружено-ли въ данномъ могильникѣ слѣдовъ трупосожженія? На всѣ эти вопросы референтъ отвѣтилъ отрицательно. Въ виду важнаго значенія данной области въ археологическомъ отношеніи, г. Спицынъ, въ заключеніе, выразилъ желаніе, чтобы референтъ, не ограничиваясь добытыми результатами, направилъ свою дѣятельность на дальнѣйшія разысканія въ этомъ краѣ.

Общее собраніе въ присутствіи Почетнаго Предсѣдателя IX-го Археологическаго Създа Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, 10 августа, въ 10 часовъ утра.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова. — Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Ю. О. Крачковскій сдѣлалъ сообщеніе: „Къ исторіи старой Вильны“.

Указавъ на связь, которую можно установить между движеніями религіозной мысли въ Вильнѣ и данными виленской топографіи въ извѣстныя эпохи многовѣковой жизни города, докладчикъ представилъ общій очеркъ религіозныхъ отношеній въ центрѣ Литвы въ XVI и XVII вѣкахъ. Въ пору начала реформаціи въ Германіи отчужденіе отъ Рима и папы выразилось вполне опредѣленно въ средѣ виленскаго общества и особенно литовской

знати. Протестантскія идеи нашли въ Вильнѣ готовую почву и быстро тамъ распространились подъ покровительствомъ Радзивилла и съ его помощью кальвинисты утвердились въ мѣстности нынѣшняго Конвикта по сосѣдству отъ костела Бернардиновъ. Рѣзкій переворотъ въ настроеніи руководящихъ сферъ того времени произошелъ вмѣстѣ съ призваніемъ іезуитовъ въ Вильну. Будучи вызваны епископомъ Протасевичемъ, они скоро сумѣли твердо устроиться въ новомъ мѣстѣ. Завладѣвъ сначала однимъ домомъ, который приобрѣлъ для нихъ епископъ Протасевичъ отъ нѣкоего Ясинскаго (нынѣшній домъ канцеляріи генераль-губернатора), они вскорѣ оказались въ обладаніи значительной части тогдашней Вильны въ предѣлахъ улицъ: Дворцовой (бывшей Бискупской), Ивановской и Замковой. Костель св. Іоанна вмѣстѣ съ его фондушами вскорѣ также перешелъ въ ихъ руки, послѣ чего іезуиты вознамѣрились основать въ Вильнѣ академію по образцу краковской. Осуществилось это при Стефанѣ Баторіи въ 1579 году.

Въ теченіе цѣлаго столѣтія шла затѣмъ ожесточенная борьба между іезуитами и кальвинистами, сопровождавшаяся съ обѣихъ сторонъ неправдами всякаго рода и всевозможными насиліями. Кальвинисты были побѣждены: уже въ половинѣ XVII вѣка они утратили свои прежнія владѣнія, были вытѣснены за предѣлы города и основались въ мѣстности нынѣшней реформатской церкви. Въ заключеніе референтъ указалъ, что побѣжденные тогда реформаты сохранились однако и доселѣ, какъ стройное цѣлое въ гармоніи городской жизни. Что же касается до іезуитовъ, то они давно изгнаны, но почти всѣ ихъ старыя приобрѣтенія продолжаютъ служить той же самой цѣли, для которой они основаны, а именно: дѣлу учебному и благотворительности. „Одинъ изъ такихъ домовъ,—такъ закончилъ референтъ,—удостоился чести принять въ своихъ стѣнахъ настоящее высокопочтенное собраніе“.

2. В. Б. Антоновичъ доложилъ: „О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра“.

Установленная скандинавскими учеными классификація періодовъ, черезъ которые проходила культура доисторическаго прошлаго на три эпохи—каменную, бронзовую и желѣзную, допускаетъ значительныя исключенія и для нѣкоторыхъ народовъ непримѣнима во всей полнотѣ. Можно привести много примѣровъ, гдѣ въ цѣлой странѣ недостаетъ одного изъ членовъ упомянутой классификаціи. Въ такомъ именно положеніи находилась средняя Россія.†

Разсматривая памятники до-исторической Россіи, мы полагаемъ, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ и что желѣзная культура прямо наслоилась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такихъ признаковъ референтъ полагаетъ три: 1) Нахожденіе предметовъ бронзоваго вѣка такихъ именно, которые быстро исчезли при появленіи желѣза. Такими предметами могутъ считаться: оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія: топоры, ножи, серпы, бритвы. Но признаковъ этотъ не вполне проч-

ный; если указанные предметы находятся единично, рѣдко и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка или въ случайныхъ иммиграціяхъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ. 2) Другой болѣе прочный признакъ составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла и готовыхъ проволокъ различнаго размѣра, орудіями недоконченными, испорченными при отливкѣ или испорченными употребленіемъ и назначавшимися для починки или переплавки. 3) Третій признакъ очень прочный—это присутствіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка.

Если примѣнимъ эти признаки къ территоріи Россіи, то убѣдимся, что бронзовая культура надвигалась на русскую территорію съ двухъ сторонъ и изъ двухъ самостоятельныхъ центровъ: 1) съ востока—культура центрально-азиатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копьямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала—перешедши Уралъ, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла; 2) другая бронзовая культура передне-азиатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ западной Европы и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ. Предѣлами ея можно пока считать: Днѣстръ, Смотричъ и Западный Бугъ. На всемъ промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немногочисленные спорадически разсѣянные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка.

Исключеніе составляетъ лишь побережье Чернаго моря (Новороссійскій край), гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но невозможно указать ея происхожденіе, такъ какъ среди найденныхъ предметовъ нѣтъ такихъ, которые рѣзко, по формѣ или орнаменту, могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ того, что область Дона остается совсѣмъ не изслѣдованною въ археологическомъ отношеніи и потому мы лишены возможности прослѣдить эволюцію бронзовой культуры и сличить формы побережья Чернаго моря съ бронзою сибирскою или кавказскою, такъ какъ переходныя формы, если таковыя окажутся, несомнѣнно явятся въ бассейнѣ Дона.

Д. Н. Анучинъ, указавъ на значеніе и интересъ реферата пр. Антоновича, замѣтилъ, что бронзовый (или мѣдный) вѣкъ въ предѣлахъ Россіи констатируется почти всюду при условіяхъ, указывающихъ уже на знакомство населенія съ желѣзомъ. Какъ въ Сибири, такъ и на Кавказѣ, равно какъ и въ южной и средней Россіи, типичныя мѣдныя орудія были находимы болѣею частью въ могильникахъ, кладахъ и т. д., съ примѣсью желѣз-

ныхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ Россіи была эпоха, повидимому—слѣдовавшая непосредственно за каменною, когда, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ желѣзомъ, мѣдь (и бронза) играла преобладающую роль, какъ матеріалъ для выдѣлки орудій и оружія. Распространеніе этой „бронзовой“ культуры въ предѣлахъ Россіи шло, дѣйствительно, какъ доказываетъ пр. В. Б. Антоновичъ, съ Востока (изъ Сибири) и Средней Азіи и съ Запада; тѣмъ не менѣе, едва ли будетъ подходящимъ придавать этой западной культурѣ названіе „финикійской“. Финикіяне, конечно, принимали нѣкогда большое участіе въ переносѣ азіатской культуры въ Европу и въ фабрикаціи и распространеніи бронзовыхъ издѣлій, но преемниками и продолжателями ихъ явились этруски и греки, и послѣдніе имѣли для южной Россіи, несомнѣнно, наиболѣе важное значеніе. Съ другой стороны, бронзовая культура распространялась у насъ не только съ востока и съ запада, но и съ юга, съ Кавказа, бронзовая культура котораго, можетъ быть и нѣсколько болѣе поздняя, чѣмъ сибирская, отличающаяся отъ нея по многимъ признакамъ, но въ то же время и представляющая нѣкоторыя общія съ ней черты (напр., въ стремленіи къ украшенію орудій и др. предметовъ изображеніями животныхъ), можетъ быть констатирована (правда, еще въ слабыхъ слѣдахъ) и въ бассейнѣ Дона. Что касается до западной культуры, то въ Финляндіи, Польшѣ, Западномъ краѣ — находимыя бронзовыя орудія сходны съ скандинавскими и средне-европейскими и указываютъ, очевидно, на занесеніе ихъ изъ этихъ странъ, тогда какъ въ юго-западномъ краѣ, гдѣ былъ найденъ и рядъ формъ для отливки бронзовыхъ орудій, послѣднія были завезены сюда и изготовлялись здѣсь, по всей вѣроятности, греками. Восточная (сибирская) „бронзовая“ культура захватывала и весь Приуральскій край; значительные слѣды ея мы встрѣчаемъ въ Вятской, Казанской, Уфимской и даже въ Самарской губ. Повидимому, она распространялась и далѣе на западъ, какъ то доказываетъ могильникъ близъ деревни Ефано, Муромскаго уѣзда, къ сожалѣнію оставшійся не обследованнымъ научно, но изъ котораго были добыты нѣсколько бронзовыхъ кельтовъ и наконечниковъ копій, а отчасти и нѣкоторыя находки бронзовыхъ кельтовъ въ Московской губ. Интересно, что и въ Новороссійскомъ краѣ (какъ то доказываетъ коллекція А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ), были найдены бронзовые серпы типа, совершенно сходнаго съ тѣмъ, который былъ констатированъ неоднократно въ Приуральскомъ краѣ (такъ, проф. Марковниковъ представилъ въ Моск. Арх. Общ. кладъ, найденный въ Казанской губ. и состоящій изъ 24 такихъ же мѣдныхъ серповъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими топорами, долотами, наконечниками дротиковъ и двумя слитками мѣди). Любопытно, что здѣсь, кромѣ этихъ серповъ (распространенныхъ также въ Венгріи, но не попадающихся далѣе на Западъ), встрѣчаются и другіе, меньшихъ размѣровъ, безъ крючка (на мѣсто рукоятки), но съ особымъ шипомъ (для насаживанія на ручку) и иногда съ 2—3 продольными валиками вдоль серпа, несомнѣнно, западнаго происхожденія. — Какъ на существенную особенность восточно-русскаго бронзоваго вѣка (равно

какъ и Кавказскаго), отличающую его отъ бронзоваго вѣка западной Европы, слѣдуетъ указать (кромѣ характерныхъ формъ нѣкоторыхъ орудій), на орнаментацию и украшеніе бронзовыхъ издѣлій изображеніями животныхъ, которыя встрѣчаются и въ формѣ отдѣльныхъ статуэтокъ, прорѣзныхъ бляхъ и т. д. Этотъ мотивъ украшеній совершенно отсутствуетъ на бронзовыхъ издѣліяхъ западной Европы, гдѣ онъ замѣняется геометрическимъ орнаментомъ, знакомымъ, впрочемъ и сибирско-кавказской бронзовой культурѣ. Этимъ стремленіемъ къ изображенію животныхъ формъ, искусство бронзоваго вѣка связывается у насъ съ болѣе древнею костяною и каменною промышленностью, тогда какъ на западѣ—оно является рѣзко обособленнымъ отъ искусства неолитическаго вѣка. Съ другой стороны, культура „бронзовой“ эпохи у насъ представляетъ и болѣе явственные переходы (въ формахъ орудій) къ желѣзному вѣку, гораздо болѣе рѣзко обособленному отъ бронзоваго на западѣ. Въ заключеніе, проф. Анучинъ указалъ на существенную необходимость составленія объяснительныхъ каталоговъ типичныхъ предметовъ бронзовой эпохи, по возможности съ изображеніями ихъ, подобно тому, какъ это сдѣлано для Минусинскаго музея гг. Клеменцомъ и Мартеномъ, для сибирскихъ древностей вообще—Радловымъ, и въ недавнее время для новороссійской коллекціи А. Н. Поля, подъ руководствомъ проф. В. Б. Антоновича, г-жей Е. Н. Мельникъ.

Д. Я. Самоквасовъ указалъ на огромный прогрессъ археологическихъ изученій въ Россіи, совершившійся въ самое недавнее время, благодаря инициативѣ Московскаго Археологическаго Общества и археологическимъ съѣздамъ, которые были имъ вызваны къ жизни. Въ недавнее еще время наша старина начиналась съ IX вѣка по Р. Х., а въ настоящее время наука находится въ обладаніи точно установленныхъ фактовъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Что касается въ частности до бронзоваго вѣка въ предѣлахъ Россіи, то, повидимому, его можно датировать VII вѣкомъ до Р. Х. Изъ Геродота извѣстно, что въ VII вѣкѣ массагеты вытѣснили скиѳовъ изъ прикаспійскихъ степей въ бассейнъ рѣки Дона. Оба народа жили въ условіяхъ бронзовой культуры, которую и принесли съ собой Скиѳы на новое мѣсто жительства. Вмѣстѣ съ основаніемъ скиѳской державы между Дономъ и Дунаемъ началась греческая колонизація на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Съ этого времени входитъ въ эти предѣлы знакомство съ желѣзною культурой.

Депутатъ Воронежскаго статистическаго комитета и Орловской архивной комиссіи, С. Е. Звѣревъ, сообщилъ о находкахъ бронзовыхъ орудій въ предѣлахъ Воронежской губерніи, въ бассейнѣ рѣки Дона. Въ 1891 году найдены были два бронзовые топора, долото и ножъ. Императорская Археологическая Коммиссія поручила г. Звѣреву произвести археологическія разысканія на мѣстѣ находки, при чемъ найдены были еще два бронзовыхъ топора, изъ которыхъ одинъ съ пояскомъ на ударной части, и одно долото. Подробный перечень всѣхъ подобнаго рода находокъ въ предѣлахъ Воронежской губерніи

съ 1863 по 1893 годъ помѣщенъ былъ г. Звѣревымъ въ памятной книжкѣ Воронежской губерніи за 1893 годъ.

В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что орудія бронзоваго вѣка, встрѣчающіяся на пространствѣ между Припетью и Зап. Двиной, съ одной стороны, Нѣманомъ и Днѣпромъ — съ другой, по своей формѣ тождественны съ аналогичными каменными орудіями, въ огромномъ количествѣ находимыми въ этой области. Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ: не были ли эти предметы мѣстнаго происхожденія, и не слѣдуетъ ли поэтому искать слѣдовъ бронзоваго вѣка и въ средней полосѣ Россіи? Сравнительно незначительное количество бронзовыхъ предметовъ легко объясняется тѣмъ, что позднѣе ихъ передѣлывали въ предметы украшенія. Фактъ этотъ, не подрывая вывода референта, расширяетъ область бронзоваго вѣка, какъ предмета изслѣдованія. Пока это изслѣдованіе не будетъ произведено, весьма рискованно утверждать, что средняя полоса Россіи не знала культуры бронзоваго вѣка.

А. А. Кочубинскій прибавилъ слѣдующее замѣчаніе: языкъ, этотъ контроль для общихъ выводовъ въ области доисторической археологіи, какъ будто подтверждаетъ заключенія проф. Антоновича. Въ то время, какъ въ языкахъ славянъ и литовцевъ есть общій терминъ для желѣза: *жельзо—gelezis*, для мѣди слова отдѣльныя и оба темнаго происхожденія: *мѣдь—varys*. Но вмѣстѣ съ этимъ самый терминъ *жельзо—gelezis* одного происхожденія съ названіемъ для мѣди въ греческомъ—*χαλκός*, т. е. слово, оказавшееся лишнимъ, получило новое значеніе—желѣза.

В. Б. Антоновичъ благодарилъ своихъ оппонентовъ за сдѣланныя ими замѣчанія и дополненія, а затѣмъ представилъ подробныя разъясненія по отдѣльнымъ частнымъ пунктамъ. Что касается до значенія Кавказа, на чемъ настаивалъ Д. Н. Анучинъ, то референтъ утверждалъ отсутствіе въ южной Россіи бронзовыхъ предметовъ съ опредѣленно выраженнымъ кавказскимъ характеромъ.

По окончаніи засѣданія предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, проф. О. И. Успенскій, принесъ отъ имени Съѣзда благодарность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу.

Общее собраніе 10 августа въ 3 часа пополудни.

За болѣзнію предсѣдателя Съѣзда предсѣдательствовалъ О. И. Успенскій. Секретарь М. И. Соколовъ.

Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ докладъ объ организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ. Ознакомивъ съ исторіей правительственныхъ мѣропріятій къ измѣненію и улучшенію устройства этихъ архивовъ, референтъ подробно ознакомилъ съ тѣми заключеніями, къ которымъ пришла Высочайше утвержденная при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссія 1892 г. по преобразованію централь-

ныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ. Имѣя важное практическое значеніе, заключаая огромное количество историко-юридическихъ документовъ, правительственные архивы Кіевскій, Виленскій и Витебскій представляютъ собою лабиринты, въ которыхъ не могутъ найтись не только постороннія лица, но и сами архивариусы. Для охраны и удобства пользованія документами съ научными и практическими цѣлями необходимо составленіе инвентарныхъ описей по отдѣламъ, послѣ чего должно приступить къ составленію систематическихъ описаній или обзорной документовъ по отдѣленіямъ съ приложеніемъ къ инвентарямъ и описаніямъ алфавитныхъ указателей именъ личныхъ и географическихъ. Для систематизаціи по отдѣламъ содержанія правительственныхъ архивовъ древнихъ актовъ и для составленія инвентарныхъ описей, систематическихъ описаній и алфавитныхъ указателей одинаково необходимы штаты архивистовъ съ высшимъ образованіемъ и обеспеченныхъ средствами существованія съ условіемъ, чтобы архивная служба не совмѣщалась съ другою службою.

Очертивъ пространно современное неудовлетворительное состояніе архивовъ Кіевского, Виленскаго и Витебскаго, референтъ ознакомилъ съ проектированными Высочайше учрежденною комиссіею по преобразованію дѣятельности центральныхъ архивовъ правилами организаціи и дѣятельности архивовъ въ Кіевѣ и Вильнѣ.

При обсужденіи реферата И. Я. Спрогисъ очертилъ современное состояніе Виленскаго архива и высказался безусловно въ пользу проектированныхъ правилъ. Г. Истоминоу предлагалъ составлять въ архивахъ не инвентари и систематическія описанія, а систематическіе предметные указатели не столько съ практическими цѣлями, сколько съ научными.

Священ. Паевскій указалъ на необходимость позаботиться о судьбѣ мелкихъ провинціальныхъ архивовъ.

А. В. Лонгиновъ совѣтовалъ, при соединеніи архивовъ Виленскаго и Витебскаго, туда же помѣстить часть архива Варшавскаго, именно документы, относящіеся къ западно-русскимъ губерніямъ.

Арх. И. Маркевичъ указалъ на необходимость новаго, болѣе удобнаго и безопаснаго помѣщенія для Виленскаго архива и на примѣненіе проектированныхъ комиссіею правилъ и къ имѣющему образоваться архиву Новороссійскаго края.

И. Я. Спрогисъ сообщилъ, что было сдѣлано настоящимъ управленіемъ Виленскаго архива по вопросу о новомъ изолированномъ помѣщеніи для архива.

С. Л. Пташицкій возражалъ противъ правила о несомвѣстимости архивной службы съ какою либо другою, указывая на ту пользу, какую въ провинціальныхъ архивахъ могли бы приносить преподаватели учебныхъ заведеній, и предлагалъ не ограничивать занятій въ архивѣ временемъ до 3-хъ часовъ дня.

А. Н. Львовъ оспаривалъ пользу совмѣщенія архивной службы съ по-

стороннею и предлагалъ для удержанія на архивной службѣ образованныхъ людей прогрессивное увеличеніе жалованья, какъ это дѣлается въ гимназіяхъ.

Засѣданіе X-го отдѣленія (памятники археографическіе) 11 августа.

Почетный предсѣдатель И. Я. Спрогисъ. — Предсѣдатель В. Н. Сторожевъ. — Секретарь Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. А. Н. Львовъ прочелъ рефератъ „Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ“. Архивъ греко-уніатскихъ дѣлъ находится нынѣ въ архивѣ св. синода и заключаетъ въ себѣ дѣла, касающіяся управленія греко-уніатскими епархіями, монастырями и церквами со времени присоединенія Сѣверо-Западнаго края къ Россіи до присоединенія уніатовъ въ 1839 году. Кромѣ того, въ немъ есть особый отдѣлъ, извѣстный подъ именемъ „архива греко-уніатскихъ митрополитовъ“, заключающій въ себѣ бумаги, дѣла, акты, документы, письма и дневники греко-уніатскихъ митрополитовъ. Отдѣлъ этотъ начинается съ 1470 г. и оканчивается бумагами послѣдняго уніатскаго митрополита Іосифа Булгака. Содержаніе архива чрезвычайно разнообразно; здѣсь есть дѣла о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, о церквахъ и монастыряхъ уніатскихъ и православныхъ съ инвентарями, дѣла объ уніатскомъ управленіи, о столкновеніяхъ между православными и уніатами, масса судебныхъ дѣлъ, церковно-практическихъ, церковно-административныхъ и т. п. Архивъ этотъ до послѣдняго времени не былъ не только описанъ, но даже и разобранъ. Два года тому назадъ г. оберъ-прокуроръ св. синода, вполне понимая историческую важность этого архива, далъ особыя средства на правильное, научное описаніе его, и въ настоящее время это описаніе приводится къ концу и пользованіе архивомъ для постороннихъ лицъ представляется уже возможнымъ. По окончаніи описанія предполагается приступить къ изданію его, при чемъ тѣ акты и документы, которые нигдѣ еще не были напечатаны, будутъ изданы въ видѣ особыхъ приложений къ описанію.

И. Я. Спрогисъ сдѣлалъ замѣчаніе по поводу документовъ съ двуязычнымъ письмомъ, упомянутыхъ референтомъ. По Литовскому Статуту писарь гродскій обязанъ былъ писать по-русски, съ конца же XVI вѣка входитъ въ употребленіе польскій языкъ, и въ оффиціальныхъ документахъ лишь для соблюденія формы вступительныя и заключительныя слова писались на русскомъ языкѣ; до 1697 г. русскій языкъ еще держался, но въ этомъ году оффиціальнымъ распоряженіемъ употребленіе его въ актахъ было запрещено. Затѣмъ почетный предсѣдатель спросилъ у референта о помѣщеніи архива и освѣдомился о томъ, нѣтъ ли въ бумагахъ архива дѣлъ, относящихся до Остробрамской иконы Божіей Матери. Референтъ отвѣтилъ, что помѣщеніе вполне удовлетворительно; на второй же вопросъ отвѣчалъ отрицательно.

В. Н. Сторожевъ предложилъ вопросъ о характерѣ будущаго изданія архива греко-уніатскихъ митрополитовъ, высказавъ пожеланіе, чтобы при изданіи архива частная переписка и дневники были изданы цѣликомъ. На что референтъ отвѣтилъ, что изданіе—вопросъ сложный, еще не рѣшенный во всѣхъ деталяхъ.

И. Я. Спрогисъ замѣтилъ, что задача архивовъ описаніе, а не изданіе; послѣднее есть дѣло археографическихъ комиссій. Предсѣдатель В. Н. Сторожевъ согласился съ тѣмъ, что главная задача архивовъ—описаніе, но настаивалъ, что они должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіями археографическими.

С. Л. Пташицкій замѣтилъ, что на практикѣ обыкновенно и происходитъ соединеніе этихъ двухъ цѣлей, примѣромъ можетъ служить Львовскій архивъ.

2. В. Н. Сторожевъ прочелъ рефератъ И. И. Васильева: „Архивъ упраздненнаго Рижскаго генераль-губернаторства“. Въ началѣ реферата помѣщенъ краткій историческій очеркъ ливонскаго края съ 1710 г. и перечень генераль-губернаторовъ по 1876 г. По упраздненіи генераль-губернаторства назначена была особая ликвидаціонная комиссія, которая и отобрала дѣла для архива. Архивъ этотъ имѣетъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе (въ немъ, между прочимъ, хранятся письма Петра I); доступъ въ архивъ до послѣдняго времени былъ затрудненъ, архивъ не имѣетъ ни устава, ни штата, а потому будущность его не обезпечена.

3. Проф. московской духовной академіи А. Д. Бѣляевъ сдѣлалъ докладъ „Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ“.

Референтъ сначала указалъ причины недостатка строгой системы въ распорядкѣ археологическихъ памятниковъ въ музеяхъ, а именно: хотя археологическихъ памятниковъ собрано теперь довольно много, но для научной полноты ихъ все таки слишкомъ недостаточно, а добытый археологическій матеріалъ мало описанъ и еще менѣе объясненъ; однородные археологическіе памятники разбросаны по разнымъ странамъ, напр., памятники Египта разсѣяны, кромѣ Египта, почти по всѣмъ столичнымъ музеямъ Европы; наконецъ, въ археологіи не выработана классификація и не установлено твердыхъ принциповъ для распредѣленія матеріала. Въ главнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ музеяхъ (изъ послѣднихъ референтъ ознакомился съ музеями Берлина, Дрездена, Праги и Парижа) археологическіе памятники распредѣляются преимущественно по культурнымъ и племеннымъ типамъ. Такъ, напр., восточныя древности обыкновенно занимаютъ особое помѣщеніе, при чемъ вся масса ихъ раздѣляется на древности египетскія, вавилонско-ассирійскія, персидскія, финикійскія и т. д. Но этотъ принципъ не проводится послѣдовательно. Напр., церковныя христіанскія древности обыкновенно помѣщаются отдѣльно отъ бытовыхъ памятниковъ, т. е. распредѣляются уже по существу своему и по назначенію ихъ въ жизни. Распредѣляются еще древности въ музеяхъ и по вѣкамъ или эпохамъ, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ. Хронологическій порядокъ примѣняется преимущественно при распредѣленіи первобыт-

ныхъ древностей, которыя принято дѣлить на орудія археологическія, неолитическія, орудія бронзовой эпохи и орудія эпохи желѣзной. Признавая распределеніе археологическихъ памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ желательнымъ, референтъ находитъ, что оно трудно исполнимо при настоящемъ состояніи археологіи, и отдаетъ предпочтеніе дѣленію древностей по ступенямъ культуры. Онъ предлагаетъ строить музеи въ видѣ продолговато-широкихъ зданій, имѣющихъ въ основаніи правильнѣйшій параллелограмъ. Долевая стѣна посрединѣ дѣлитъ зданіе на двѣ половины. Въ одномъ рядѣ комнатъ размѣщаются коллекціи археологическія, въ другомъ — этнографическія. Какъ археологическія, такъ и этнографическія памятники распределяются по степени совершенства въ ихъ обработкѣ. Простѣйшія, самой грубой обработки, должны быть расположены такъ: этнографическія въ комнатахъ или въ комнатахъ подъ № 1 этнографической половины, археологическія въ комнатахъ подъ тѣмъ же № археологической половины. Въ комнатахъ подъ № 2 въ обѣихъ половинахъ должны быть размѣщены этнографическія и археологическія вещи нѣсколько болѣе совершенныя и т. д. При такомъ близкомъ сопоставленіи и параллелизмѣ памятниковъ этнографическихъ, значеніе которыхъ намъ всегда извѣстно, съ памятниками археологическими, часто непонятными, этнографія, по мнѣнію референта, прольетъ въ мракъ прошедшихъ временъ гораздо болѣе свѣта, нежели сколько занимаетъ его отъ нея археологія въ настоящее время.

Засѣданіе I-го отдѣленія (древности первобытныя) 11 августа.

Почетный предсѣдатель А. К. Ж и з н е в с к і й. — Предсѣдатель В. Б. А н т о н о в и ч ъ. — Секретарь А. А. С п и ц ы н ъ.

1. В. И. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе: „О расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ“. Такъ называемое „Дьяково городище“, или „Чертово“, находится верстахъ въ 7 отъ Москвы и лежитъ на правомъ берегу Москворѣки, представляя изъ себя форму усѣченного конуса, высота котораго надъ уровнемъ рѣки достигаетъ до 24 саж. Культурный слой достигаетъ глубины до 2 саж. Площадь городища имѣетъ форму треугольника, обнесеннаго валомъ, насыпаннымъ изъ желтой глины, взятой, вѣроятно, у подошвы городища.

Уже лѣтъ 20 тому назадъ городище это обращало на себя вниманіе археологовъ: такъ, здѣсь производили раскопки гг. Самоквасовъ и Филимоновъ; вещи, извлеченныя г. Самоквасовымъ изъ культурнаго слоя городища, находятся въ Историческомъ музеѣ и могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ раскопкамъ референта, который производилъ ихъ три раза и послѣдній разъ въ началѣ нынѣшняго лѣта. Добытыя вещи, демонстрируемыя предъ собраніемъ, распределены по группамъ, на основаніи различія матеріала:

а) Глина. Фрагменты отъ сосудовъ найдены въ огромной массѣ; матеріаль ихъ преимущественно темная глина (черепки красной глины сравнительно рѣдки). Хотя орнаментація сосудовъ имѣетъ примитивный геометрическій стиль, но, комбинируя точки и черточки, она достигаетъ замѣчательнаго разнообразія въ этихъ предѣлахъ, при чемъ волнистая линія, характерная для сосудовъ славянскихъ, здѣсь отсутствуетъ. Форма сосудовъ, судя по фрагментамъ, отличается отъ сосудовъ славянскихъ могилъ большей котловидностью, не столь рѣзко обозначенными днищами и прямыми широкими вѣнцами безъ загибовъ. Другія издѣлія изъ глины представляютъ тигли разнаго вида, большое количество пряслицъ, орнаментированныхъ вырѣзками и точками; погребушки и маленькіе сосудики.

б) Кость. Издѣлія изъ кости даютъ особый характеръ городищу, представляя по количеству главный матеріаль для издѣлій разнаго рода орудій. Болѣе всего встрѣчается здѣсь заостренныхъ реберъ животныхъ, иногда со сверлинами, и костяныхъ стрѣлъ. Такого рода предметы попадались въ городищахъ Вятки, Камы и вообще сѣверо-восточной Россіи. Это сходство сближаетъ могильникъ съ культурой указанныхъ мѣстностей и позволяетъ предположить въ жителяхъ богатаго костяными орудіями городища финскую народность.

в) Бронза. По характеру бронзовыхъ издѣлій (гривны, пряжки, обломки влагалища ножа, привѣски) могильникъ сближается съ Курманскимъ и съ другими, гдѣ находятся вещи т. н. мерянскаго типа. Выдѣлка вещей происходитъ на мѣстѣ, на что указываютъ тигли, формы для отливки привѣсокъ.

г) Бусы найдены изъ стекла, шарообразныя, золоченыя, какія обыкновенно встрѣчаются въ могильникахъ Осетіи (Комунта, Чми и др.), относящихся къ VI и VIII вв. и которые въ курганахъ центральной Россіи встрѣчаются не позднѣе X вѣка.

е) Въ числѣ желѣзныхъ вещей особеннаго вниманія заслуживаютъ желѣзныя, плоскія, съ двумя отростками, стрѣлы, сохранившія архаическую форму кремневыхъ стрѣлъ.

ф) Находка подковообразной съ эмалью фибулы, кромѣ другихъ признаковъ, позволяетъ древность могильника опредѣлить VI — VII в. и новую границу обозначить X-мъ вѣкомъ (приблизительно).

Раскопки сосѣднихъ кургановъ указали на отсутствіе культурной связи этихъ кургановъ и вообще кургановъ московскаго типа съ насельниками городища. По мнѣнію референта, культура городища имѣетъ весьма характерныя черты культуры финской народности.

По поводу демонстрированныхъ референтомъ черепковъ изъ Дьякова городища, кн. П. А. Путятинъ замѣтилъ, что среди орнаментовъ на этихъ черепкахъ онъ усматриваетъ три такія разновидности, которыя встрѣчаются на сосудахъ, находимыхъ на круглыхъ городищахъ сѣверной Германіи и Австріи, именно волнистый, предположительно приписываемый славянамъ, лужицкаго типа, и произведенный круглымъ рѣзцомъ узоръ такъ называе-

маго франкского типа. Хотя нерѣдко городища эти носятъ явно смѣшанный характеръ, но обыкновенно они приписываются славянамъ. Референтъ отвѣтилъ на это указаніе замѣчаніемъ, что приведенная теорія орнамента ему известна; аналогій же съ далекими древностями онъ сознательно избѣгалъ, оберегая основные признаки изучаемой имъ культуры отъ слишкомъ большаго раздробленія на отдѣльныя черты; отсутствіе волнистаго орнамента ставить городище въ связь, по его мнѣнію, съ восточными финскими народностями, а не съ западомъ.

А. А. Спицынъ счелъ невозможнымъ согласиться съ положеніемъ референта о близости Дьякова городища къ камскимъ костеноснымъ городищамъ, указывая на отсутствіе въ немъ характерныхъ признаковъ культуры костеносныхъ городищъ и сравнительную бѣдность обнаруженныхъ на немъ предметовъ. Точно также опредѣленіе новѣйшей даты городища онъ нашелъ недостаточно обоснованнымъ, такъ какъ не установлено, что указанные г. референтомъ предметы относятся именно къ тому времени, къ какому онъ ихъ приурочиваетъ. По его мнѣнію, Дьяково городище вмѣстѣ съ другими городищами того же типа должно быть обособлено въ отдѣльную группу, почти не имѣющую никакого отношенія къ костеноснымъ городищамъ прикамскимъ.

А. К. Жизневскій нашелъ много сходнаго между предметами Дьякова городища и нѣкоторыми случайными находками въ тверскомъ краѣ; счелъ возможнымъ признавать культуру Дьякова городища смѣшаннаго характера и въ дополненіе къ реферату поставилъ вопросъ о томъ, не могли ли служить маленькіе сосуды, встрѣчаемые на этомъ городищѣ, какою-нибудь принадлежностью жертвоприношеній. Н. И. Троицкій расширилъ районъ распространенія городищъ Дьяковского типа въ сторону юга, указавъ на существованіе совершенно аналогичнаго по находкамъ городища въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, вещи изъ котораго хранятся въ Тульскомъ музеѣ.

Референтъ, въ отвѣтъ на обращенные къ нему запросы, объяснилъ, что онъ не настаиваетъ на тождественности Дьякова городища въ частностяхъ съ костеносными городищами и указываетъ лишь на родовое сходство между ними; на опредѣленности указанныхъ имъ хронологическихъ датъ онъ продолжаетъ настаивать. Дьяковское городище, можетъ быть, впоследствии войдетъ въ особенную группу окскаго бассейна, но пока изслѣдованное городище съ такимъ количествомъ вещей представляетъ единичный примѣръ въ этой мѣстности.

2. Депутатъ рязанской ученой архивной комиссіи, А. В. Селивановъ, прочелъ рефератъ о произведенной имъ въ 1892 г., по порученію импер. археологической комиссіи и при участіи А. И. Черепнина и В. А. Городцова, раскопкѣ Борковского могильника, находящагося въ 3 в. отъ Рязани и открытаго еще въ 1874 г. при желѣзнодорожныхъ земляныхъ работахъ (при чемъ вмѣстѣ съ различными вещами найденъ былъ небольшой кладъ диргемовъ VIII и IX в.).

Раскопка могильника, произведенная въ 1892 г., продолжалась съ перерывами въ теченіе 29 рабочихъ дней. Обнаружено болѣе 111 могилъ, изъ коихъ въ 61 оказались погребенія обыкновенныя, въ 4—погребенія въ сидячемъ положеніи и въ 13—трупосожженія. Преобладающее направленіе костяковъ, вообще весьма плохо сохранившихся, было головою на СВ, ССВ и СВВ. Руки большею частью вытянуты вдоль туловища; лежащими на боку оказалось лишь нѣсколько костяковъ. Слѣдовъ деревянныхъ гробовъ не оказалось. Повидимому, умершихъ клали прямо въ землю, но въ нѣкоторыхъ могилахъ подъ костями, въ особенности подъ черепомъ, можно было замѣтить остатки луба или бересты. Въ ногахъ или подлѣ головы были находимы во многихъ могилахъ цѣльные погребальные горшки, большею частью безъ всякаго орнамента; но нѣкоторые изъ горшковъ по ободку были орнаментированы насѣчками или точкообразными вдавленіями. Изъ вещей, характеризующихъ мужскія могилы, должны быть отмѣчены слѣдующія: желѣзное оружіе, какъ-то: наконечники копій и дротиковъ, топоры съ продольнымъ отверстіемъ, напоминающимъ широкое долото или кельтъ, затѣмъ мечи разной величины и формы, ножи, удила, бронзовыя шейныя гривны съ коробкой, бляхообразныя фибулы съ крышкой, гладкія гривны въ видѣ утолщенной въ срединѣ проволоки, браслеты изъ толстой проволоки съ утолщенными концами, спиральки, бронзовыя и серебряныя крестообразныя фибулы, напоминающія по типу римскія, самострѣлообразныя фибулы, подобныя находимымъ въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, спиральныя кольца, кожаные пояса, украшенные бляшками, глиняныя красныя бусы, трапецевидныя и колокольчатыя подвѣски. Въ женскихъ могилахъ были находимы: гривны съ коробкой, каменные пряслицы (по одной въ могилѣ), плоскіе узкіе браслеты, круглыя 4 и 5—лопастныя, съ отверстіемъ по срединѣ, височныя украшенія, ажурныя височныя привѣски, красныя бусы, спиральки, находимыя чаще близъ головы въ волосахъ, и различнаго рода колокольчатыя и трапецевидныя привѣски, которыя, повидимому, пришивались по краямъ одежды. Принадлежностью какъ мужскихъ, такъ и женскихъ могилъ были круглыя въ видѣ плоскаго ободка пряжки съ подвижной иглой. Всѣ вещи, характеризующія погребенія, совершенныя по обыкновенному обряду, отличаются простымъ и иногда полнымъ отсутствіемъ орнамента.

Совершенно инымъ характеромъ отличались украшенія, находимыя при трупосожженіяхъ. Надъ кучкой пережженныхъ костей или по близости были находимы вещи, или сложенные въ кучу, или расположенныя рядомъ, иногда на доскѣ. Чаще встрѣчались при трупосожженіяхъ слѣдующія вещи: гривны съ маленькой коробкой, бляхи безъ крышки, плоскіе широкіе браслеты, ажурныя паяныя, а не литыя, фибулы и привѣски, маленькія бронзовыя спиральки, стеклянныя позолоченыя и сѣрыя мелкія бусы и бисеръ. Всѣ эти вещи отличались болѣе тонкой работой и изяществомъ отдѣлки, указывающимъ на болѣе развитую культуру.

Многія бронзовыя вещи какъ въ случаяхъ погребенія, такъ и при трупосожженіяхъ, были обертываемы въ лубъ.

Указавъ на сходство предметовъ Борковскаго могильника съ вещами, найденными въ Курманскомъ могильникѣ, а также въ могильникахъ Старо-Рязанскомъ и еще не вполне изслѣдованныхъ Пальновскомъ и Константиновскомъ, референтъ подробно остановился на нѣкоторыхъ типическихъ предметахъ всѣхъ означенныхъ могильниковъ, раскинутыхъ по берегамъ р. Оки на протяженіи болѣе 250 верстъ и представляющихъ собою остатки древнѣйшаго населенія Рязанской области, жившаго здѣсь задолго до основанія Рязанскаго княжества.

Перейдя затѣмъ къ вопросу о племени, къ которому принадлежало населеніе, оставившее Борковскій могильникъ, А. В. Селивановъ высказалъ предположеніе, что какъ характеръ погребеній, такъ и найденныя въ могилахъ вещи указываютъ не на одну эпоху, но по меньшей мѣрѣ на двѣ отдѣленныя одна отъ другой извѣстнымъ промежуткомъ времени, при чемъ, по мнѣнію референта, первоначальное коренное населеніе окской долины оставило послѣ себя погребенія обыкновеннаго типа, но впоследствии въ томъ же самомъ мѣстѣ позднѣйшее населеніе этой мѣстности оставляло могилы другого типа: въ формѣ погребеній въ сидячемъ положеніи и трупосожженій. Въ вещахъ древнѣйшей эпохи Борковскаго могильника замѣтно вліяніе западно-славянской и литовской культуры, тогда какъ предметы, находимые при трупосожженіяхъ, носятъ на себѣ слѣды иныхъ культурныхъ вліяній.

Коснувшись одной особенности Борковскаго могильника, а именно находенія въ немъ между могилами и надъ ними полуистлѣвшихъ деревянныхъ столбовъ, стоящихъ, по мнѣнію референта, въ связи съ погребеніями, А. В. Селивановъ высказалъ свои соображенія относительно хронологіи какъ Борковскаго, такъ и родственныхъ съ нимъ могильниковъ окской долины.

Позднѣйшая дата съ достаточною вѣроятностью можетъ быть установлена на основаніи найденныхъ въ 1874 г. монетъ, которыя относятся къ VIII—IX в. нашей эры. Эта дата, по мнѣнію референта, относится не ко всѣмъ могиламъ, но лишь къ трупосожженіямъ и немногимъ изъ погребеній. Что же касается до хронологіи типическихъ могилъ всѣхъ окскихъ могильниковъ Борковскаго и Курманскаго типа, то референтъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Нахожденіе въ Борковскомъ могильникѣ крестообразныхъ и въ особенности арбалетныхъ фибулъ, указываетъ, съ одной стороны, на западное вліяніе въ характерѣ украшеній, а съ другой, на время, близкое къ эпохѣ гето-дакійской колонизаціи послѣ покоренія римлянами царства Даковъ, стало быть къ I—II вѣкамъ по Р. Х. Отсутствие римскихъ монетъ не можетъ, по мнѣнію докладчика, служить поводомъ къ измѣненію этой даты, такъ какъ населеніе, обитавшее въ окской долині въ данную эпоху, могло вести торговлю мѣновую, безъ употребленія денежныхъ цѣнностей.

2) Нѣкоторыя серебряныя бляшки, вѣроятно отъ пояса, находимыя въ Борковскомъ могильникѣ, вполне тождественны съ бляшками, найденными проф. Самоквасовымъ въ катакомбѣ № 12 могильника близъ аула Чми, въ Осетіи, вмѣстѣ съ серебряной сассанидскою монетою Хозроя I, (531—579 г. по Р. X.).

3) Присутствіе желѣзныхъ топоровъ съ отверстіемъ вдоль и отсутствіе боевыхъ топоровъ обычнаго курганнаго типа также указываетъ на эпоху, когда въ памяти населенія еще жило представленіе о древнѣйшихъ бронзовыхъ кельтахъ.

Наконецъ, 4) двѣ бронзовыя фибулы, найденныя въ Борковскомъ могильникѣ въ 1874 г. и изданныя въ Трудахъ Рязанской уч. архивной комиссіи за 1891 г. (т. VI, таб. I) относятся къ одному типу съ человѣкообразными чудскими идолами, находимыми въ костищахъ Пермской губерніи и относимыми къ V и VI в. по Р. X.

Указанныя аналогіи, по мнѣнію референта, даютъ основаніе съ нѣкоторою вѣроятностью принять за первоначальную дату Борковского могильника V—VI вѣка нашей эры.

Не возбудивъ возраженій по существу, сообщеніе г. Селиванова вызвало цѣлый рядъ соображеній и заявленій по поводу послужившихъ для него темою древностей. А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на весьма замѣчательныя археологическія открытія послѣдняго времени въ бассейнѣ рѣки Оки и Зап. Двины, именно въ области мордвы и мещеры съ одной стороны, и въ странѣ ливовъ и куровъ съ другой. Весьма любопытно, что между древностями того и другаго района замѣчается много точекъ соприкосновенія; сходство наблюдается не только въ близости вещей (что и было показано на примѣрѣ нѣсколькихъ типичныхъ предметовъ), но даже въ самомъ обрядѣ погребенія. Сходство это можетъ быть объяснено или совмѣстною жизнью основныхъ народныхъ группъ той и другой мѣстности, или же заимствованіями отъ одной богатой культуры, какою, напр., могла бы быть готская, которую приходится отыскивать на Нѣманѣ, Зап. Двинѣ и Донѣ. Г. Спицынъ заявилъ, что цѣлью его попутнаго экскурса было примкнуть къ выраженному на предыдущемъ засѣданіи напоминанію проф. Антоновича о томъ, что древности Дона остаются до сихъ поръ совершенно незатронутыми исследователями. Д. Я. Самоквасовъ нашель неизлишнимъ предупредить, что близость Борковского могильника къ области вятичей не можетъ подать повода къ сближенію между сдѣланными на немъ находками и предметами изъ кургановъ вятичей, такъ какъ между ними нѣтъ никакой органической связи. Борковскій могильникъ долженъ быть признанъ финскимъ.

На это замѣчаніе послѣдовалъ отвѣтъ референта, что указанное г. Самоквасовымъ различіе онъ имѣеть въ виду; что если въ рефератѣ своемъ онъ упомянулъ о древностяхъ вятичей, то лишь для удобства опредѣленія хронологической даты могильника и для объясненія факта появленія въ древностяхъ Борковского типа нѣкоторыхъ такихъ вещей, которыя, повидимому,

должны быть признаны особенностью древностей Сѣверо-Западнаго края; наконецъ, что въ Борковскомъ могильникѣ дѣйствительно встрѣчено нѣсколько могилъ несомнѣнно славянскихъ, но онѣ рѣзко отличаются отъ другихъ погребеній этого могильника.

Д. И. Иловайскій, отозвавшись съ большимъ одобреніемъ о работѣ, представленной вниманію отдѣленія г. Селивановымъ, и имѣя въ виду указаніе референта на обнаруженные имъ въ могильникѣ признаки деревянныхъ столбовъ, поставилъ вопросъ: не представляется ли возможнымъ видѣть въ этихъ столбахъ тѣ „столпы“, которые выступаютъ въ разсказѣ Нестора о погребеніяхъ у вятичей? Если къ этому есть серьезныя основанія, то само собою является любопытное предположеніе, что Борковскій могильникъ, быть можетъ, представляетъ образецъ погребенія, существовавшаго у вятичей. Затѣмъ имъ же былъ поставленъ другой вопросъ: данный могильникъ не есть ли собственно некрополь древняго Переяславля Рязанскаго (нынѣшняго города Рязани), начало котораго, такимъ образомъ, могло бы быть отнесено къ VII—VIII вв. Д. И. Иловайскій, въ виду своей теоріи объ очень давнемъ заселеніи восточными славянами занимаемой ими нынѣ территоріи, не счелъ бы такого рода положеніе натяжкой. Поддерживая далѣе ту же точку зрѣнія, Д. И. Иловайскій призналъ спорнымъ данное проф. Котляревскимъ толкованіе слова „столпъ“ въ смыслѣ „сопка“, о которомъ напомнилъ ему Д. Я. Самоквасовъ. В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что имъ первымъ указаны случаи находенія въ курганахъ деревянныхъ столбовъ, объ отношеніи которыхъ къ упоминаемымъ въ лѣтописи „столпамъ“ онъ уже возбудилъ вопросъ, и что теперь онъ склоненъ видѣть въ подобныхъ столбахъ прямыя слѣды погребальнаго обряда финновъ. Обративъ вниманіе на нѣкоторые предметы Борковскаго могильника, обработанные изъ спаянной проволоки, проф. Завитневичъ указалъ на совершенную несостоятельность одного изъ признаковъ, считавшагося чуть ли не по настоящее время весьма надежнымъ при опредѣленіи времени археологическихъ находокъ—спаянность и неспаянность металлическихъ издѣлій, при чемъ неспаянность считалась признакомъ древнѣйшихъ культуръ. А. К. Жизневскій сдѣлалъ общее резюме всего высказаннаго по поводу реферата г. Селиванова и съ своей стороны сдѣлалъ замѣчаніе, что при рѣшеніи сложнаго вопроса о томъ, какіе именно „столпы“ имѣлъ въ виду лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ, необходимо принять во вниманіе существовавшій въ древности обычай ставить на могилахъ „боженки“ (часовни), позднѣе принявшій нѣсколько другія формы: такъ, можно полагать, что отсюда идетъ обыкновеніе ставить надъ могилами фанари съ иконами и лампадкою въ нихъ, наблюдаемое на старовѣрческомъ кладбищѣ во Ржевѣ. Это замѣчаніе дало поводъ А. В. Селиванову сообщить краткія свѣдѣнія о найденномъ имъ деревянномъ столбѣ надъ пустой могилой въ старой Рязани, на которомъ оказалось изображеніе изъ бронзы въ видѣ женскаго бюста, и В. Н. Поливанову передать свѣдѣнія о встрѣченыхъ имъ деревянныхъ столбахъ въ Муранскомъ могильникѣ, а проф. За-

витневичу — напомнить о приведенномъ Котляревскимъ свидѣтельствѣ изъ одного древняго памятника, гдѣ упоминается объ обычаѣ ставить на распутьяхъ деревянные столбы, предъ которыми приносились жертвы.

В. Б. Антоновичъ, вызванный предсѣдателемъ засѣданія дать свое авторитетное заключеніе о древностяхъ Борковскаго могильника, заявилъ, что эти древности представляютъ для него еще совершенно новое явленіе, что онъ находитъ весь добытый г. Селивановымъ матеріалъ весьма поучительнымъ и что изъ высказанныхъ по поводу его мнѣній онъ рѣшается склониться на сторону Д. Я. Самоквасова, не признавашаго Борковскій могильникъ славянскимъ.

Замѣчанія Д. Н. Анучина, закончившія пренія, относились не къ самому реферату, а къ тѣмъ общимъ заключеніямъ, которыя по поводу его были сдѣланы А. А. Спицынымъ. Проф. Анучинъ предостерегалъ отъ злоупотребленія въ археологійи приѣмомъ объясненія сходства простымъ заимствованіемъ изъ одного общаго источника и находилъ возможнымъ, что финская культура могла развиваться самостоятельно, безъ особенно замѣтнаго готскаго или иного вліянія. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дополненіе къ аналогіямъ, проведеннымъ г. Спицынымъ между древностями западныхъ и восточныхъ финскихъ народностей, проф. Анучинъ далъ описаніе той пряжки—сустуга, какія до сихъ поръ въ ходу подъ этимъ названіемъ у нижегородской мордвы.

3. Профессоръ Кенигсбергскаго университета Беценбергеръ сдѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ сообщеніе: „О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи“. Прежде всего референтъ остановился на геологическихъ условіяхъ страны, бывшей покрытою въ эпоху, предшествующую современной, великимъ сѣвернымъ ледникомъ, и территорія которой значительно увеличилась въ послѣ-третичный періодъ, вслѣдствіе поднятія почвы въ Привислинской низменности на 18 футовъ. Это измѣненіе очертаній страны сопровождалось измѣненіемъ въ теченіи рѣкъ: Нѣмана, Вислы, Одера, направлявшихся прежде къ западу и стоявшихъ въ связи между собою, а послѣ отдѣлившихся и проложившихъ себѣ дорогу на сѣверъ. Человѣкъ еще засталъ въ данной области эти измѣненія, появившись здѣсь по окончаніи ледниковаго періода, по всей вѣроятности съ В. и Ю.-В., изъ территоріи, входящей нынѣ въ составъ Россіи. Впрочемъ, отъ палеолитическаго періода извѣстно до настоящаго времени только двѣ находки человѣческихъ костяковъ съ долихоцефалическими и прогнатическими черепами. Большимъ числомъ находокъ представленъ неолитическій и древнѣйшій металлическій вѣкъ, и есть основанія думать, что населеніе этихъ эпохъ было тождественно литовско-латышскому племени. На это указываютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., одной, называемой еще и теперь по-литовски берегомъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время берегъ моря отстоитъ отъ этой мѣстности на значительное разстояніе. Можно даже констатировать, что уже съ весьма отдаленной эпохи литовское племя было представлено въ этой территоріи двумя вѣтвями, прусскою и литовскою, и что граница между ними шла прибли-

тельно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь. Бронзовая эпоха въ краѣ представлена довольно явственными слѣдами, указывающими на два послѣдовательныхъ способа преданія умершихъ землѣ — трупосожженіе и погребеніе, и на культурную связь въ то время съ Помераніей и Шлезвигомъ. Желѣзный вѣкъ распадается на нѣсколько эпохъ, изъ коихъ древнѣйшая, около начала нашей эры (примѣрно со 2-го вѣка до Р. Х.), характеризуется нѣкоторымъ вліяніемъ культуры *la Tène* и отсутствіемъ римскихъ монетъ. Есть основанія думать, что торговля янтаремъ, въ послѣдствіи достигшая значительнаго процвѣтанія въ этой области, развивалась сначала медленно, и лишь по мѣрѣ того, какъ стали истощаться запасы янтаря на побережьи Нѣмецкаго и западной части Балтійскаго морей и какъ сталъ увеличиваться спросъ на этотъ продуктъ въ предѣлахъ Римской имперіи, — торговля имъ охватила и юго-восточную часть Балтики. Вторая эпоха желѣзнаго вѣка характеризуется слѣдами римскаго вліянія и находками римскихъ императорскихъ монетъ, особенно II—IV вѣковъ. Наконецъ, третья эпоха можетъ быть названа эпохой викинговъ и захватываетъ VI—VIII в. Она характеризуется, между прочимъ, нѣкоторыми спеціальными формами фибулы, которыя были встрѣчены также и въ нѣкоторыхъ могильникахъ русскаго Прибалтійскаго края и вообще западной Россіи, между прочимъ и въ Люцинскомъ могильникѣ, древность котораго, по мнѣнію референта, можетъ быть удалена до VI—VIII вѣковъ.

В. И. Сизовъ по поводу реферата проф. Беценбергера объяснилъ, что X—XI вв. для Люцинскаго могильника русскими изслѣдователями принимаются по аналогіи этого могильника съ Ашераденскимъ, давшимъ монеты этого времени; ливамъ же онъ приписывается на основаніи того, что въ это время Ашерадень, какъ слѣдуетъ изъ указаній Генриха-латыша, заселенъ былъ именно этимъ племенемъ.

Засѣданіе IV-го отдѣленія (памятники быта) 11 августа.

Почетный предсѣдатель А. В. Романовичъ-Славатинскій. — Предсѣдатель Н. И. Веселовскій. — Секретарь С. М. Середонинъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Романовичъ-Славатинскій обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой указалъ связь археологіи съ юриспруденціей и выразилъ надежду, что на слѣдующихъ археологическихъ сѣздахъ отдѣленіе памятниковъ юридическаго быта получитъ еще большее развитіе.

1. А. Я. Ефименко прочитала рефератъ: „Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ“.

Въ основаніи того комплекса явленій, который мы называемъ феодализмомъ, лежитъ феодализація земельной собственности. Сущность этого процесса въ слѣдующемъ: Земледѣльческіе народы Европы (съ увѣренностью

говоримъ относительно германскихъ и славянскихъ) осѣли на свою территорию земледѣльческими клѣточками, извѣстными на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ подъ именемъ mansus, германское названіе huoba, западно-славянское тап, восточно-славянское село, деревня, дворище. Эта клѣточка заключала въ себѣ союзъ свободныхъ людей, связанныхъ родствомъ, и имѣла опредѣленный размѣръ воздѣланной земли съ неопредѣленнымъ, тянущимъ къ нему, количествомъ дикой земли, угодьевъ. Опредѣленность размѣра этой клѣточки констатируется точными свидѣтельствами и находится въ зависимости отъ естественныхъ условій роста этой клѣточки, отъ неудобствъ и невыгодъ, заключающихся въ чрезмѣрномъ расширеніи ея периферіи. Союзы, обнимаемые этими клѣточками, и есть до относительно позднихъ историческихъ временъ единственные безусловные или аллодіальные земельные собственники. Всякая иная земельная собственность есть собственность условная, имѣющая источникъ въ jus publicum, а не въ jus privatum, состоящая въ правѣ пользованія продуктомъ труда этихъ аллодіальныхъ собственниковъ. Оно вытекаетъ изъ потребностей складывающагося государства, которому необходимъ большой классъ лицъ, могущихъ служить органамъ государства, главнымъ образомъ по отношенію къ организаціи военной защиты. Эта условная собственность постепенно всасываетъ въ себя всѣ атрибуты собственности безусловной и становится на ея мѣсто. Есть и другой путь образованія условной собственности: это передача первоначальными собственниками своей земли безземельнымъ.

Весь этотъ процессъ феодализаціи земельной собственности можно наблюдать и въ литовской Руси; процессъ этотъ шелъ, конечно, вполне самостоятельно. Но на ряду съ нимъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодальнаго строя. Слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственной литовской Руси.

В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что выслушанное мнѣніе интересно, какъ принадлежащее такой значительной ученой силѣ, какъ А. Я. Ефименко. Вопросъ: „былъ ли феодализмъ въ Литвѣ,“ поставленъ былъ еще Ярошевичемъ и занимаетъ историковъ и въ настоящее время. Если мы опредѣлимъ феодализмъ, какъ его опредѣляютъ нѣкоторые англійскіе ученые (Мэнь, напр.), т. е. какъ смѣну общинныхъ отношеній частно-имущественными съ подчиненіемъ населенія владѣльцу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то придется признать, что феодализмъ въ Литвѣ былъ. Если же мы примемъ опредѣленіе феодализма, дѣлаемое нѣмецкими, по преимуществу, учеными (крупная земельная собственность, передача владѣльцу земли политическихъ правъ и вмѣсто союза подданчества по отношенію къ королю союзъ вассальности), то слѣдуетъ признать, что феодализма въ Литвѣ не было.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что сжатая, блестяще выраженная мнѣнія автора отличаются, однако, проблематичностью; нѣкоторыя же фразы вызываютъ недоумѣніе.

А. Я. Ефименко отвѣтила, что и въ началѣ и въ концѣ реферата ею было оговорено, что она не беретъ на себя задачи рѣшать, былъ ли въ Литвѣ феодализмъ и тѣмъ болѣе, какой стадіи развитія западно европейскаго феодализма онъ соотвѣтствовалъ. А. Я. Ефименко хорошо сознаетъ, какія чрезвычайныя трудности заключаетъ въ себѣ этотъ вопросъ при громадности европейской литературы по этому предмету; она проситъ объ одномъ— обратить вниманіе на то, что она считаетъ центральнымъ пунктомъ какъ своего реферата, такъ и самаго предмета (не феодализма, а процесса феодализации земельной собственности). Вотъ въ чемъ этотъ центральный пунктъ: понятіе земельной собственности въ историческую уже эпоху подверглось большому измѣненію, и значительное недоразумѣніе возникаетъ въ наукѣ именно изъ-за того, что она опускаетъ это обстоятельство изъ виду и объясняетъ архаическія явленія, исходя изъ современныхъ понятій.

2. Н. Я. Чижовъ доложилъ собранію рефератъ: „Нѣкоторыя черты брачно - юридическихъ символовъ Ярославской губ. (Ростовскаго и Угличскаго уѣздовъ)“.

Символы — самыя древнія формы выраженія юридическихъ понятій и идей. Существованіе символовъ на первыхъ ступеняхъ развитія народной жизни обуславливается потребностью неразвитаго человѣка изображать свои мысли образно, наглядно. Въ символахъ воплощаются различныя стороны народнаго быта, и они принадлежатъ къ публичному, такъ и частному праву. Изъ всѣхъ областей общественной жизни самое широкое развитіе нашли символы въ области семейныхъ отношеній. Указавъ на символы, касающіеся похищенія, завладѣнія невѣстъ (вѣнокъ, кольцо, лента въ косѣ), референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію символовъ, относящихся къ покупкѣ невѣстъ, въ которыхъ брачный договоръ отождествляется съ договоромъ купли - продажи. Существенными принадлежностями этого договора являются: купецъ (женихъ), товаръ (невѣста), передача товара (изъ полы въ полу), закрѣпленіе договора (литки). Одной изъ главныхъ цѣлей сообщенія было желаніе референта обратить вниманіе членовъ съѣзда на важность изученія юридическихъ символовъ, какъ средства познанія брачно - юридическихъ отношеній древняго періода русской исторіи.

П. В. Владиміровъ по поводу реферата указалъ на необходимость сравнительнаго изученія народныхъ обычаевъ, обрядовъ и т. д.

3. С. Ѳ. Платоновъ прочиталъ рефератъ „Объ огнищанахъ“.

Указавъ на чрезвычайно большое количество объясненій, предложенныхъ учеными для того, чтобы опредѣлить смыслъ какъ самаго термина „огнищанинъ“, такъ и того общественнаго слоя, который былъ извѣстенъ подъ именемъ „огнищанъ“, докладчикъ пытался раздѣлить эти ученныя мнѣнія на двѣ основныя группы: одна изъ нихъ полагаетъ, что словомъ „огнищанинъ“ обозначались люди извѣстнаго соціального положенія; другая же видитъ въ этомъ словѣ только придворное званіе, означающее извѣстную степень приближенности къ князю или зависимости отъ князя. Принять первую точку

зрѣнія значитъ, по мнѣнію референта, связать вопросъ объ „огнищанахъ“ съ вопросомъ о такъ называемыхъ земскихъ боярахъ и придать ему несвойственный объемъ и значеніе. Самъ референтъ, на основаніи приведенныхъ имъ извѣстій Русской Правды и лѣтописей, высказался въ томъ смыслѣ, что подъ „тіуномъ огнищнымъ“ и „огнищаниномъ“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „огнищане“ охватывало этимъ словомъ большій кругъ лицъ, именно, всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ княжескому двору, и, такимъ образомъ, отождествляло это слово со словомъ дворяне. Оговариваясь, что предлагаемое толкованіе имѣетъ въ его глазахъ силу лишь догадки, а не категорическаго вывода, докладчикъ видѣлъ почву для такой догадки въ древнемъ значеніи слова „огнище“ — *ἀνδροπόδος*—въ славянскомъ переводѣ поученій Григорія Богослова и слово *ohnišćenin—libertus*—въ *Mater verborum*, гдѣ эта глосса (*libertus, cui post servitium accedit libertas*) не могла быть, по внутреннему ея смыслу, плодомъ поздней фальсификаціи. Нисколько не противорѣчитъ предложенному толкованію и другое пониманіе слова „огнище“ въ смыслѣ очага или дома. Княжескій домочадецъ могъ быть граждански не свободнымъ лицомъ и въ то же время занимать высокое и важное положеніе въ княжескомъ дворцовомъ управленіи.

А. В. Лонгиновъ замѣтилъ, что наибольшее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣетъ этимологическое значеніе слова; несомнѣнно, что огнищане занимали высокое общественное положеніе, но сопоставленіе ихъ съ дворскимъ едва ли имѣетъ подъ собою надежную почву; объясненія этого слова, по его мнѣнію, слѣдуетъ искать въ языческой эпохѣ: быть можетъ оно связано съ культомъ огня.

А. И. Маркевичъ высказалъ предположеніе, не спуталь-ли неизвѣстный составитель глоссы въ „*Mater verborum*“ понятій „изгой“ и „огнищанинъ“.

А. И. Соболевскій полагалъ, что въ „*Mater verborum*“ слово „огнищанинъ“ передѣлано изъ какого-нибудь другого; для доказательства предположенія референта слѣдовало бы указать употребленіе въ какомъ нибудь русскомъ памятникѣ слова „огнище“ въ смыслѣ княжескаго двора; это слово встрѣчается въ древнихъ памятникахъ (житіе Андрея Юродиваго, толкованія Никиты Ираклійскаго на Григорія Богослова) въ смыслѣ „очага“, „печи“.

М. Н. Бережковымъ указано было употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи словъ: „огнище“ въ смыслѣ расчищеннаго огнемъ для пашни мѣста, „огнищанина“—работника на такомъ мѣстѣ.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что „Русская Правда“ назначаетъ высшій размѣръ виры за княжихъ мужей: такъ какъ за убійство огнищанина назначенъ высшій размѣръ виры, то очевидно, что это былъ княжій чиновникъ.

С. Θ. Платоновъ отвѣтилъ, что для объясненія этого слова онъ не видитъ надобности обращаться къ языческой эпохѣ: должность дворскаго была

сложна, ему потребовались помощники (бояре введенные?); дворскій предводительствовалъ войсками, какъ это прямо вытекаетъ изъ его обязанностей (начальствованіе надъ людьми „подъ дворскимъ“); огнищанинъ могъ также становиться во главѣ челяди; слово „огнище“ имѣетъ много значеній, очевидно, это былъ ходячій терминъ; въ „*Mater verborum*“ это слово (какъ и вся глосса) вписано на чистомъ мѣстѣ. Наконецъ, С. Θ. Платоновъ вполне принялъ и дополнилъ толкованіе, приведенное во время преній г. Лонгиновымъ статьи „Русской Правды“ о убіеніи „во пса мѣсто“ головника, убившаго огнищанина на княжескомъ дворѣ.

Засѣданіе VII-го отдѣленія (древности классическія и византійскія) 12 августа

Почетный предсѣдатель А. В. Лонгиновъ.—Предсѣдатель В. Г. Васильевскій.—
Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Баронъ де Бай поднесъ Съѣзду труды Обществъ, депутатомъ которыхъ онъ состоитъ, а именно: 1) *Bulletin et Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France*. 6-me série. Mémoires за 1890—1891 годы; 2) *Association française pour l'avancement des sciences*. 20-me session. Marseille. 1891 (два тома), 21-me session. 1892 (два тома), а также слѣдующіе труды отъ имени ихъ авторовъ: 1) Delamain, *Le cimétiere d'Herpes*, 2) Barrière Flavy, *Etude sur les sépultures barbares du Midi et de l'Ouest de la France*. Industrie Wisigothique, 3) Courajod, *Origines de l'art gothique* и лекцію того же автора изъ курса по исторіи скульптуры.

Представивъ общую характеристику находокъ, изданныхъ въ сочиненіяхъ Delamain'a и Barrière Flavy, докладчикъ перешелъ къ общему обзору вещей такъ называемаго готскаго типа въ предѣлахъ скитанія Готовъ по европейской территоріи. Иллюстрируя свое изложеніе предложенными на разсмотрѣніе собранія многочисленными фотографіями, баронъ де-Бай указывалъ на азіатскій востокъ, какъ на мѣсто, откуда предметы этого типа распространились на западъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. Докладчикъ закончилъ любезнымъ замѣчаніемъ, что западно-европейская наука ожидаетъ отъ русскихъ ученыхъ окончательнаго выясненія многочисленныхъ вопросовъ, вызываемыхъ вещами такъ называемаго готскаго типа.

Д. Н. Анучинъ благодарилъ барона де-Бая за поднесенныя имъ изданія и сочиненія, а также сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о распространеніи и характерѣ предметовъ, составляющихъ спеціальнѣйшій научный интересъ докладчика, посвятившаго имъ цѣлый рядъ статей во французскихъ ученыхъ изданіяхъ.—Пожертвованныя Съѣзду книги и изданія рѣшено было передать въ Виленскую публичную бібліотеку.

2. Э. Р. Штернъ прочелъ докладъ: „Замѣтки по исторіи Ольвіи“. Указавъ на печальное положеніе, въ которомъ находится территорія древней Ольвіи и на эксплуатацію темными промышленниками древностей, которыя

въ изобиліи хранить почва этого города, референтъ сообщилъ о трехъ вновь найденныхъ надписяхъ, относящихся къ разнымъ періодамъ исторіи города и дающихъ возможность возстановить нѣкоторые интересные факты изъ жизни Ольвіополитовъ. Первая надпись относится къ IV в. до Р. Х. и представляетъ почетный декретъ. Изъ ея текста явствуетъ, что Ольвіополиты называли себя Ворисоенитами въ декретахъ, издаваемыхъ для иностранцевъ. Изъ той же надписи явствуетъ, что замѣчательная перемѣна во взглядахъ на значеніе права гражданства, возникшая впервые въ высоко-развитыхъ греческихъ государствахъ малой Азіи, нашла себѣ воспріимчивую почву въ Ольвіи. Вторая надпись, копія письма или посланія къ царю Синтафарну (Саитафарну?) въ Канкитъ, даетъ весьма важныя данныя, какъ о топографіи Ольвіи, такъ и по исторіи зависимости города отъ царя Саевъ. Третья надпись посвятителный декретъ, изданный между 197 и 200 годами, заключаетъ въ себѣ весьма важныя свидѣтельства. Изъ нея мы узнаемъ о гражданскихъ смутахъ, предшествовавшихъ признанію римской власти и упроченію болѣе аристократическаго образа правленія, о которомъ, между прочимъ, свидѣлствуютъ имена архонтовъ. Эти послѣднія принадлежатъ всѣ известнымъ и знатымъ ольвійскимъ фамиліямъ.

3. О. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе: „Вопросъ о Готахъ“.

Въ виду безуспѣшности попытокъ разъясненія этнографіи Южной Россіи и придунайскихъ областей съ точки зрѣнія изученія скиѣскаго вопроса, референтъ разсматриваетъ, какъ счастливый шагъ въ наукѣ, то обстоятельство, что въ послѣднее время сталъ выдвигаться съ особенной настойчивостью готскій вопросъ. Важность изученія Готовъ сознается археологами и филологами; къ готскому вопросу въ послѣднее время обратился знаменитый Моммзенъ, поставившій на очередь вопросъ о готскихъ военныхъ учрежденіяхъ. — Указавъ въ краткихъ чертахъ историческое значеніе Готовъ въ 4 и 5 вв., особенно въ исторіи восточной имперіи, референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Готамъ нѣкогда принадлежала самая выдающаяся роль, что въ рукахъ ихъ были судьбы Востока и Запада. Императоръ Θεодосій I далъ имъ громадныя преимущества въ имперіи и думалъ создать въ нихъ оплотъ противъ новыхъ враговъ. Въ теченіе 5-го вѣка высшія военныя и гражданскія мѣста принадлежали Готамъ (Аспаръ и Ардабурій). Съ этого времени Готы обнаруживаютъ вліяніе на учрежденія Византійской имперіи. Прежде всего важно выяснить ихъ военную роль. Здѣсь референтъ обращаетъ вниманіе на *готскую дружину* и въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей усматриваетъ дополнительныя черты въ характеристикѣ германскаго *comitatus* (Германія Тацита, гл. XIII и XIV); германскій дружинный бытъ выясняется широкими чертами у византійскихъ писателей (термины *φοιδεράτος*, *δορυφόρος*, *ὕλαβλιότης*, *παῖδες*, и проч.); о громадномъ наплывѣ германскаго (готскаго) элемента въ Константинополь говорятъ I. Антиохійскій Синезій и др. Характеризуя готскую дружину, референтъ разобралъ извѣстія о Θεодорикѣ, сынѣ Триарія. — Обращаясь къ главнымъ источникамъ для

этнографіи 4 и 5-го вѣка, Марцеллину и Иорнанду, референтъ показалъ, что сообщаемыя у нихъ данныя по этнографіи находятъ себѣ объясненіе въ дружинномъ бытѣ, и именно въ сбродномъ, смѣшанномъ характерѣ дружины.—Готскія занятія могутъ пролить свѣтъ и на древности славянскія, а можетъ быть, и русскія. Здѣсь референтъ 1) напомнилъ о теоріи готскаго происхожденія имени Русь и объ имени *Rosomanorum gens* у Иорнанда; 2) указалъ на проникновеніе восточныхъ обычаевъ къ Готамъ, иллюстрируя свою мысль слѣд. мѣстомъ: *ὁ δὲ Ἀρροβίνδος ἐβάσταξε καὶ βασιλεύει κατὰ τὸ γοτθικὸν ἔτος*; 3) сослался на имя *Ἄστρος* или *Ἄστρους* (comes въ дружинѣ Аспара) и доказывалъ, что славяне вступали въ германскія дружины; наконецъ, 4) привелъ мѣсто изъ Теофана, изъ котораго видно, что *ὁδὸς Τροάσποῦ* (путь Трояновъ) есть реальный фактъ, и замѣтилъ, что древнія свѣдѣнія о Дунаѣ и Трояновомъ пути могли быть перенесены въ Россію дружинниками.

Рефератъ проф. Успенскаго вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній.

М. С. Корелинъ возразилъ противъ сравненія Готовъ съ Кельтами въ судьбахъ европейской исторіи. О Готахъ нельзя сказать того же, что о Кельтахъ. Послѣдніе, дѣйствительно, не создали ни одного государства; что же до Готовъ, то ихъ государства имѣли свою исторію въ древности, а въ Испаніи Готы были главнымъ элементомъ государственнаго единства.

Д. И. Иловайскій указалъ на то, что въ сообщеніи Э. И. Успенскаго не были помянуты факты, которые связываютъ готскій вопросъ съ русской исторіей. По вопросу о дружинѣ, Д. И. Иловайскій высказывается за однородность ея состава и возражалъ на замѣчаніе референта, будто каждый храбрый человѣкъ могъ собрать дружину и стать королемъ; аристократическое начало было гораздо сильнѣе во внутреннемъ строѣ готскаго племени, какъ и у другихъ германцевъ.

В. Г. Васильевскій соглашался во взглядѣ на дружину съ Д. И. Иловайскимъ, замѣтивъ, что дружины были не многочисленны и опредѣленной роли въ историческомъ развитіи имѣть не могли. Что касается до *gens Rosomanorum*, упоминаемой у Иордана, то это было, по всей вѣроятности, кавказское племя. Одинъ изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ знаетъ это имя.

А. И. Соболевскій замѣтилъ по поводу собственнаго имени *Ἄστρους* слѣдующее: отъ славянскаго слова „острый“ могло образоваться собственное имя на *ъшъ* или *ъсь*, такъ что возможно предположить имя „Острышъ“ или „Острысь“. Къ этому соображенію Е. Э. Карскій присоединилъ замѣчаніе, что въ славянскомъ имени такого образованія удареніе должно бы было быть на послѣднемъ слогѣ, а потому по-гречески было бы *Ἄστροῦς*, а не *Ἄστρους*.

Э. И. Успенскій благодарилъ своихъ оппонентовъ за сдѣланныя ими замѣчанія и указалъ въ частности, что замѣчаніе М. С. Корелина о неправомерности приравненія Готовъ къ Кельтамъ онъ принимаетъ во всей силѣ; замѣчаніе Д. И. Иловайскаго о дружинѣ признаетъ для себя не обязатель-

нымъ и считаетъ дружинный бытъ весьма важнымъ моментомъ въ изученіи готскаго вопроса. На замѣчаніе В. Г. Васильевскаго референтъ отвѣчалъ, что вопросъ о дружинѣ долженъ быть изучаемъ на основаніи Прокопія, въ сочиненіяхъ котораго заключено множество указаній относительно характера и численности дружины.

Засѣданіе I-го отдѣленія (первобытныя древности) 12 августа.

Почетный предсѣдатель В. И. Сизовъ. — Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ. — Секретарь В. З. Завитневичъ.

1. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „О слѣдахъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи“. Археологическія изслѣдованія, произведенныя за послѣднія 20 лѣтъ въ Зап. Европѣ, особенно во Франціи, доказали, что въ неолитическій періодъ здѣсь практиковался иногда обычай трепанаціи черепа, т. е. произведенія въ немъ (преимущественно въ теменной и височной областяхъ) болѣе или менѣе значительныхъ отверстій, обыкновенно неправильно овальной формы. Отверстія эти производились какъ при жизни субъектовъ, съ цѣлью, по всей вѣроятности (какъ можно полагать по аналогіи съ нѣкоторыми племенами, практикующими такой обычай и теперь), излѣченія отъ падучей болѣзни и другихъ формъ истеріи, часто объясняемыхъ, какъ одержаніе особымъ духомъ, который можетъ быть удаленъ изъ тѣла (голова) посредствомъ искусственнаго отверстія, могущаго служить ему для выхода, — отчасти же послѣ смерти, на мертвыхъ черепахъ, для полученія „черепныхъ амулетовъ“, которымъ придавалась, повидимому, какая-то особая предохранительная сила. Трепанація, сдѣланная при жизни, если субъектъ жилъ послѣ того болѣе или менѣе продолжительное время, можетъ быть отличена отъ трепанаціи посмертной, такъ какъ въ первомъ случаѣ края представляются округленными, выказываютъ слѣды новаго костеобразованія, тогда какъ во второмъ случаѣ края являются рѣзкими и внутренняя пластинка кости, равно какъ и находящееся между ними костное вещество, остаются явственно обозначенными. Амулеты изъ мертвыхъ череповъ были носимы въ качествѣ привѣсокъ еще въ галльскую эпоху, судя по находкамъ въ нѣкоторыхъ могилахъ этого племени. У насъ въ Россіи, до послѣдняго времени, никакихъ слѣдовъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху констатировано не было, поэтому референтъ нашель не лишнимъ сообщить о двухъ, извѣстныхъ ему, находкахъ. Одна изъ этихъ находокъ заключается въ „черепномъ амулетѣ“ (привѣскѣ, со сквознымъ отверстіемъ, неправильно яйцевидной формы, сдѣланной изъ части теменной и лобной кости), найденномъ на одномъ городищѣ неолитическаго вѣка, на р. Ветлугѣ Костромской губерніи (раскопка Ф. Д. Нефедова), а другая въ черепѣ, добытомъ при раскопкахъ на „Княжей горѣ“ (близь Канева на Днѣпрѣ) Н. Θ. Бѣляшевскимъ; на черепѣ этомъ имѣется неправильно округ-

лое отверстие на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ, и притомъ не посредствомъ удара, а помощью его вырѣзанія ножомъ, или подобнымъ ему инструментомъ. Съ опредѣленіемъ этого отверстия, какъ произведеннаго грубымъ приемомъ трепанации, согласились видѣвшіе этотъ черепъ проф. Штида и докторъ Юндзилль. Референтъ закончилъ свое сообщеніе просьбой ко всѣмъ лицамъ, производившимъ раскопки, обращать вниманіе на подобныя измѣненія костей черепа и сохранять такіе черепа (или части) для ихъ дальнѣйшаго изслѣдованія компетентными лицами (анатомами или хирургами).

Рефератъ вызвалъ замѣчаніе со стороны Н. О. Бѣляшевскаго, замѣтившаго, что демонстрированный черепъ, судя по нѣкоторымъ условіямъ его нахождения, относится къ велико-княжеской эпохѣ, и со стороны барона Де Бая, который также выразилъ мнѣніе, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ неолитическій періодъ.

2. Е. Н. Мельникъ сдѣлала докладъ: „О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра“. Референтъ представилъ свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыя распредѣлил на 3 большія географическія группы. — *Первая* группа западно-волинская, для характеристики типическихъ особенностей которой, референтъ ознакомилъ съ мастерскою у с. Мощаницы (Дубенскаго уѣз.). Это была мастерская полированныхъ орудій и отбивныхъ кремневыхъ, относящихся къ концу неолитическаго періода. *Вторую* группу представляютъ мастерскія по берегамъ р. Уши и Норини; это по преимуществу мастерскія, производившія кремневые отбивныя орудія. Типъ ихъ представляетъ мастерская между селами Збранки и Патугня, подробно охарактеризованная въ рефератѣ. Особое вниманіе обращено было на орудія производства и оригинальные типы отбойниковъ. Къ той же группѣ географически примыкаетъ нѣсколько мастерскихъ, въ которыхъ изготовлялись въ большомъ количествѣ пряслицы изъ краснаго шифера. Затѣмъ референтъ, упомянувъ о мастерскихъ, разсѣянныхъ на площади Кіевской губерніи, перешелъ къ описанію *третьей* группы, расположенной, главнымъ образомъ, близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Какъ наиболѣе типичная въ этомъ районѣ, охарактеризована была мастерская у с. Волошкаго (Екатеринославскаго уѣз.), гдѣ замѣчены четыре вида производства: отбивныя орудія изъ кремня, полированныя каменные орудія, предметы изъ кости и гончарныя издѣлія. Перечисливъ подробно предметы производства, референтъ обратилъ особое вниманіе на орудія производства, преимущественно на весьма характерныя для этой группы полированные камни.

3. Графъ Де-Флери сдѣлалъ докладъ: „О Ятвяжскихъ кладбищахъ“. Референтъ ознакомилъ съ особымъ типомъ кладбищъ — съ перегородками, встрѣчающихся на пространствѣ между р. Наревомъ и г. Данцигомъ. Кладбище съ перегородками — это холмъ, усѣянный могилами, которыя обозначены находящимися на поверхности земли кругами и перегородками. Добытые изъ могилъ черепа мужскіе — длинноголовые, женскіе — короткоголовые,

что даетъ поводъ референту сдѣлать предположеніе о похищеніи женщинъ у народа другаго племеннаго типа. Гробницы изобилуютъ предметами: кольца, бусы, серьги славянскаго типа и другіе предметы украшеній, а также пряслицы и много желѣзныхъ предметовъ, составляющихъ военное оружіе и домашнія орудія; встрѣчаются обломки умышленно поломанныхъ бронзовыхъ чашъ; стрѣлы и цѣлые горшки вовсе не встрѣчаются; но зато попадаетъ много черепковъ типа Бурггаль. Любопытно то, что предметы, добываемые изъ могилъ, тѣ же, какіе встрѣчаются и въ сосѣднихъ городищахъ, съ тою однако же разницею, что въ городищахъ, просуществовавшихъ рядъ вѣковъ, встрѣчаются позднѣйшія наслоенія съ предметами новѣйшаго времени, каковы, наприм., стрѣлы позднѣйшаго типа; а въ городищѣ въ Визнѣ находимы были монеты и другіе предметы среднихъ вѣковъ и даже кафли XVI вѣка и т. д. Гробницы, занимающія возвышенные пункты холма, принадлежатъ къ типу древнѣйшихъ; расположенныя еще ниже — позднѣйшія. Референтъ думаетъ, что гробницы эти принадлежатъ Ятвягамъ, что онъ старался доказать свидѣтельствомъ письменныхъ источниковъ.

4. Секретарь отдѣленія передалъ въ извлеченіи содержаніе реферата С. С. Слуцкаго: „Къ вопросу о каменныхъ бабахъ“. Указавъ на то, что при изученіи каменныхъ бабъ необходимо отличать въ нихъ различные типы, С. С. Слуцкій намѣчаетъ слѣдующіе четыре типа: 1) типъ, преобладающій на югѣ Россіи, но извѣстный и въ другихъ мѣстахъ; онъ характеризуется такъ: отдѣлка со *всѣхъ* сторонъ, *помочи* на мужскихъ бабахъ, полныя статуи держатъ *обѣими руками* подъ животомъ сосудъ въ родѣ *стакана*; у мужчинъ три косы, есть усы, но бороды нѣтъ; на головѣ шапка полушаромъ; у женщинъ остроконечная широкополая шляпа, на спинѣ платокъ; встрѣчаются богатые кафтаны; щиколотки весьма тонкія, а бедра очень толстыя. Это типъ—половецкій. 2) Типъ, по преимуществу сибирскій (Алтай и Киргизская степь) и весьма рѣдкій въ Европейской Россіи; его характерныя черты: полу-рельефъ (изображеніе только спереди, а сзади и съ боковъ—плоскій камень); одна рука у груди, держитъ рогъ, другая лежитъ ниже, часто придерживая у пояса кинжалъ. 3) Полу-рельефныя плиты съ рельефнымъ изображеніемъ челоуѣка, который окруженъ бываетъ другими изображеніями. 4) Осетинскій христіанскій истуканъ (Матер. по Археол. Кавказа, т. III). Кромѣ этихъ основныхъ типовъ, г. Слуцкій указываетъ еще исключенія, требующія еще внимательнаго изученія.

А. Н. Толмачевъ обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на то, что форма каменныхъ бабъ, при которой статуямъ придано сидячее, со сложенными на колѣнахъ руками, положеніе, могла бы вызвать вопросъ: не имѣлъ ли какого либо, хотя бы самаго отдаленнаго, на происхожденіе ея вліянія Буддизмъ, такъ какъ подобное положеніе придается обыкновенно статуямъ Будды.

Въ отвѣтъ на это Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что каменные бабы въ Европѣ существовали въ эпоху Рубруквиса, когда вліяніе буддизма такъ далеко заходитъ не могло.

Э. Р. Штернъ заявилъ, что районъ распространенія каменныхъ бабъ въ направленіи къ западу значительно расширяется и доходитъ до Бамберга (въ Данцигскомъ и Кенигсбергскомъ музеяхъ), и хотя эти статуи съ мужскими эмблемами, тѣмъ не менѣе народъ называетъ ихъ „бабами“. Извѣстно также изображеніе каменной бабы на золотомъ блюдѣ (въ Испаніи) готскаго происхожденія. Наконецъ извѣстно, что каменные бабы встрѣчаются на греческихъ островахъ.

5. Предсѣдатель отдѣленія, за недостаткомъ времени, въ немногихъ словахъ передалъ содержаніе реферата проф. Пича: „Замѣтки о Чешской археологіи“.

По даннымъ историческимъ, Чехію первоначально заселяли Бои, которыхъ смѣнили Маркоманы, а съ половины VI вѣка здѣсь появляются Чехи-Славяне. По даннымъ же археологическимъ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Первоначальными насельниками Чехіи были какіе-то долихоцефалы, преемственность связи которыхъ съ позднѣйшимъ населеніемъ этой области констатировать трудно. Затѣмъ, одновременно появляется въ Чехіи два народа. Въ сѣверной Чехіи живетъ народъ, который хоронитъ своихъ покойниковъ въ *сидячемъ* положеніи въ каменныхъ ящикахъ, подъ кучей камней, въ курганахъ подъ камнемъ, въ каменныхъ кругахъ, или просто въ землѣ. Хотя онъ жилъ въ каменномъ вѣкѣ, но уже отчасти знакомъ былъ и съ металлами; здѣсь онъ оставался приблизительно до начала христіанской эры. Въ это же время на югѣ Чехіи живетъ другой народъ, который сожигаетъ своихъ покойниковъ и остатки хоронитъ въ курганахъ, построенныхъ изъ камней и прикрытыхъ землею. Остатки сожженного покойника полагались обыкновенно безъ урнъ, на поверхности земли; но встрѣчаются и въ урнахъ („пепельницахъ“) ниже поверхности земли. Предметы и орудія, встрѣчающіеся въ курганахъ, — по преимуществу бронзоваго вѣка. По этимъ предметамъ можно заключать, что народъ этотъ пришелъ въ Чехію съ культурою бронзоваго вѣка и оставался здѣсь до начала римской имперіи. Затѣмъ въ сѣверной Чехіи появляется новый народъ. Пришельцы отличаются и соматически, и обрядомъ погребенія; своихъ покойниковъ не сажаютъ, а кладутъ на спинѣ ровно. Находимые въ курганахъ предметы отличаются богатствомъ культуры бронзоваго и желѣзнаго вѣка. По нѣкоторымъ даннымъ видно, что пришельцы подчинили себѣ туземцевъ. Это—Бои классическихъ писателей. Всѣ эти три погребальные типа находятся въ связи съ остальными западно-европейскими типами. Но съ сѣвера проникаетъ въ Чехію новый народъ, который тоже сожигаетъ своихъ покойниковъ, но остатки хоронитъ въ *пепельницахъ*. Характерныя особенности этого типа встрѣчаются только въ Силезіи, Лузаци, Познани и Бранденбургѣ. Колонизація этого новаго типа, начиная со II вѣка, совершается сначала частично, а къ VI вѣку этотъ новый типъ уже составляетъ въ Чехіи господствующую массу; это и были Чехи-Славяне.

Засѣданіе II-го отдѣленія (древности историко-географическія и этнографическія) 12 августа.

Почетный предсѣдатель С. Т. Голубевъ. — Предсѣдатель (за болѣзнію А. И. Павинскаго) графиня П. С. Уварова. — Секретарь М. Н. Бережковъ.

1. Депутатъ варшавскаго университета И. П. Филевичъ доложилъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные“. Описавъ нынѣшнія границы Угорской Руси, ея административное дѣленіе и количество народонаселенія въ ней, референтъ обратился къ вопросу о времени поселенія русскаго племени при Карпатахъ: на основаніи географической номенклатуры, въ особенности названій рѣкъ, на основаніи извѣстій начальной русской лѣтописи, а также византійскихъ и иныхъ источниковъ, авторъ, согласно съ Шафарикомъ и Надеждинымъ, предполагаетъ глубокую древность поселенія русскихъ по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ горъ, названіе которыхъ подобозвучно съ названіемъ „Горбаты“ и племеннымъ названіемъ „Хорваты“. Но трудно рѣшить вопросъ, какъ далеко простирались границы племени хорватовъ въ начальную пору исторической жизни русскаго племени, гдѣ была его граница съ дульбами, съ одной стороны, и какъ далеко она доходила на западѣ, съ другой. Относительно перваго референтъ замѣтилъ, что ближайшая къ горамъ территорія западнаго ихъ склона однородна по географическимъ названіямъ (особенно рѣкъ) съ восточной территоріей, и что, принимая во вниманіе обширность земель хорватской и дульбской, ихъ едва ли можно умѣстить на территоріи нынѣшняго этнографическаго распространенія русскаго племени на Карпатахъ. Относительно же западной границы референтъ обратилъ вниманіе на извѣстіе открытаго В. Кентржинскимъ новаго источника, говорящее о племени хорватовъ на Дунаѣ, въ Нижней Австріи. Это извѣстіе требуетъ дальнѣйшаго разъясненія, равно какъ и частные вопросы о гуцулахъ, лемкахъ, бойкахъ и проч. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя указанія даютъ основаніе значительно раздвинуть древнюю хорватскую территорію на западъ.

Въ отвѣтъ референту А. И. Соболевскій замѣтилъ, что названія рѣкъ въ Угорской и Галицкой Руси не должны быть толкуемы непременно изъ русскаго языка: несомнѣнно только одно, что эти названія суть славянскія. Неправильно, на взглядъ проф. Соболевскаго, сближеніе именъ: „карпаты“, „горбаты“ и „хорваты“. Вообще, на взглядъ проф. Соболевскаго, вопросы, затронутые референтомъ, не всегда правильно поставлены имъ, не столь новы и не столь пренебрегаемы были въ наукѣ, какъ ему это представляется.

И. П. Филевичъ остался при своемъ утвержденіи, что возбужденные имъ важные вопросы по исторіи и этнографіи Угорской Руси недостаточно еще изслѣдованы и заслуживаютъ полнаго вниманія русскихъ ученыхъ.

Д. И. Иловайскій, соглашаясь съ референтомъ на счетъ важности поставленныхъ вопросовъ объ Угорской Руси, высказалъ соображеніе о племени роговъ или ругіевъ, упоминаемыхъ въ средневѣковыхъ источникахъ, указавъ, что мѣсто ихъ жительства можетъ быть приурочено къ прикарпатской странѣ или къ подунайской области Нижней Австріи. По личнымъ наблюденіямъ того же историка самый языкъ угорскихъ руссовъ представляется ему очень близкимъ въ великорусскому, гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ малорусскому языку. Ѡ. И. Успенскій обратилъ вниманіе на византійское извѣстіе о русскомъ племени „вардонитовъ“, которые подали помощь болгарамъ въ войну ихъ съ греками, въ эпоху второго болгарскаго царства. Въ отношеніи метода г. референта Ѡ. И. Успенскій замѣтилъ, что его методъ изслѣдованія вполне правильный. Н. И. Петровъ высказалъ предположеніе, не суть ли эти вардониты то же, что „бродники“, и не могутъ ли они быть отнесены къ пограничнымъ жителямъ Галицкой и Угорской Руси.

2. Депутатъ Одесск. общ. ист. и древностей А. В. Лонгиновъ прочелъ рефератъ: „О родственныхъ связяхъ русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ“. По его изслѣдованію, родственныя связи князей русскихъ съ угорскимъ королевскимъ домомъ начинаются съ X-го вѣка, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрастаютъ числомъ; въ доказательство референтъ привелъ нѣсколько данныхъ о такихъ брачныхъ союзахъ, — болѣе или менѣе отчетливыхъ данныхъ — изъ русскихъ лѣтописей, равно и западноевропейскихъ источниковъ. (Подробное изслѣдованіе г. Лонгинова по сему предмету напечатано въ „Трудахъ Вилен. отдѣлен. Московск. предварит. комитета по устройству IX Археолог. Съѣзда“, на стр. 313—338).

3. Проф. А. И. Соболевскій прочелъ замѣтку „О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи“. Главное положеніе его состоитъ въ томъ, что наука, пользуясь названіями населенныхъ мѣстъ для выводовъ историко-этнографическихъ, не всегда обращаетъ должное вниманіе на различіе названій по ихъ этимологическому строенію. Очень важны, конечно, названія поселеній, тождественныя съ названіемъ племени, въ родѣ: меря, поляки, нѣмцы; очень вѣроятно, что подъ такими названіями разумѣется населеніе, отличное отъ коренного русскаго. Важны въ томъ же смыслѣ названія съ окончаніями на *ское*, *ская*: чудское, мещерское и т. п. Но не имѣютъ значенія этнографическія названія на *ово*, *овка*, *ино*, напр., Мериново, Литвиново, Мещерино и проч. Такія названія произошли просто отъ именъ владѣльцевъ того или другого поселка въ позднѣйшее время.

4. Х. И. Поповъ предложилъ рефератъ о томъ: „Гдѣ находилась хозарская крѣпость Саркель“. Припомнивъ данныя о Саркелѣ или Бѣлой Вѣжѣ на Дону, находящіяся въ начальной русской лѣтописи и у византійскихъ писателей, референтъ обратился къ разслѣдованію вопроса о мѣстности города, при чемъ свелъ и разобралъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей по этому вопросу. Эти мнѣнія раздѣляются: по однимъ, Саркель находился прибли-

зительно на переволокѣ между Дономъ и Волгой, около Качалинской станицы; по другимъ, мѣстность Саркела слѣдуетъ искать въ направленіи болѣе южномъ внизъ по Дону, именно тамъ, гдѣ нынѣ станица Цымлянская, гдѣ находятся городища съ развалинами какихъ-то древнихъ построекъ. Референтъ привелъ обстоятельныя данныя по изслѣдованію этихъ городищъ и развалинъ разными лицами и учеными обществами въ прошломъ вѣкѣ и особенно въ нынѣшнемъ; нѣсколько археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ Цымлянскихъ городищахъ, были представлены имъ на лицо для обозрѣнія присутствующими членами; но референтъ не рѣшается сказать опредѣлительно: суть ли Цымлянскія городища остатки древняго Саркела, или иного, неизвѣстнаго по имени, города.

Въ отвѣтъ референту Н. И. Веселовскій сообщилъ нѣсколько личныхъ наблюденій надъ Цымлянскими городищами и археологическими находками въ нихъ: до сихъ поръ, по его мнѣнію, тамъ ничего не найдено такого, что свидѣтельствовало бы собственно о хозарахъ, какъ владѣтеляхъ города; проф. Веселовскій напомнилъ также о мнѣніи В. Б. Антоновича, высказанномъ на одесскомъ археологическомъ Съѣздѣ, что Цымлянское городище — христіанское. Ѳ. И. Успенскій утверждалъ свое прежнее воззрѣніе, что Саркель есть крѣпость византійская, построенная византійскими инженерами отнюдь не въ пользу хозаръ, а противъ нихъ самихъ, какъ враговъ имперіи. Но Д. И. Иловайскій высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что Саркель по прямому извѣстію византійскихъ источниковъ, былъ построенъ византійскими инженерами по просьбѣ хозаръ, не всегда враговъ, но часто и союзниковъ греческой имперіи; построеніе города было вызвано съ ихъ стороны стратегическими соображеніями, какъ крѣпости противъ кочевниковъ и противъ русскихъ, ходившихъ изъ Кіева въ Прикаспійскій край какъ разъ по пути къ Саркелу, который и разрушенъ былъ ими, какъ препятствіе на ихъ пути въ восточныя страны. Нѣтъ нужды дѣлать натяжку, то есть искать Саркела къ югу отъ Переволоки между Дономъ и Волгой; что же касается Цымлянскаго городища, то оно представляетъ остатки какого-то другого, пока неизвѣстнаго по имени города. Въ заключеніе Д. И. Иловайскій высказалъ, что онъ не видитъ надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи на счетъ мѣстоположенія Саркела: по его убѣженію по всѣмъ историческимъ даннымъ и соображеніямъ, хозарская крѣпость Саркель находилась именно въ мѣстности переволоки на Дону, тамъ, гдѣ онъ всего больше сближается въ Волгой. Пренія закончились замѣчаніемъ С. Е. Звѣрева, который обратилъ вниманіе на обстоятельное разслѣдованіе г. Веневитинова, гдѣ хорошо разъясняется путь митрополита Пимена въ предѣлахъ воронежскаго края и его извѣстіе о видѣнныхъ имъ остаткахъ города Саркела.

Засѣданіе IV-го отдѣленія (памятники языка и письма) 13 августа.

Почетный предсѣдатель В. А. Богородицкій. Предсѣдатель А. И. Соболевскій.—Секретарь Хр. П. Ящуржинскій.

1. Депутатъ Моск. Археолог. Общества, проф. М. И. Соколовъ, прочелъ рефератъ: „Славянскіе тексты апокрифической книги Еноха“.

Книга Еноха пользовалась значительнымъ авторитетомъ въ древней русской литературѣ; но еще болѣе важное значеніе славянскіе тексты ея имѣютъ въ отношеніи къ вопросу объ оригиналѣ этого важнаго апокрифа, который не дошелъ до насъ, а сохранились лишь греческіе отрывочные тексты и большая эіопская книга, но также не полная и страдающая недостаткомъ плана. Главные выводы референта относительно славянскихъ текстовъ были слѣдующіе: полный и сравнительно исправный текстъ книги Еноха сохранился въ Бѣлградской рукописи болгарскаго письма, представляющей тотъ же переводъ, что и въ изданномъ А. Поповымъ хлудовскомъ текстѣ; но послѣдній не имѣетъ второй части, содержащей рассказъ о Меусаламѣ, Нирѣ, Милхиседекѣ и Ноѣ. Полный текстъ перевода былъ сокращенъ; референтъ знаетъ три списка этой второй редакціи славянскій книги Еноха: Бѣлградскій, изданный Новаковичемъ, Вѣнскій (оба сербскаго письма) и Московскій (въ собраніи Е. В. Барсова). Отрывки въ „Мѣрилѣ Праведномъ“ (по рукоп. XIV в.), въ Посланіи архіеп. Геннадія (XV в.) и въ Хронографѣ взяты изъ краткой редакціи. Открытые референтомъ списки полной редакціи: бѣлградскій и краткій — Барсовскій, приготовлены имъ къ печати съ вариантами изъ прочихъ текстовъ.

А. И. Соболевскій по поводу прочтеннаго реферата заявилъ, что онъ наводилъ справку у свѣдущихъ лицъ относительно тѣхъ еврейскихъ словъ, которыя встрѣчаются въ книгѣ Еноха. Оказывается, что это дѣйствительно еврейскія слова. Быть можетъ, этотъ апокрифъ побывалъ въ рукахъ нашихъ жидовствующихъ.

М. И. Соколовъ возразилъ, что архіеп. Геннадій не упоминаетъ о томъ, что книга Еноха была въ рукахъ жидовствующихъ.

2. Проф. Е. Θ. Карскій прочелъ рефератъ: „Что такое древнее западно-русское нарѣчіе?“

Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ. — Старое западнорусское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, которыя выдѣляютъ его, какъ самостоятельный организмъ; таковы: полугласное *у*, твердое *р*, группа *жч*, аканье, проточный *г = h*, переходное смягченіе гортанныхъ, слоги *ий* и *ій* при теперешнихъ великорусскихъ *ой* и *ей*, удвоеніе согласнаго звука передъ *ј*, дзеканье. Эти черты не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западно-русскаго языка. Особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ на-

рѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV в. Въ XIV-XV ст. западно-русское нарѣчіе было чище, нежели въ XVI—XVII вѣкахъ, когда оно приняло въ себя массу полонизмовъ и другихъ чуждыхъ наростовъ. Однако и въ эту послѣднюю эпоху постороннія стихіи не сдѣлали западно-русскаго нарѣчія до такой степени искусственнымъ, чтобы лишить его всякой индивидуальности. Полонизмы принадлежатъ болѣе лексической сторонѣ и только отчасти звукамъ и формамъ. Въ этомъ отношеніи книжное западно-русское нарѣчіе отличается отъ общерусскаго литературнаго языка того времени, въ которомъ сильно сказывается церковно-славянское вліяніе не только въ лексическомъ отношеніи, но также въ звукахъ и формахъ. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того времени.

По прочтеніи реферата Н. И. Петровъ заявилъ, что онъ настоящимъ лѣтомъ видѣлъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры Толковый Апостоль, писанный на бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Витебскѣ дьякомъ Симеономъ въ 6000 году отъ сотв. міра. Эта дата приводитъ въ недоумѣніе. Переписчикъ или опустилъ сотни, десятки и единицы, или поставилъ *зѣло* вмѣсто *земля*, т. е. надо читать въ семитысячномъ году (въ 1492 г.).

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что полонизмы являются въ западно-русскомъ нарѣчіи очень рано, съ XIV в., и что это происходило оттого, что въ канцеляріи литовскихъ великихъ князей были нерѣдко чиновники поляки и нѣсколько ополячившіеся русскіе. Галицкіе и западно-русскіе документы имѣютъ формулы, заимствованныя изъ чешскихъ документовъ.

З. А. Е. Прѣсняковъ прочелъ рефератъ: „Московскіе лѣтописные своды“.

Указавъ на необходимость пересмотра, и переизданія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, референтъ доказывалъ, что представленіе о Воскресенскомъ и Никоновскомъ сводахъ, какъ отдѣльныхъ произведеній, было бы неточно. Это скорѣе двѣ редакціи одного историческаго труда: первая, болѣе простая по стилю, и вторая, принаровленная къ литературнымъ вкусамъ московской эпохи. Львовская лѣтопись, въ рукописи неизвѣстная, также только списокъ съ того-же лѣтописнаго свода. По мнѣнію референта, можно съ достаточнымъ основаніемъ настаивать на единствѣ оффиціознаго московскаго лѣтописнаго свода, разсматривая отдѣльныхъ лѣтописцевъ, какъ его списки. Составленіе этого свода предшествовало составленію Макарьевской Степенной книги. Наиболѣе полный списокъ—лицевой, который будучи разрозненъ по частямъ, хранится въ Московскихъ и Петербургскихъ книгохранилищахъ. Эти части: списки Голицынскій, Лаптевскій, Шумиловскій, Древній лѣтописецъ и синодальный. Текстъ утраченныхъ листовъ можетъ быть возстановленъ по копіямъ съ лицевого свода, т. е. александровско-невской лѣтописи и рукописи, принадлежащей д-ру А. Н. Лебедеву. Съ помощью этихъ рукописей можно возстановить непрерывный текстъ московскаго лѣтописнаго свода до 1567 г. Существуютъ указанія на то, что рассказъ шелъ

дальше, но текстъ утраченъ. Цѣлью реферата было указать на затрудненія, возникающія при пользованіи лицевыми списками для возстановленія московскаго лѣтописнаго свода; затрудненія, происходящія отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ: шумиловскій, а особенно — никоновскій съ рисунками и его двойникъ „Царственная книга“, носятъ слѣды позднѣйшей переработки. Для оцѣнки этого факта необходима твердо установленная датировка лицевыхъ рукописей. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ вызвалъ разногласіе среди палеографовъ. Референтъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы спеціалисты художественной археологіи обратили вниманіе на цѣнные рисунки лицевыхъ лѣтописей и изученіемъ ихъ оказали весьма существенную услугу какъ исторіи нашего стараго искусства, такъ и исторіи лѣтописнаго дѣла въ Московскую эпоху.

4. Проф. П. В. Владиміровъ прочелъ рефератъ: „Два памятника русской литературы XVI вѣка“.

Референтъ заявилъ, что замѣчательное „Слово о лѣнивомъ и о сонливомъ“, извѣстное въ нѣсколькихъ редакціяхъ XVI — XVII вв., особенно любопытно по древнѣйшей редакціи XVI в. Оно находится въ сборникѣ Ундольскаго (Московск. Публ. и Румянцевск. Музеи) и представляетъ такія интересныя подробности, какъ упоминаніе о „злыдняхъ“, о „христіанахъ чернокунцахъ“, „дворныхъ людяхъ“, „боярахъ“ и проч. Слово это замѣчательно и по литературной формѣ. Референтъ высказалъ предположеніе, что Слово это появилось въ предѣлахъ Московской Руси и представляетъ перелѣлку назидательнаго Слова о лѣнивыхъ изъ „Измарагда“. Въ XVII в. это же Слово было переложено въ стихи, но уже и въ XVI в. оно излагается приемами и складными поговорочными выраженіями. Слово XVI в. замѣчательно, какъ образчикъ того реализма въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ древнерусской жизни, какой мы находимъ и въ Домостроѣ, а также и въ нѣкоторыхъ русскихъ повѣстяхъ XVII в.

Другой памятникъ русской письменности XVI в. относится къ области трудовъ извѣстнаго виленскаго первопечатника, доктора Франциска Скорины, переводчика и издателя Библии. Это Западно-Русскій Апостолъ 1500 году, принадлежащій московскому купцу И. Л. Силину. Референтъ указалъ на позднѣйшее (подложное) происхожденіе записи при этомъ Апостолѣ и на непосредственное отношеніе его къ печатному Виленскому Апостолу Скорины 1525 года.

Засѣданіе V-го отдѣленія (церковныя древности) 13 августа.

Почетный предсѣдатель протоіерей І. А. Котовичъ. Предсѣдатель Н. И. Петровъ. — Секретарь Н. И. Троицкій.

1. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: „Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ?“

Романъ Сладкопѣвецъ — авторъ особыхъ пѣснопѣній, называемыхъ конда-

ками, которыя отчасти сохранились до сихъ поръ и употребляются въ православной церкви. Ему принадлежитъ рождественскій кондакъ „Дѣва днесъ пресущественнаго рождаетъ“ и умиленные строфы, которыя поются въ началѣ поста: „Душе моя, душе моя, возстани“ и т. д. Въ подлинникѣ на греческомъ языкѣ эти гимны имѣли особый стихотворный размѣръ, называемый тоническимъ и основанный на количествѣ слоговъ и удареніи, въ отличіе отъ метрическаго, который господствовалъ первоначально и въ христіанской гимнографіи, унаслѣдованъ отъ классической поэзіи и былъ основанъ на количествѣ слоговъ. Именно, Романъ Сладкопѣвецъ былъ тѣмъ церковнымъ поэтомъ, который, если не былъ изобрѣтателемъ, то доставилъ торжество новой формѣ стихосложенія. Законы этого стихосложенія впервые открыты были знаменитымъ кардиналомъ Питрою (Pitra), при помощи рукописей московской синодальной библіотеки и одного древняго сборника, которымъ онъ получилъ возможность пользоваться въ С.-Петербургѣ (кард. Питра былъ отправленъ папою на коронацію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II). Съ тѣхъ поръ ученые нѣмецкіе, французскіе и англійскіе стали весьма усердно заниматься вопросомъ о происхожденіи и складѣ греческой церковной пѣсни. При этомъ имя Романа получило большую славу и въ западной наукѣ. Православная церковь всегда высоко почитала его поэтическое одушевленіе и причислила его къ лику святыхъ. Въ настоящее время извѣстный нѣмецкій византиистъ Крумбахеръ, авторъ недавно появившейся исторіи Византійской литературы, готовящій полное изданіе гимновъ Романа по рукописямъ острова Патмоса, болѣе полнымъ, чѣмъ тотъ сборникъ, которымъ прежде пользовался Питра, и который послѣ былъ палеографически изданъ архимандритомъ (впослѣдствіи епископомъ) Амфилохіемъ, — выражается о Романѣ такъ: „по поэтическому дарованію, жару, одушевленію, глубинѣ чувства и возвышенности языка онъ превосходитъ всѣхъ другихъ греческихъ пѣснопѣвцевъ. Исторія литературы въ будущемъ будетъ прославлять его, какъ величайшаго церковнаго поэта всѣхъ временъ“.

До сихъ поръ не рѣшеннымъ остается вопросъ о времени, когда жилъ Романъ. Мы имѣемъ только краткое сказаніе объ его жизни — въ формѣ синаксаря. Отсюда видно, что онъ былъ родомъ изъ Сиріи, былъ діакономъ въ Бейрутѣ, прибылъ въ Константинополь при императорѣ Анастасіи, поступилъ въ клиръ церкви Богоматери; съ начала онъ ничѣмъ не выдавался, напротивъ, подвергался насмѣшкамъ и былъ въ пренебреженіи у товарищей; но однажды послѣ горячей молитвы онъ увидѣлъ во снѣ Богородицу, которая вручила ему свитокъ и велѣла проглотить его, проснувшись онъ почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе; когда дошла до него очередь пѣть, онъ вышелъ и пропѣлъ вмѣсто прежней обычной пѣсни новую, именно „Дѣва днесъ“, такъ какъ это былъ праздникъ Рождества. — Вопросъ въ томъ — какого нужно разумѣть Анастасія?

Было два Анастасія — одинъ ранѣ Юстина и Юстиніана отъ 491 по 518, другой незадолго до начала иконоборства, 713 — 716. Русскіе ученые, съ

преосв. Филаретомъ во главѣ, безъ дальнихъ разсужденій принимали Анастасія перваго; за Анастасія перваго стоялъ и Питра, хотя не безъ колебаній; другіе склонялись въ сторону позднѣйшей даты. Казалось неестественнымъ, чтобы тотъ родъ поэтическаго творчества, котораго лучшимъ и наиболее высокимъ представителемъ является Романъ, такъ рано и такъ внезапно достигъ самой совершенной формы. Съ этой точки зрѣнія удобнѣе было поставить Романа ближе къ эпохѣ иконоборства, послѣ патриарха Сергія, автора знаменитаго Акаѳиста Богоматери (составленнаго около 622 года) и другихъ представителей того-же рода произведеній. Референтъ сообщилъ нѣсколько соображеній, высказанныхъ преимущественно французомъ Bouvy (Буви), авторомъ книги: *Poètes et mélodies*, 1883, нѣмцемъ Якоби (Jakobi, *zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes*) англичаниномъ Стифенсономъ, бібліотекаремъ Ватиканской бібліотеки,—въ пользу позднѣйшей даты, и показалъ слабость основаній, на которыхъ покоится аргументація этихъ ученыхъ. Впрочемъ, положеніе вопроса хорошо изложено у Крумбахера, который болѣе склоняется на сторону Анастасія I.

Референтъ полагаетъ, что ему удалось найти прямое и положительное свидѣтельство, рѣшающее вопросъ. Оно находится въ подробномъ сказаніи о чудесахъ св. Артемія, которое доселѣ не издано въ греческомъ подлинникѣ, но недавно напечатано Археографическою комиссіею въ Макарьевскихъ Минеяхъ за *Октябрь*. Подробное сказаніе о чудесахъ при храмѣ Артемія въ Константинополѣ, весьма интересное по многимъ чертамъ быта и по даннымъ для топографіи Царьграда, носитъ явные признаки времени своего происхожденія. Оно написано было ранѣе иконоборства, но послѣ Маврикія и Ираклія. Объ одномъ изъ чудесъ прямо сказано, что оно совершилось въ такой-то годъ правленія Константина Погоната, годъ, соотвѣтствующій 685 году. Восемнадцатое чудо (всѣхъ 34) посвящено любопытной повѣсти объ одномъ юношѣ, который особенно почиталъ Іоанна Предтечу: „нѣкто пребывая во всеобщемъ пѣніи предтеча отъ млада возраста, поистихи иже во святыхъ мудраго Романа“ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ VII вѣка Романъ уже считался святымъ (ибо авторъ сказанія писалъ въ это время) и что въ царствованіе Ираклія, къ которому прямо отнесено событіе, его произведенія хорошо были извѣстны. Такъ какъ правленіе Ираклія относится къ началу VII вѣка, то, очевидно, Романа нужно относить ко времени Анастасія I. Слѣдуетъ прибавить, что въ изданіи Амфилохія можно отыскать и самые кондаки Романа въ честь Предтечи.

По поводу реферата В. Г. Васильевскаго Н. И. Троицкій замѣтилъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе языка и размѣра пѣсенъ Романа Сладкопѣвца къ греческому переводу библейскихъ пѣсеней, съ текстомъ которыхъ они имѣютъ очевидное сходство (пѣснь Анны, матери Самуила и др.), дабы объяснить такое выдающееся явленіе, которое представляетъ поэзія гимновъ Романа Сладкопѣвца, не имѣвшаго себѣ предшественниковъ въ ритмическомъ построеніи гимновъ.

2. Н. И. Петровъ представилъ докладъ: „О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами“.

Референтъ сперва изложилъ сказаніе о явленіи иконы въ с. Купятичахъ Минской губ., а потомъ разсматривалъ ее, какъ предметъ церковно-археологическій въ сравненіи съ древними энколпіонами, къ числу коихъ она принадлежитъ. Икона явилась въ глубокой древности и помѣщена была въ церкви, построенной на мѣстѣ ея явленія. Церковь была сожжена во время одного изъ татарскихъ набѣговъ въ XIII вѣкѣ, затѣмъ возобновлена въ началѣ XVI вѣка, а въ началѣ XVII вѣка устроенъ при церкви православный монастырь, обращенный въ половинѣ XVII в. въ униатскій. Оставшіеся въ православіи монахи удалились въ Кіевъ и принесли съ собою Купятицкую икону, гдѣ она и находится нынѣ, именно въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Икона эта есть не что иное, какъ одинъ изъ древнихъ энколпіоновъ, относящихся къ до-татарской эпохѣ русской исторіи и находимыхъ въ большомъ количествѣ въ предѣлахъ Кіевской Руси. Различны сюжеты и типы этихъ энколпіоновъ. Можетъ, быть, они воспроизводятъ собою Кіевскія святыни, какъ напр. „Нерушимую стѣну“, Благовѣщеніе мозаическое въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Пирогощскую икону Богородицы и пр., вслѣдствіе географической и политической близости южной части этого края съ Кіевомъ въ до-татарскую эпоху. Типъ Купятицкой иконы Богородицы есть типъ Одигитріи.

По поводу реферата Н. И. Петрова сдѣлалъ дополненіе Н. И. Троицкій: 1) о томъ, что въ вопросѣ объ энколпіонахъ нужно имѣть въ виду не одинъ ихъ типъ—складной крестъ, но и другіе, какъ-то: панагіаріи и проч.; тогда не будетъ никакого затрудненія указать отличіе энколпіоновъ византійскихъ отъ русскихъ; 2) относительно распространенія энколпіоновъ изъ Византіи и Кіева въ сѣверо-восточную Русь чрезъ города Черниговскаго княжества.

3. М. Н. Бережковъ представилъ докладъ: „Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская“.

Историческія отношенія двухъ великихъ славянскихъ государствъ восточной Европы, т. е. Московскаго и Польскаго, соединеннаго съ Литовскимъ западно русскимъ государствомъ, принято характеризовать, какъ отношенія тяжбы. То дѣйствительно была тяжба, длинная и упорная, производившаяся разными способами и силами, какъ въ военное время, такъ и въ мирное, не политическая только, но и культурная борьба во всемъ широкомъ значеніи слова.

Въ исторіи этой борьбы, исполненной высокаго внутренняго смысла, интересно слѣдить не только за политическими отношеніями обоихъ государствъ,—за крупною такъ сказать политикой; очень интересно также слѣдить за дѣятельностью единичныхъ лицъ, какъ они исполняютъ задачу своей дѣятельности, при данныхъ для нихъ условіяхъ, сообразно ихъ понятіямъ и ихъ силамъ, въ духѣ общихъ стремленій вѣка. Съ этой точки зрѣнія біографія, напимѣрь, великой княгини литовской и королевы польской Елены Ивановны была бы весьма интересна; она можетъ быть составлена доста-

точно полною, такъ какъ матеріаловъ для нея имѣется достаточное количество. Референтъ имѣеть въ виду представить опытъ этой біографіи для будущихъ „Трудовъ Виленскаго Археологическаго Съѣзда“, а пока представляетъ только краткую поминку объ Еленѣ Ивановнѣ, этой личности замѣчательной и дорогой для русскихъ памяти. Назадъ тому почти четыре вѣка она вѣзжала въ Вильну невѣстой великаго князя литовскаго Александра Казиміровича, неся наилучшія надежды и свои лично, и всѣхъ русскихъ людей обѣихъ половинъ Руси; здѣсь въ Вильнѣ, въ западной Россіи, она прожила 18 лѣтъ и здѣсь же послѣ трудовой жизни и дѣятельности, плодотворной для православія, упокоилась вѣчнымъ сномъ. Вполнѣ умѣстно вспомнить о ней на историческомъ и археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Вильнѣ.

Дочь Іоанна III Васильевича, великаго князя всея Руси, и Софіи Ооминичны Палеологъ, Елена Ивановна родилась въ 1474 году; она была первымъ плодомъ супружества Іоанна съ Софіей. Съ 1492 года, когда на литовскій престоль вступилъ Александръ Казиміровичъ и когда вмѣстѣ открылась война между нимъ и московскимъ государемъ, начались во время самой войны переговоры о бракѣ между великимъ княземъ литовскимъ и московскою великою княжною. Переговоры продолжались особенно успѣшно послѣ заключенія мира: въ началѣ 1494 года послѣдовало обрученіе Елены Ивановны съ Александромъ Казиміровичемъ. Самый существенный вопросъ въ предстоявшемъ брачномъ союзѣ былъ вѣроисповѣдный: великій князь Александръ Казиміровичъ (иначе „Андреевичъ“ по русскимъ лѣтописямъ) былъ вѣроисповѣданія римско-католическаго; его супруга должна оставаться въ православномъ греческомъ вѣроисповѣданіи. На этомъ существенномъ условіи Іоаннъ III настаивалъ рѣшительно; онъ потребовалъ формальной записи отъ Александра, что тотъ никоимъ образомъ не будетъ принуждать своей супруги къ римскому закону. Когда требуемая записъ была дана, то вопросъ о бракѣ былъ рѣшенъ окончательно. Въ началѣ 1495 года литовское посольство приѣхало въ Москву за великою княжною; она отправилась въ Вильну, сопровождаемая московскимъ посольствомъ и значительною свитой изъ бояръ съ боярынями, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, кои имѣли составить ей временный дворъ въ Вильнѣ. 15 февраля 1495 года она прибыла въ столицу литовскую и въ тотъ же день была обвѣнчана въ католической церкви св. Станислава виленскимъ бискупомъ, при чемъ православный священникъ изъ Москвы одновременно читалъ православныя молитвы надъ вѣнчаемою, а бояре и боярыни исполнили обычные русскіе обряды: новобрачная, наряженная въ кикю, была осыпана хмѣлемъ; была разбита и сткляница съ виномъ. Подробности о путешествіи вел. княжны въ Вильну и объ ея вѣнчаніи читаемъ въ отчетѣ пословъ московскихъ, отправленномъ тогда же къ великому князю Іоанну. Этотъ отчетъ, равно какъ извѣстія о сватовствѣ и о всей послѣдующей жизни Елены Ивановны въ Литвѣ, и ея переписка съ родителями находятся въ посольской книгѣ времени Іоанна III Васильевича

и его преемника Василия III Иоанновича. Она — главный источникъ для біографіи Елены Ивановны (Сборникъ И. Русск. Историч. Общ., томъ XXXV).

Изъ соображенія различныхъ данныхъ выходитъ, что молодые супруги жили согласно: в. кн. Александръ Казиміровичъ, вскорѣ ставшій королемъ польскимъ, любилъ и почиталъ свою супругу. Конечно, онъ желалъ отъ супруги единенія въ вѣрѣ; но не видать, чтобы онъ когда нибудь принуждалъ ее къ переменѣ вѣроисповѣданія, какъ ни желали того въ Польшѣ и при папскомъ дворѣ. Онъ умѣлъ отстоять себя и свою супругу, не допустилъ до расторженія брака, какъ о томъ было заговаривали въ Римѣ. Съ своей стороны Елена Ивановна, не жертвуя для брака свободою религіозной совѣсти, употребляла всѣ старанія къ тому, чтобы поддерживать миръ между государями, отцомъ и супругомъ. Она была добрымъ, умѣлымъ посредникомъ между ними. Она имѣла много ума и характера, много вѣрнаго такта, чтобы съ достоинствомъ держаться въ новой средѣ. Правда, родители упрекали ее иногда за слишкомъ большую сдержанность, на примѣръ, за то, что она не увѣдомила ихъ о томъ, какъ бискупы виленскій и смоленскій, да бернардинскіе монахи приходили къ ней съ убѣжденіями быть послушной римскому престолу; но это обстоятельство не бросаетъ на нее никакой тѣни. Елена Ивановна оставалась твердою въ вѣрѣ отцовъ и въ отеческихъ обычаяхъ; не увѣдомила же она родителей о сказанномъ обстоятельстве, вѣроятно, потому, что не видѣла въ томъ никакой надобности, никакой пользы. Въ другихъ случаяхъ она исполняла, сколько могла, порученія своихъ родителей, дѣйствуя съ благоразумной осторожностью. Затруднительно стало положеніе ея въ войну Александра съ Иоанномъ. Въ эту войну она писала отцу трогательное письмо, умоляя помириться съ ея супругомъ, унять кровопролитіе. Иоаннъ Васильевичъ мало обратилъ вниманія на письмо дочери и продолжалъ войну; но исторія, отдавая честь его настойчивости и всей его политической дѣятельности, не можетъ не оцѣнить также поступка его дочери, поднявшей свой голосъ въ пользу мира и любви межъ государями.

Вскорѣ по заключеніи перемирія, въ 1503 году, Елена Ивановна понесла много утратъ. Въ этомъ году скончалась ея мать; черезъ два года скончался отецъ, а еще черезъ годъ и супругъ ея. Королева, осиротѣвшая и овдовѣвшая, очутилась въ положеніи трудномъ. Правда, положеніе вдовствующей королевы не было лишено почета: она имѣла большія земельныя владѣнія, много богатства, слугъ; отъ деверя Сигизмунда Казиміровича она получила еще новыя владѣнія; ей было также предоставлено право патроната относительно православнаго Троицкаго монастыря въ Вильнѣ; она дѣлала вклады въ разные церкви и монастыри, покровительствовала православнымъ русскимъ жителямъ; при всемъ томъ однако Елена Ивановна чувствовала себя затруднительнѣе прежняго. Къ ней относились холодно; на ея богатства смотрѣли завистливо. Въ 1512 году было сдѣлано покушеніе на ея свободу: ей не дозволили поѣхать въ свой городъ Брѣславль, насильно задержали ее въ Вильнѣ, потомъ перевели въ Троки и Бирштаны. Вскорѣ она при-

была все-таки и въ Бряславль, куда желала прїѣхать, но жила здѣсь не долго: 24 января она неожиданно скончалась. Пошли слухи о насильственной смерти ея. Въ Москвѣ, въ 1517 году, литовскимъ посламъ и цезарскому послу Герберштейну открыто говорили, что Елена Ивановна умерла отъ злыхъ людей, называли по имени людей виновныхъ и обстоятельства. Но дѣло остается доселѣ темнымъ: трудно доказать и отрицать обвиненіе. Пегребена Елена Ивановна въ Пречистенскомъ храмѣ, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ она впервые молилась, вступая въ Вильну. Надгробная металлическая доска съ гербами королевы и надписью не уцѣлѣла; въ 1810 году эта доска попала въ невѣжественныя руки и перелита была, говорятъ, на домашнюю посуду. Но сохранился въ Вильнѣ одинъ памятникъ благочестивой королевы, — икона пресвятой Богородицы — Одигитрии, находящаяся нынѣ въ иконостасѣ Троицкаго монастыря. Судя по значительнымъ размѣрамъ, икона эта была предназначена именно для домовой церкви Елены Ивановны, построенія которой безуспѣшно домогался великій князь Іоаннъ Васильевичъ у своего зятя, Александра Казиміровича.

По поводу реферата М. Н. Бережкова сдѣлали замѣчанія В. З. Завитневичъ и Н. И. Троицкій въ томъ смыслѣ, что референтъ не воспользовался нѣкоторыми печатными актами и статьями. Референтъ отвѣчалъ, что его задачей было предложить краткую историческую поминку на основаніи главнаго источника, т. е. дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-литовскимъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка; что въ печатной статьѣ пробѣлы будутъ восполнены и тѣми актами, на которые указывалъ проф. Завитневичъ и которые референту пока извѣстны только по указаніямъ и ссылкамъ на нихъ.

Общее собраніе 13 августа.

Почетный предсѣдатель Е. В. Пѣтуховъ.—Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь М. И. Соколовъ.

1. Священникъ Л. Паевскій сдѣлалъ очеркъ исторіи города Бреста на основаніи, главнымъ образомъ, рукописной визитаціонной книги брестской каедры 1759 года, при чемъ объяснялъ старинный планъ города Бреста.

2. П. И. Тиховскій прочелъ рефератъ: „Паденіе народной пѣсни“.

Референтъ высказалъ мнѣніе, что пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ. Вымираетъ пѣсня историческая, что естественно. Пѣсня обрядовая держится пока только силою народнаго консерватизма. Но пѣсня бытовая нѣсколько въ иномъ положеніи.

Бытовая пѣсня вытѣсняется новой, такъ наз. фабрично-заводской. Она падаетъ въ своемъ содержаніи. Съ другой стороны, крестьянинъ отрывается отъ преданія грамотностью, всеобщей воинской повинностью и т. п. и за-

бываетъ пѣсню. Въ пѣсняхъ видимъ путаницу, находимъ только обрывки ихъ. Въ образованномъ классѣ знаютъ одни начальные куплеты и поютъ ихъ лишь изъ-за мотива. Пѣсня теряетъ свою цѣльность. Бытовая пѣсня падаетъ потому, что разрушился самый патріархальный бытъ подѣ такимъ или инымъ вліяніемъ культуры. Но у той же культуры есть такія средства какъ народная книга. Давно пора издавать научно обработанные пѣсенники (съ голосомъ, нотами передъ каждой пѣсней въ самомъ текстѣ).

Сила пѣсни въ томъ, что она выражаетъ душевное состояніе пѣвца. Пѣсня пѣлась ради словъ и мотива вмѣстѣ, вся, до полного раскрытія сюжета. Въ образованномъ классѣ любимыя стихи тоже становятся романсами. Остаться въ устахъ народа можетъ лишь та пѣсня, содержаніе которой онъ и нынѣ переживаетъ. Только она и должна входить въ пѣсенники. Поддержать въ народѣ можно многое изъ пѣсни лирической. Народная пѣсня очень жизненна (переработка формъ: дума въ семейную пѣсню). Дать полезные пѣсенники можетъ только этнографъ, вникнувшій въ то, почему именно поетъ пѣвецъ данную пѣсню, какъ онъ ее понимаетъ. Въ пѣсенникѣ пѣсня для грамотнаго станетъ какъ бы фактомъ искусственной литературы. Пѣсенники могутъ поддержать въ указанныхъ предѣлахъ, пѣсню въ устахъ народа и предохранить ее отъ путаницы. Вліяніе народной книги несомнѣнно. Въ народной пѣснѣ (особенно малорусской) много искусственныхъ произведеній. Чрезвычайно важна помощь книгъ со стороны школы и пѣвческихъ обществъ (С. Миропольскій).

Гораздо труднѣе борьба съ пѣсней фабричной. Каковъ бытъ, такова и пѣсня. Народъ самъ слагаетъ сатирическія пародіи на „питерскія“ пѣсни. При всеобщей грамотности, народный пѣсенникъ еще болѣе показалъ бы ему безобразность этихъ пѣсень. Есть даже мнѣніе, что у насъ выработается новая пѣсня съ размѣромъ литературнаго стиха (Львовъ. Новое время — новыя пѣсни. Устюгъ). Въ теперешнемъ кризисѣ народной жизни повторяется, говорятъ, кризисъ эпохи Петровскихъ реформъ. Въ пѣсенники можно, пожалуй помѣщать искусственныя произведенія, но въ видѣ отдѣла „стиховъ“. Въ народныхъ пѣсенникахъ должны помѣщаться пѣсни великорусскія, малорусскія и бѣлорусскія въ подлинномъ видѣ; народъ усвоитъ даже болгарскую „Шуми Марица“. Желательны также особыя сборники пѣсень, отжившихъ свой вѣкъ, историческихъ, обрядовыхъ бытовыхъ, для цѣлей воспитательныхъ.

Если дѣло будетъ идти и впредь такъ, какъ нынѣ, то нашъ народъ разучится пѣть. Этнографамъ надо спѣшить организовать дѣло, записывать народную пѣсню.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что историческая пѣсня всегда живетъ недолго, лѣтъ сто, уступая мѣсто новой. Варіанты той же пѣсни лирической встрѣчаемъ въ старыхъ сборникахъ Прача, Сахарова и въ новѣйшихъ записяхъ. Новые варіанты бываютъ хуже, но бываютъ и лучше. Въ современной пѣснѣ является риѐма, чего не было въ старой. Пошлая пѣсня

представляютъ временное наслоеніе. Основная народная старая пѣсня переживаетъ ихъ. Думать, что она падаетъ, нѣтъ основанія. Народные пѣсенники, какъ и хрестоматіи стиховъ, могутъ имѣть самое незначительное вліяніе. Скорѣе можетъ повліять школа и пѣвческія общества.

М. И. Соколовъ указалъ, что напрасно всю вину взваливаютъ на фабрики и заводы. Большинство отхожаго деревенскаго люда живетъ въ столицахъ на службѣ, при лавкахъ и проч. Пошлая пѣсня идетъ изъ увеселительныхъ заведеній, часто бываетъ такъ наз. цыганской. Это тѣ же шансонетки, только болѣе низкаго разбора. Народъ откровеннѣе поетъ ихъ, чѣмъ люди образованные. Питерщики и москвичи только перенимаютъ ихъ. Въ деревнѣ онѣ распространяются очень быстро, потому что пріѣзжіи изъ столицы — лицо очень интересное, завидный женихъ и т. п. Въ Ярославской губерніи вездѣ носятъ модное платье. Описание его въ пѣснѣ: „Какъ подь деревомъ такимъ красна дѣвица сидитъ“... такъ же обстоятельно, какъ былинное изображеніе стараго наряда. Это говоритъ о силѣ народнаго поэтическаго таланта. Народъ вовсе не усваиваетъ той грязи какую поетъ въ заносныхъ пѣсняхъ полусознательно. Онѣ скоро выходятъ изъ моды и народъ возвращается къ старой пѣснѣ.

П. И. Тиховскій заявилъ, что мнѣнія эти очень оптимистичны и тѣмъ опасны. Новыя условія жизни, грамотность и пр. сильнѣе измѣняютъ народный бытъ, чѣмъ опустошительныя войны прошлаго. Недорогой народный пѣсенникъ будетъ руководствомъ для народнаго учителя и другихъ. Пѣсня изъ книги проникнетъ въ народъ. Референтъ указалъ нѣкоторые искусственныя малороссійскія пѣсни („Кармелюкъ“ и др.), сослался на пѣсню „Проснется день“ — отрывокъ прощальной пѣсни Чайльдъ - Гарольда въ переводѣ И. Козлова. Фабрично-заводская — точнѣе, городская пѣсня — является уже самостоятельнымъ видомъ народной пѣсни.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что въ старые печатные пѣсенники пѣсни попадали отъ хоровъ, напр. цыганскихъ, гдѣ и явились выраженія: „милашка“, „миленокъ“ и проч., Обратившись къ М. И. Соколову, какъ къ эксперту, онъ предложилъ ему вопросъ: успѣшно ли проникаютъ въ народъ стихотворенія нашихъ поэтовъ (Кольцова и др.), а также не является ли заносная городская пѣсня явленіемъ очень эфемернымъ?

М. И. Соколовъ пояснилъ, что въ Ярославской губ. Некрасовское „Хорошо было дѣтинушкѣ“ стало пѣсней, но его занесли семинаристы. Модныя новѣйшія пѣсни мѣняются ежегодно. Изданіе народныхъ пѣсенниковъ желательно. Они не поддержать народнаго творчества, но могутъ сохранять пѣсни.

И. Я. Спрогисъ выразилъ свое убѣжденіе, что народная пѣсня, созданная вѣками и отличающаяся такими достоинствами, не можетъ исчезнуть. У латышей, съ ихъ народнымъ пробужденіемъ, возродилась и пѣсня, и теперь проявляютъ самую живую дѣятельность пѣвческія общества.

3. Депутатъ Казанскаго университета Б. А. Богородицкій доложилъ: „Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ“.

При соприкосновеніи языковъ получаютъ два явленія: 1) заимствованныя слова и 2) смѣшанныя нарѣчія.

Русскій лингвистъ находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Уже съ перваго взгляда на этнографическую карту Россіи видно, съ какимъ разнообразіемъ народностей соприкасается русское населеніе. Что касается *процесса* образованія смѣшанныхъ нарѣчій, то таковой можно наблюдать въ случаяхъ изученія чужаго языка. При этомъ представляются два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ (если, напр., нѣмецъ, плохо еще говоря по-русски, о собакѣ скажетъ „онъ“, то это потому, что въ его родномъ языкѣ говорится *der Hund*; еще примѣры изъ того же смѣшаннаго русско-нѣмецкаго нарѣчія: мало вода ср. *wenig Wasser*, брать часы вм. уроки и т. п.); 2) Ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ (ср. выраженія въ неправильной русской рѣчи нѣмца: *симпатическій* человѣкъ, т. е. неправильная подстановка суффикса, существующаго въ языкѣ изучаемомъ; или: *лѣнливость*, не *ѣдите* и т. п.).

Смѣшанныя нарѣчія референтъ раздѣляетъ на три класса:

I. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, при чемъ языки эти могутъ быть родственны между собою (напр., русскій и нѣмецкій и т. п.), или же не родственны (напр., русскій и чувашскій и т. п.). Наблюденія референта производились надъ русской рѣчью двухъ тюркскихъ народностей: чувашъ и татаръ (напр., чувашинъ говоритъ: „время-то прошелъ ужъ“, т. е. смѣшеніе родовъ; „училъ своя теревня“, т. е. перенесеніе функціи предлоговъ на окончаніе, и т. п.).

II. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ близко родственныхъ языковъ, напр., русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго и т. п. Вслѣдствіе присутствія въ такихъ языкахъ массы сходныхъ въ звуковомъ отношеніи словъ, но выработавшихъ разное значеніе (ср. рус. милость и польск. *miłość* и т. п.), въ смѣшанной рѣчи этого типа будутъ встрѣчаться ошибки въ семасіологическомъ употребленіи словъ.

III. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка. Таковы переходные говоры отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, отъ малорусскаго къ великорусскому и т. п.

Что касается *характера* смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступать мѣсто другому; 2) ни одно изъ соприкасающихся нарѣчій не проявляетъ особенной склонности къ ассимиляціи, и только въ случаѣ разговора между лицами двухъ разныхъ нарѣчій дѣлаются попытки приспособить свою рѣчь къ лучшему пониманію другаго.

Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ. При этомъ фонетическое изученіе должно стремиться представить соотношеніе звуко-

выхъ системъ въ соприкасающихся нарѣчіяхъ, а также и то, какъ звуки одной системы субституируются звуками другой системы.

Матеріаль для изученія смѣшанныхъ нарѣчій долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій; художественныя пародіи смѣшанной рѣчи (напр., рѣчь Карла Ивановича въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности“ гр. Л. Толстаго, или еврейскій жаргонъ въ повѣсти „Жидъ“ Тургенева и т. п.) должны составлять хотя и важный, но лишь дополнительный источникъ: онѣ могутъ обратить вниманіе на такія типическія черты, которыя могли ускользнуть при непосредственныхъ наблюденіяхъ.

Изученіе смѣшанныхъ русско-инородческихъ нарѣчій будетъ способствовать уясненію историческаго процесса ассимиляціи инородцевъ при поступательномъ колонизаціономъ движеніи русскаго племени. Въ самомъ русскомъ языкѣ на такихъ смѣшанныхъ территоріяхъ могутъ быть явленія, обусловленныя существованіемъ той или другой инородческой подпочвы. Такія явленія будутъ выражаться, по мнѣнію референта, въ томъ или другомъ характерѣ вокализма (напр., „низкомъ“ и пр.), въ характерѣ мелодическаго и ритмическаго строенія словъ и фразъ, въ порядкѣ словъ въ предложеніи и др.

А. И. Соболевскій не соглашался съ тѣмъ положеніемъ референта, что русскій литературный языкъ, принявшій много элементовъ языка церковно-славянскаго, относится къ числу смѣшанныхъ.

4. В. М. Площанскій сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива, относящихся къ Люблинской губерніи, именно о градскихъ книгахъ гор. Холма съ XV в. до половины XVII. Въ своемъ рефератѣ докладчикъ знакомилъ съ наиболѣе любопытными дѣлами и тяжбами, записанными въ градскія книги, и рисующими внутреннюю жизнь Холма.

Засѣданіе IV-го отдѣленія (памятники быта) 13 августа.

Почетный предсѣдатель Арс. И. Маркевичъ.—Предсѣдатель Н. И. Веселовскій.—
Секретарь С. М. Середонинъ.

1. К. П. Гуковскій познакомилъ членовъ съѣзда, въ виду предстоящей экскурсіи въ Ковно, съ древностями этого города и его уѣзда.

2. Проф. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе: „О керченскихъ катакомбахъ съ фресками“.

Указавъ на давность археологическаго изслѣдованія на почвѣ древняго Пантикапея (нынѣ Керчь) и на обиліе добытаго на этой территоріи матерьяла, референтъ далъ опредѣленіе того типа погребальныхъ сооружений, который извѣстенъ подъ терминомъ „катакомбъ“. Упомянувъ затѣмъ о катакомбахъ съ фресками, найденныхъ въ прежнее время, онъ перешелъ къ отчету о двухъ памятникахъ того же рода, открытыхъ въ 1890 и 1891 году. Отмѣтивъ общую хронологію этого типа погребенія (первые вѣка по Р. Х.) и по-

слѣдовательно останавливаясь затѣмъ на отдѣльныхъ мотивахъ декораціи (по сколько позволяли то имѣвшіеся на лицо рисунки), референтъ доказывалъ, что всѣ они принадлежатъ греко-римскому искусству и отрицалъ присутствіе восточнаго элемента (на чемъ настаивалъ по отношенію къ такой же катакомбѣ, открытой въ 1872 году, г. Стасовъ). Съ большей подробностью референтъ разсмотрѣлъ сцену такъ называемой „семейной трапезы“ и указалъ на смѣну въ археологической наукѣ воззрѣній въ ея изъясненіи. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о надписи, которая выведена красной и черной красками на столбѣ въ катакомбѣ, открытой въ 1890 году. Надпись эта даетъ имя и званіе лица (Сорака, сынъ Сорака, взыскатель штрафовъ), содержитъ указаніе на сооруженіе катакомбы (причемъ интересно отмѣтить то, что она названа *ἡρώων*) и заканчивается заклятіемъ нарушителю могильнаго покоя почившаго.

Свой докладъ проф. Кулаковскій закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Съѣзду: „Если въ Керчи и не идетъ теперь непрерывная и живая работа по изслѣдованію древностей, какъ то было раньше, то, тѣмъ не менѣе, эта территория находится подъ охраной подлежащей власти и продолжаетъ давать время отъ времени важныя и цѣнныя находки. Но есть другое мѣсто на побережьи Чернаго моря, мѣсто забытое и заброшенное, по разнымъ условіямъ недоступное для научнаго изслѣдованія, это—Ольвія. О печальномъ положеніи дѣла науки въ этихъ предѣлахъ сообщалъ въ своемъ недавнемъ докладѣ профессоръ Штернъ. Въ Ольвіи идутъ раскопки, но тайныя и хищническія. Добываемыя такимъ путемъ вещи или безслѣдно исчезаютъ для науки или, въ рѣдкихъ случаяхъ, попадая иной разъ въ руки ученыхъ спеціалистовъ и въ ученые учрежденія, они поучаютъ насъ гораздо меньше, чѣмъ какъ то могло бы быть при иныхъ условіяхъ находки. Территорія Ольвіи находится въ частномъ владѣніи. Не оказалось ли бы поэтому возможнымъ обратиться отъ имени Съѣзда къ собственницѣ, графинѣ Мусиной, Пушкиной, съ просьбой открыть доступъ въ эти предѣлы людямъ ученаго интереса“.

Ө. И. Успенскій дополнилъ указаніе референта на расхищеніе древностей Ольвіи. Въ Одессѣ, по его словамъ, циркулируютъ предметы, добываемыя въ Ольвіи и, такъ какъ мѣстное ученое общество не всегда можетъ покупать эти предметы, то они иногда безслѣдно пропадаютъ, т. е. продаются за-границу. Въ настоящее время Ольвія недоступна для ученыхъ, такъ какъ мѣстность эта находится въ частномъ владѣніи и безъ разрѣшенія владѣлицы раскопки производимы быть не могутъ; между тѣмъ мѣстное населеніе не только пріобрѣло снаровку добывать и сбывать предметы древности, но крестьяне села Порутина научились даже поддѣлывать надписи. Въ виду такого печальнаго положенія дѣла, Ө. И. Успенскій полагалъ необходимымъ поднять вопросъ о принятіи мѣръ для прекращенія расхищенія предметовъ древности. І. А. Хойновскій добавилъ, что эти предметы попадаютъ уже и въ Кіевѣ.

Графиня П. С. Уварова заявила, что, по ея мнѣнію, слѣдовало бы отъ лица Съѣзда обратиться къ гр. Мусиной-Пушкиной, которой принадлежитъ Порутино, съ ходатайствомъ — дать одесскому Обществу Исторіи и Древностей право производить тамъ раскопки. Съѣздъ вполне присоединился къ этому предложенію предсѣдателя.

2. А. И. Соболевскій доложилъ собранію рефератъ В. М. Довнара-Запольскаго: „Къ вопросу о Лелѣ“. Авторъ реферата указалъ прежде всего на то, что въ настоящее время существованіе божества „Лель“ у славянъ отрицается наукой на томъ основаніи, что имя этого божества встрѣчается только у хронистовъ, и притомъ извѣстіе Стрыйковскаго объ этомъ божествѣ передано въ такой формѣ, что само извѣстіе кажется очень сомнительнымъ. Въ текстахъ пѣсенъ этого имени до сихъ поръ не встрѣчали; но автору удалось найти одну пѣсню, въ текстѣ которой оно находится; поэтому онъ думаетъ, что найденная имъ пѣсня приближаетъ сомнительный вопросъ о существованіи этого божества къ положительному рѣшенію.

Прочитавъ рефератъ, А. И. Соболевскій замѣтилъ, что эта пѣсня свадебная, выдернутая изъ ряда пѣсенъ свадебнаго обряда; имя невѣсты въ пѣснѣ упомянуто, а имени жениха, которое въ свадебныхъ пѣсняхъ въ родѣ приведенной обыкновенно также упоминается, въ этой пѣснѣ нѣтъ; поэтому самому является возможнымъ предположеніе, что „Лелей“, пѣсни есть сокращенное имя жениха; въ частности А. И. Соболевскій полагалъ, что это сокращеніе имени „Фалелей“ и привелъ велико-русскую фамилію „Лилеевъ“.

А. В. Лонгиновъ полагалъ, что у славянъ была богиня Леля, имѣвшая близкое отношеніе въ водѣ и морю.

3. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе: „О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго“.

Прежніе изслѣдователи не видѣли здѣсь ничего татарскаго: Лешковъ считалъ приемы Московской Руси въ этомъ случаѣ продолженіемъ тѣхъ, которые существовали въ удѣльный періодъ; Сахаровъ призналъ ихъ заимствованными изъ Византіи. Референтъ старался доказать, что у насъ посольскій этикетъ цѣликомъ былъ принятъ татарскій. Высказавъ положеніе, что во время господства татаръ мы должны были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, референтъ разобралъ отдѣльныя явленія въ посольскомъ обиходѣ и сравнилъ ихъ съ подобными же, существовавшими у татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Подробности касались встрѣчи иностранныхъ пословъ, ихъ содержанія, аудіенціи, подарковъ, а равно и наказовъ нашимъ посламъ, какъ вести себя за границей. Здѣсь формальность была развита въ высшей степени и за нарушеніе ея посоль, по возвращеніи, подвергался осужденію и опалѣ. Заимствованный нами отъ татаръ церемоніаль съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнился. Такъ, у насъ были отмѣнены земные поклоны (бить челомъ), отмѣнено цѣлованье ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки.

Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ референтомъ обрядовъ (челобитіе, цѣлованье ногъ и др.) соблюдались уже при дворѣ римскихъ императоровъ, а позднѣе введены были въ церемоніаль, дѣйствовавшій при византійскомъ дворѣ, откуда они могли проникнуть въ Московскую Русь. По вопросу о костюмѣ византійскаго императора г. Кулаковскій напомнилъ о навѣйшей ученой разработкѣ этого вопроса въ изслѣдованіи проф. Д. Θ. Бѣляева. Что касается до значенія коня, какъ атрибута благороднаго происхожденія, то такое значеніе конь имѣлъ во всѣ вѣка европейской исторіи. Такъ, на греческихъ рельефахъ конь (или только голова коня) подлѣ мужской фігуры является атрибутомъ или символомъ „героя“, а по мнѣнію многихъ археологовъ, вообще всякаго человѣка благороднаго происхожденія.

Н. И. Веселовскій отвѣтилъ, что указанная оппонентомъ подробности придворнаго церемоніала и къ римлянамъ проникли съ Востока, а къ намъ отъ татаръ и до татаръ отсутствовали на Руси.

4. С. Θ. Платоновъ прочиталъ рефератъ М. В. Фурсова: „По поводу бѣлорусскаго праздника „Свѣча“.

Сообщивъ по статьѣ г. Жудро (Могилев. Епарх. Вѣдомости, 1893 г., № 13) описаніе праздника въ уѣздахъ: Гомельскомъ, Быховскомъ и Климовичскомъ, М. В. Фурсовъ остановился на значеніи этого праздника. По его мнѣнію, праздникъ „Свѣча“ дошелъ до насъ, какъ наслѣдіе отъ временъ языческихъ, это — остатокъ культа огня. Можно допустить, далѣе, что праздникъ „Свѣча“ былъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи выросли и развились подъ нѣкоторымъ вліяніемъ церкви въ XVI ст. медовыя братства. Хр. П. Ящуржинскій и А. Н. Толмачевъ указали на то, что обычай этотъ сохранился и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

А. Н. Толмачевъ прибавилъ, что въ его проживаніи съ 1846 по 1849 г. въ Козмодемьянскѣ ему приходилось не разъ слышать, что нѣкоторые изъ проживавшихъ въ этомъ городѣ простолюдиновъ имѣли обыкновение отправляться въ сосѣднее село Нижегородской губ. (Пальцево) „на свѣчу“. По его мнѣнію, докладъ М. В. Фурсова вызываетъ желаніе, чтобы собраны были кѣмъ-либо изъ любителей древности свѣдѣнія, продолжаютъ ли эти паломничества и донинѣ и не представляютъ ли какого либо сходства происходящія во время ихъ собранія съ описанными г. Фурсовымъ бѣлорусскими.

А. И. Миловидовъ отмѣтилъ, что рефератъ не отличается ни новизною, ни оригинальностью: обрядъ этотъ былъ описанъ еще Срезневскимъ; обстоятельный очеркъ его данъ также въ „Минскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“; впрочемъ, рефератъ даетъ нѣкоторыя варіаціи обряда въ различныхъ уѣздахъ; оппонентъ не согласенъ видѣть въ этомъ обрядѣ отголоска языческой эпохи.

Засѣданіе I-го отдѣленія (первобытныя древности) 14 августа.

Почетный предсѣдатель С. О. Платоновъ.—Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.—
Секретарь А. А. Спицынъ.

1. Деп. Имп. Археологической комиссіи А. А. Спицынъ прочелъ рефератъ, имѣющій темою: „Общій обзоръ восточно славянскихъ курганныхъ древностей“, въ которомъ на основаніи новыхъ данныхъ и матеріала, уже извѣстнаго въ археологической литературѣ, сдѣлалъ характеристику древностей, находимыхъ въ каменныхъ могилахъ Западнаго края и въ курганахъ древлянъ, дреговичей, кривичей, полочанъ, новгородскихъ славянъ, вятичей, радимичей и сѣверянъ. В. И. Сизовъ дополнилъ это сообщеніе болѣе детальнымъ описаніемъ смоленскихъ древностей. Между прочимъ, г. Сизовъ сообщилъ, что у кривичей встрѣчаются курганы, обложенные камнями, и есть курганныя поля, заключающія по нѣскольку рядовъ параллельно расположенныхъ валовъ со слѣдами трупосожженія; онъ указалъ далѣе на то, что въ кривичскихъ древностяхъ необходимо отмѣчать вещи скандинавскаго происхожденія, и высказалъ убѣжденіе, что височныя кольца въ финскихъ курганахъ встрѣчаются лишь спорадически и не характерны для нихъ. Референтъ, выразивъ благодарность г. Сизову за сообщенныя имъ новыя и очень интересныя свѣдѣнія, счелъ однако возможнымъ допустить сомнѣніе, чтобы скандинавскій элементъ среди кривичскихъ древностей могъ имѣть какое-либо серьезное значеніе, и находилъ, что случайность находокъ въ финскихъ могильникахъ предметовъ славянскаго типа не легко доказать. В. Б. Антоновичъ высказался противъ выраженного въ рефератѣ мнѣнія, что каменные могилы, расположенныя по Зап. Бугу, принадлежатъ бужанамъ; онъ готовъ охотнѣе приписать ихъ ятвягамъ, племени еще неопредѣленнаго происхожденія. Референтъ поспѣшилъ отвѣтить на это замѣчаніе, что слово „бужане“ онъ употребилъ въ видѣ географическаго, а не этнографическаго термина. На замѣчаніе г. Бѣляшевскаго о томъ, что референтъ въ своемъ обзорѣ совершенно не затронулъ древностей полянъ, послѣдній отозвался, что онъ сдѣлалъ это преднамѣренно, такъ какъ лѣтопись очень неопредѣленно говоритъ о полянахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ то, что извѣстно въ литературѣ подъ именемъ полянскихъ древностей, столь не подходитъ къ общему типу другихъ славянскихъ древностей, что ихъ приходится пока обходить молчаніемъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился В. З. Завитневичъ. Д. Н. Анучинъ выразилъ пожеланіе, чтобы референтъ полнѣе развилъ и обработалъ затронутую имъ тему, и напомнилъ, что при подобной работѣ невозможно обойтись безъ сравненій, безъ изслѣдованія степени и характера иноземнаго вліянія на славянскую культуру, для чего, между прочимъ, рекомендовалъ обратиться къ пособію статистическаго метода, который долженъ опредѣлить пути развитія и распространенія наиболѣе харак-

терныхъ отдѣльныхъ предметовъ. В. З. Завитневичъ, упомянувъ, что силъ одного человѣка для выполненія такой задачи недостаточно, напомнилъ, что очень многія цѣнныя археологическія коллекціи до сихъ поръ остаются не изданными, что о многихъ раскопкахъ совершенно ничего не извѣстно, и выразилъ пожеланіе, чтобы описанія такихъ раскопокъ появились возможно скорѣе.

2. Г. Х. Татуръ прочелъ рефератъ: „О курганахъ Минской губерніи“.

По собраннымъ въ разное время свѣдѣніямъ въ Минской губерніи считается около 30,000 кургановъ и около 1,000 городищъ, замковищъ и окопищъ; но на основаніи опыта можно утверждать, что на самомъ дѣлѣ кургановъ здѣсь имѣется до 60,000 и городищъ до 1,200. Пространство губерніи заключаетъ памятники періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, и отъ каждаго изъ нихъ остались курганы разнороднаго происхожденія. Референтъ ограничился описаніемъ кургановъ, заключающихъ погребенія цѣлыхъ, не сожженныхъ труповъ. Описавъ приготовленіе мѣста для погребенія, референтъ сдѣлалъ попытку доказать, что покойника клали на потухшемъ кострищѣ и что если встрѣчаются скелеты, обложенные обожженными досками, то доски эти обожжены были не при покойникѣ, а раньше. Объясненъ былъ способъ образованія кругомъ курганныхъ насыпей, особыхъ рвовъ, и высказано предположеніе, что замѣчаемая въ курганахъ прослойка угля удобно объясняется обычаемъ творить по усопшемъ чрезъ извѣстные промежутки времени поминки. Составные курганы представляютъ собою гробницы членовъ одного рода, а можетъ быть одного званія, и образовались постепенными досыпками, сдѣланными рядомъ, числомъ по 5, при чемъ курганъ получалъ форму вала, — а также досыпками, сдѣланными на верху, числомъ до 3-хъ. Между минскими курганами особенно интересны тѣ, которые, по мнѣнію референта, могутъ быть отнесены къ бронзовому періоду. Имъ были демонстрированы двѣ таблицы съ вещами изъ кургановъ этого типа, расположенныхъ близъ м. Полелѣвки, Борисовскаго уѣзда; изъ вещей этихъ особенно любопытны: головной уборъ изъ парчевой ленты съ серебрянными золочеными бляшками, серьги, костяной гребень, позолоченныя бляшки, нашиваемыя на одеждѣ, нагрудное украшеніе изъ парчевой ленты, височныя кольца, перстни.

В. З. Завитневичъ отрицалъ принадлежность демонстрированныхъ референтомъ предметовъ къ бронзовому вѣку и указывалъ на ихъ полное сходство съ вещами, находимыми въ дреговичскихъ курганахъ; расположеніе всходовъ при окружающихъ курганы рвахъ онъ признавалъ совершенно случайнымъ и утверждалъ, что гробы обжигались въ самой могилѣ, при чемъ огонь иногда проникалъ внутрь гроба и повреждалъ помѣщенный тамъ трупъ. Референтъ рѣшительно отстаивалъ свое мнѣніе, что покойникъ полагался уже на потухшемъ кострищѣ. В. Б. Антоновичъ присоединился къ мнѣнію, что слывшія предметомъ доклада вещи не могутъ принадлежать бронзовому вѣку, и высказалъ мнѣніе, что онѣ несомнѣнно должны быть отнесены къ самому

концу желѣзнаго вѣка, какъ на то указываютъ, напр., серьги съ фиксированными бусами, орнаментъ находокъ и проч. Г. Татуръ, защищая свое положеніе, утверждалъ, что демаркаціонной линіи между предметами бронзоваго и желѣзнаго періода невозможно указать, что прямымъ признакомъ близости описанныхъ имъ кургановъ къ бронзовому вѣку онъ считаетъ присутствіе позумента и отсутствіе бусъ, и указалъ, что имъ представлены не всѣ предметы, находимые въ курганахъ описаннаго имъ типа.

3. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ докладъ: „Замѣтка о крашенныхъ скелетахъ“.

Курганы съ окрашенными костями встрѣчены уже въ значительномъ количествѣ на весьма обширномъ пространствѣ, именно въ границахъ Бессарабіи, Новороссіи, Кіевской и Полтавской губ. и Кубанской области. Находки предметовъ въ нихъ самыя незначительныя: глиняные горшки, каменные орудія и слѣды бронзы. Скелеты лежатъ на спинѣ, а часто также на боку, съ нѣсколькими поджатыми ногами. Окрашенъ бываетъ не весь костякъ, а лишь черепъ, первые шейные позвонки и частью ключицы, а также кости рукъ и ногъ. Мнѣніе о томъ, что кости окрашивались уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, проф. Антоновичъ признаетъ вполне недопустимымъ и высказалъ съ своей стороны предположеніе, что трупы при погребеніи въ курганѣ покрывались поверхъ одежды толстымъ слоемъ охры, которою и окрашивались части скелета, не покрытыя одеждой и обнажившіяся при разложеніи трупа прежде другихъ. Предположеніе это основывается между прочимъ на любопытной находкѣ въ одномъ курганѣ окрашенныхъ сверху наглазницъ.

По поводу реферата проф. Антоновича А. И. Маркевичъ сообщилъ, что въ недавнихъ раскопкахъ г. Скадовскаго встрѣтился довольно большой, но низкій курганъ съ тремя окрашенными костяками, изъ которыхъ одинъ, дѣтскій, былъ покрытъ краскою весьма густо и замѣчательно ровно. Внутри кургана оказалась большая каменная кладка. Костяки лежали головою на сѣверъ; вещей при нихъ, кромѣ глиняныхъ горшковъ, никакихъ не найдено. Весьма любопытнымъ представляется то обстоятельство, что въ насыпи кургана найдено огромное количество кусковъ охры, въ величину большаго орѣха, расположенныхъ гнѣздами.

Д. Н. Анучинъ, убѣдившись помощью переспроса, что В. Б. Антоновичъ не находилъ слѣдовъ цѣлаго краснаго слоя въ курганахъ съ окрашенными костями, въ видѣ особой подстилки подъ трупомъ, напомнилъ о раскопкахъ г. Витковскимъ въ долинѣ р. Ангары могилъ каменнаго вѣка, обнаружившихъ красныя прослойки во всю ширину погребенія, и объ обычаѣ, наблюдаемомъ до сихъ поръ у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, отыскивать для погребенія покойника мѣсто съ глиною опредѣленнаго цвѣта въ почвѣ.

Для рѣшенія вопроса объ окрашиваніи костей проф. Анучинъ считалъ бы не излишнимъ сдѣлать опытъ надъ какимъ-нибудь животнымъ. На положительное утвержденіе Д. Н. Анучина и А. И. Маркевича, что кости въ курганахъ встрѣчаются окрашенными сплошь, со всѣхъ сторонъ, а не сверху

только, референтъ отвѣтилъ, что онъ наблюдалъ лишь легкую окраску въ видѣ полосъ. Н. И. Веселовскій, резюмируя результаты своихъ раскопокъ 1887—1893 гг. въ курганахъ съ окрашенными костями, составляющихъ въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ преобладающую массу кургановъ, сообщилъ, что ему приходилось вообще наблюдать сплошную окраску всего костяка и что подстилка изъ слоя охры въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ — самое обычное явленіе. Часто охра лежитъ въ видѣ бруска у изголовья, и въ такихъ случаяхъ бываетъ окрашена лишь часть черепа. Несомнѣнныхъ признаковъ насыпанія или наложенія поверхъ трупа слоя охры проф. Веселовскій не наблюдалъ. Изрѣдка, въ очень незначительномъ количествѣ, въ курганахъ съ окрашенными костями встрѣчаются вещи изъ бронзы. Г. А. Хойновскій сообщилъ, что при своихъ раскопкахъ онъ не замѣчалъ слѣдовъ подстилки подъ скелетами изъ охры, которая чаще всего лежала комьями въ головахъ покойника (иногда даже въ горшечкѣ). Г. Хойновскій полагаетъ, что курганы съ окрашенными костями принадлежатъ людямъ первобытной культуры, носившимъ одежды изъ мѣха, который они имѣли обыкновеніе окрашивать охрою, равно какъ лицо и волосы.

4. И. А. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе: „О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ“, въ которомъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на характеристикѣ расположенныхъ около Глинска (Полтавской губ.) кургановъ, ближе всего подходящихъ по типу къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ. По находкамъ въ этихъ курганахъ референтъ считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что они принадлежатъ не славянамъ, а какому-то кочевому племени, быть можетъ половцамъ.

Возражая на такое заключеніе, А. А. Спицынъ выразилъ сожалѣніе, что члены Съѣзда лишены возможности непосредственно ознакомиться съ коллекціей предметовъ, добытыхъ изъ раскопанныхъ г. Линниченко кургановъ, и утверждалъ, что предметы, указанные докладчикомъ въ качествѣ присущихъ только курганамъ этой мѣстности, именно мѣдныя спирали и головные обручи, встрѣчены какъ въ курганахъ несомнѣнно славянскихъ, такъ и въ кладахъ со славянскими вещами.

Заключительное собраніе 14 августа въ 2 часа дня.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.—Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. М. С. Корелинъ прочелъ докладъ: „Первые шаги классической археологіи“. — Отмѣтивъ важность и значеніе исторіи классической археологіи, референтъ охарактеризовалъ ея направленія за первое столѣтіе ея существованія, начиная съ первой половины XIV вѣка, въ связи съ господствовавшими тогда общественными теченіями. Изъ отношенія къ древности въ эпоху Возрожденія вытекъ самый ранній взглядъ на монументальные памятники античной старины, какъ на средство патріотическаго одушевленія и полити-

ческой пропаганды. Представителями этого направленія являются Петрарка въ своей перепискѣ и Сирійскомъ путеводителѣ и преимущественно Коляди Ріенцо, авторъ самаго ранняго описанія римскихъ достопримѣчательностей и первый собиратель надписей въ новое время. Въ XV вѣкѣ точка зрѣнія мѣняется. Подъ вліяніемъ взгляда на науку, какъ на средство моральнаго воспитанія, такое же значеніе приписываютъ памятникамъ античной старины. Главнымъ выразителемъ этого воззрѣнія является Поджіо въ своемъ трактатѣ „De varietate fortunae“. Съ XV-го же столѣтія на почвѣ всеобщаго увлеченія классической древностью появляются первые научные труды въ этой области. Извѣстный собиратель Чиріако де Пицциколи д'Анкона впервые воспользовался монументальными памятниками, какъ историческимъ источникомъ, въ своей работѣ о знатныхъ римскихъ фамиліяхъ, а Пьетро Кандидо Дечембріо въ неизданной трилогіи „Peregrina historia“ составилъ первое сочиненіе по римскимъ государственнымъ древностямъ: De muneribus reipublicae, и сдѣлалъ попытку поставить въ связь науку о древностяхъ съ другими науками.

2. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: „Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ“. — Историки Литвы и Вильны, какъ польскіе, начиная съ Крашевскаго, такъ и русскіе (Д. И. Иловайскій и новѣйшій изслѣдователь виленской топографіи Ю. О. Крачковскій), признаютъ существованіе въ Вильнѣ въ XIV вѣкѣ двухъ замковъ: верхняго и нижняго. Первый изъ нихъ находился на нынѣшней Замковой горѣ, и развалины его существуютъ и доселѣ; второй лежалъ подъ горой, охватывая мѣстность отъ кафедральнаго костела св. Станислава и до костела св. Анны. Къ этому нижнему замку и приурочиваютъ изслѣдователи названіе „Кривой замокъ“, сохраненное въ нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Референтъ долго и самъ раздѣлялъ это воззрѣніе; но изученіе источниковъ, свидѣтельствующихъ объ осадѣ Вильны крестоносцами въ 1390 и 1394 годахъ, привело его къ иному взгляду. О походахъ крестоносцевъ подъ Вильну есть у насъ цѣлый рядъ современныхъ свидѣтельствъ. Таковы: 1) подлинныя донесенія, отчеты и посланія магистровъ ордена; 2) анналы Торнскія, Іоанна Позильгенскаго и Виганда Марбургскаго; 3) документы, относящіеся къ препирательству между рыцарями и польскимъ правительствомъ на Констанцскомъ соборѣ; 4) счетная книга Генриха IV Ланкастерскаго, который былъ среди крестоносцевъ подъ Вильной съ апрѣля 1390 года и по май 1391 года съ 300 рыцарями, и наконецъ, 5) сюда можно присоединить Длугоша, хотя въ этомъ послѣднемъ источникѣ многое перепутано и смѣшаны факты первой и второй осады. Изъ сопоставленія свидѣтельствъ перечисленныхъ источниковъ оказывается, что крестоносцы въ первую осаду взяли *деревянный* замокъ, при взятіи котораго и былъ убитъ командовавшій тамъ братъ короля Ягайлы, Каригаило. Въ Lites и у Длугоша взятый замокъ называется castellum curvum, въ Торнскихъ анналахъ — non muratum, у Іоанна Позильгенскаго — верхній (das obirste Hus), у Виганда Марбургскаго, въ описаніи осады 1394 года, сообщается между

прочимъ, что осажденные сдѣлали вылазку и расположились на мѣстѣ древняго верхняго замка (*in loco antiqui castris in monte*); наконецъ, въ счетной книгѣ Генриха IV сообщается о суммѣ, уплаченной въ награду за труды при взятіи замка инженерамъ и минерамъ. И такъ, замокъ, взятый въ 1390 году крестоносцами, былъ деревянный, стоялъ на возвышенности и былъ по своему времени достаточно укрѣпленъ, если для его взятія нужна была помощь и искусство инженеровъ. Этому деревянному замку, который и носить названіе Криваго, противопоставляются два другіе, окруженные каменными стѣнами, которыхъ не удалось взять крестоносцамъ, несмотря на продолжительную осаду. И такъ, общепринятое отождествленіе Криваго замка съ нижнимъ есть ошибка изслѣдователей виленской старины. — Возникаетъ вопросъ: гдѣ же находился этотъ третій виленскій замокъ, взятый и разрушенный рыцарями въ первую осаду Вильны? Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаніяхъ о существованіи подземнаго хода съ Бакшты на Замковую гору, референтъ высказалъ предположеніе, что на Бакштѣ и слѣдуетъ искать мѣсто Криваго замка. Окончательное рѣшеніе вопроса проф. Васильевскій предоставлялъ мѣстнымъ изслѣдователямъ, которые могутъ располагать болѣе обильными и разнообразными средствами для топографическихъ разысканій.

По поводу этого сообщенія Н. И. Петровъ высказалъ нѣсколько соображеній на счетъ возможности опредѣлять хронологію построекъ путемъ измѣренія размѣра кирпичей, изъ которыхъ сложено зданіе. Попадавшіеся ему кирпичи въ Ботаническомъ саду заставляютъ предполагать, что сооруженіе замка на горѣ относится къ XIV вѣку.

3. Н. О. Бѣляшевскій обратился отъ имени Московскаго Нумизматическаго Общества къ Съѣзду съ просьбой доставлять точныя свѣдѣнія о находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ монетныхъ кладахъ. Желая содѣйствовать выясненію вопроса о топографическомъ распредѣленіи монетныхъ кладовъ, Общество заготовило бланки для такихъ сообщеній и надѣется путемъ собранія въ одинъ центръ подобнаго рода свѣдѣній и своевременной ихъ публикаціи содѣйствовать развитію нумизматическихъ свѣдѣній въ предѣлахъ Россіи.

4. Предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, проф. О. И. Успенскій, прочелъ отчетъ объ ученой дѣятельности Съѣзда. Представивъ перечисленіе рефератовъ по группамъ, онъ сдѣлалъ общую характеристику направленія, взаимной связи и значенія заслушанныхъ на Съѣздѣ ученыхъ сообщеній и закончилъ отчетъ общимъ обзоромъ состоявшей при Съѣздѣ археологической выставки.

5. Предсѣдатель Съѣзда, графиня П. С. Уварова, обратилась къ собранію съ заключительнымъ словомъ:

Ни одинъ Съѣздъ не возбуждалъ такъ много толковъ, переговоровъ и докладовъ, какъ нынѣ, заканчивающій свою дѣятельность, IX археологическій Съѣздъ. Ни одинъ Съѣздъ не возбуждалъ такъ много опасеній, ни объ одномъ не распространялось такъ много рассказовъ, предположеній и проч.

Основаніемъ для этихъ слуховъ, страховъ и опасеній послужило то, что а) филиальныя отдѣленія комитета въ многихъ городахъ края не могли основаться, б) описаніе церквей и костеловъ не сдѣланы, в) содѣйствіе со стороны славянскихъ музеевъ не достигнуто, г) мѣстныхъ коллекцій края не доставлено и д) къ работамъ Съѣзда многіе относились съ недовѣріемъ.

Но Съѣздъ однако состоялся, собрался въ назначенное время и оказался очень многолюднымъ (пріѣхавшихъ 161 и всѣхъ членовъ 411). Съ первыхъ засѣданій замѣтно было расположеніе публики, посѣщавшей засѣданія весьма послѣдовательно и доброжелательно. На Съѣздъ пріѣхали посѣтители прежнихъ Съѣздовъ — корифеи археологической науки, многіе ученые привезли изъ разныхъ мѣстъ имперіи свои доклады и предложенія, въ публикѣ замѣчались представители мѣстной интеллигенціи, прислушивающіеся и присматривающіеся къ трудамъ болѣе заслуженныхъ археологовъ съ очевидною цѣлью впоследствии заполнять ихъ ряды. Явились на Съѣздъ многіе почтенные священники, принявшіе живое участіе въ засѣданіяхъ Съѣзда. Такое общеніе мѣстнаго духовенства съ людьми археологической науки принесетъ пользу серіозному, научному изученію древностей края и дастъ возможность включить въ труды Съѣзда описаніе мѣстныхъ церквей, замковъ и проч. Хотя католическое духовенство и отсутствовало на Съѣздѣ, но мѣстный епископъ обѣщаль доставить московскому археологическому Обществу описаніе костеловъ.

И такъ, Съѣздъ состоялся, посѣщался и велъ свое дѣло серіозно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ докладъ предсѣдателя ученаго комитета О. И. Успенскаго.

Если не произвело никакого внѣшняго смятенія заявленіе проф. Успенскаго о германскомъ происхожденіи славянъ, послѣ того какъ проф. Мѣржинскій развѣнчалъ Криве, а проф. Беценбергеръ сдѣлалъ предложеніе, что не русскіе, а литовцы сидятъ въ мѣстномъ краѣ уже болѣе 7000 лѣтъ, то археологическіе Съѣзды могутъ впередъ быть увѣрены въ доброжелательности и чистотѣ ихъ намѣреній и никакихъ сомнѣній въ этомъ больше быть не можетъ.

Милости Царскія оказанныя виленскому Съѣзду, и посѣщеніе его Ихъ Императорскими Высочествами достаточно свидѣтельствуютъ о расположеніи Державнаго Повелителя земли Русской къ археологическимъ Съѣздамъ вообще и къ представителямъ русской науки въ частности.

Будущій очередной Съѣздъ 1896 г. назначенъ въ г. Ригѣ, при чемъ почетное предсѣдательство будущаго Съѣзда, по просьбѣ совѣта Съѣзда, изволилъ принять Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ. Императорскому московскому археологическому Обществу поручено испросить Высочайшее соизволеніе на созваніе предварительнаго комитета въ январѣ будущаго 1894 г. (отъ 4-го по 7-е января).

Печатаніе трудовъ Съѣзда въ виду совершенно обезнеченныхъ на это средствъ будетъ произведено московскимъ археологическимъ Обществомъ въ самомъ скоромъ времени, если только будутъ доставлены своевременно

докладчиками ихъ рефераты. Въ трудахъ Съезда будетъ отведенъ особый отдѣлъ для описанія мѣстныхъ памятниковъ старины. Въ трудахъ будутъ напечатаны всѣ рефераты, доставленные Съезду, но не прочитанные за недостаткомъ времени.

Совѣтъ Съезда постановилъ; а) просить предварительный комитетъ будущаго X Съезда выработать правила сохраненія древнихъ памятниковъ на Руси и болѣе научнаго обследованія ихъ и б) просить владѣтельница древней Ольвии графиню Мусину-Пушкину о разрѣшеніи одесскому Обществу Исторіи и Древностей заняться систематическимъ изученіемъ Ольвии. Мѣстные ученые и изслѣдователи, какъ Сѣверо такъ и Юго-Западнаго края, высказываютъ желаніе основать въ Вильнѣ археологическое Общество, которое имѣло бы задачей послѣдовательное и научное разслѣдованіе древняго края. Мысль эта принята съ полнымъ сочувствіемъ и надъ выполненіемъ ея будетъ идти усердная работа.

Но, какъ ни хорошо было въ Вильнѣ, какъ ни внимательны и добры были къ Съезду жители и власти, но настала минута разстаться.

Затѣмъ, графиня Уварова выразила отъ лица всего Съезда искреннюю благодарность за любезность, за пріемъ и привѣтъ и за всѣ ихъ хлопоты: г. генераль-губернатору П. В. Оржевскому, его предупредительной и любезной супругѣ Натальѣ Ивановнѣ, господину попечителю Н. А. Сергіевскому, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившему за обсужденіями Съезда, г. губернатору барону Н. А. Гревеницу, городскому головѣ, представителямъ города, господамъ директорамъ: Яхонтову, Бржезинскому и Богоявленскому. Особую благодарность графиня Уварова выразила предсѣдателю ученаго комитета Ѳ. И. Успенскому.

Рѣчь свою графиня Уварова закончила такъ:

„Имѣю счастье заявить, что Почетный Предсѣдатель Съезда, Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ, покидая Вильну, заявилъ мнѣ, что Его Высочеству угодно также прибавить и свою денежную лепту къ уже дарованнымъ Высочайше суммамъ на изданіе трудовъ Съезда. Я выражаю желаніе, чтобы наши засѣданія были закрыты единодушнымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя мы всѣ испытываемъ къ нашему Августѣйшему Почетному Предсѣдателю и Покровителю и что бы мнѣ разрѣшено было отправить немедленно Его Высочеству депешу съ выраженіями этихъ чувствъ. Покидая же кафедру, позвольте мнѣ лично благодарить не только всѣхъ членовъ Съезда, но даже и публику, присутствовавшую на нашихъ засѣданіяхъ, за ихъ сердечное и любезное къ намъ отношеніе. Благодарю не только какъ предсѣдательница, но и въ особенности какъ женщина, умѣющая чувствовать и цѣнить подобныя дружескія отношенія“.

6. Г. попечитель округа, Н. А. Сергіевскій, объявилъ о закрытіи Съезда и высказалъ сердечную признательность его участникамъ.

IV

Библиографія.

Труды Виленскаго отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археологическаго Съезда. Вильна. 1893 года. (I—XI+170+371+104).

Вышедшій къ Съѣзду томъ „Трудовъ“ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) Протоколовъ засѣданій предварительнаго комитета и приложеній къ нимъ, заключающихъ замѣтки о раскопкахъ гг. Авенариуса и Романова, небольшое изслѣдованіе Ѳ. В. Покровскаго о „налучныхъ кольцахъ“, мелкія археологическія замѣтки г. Шулицкаго, нѣсколько археологическихъ экскурсій по теченію рѣкъ Виленской губ. и т. п. 2) Заключаетъ изслѣдованія, между ними довольно обширное объясненіе Ѳ. В. Покровскаго къ археологической картѣ Виленской губерніи. Въ числѣ изслѣдованій напечатана г. Веревкинымъ „Записка объ археологическихъ памятникахъ Витебской губ.“ (могилы, курганы, кресты и т. д.), составленная по документамъ витебскаго центрального архива. Покойнымъ предсѣдателемъ Комитета ген. А. П. Тыртовымъ напечатано нѣсколько отвѣтовъ на запросы, предложенные Съѣзду (съ прил. плана окрестностей древняго полотскаго города Герсике). Затѣмъ—древніе народные копные суды въ сѣверо-западной окраинѣ Россіи, И. Спрогиса; „Кн. Ѳедоръ Ольгердовичъ и его потомки“, А. Лонгинова; „Родственные связи русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ“, его-же; „значеніе Литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси“, З. Ляцкаго; „Коложская Борисоглѣбская церковь въ г. Гроднѣ“, В. Грязнова (съ планомъ и таблицей рельефныхъ знаковъ на древнихъ кирпичахъ Коложской церкви)—и др. Последний отдѣлъ содержитъ матеріалы для библиографіи Западнаго края въ историко-археологическомъ отношеніи.

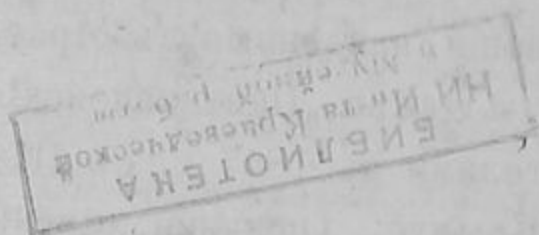
Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 году. Вильна. 1893 года (122 стр.).

Прекрасный обычай устраивать при Съѣздахъ археологическую выставку, введенный впервые, кажется, на Одесскомъ Съѣздѣ, былъ также примѣненъ и въ Вильнѣ. Наглядность во всякой отрасли знанія, а въ особенности въ археологіи, въ высшей степени важна, такъ какъ публика не менѣе поучается,

разсматривая остатки прежней культуры на самих памятниках, какъ и слушая спеціальныя доклады о нихъ, которые не всегда могутъ быть ей доступны, поэтому толковое объясненіе выставки путемъ разсказа (что и практиковалось въ Москвѣ) или понятное, общедоступное описаніе хотя наиболѣе выдающихся древностей весьма желательны. Къ сожалѣнію послѣдняго достигнуть трудно, вѣдѣствіе того, что выставка составляется передъ самымъ Съѣздомъ, и потому нѣтъ возможности успѣть приготовить популярно-научнаго объясненія, и приходится ограничиваться простымъ перечисленіемъ предметовъ. Описаніе предметовъ выставки Виленскаго Съѣзда сдѣлано, повидимому, не подъ одною общею редакціею, а по описаніяхъ, сообщеннымъ экспонентами — различными учрежденіями и лицами, поэтому нѣкоторые отдѣлы представляютъ только сухой перечень безъ малѣйшаго описанія. Курганныя древности Западнаго края представлены Археологической Коммиссіею, приславшей предметы изъ Люцинскаго могильника Витебск. губ. и изъ другихъ мѣстностей той-же губ. Ею-же присланы предметы изъ могильника близъ гор. Бауске, Курляндск. губ., изъ разныхъ мѣстъ Виленской, Сувалкской губ., образцы (типы) предметовъ изъ кургановъ древлянскихъ, дреговическихъ, Смоленск., Черниговск. и Петербургск. губ. — Могилевскій историко-этнографическій музей выставилъ рядъ курганныхъ древностей, раскопокъ гг. Фурсова и Чоловскаго, нѣсколько церковныхъ вещей, рукописное Евангеліе XV в., нѣсколько другихъ рукописей и цѣлый рядъ брошюръ, фотографій и плановъ, относящихся до Могилевской губ. Курганныя древности Виленской, Курляндской, Ковенской и Гродненской губ. также представлены гг. Вольтеромъ, Шукевичемъ“, (Лидскій уѣздъ), Ѳ. В. Покровскимъ, Шмитомъ (Альтъ-Раденскій могильникъ), Ковенскимъ Статист. Ком. и Авенариусомъ (Дроги чинъ). Минская губ. представлена г. Цыбышевымъ. Западно-русская палеографія представлена собраніемъ снимковъ съ рукописныхъ церковныхъ книгъ, собран. на Волыни г. Бугославскимъ (50 №№). Г. Хойновскій изъ Кіева выставилъ разнородныя предметы своего музея, между прочимъ отдѣлъ классической его собранія носитъ слѣдующее заглавіе: „Археологическія древности греческихъ колоній, найденныя въ странѣ Скифовъ Южной Россіи, до занятія ея Сарматами“ и далѣе „Пантикапейскія древности изъ Митридатовой горы, найденныя жителями въ 1857 г. съ III-го ст. до Р. Х. на мѣстѣ, гдѣ теперь г. Керчь, въ Крыму“. Описаніе, древностей сарматскихъ, христіанскихъ (найденныхъ на мѣстахъ дворцовъ Кіевскихъ князей) и проч., и проч. изъ музея Хойновскаго, сдѣланное, очевидно, самимъ авторомъ, имѣетъ достоинство недавно вышедшаго его труда (см. выше стр. 186). Г. Татуръ выставилъ мѣстныя бытовыя вещи, г. Стадольскій предметы каменнаго и металлическаго вѣковъ (безъ опредѣленія мѣста), гр. Платеръ — предметы каменнаго вѣка, находки въ имѣніи Шекшни, Ковенск. губ. (бронз. обручи, кольца и т. п.), и рядъ вещей безъ опредѣленія мѣста находки. Библіотека Главнаго Штаба доставила рукописи XVI—XVIII ст. (10 №№), относящихся до Зап. края. Г. Морачевскій — каменные и желѣзные топоры и др. предметы

изъ Виленск. губ. (20 №№). Г. Грязновъ—фотографіи и рисунки виленскихъ древностей и друг. предметы. Проф. Пичъ (изъ Праги) доставилъ 9 рисунковъ, представляющихъ различные способы погребеній въ разныя эпохи Чешской исторіи—отъ древнѣйшихъ временъ до утвержденія христіанства. Донской музей доставилъ: 10 таблицъ съ древностями, найденными по р.р. Хопру, Медвѣдицѣ, Дону (каменные предметы, бронзовые топоры, долота, кинжалы, стрѣлы, зеркала, нѣсколько серебр. и золот. вещей и т. д.); предметы изъ Цымлянскаго городища, фотографіи съ надписей, найденныхъ въ Танаидѣ (уже изданныхъ) и др. древности.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь В. Трутовскій.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составляютъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныя газеты).

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

ИЗДАВЛЯЕМА

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА

А. В. ОРЪШНИКОВА.

№ 11

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1893

ИЗДАВАННЫЯ
НА ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ

I

1945.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

58

Опричный дворецъ царя Ивана Васильевича.

Учреждая свою знаменитую Опричнину, вознамѣрившись жить особнякомъ, въ полной независимости отъ старозавѣтныхъ преданій и порядковъ боярской среды и съ полною волею свирѣпаго самодержавія, царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ и самое свое жилище устроить тоже особнякомъ, подальше отъ старыхъ палатъ своего дѣда и отца, гдѣ и бояре (въ родѣ кн. Курбскаго) и духовныя власти (каковъ былъ св. митрополитъ Филиппъ), весь старый синклитъ столько стѣснялъ и тревожилъ его непомѣрное царское самовластіе, стѣснялъ и тревожилъ нравственнымъ, хотя бы и молчаливымъ укоромъ, что такъ не дѣлалось, такъ не водилось въ старой Москвѣ.

Духовная власть и бояре въ самыя трудныя времена татарскаго ига съ торжествомъ вынесли на своихъ плечахъ всю скорбную исторію старой Москвы и изъ рядового княжества создали государство. По существу дѣла народившійся въ Москвѣ *государь* былъ ихъ созданиемъ, ихъ воспитанникомъ, а потому, какъ родители, творцы новаго истори-

ческаго явленія, они хранили въ своемъ сознаніи право наблюдать за своимъ ребенкомъ, указывать ему какъ должно вести общее дѣло, какъ должно охранять старыя Московскіе завѣты.

Но ребенокъ возмужалъ въ идеяхъ государя-самодержца и по характеру времени, какъ и по собственному характеру не могъ иначе растолковать себѣ свое призваніе какъ подъ видомъ полнѣйшаго безпрекословнаго самовластія. Идея государства воплотилась въ личность со всѣми достоинствами и еще болѣе со всѣми недостатками и слабостями живой человѣческой личности.

Синклить, то есть вся правящая и владѣющая власть въ государствѣ, вся государева Дума не въ силахъ была понять такого поворота въ мысляхъ и побужденіяхъ государя, какъ и государь не могъ понять непререкаемаго доселѣ права Думы думать о государственныхъ дѣлахъ за одно съ государемъ, направлять его намѣренія по своимъ разсужденіямъ и обсужденіямъ. А въ этомъ именно и сохранялся старый завѣтъ Московскаго бытія, вся старая исторія Москвы.

Грозный царь, хорошо изучившій теорію царскаго самовластія по древнимъ книгамъ, по писанію, вынесшій изъ этихъ книгъ глубокое убѣжденіе въ своей полной самостоятельности и независимости, въ полной неприкосновенности отъ какихъ бы то ни было совѣтовъ и указаній или вообще ограниченій своей воли и власти, рѣшилъ совсѣмъ порвать всякую связь съ Московскою стариною. Онъ возненавидѣлъ боярское государство и всенародно объявилъ свою опалу на все тогдашнее такъ называемое правительство, на бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, обвиняя ихъ во всѣхъ преступленіяхъ, создавшихъ государственное нестройство, а больше всего въ угнетеніи крестьянства, въ расхищеніи казны и государственныхъ земель, въ полномъ нерадѣніи о защитѣ государства отъ иновѣрныхъ враговъ. Онъ объявилъ себя ратоборцемъ именно за угнетенный боярами народъ, а потому къ гостямъ, купцамъ и ко всему православному крестьянству прислалъ особую грамоту, велѣлъ ту грамоту передъ всѣми людьми прочесть, а въ ней писалъ, чтобы „они себѣ нѣкотораго сумнѣнія не держали, гнѣву на нихъ и опалы нѣторья нѣтъ“. Заботливо выдѣляя изъ опалы православный народъ, онъ возложилъ вину и на духовную власть въ томъ, что архіепископы и епископы, сложась съ боярами и приказными людьми стали покрывать виновныхъ своимъ заступленіемъ.... похочеть онъ кого виноватыхъ понаказати и посмирити, а они за нихъ же заступаються... Онъ, такимъ образомъ, объявлялъ опалу всему старозавѣтному порядку государевой жизни, проходившей въ тѣсной нравственной зависимости отъ старой исторической силы Москвы, отъ Думы боярства и духовенства.

Въ великой жалости сердца отъ такихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ боярскаго государства онъ порѣшилъ уйти изъ этого государства и основать свое особое, *опричное государево государство*, а для того порѣшилъ и поселиться въ иномъ мѣстѣ, какъ Богъ его наставитъ и какъ Богъ ему укажетъ.

Съ этою цѣлью онъ отдѣлилъ въ Опричнину не только многіе города и волости, но также и нѣкоторыя улицы Москвы, весь юго-западный уголь тогдашняго городского населенія, начиная отъ Москвырѣки, Остоженку, Пречистенку, Арбатъ и по Никитскую, тотъ именно уголь, гдѣ издревле помѣщались различныя хозяйственныя и служебныя заведенія царскаго дворца.

Въ самомъ Кремлѣ онъ тоже хотѣлъ обособиться отдѣльнымъ своимъ *опричнымъ* дворцомъ, для постройки котораго избрана была мѣстность вдали отъ большихъ пріемныхъ палатъ, на заднемъ государевомъ дворѣ, гдѣ теперь стоятъ такъ называемые Кавалерскіе корпуса и казармы, между дворцовою церковью Рождества Богородицы и Кремлевскими Троицкими воротами. „На дворъ же свой и своей царицѣ дворъ повелѣ мѣсто чистити, гдѣ были хоромы царицы, позади Рожества Пречистые и Лазаря св., и погребы и ледники и поварни всѣ и по Куретные (дворцовыя) ворота, также и княже Володимерова двора Андреевича мѣсто (гдѣ теперь стоитъ царь-пушка) принялъ, и митрополича мѣста (возлѣ теперешней церкви Двѣнадцати Апостоловъ)“.

Всѣ эти рѣшенія происходили зимою 1565 г. въ январѣ, и пока собирались очищать упомянутую мѣстность, на ней 1 февраля случился пожаръ, опустошившій именно тѣ дворы, кн. Владиміра Андреевича и митрополичій (отчасти), которые были назначены подъ постройку Опричнаго дворца. Мѣстность очистилась, стало быть, и при помощи пожара.

Повидимому, это обстоятельство остановило намѣреніе Грознаго царя поселиться Опричнымъ дворцомъ въ Кремлѣ. Цѣлый годъ прошелъ какъ-бы въ раздумьи и наконецъ на другой уже годъ (1566) весною онъ порѣшилъ выселиться изъ Кремля совсѣмъ за городъ, и „повелѣлъ дворъ себѣ ставить за городомъ, за Неглинною, межъ Арбацкіе улицы и Никитцкіе, *отъ полого мѣста*, гдѣ церкви Великомученикъ Христовъ Дмитрей да храмъ святыхъ Апостоль Петра и Павла, и ограду камену вокругъ добру повелѣ сдѣлати“.

Другой лѣтописецъ о постройкѣ этого Опричнаго дворца записалъ слѣдующее: „Царь и В. К. (въ 1565 г.) учинилъ Опричнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на кн. Михайловской дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ

дворѣ хоромы строити царскія и ограду учинити, и все строеніе новое ставить, городъ (ограду) и дворъ свой“....¹⁾.

Года за два передъ тѣмъ временемъ, 18 апрѣля 1564 г., эта мѣстность также была опустошена пожаромъ. Въ тотъ день „загорѣся за Неглинною на Воздвиженской улицѣ княже Семеновъ дворъ Палецкаго, и сгорѣла церковь великій мученикъ Дмитрей, да дворъ князь Михайловъ Темрюковича²⁾ и иныхъ, всего девять дворовъ да пять келей“.

Несомнѣнно, что и хоромы Темрюковича, и церковь св. Димитрія, какъ и другіе погорѣвшіе дворы послѣ пожара вновь были выстроены на старыхъ мѣстахъ, но пожаръ могъ обозначить просторную мѣстность, которую грозный царь и избралъ для постройки своего дворца.

Дворецъ строился все лѣто и осень 1566 года. Зимой онъ былъ готовъ и 12 генваря 1567 г. государь переселился въ него на житье. Онъ жилъ тамъ до 3 феврала, когда отправился въ далекій объѣздъ, сначала къ Троицѣ въ монастырь, потомъ въ Вологду и дальше въ Кириловъ монастырь, возвратившись въ Москву 29 іюня. Однако съ того времени онъ постоянно началъ жить съ своею Опричиною въ Александровой Слободѣ и въ Москву пріѣзжалъ изрѣдка на короткое время. Должно полагать, что во время такихъ пріѣздовъ царь останавливался въ своемъ Опричномъ дворцѣ.

Гдѣ же находился этотъ достопамятный дворецъ?

Для опредѣленія его мѣстности необходимо указать мѣста упомянутыхъ двухъ церквей, вмч. Димитрія и Петра и Павла.

О послѣдней церкви не находимъ никакихъ свидѣтельствъ въ записяхъ послѣдующаго времени, но первая вмч. Димитрія Солунскаго въ началѣ деревянная, а потомъ каменная существовала до начала нынѣшняго столѣтія и находилась въ XVII ст. въ первомъ тупикѣ улицы Воздвиженки, идя отъ Кремля по правой сторонѣ, тамъ, гдѣ теперь находится отдѣльный домъ и дворъ графа А. Д. Шереметева, возлѣ его же большаго дома, въ которомъ недавно помѣщалась наша Городская Дума.

Такимъ образомъ мѣстность Опричнаго дворца мы должны отыскивать гдѣ-либо вблизи этой церкви.

¹⁾ Карамзинъ. И. Г. Р. IX, пр. 138.

²⁾ Князь Мих. Темрюковичъ Черкасскій (Салтанъ Мурза), сынъ князя Темрюка Цитигорскихъ Черкасъ выѣхалъ въ Москву изъ Кабарды въ 1554 г. Государь помѣстилъ его „жити у себя во дворѣ и крестить его велѣлъ и нарекли ему имя князь Михайло и велѣлъ государь его грамотъ учить“. Въ 1561 г. Грозный вторымъ бракомъ женился на его сестрѣ Марьѣ Темрюковнѣ.

Указаніе лѣтописи, что дворець былъ построенъ *между* улицами Арбатскою и Никитскою, даетъ основаніе отыскивать его мѣстность или на углу Воздвиженки и Моховой, гдѣ существуетъ теперь въ обширномъ зданіи гостинница Петергофъ (домъ Скворцовыхъ) или на углу той же Моховой и Никитской, гдѣ находится новое зданіе университета. Но послѣдняя мѣстность, выходя на Никитскую, была бы и лѣтописцемъ прямо обозначена, что дворець выстроенъ былъ на Никитской улицѣ, между тѣмъ лѣтописецъ прямо указываетъ, что дворець находился на Воздвиженкѣ.

Угловое мѣсто гостинницы Петергофъ также не можетъ подходить подъ мѣстность Опричнаго дворца по той причинѣ, что оно слишкомъ незначительно по своему пространству для стариннаго дворцоваго размѣщенія, во всякомъ случаѣ требовавшаго болѣе обширной площади.

По обширности такой площади очень могъ бы подходить къ мѣсту Опричнаго дворца домъ и широкій дворъ графа Шереметева, вблизи, почти на самой межѣ котораго стояла и церковь св. Димитрія, если бы лѣтописецъ не обозначилъ точно, что дворець занялъ мѣстность отъ *полага мѣста*, то есть отъ площади, существовавшей между р. Неглинною и улицею Воздвиженкою. Это покое мѣсто, во избѣжаніе пожаровъ, устроилъ еще въ 1493 г. дѣдъ Грознаго В. К. Иванъ Вас., опредѣливъ здѣсь разстояніе отъ Кремлевской стѣны на 110 саж., именно для полага мѣста, для чего были снесены не только жилецкіе дворы, но и самыя церкви.

Обширная мѣстность дома графа Шереметева въ началѣ XVII ст. принадлежала боярамъ Ивану Никитичу, а потомъ его сыну Никитѣ Ив. Романовымъ, родственникамъ Грознаго царя и царя Михаила Ѳеодоровича. Легко предполагать, что Опричный дворець могъ перейти въ ихъ владѣніе, какъ даръ государей. Но такъ какъ этотъ дворъ стоялъ далеко отъ упомянутаго *полага мѣста*, то подобныя предположенія теряютъ свою основательность ³⁾.

Однако весьма важнымъ указаніемъ на мѣстность Опричнаго Дворца можетъ служить обозначеніе церкви св. Димитрія, какое изрѣдка присвоивалось ей въ дѣловыхъ записяхъ XVII ст., что она находилась на *старомъ Государевъ Загородномъ Дворѣ*, или просто на *Старомъ Государевъ Дворѣ*. Но въ то время, когда такъ обозначали (въ 1616, — 1629, 1681 гг.) мѣсто этой церкви, около нея не было никакихъ при-

³⁾ Въ XVIII ст. этотъ знаменитый Шереметевскій дворъ съ церковью Знаменія, построенною еще Ив. Никит. Романовымъ, принадлежалъ боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, потомъ его сыну Ивану, дочери Ивана—Екатерины, затѣмъ графу Кириллу Григор. Разумовскому, по женитьбѣ на Екатеринѣ Ив. Нарышкиной.

знаковъ особаго государева двора, кромѣ обширнаго двора боярина Ив. Никит. Романова. Церковь стояла въ тупикѣ, который пролегалъ именно только къ этому двору (нынѣ, какъ упомянуто, домъ гр. А. Д. Шереметева). Съ другой ея стороны, отъ Моховой улицы (нынѣ домъ гг. Скворцовыхъ съ гостинницею Петергофъ) находились дворы Бориса Григорьевича Пушкина, выходившій на Воздвиженку, и рядомъ дворъ боярина и Оружейничаго Григорья Гавр. Пушкина, простиравшіеся до самыхъ алтарей церкви.

Такимъ образомъ, обозначеніе: Старый Загородный Государевъ Дворъ можетъ относиться только къ двору Ив. Никит. Романова, который по принадлежности царской семьѣ Романовыхъ долженъ былъ, при царѣ Михаилѣ Ѳед., обозначаться его собственностью съ именемъ Государева Стараго Двора, подобно тому, какъ обозначался ихъ дворъ у Знаменскаго монастыря — Старый Государевъ *Патріарховъ* дворъ, принадлежавшій Ѳедору (патріарху Филарету) Никитичу Романову, родному брату Ивана Никитича.

И на этомъ дворѣ Иванъ Никитичъ построилъ церковь Знаменія. Въ церковныхъ записяхъ начала XVII ст. она такъ и прозывалась: *строеніе* боярина Ив. Никит. Романова, что у двора Ивана Никит. Романова ⁴⁾.

Есть извѣстіе, по всему вѣроятію относящееся къ этой церкви, что она построена въ 1613 г. (дек.) у *Стараго Государева Двора* ⁵⁾, когда Знаменская церковь на Старомъ Государевомъ Дворѣ, пониже Варварскаго Крестца (Знаменскій монастырь), уже существовала.

Вообще должно полагать, что обозначеніе церкви св. Димитрія на второмъ Загородномъ Государевѣ дворѣ относилось исключительно къ двору Ивана Никит. Романова, и не заключало въ себѣ указанія на Загородный Опричный Дворецъ, остатковъ котораго въ этой мѣстности совсѣмъ не видно.

Какъ бы ни было, но существуетъ еще мѣстность вблизи упомянутой церкви, въ бывшемъ разстояніи 20 сажень отъ ея ограды, заслуживающая столько же вниманія для опредѣленія мѣстоположенія Опричнаго Дворца.

Нельзя миновать въ розысканіяхъ объ этомъ дворцѣ отъ *полага мѣста* другой уголь Воздвиженки и Моховой, занимаемый нынѣ дворомъ и зданіемъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Обширная мѣстность этого теперь архивскаго двора (70 × 70 с.),

⁴⁾ Матеріалы для исторіи и пр. города Москвы, I, 518.

⁵⁾ Чтенія Общ. Истор. и Древн. 1882 г. Кн. I, 14.

вполнѣ можетъ отвѣчать и искомой мѣстности Опричнаго Дворца ⁶⁾). Но при этомъ встрѣчается не малое затрудненіе объяснить слова лѣтописца, что дворець занялъ мѣстность между Арбатскою и Никитскою улицами, то есть, въ кварталѣ *между* этими двумя улицами, Архивъ же находится въ кварталѣ между Знаменкою и Воздвиженкою.

Арбатскою улицею и просто Арбатомъ, а впоследствии Смоленскою улицею въ XVI и XVII ст. прозывалась по преимуществу улица Воздвиженка и самая церковь св. Димитрія до послѣдняго времени обозначалась: *что на Арбатъ*. Дальнѣйшее направленіе этой улицы отъ Арбатскихъ воротъ въ Земляномъ Городѣ то же именовалось Арбатскою улицею, а такъ какъ здѣсь пролегала дорога въ Смоленскъ, то во второй половинѣ XVII ст. обѣ Арбатскія улицы именовались также и Смоленскими, отчего и рынокъ у воротъ Землянаго Города и до сихъ поръ сохраняетъ имя Смоленскаго.

Впрочемъ, именемъ *Арбатъ* въ XVI и XVII ст. прозывалась вся мѣстность Бѣлаго Города, лежавшая между улицами Знаменкою и Никитскою, въ которой Воздвиженка занимала срединное мѣсто, почему, быть можетъ, и сохраняла за собою названіе Арбата по преимуществу. Сосѣдняя мѣстность между Знаменкою и Москвою рѣкою носила также общее прозваніе Черторьи, или Черторья.

До сихъ поръ не рѣшено, откуда взялось это имя *Арбатъ*. Конечно и несомнительно оно имя татарское, такъ точно, какъ нѣкогда толковали имя Кремль словомъ татарскимъ, означавшимъ будто бы *крѣпость*, и Китай то же относили къ словамъ татарскаго происхожденія, что значило будто бы *средній* городъ. Такимъ способомъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ эти имена изданный въ 1792 г. Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ, часть 1, стр. 5 и часть 2, страница 3.

Карамзинъ (IV, пр. 322), встрѣтивши въ лѣтописи наименованіе Московскаго Кремля *Кремникомъ*, съ удовольствіемъ воскликнулъ: „И такъ названіе Кремля не есть татарское и происходитъ отъ кремня“. Стало быть, въ то время никто не сомнѣвался въ татарскомъ происхожденіи этого слова. Такъ точно толковали и прозваніе Арбатъ напр., отъ слова арба, объясняя что Арбатъ собственно слобода мастеровыхъ Колымажнаго Государева двора, находившагося по сосѣдству.

Недавно снова продолжались толкованія слова Арбатъ отъ татарскаго и турецкаго, остановившіяся на томъ, что Арбатъ происходитъ отъ арабскаго *Рибатъ*, по персидскому произношенію *Робатъ*, что значить

⁶⁾ И отъ стѣнъ Кремля она отстоитъ именно на 110 саж., какъ было определено *по лѣтописи*.

странно-пріимный домъ. Турки и татары передѣляли это въ *Арбатъ* или *Арватъ*. Другіе прибавляли, что въ такой передѣлкѣ было бы *Арабатъ* или *Оробатъ*, тоже очень сходное имя. Предлагали также арабское слово *Рубатъ*—кварталь. Въ концѣ концовъ рѣшено было навести въ архивахъ справки не существовалъ ли въ мѣстности Арбата основанный татарами *Робатъ*, т. е. страннопріимный домъ ⁷⁾.

Въ старой Москвѣ, конечно, было не мало татаръ, но они жили только за Москвою-рѣкою на Ордынкахъ и въ Татарскихъ тамошнихъ слободахъ. Въ старой Москвѣ столько же, если не больше, жило и разныхъ иноземцевъ изъ Европы, въ XVI ст. — итальянцевъ, потомъ голландцевъ, нѣмцевъ, а потому, если подыскивать созвучныя слова, то нѣтъ основаній исключать, напр., и латинскій языкъ, въ которомъ находимъ слово *arbutum*—вишня, въ значеніи плода и дерева.

Въ старой Арбатской мѣстности существовали и страннопріимный домъ для объясненія татарско-турецкому происхожденію имени Арбатъ, и обширные сады для объясненія латинскаго его происхожденія. Между улицею Знаменкою и Боровицкимъ мостомъ черезъ Неглинную противъ теперешняго Публичнаго и Румянцовскаго музея въ XVII ст. существовали богадѣльни, даже каменные, которыя въ началѣ назывались *Боровицкими*, а въ послѣдствіи въ XVIII ст. *Тургеневскими*. Въ нихъ по временамъ призрѣвалось около 100 чел. богадѣленныхъ бѣдняковъ.

Существовали также богадѣльни и у Арбатскихъ воротъ при церкви Тихона чуд., какъ и въ другихъ мѣстахъ Арбата. Въ какое время эти богадѣльни основаны, неизвѣстно, но на такихъ перекрестныхъ мѣстахъ онѣ должны были существовать издревле, конечно, не по татарскому замыслу.

Тутъ же, начиная отъ мѣстности этихъ богадѣленъ вверхъ по Неглинной, отъ Знаменки почти до Воздвиженки, по берегу рѣчки, былъ расположенъ обширный дворцовый и при томъ съ наименованіемъ *Аптекарскаго* садъ, гдѣ садоводствомъ руководили аптекаря-нѣмцы разныхъ европейскихъ націй, потому что наша старина прозывала нѣмцами вообще европейцевъ. Какъ извѣстно, аптекаря-садоводы безъ латыни не обходятся въ названіи растеній и деревъ, а потому прозваніе арбутумъ, *arbutum*, или *arbutus* могло отъ нихъ пойти и въ народъ.

Кромѣ того, еще въ началѣ XV ст. за Неглинною существовалъ большой *Тереховъ* садъ, который, какъ особую хозяйственную доходную статью, князья отказывали своимъ наслѣдникамъ по духовному завѣщанію.

⁷⁾ Моск. Вѣд. 1889 г., № 297. Упомянемъ здѣсь кстати Крымскія имена: *Арабитская* стрѣлка и *Арбадокъ*, *Арбутокъ*, приморскій городокъ, взятый нашими войсками во время Крымскаго похода кн. В. В. Голицына.

Въ древней Москвѣ садоводство было распространено повсемѣстно; при каждомъ и маломъ обывательскомъ дворѣ былъ свой садъ или огородъ, а богатые дворы всегда содержали и богатые обширные сады.

Слово Арбатъ въ первое время, какъ оно появилось въ лѣтописи, въ концѣ XV ст., написано было *Орбатъ*, и впоследствии даже и въ XVII ст. точно также весьма часто оно писалось *Орбатъ*.

Этимъ именемъ, главнымъ образомъ, обозначался уголь Бѣлаго города у Арбатскихъ воротъ, гдѣ городское укрѣпленіе въ началѣ земляное и деревянное, а потомъ бѣлокаменное, по случаю протекавшаго здѣсь ручья Черторья, было по необходимости устроено съ значительною кривизною, линия которой впадала у Арбатскихъ воротъ внутрь городской мѣстности.

Эта кривизна явственно обозначается кривымъ направлениемъ Никитскаго бульвара и разстояніемъ стѣнъ Бѣлаго города (нынѣ бульваровъ) отъ стѣнъ кремля, отъ котораго до Никитскихъ воротъ считалось 550 саж., а до Арбатскихъ меньше 400 саж. Стало быть, мѣстность Арбата, изображая кривую линію, уходила внутрь города на 150 саженей.

Въ древнемъ языкѣ находимъ слово: „*горбавство*—кривизна, *горбавство*—рекше *кривость*“.

Можемъ предполагать, что именемъ горбатый въ народномъ понятіи и говорѣ была обозначена существовавшая здѣсь кривость городского укрѣпленія, которое и до постройки каменныхъ стѣнъ (въ 1587—1593 гг.) по необходимости сохраняло эту кривость и въ сооруженіи землянаго вала и деревяннаго острога по направленію ручья Черторья.

Что касается утраты звука *г* въ имени Орбатъ вмѣсто Горбатъ, то этотъ звукъ нерѣдко исчезалъ въ народномъ говорѣ и при другихъ подобныхъ словахъ, вмѣсто *господарь* говорили и писали *осподарь*, вмѣсто *Госпожино говѣнье* (*Успенскій постъ*) *Оспожино говѣнье*, *Оспожинки*, даже *Спожинки*; вмѣсто *господá* (*судная власть*) *осподá* и т. п.

Какъ бы ни было, но въ старину и улица Знаменка обозначалась тоже Арбатовъ. Въ 1608 г., въ перепискѣ городовъ по случаю смутнаго времени, такъ рассказывали о происхожденіи второго самозванца: „которой де воръ называется царемъ Дмитреемъ и тотъ де воръ съ Москвы, съ Арбату, отъ Знаменья Пречистыя изъ-за Конюшенъ, поповъ сынъ Митка...⁸⁾“.

Въ концѣ Знаменки, близъ Арбатскихъ воротъ, существовала церковь Саввы Стратилата съ подворьемъ Саввинскаго монастыря, мѣстность котораго тоже обозначена въ 1559 г. на *Орбатъ*. Существо-

8) Акты Археограф. Экспед. II, 192.

вавшая по другую сторону Арбатскихъ воротъ, среди Кисловскихъ переулковъ, церковь Козмы и Даміана точно также обозначалась въ XVIII ст. что на Арбатѣ, на Ржищѣ.

Такимъ образомъ именемъ Орбатъ прозывалась собственно упомянутая кривость городского укрѣпленія, и лѣтописецъ подъ именемъ Арбатской улицы могъ разумѣть и Знаменку, и Воздвиженку, такъ какъ обѣ улицы направлялись къ той кривости или кривизнѣ. Примѣчательно, что и каменные Арбатскія ворота въ проѣздѣ не были прямыми: въ нихъ вѣзжали съ боку отъ Знаменки и потомъ поворачивали на прямую дорогу.

На Крутицахъ, возлѣ теперешнихъ казармъ, пролегаетъ улица къ берегу Москвы-рѣки, называемая и доселѣ Арбатецъ, не потому ли что она, сходя къ берегу, упирается въ образовавшуюся здѣсь ея кривость въ видѣ небольшого овражистаго угла.

Малый Арбатецъ, переулокъ, упоминаемый на Воронцовомъ полѣ, въ приходѣ Грузинской Богородицы ⁹⁾, быть можетъ, тоже обозначалъ какую-либо топографическую кривизну.

Возвращаясь къ изысканіямъ о мѣстности Опричнаго Дворца, мы должны упомянуть и о поселенной передъ нимъ *Стрѣлецкой слободѣ*, которая расположена была по теперешней Моховой улицѣ, между Знаменкою и Воздвиженкою, и оставила память о себѣ въ наименованіи урочища церкви Николая *Стрѣлецкаго*, противъ Румянцевскаго музея. При устройствѣ Опричины Грозный царь рѣшалъ, что онъ и стрѣльцовъ учинить себѣ *особь*, и нѣтъ сомнѣнія, что поселенная здѣсь Стрѣлецкая слобода устроилась въ одно время съ постройкою Опричнаго Дворца.

Подтверженіемъ тому, что Опричный Дворецъ существовалъ на мѣстѣ теперешняго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, могъ бы служить и переходъ его въ XVII ст. въ частное владѣніе къ лицамъ, очень близкимъ государевой особѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ отдалъ это мѣсто своему сверстнику и любимцу, впоследствии боярину Василию Ивановичу Стрѣшневу, по смерти котораго царь Алексѣй Михайловичъ передалъ этотъ дворъ своему тестю Кириллу Полуехтовичу Нарышкину.

По всему вѣроятію Стрѣшневу выпросилъ себѣ это дворцовое мѣсто, какъ запустѣвшее и въ дворцовомъ обиходѣ совсѣмъ излишнее. Въ свое время точно также онъ выпросилъ себѣ во владѣніе, не въ видѣ пожалованія, а въ видѣ купли, обмѣна на его собственную вотчину, из-

⁹⁾ Указатель Москвы 1893 г., ч. I, 349; ч. II, 117.

вѣстное дворцовое же село Ильинское, принадлежащее нынѣ Государю Великому Князю Сергѣю Александровичу.

Дворянскій родъ Стрѣшневыхъ становится очень извѣстнымъ со времени избранія царемъ Михаиломъ Ѳед. себѣ въ супруги дочери Мещовскаго дворянина Лукьяна Степановича Стрѣшнева Евдокии Лукьяновны въ 1626 г. Но Василій Ив. Стрѣшневъ гораздо раньше уже находился въ большомъ приближеніи у царя Михаила. Онъ съ первыхъ дней его царствованія состоялъ при немъ сначала въ качествѣ *государева дворянина* (октябрь, 1613 г.), а потомъ занималъ самую довѣренную должность *спальника и комнатнаго стряпчачаго*, то есть вообще былъ домашнимъ человѣкомъ у государя, наряду съ знаменитымъ впоследствии бояриномъ Борисомъ Ив. Морозовымъ, который также состоялъ при государѣ спальникомъ.

Можно полагать, что и бракъ царя на Стрѣшневой былъ устроенъ не безъ участія ея родственника, столько близкаго человѣка къ государю, ставшаго потомъ и при комнатахъ царицы, своей родственницы, самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ. Быть можетъ и пожалованіе ему во владѣніе запустѣлаго Опричнаго Дворца состоялось по случаю этого брака, если не случилось это раньше, вскорѣ по вступленіи Михаила на царство, когда въ разоренной Москвѣ необходимо было найти хотя бы и разрушенное, но удобное жилище и для царскаго спальника. Въ 1629 г. Опричный Дворецъ, повидимому, уже давно находился во владѣніи Стрѣшнева.

Въ 1630—1638 годахъ Василій Ив. завѣдывалъ при Дворѣ Приказомъ Золотаго Дѣла, а также Серебряною Палатою, то есть всѣмъ производствомъ различныхъ вещей изъ дорогихъ металловъ для обихода царя и царицы и ихъ дѣтей, начиная отъ мелкихъ пуговицъ, застежекъ, колець, перстней и т. п. и оканчивая царскою шапкою (короною). Эта должность всегда поручалась самому близкому и довѣренному лицу, такъ какъ въ подобныхъ издѣліяхъ, по мнѣніямъ вѣка, могла явиться злоумышленная какая-либо опасность (въ родѣ волшебства) для здоровья царскихъ особъ. Въ его управленіе въ 1632 г. въ Золотомъ Приказѣ была сдѣлана царю Михаилу Ѳед. „царская шапка“ (корона), которая въ дворцовыхъ записяхъ такъ и обозначалась, что сдѣлана при В. И. Стрѣшневѣ.

Его управленіе Золотымъ Дѣломъ повело къ тому, что въ тотъ же годъ, когда была сдѣлана царская корона, начались и особыя заботы о томъ, какъ бы добыть золотую руду въ своей въ Русской землѣ. Можно полагать, что эта мысль была внушена Стрѣшневу, а черезъ него и царю, иноземными золотыхъ дѣлъ мастерами или же учеными

нѣмцами, какихъ при царѣ Михаилѣ въ Москвѣ было не мало. Стрѣшневъ съ горячностію взялся за исполненіе этого дѣла.

22 февраля 1633 г. онъ былъ самъ посланъ въ Пермь Великую *сыскивать золотой руды* вмѣстѣ съ гостемъ Надѣею Андр. Свѣтешниковымъ и дьякомъ Вас. Сергѣевымъ, въ сопровожденіи для посылокъ десяти человѣкъ молодыхъ дворянъ. Главнымъ руководителемъ и знатокомъ техники всего дѣла былъ отправленъ также и рудознатецъ, пушечный литейщикъ Елисей Коетъ, вѣроятно, голландецъ или англичанинъ. И въ прежнее время предпринимались такіе поиски, но они всегда оканчивались неудачею по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ технической стороны.

На этотъ разъ успѣхъ въ розыскахъ превзошелъ всѣ ожиданія.

Зимою, въ концѣ того же года, Стрѣшневъ возвратился въ Москву съ полнымъ торжествомъ и вскорѣ 6 генваря 1634 г., на праздникъ Богоявленія, былъ пожалованъ въ окольничіе.

Нашелъ ли онъ золотую руду, объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Но черезъ три мѣсяца, 8 апрѣля, во вторникъ на Святой, онъ за Царскимъ столомъ былъ щедро награжденъ за открытіе *мѣдной руды*, при чемъ записано слѣдующее: „А пожаловалъ Государь его за службу, что онъ посланъ былъ для Государева великаго дѣла, для сыску мѣдныя руды къ Соли Камской. А напередъ сего для той руды посланы Чюлокъ-Бартеневъ и иные многіе дворяне, чтобъ руда сыскать и намъ В. Государю и нашему государству прибыль учинить, и тѣ дворяне, не служа государю и не помня крестнаго цѣлованія, мѣдной руды не сыскали для своей бездѣльной корысти и имали отъ того многіе посулы и поминки (взятки). А онъ окольничій, служа В. Государю... Божіею милостію и Государя и чадъ его... счастьемъ мѣдную руду у Соли Камской въ Григоровѣ горѣ, да въ Чердынскомъ уѣздѣ, да на Романовѣ и въ иныхъ во многихъ мѣстѣхъ мѣдную руду сыскалъ, а на посулы и на многіе поминки не прельстился и тѣмъ В. Государю многую безчисленную прибыль учинилъ“.

Открытіе мѣдной руды въ разныхъ мѣстахъ и, повидимому, въ значительномъ количествѣ въ дѣйствительности было великимъ дѣломъ для государства, потому что требовалось лить во множествѣ пушки и колокола, а доставляемая изъ-за границы мѣдь была дорога. Взятки давали и тѣ люди, которые боялись завода рудниковъ, какъ и самые иноземцы — рудознатцы, сохранявшіе выгоды своей же заграничной торговли.

Послѣ этой государственной заслуги, въ теченіе 12 лѣтъ (1634 — 1645 гг.), Стрѣшневъ нерѣдко исполнялъ дипломатическія порученія,

встрѣчая иноземныхъ пословъ и ведя съ ними переговоры о посольскихъ дѣлахъ. Такъ, онъ бывалъ въ *отвѣтъ*, то есть на такихъ переговорахъ съ послами Шведскими, Голштинскими, Персидскими и Датскими.

При самомъ вступленіи на царство царя Алексѣя Мих., въ день царскаго вѣнчанія 28 сент. 1645 г., онъ былъ пожалованъ въ бояре и затѣмъ черезъ мѣсяць былъ отправленъ посломъ къ Польскому королю Владиславу. Послѣ того мы уже не встрѣчаемъ его у какихъ-либо важныхъ государственныхъ дѣлъ. Но какъ *ближній* бояринъ, онъ по прежнему пользовался особымъ вниманіемъ государя до своей кончины въ 1661 году.

Первая супруга В. И. Стрѣшнева Орина Прокопьевна скончалась еще при его жизни, и онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на Евдокіи Андреевнѣ, занимавшей тѣ же почетныя мѣста въ приемахъ и на выходахъ царицы Евдокіи Лукьяновны, а потомъ Марьи Ильиничны. Она пережила своего супруга и упоминается въ числѣ боярынь въ сентябрѣ 1668 года.

Быть можетъ до ея кончины, послѣдовавшей, по всему вѣроятію, въ 1669 г., за нею оставался и большой дворъ Стрѣшнева, на которомъ въ этомъ году уже жилъ Касимовскій царевичъ Михайло Васильевичъ, вѣроятно, родственникъ Стрѣшневу по супругѣ. Умирая, Стрѣшневъ благословилъ его нѣсколькими иконами своего моленія изъ церкви влмч. Ирины. Въ іюлѣ 1670 г. церковному причту этого двора отъ церкви влмч. Ирины назначена была государева руга въ томъ окладѣ, какъ выдавалась руга причту церкви Похвалы Б—цы, находившейся на Кремлевскомъ дворѣ государева тестя боярина И. Д. Милославскаго. Назначеніе изъ Дворца руги показываетъ, что церковь переходила въ дворцовое вѣдомство и, несомнѣнно, со всѣмъ дворомъ Стрѣшнева, какъ и свидѣтельствовалъ причтъ, что „тотъ дворъ былъ взятъ на имя Государя отъ Тайныхъ Дѣлъ“, то есть въ вѣдомство Тайнаго Приказа, при чемъ и церковь была описана и запечатана въ іюлѣ 1672 г., а потомъ въ декабрѣ отдана со всею утварью на храненіе священнику ¹⁰⁾.

О постройкѣ церкви при Опричномъ Дворцѣ, какъ мы видѣли, не упоминается, а объ этомъ лѣтописецъ не преминулъ бы помянуть, еслибъ такая постройка существовала. Поэтому должно полагать, что церковь во имя влмч. Ирины была построена Стрѣшневымъ и его первою супругою Ириною Прокопьевною во имя ея тезоименитства. При Стрѣшневѣ церковь стояла отдѣльно отъ хоромъ и соединялась съ

¹⁰⁾ Переписныя Книги города Москвы 1665—1676 г., М. 1886 ст. 88.—Свидѣнія о домово́й церкви при М. Г. Архивъ Минис. Иностран. Дѣлъ, собр. И. Токмаковымъ. М. 1882 г., XXII, III, V.

нимъ посредствомъ особыхъ переходовъ, какъ это видно на современномъ планѣ двора.

Послѣ В. И. Стрѣшнева прямыхъ наслѣдниковъ не оставалось, но у него было много родственниковъ, Стрѣшневыхъ, (изъ ближнихъ государю людей окольничіе Иванъ Ѳед., Родіонъ Матв.), къ которымъ по пожалованію государя могъ бы перейти и его обширный дворъ, еслибы этотъ дворъ не составлялъ старинной собственности Государева Дворца, отданной и Стрѣшневу изъ особой царской милости какъ бы въ пожизненное владѣніе. Память объ этой старой дворцовой собственности побудила государя возвратить его снова во Дворецъ съ тѣмъ, чтобы передать его во владѣніе новому близкому къ государевой особѣ человѣку.

Въ это время, съ 1671 г., старыхъ ближнихъ людей Стрѣшневыхъ, а за ними и Милославскихъ смѣнили новые ближніе люди — Нарышкины послѣ брака царя Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

Въ сентябрѣ 1674 г. Богъ даровалъ государю отъ этого брака царевну Ѳеодору, третье рожденіе послѣ царевича Петра Алексѣевича (1672 г.) и царевны Наталіи Алексѣевны (1673 г.). Обрадованный государь 1 октября 1674 г. давалъ торжественный *родинный* столъ у себя въ Грановитой палатѣ для всѣхъ властей, и духовныхъ, и боярскихъ, и у царицы въ Золотой палатѣ для боярынь и женъ ближнихъ людей. У стола царицы стояли и принимали ѣствы и ставили передъ ней ея отецъ бояринъ Кирило Полуехтовичъ Нарышкинъ и окольничій знаменитый Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Въ тотъ же день государь пожаловалъ дворъ В. И. Стрѣшнева Кириллѣ Полуехтовичу Нарышкину съ *дѣтьми* ¹¹⁾.

Такимъ образомъ государь, уже съ 1672 г., со времени рожденія царевича Петра, повидимому, готовилъ этотъ знаменитый дворъ для достаточнаго устройства своего счастливаго тестя.

Послѣ Кирилла Полуехтовича домомъ владѣли его вдова Анна Левонтьевна съ сыномъ Львомъ Кирилл., который потомъ владѣлъ одинъ и скончался въ 1705 г., оставивъ малолѣтнихъ сыновей (Александра, Ивана, Евграфа), изъ которыхъ домъ перешелъ во владѣніе къ Александру Львовичу, († 1745), а потомъ къ его вдовѣ Еленѣ Александровнѣ (Апраксиной).

Затѣмъ домъ перешелъ къ ихъ дѣтямъ Александру Александр. и Льву Александр. которые, получивъ это наслѣдство, вѣроятно, пожелали раздѣлиться и потому порѣшили продать свой дворецъ. Въ Моск.

¹¹⁾ Дворцовые Разряды III, 1059.

Вѣдомостяхъ 1766 г. № 54 они объявили, что „желающіе купить домъ, состоящій на Моховой улицѣ, въ приходѣ церкви Николая чуд., что у стараго Каменнаго мосту, съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ, съ регулярнымъ садомъ и оранжереею, о цѣнѣ освѣдомиться могутъ въ ономъ же домѣ, у служителя Василья Агѣева или Василья Воронина“. Но или не нашлось покупателей, или владѣльцы раздумали продавать, только домъ остался во владѣніи старшаго брата Александра ¹²⁾, а послѣ него († 1795) перешелъ къ Льву Александр. († 1799) и затѣмъ къ его сыну Александру Львовичу († 1826 г.), который, живя постоянно за границею, успѣлъ его продать генеральшѣ отъ инфантеріи Софьѣ Петровнѣ Свѣчиной, вѣроятно, уже обгорѣлый въ пожаръ 1812 г. За нею домъ числился еще въ 1818 г., а потомъ былъ купленъ въ казну для Горнаго Правленія, которое и помѣщалось въ немъ до 1865 г., когда оно было упразднено.

Въ 1868 г. вся эта достопамятная мѣстность со всѣми ея постройками по Высочайшему повелѣнію была передана для помѣщенія Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣ того домъ и церковь и вокругъ двора ограда на мѣстахъ старыхъ зданій были построены вновь.

Предположеніе о томъ, что эта мѣстность могла принадлежать Опричному Дворцу Ивана Грознаго, сколько намъ извѣстно, впервые было высказано однимъ изъ горячихъ любителей Московской старины и неутомимымъ рассказчикомъ о ея достопамятностяхъ М. Макаровымъ въ его статьѣ: „Воспоминаніе о домахъ и дворахъ нѣкоторыхъ князей, бояръ и другихъ именитыхъ лицъ Московскихъ“, помѣщенной въ прибавленіи къ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1841 г., № 36.

Авторъ, безъ особыхъ разысканій и справокъ, написалъ слѣдующее: „За-кремлевскій дворецъ Іоанна Грознаго устроился близъ урочища *Сапожка*, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Горное Правленіе; послѣ этотъ же Дворецъ былъ собственностью Царицы Натальи Кирилловны и переходилъ въ родъ Нарышкиныхъ“.

Надо замѣтить, что Макаровъ писалъ свои рассказы о старыхъ Московскихъ домахъ и дворахъ по слухамъ и по рассказамъ старожиловъ, конечно, не всегда вѣрнымъ. И объ Опричномъ Дворцѣ онъ написалъ предположеніе, давно уже ходившее между людьми, которые интересовались этою стариною, и прочитавши у Карамзина примѣчаніе 138 къ IX тому его Исторіи, иначе и не могли указать себѣ мѣстность Опричнаго Дворца, какъ именно во дворѣ тогдашняго Горнаго Правленія,

¹²⁾ Указатель Москвы, 1793 г., ч. II, 80.

обнесеннаго старинною каменною оградою со старинными каменными же воротами въ лицѣ двора съ Моховой улицы. Какъ мы видѣли, другой мѣстности невозможно и указать, поэтому и В. Пассекъ въ своей Московской справочной книжкѣ (М. 1842 г.), слѣдуя за Макаровымъ, тоже отмѣтилъ: „Полагають, что здѣсь былъ домъ Іоанна Грознаго“. Онъ прибавилъ къ этому, что въ немъ жила царица Наталья Кирилловна, а Макаровъ упомянулъ, что домъ былъ собственностію царицы. Но царица Наталья Кирилловна не только никогда не владѣла этимъ домомъ и не жила въ немъ, но едва ли когда и бывала въ немъ у своего роднаго отца. Быть можетъ, уже въ Петровское время она посѣщала въ этомъ домѣ свою родную мать Анну Левонтьевну и брата Льва Кирилловича.

Каменная ограда, простиравшаяся по улицѣ Воздвиженкѣ на 70 с., могла бы также служить однимъ изъ доказательствъ, что здѣсь именно и существовалъ Опричный Дворецъ, о постройкѣ ограды для котораго упомянуто и въ первомъ лѣтописномъ извѣстіи о его устройствѣ: „и ограду каменѹ вокругъ добру повелѣ сдѣлати“. Но при Стрѣшневѣ объ оградѣ по случаю пожара въ 1629 г. высказано только, что *столбы* и *заметы* его двора уцѣлѣли, не горѣли, хотя эта ограда находилась только въ 4 саж. отъ горѣвшихъ дворовъ. Были ли эти столбы и заметы каменные, объ этомъ не помянуто.

Однако, ни Стрѣшневъ, ни Нарышкинъ, хотя и были по царской милости людьми достаточными, не могли построить такую обширную, въ своемъ родѣ монастырскую, ограду безъ повелѣнія государя, а для такого повелѣнія въ ихъ время не существовало особаго или вообще разсудительнаго повода. Можно предполагать, что ограда построена уже при сынѣ Кир. Пол. Нарышкина, при Львѣ Кир., или при его дѣтяхъ, въ началѣ XVIII ст., если она не существовала изстари.

Само собою разумѣется, что каждый новый владѣлецъ для удобства своего житья что-либо передѣлывалъ и перестраивалъ въ зданіи самаго дворца, но, повидимому, такія передѣлки ограничивались только нѣкоторыми пристройками и не касались основныхъ частей зданія, такъ что оно сохраняло до послѣдняго времени свое старое мѣсто и свой основной корпусъ. Это видно изъ прилагаемаго здѣсь стариннаго плана двора, начерченнаго по всему вѣроятію, въ то время, когда дворъ былъ пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Кириллу Полуехтовичу Нарышкину. Планъ этотъ (см. уменьш. рис. 23) находится въ Сборникѣ Чертежей къ дѣламъ Тайнаго Приказа, хранящемся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и былъ изданъ В. И. Ламанскимъ въ „Сборникѣ Чертежей Москвы, ея Окрестностей и города Пскова,“ въ видѣ приложенія ко 2 тому Записокъ Славяно-Рус-

ринное устройство этого двора, такъ что въ общихъ основныхъ его чертахъ этотъ новый Дворецъ древнихъ грамотъ и хартій по своему мѣстоположенію вполне можетъ напоминать старый Опричный Дворецъ Грознаго царя.

Что касается упомянутаго М. Макаровымъ урочища *Сапожка*, къ церкви котораго во имя Николая чуд., *что на Сапожскъ*, былъ прихожаниномъ и домъ Нарышкиныхъ, то надо замѣтить, что имя этого урочища принадлежитъ не древнему времени, но уже XVIII ст., когда здѣсь неподалеку отъ башни Кутафьи существовалъ казенный питейный домъ *Сапожокъ*, отъ котораго въ народѣ и вся мѣстность стала прозываться *Сапожкомъ*, какъ прозваны были точно также по именамъ питейныхъ домовъ многія другія мѣстности Москвы ¹³⁾.

Ив. Забѣлинъ.

II

Вновь открытая фреска въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ.

Въ настоящее время въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ богослуженіе прекратилось на все время начавшейся уже реставраціи собора, которая производится подъ надзоромъ архитектора В. В. Сулова. Мѣсяца два тому назадъ въ этомъ соборѣ при отбитіи штукатурки въ предѣлѣ, гдѣ помѣщается рака съ мощами новгородскаго князя Владиміра Ярославича, строителя собора, на ближайшей къ ракѣ стѣнѣ открыта случайно древняя фреска, изображающая въ ростъ фигуру князя или царя, въ византійскомъ царственномъ одѣяніи—съ довольно неяснымъ предметомъ въ лѣвой рукѣ (см. поясн. изоб. на рис. 24). Намъ лично пришлось увидеть эту интересную фреску, прекрасно сохранившую краски, и только рисунокъ ея въ немногихъ мѣстахъ попорченъ. Фигура написана на свѣтло-синемъ фонѣ съ преобладаніемъ въ платьѣ красновато-кирпичныхъ тоновъ. Въ лицѣ преобладаютъ желтовато-коричневые тона; волосы свѣтло-каштановаго цвѣта, а борода и усы небольшіе свѣтлые, глаза большіе темные и носъ длинный,

¹³⁾ См. наши Опыты изученія Русскихъ Древностей II, 219 и сл.

слегка выгнутый. Одежда состоитъ изъ далматика, украшеннаго „лоромъ“ — въ его болѣе позднемъ покровѣ; корона въ формѣ широкой діадимы, съ привѣсками по сторонамъ изъ жемчужныхъ нитей; башмаки пурпуровые, украшенные жемчугомъ. Одежда, тонъ красокъ, техника указываютъ несомнѣнно на византійское мастерство; по стилю эта фреска подходитъ къ фрескамъ Спасо-Нередицкой церкви и относится, по всему вѣроятію, къ древнѣйшей росписи предѣла, — не позднѣе XII в. Къ сожалѣнію, надписи надъ фигурой мы не замѣтили, такъ что опредѣленіе сюжета нужно искать въ области болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Если предположить, что на стѣнѣ, образующей уголъ со стѣною фрески, по снятіи штукатурки, могла-бы оказаться фигура царицы, то вся композиція могла быть приурочена тогда къ изображенію свв. Равноап. Константина и Елены, и тогда предметъ въ лѣвой рукѣ фигуры означалъ-бы крестъ. Этому предположенію однако противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, размѣръ и форма предположеннаго въ лѣвой рукѣ креста, неуклаживающіе на реальность этого изображенія, хотя окраска его въ сѣрый цвѣтъ и намекаетъ на дерево; непонятной также остается продольная линія посрединѣ перекрестія. Если-же предположить этотъ крестъ какъ символъ, а не изображеніе реальное, то тогда нельзя не замѣтить, что при отсутствіи какихъ либо украшеній онъ находится въ прямой дисгармоніи съ изображенной фигурой. Въ силу этихъ соображеній мы скорѣе склонны видѣть въ этомъ предметѣ никакъ не крестъ, а какой либо инструментъ, въ родѣ отвѣса или линейки, какая употребляется при каменныхъ работахъ, и въ такомъ случаѣ этотъ предметъ можетъ представлять символъ строительной дѣятельности царя или князя, быть можетъ, Владиміра Ярославича, хотя въ послѣднемъ случаѣ обычнѣе было бы встрѣтить въ лѣвой рукѣ изображеніе храма. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ можетъ выясниться при открытіи фресокъ на сосѣднихъ стѣнахъ и при специальномъ ихъ изслѣдованіи. Намъ остается закончить наше краткое извѣстіе о весьма любопытномъ откры-

Рис. 24

тіи пожеланіємъ, чтобы фрески немедленно по открытіи снимали и посредствомъ калькъ и посредствомъ фотографіи, одинъ экземпляръ которой можно было-бы изготовить въ краскахъ. Вообще, снятіе фотографій возбудило - бы интересъ къ ново-открытымъ фрескамъ и могло - бы содѣйствовать скорѣйшему рѣшенію вопроса о значеніи этихъ фресокъ и о времени ихъ изготовленія.

В. Сизовъ.

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и разныя извѣтсія.

— Н. О. Криштафовичъ, производившій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подробную геологическую съемку Московскаго уѣзда, встрѣчался при своихъ экскурсіяхъ съ образованіями, обязанными своимъ происхожденіемъ человѣку въ древнѣйшія времена. Наблюденія свои г. Криштафовичъ сообщилъ редакціи „Арх. Изв. и Зам.“ въ надеждѣ, что его указанія послужатъ къ дальнѣйшему изученію Московскаго уѣзда въ археологическомъ отношеніи:

„Дюны не только Московскаго уѣзда, но и губерніи, до сего времени оставались совершенно не изслѣдованными. Не вдаваясь въ разборъ причинъ этого, укажу на одну, болѣе вѣроятную, изъ нихъ: не всѣ дюны Московск. уѣзда (въ долинахъ рѣкъ, а онѣ-то по преимуществу и интересны) оказываются задернованными и поросшими не только травой, но часто кустарниковой и древесной растительностью; послѣднее обстоятельство, конечно, защищаетъ поверхностныя образованія дюнь отъ разрушенія и скрываетъ культурные остатки отъ случайнаго взгляда наблюдателя. Я, производя искусственныя разрѣзы дюнь (въ долинахъ рѣкъ) и выясняя геологическое отношеніе ихъ къ прочимъ образованіямъ данной долины, встрѣтилъ *) въ пескахъ, на поверхности дюнь, и въ культурныхъ наслоеніяхъ выше песковъ: массу черепковъ глиняной посуды очень при-

*) Н. О. Криштафовичъ спеціальныхъ археологическихъ разслѣдованій и раскопокъ не дѣлалъ; всѣ культурные остатки найдены при производствѣ геологическихъ изслѣдованій.

митивнаго обжига, грубой работы и орнамента (неправильный ручной штрихъ); глина, изъ которой сдѣлана эта посуда, содержитъ зерна и кусочки кварца, примѣшавшагося къ ней, очевидно, при работѣ. Кромѣ обломковъ посуды, найдены: кости различныхъ млекопитающихся, птицъ и рыбъ; обломки раковинъ *unio pictorum*, обожженный камень, уголь и цѣлая кострища, углубленная въ дюну на подобіе котла (діаметръ до 1 1/2 арш.); наконецъ, наиболѣе интересная находка—обломокъ оббитаго кремневаго орудія (наконечникъ дротика). Эти остатки были найдены на дюнахъ въ долинѣ р. Москвы: 1) между с. Троицкимъ и дер. Щукиной на правомъ берегу и 2) между дер. Луки и селомъ Павшино на лѣвомъ берегу, близъ старицы „Кружокъ“; въ настоящее время рѣка даетъ разрѣзъ одной изъ большихъ тамошнихъ дюнь. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ большая дюна на правомъ берегу, крайняя внизъ по рѣкѣ, какъ по своему положенію, топографіи мѣстности, такъ и по многочисленности вышеуказанныхъ остатковъ. Разрѣзъ ея представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) почвенно-растительный современный слой; 2) культурный темно-сѣрый песчаный слой съ углемъ (найденъ цѣлое кострище), черепками посуды, обломками костей животныхъ, птицъ, и тамъ же найденъ обломокъ кремневаго орудія; толщина слоя до 8 верш.; 3) темножелтые и желтые пески, въ которыхъ изрѣдка встрѣчаются черепки глиняной посуды; толщина его до 12 в.; 4) ниже желто-сѣрые пески и т. д. Кромѣ вышеуказанныхъ древнихъ культурныхъ остатковъ и наслоеній, на этихъ же дюнахъ встрѣчаются остатки болѣе позднихъ культуръ, особенно на дюнахъ между Луками и Павшинымъ, гдѣ мною встрѣчены остатки и наслоенія, относящіеся, по крайней мѣрѣ, къ тремъ эпохамъ заселенія, судя, главнымъ образомъ, по характеру и типу глиняной посуды и ея обработкѣ, а именно: въ нижнихъ культурныхъ слояхъ черепки типа вышеуказаннаго; въ слояхъ надъ ними—черепки изъ лучше обожженной и обработанной глины съ участіемъ гончарнаго круга; но къ глинѣ все же оказываются примѣшанными зерна кварца, хотя меньше какъ по количеству, такъ и по самой величинѣ зерна; еще выше и на самой поверхности—черепки посуды безъ кварца и, повидимому, мало отличаются отъ современной; съ этими послѣдними черепками находятся куски обожженнаго кирпича. Нѣтъ сомнѣнія, что тщательное изслѣдованіе указанныхъ мѣстъ дастъ много интереснаго въ археологическомъ отношеніи.

Городищъ, древнихъ поселеній и другихъ древнихъ наслоеній городищенскаго типа мною лично открыто нѣсколько по теченію р.р. Москвы, Пехорки, Клязьмы и Учи. Моимъ товарищемъ В. А. Городцевымъ, во время нашей общей геологи-

ческой экскурсіи, также замѣчено неизвѣстное до сего времени въ литературѣ городище на лѣвомъ берегу р. Москвы у с. Капотня (ниже г. Москвы); въ настоящее время это городище занято сельскимъ кладбищемъ.

Изъ открытыхъ мною городищъ или другихъ наслоеній этого типа назову находящееся почти у самой Москвы за Серпуховской заставой и Даниловской слободой, возлѣ дер. Нижніе Котлы, на правомъ берегу небольшой рѣчки-ручья, впадающаго по близости въ р. Москву. Это городище (?) находится на высокомъ и крутомъ выступѣ, господствующемъ надъ долиною рѣчки-ручья; окружено съ боковъ рвами, изъ которыхъ одинъ несомнѣнно искусственный, другой, размытый дождями, требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія. Площадь городища имѣетъ общій наклонъ къ рѣчкѣ; длина его отъ материка къ рѣчкѣ = 70 шагамъ, въ поперечникѣ = 46 — 50 шагамъ. Толща культурнаго слоя у стороны, обращенной къ устью рѣчки, имѣетъ $2\frac{1}{2}$ — 3 арш., къ материкъ постепенно выклинивается; на сторонѣ, обращенной къ верховью рѣчки, очень неравномѣрна; съ боковъ и къ рѣчкѣ городище представляетъ обрывъ, и культурный слой, разрушаясь, осыпается внизъ. Последовательность наслоеній разрѣза выступа на сторонѣ, обращенной къ рѣчкѣ, слѣдующая: 1) современный почвенно-растительный слой съ черепками современной посуды, стекла и пр.; иногда встрѣчаются предметы нижележащихъ слоевъ, съ которыми этотъ слой тѣсно связанъ; 2) неравномѣрная толща древнихъ культурныхъ наслоеній. Не произведя археологическихъ изслѣдованій, я не могу указать возрастные горизонты наслоеній; но на основаніи случайныхъ, номногочисленныхъ находокъ, я полагаю, что со временемъ и можно будетъ различить указанные горизонты. Въ самомъ верхнемъ горизонтѣ этихъ наслоеній встрѣчаются черепки глиняной посуды болѣе древняго типа, чѣмъ современный, но значительно болѣе новаго, чѣмъ въ изобиліи попадающіеся глиняные черепки въ нижележащей толщѣ, сдѣланные изъ глины, сравнительно плохаго обжига, съ примѣсью зеренъ и кусочковъ кварца; работа и орнаментація посуды грубы, сдѣланы безъ помощи гончарнаго круга, отъ руки; нѣкоторые горшки имѣютъ у верхняго края по одной и по 3 дырочки для подвѣшиванія. Въ верхнихъ наслоеніяхъ этой толщи мною найдена бронзовая, витая изъ проволоки, шейная гривна, длиною въ окружности 5 вершк. (дѣтская?); на одномъ концѣ проволока завернута глухимъ крючкомъ. Въ нижнихъ наслоеніяхъ найдено костяное остріе, заостренное съ одного конца, длиною въ $3\frac{1}{2}$ в. Во всей культурной толщѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ кости, часто расколотыя и разбитыя, млекопитающихъ, птицъ и рыбъ. Также часто

встрѣчается уголь, полуобожженное дерево и т. д. Между культурными наслоеніями иногда наблюдается вклинивающійся желтовато-сѣрый суглинокъ; въ немъ мною найдено нѣсколько наземныхъ раковинъ современныхъ моллюсковъ и полуобожженные стебельки травянистыхъ растений. Слѣдующіе слои состоятъ изъ 3) желто и буровато-сѣраго суглинка въ $1\frac{1}{2}$ —2 арш. и 4) песка. Съ поверхности городища *), почти по срединѣ его, мѣстные крестьяне копаютъ культурные слои и переносятъ землю на сосѣдніе огороды; берутъ землю они не глубже $1\frac{1}{2}$ арш. и при этомъ обнажаютъ массу человѣческихъ костяковъ, которые и не закапываются ими, и потому масса костей разбросана какъ по всей площади городища, такъ и въ окружающихъ его рвахъ. При моихъ посѣщеніяхъ этого городища я встрѣтилъ на поверхности не менѣе двухъ десятковъ череповъ. Наблюдающіяся здѣсь погребенія принадлежатъ ли ко времени отложенія здѣшнихъ древнихъ культурныхъ наслоеній, или къ болѣе позднему времени, можетъ рѣшить только археологическая раскопка.

Изъ другихъ городищъ, открытыхъ мною въ Московскомъ уѣздѣ, упомяну еще о находящемся на правомъ высокомъ берегу р. Клязьмы, близъ с. Большево; теперь это городище поросло лѣсомъ и застроено дачею; другое — на лѣвомъ берегу р. Пехорки, немного выше села Краскова“.

— По словамъ „Либ. Газеты“, въ окрестностяхъ Либавы сдѣланы въ послѣднее время интересныя археологическія находки. Въ Нидербартауской волости найдены крестьяниномъ въ большомъ количествѣ древне-греческія серебряныя монеты. Затѣмъ, когда копали въ Капзейденѣ грунтъ для строящагося военнаго порта, то наткнулись на предметы украшенія и утварь бронзоваго вѣка. Газета справедливо замѣчаетъ, что слѣдовало бы кому-нибудь озаботиться, чтобы найденныя вещи были скуплены и отданы въ музей. (Нов. Вр. № 6335, 1893 г.). Находка греческихъ монетъ въ районѣ бассейна Балтійскаго моря не первая: въ 1824 году около Шубина, близъ Бромберга, найдены были монеты въ количествѣ 36 экземпляровъ, относимыя къ числу древнѣйшихъ греческихъ (см. Friedlaender und Sallet, Das koenigl. Münzkabinet, стр. 24). Въ высшей степени важно было бы знать, какія монеты найдены въ Либавѣ; надобно надѣяться, что Археологическая Комиссія не оставитъ безъ вниманія эту находку.

— Недавно Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ Музе-

*) Болѣе опредѣленное археологическое названіе описываемой мѣстности можно дать только послѣ тщательнаго изслѣдованія.

ями было приобрѣтено рукописное евангеліе, представляющее собою одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ древнерусской письменности. По имени писца можно назвать это евангеліе Евсевіевымъ, какъ ранѣе прозваны были другія евангелія Добриловымъ, Поликарповымъ. Евсевіево евангеліе принадлежитъ къ числу памятниковъ письма галицко-волынскаго и среди датированныхъ евангелій этого рода займетъ весьма почетное мѣсто: его слѣдуетъ поставить тотчасъ за галицкимъ евангеліемъ 1266 года Императорской Публичной Библиотеки или даже передъ нимъ, такъ какъ время написанія послѣдняго опредѣляется лишь приблизительно, по времени княженія Льва Даниловича Галицкаго (1266—1301 г.), Евсевіево же евангеліе писано въ то же княженіе и имѣетъ опредѣленную дату—1282 г.

Особенности древняго галицко-волынскаго нарѣчія указаны и научно объяснены проф. С. П. Б. университета А. И. Соболевскимъ въ Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка (Кіевъ, 1884 г.), гдѣ изслѣдовано болѣе пятнадцати рукописей, писанныхъ въ Галицко-Русскомъ княжествѣ. Не перечисляя всѣхъ отличительныхъ чертъ правописанія этихъ памятниковъ, мы укажемъ на нѣкоторыя, наиболѣе замѣтныя при чтеніи Евсевіева евангелія. Это, во-первыхъ, употребленіе буквы *ѣ* въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ древнеславянскомъ языкѣ стоитъ *е*: поклонѣнье, знамѣнье, оучѣнье, камѣнь, голѣнь, коупѣль, погыбѣль, оутѣшитѣль, о нѣмъ, о нѣй, вашѣмъ и т. п. 2) особенно частая замѣна *ѣ* и *ѣ* чрезъ *о* и *е* и обратно, преимущественно въ окончаніяхъ словъ: пророко, Петро, Филипо, рѣхо, ихо, наше, есте (вм. есть); вы не вѣсть (вм. вѣсте), живѣши, Никѣдимъ, словъ, въ нарѣдѣ; иногда эти *ѣ* и *ѣ* стоятъ вмѣсто *а*: глаголы животъ вѣчнаго, отвѣщѣвъ. 3) употребленіе *ѣ* вмѣсто *и* и наоборотъ: дѣтѣ, свѣдитѣльство. 4) замѣна окончаній на *іе*, *ія*, *ію* и тѣхъ же слоговъ въ срединѣ словъ чрезъ *ѣе*, *ѣя*, *ѣю*: людѣе, божѣя, въ Вифанѣи, оубѣють, змѣю; наоборотъ, окончанія глаголовъ на *тъ* передъ *и* измѣняются въ *ти*: моляхоути и, почтети и; подобно этому: вѣми и, вм. вѣмъ и. 5) *у* и *ѣ* въ предлогахъ и приставкахъ взаимно замѣняютъ другъ друга: въ вм. у и у вм. въ, оупросиша; въ началѣ словъ, начинающихся съ *о* и *у* и въ срединѣ между гласными, гдѣ есть одна изъ этихъ гласныхъ, ставится эвфоническое *ѣ*: оуѣва вм. оуа, Ивоне вм. Іоне, воужасъ, вовца. Всѣ эти фонетическія особенности, равно какъ и другія, о которыхъ мы для краткости не упоминаемъ, не обычны въ памятникахъ нарѣчія галицко-волынскаго. Но въ Евсевіевомъ евангеліи встрѣчается въ рядѣ примѣровъ такая черта, которая, повидимому, составляетъ индивидуальную особенность писца этой рукописи и въ другихъ не попадаетъ; это перемѣна мѣста двухъ согласныхъ, стоящихъ рядомъ въ

словѣ, въ началѣ или срединѣ его, преимущественно *в* и *с*: сви, свѣго, свѣхъ *вм.* вси, всего, всѣхъ; всязаша *вм.* связаша, всыше; *также*: ветроградъ, о правдѣ, рхняяще *вм.* вертоградъ, о правдѣ, храняще.

Евангеліе писано на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, на 140 листахъ; палеографическія его особенности обычны для памятниковъ русскаго письма того времени. По типу евангеліе Евсевіево относится къ числу евангелій апракосъ, т. е. такихъ, гдѣ чтенія евангельскія расположены по порядку не евангелистовъ, а недѣль года. Начинается оно, какъ и всѣ такія евангелія, съ Пасхи; затѣмъ слѣдуютъ ев. чтенія на каждый день недѣли до Пятидесятницы. Послѣ сего вставлено ев. чтеніе „новому лѣту“, потомъ евангелія субботнія и недѣльныя до Воздвиженія, послѣ котораго новый счетъ недѣлямъ до сыропустной. Недѣли Великаго Поста сочтены особо; особый же счетъ евангеліямъ въ великій пятокъ и воскреснымъ. Въ концѣ помѣщенъ мѣсяцесловъ, начиная съ сентября, куда внесены еванг. чтенія на праздники не переходящіе и на дни памяти особо чтимыхъ святыхъ. Изъ русскихъ святыхъ занесены въ мѣсяцесловъ только свв. Борисъ и Глѣбъ подъ 24 іюля.

Весьма замѣчательна записъ на 62 листѣ евангелія, открывающая намъ имя писца и время написанія. Позволяемъ себѣ привести ее дословно, измѣнивъ лишь непередаваемые гражданскимъ шрифтомъ начертанія и означивъ скобками вставленные нами слоги въ словахъ, написанныхъ въ рукописи подъ титломъ: „Въ лѣт(о) 6791 (=1282). Скончашася книги сѣя м(ѣся)ца октяб(ря) 15 д(е)нь с(вята)го Люкиана прозвютора. Бл(а)гословить а нѣ кленѣтъ, а кеде боудоу исекривило исправляте. Си же писало Евсивии поповиче с(вя)таг(о) Иоана, азъ грѣшнии — Г(оспод)и помози рабоу своему! — Коли сѣ женило Горгии князе, а о(те)цъ ему в Оугры ходило, тогда скончашася книги сѣя“. Историческія данныя, заключающіяся въ этой записи, подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, занесенныя продолжателемъ Ипатьевской лѣтописи, этого почти единственнаго источника для исторіи Галицкой Руси XIII-го вѣка. Около 1282 г., по свидѣтельству лѣтописи, татарскіе ханы Ногай и Телебуга, по просьбѣ Куманскаго князя Олдамура, двинулись чрезъ Галицко - Владимирскую землю и вторглись въ Венгрію. Всѣ почти князья галицкіе должны были присоединиться къ татарскому войску; былъ въ томъ числѣ и кн. Левъ Даниловичъ, сынъ знаменитаго Данила Романовича Галицкаго и отецъ того князя Юрія, о которомъ говорится въ нашей записи. Нѣсколько ранѣе Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ и о намѣреніи князя Юрія Львовича жениться. Именно подъ 1281 годомъ тамъ рассказывается слѣдующее: Кондрать, князь Черско-Мазовецкій, просилъ помощи у Владимира, кн. Владимирскаго, противъ

Болеслава Плоцкаго; тотъ согласился и въ свою очередь просилъ о томъ же „сыновца“ своего Юрія, а Юрій ему отвѣтилъ такъ: „Строю мой, радъ быхъ и самъ съ тобою шель, но нѣколи ми: ѣду господине, до Суждаля жениться“. Женитьба эта состоялась въ 1282 году, какъ свидѣтельствуется наша запись.

Закончивъ этими историческими припоминаніями наше краткое сообщеніе объ Евсевіевомъ евангеліи, укажемъ на дальнѣйшую судьбу этого драгоценнаго кодекса. Вскорѣ по написаніи евангеліе было куплено нѣкимъ Константиномъ Манойло, повидимому, молдаваниномъ. Въ 1600 году оно было пожертвовано воеводою Стефаномъ въ какую-то церковь (надпись вытерта); затѣмъ находилось въ старообрядческомъ монастырѣ въ Слатинѣ, откуда, быть можетъ, было продано за начертаніе „Иисусъ“, которое встрѣчается въ немъ. Теперь послѣ трудной многолѣтней службы православію, оно вернулось на Русскую землю, словно заслуженный воинъ, украшенный почетными ранами, чтобы своимъ видомъ и своими повѣствованіями воскрешать дѣянія старины далекой! (Сообщ. С. О. Доловѣ).

— Въ № 7—8 „Арх. Изв. и Зам.“, на стр. 269, между прочимъ, упомянута шиферная плита съ греческой надписью изъ Херсона. Въ настоящее время, благодаря любезности г. секретаря Херсонскаго статистическаго комитета В. И. Гошкевича, редакція получила эстампажъ надписи и препроводила его В. В. Латышеву, съ обязательностью сообщившаго редакціи воспроизведенный ниже текстъ съ примѣчаніемъ. По словамъ г. Гошкевича, „плита найдена въ г. Херсонѣ, вблизи греческой церкви, по Богородицкой улицѣ, въ усадьбѣ Гнилосарова. Рабочіе, найдя плиту, отпилили часть ея на брусокъ“. Судя по эстампажу, большая часть плитки (а), выш. 0,17 м., шир. 0,13, обломана со всѣхъ сторонъ, кромѣ правой, съ которой отпиленъ брусокъ б; послѣдній имѣетъ правильную четырехугольную форму. Текстъ надписи см. на прилагаемомъ рисункѣ 25-мъ.

Рис. 25

По характеру письма надпись можно отнести къ раннимъ византийскимъ временамъ. Къ сожалѣнію текстъ ея не можетъ быть восстановленъ. Въ стр. 3 было или *καλουμέν* (η) или *καλούμεν* (οι), въ стр. 4 — *Σεπτε]μβρίου ιθ' και*, въ стр. 5 — *[Εὺ] φροσύν*(η).

— По словамъ „Русскаго Листка“ (отъ 10 окт. 1893 г.) по Бердичевскому уѣзду разъѣзжаетъ житель Кіева, нѣкто Теленковъ, или Теликовъ, бывшій, какъ онъ говоритъ, подрядчикъ по постройкѣ церквей, и занимается скупкою старинныхъ церковныхъ вещей и книгъ,

или обмѣниваетъ ихъ на новыя. По его словамъ, онъ побывалъ уже почти во всѣхъ уѣздахъ Кіевской губерніи: былъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Умани, Таращѣ, мѣстечкѣ Бѣлиловкѣ, Бердичевского уѣзда, и во многихъ другихъ мѣстахъ и приобрѣлъ массу старинныхъ, весьма цѣнныхъ вещей, сложенныхъ имъ въ разныхъ пунктахъ, преимущественно на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ каждой церкви есть много старыхъ вещей, лежащихъ безъ употребленія, уже замѣненныхъ новыми. Вещи эти пережили не одно поколѣніе. Спрятанныя по шкафамъ и ящикамъ, они не обращали и не обращаютъ на себя ничего вниманія. Церковныя старосты смотрятъ на нихъ, какъ на ненужный хламъ, и рѣдкіе священники серьезно присматриваются къ нимъ, а еще рѣже оцѣниваютъ ихъ по достоинству. Неудивительно послѣ этого, если на предложеніе продать такія вещи или промѣнять на новыя соглашаются очень скоро и дѣйствительно промѣниваютъ какую-нибудь старую драгоценность на новую, мишурную, грошевую вещь или продаютъ за безцѣнокъ. Присмотрѣвшись къ такимъ стариннымъ предметамъ церковной утвари въ бытность свою строителемъ церквей, г. Т. въ приобретеніи ихъ указаннымъ способомъ составилъ для себя весьма выгодную профессію. Пользуясь небрежнымъ отношеніемъ къ нимъ и отчасти невѣжествомъ церковныхъ старостъ, онъ приобрѣлъ не мало археологическихъ рѣдкостей. По его рассказамъ, онъ купилъ въ г. Таращѣ старую плисовую плащаницу, шитую золотомъ, съ такою же бахрамою, при чемъ шитье вокругъ головы Спасителя было унизано жемчугомъ. Эта плащаница досталась ему очень дешево, такъ какъ церковный староста и священникъ приняли жемчугъ за бисеръ. У одного священника онъ купилъ два старыхъ Евангелія, изъ которыхъ одно писано на пергаментѣ. За эти Евангелія священникъ запросилъ 9 руб. (пять за печатное и четыре за писанное), а продалъ дешевле, такъ что писанное обошлось Т. въ три рубля. За послѣднее Евангеліе, высланное имъ въ Петербургъ, въ музей, онъ получилъ тысячу двѣсти руб. Въ другомъ мѣстѣ онъ вымѣнялъ старое униатское архіерейское облаченіе, которое продалъ потомъ какому-то ксендзу за 600 рублей. При поѣздкѣ его по Бердичевскому уѣзду при немъ было нѣсколько цѣнныхъ вещей: серебряная чаша старинной чеканки съ драконами, которую онъ вымѣнялъ за подризникъ; старая, прекрасной старинной серебряной парчи, риза, риза прекрасной узорчатой турецкой парчи, риза французской шелковой старинной ткани, воздухи съ золотыми галунами и другія вещи. Перечисленные вещи — это только весьма незначительная часть всѣхъ тѣхъ, которыми владѣетъ и владѣлъ Т.

IV

Засѣданія Обществъ.

19 мая 1893 года происходило въ Славянской Коммисіи Московскаго Археологическаго Общества засѣданіе, посвященное реферату заслуж. проф. и академика Н. С. Тихонравова, сообщившаго объ открытіи имъ неизвѣстнаго доселѣ русскаго паломника Варсонофія, ходившаго во св. Землю въ 1456 г.. *) Непосредственно за этимъ хожденіемъ въ Іерусалимъ въ сборникѣ помѣщено второе хожденіе тогоже Варсонофія, которое начинается такъ: „Сотворихъ другое путешествіе ко святому граду Ерусалиму по шти лѣтахъ прихода моего на Русь“. Къ сожалѣнію, въ рукописи недостаетъ конца этого путешествія. Предметомъ реферата Н. С. Тихонравова было первое хожденіе Варсонофія. Въ рукописи памятникъ озаглавляется такъ: „Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ св. Духа, милостію Божіею и пречистыя Богоматере Хожденіе странническое и смиреннаго священнаго инока Варсонофія ко св. Граду Иерусалиму“.

Рукопись (она составляетъ собственность Н. С. Тихонравова) писана твердымъ и красивымъ полууставомъ; въ бумагѣ знакъ похожій на № 420, по Тромонину—(1625 г.); она относится къ первой четверти XVII в. Въ языкѣ замѣтны черты говора сѣверо-западнаго и принадлежатъ оригиналу, а не писцу рукописи.

Путь Варсонофія былъ таковъ: изъ Кіева онъ отправился чрезъ Бѣлградъ въ Царьградъ, отсюда на Критъ, Родосъ, Кипръ, въ Лаодикію, Триполь, Бейрутъ, Дамаскъ; идучи отъ Дамаска, Варсонофій „видѣлъ“ Тиверіадское море, Генисаретское озеро, Іорданъ, Ѡаворъ, Хоразинъ, Виѳсаиду, какое-то село Легіонъ (идѣ же, прогна Христось *легионъ бѣсовъ...*), затѣмъ Наинъ, Лидду, Рамлю, *видѣлъ* Еммаусъ. „Есть (разсказываетъ В.) отъ града Елмауса вдали яко едина миля есть церковь святыхъ апостолъ Луцѣ и Клеопѣ, идѣ же явися имъ Христось въ преломленіе хлѣба; тутожъ есть близъ церкви Кинба сарай, въ немъ же начевахъ, противу града Елмауса“. Это свидѣтельство важно для рѣшенія вопроса: гдѣ находился новозавѣтный Еммаусъ. Варсонофій пришелъ въ Іерусалимъ „на память иже во св. отца нашего Аѳанасія, арх. Александрійскаго, и св. мучениковъ новоявленныхъ Бориса и Глѣба, рус. князей, мѣсяца мая во 2 день въ лѣто 6964-е“ (1456).

Въ церкви Воскресенія пробылъ Варсонофій четыре noci. Описаніе свое

*) Помѣщаемое здѣсь изложеніе доклада сдѣлано самимъ г. референтомъ.

онъ начинается съ западной стороны храма, — съ ротонды (Гроба Господня), потомъ переходитъ на южную сторону, далѣе на востокъ и возвращается съ-верною стороною храма. Описаніе Варсонофія отличается простотой, правдивостью и точностью.

Это описаніе, прежде всего, подтверждаетъ мнѣніе Воюэ, что главная часть храма (куполъ надъ гробомъ Господнимъ) въ существенныхъ своихъ частяхъ со временъ крестоносцевъ и Даниила Паломника не измѣнилась, дополняясь только пристройками. Сравнительно съ другими русскими паломниками одинъ только Варсоноій опредѣляетъ приблизительный размѣръ отверстія въ ротондѣ (окно велико яко 3 сажень), указываетъ точно сюжеты мозаикъ въ куполѣ часовни Гроба (херувими, и серафими, и ангели и архангели).

Замѣчательно также указаніе числа паникадилъ на Гробѣ — 14, число среднее между извѣстіемъ Аркульфа (670) и Виллибальдомъ (721); этой цифры не даетъ ни одинъ изъ паломниковъ. Мѣры Гроба нѣтъ, потому что его тогда нельзя было и измѣрить.

„Снятіе со креста“ отмѣчено кратко, но точно, какъ ни у одного изъ паломниковъ: „10 пядей въ длину и вкругъ его 17 пядей кладено разными мраморы: черлеными и черными и бѣлыми“; мраморная доска, на которой несли Христа по снятіи, „среди подошвы церковныя“.

Описаніе Голгофы точнѣе, чѣмъ у другихъ паломниковъ русскихъ, и представляетъ частности, у послѣднихъ не встрѣчающіяся: двѣ лѣстницы, одна въ 11, другая въ 8 ступеней; такую *двойную* лѣстницу русскіе паломники не знаютъ, опредѣляя общее число ступеней 18 — 20 (Грееній); у западныхъ же паломниковъ старше XVI в. свидѣтельство о двойной лѣстницѣ нѣтъ: Варсоноій даетъ свидѣтельство и для XV-го.

Крестъ Господень, по Варсонофію, стоялъ лицомъ на востокъ (по I. Дамаскину и западнымъ паломникамъ — на западъ).

„Идучи ко кресту Господню, есть двѣ лѣстницы камены, идѣже обрѣте св. Елена царица три креста“: здѣсь церковь Іакова, брата Господня, съ тремя источающими воду (яко жъ и слеза) столпами. Это такъ называемый *ὁ θρόνος* (т. е. Іакова, перваго епископа Іерусалимскаго); съ именемъ Іакова связываютъ церковь нѣкоторые западные путешественники, изъ русскихъ же, кромѣ Варсонофія, никто. Легенда о „плачущихъ“ столбахъ церкви уже въ XIV ослабѣвала, въ концѣ XV уже была забыта: Позняковъ даже не обратилъ вниманія на эти столбы.

Точно также правильно раздѣляетъ Варсоноій „судище Пилатово и другое мѣсто, идѣже Пилать умы ружь“: рус. паломники обыкновенно оба мѣста смѣшиваютъ, считая ихъ за одно (такъ и Данииль).

Затѣмъ Варсоноій посѣтилъ „темницу“, видѣлъ доску съ двумя „дырами“: „и воскорѣ тотъ камень продѣлали нози Господни“. Обыкновенно происхожденіе этихъ отверстій объяснялось иначе: въ нихъ видѣли родъ колодки, надѣваемой на ноги осужденнаго (Грееній, Коробейниковъ).

Одинъ Варсонофій сходится въ объясненіи отверстій, сдѣланныхъ якобы колѣбными упавшаго Христа, съ западными паломниками.

Столбъ мученій Христа по Варсонофію *аспиденъ*; съ нимъ согласенъ Греѳеній (*червленъ*); позднѣйшіе русскіе и западные паломники видѣли колонну бѣлаго мрамора.

Согласно съ Греѳеніемъ приводитъ и Варсонофій легенду о кузнецѣ, ковавшемъ гвозди на Христа, но никто кромѣ него не указываетъ при этомъ на „кладезь сладкіе воды“ (близь мѣста явленія Христа Маріи Магдалинѣ); колодезь же дѣйствительно существовалъ.

Выйдя изъ церкви Воскресенія, Варсонофій обратилъ вниманіе на великолѣпную колокольную храма съ южной его стороны.

Всего пробылъ Варсонофій въ Іерусалимѣ два мѣсяца, посѣщая отсюда всѣ святыя мѣста окрестностей. Онъ началъ свой обходъ съ Сіона, и описывалъ св. мѣста въ порядкѣ своихъ обходовъ, каждый обходъ отдѣльно.

Путь его отъ Сіона шелъ на СВ. отъ Іерусалима въ Геѳсиманію, потомъ на ВЮВ. на Елеонъ, далѣе въ Виѳанію и Лавру св. Саввы, отсюда на ЮЗ. въ мон. Ханень и закончился Иверскимъ мон. Крестъ.

Въ краткомъ описаніи Сіона есть подробности, не находимыя у русскихъ паломниковъ: топографія отличается точностью, мѣста не только перечислены, но и описаны; отмѣчены драгоцѣнности (миса, изъ которой вкушали на тайной вечери); въ этомъ случаѣ Варсонофій сходится съ древнѣйшими западными паломниками, тогда какъ позднѣйшіе русскіе ограничиваются простымъ перечисленіемъ отдѣльныхъ частей Сіона. Такъ у Варсонофія „келія“ Богородицы отдѣлена отъ „дома“ Іоанна Богослова; параллель этому извѣстію находимъ только у венеціанца Марина Сануто (1310 г.): церковь Успенія описана подробнѣе, чѣмъ у всѣхъ русскихъ паломниковъ; особенно важно указаніе кладезя въ церкви, подтверждающее показаніе Тоблера, который относитъ церковь на основаніи присутствія колодца къ VII в. Также замѣчательны описанія Геѳсиманіи, Вертограда, пещеры Отче нашъ. Варсонофій не упоминаетъ о лабиринтѣ гробовъ пророковъ и царей, но приводитъ, указавъ на гробъ Ровоама, преданіе, не упомянутое ни у русскихъ паломниковъ, ни у западныхъ—о пророкѣ Софоніи, „его жъ Юдѣи свергоша з горы и умре, и ангели божіи взяша тѣло его, и божіимъ повелѣніемъ разступися каменная гора, и положиша ангели святыя мощи его въ гору, и опять сступися гора вмѣсто, и ту есть разсѣлина знати и донынѣ, а длина ей есть 5 пядей“.

Въ описаніи Елеонской горы также нѣсколько новыхъ чертъ: „Идучи на Елеонскую гору ко св. церкви—къ Вознесенію Христову, ту есть лѣстница предъ церковію—ступеней 20 (такъ и у Теодорика, 1172 года; у Даніила паломника—22). Около стопы Христовы обмуровано какъ теремецъ островерхъ. И близь теремца въ церкви стоятъ 4 столпы мраморныи—только

хороши на единомъ камени поставлены! И во странѣ во другой стопы Господня отдѣлано дощечками деревяными“. Подробно описана церковь св. Пелагеи, точно опредѣлено положеніе ея гроба; легенда о покаяніи у гроба передана полнѣе и яснѣе, чѣмъ у другихъ паломниковъ: „и входящи челоуѣцы поклонницы первіе каются Богу всеѣхъ грѣховъ своихъ у гроба ея, и тако единъ по единому обходитъ три краты вокругъ гроба св. Пелагеи; преподобная же чудотворица инова челоуѣка за тяжескія грѣхи притиснетъ и держитъ единъ часъ или два часа и отпуститъ“. Легенда о покаяніи у гроба св. Пелагеи восходитъ къ весьма древнему времени, и обрядъ, съ нею связанный, существовалъ еще въ XVII в.. Варсонофій еще вѣрилъ въ это сказаніе, но уже въ XV в. въ концѣ оно утратило свое значеніе и стало простой формальностью, лишенной внутренняго содержанія (Греѳеній); въ XVI в. церковь была запечатана Турками.

„Идучи на гору Кано-Галилейскую“, Варсонофій „видѣлъ ту кладезь, отъ негоже воду черпають на бракъ: а полаты жъ развалишася, токмо кучи велики каменія того лежатъ — тѣхъ полатъ“.

Очень своеобразно опредѣленіе мѣста встрѣчи Марѳы съ Иисусомъ Христомъ: здѣсь Варсонофій нашель т. н. „Марѳину воду“, — указаніе, неизвѣстное ни у насъ, ни на западѣ: обыкновенно это мѣсто отмѣчается камнемъ или столпомъ; хотя намеки на присутствіе здѣсь воды есть у Данила и Греѳенія, но нигдѣ не сказано, что она текла „поперекъ пути и глаголется Марѳина вода“.

Описаніе лавры св. Саввы у Варсонофія точнѣе, чѣмъ у Греѳенія и другихъ паломниковъ: послѣдніе обыкновенно болѣе занимаются топографіей Лавры, Варсонофій одинъ изъ всеѣхъ паломниковъ отмѣтилъ „лѣстницу, ряжену по подземелью“.

Мон. Ханинь (Беджалъскій) Варсонофій посѣтилъ уже послѣ возвращенія въ Виѳлеемъ, откуда онъ совершилъ свои послѣдніе обходы.

Передъ церковью Р. Х. видѣлъ Варсонофій большую площадь, обнесенную стѣной, съ тремя колодезями; изъ всеѣхъ паломниковъ одинъ только Даниль Ефесскій (40 лѣтъ послѣ Варсонофія) видѣлъ только уже ея остатки *), а въ XVI в. ея уже не существовало. Описаніе верхняго храма Р. Х. кратко, мозаики указаны точно; за то нижняя часть церкви описана подробно и также точно: отмѣчены двѣ лѣстницы въ 16 и 13 ступеней, ведущія въ пещеру Р. Х., — подробность, неизвѣстная ни одному изъ русскихъ паломниковъ: Даниль считаетъ 7 ступеней въ каждой лѣстницѣ, остальные паломники или знаютъ одну лѣстницу, или вовсе не отмѣчаютъ лѣстницъ. Реставрація храма въ 1842 г. подтвердила показаніе Варсонофія. Также точно и ясно отмѣчены и

*) Это извѣстіе Варсонофія оправдываетъ и реставрацію плана Виѳл. храма Воиоэ

святыни подземной церкви Р. Х.: престолъ, ясли, камень со звѣздой, камень у яслей, оконце, мозаика Р. Х., гробы младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ, престолъ св. Георгія.

Посѣтивъ мон. Ханинь, Варсонофій особенно подробно описываетъ церковь Георгія, къ которому съ особенною любовію относился паломникъ: онъ нарочно у Бейрута остановился, чтобы видѣть мѣсто, гдѣ Егорій убилъ змія; въ Лиддѣ онъ посѣщаетъ церковь, гдѣ хранилась глава Егорія; поэтому онъ посѣтилъ и Ханинь, мѣсто мученія Егорія: здѣсь онъ видѣлъ колесо, на которомъ мучили „Егорія“, цѣпь съ ошейникомъ („огорлокъ“), исцѣляющую изступленныхъ, видѣлъ иконы: Георгія на конѣ, побивающаго змѣя, и Георгія *Галилейскаго*, мучимаго на колесѣ.

Интересенъ внѣшній видъ памятника: при перепискѣ текста произошла путаница; нѣкоторыя строки поставлены не на мѣстѣ: это, очевидно, позднѣйшія приписки Варсонофія *). Нужно думать, что первоначальныя записи велись на хартіяхъ (отдѣльныхъ листкахъ). Все описаніе носитъ характеръ неотдѣланнаго литературно дневника и потому сохраняетъ свѣжесть и т. ск. теплоту перваго впечатлѣнія. Варсонофій записываетъ то, что видѣлъ, для себя, а не для назиданія читателей, какъ Даніиль Паломникъ. Поэтому онъ не пускается въ историческія подробности, не дѣлаетъ выписокъ и ссылокъ на св. Писаніе и апокрифы, не предлагаетъ символич. сопоставленія мѣстностей. Замѣтки Варсонофія лежатъ передъ нами въ сыромъ видѣ, не обработанными литературно.

Такіе же наброски, несомнѣнно, составляли канву „Странника“ и Даніила Паломника. Непосредственность неукрашеннаго разсказа составляетъ особенное достоинство „Хожденія“ наблюдательнаго и добросовѣстнаго іеромонаха. Оканчиваетъ свой разсказъ Варсонофій словами „Се первое хоженіе мое во св. градъ Іерусалимъ ермонахъ воскоро Варсонофей. И азъ же не трудихся послѣдую тебѣ Господи. адна наслажденіе чловѣческіе не взыскахъ, Святыи Царѣ, Сыне Божій. Господи Іеусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ“.

Интересное сообщеніе Н. С. Тихонравова вызвало живую бесѣду по поводу подробностей и характера путешествія Варсонофія. Въ бесѣдѣ приняли участіе: Н. В. Рузскій, М. В. Веневитиновъ, С. О. Долговъ и др.

*) На стр. 4—6 вставлено 29 стр.

6-й пять начальныхъ строкъ отнесены въ конецъ.

9-й одна строка принадлежитъ къ стр. 11-й; около 4-хъ строкъ къ 4-й.

V

Бібліографія.

Историческое описаніе московскаго ставропигіальнаго Донскаго монастыря Составилъ И. Забѣлинъ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Москва, 1893 г. (192 стр.).

Многіе старыя русскіе монастыри и церкви сосредоточивали на себѣ вниманіе государей и зажиточныхъ людей, обогащавшихъ ихъ вкладами, и храмы дѣлались хранилищемъ памятниковъ вещественныхъ и рукописныхъ, которые въ церковныхъ постройкахъ, скорѣе, чѣмъ въ частныхъ, могли сохраниться отъ пожаровъ и непріятельскихъ нашествій и, такимъ образомъ, описанія нашихъ монастырей и церквей, а тѣмъ болѣе такихъ, которые созидались въ память какихъ либо историческихъ событій или которые имѣли значеніе въ исторіи русскаго государства, всегда должны представлять интересъ для историка и археолога.

Образцемъ подобной монографіи, безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ служить „Описаніе Донскаго монастыря“ И. Е. Забѣлина. Авторъ въ „приложеніи“ (книга состоитъ изъ 2-хъ отдѣловъ: собственно описанія и приложенія, заключающаго матеріалы) собралъ всѣ рукописные документы, касающіеся монастыря: описи, грамоты, челобитныя, подрядныя, записи, лѣтопись монастырскую (съ 1693 г. по 1750 г.) и т. д., изъ которыхъ извлекъ богатый матеріалъ, послужившій основаніемъ „Описанію“. Монастырь основанъ около 1593 г. въ память избавленія Москвы отъ нашествія крымскаго хана Казы-Гирея въ 1591 г. и каменная церковь въ имя Богоматери была построена повелѣніемъ царя Θεодора Ивановича на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Обозѣ стояла походная церковь во имя преп. Сергія съ иконою Донской Божьей Матери и, начиная съ этого времени и до позднѣйшаго, И. Е. Забѣлинъ излагаетъ всю исторію монастыря. Описывая древнѣйшіе монастырскіе храмы—соборъ и церковь Донской Божьей Матери, авторъ даетъ цѣлую страницу изъ исторіи русскаго зодчества и рѣзнаго мастерства XVII и XVIII ст., при чемъ сохраняетъ и поясняетъ старинную терминологію нашихъ зодчихъ и сообщаетъ не мало именъ художниковъ и мастеровъ, прикосновенныхъ къ монастырю. Особыя главы посвящены вкладамъ въ монастырь (вотчинами, кормовыми окладами и вещественными вкладами), описанію ризницы, не особенно богатой старинными вещами, но среди нихъ авторъ отмѣчаетъ рукописныя Евангелія XV и XVI ст. съ прекрасными заставками, и кладбищу съ переименованіемъ наиболѣе выдающихся лицъ, погребенныхъ тамъ, съ описаніемъ нѣкоторыхъ намогильныхъ памятниковъ. Къ книгѣ приложена фототипія съ иконы Донской Божьей Матери и 4 вида монастыря и его храмовъ.

Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи (при Казанскомъ университетѣ). Т. XI (1893 г.), вып. 4-й.

Тубулгу-тау и неопредѣленные города Волжской Булгаріи. *П. А. Пономарева.*—Владѣнныя грамоты Спасскаго Казанскаго монастыря. *Еп. Никанора.*—Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсень (окончаніе). *В. А. Мошкова.*—*Матеріалы:* Еще о слѣдахъ древняго населенія близъ Спасска. *Обръзкова.*—Пребываніе Екатерины II въ Чебоксарахъ. Вѣрованія и культъ Мордвы с. Сабанчеева Алатырск. у., Симб. губ. *Бутузова.*—Постройки с. Талызина Курмышск. у., Симб. губ. *Постникова.*—*Хроника.* На текущія темы. *И. Н. Смирнова.*—*Музеографія.* Списокъ антрополог., археологическ. и этнографическ. предметовъ Барнаульскаго горнаго музеума. *П. Чупина.*—*Библиографія.* *И. Н. Смирнова.*—*Приложенія:* 1) Черемисско-русскій словарь. *В. П. Трошкова.* 2) Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. *М. Мухъ* (перев. съ нѣм.).

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммисіи. № 18 (подъ ред. прав. дѣль Арс. Маркевича). Симферополь, 1893 г.

Реестръ II Крымскаго двора старыхъ лѣтъ дѣламъ въ столпахъ содержащимся съ 1579 по 1700 г. (продолженіе). *Собщ. Θ. Θ. Лашковъ.*—Реестръ III Крымскаго двора новыхъ лѣтъ дѣламъ съ 1700 по 1779 г. *Сообщ. Θ. Θ. Лашковъ.*—Реестръ адресамъ, уполномочіямъ, актамъ, нотѣ, письмамъ и копіямъ писемъ Крымскихъ вельможъ и татарскихъ ордъ хана Крымскаго въ царствованіе имп. Екатерины II. *Сообщ. Θ. Θ. Лашковъ.*—Ордера кн. П. А. Зубова правителю Таврической области за 1794 годъ (продолженіе). *Сообщ. Г. К. Киръенко.*—Къ нумизматикѣ Гиреевъ (описаны монеты Хаджи-Гирея, 1440—1466 г., Менгли-Гирея I, 1468—1515 г., Девлетъ-Гирея I, 1550—1577 г., съ 4-мя табл. рис.) *О. Ф. Ретовскаго.*—Памяти П. И. Кешпена. *Арс. И. Маркевича.*—Отчетъ о дѣятельности Тавр. Уч. Арх. Комм. за 1892 г.—Протоколы засѣданій Тавр. Учен. Архивной Комм. 28 янв., 19 февр. и 7 мая 1893 г.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ист.-Археологическ.
и Музейной работ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ 12 разъ въ годъ и составляютъ томъ въ 25 листовъ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) рубля въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ).

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

ИЗДАВЛЕМА

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

А. В. ОРЪШНИКОВА.

№ 12

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. П. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1893

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ
ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

А. В. ОРѢШНИКОВА.

Съ 4-мя таблицами и 27 рис. въ текстѣ.

Томъ I.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краевѣдческой
и Музейной работы

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1893

1965 г.

АРХИТЕКТУРА

ТЕМА № 1

ТЕМА № 1

ТЕМА № 1

ТЕМА № 1

ТЕМА № 1

ТЕМА № 1

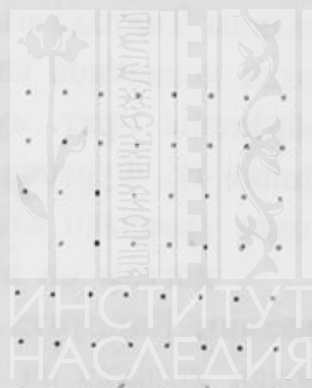

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества	1
— <i>И. Е. Забѣлинъ.</i> Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины (съ рис.).	4
<i>М. Н. Сперанскій.</i> О змѣвикѣ съ семью отроками (съ рис.).	49
<i>Д. Н. Анучинъ.</i> Древній серебряный остяцкій идолъ, изображающій слона (съ 2 рис.).	93
<i>А. Н. Шварцъ.</i> Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала (съ табл. и рис.).	102
— <i>А. В. Орѣшниковъ.</i> Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грознаго (съ 3 рис.)	154 и 453
<i>Д. В. Айдаловъ.</i> Пластинка диптиха изъ слоновой кости, изъ собранія гр. Г. С. Строганова въ Римѣ (съ рис.)	201
<i>Е. К. Рѣдинъ.</i> Древне-христіанская пиксида Болонскаго музея (съ 5 рис.).	239
<i>Д. В. Айдаловъ.</i> Одинъ изъ типовъ Христа въ мозаикахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ (съ рис.)	250
<i>Е. К. Рѣдинъ.</i> Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи. I. Софія—премудрость Божія. II. Легенда о смерти Каина (съ рис.)	257
<i>Д. В. Айдаловъ.</i> Икона изъ собранія гр. Гр. С. Строганова (съ табл.).	287
<i>В. И. Сизовъ.</i> Серебряная туалетная шкатулка польской королевы Екатерины Гонзаго (съ 2 табл.)	297
— <i>И. Е. Забѣлинъ.</i> Опричный дворецъ царя Ивана Васильевича (съ планомъ)	399
— <i>В. И. Сизовъ.</i> Вновь открытая фреска въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ (съ рис.)	416
<i>М. В. Никольскій.</i> Клинообразная надпись Русы I изъ Келаны-Кирланы (Алучалу) на берегу Гокчи въ Эриванской губ. (съ прилож. клинообр. текста).	433
<i>Е. К. Рѣдинъ.</i> Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи. III. Притча о сладости сего міра (съ рис.).	437
<i>М. Н. Сперанскій.</i> Къ легендѣ о смерти Каина (съ рис.).	443

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, прибрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и за границею.

Находка шейныхъ гривень въ Арханг. губ.	13
„ серебр. ведра и шейныхъ гривень въ Пермской губ.	13
„ Сассанидскихъ древностей въ Пермской губ.	13
„ золотыхъ пластинокъ и проч. въ Пермской губ.	13
„ серебряныхъ вещей въ Пермской губ.	13
„ серебр. браслета и др. предм. въ Пермской губ.	14
„ восточн. серебр. вещей въ Вятской губ.	14
„ сассанидск. блюда и др. вещей въ Вятской губ.	14

	Стр.
Сассанидское блюдо Историческаго музея	14
Сассанидскія блюда П. М. Постникова	14
Находка куфическихъ монетъ въ Вятской губ.	14
„ монетныхъ слитковъ въ Казанской губ.	14
„ золотой гривны и др. вещей въ Саратовской губ.	14
„ буддійскаго идола въ Астраханской губ.	14
„ бронз. статуэтки египетск. характера въ Астраханской губ.	15
„ бронзовыхъ предметовъ и сосуда, золотой дутой гривны и проч. въ кур- ганахъ Оренбургской губ.	15
Раскопка „могилы Олега“ близъ Старой Ладого.	15
„ кургановъ въ Троцкомъ у., Виленскій губ.	15
Находка бронз. предметовъ въ Тельшевск. у., Ковенской губ.	16
Остатки древнихъ поселеній близъ Кожанъ, Гродненской губ.	17
Находка римскихъ монетъ въ Курской губ.	18
Раскопки кургановъ близъ Житомира	18
Находка остатковъ одежды въ развалинахъ Мстиславскаго и Успенскаго соборовъ во Владимірѣ-Вол.	18
Находка серебр. цѣпочекъ и проч. въ Каневск. у., Кіевской губ.	18
„ клада русско-византійскихъ древностей въ Кіевѣ	18
„ золотыхъ вещей въ Кіевѣ	19
„ золотыхъ и друг. предметовъ въ Емчехѣ, Кіевской губ. (съ 2-мя рис.)	19
Раскопки проф. Антоновича въ Балтск. у., Подольской губ.	20
„ г. Звѣрева въ Воронежской губ.	21
„ въ Херсонисѣ, въ 1892 г.	21
Свѣдѣнія о находкахъ доисторическихъ древностей въ Баваріи	23
Раскопки въ Дельфахъ	23
Открытіе новыхъ могилъ въ Микенахъ	23
Раскопки на остр. Кипрѣ	23
Находки древностей въ Римѣ	24
Тунисскій музей	24
Раскопки проф. Завитневича въ Бобруйскомъ уѣздѣ	60
„ проф. Смирнова въ Пензенской губ.	62
„ кургана близъ Луганска	63
Находка древностей въ Калишской губ.	63
„ булавы на Вислѣ	63
Раскопки проф. Веселовскаго близъ Симферополя	63
Братины изъ собр. кн. В. А. Долгорукова	66
Находка древнихъ статуй и проч. въ Римѣ	67
Раскопка гробницы „Аристотеля“ на Эвбеѣ	67
Развалины Трои	68
Находка статуй въ Палестинѣ	68
Развалины Тимгада въ Алжирѣ	69
Находка мозаичной картины въ Алжирѣ	70
Пріобрѣтеніе Брит. музеемъ рѣзныхъ камней	70
Раскопки гг. Фурсова и Чоловскаго въ Могилевской губ.	112
Находка древняго кладбища въ Рязанской губ.	114
„ могилы съ высохшимъ трупомъ въ Кубанской области	116
Развалины Карнунта	116
Находка мозаики на Елеонской горѣ	119
„ деревянныхъ статуй близъ Серапеума	121

	Стр.
Находка древняго города въ Америкѣ	121
Раскопки городища на Княжей горѣ	164
Свинцовая печать митроп. Кирилла (съ рис.)	167
Раскопки въ Семирѣченской области	169
Письмена и разныя изображенія изъ Усинскаго края	171
Находка старинныхъ монеть близь Тулы	171
„ клада въ Кіевѣ	171
Раскопки въ Аргосѣ	172
Находка части храма Юпитера въ Римѣ	173
„ бронзовой головы волчицы въ Кіузи	173
Мощехранительница гр. Строганова	173
Раскопки проф. Висковатова въ Пюхтицѣ	209
Находка остатковъ древнихъ зданій въ Кіевѣ	210
Елисаветградскій музей	210
Рукопись съ автографомъ Стефана Яворскаго	212
Рукописный уставъ литургіи Василя Вел. XVII в.	212
Раскопки въ Дельфахъ	212
„ г. Сизовымъ „Дьяковскаго городища“	259
„ гг. Кожевникова и Сизова въ Бронницкомъ уѣздѣ	261
Находка могильника на берегу Камы г. Нефедовымъ	261
Раскопки г. Спицына въ Астраханскомъ краѣ	262
„ въ Херсонской губ.	264
Находка клада въ Сыръ-Дарьинской обл.	264
Развалины древняго города въ Абиссиніи	265
„ „ „ „ Арменіи	265
Пріобрѣтеніе Британскимъ музеемъ обломка греческой статуи	266
Находка бронзовой вазы близь Асколи	266
Предметъ изъ слоновой кости христіанско-византійской работы	266
Археологическія наблюденія Н. О. Криштафовича въ Московской губерніи.	418
Находка греческихъ монеть близь Лиавы	421
Евангеліе XIII в. Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ (С. О. Долгова).	421
Византійская надпись Херсонск. Статист. Комитета (съ рис.)	424
Находка серебряныхъ вещей въ Тверской губ.	446
Раскопки въ Могилевской губ. въ 1893 г.	446
Находки на Увекѣ	450
Находка головы Геракла въ Очаковѣ.	451
Находка древностей въ Тарскомъ округѣ	452
Раскопки въ Дельфахъ	452
Находка древняго судна	452

Разныя извѣстія.

Подпись Анны Ярославны (съ факсимиле).	25
Находка рукописныхъ комедій XVIII в	26
„ древне-христіанскихъ рукописей въ Египтѣ	28
Пріобрѣтеніе Русскимъ Арх. Общ. санскритскихъ рукописей.	28
Коммиссія о реорганизаціи центральныхъ архивовъ въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ.	28
Ходатайство архивныхъ комиссій о поступленіи археологическихъ находокъ на ихъ предварительное разсмотрѣніе	28

	Стр.
Ходатайство объ отпускѣ 4000 р. на экспедицію въ долину р. Орхона	28
Археологическая экскурсія г. Эварницкаго въ Среднюю Азію	29
Угличскій „ссылный“ колоколь	29
Находка остатковъ древняго храма въ Смоленскѣ	30
Реставрація Симонова монастыря	30
Музей слѣпковъ Московскаго университета	31
„Историческій Музей“ въ Бахчисараѣ	31
Музей П. И. Щукина въ Москвѣ	31
Домъ „Черноголовыхъ“ въ Ригѣ	32
Барельефъ ассирійскаго царя Нарамсина	33
Докладъ С. Ренака о мегалитическихъ памятникахъ	34
Медальоны Виргилія и Горація изъ Помпей	34
Древнѣйшій въ мірѣ гербарій	34
Реставрація Московскаго Благовѣщенскаго собора	71
Древности Селенгинска	72
Ковшъ изъ собранія г. Щукина	73
О мѣстоположеніи Бездежа	73
Сожженіе иконостаса	75
Учрежденіе церковно-археологической комиссіи въ сухумской епархіи	75
Засѣданіе Берлинск. Антрополог. Общества 21 января 1893 г	76
Сообщеніе Опперта о послѣднемъ царѣ Ассиріи	76
Реставрація базилики св. Маріи in Cosmedin въ Римѣ	77
Вновь открытый музыкальный папирусъ (г. Денисова)	77
О новомъ археологическомъ изданіи при Оксфордскомъ университетѣ	78
Открытіе Новгородскаго Музея	123
Музей И. К. Суругана въ Кашиневѣ (В. М. Сысоева)	124
Общество любителей старины въ Архангельскѣ	126
Музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ	126
По поводу сожженія иконостаса	127
Экспедиція въ Трою Дёрифельда	127
Открытіе фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (В. З. Завитневича)	174
Реставрація Новгородскаго Софійскаго собора	175
Открытіе подземныхъ комнатъ Бахчисарайскаго дворца	175
Проектъ раскопокъ въ Булгарахъ	175
Приобрѣтеніе рукописей Ѳ. И. Буслаева Публичной бібліотекой	176
Выставка доисторическихъ древностей г. Передольскаго	177
Четырехсотлѣтній юбилей типографской дѣятельности въ Цетиньѣ	178
Объ изданіи полного Corpus'a древнихъ монетъ	179
Объ открытіи подвала въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ	213
Учрежденіе во Владикавказѣ областнаго Музея	214
Предложеніе г. Передольскому выставить его собраніе въ Лейпцигѣ	215
Новая надпись Рамзеса III	215
Археологическая экспедиція Англичанъ въ Черногорію	216
Дополнительныя свѣдѣнія о фрескахъ Кіево-Софійскаго собора	267
Находка гроба въ Новгородскомъ кремлѣ	268
Херсонскій музей при Статистическомъ Комитетѣ (В. Н. Ястребова)	269
Рукоп. св. Димитрія Ростовскаго	269
О мѣстѣ битвы на р. Калкѣ	270
Новое Словацкое археолого-этнографическое Общество и Музей	271
Объ обычаѣ носить на пальцахъ перстни въ древности	271

	Стр.
Новыя приобрѣтенія папирусовъ Британскимъ Музеемъ	272
Обломки скульптуръ Парѣнона въ Британскомъ Музеѣ	272
Скупка древностей въ церквахъ Кіевской губерніи	424

Засѣданіе ІХ Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ.

Открытіе съѣзда. Рѣчи гр. П. С. Уваровой и Ю. О. Крачковскаго	300
---	-----

Общая собранія.

В. Н. Сторожевъ. Московское управленіе въ Вильнѣ XVII в.	305
А. И. Павинскій. О подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в.	307
Ал. И. Маркевичъ. Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи	308
Ю. О. Крачковскій. Къ исторіи старой Вильны	341
В. Б. Антоновичъ. О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра	342
Д. Я. Самоквасовъ. Обь организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ въ Западныхъ губерніяхъ	346
Л. Паевскій. Очеркъ исторіи Бреста	380
П. И. Тиховскій. Паденіе народной пѣсни	380
Б. А. Богородицкій. Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ	382
В. М. Площанскій. О древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго архива	384
М. С. Корелинъ. Первые шаги классической археологіи	391
В. Г. Васильевскій. Гдѣ находился Виленскій Кривою замкъ	392
Гр. П. С. Уварова. Рѣчь передъ закрытіемъ Съѣзда	393

1-е отдѣленіе (первобытныя древности).

В. З. Завитневичъ. Формы погребальнаго обряда въ курганахъ Минской губ.	314
В. Б. Антоновичъ. Погребальный типъ могилъ Радимичей	316
М. В. Фурсовъ. Раскопки кургановъ въ Могилевской губ., въ 1892 г.	318 и 453
С. В. Люба-Радзиминскій. Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни.	338
Кн. П. А. Путятинъ. Каменный ножъ и его измѣненія	339
Л. К. Житинскій. Языческое кладбище въ с. Б. Рыкань, Дубенскаго уѣзда	340
В. И. Сизовъ. Дьяково городище	350
А. В. Селивановъ. Раскопки Борковскаго могильника въ 1892 г.	352
Беценбергеръ. О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи	357
Д. Н. Анучинъ. О слѣдахъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи.	365
Е. Н. Мельникъ. О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра	366
Гр. де-Флери. О Ятвяжскихъ кладбищахъ	366
С. С. Слуцкій. О каменныхъ бабахъ	367
Пичъ. Замѣтки о Чешской археологіи	368
А. А. Спицынъ. Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей.	388
Г. Х. Татуръ. О курганахъ Минской губ.	389
В. Б. Антоновичъ. Замѣтка о крапеленыхъ скелетахъ	390
И. А. Линниченко. О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ	391

2-е отдѣленіе (исторія, географія, этнографія).

Л. Х. Штида. О наименованіи мѣховъ въ ганзейской торговлѣ	313
Г. А. Виссендорфъ. О мѣстоположеніи Варяжской Руси	313

	Стр.
Х. П. Ящуржинскій. О превращеніяхъ въ Бѣлорусскихъ сказкахъ	314
А. В. Лонгиновъ. О кн. Любартѣ-Феодорѣ Ольгердовичѣ	329
А. И. Кирпичниковъ. О палладіумѣ Константинополя	330
Н. П. Авенариусъ. О дрогичинскихъ пломбахъ	330
Е. Ф. Орловскій. О началѣ города Гродны	331
И. П. Филевичъ. Угорская Русь	369
А. В. Лонгиновъ. Родственные связи русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ	370
А. И. Соболевскій. О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для исторической этнографіи	370
Х. И. Поповъ. Гдѣ находилась хазарская крѣпость Саркель	370

3-е отдѣленіе (искусства и художества).

В. В. Сусловъ. О Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ, въ Псковѣ	309
Н. В. Покровскій. Тоже	310
Н. И. Петровъ. О монетахъ В. К. Изяслава Ярославича	311

4-е отдѣленіе (памятники быта).

А. Я. Ефименко. О копныхъ судахъ	325
И. А. Линниченко. Общины на Валашскомъ правѣ въ югозападной Руси	328
А. Я. Ефименко. О феодализмѣ въ зап. Руси и Литвѣ	358
Н. Я. Чижовъ. Нѣкоторыя черты брачно-юридическихъ символовъ Ярославской губ.	360
С. Ѳ. Платоновъ. Объ огнищанахъ	360
Ю. А. Кулаковскій. О керченскихъ катакомбахъ съ фресками	384
В. М. Довнаръ-Запольскій. Къ вопросу о Лелѣ	386
Н. И. Веселовскій. О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра I	386
М. В. Фурсовъ. По поводу бѣлорусскаго праздника „Свѣча“	387

5-е отдѣленіе (церковныя древности).

М. П. Истоминонъ. Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи	319
Н. И. Троицкій. Пѣснь пѣсней въ фрескахъ Тульскаго Успенскаго собора.	321
Н. И. Петровъ. О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Кіевѣ	323
В. Г. Васильевскій. Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ	374
Н. И. Петровъ. О Купятицкой иконѣ Богородицы	377
М. Н. Бережковъ. Елена Ивановна, великая княгиня Литовская	377

6-е отдѣленіе (памятники языка и письма).

И. П. Созоновичъ. Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ	335
П. В. Владиміровъ. Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. Курбскаго	337
А. И. Соболевскій. Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода	337
М. И. Соколовъ. Славянскіе тексты апокрифической книги Еноха	372
Е. Ѳ. Карскій. Что такое древнее западно-русское нарѣчіе	372
А. Е. Прѣсняковъ. Московскіе лѣтописные своды	373
П. В. Владиміровъ. Два памятника русской литературы XVI вѣка	374

<i>7-е отдѣленіе (древности классическія и византійскія).</i>	Стр.
Э. Р. Штернъ. Замѣтки по исторіи Ольвіи	362
Ө. И. Успенскій. Вопросъ о Готахъ	363

<i>8-е и 9-е отдѣленія (древности литовскія, славянскія и восточныя).</i>	
А. Ө. Мѣржинскій. О Криве	332
А. А. Кочубинскій. Литовскій языкъ и наша старина	334

<i>10-е отдѣленіе (памятники археологическіе).</i>	
А. Н. Львовъ. Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ	348
И. И. Васильевъ. Архивъ упраздненнаго Рижскаго генераль-губернаторства	349
А. Д. Бѣляевъ. Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ	349

Рефераты на иностранныхъ языкахъ.

Гр. де-Флери. О неолитической стоянкѣ въ Кемнѣ	323
Бар. де-Бай. Объ Асторгскомъ ковчегѣ для мощей	324
Кн. П. А. Путятинъ. Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи.	324
Гр. де-Флери. О церкви св. Михаила въ Ломжѣ	325

Засѣданія Обществъ

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: 6 октября 1892 г. (докладъ гг. Куликовскаго и Сысоева о поѣздкѣ на Кавказъ (стр. 41). Демонстрація Д. А. Анучинымъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Казанской губ. (стр. 42)—1 ноября 1892 г. Торжественное засѣданіе, въ которомъ чествовалось 50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности И. Е. Забѣлина (стр. 42).—17 ноября 1892 г. Засѣданіе Славянской Коммиссіи. Докладъ И. А. Линниченко. О новыхъ теоріяхъ происхожденія польскаго государства и сословій въ Польшѣ (стр. 44). — 28 ноября 1892 г. Засѣданіе Восточной Коммиссіи. Сообщение В. К. Трутовскаго о проектѣ упрощенія Арабскаго алфавита (стр. 83). Доклады А. С. Хаханова о поѣздкѣ въ Эриванскую губ. и М. В. Никольскаго о клинообразной надписи изъ Сардарабада (стр. 84).—15 января 1893 г. Докладъ К. М. Быковскаго о Сѣздѣ Зодчихъ (стр. 85). Докладъ Д. Я. Самоквасова о центральныхъ архивахъ (стр. 87).—26 января 1893 г. Доклады А. М. Павлинова объ искусствѣ у Татаръ, В. А. Уляницкаго о полукопкѣ Сигизмунда Августа и Д. Н. Анучина объ остяцкомъ идолѣ-слонѣ и объ амулетѣ изъ кости человѣческаго черепа (стр. 137).—16 января 1893 г. Доклады Д. И. Иловайскаго объ Ильѣ Муромцѣ, В. И. Сизова о раскопкахъ въ Московск. губ. и И. В. Цвѣтаева объ юбилеѣ де-Росси (стр. 138).—28 января 1893 года. Засѣданіе Восточной Коммиссіи. Доклады М. П. Сабина „О грузинскомъ описаніи страданій армянск. мучениковъ“ и А. Е. Крымскаго: „Очеркъ исторій суфизма въ I и II в. Гиджры“ (стр. 139).—26 февраля 1893 г. Засѣданіе Восточной Коммиссіи. Отчетъ Н. Н. Пантусова о при-Пишпекскомъ кладбищѣ (стр. 141). Сообщение Х. И. Кучукъ-Іоаннесова о путешествіи Белька (стр. 142).—2 марта 1893 года „Дополнительная замѣтка объ историческихъ наслоеніяхъ былинъ“, Д. И. Иловайскаго (стр. 187). Доклады Н. П. Лихачева: „О разрѣшительныхъ грамотахъ“ и А. М. Фетисова о раскопкахъ въ Семирѣченской области (стр. 188). 19 марта 1893 г. Докладъ И. А. Линниченки: „Десятилетняя организація древней Руси“ (стр. 188) 9 апрѣля 1893 г. Доклады А. Н. Шварца „Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала“, В. И. Сизова: „О раскопкахъ г. Фурсова въ Могилевской губ.“ и Н. Ө. Бѣляшевскаго: „О раскопкахъ на Княжей Горѣ“ (стр. 191). Засѣданіе Славянской Коммиссіи 29 окт. 1892 года, 20 янв., 23 февр., 13 марта и 16 апрѣля

1893 г. Докладъ М. Н. Сперанскаго: „О славянскихъ библиотекахъ Австріи и Сербіи“, „Правила Слав. Комм“ (стр. 192). Рефераты: В. М. Истрина „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“ (стр. 193). В. В. Богданова „О звуковой транскрипціи русскаго языка“, С. О. Долгова. „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“ (стр. 195). Л. Г. Нидерле „О трудѣ Пича „Археол. изысканія въ средней Чехіи“ (стр. 195). А. С. Хаханова „О грузинскомъ переводѣ Александріи (стр. 196). 4 мая 1893 г. Засѣданіе Восточной комиссіи. 4 мая 1893 г. Доклады А. С. Хаханова. „О Ниноцминдскихъ актахъ“ и А. Е. Крымскаго „о суфизмѣ III в. Гиджры“ (стр. 224 — 225). 19 мая 1893 г. Засѣданіе Славянской Комиссіи. Докладъ Н. С. Тихонравова: „О вновь открытомъ хожденіи русскаго паломника Варсонофія во св. землю въ 1456 г.“ (стр. 426).

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: 18 марта 1893 г. Новые документы о Крижаничѣ.—С. А. Бѣлокурова (стр. 227). 24 апрѣля 1893 года. О междукняжескихъ отношеніяхъ московскаго государства въ XIV—XV вв.—В. А. Уляницкаго (стр. 228). Возраженія В. О. Ключевскаго (стр. 228).

Антропол. отд. Общ. Люб. Естествознанія: 18 января 1883 г. Къ вопросу о національности европейскихъ макрокефаловъ.—П. П. Мельгунова (стр. 89).

Московскаго Архитектурнаго Общества: 11 февраля 1893 г. О реставраціи Варварской башни—Н. В. Никитина. 25 февраля 1893 г. (стр. 143). Реставрація иконостаса Успенскаго собора въ Москвѣ 1892 г.—Д. Н. Чичагова (стр. 144).

Московскаго Нумизматическаго Общества. Доклады гг. Трутовскаго, Уляницкаго Жизневскаго, Деммени. О монетахъ и новыхъ книгахъ по нумизматикѣ (стр. 143).

Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 25 сентября 1892 г. Описаніе монеть Черноморскихъ колоній А. А. Бертъе-Делагарда (стр. 45). 2 марта 1893 г. Новый документъ о взятіи Кафы Турками (стр. 234). Греческія надписи (стр. 235). 24 марта 1893 г. О древнемъ кладбищѣ въ Тирасполѣ (стр. 285). Греческія надписи и монеты (стр. 286).

Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: (Общія собранія) 1 дек. 1892 г. О теоріяхъ бронзовой и желѣзной культуръ, Θ. А. Брауна (стр. 91). 18 января 1893 г. О раскопкахъ кургановъ подъ Симферополемъ, Н. И. Веселовскаго (стр. 146). 3 ноября 1893 г. О перстнѣ XI—XII в., П. И. Хруцова (стр. 45). (Слав.-русс. отд.). 9 дек. 1892 г. О костеносномъ городищѣ въ Пермской губ., В. Г. Дружинина (стр. 92). О вновь открытомъ памятникѣ русскаго письма XI в. и о похвалѣ ц. Симеону въ Изборникѣ Святослава, А. И. Соболевскаго (стр. 92). О древнихъ урочищахъ въ Бессарабіи, Е. Е. Замысловскаго (стр. 92). 5 февраля 1893 г. Новый документъ о Константинѣ Философѣ, В. И. Ламанскаго (стр. 146). Столица гетмановъ Батуринъ, А. В. Половцева (стр. 146) 31 марта 1893 г. Осмотръ древн. въ Арх. Комм. (стр. 197). 15 апр. 1893 г. О мордовскихъ могильникахъ IX—XVII в., А. А. Спицына (стр. 198). О пещерныхъ жителяхъ южной Европы, кн. П. А. Путятина (стр. 198).—(Класс. отд.). 20 ноября 1892 г. Замѣчанія на сочиненіе Аристотеля, Θ. И. Соколова (стр. 46). Вопросъ о львахъ въ Греціи, В. К. Ернштеда (стр. 46). 12 февр. 1893 г. Нумизматическій комментарий на одно мѣсто изъ Лукана, А. К. Маркова (стр. 147). О народѣ Кефть, Б. А. Тураева (стр. 147). 26 февр. 1898 г. О гражданской присягѣ Херсонесцевъ, А. Θ. Семенова (стр. 148). Объ арх. и топогр. данныхъ въ соч. Аристотеля объ Аѳинск. госуд., А. И. Покровскаго (стр. 148). 19 марта 1893 г. О сибирск. древн. времени Петра I, Г. Е. Кизерицкаго (стр. 197). Объ именахъ Эллада и Еллины, А. Θ. Эммана (стр. 197). 8 апр. 1893 г. О путешествіи въ Палестину св. Виллибальда, И. В. Помяловскаго (стр. 198). О греческихъ надписяхъ съ береговъ Пропонтиды, А. М. Щукарева (стр. 198). 18 окт. 1893 г. О раск. Американцевъ въ Аргосѣ, С. А. Жебелева (стр. 457). О Зевсѣ Сирійскаго Геліополя, Я. И. Смирнова (стр. 457)—(Восточн. отд.). 30 окт. 1892 г. О турецкихъ лубочныхъ картинахъ, В. Д. Смирнова (стр. 46). 16 февр 1893 г. О турецк. легендѣ, В. В. Бартольда (стр. 148). О древностяхъ Кашгара, Н. Θ. Петровскаго (стр. 148).

18 марта 1893 г. Предположенія мусульманъ объ упоминаніи имени Мухамеда въ Пятикнижїи, А. Я. Гаркави (стр. 196). Слѣды новаго иранско-инд. сказочнаго цикла, В. Р. Розена (стр. 196). 6 мая 1893 г. Обь образцахъ персидскаго базарнаго творчества, В. А. Жуковскаго (стр. 230). 30 октября 1893 г. Татарская версеія легенды о 7 спящихъ отрокахъ, Н. Θ. Катанова (стр. 458).

Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности: 27 ноября 1892 г. Сербское соч., посвящ. царевнѣ Софьѣ, П. А. Сырку (стр. 91). Неизд. памятн. литературы XII в., Хр. М. Лопарева (стр. 91). 22 янв. 1893 г. О житїи св. Питирима, И. А. Шляпкина (стр. 149). 12 марта 1893 г. Обь иллюстраціи Козьмы Индикоплова, Е. М. Гаршина (стр. 231). О рукоп. Вологодск. семинаріи, И. А. Шляпкина (стр. 231). 19 марта 1893 г. Царская библіотека въ XVI ст., Н. П. Лихачева (стр. 232). 9 апрѣля 1893 г. О житїи пр. Ромила, П. А. Сырку (стр. 233). 7 мая 1893 г. Обь Арсенїи Мацѣвичѣ, Т. И. Филиппова (стр. 234).

Археологическаго Института: 15 января 1893 г. Обзоръ дѣятельности Архивныхъ Коммиссій въ 1891 г., А. Н. Труворова (стр. 145). О раскопкахъ близъ Симферополя, Н. И. Веселовскаго (стр. 145). 17 мая 1893 г. Актъ въ Институтѣ (стр. 230).

Общества Археологїи, Исторїи и Этнографїи при Казанскомъ Университетѣ: 13 апрѣля 1893 г. О памятникахъ древности близъ Спасска, Обрѣзкова (стр. 199). О памятникахъ древности у с. Муранки, В. Н. Поливанова (стр. 200). О раскопкахъ въ Казанск. губ., И. Н. Смирнова и П. А. Пономарева (стр. 460).

Кіевскаго Общества Естествоиспытателей: 16 октября 1893 г. О нахожденїи костей мамонта и кремневыхъ орудій, П. Я. Армашевскаго и В. Б. Антоновича (с. 458).

Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества: 28 октября 1893 г. Обь археологической находкѣ въ Изюмскомъ уѣздѣ, свящ. Спѣсивцева (стр. 459). О рукописномъ сборникѣ XVIII в., проф. Багалѣя (стр. 460).

Философско-Историческаго отд. Вѣнской Академіи: О вновь найденныхъ глаголическихъ отрывкахъ, И. В. Ягяча (стр. 149).

Библиографія.

	Стр.
Salomon Reinach. Antiquités du Bosphore Cimmérien.	35
Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи за 1882—88 гг.	36
„ „ „ „ „ 1889 г.	276
„ „ „ „ „ 1890 г.	454
Матеріалы по археологїи Россїи. № 8. Византійскій памятникъ.	37
Гв. № 9. Греческія и латинскія надписи изъ южной Россїи.	38
Гв. № 10. Лядинскій и Томниковскій могильники.	273
Гв. № 11. Древности Юго-Западнаго края.	274
Основанія хронологической классификаціи и каталогъ колл. древностей Д. Я. Самоквасова.	40
Матеріалы по археологїи Кавказа. Выпускъ III.	79
Памяти отца намѣстника Леонида, Гатцука, Попова и Котляревскаго	80
В. В. Латышевъ. Краткїй очеркъ исторїи Воспорскаго царства	81
А. Карзинкинъ. Матеріалы по русской нумизматикѣ.	81
Каталогъ польскихъ монетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ	83
Записки Императорскаго Русскаго Археол. Общ. Т. VI, вып. 1 и 2	83
Труды VII Археол. Съѣзда въ Ярославлѣ	127
Труды Восточной Коммиссіи Моск. Археол. Общ. Т. I	129
Указатель памятниковъ Императорскаго Россійскаго Историческаго музея	131

	Стр.
Труды Орхонской экспедиціи	131
Филологическое Обзорѣніе	134
Труды Московскаго Нумизматическаго Общества	134
Mélanges d'archéologie etc. par. Dumont.	136
Nachrichten über deutsche Alterthumsfunde	136
Древнѣйшія русскія монеты, гр. И. И. Толстого. (В. А. Уляницкаго).	180
В. К. Георгій Михайловичъ. Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи, Грузіи, Польши и Финляндіи	183
Записки Восточн. отд. Имп. Русск. Археол. Общ. Т VII. вып. I—IV.	184
Извѣстія Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ Т. XI, вып. 1 и 2	185
Тоже, выпускъ 3-й	278
„ „ 4-й	432
Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣдователей Астраханскаго края. 185	
У. А. Хойновскій. Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева	186
А. Н. Шварцъ. Запѣтки объ орнаментациі саркофага	216
А. Васильевъ. Сборникъ памятниковъ византійской литературы	217
Gazette archéologique, 15-e année.	219
Römische Quartalschrift. VII J. I—II Heft	220
Bulletino di Archeologia cristiana. Anno III, № 1, 2	223
„ „ „ „ „ „ № 3.	280
Revue de l'art chrétien, 36 année, 1 livr	223
„ „ „ „ „ „ 2 „	282
Каталогъ колл. древностей А. Н. Поля	277
Стояновичъ. Мирославово Евангеліе.	279
Byzantinische Zeitschrift, II, 2.	284
Труды Виленскаго отд. Моск. предв. ком. по устройству IX арх. съѣзда.	396
Каталогъ предметовъ выставки IX архивн. съѣзда.	396
Историческое описаніе Донскаго монастыря, И. Е. Забѣлина	431
Извѣстія Таврической учен. Археол. комм. № 18	432
Христіанское чтеніе, 1893 г.	456

Некрологи.

Н. И. Витковскій	47
Г. Г. Вульфійусъ	236

ИЗДАВЛЯЮЩАЯ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

I

1945.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческ
и Музейной работы

Клинообразная надпись Русы I въ Келаны-Кирланы (Алучалу) на берегу Гокчи въ Эриванской губерніи.

(Съ приложеніемъ текста съ транскрипціей и переводомъ надписи Келаны-Кирланы и другихъ 4-хъ надписей).

Лѣтомъ 1893 года Императорское Московское Археологическое Общество командировало меня и А. А. Ивановскаго на Высочайше дарованныя средства въ Эриванскую губернію со спеціальною цѣлю изслѣдованія клинообразныхъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ этой губерніи. Полный отчетъ объ экспедиціи съ приложеніемъ новыхъ снимковъ съ надписей и обзоромъ добытыхъ вещей будетъ напечатанъ въ „Матеріалахъ по Археологіи Кавказа“*). Но въ виду интереса, какой возбужденъ въ настоящее время изслѣдованіемъ этихъ надписей, особенно въ Германіи и Англій, считаю долгомъ опубликовать текстъ наиболѣе интересныхъ надписей впервые нами снятыхъ во время экспедиціи, равно какъ переиздать по оригиналамъ и лучшимъ снимкамъ нѣкоторыя изъ

*) Всего вышло 3 выпуска: 1888, 1889 и 1893 г. подъ редакціей гр. Уваровой.

уже изданныхъ надписей. По отношенію къ издаваемымъ здѣсь вновь 4-мъ надписямъ я продолжаю счетъ, принятый мною въ моей статьѣ: „Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи“ (III вып. „Трудовъ Восточной Коммисіи Имп. М. А. О.“), т. е. XVIII—XXI. Надпись, найденная въ Захалу (№ XV моего счета), издается здѣсь вторично.

Однимъ изъ важныхъ результатовъ экспедиціи было приобрѣтеніе эстампажа съ надписи *Келаны-Кирланы*, до сего времени извѣстной подъ именемъ *Алуцалу*¹⁾, на южномъ берегу Гокчайскаго озера. Она извѣстна съ 1862 года по снимку, снятому Архіепископомъ Месропомъ и помѣщенному въ 1863 году въ издававшемся въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“. Проф. Сэйсъ (*A. H. Sayce*) въ своемъ обширномъ изслѣдованіи: *The cuneiform inscriptions of Van*, помѣщенномъ въ *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, Vol. XIV, Part 3—4, подъ № LV отзывается объ ней такъ: „Unfortunately his copy, published in *le Nouvellist russe*, is so hopelessly bad that hardly a word in it is recognizable“. Только по догадкѣ онъ относитъ эту надпись къ Сардури II (около 750 г. до Р. X.). Въ послѣднее время было много попытокъ снять эту надпись (по предположенію Сэйса она должна имѣть большую историческую важность), но эти попытки были неудачны, такъ какъ надпись находится на высокой отвѣсной скалѣ, образующей берегъ Гокчи, такъ что видѣть ее и подойти къ ней можно только со стороны озера на лодкѣ или въ водѣ. Въ 1889 году нѣмецкій изслѣдователь *Вольдемаръ Белькъ* сдѣлалъ отчаянную попытку снять эту надпись: онъ простоялъ 3 часа по поясъ въ водѣ и въ состояніи былъ снять всего $\frac{1}{6}$ надписи (т. е. 3 строки изъ 19). Скопированная имъ часть, по его словамъ, даетъ точное указаніе, что надпись принадлежитъ Сардури II, какъ именно предполагалъ Сэйсъ. вмѣстѣ съ этимъ онъ утвердительно говоритъ, что фотографія или эстампажъ съ этой надписи не могутъ имѣть значенія для публикаціи и только отъ тщательнаго изученія *оригинала* можно ожидать ея дешифрованія²⁾.

Однако же моему сотоварищу по экспедиціи, А. А. Ивановскому удалось осуществить то, что считалось невозможнымъ т. е. подступить къ надписи и снять эстампажъ, который представляетъ вполне точное и ясное воспроизведеніе того, что находится на самой надписи.

1) Армянское селеніе *Келаны - Кирланы* находится около самаго берега Гокчи, вблизи надписи, между тѣмъ какъ селеніе *Алуцалу* отстоитъ отъ надписи на гораздо большее разстояніе. На этой перемѣнѣ названія настаиваетъ А. А. Ивановскій, снимавшій надпись.

2) *Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft*, 1893, S. 217, Ann. 3.

Тѣмъ важнѣе наша побѣда надъ препятствіями, что надпись представляетъ весьма большой интересъ по своему содержанию. Она принадлежитъ не Сардури II, какъ думали Сэйсъ и Белькъ, а *Русь*, но не тому Русѣ II, отъ котораго осталась надпись въ Армавирѣ (она издается здѣсь подъ № XIX) и на мѣдныхъ щитахъ, найденныхъ около Вана. Послѣдній Руса былъ современникомъ Ассурбанипала (668—626 до Р. Х.), между тѣмъ какъ наша надпись принадлежитъ *Русь* I, тому знаменитому современнику Саргона царя Ассирійскаго (722—705 г. до Р. Х.), который велъ съ этимъ послѣднимъ отчаянную борьбу на жизнь и смерть во главѣ всѣхъ народовъ сѣвера ¹⁾. Анналы царствованія Саргона изобилуютъ описаніемъ этой исполинской борьбы, причемъ герой ея называется большею частію не Руса, а съ перестановкою звуковъ *Урса*, хотя и первое имя встрѣчается ²⁾. Отъ Русы I до сего времени не было найдено ни одной надписи, какъ и вообще отъ его преемниковъ до Русы II, жившаго около 100 лѣтъ спустя. Сэйсъ даже полагалъ, что политическое положеніе Урарту во время борьбы и послѣ разгрома при Саргонѣ не благопріятствовало сооруженію монументальныхъ надписей и поэтому ихъ не слѣдуетъ и ожидать. Руса II въ надписяхъ называется сыномъ Эримена, а Руса I въ нашей надписи—сыномъ Сардури. Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ объ отношеніи Урсы ассирійскихъ надписей къ Сардури II. Естественно было предположить по чисто хронологическимъ основаніямъ, что Урса былъ сыномъ Сардури, но только теперь это является вполне доказаннымъ историческомъ фактомъ, и къ 5 царямъ ванской династіи, преемственно отъ отца къ сыну царствовавшимъ въ Ванѣ и оставившимъ намъ клинообразныя надписи, мы должны присоединить 6-го, притомъ такого, который игралъ самую важную роль въ исторіи Ассиріи.

Надпись, къ сожалѣнію, не вполне сохранилась. Нижняя ея часть находилась въ древнее время подъ прибоемъ волнъ, такъ какъ вода въ озерѣ стояла выше нынѣшняго уровня. Но и теперь, при сильномъ волненіи, волны могутъ достигать нижняго конца надписи. Тѣмъ не менѣе большая часть ея сохранилась и часть утраченнаго можетъ быть восстановлена. По содержанию она рѣзко отличается отъ обыкновеннаго типа монументальныхъ надписей Урарту и поэтому нѣкоторыя слова и выраженія не могутъ быть вполне точно объяснены. Однако же главное содержаніе надписи вполне ясно и очень важно. Въ ней Руса повѣствуетъ о завоеваніи 23 странъ, имена которыхъ находятся въ надписи. Все это такія страны, которыя очевидно лежали поблизости отъ Гокчи т. е. принад-

1) См. мою статью: «Клинообразныя надписи Ванскихъ царей», стр. 412—414.

2) См. анналы Саргона л. 58 и 75 у *Hugo Winckler*, Die Keilschrifttexte Sargons, Band I, стр. 13 и 16—17.

лежали къ составу сѣверной провинціи Урарту и находились вѣроятно въ нынѣшнихъ предѣлахъ русской Арменіи. Одна изъ этихъ странъ *Ширикукини* упоминается въ надписи Захалу (см. Прил. № XV лин. 2. 4.), также на южномъ берегу Гокчи. Далѣе, одна изъ странъ называется *Ериани* (лин. 11),—это вѣроятно нынѣшняя Эривань ¹⁾. Наши познанія въ древней географіи русской Арменіи значительно должны расширяться, благодаря этой надписи, особенно когда удастся установить тожество этихъ названій съ болѣе поздними географическими названіями или по другимъ соображеніямъ приурочить эти названія къ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Вмѣстѣ съ покореніемъ странъ Руса сдѣлалъ своими вассалами 23 царя этихъ странъ. Далѣе онъ говоритъ о добычѣ и заключеніе о построеніи храма урартскому божеству, но не *Халди*, главному божеству, а *Теишба*, занимающему 2-ое мѣсто въ урартской троицѣ (*Халди*, *Теишба* и *Ардини*). Идеограмма *Теишба* тождественна съ идеограммою ассирійскаго божества *Раммана*, бога атмосферы, грома и молніи и вообще водной стихіи. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ урартскаго *Теишба* былъ одинаковъ съ *Рамманомъ*. Такъ какъ храмъ этотъ долженъ былъ находиться гдѣ нибудь по близости отъ Гокчи, то является понятнымъ, почему онъ былъ посвященъ спеціально этому божеству. Большое озеро Гокча съ его дикими скалами, съ его вѣтрами и бурями, съ его красивыми голубыми волнами и богатствомъ животнаго царства могло считаться между прочимъ жилищемъ бога водной стихіи.

Двѣ издаваемые здѣсь армавирскія надписи: *Русы II* (№ XIX) и *Сардури II* (№ XX) находятся въ настоящее время въ Эчмиадзинѣ. Съ надписи, найденной въ Сарыкамышѣ (Карсской области) и стоящей на дворѣ Кавказскаго музея въ Тифлисѣ, нельзя было сдѣлать удовлетворительнаго эстампажа, такъ какъ камень стоитъ въ сыромъ мѣстѣ, но по сличеніи оригинала съ фотографіей мнѣ удалось возстановить большую часть надписи, хотя многое только предположительно. Она издается здѣсь подъ № XXI. Надписи №№ XIX и XX представляютъ только фрагменты, у Сарыкамышскаго же камня не имѣется начала надписи и съ лѣвой стороны въ началѣ строкъ недостаетъ по одному знаку.

Текстъ изданной уже мною надписи Захалу (№ XV) былъ не полонъ; теперь онъ возстановленъ сполна по новому снимку, а потому онъ издается здѣсь вторично. Въ ней интересно названіе страны *Urta ħini* (лин. 5). Если отбросить суффиксы *ħi-ni*, то *Urta* будетъ совпадать съ *Urṭu*

¹⁾ Клинообр. надписи ванскихъ царей, стр. 428.

одной древне-вавилонской двуязычной таблички ¹⁾, — название, которое можно считать за болѣе древнюю форму Урарту ²⁾.

Многочисленныхъ поправокъ и дополненій, сдѣланныхъ мною въ другихъ надписяхъ по оригиналамъ, по недостатку мѣста, я не могу здѣсь представить. Ограничусь указаніемъ на тотъ важный фактъ, что въ 1-й Ташбурунской надписи (№ I моего счета) имя города, завоеваннаго царемъ Менуа, во всѣхъ 5 мѣстахъ, а именно на лин. 3, 9, 13, 14 и 19 надобно читать не *Luninini*, какъ читали до сего времени, а *Luhinini*, т. е. точно такъ, какъ оно было прочитано въ Ташбурунской надписи № II (лин. 3).

М. Никольскій.

II

Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи.

3.

Притча о сладости сего міра.

Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ ведетъ свое происхожденіе съ Востока; полагаютъ, что она впервые составлена въ Египтѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ явилась не ранѣе VIII вѣка. Изъ Египта черезъ Малую Азію она проникла въ Византію; отсюда — къ южнымъ Славянамъ, а отъ послѣднихъ перешла въ Россію; вошла въ Прологи, Минеи, Сборники. Повѣсть извѣстна на Руси въ рукописяхъ XV — XVIII ст. (Хлудовская XVII ст., съ миниатюрами), но отдѣльныя ея притчи начинаютъ встрѣчаться гораздо раньше; такъ, притча о Ковчехахъ извѣстна по рукописи XIV в., притча о трехъ друзьяхъ — также по рукописи XIV в. и др. ³⁾. Насколько притчи этой повѣсти были популярны на Руси, можно судить на основаніи того, что онѣ проникли въ народные стихи, а также, что болѣе важно — нѣкоторыя изъ нихъ попали даже въ роспись церквей.

Въ памятникахъ византійскаго искусства, а также русскаго встрѣчаемся преимущественно съ притчею о сладости сего міра, какъ очевидно, наиболѣе отвѣчающею поучительной цѣли. Вотъ содержаніе этой

1) II Rawl. 48, 13 ed.

2) Zeitschrift für Assyriologie, VI Band (1891), 1 и 2 Heft, S. 65, Anm. 2.

3) А. И. Кирпичниковъ. *Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ*. Харьковъ 1874, стр. 181

притчи: „Людей, непрестанно пребывающихъ въ тѣлесныхъ сластяхъ, — говорилъ Варлаамъ, — а души оставляющихъ томиться голодомъ, я полагаю подобными человѣку, который бѣжалъ отъ страшнаго единорога, и вдругъ съ разбѣгу упалъ въ глубокую пропасть, и на вѣтвяхъ утвердилъ свои ноги. Взглянувъ внизъ, увидѣлъ онъ двѣ мыши, одна бѣлая, другая — черная, непрестанно подгрызаютъ корень того дерева; посмотрѣвъ на дно пропасти, увидѣлъ страшнаго змія, дышащаго огнемъ и готоваго пожрать его. Взглянувъ на вѣтви, на которыхъ онъ утвердилъ свои ноги, увидѣлъ отъ стѣны четыре головы аспидовъ, а отъ вѣтвей тѣхъ капало немного меду; и забывъ всѣ грозящія ему опасности, онъ устремился ко сладости малаго меда онаго. Эту притчу Варлаамъ объясняетъ своему ученику такъ: *Единорогъ* — смерть, гонящаяся за человѣкомъ, *пропасть* — міръ сей, исполненный всяческихъ золъ и смертоносныхъ сѣтей; *дерево*, за которое, ухватившись, мы держимся, — временная жизнь каждаго человѣка; *мыши бѣлая и черная* — день и ночь. *Четыре аспиды* — четыре стихіи, изъ которыхъ составленъ человѣкъ, *огнеобразный и неистовый змій* — утроба адская; *медвяныя же капли* — сладость міра сего, прельщаясь которою человѣкъ оставляетъ заботу о спасеніи“ . (Буслаевъ, Сбор. общ. древне-русскаго иск. на 1866 г., стр. 83, Кирпичниковъ, 1. с., приложение, 87—89).

Въ памятникахъ византійскаго искусства встрѣчаемъ впервые изображеніе этой притчи въ XI в., какъ иллюстрацію къ 143 псалму, 4 стиху: „Человѣкъ подобенъ дуновенію; дни его какъ уклоняющаяся тѣнь“ . Такъ въ псалтыри библ. Барберини въ Римѣ (по старому кат. № 217, по новому III, 91), XI в., л. 182 она изображена такимъ образомъ: представлено древо *житія человѣческаго*; внизу отъ единорога бѣжитъ человѣкъ къ древу; тотъ-же человѣкъ стоитъ на вѣтвяхъ дерева съ каплями меда на нихъ (*ἡ τρυφή ἐξ ἡ ἀπάτης*), какъ подобіе прельщающагося прелестями міра сего. Корень дерева подѣдаютъ двѣ мыши — бѣлая и черная (соотвѣтствующія подписи *ἡμέρα νύξ*); ниже — пропасть, изъ которой подымаетъ свою пасть драконъ; сбоку стоитъ старецъ, также смотрящій вверхъ. Совершенно тождественное изображеніе находилось, какъ можно судить по надписямъ ¹⁾ и слабымъ сохранившимся очеркамъ, въ псалтыри Британскаго Музея XI в., № 19325, л. 182. Сходныя же изображенія притчи имѣются и въ другихъ болѣе позднихъ иллюстраціяхъ псалтыри, какъ Супральской (XIV в.), Угличской (XV в.) ²⁾, Ко-

¹⁾ Эти надписи называютъ изображенный предметъ и предлагаютъ объясненіе его значенія. См. Н. П. Кондаковъ, *Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей*. Одесса 1876, стр. 124.

²⁾ Буслаевъ, *Историческіе очерки* II, 207.

стромскаго Ипатьевскаго монастыря (XVI в.)¹⁾. Во всѣхъ этихъ иллюстраціяхъ нѣтъ, какъ видно, изображенія четырехъ аспидовъ; изображеніе же старца въ двухъ раннихъ псалтыряхъ не находитъ себѣ объясненія въ самой притчѣ. Въ византійскихъ-же памятникахъ, но уже не псалтыряхъ, а сборникахъ, фізіологахъ—притча эта дана съ большими подробностями, о которыхъ не говорится въ притчѣ, и которыя, быть можетъ, изобрѣтены художниками или же имѣются въ другихъ версіяхъ притчи. Такъ, въ рукописи „фізіологъ Симеона и индійскія басни“ Барберинской бібліотеки конца XIV в., № I, 172, л. 15, справа изображенъ домъ и два дерева; единорогъ бѣжитъ къ дереву, у корня котораго чудище, извергающее пламя; далѣе второе дерево, въ вѣтвяхъ котораго сидитъ юноша, приложившій правую руку къ головѣ (жестъ печали); внизу дерева, съ одной стороны бѣлая мышь (съ другой стороны черной нѣтъ); ниже четыре чудища (аспида) смотрятъ вверхъ съ открытой пастью.

Въ другой греческой рукописи, собраніи притчъ Соломона съ отрывками др. сочиненій,—XIV—XV в. Парижской Національной Библиотеки, № 36, л. 203—(см. рис. 26) изображено дерево съ красными плодами, на немъ между двухъ вѣтвей, срывая плодъ, стоитъ юноша; на верху дерева сидятъ два попугая, ниже стоитъ по сторонамъ по аисту, еще ниже слѣва—единорогъ, а справа—левъ; ниже подтачивающія стволъ мыши черная и бѣлая; еще ниже—четыре дракона (аспида) и у корня, въ темной пропасти чудище, разверзшее пасть.²⁾

Въ греческой-же рукописи житія Варлаама и Иоасафа № 1128, XIV в., л. 68—юноша изображенъ стоящимъ не на деревѣ, а возлѣ него, ухватившись за его вѣтви; внизу мыши и одно чудовище.

1) Покровскій, *Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря*, стр. 31, табл. VIII, р. 1. Изображеніе притчи въ данной Псалтири соединено съ иллюстраціей 9—10 стиха того-же 143 псалма: — „Боже! новую пѣснь воспою тебѣ, ... дарующему спасеніе царямъ и избавляющему Давида, раба Твоего, отъ лютаго меча“. Въ углу миниатюры на облакахъ изображены Господь Саваоѣ, благословляющій, ниже нѣсколько воиновъ, преслѣдующихъ царя Давида, обратившагося въ ихъ сторону съ мечемъ у плеча. Эта часть миниатюры полагаемъ, стоитъ въ связи съ той, что даетъ изображеніе притчи, какъ противопоставленіе съ одной стороны человѣка, обращающагося въ несчастіи къ Богу, а съ другой,—забывающаго о Немъ.

2) Нѣкоторымъ поясненіемъ къ данному изображенію притчи можетъ, вѣроятно, служить осложненный пересказъ ея въ такъ называемой „притчѣ о богатыхъ“ болгарскихъ книгъ, известной въ Измарагдѣ Румянцевскаго музея, XIV в. (А. Л. Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ, Москва. 1891, стр. 102), въ рукоп. XV в. Публ. библ. Толст. № 214 (А. И. Кирпичниковъ, 1. с., 181). По этому пересказу человѣка преслѣдовали левъ и верблюдъ; къ пропасти, у которой онъ находится, прилетаютъ горлица и воронъ. Въ 3-й главѣ арабской передѣлки Панчатантры, съ тою-же отъѣной, что и въ мусульманской редакціи „Варлаама“ вмѣсто единорога за человѣкомъ гонится слонъ, который въ переводѣ Іоанна Капуанскаго замѣненъ львомъ (А. И. Кирпичниковъ, 1. с., 232).

Въ произведеніяхъ западнаго искусства древнѣйшее изображеніе притчи извѣстно въ барельефахъ южнаго портала Пармскаго Бапти-

Рис. 26.

стерія (1196—1283 г.), гдѣ посреди также представлено дерево съ плодами, котораго корень подгрызають двѣ мыши; на вѣтвяхъ дерева стоитъ безбородый юноша, протягивая лѣвую руку къ улью съ медомъ; внизу дерева извивается крылатый змѣй, извергая изъ пасти пламя; по

сторонамъ, въ кругахъ, изображены по два раза день и ночь въ видѣ Аполлона и Діаны, и четыре вѣтра ¹⁾).

Въ барельефахъ прѣкрасной работы в. XIII—XIV, хранящихся во дворѣ Феррарскаго университета притча изображена въ простой композиціи. Вверху барельефа стоитъ единорогъ, смотрящій внизъ на юношу, стоящаго на деревѣ, ухватившись за вѣтвь, внизу дерева—двѣ мыши и чудище съ открытой пастью, изъ которой пышетъ пламя; надъ изображеніемъ полукругомъ надпись: *unicornis sic insequitur anima hominum*.

Насколько популярна была повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ на Руси, какъ мы уже сказали выше, видно изъ того, что нѣкоторыя притчи ея проникли въ роспись церквей, въ украшеніе иконостаса.

Въ Звенигородскомъ соборѣ (выстроенъ въ концѣ XIV в.) внутри на столбахъ изображена бесѣда царевича съ Варлаамомъ объ истинахъ Христовой вѣры: царевичъ Іоасафъ изображенъ въ царскомъ одѣяніи съ зубчатой тиарой на головѣ предъ старцемъ Варлаамомъ, на свиткѣ котораго сдѣлана надпись: „повѣда отрочати, бисерь безцѣнный еже есть Христось и зрю тя глубину внимательною вѣрою Христу“ ²⁾. Сходное изображеніе имѣется на предъалтарной стѣнѣ Московскаго Успенскаго собора (XV—XVI в.); на свиткѣ у Варлаама такая надпись: „повѣдан ти чадо бисерь бесцѣнны еже ест Хсї по игу его лехкому ходи“ ³⁾.

Съ древнѣйшимъ изображеніемъ притчи о сладости сего міра въ памятникахъ древне-русскаго искусства мы встрѣчаемся на Васильевскихъ дверяхъ Новгородскаго происхожденія, хранящихся нынѣ въ г. Александровѣ, Владимірской губ., въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ; двери эти, судя по надписи на нихъ, принадлежать къ 1336 году ⁴⁾. Она изображена здѣсь такъ: на деревѣ съ плодами стоитъ человѣкъ; по сторонамъ дерева два животныхъ, одно единорогъ, а другое, вѣроятно, левъ; дерево подгрызають двѣ мыши, изъ которыхъ одна названа въ надписи *бѣлая мышъ*, а другая *черная мышъ*; внизу дерева, повидимому, адское чудище съ открытой пастью; общая для всего изображенія надпись: *въ сладость сего міра* ⁵⁾.

¹⁾ Буслаевъ „Сравненіе одного рельефа на порталѣ Пармскаго баптистерія съ миниатюрой Уликиной псалтыри“ въ Сборникѣ, изд. Обществомъ древне-русскаго искусства на 1866 г., стр. 82. См. также *Evangelische Kalender* за 1866, издаваемый Пизеромъ и его статью о Пармскихъ скульптурахъ.

²⁾ Арх. Леонидъ: „Звенигородъ и его соборный храмъ съ фресками“. Сборникъ на 1873 г., изданный Общ. древне-русск. иск., стр. 115.

³⁾ Мансветовъ: *По поводу недавно открытой стѣнописи въ Московскомъ и Владимірскомъ Успенскихъ соборахъ*. Москва 1883, стр. 12.

⁴⁾ Разборъ иконографическій нѣкоторыхъ изображеній позволяетъ относить двери къ болѣе позднему времени.

⁵⁾ Описаніе вратъ см. у Мурзакевича въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1837 г., октябрь,

Изображеніе притчи встрѣчаемъ затѣмъ на двухъ сѣверныхъ (такъ называемыхъ пономарскихъ) дверяхъ въ росписи иконостаса—церквей Новгородъ: св. Софіи и Дмитрія Солунскаго, относящихся, повидимому, къ XVI в. ¹⁾.

На первыхъ—въ верхней лѣвой части дверей изображены сидящими—сѣны іоасафъ цркви^н, подпирajući подбородокъ лѣвой рукой, а прено^н варлаам^н пүсты^н мнді, держащій въ правой рукѣ восьмиконечный крестъ, а въ лѣвой—книгу съ надписью: градъ великій нѣкій слышахъ.

Ниже—въ другомъ квадратѣ: „притча: дрѣво подобно житію члвческому. Прологъ“ ²⁾. На деревѣ, въ вѣтвяхъ котораго видны три желтыхъ квадрата (соты), стоитъ юноша, простирая къ нимъ руки; къ дереву слѣва устремляется единорогъ, а справа—левъ; у корня черная и бѣлая мыши; ниже четыре красныхъ чудища (аспиды), а подъ самыми деревьями—темная пещера, въ которой трудно различимая фигура адскаго чудища.

На другихъ дверяхъ изображенія почти тождественны: сидящіе Варлаамъ и Іоасафъ, у перваго крестъ и книга, на которой написано: „слово крестное погибающимъ юродство есть“... Надписи надъ ними: прїподобный Варлаамъ пустынный бесѣдуетъ по іоасафъ царевичю.

Надъ нижнимъ же изображеніемъ, надъ деревомъ: „дрѣво сие подобно есть чловческому житію“.

Нельзя не отмѣтить ближайшаго сходства изображенія всѣхъ указанныхъ примѣровъ въ памятникахъ древне-русскаго искусства съ изображеніемъ въ Парижскомъ сборникѣ византійской рукописи XIV—XV в., № 36.

Какъ на наиболѣе ясное доказательство популярности у насъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ, можно указать, наконецъ, еще на то, что изображеніе жизни Іоасафа и отдѣльныхъ притчей изъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ встрѣчаются въ народныхъ картинахъ; такъ въ изданіи этихъ картинъ у Ровинскаго № 1398 даетъ въ центрѣ изобра-

въ статьѣ «Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ», стр. 600—622. Это описаніе повторено въ Древностяхъ Россійскаго Государства, отд. VI (Москва 1853, стр. 72—84), гдѣ изданы и рисунки съ нихъ—Атласъ, № 33. Описаніе ихъ также дано въ указанной выше книгѣ А. Л. „Историческое и археологическое описаніе...“ стр. 97—107, съ приложеніемъ рисунка, столь же неяснаго, безъ иконографическаго разбора, какъ и въ Атласѣ „Древностей“.

¹⁾ На основаніи данныхъ, приведенныхъ Арх. Макаріемъ, можно первыя двери отнести равно какъ къ XIV, такъ и къ XVI в. *Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ*. Москва, 1860, ч. I, стр. 47 и 48. Соловьевъ, *Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора*. Спб. 1858, стр. 45, относитъ иконостасъ къ XIV в. Сравненіе даннаго иконостаса съ иконостасомъ ц. Дмитрія Солунскаго позволяетъ скорѣе отнести ихъ къ XVI в.

²⁾ Притча эта, какъ извѣстно, помѣщается въ Прологъ подъ 19 ноября.

женіе бесѣдующихъ Варлаама съ Іоасафомъ, а кругомъ — въ шестнадцати малыхъ отдѣленіяхъ — исторіи обращенія Іоасафа въ христіанскую вѣру и смерть его ¹⁾; № 1398 — картина, упоминаемая Снегиревымъ, притча о временемъ семь вѣць ²⁾ № 717 (гравюра первой половины XVIII в.) — притча о богатыхъ и убогихъ ³⁾; № 717 — притча яко не по внѣшнимъ подобаеть судити ⁴⁾.

Е. Рѣдинъ.

III

Къ легендѣ о смерти Каина.

Въ замѣткахъ по поводу статьи Е. Male (въ *Revue archéologique*, Mars-Avril, 1893, p. 186 sq.), помѣщенныхъ въ „Археол. Изв. и Зам.“ (№ 7—8, стр. 257—259), приведена Е. К. Рѣдинымъ *византійская* миниатюра XI—XII в., изображающая этотъ сюжетъ, при чемъ замѣчено, что „легенда нашла отраженіе и въ памятникахъ искусства, но, повидимому, не ранѣе XI—XII в.“. Именно къ этому времени (XII в.) относится и старѣйшее, сколько мнѣ извѣстно, *западное* по происхожденію изображеніе этой легенды въ искусствѣ. ⁵⁾ Это — барельефъ на главномъ фасадѣ романскаго храма въ Моденѣ. Храмъ начатъ постройкой въ 1099 году (см. *W. Lübke. Gesch. der Architektur* (Leipz. 1870) I, p. 419). Помѣщенъ барельефъ надъ правой входной дверью; авторомъ его, какъ и другихъ барельефовъ, украшающихъ фасадъ храма, былъ довольно извѣстный въ XII в. художникъ по имени Viligelmus, какъ это указано было Seroux d'Agincourt'омъ (см. *Sammlung von Denkmälern der Architektur, Sculptur u s. w.*, 2. Abth. № 6 (Text, p. 16); также: *Vedriani. Raccolta de' Rittori, Scultori et Architetti Modenesi*. 1662, p. 17—18).

Въ виду не совсѣмъ яснаго прилагаемаго рисунка барельефа (см. рис. 27) привожу краткое его описаніе, сравнительно съ легендой ⁶⁾:

¹⁾ Русскія народныя картинки, кн. III, 561—563.

²⁾ *Ib.* IV, 738—739.

³⁾ *Ibid.*, III, 60—66.

⁴⁾ *Ib.* IV, 534.

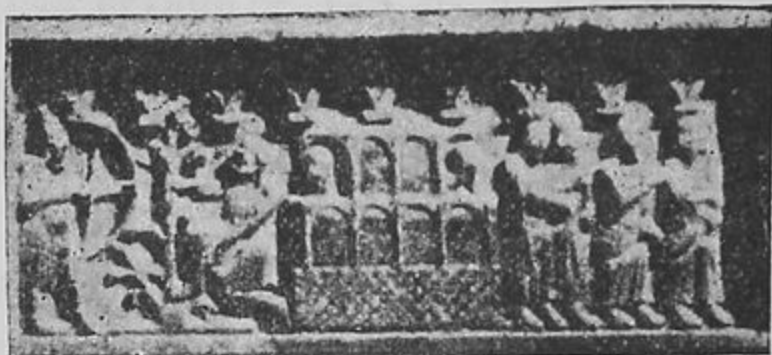
⁵⁾ Къ этому же времени относится и византійская мозаика Монреале, о которой говорятъ Е. Male. (p. 193) и Е. К. Рѣдинъ (стр. 258).

⁶⁾ Греч. легенда приведена въ *Anecdota Graeco-byzantina* (M. 1893) А. В. Васильева; (стр. 194); въ слав. переводѣ — въ «Историч. Палевъ» (M. 1881), стр. 10—12; здѣсь легенда, буквально совпадая съ указаннымъ греч. текстомъ, ближе къ своему первоначальному виду, нежели въ «Толковой Палевъ», откуда она приведена Е. К. Рѣдинымъ.

Налѣво въ высокой остроконечной шапкѣ, съ лукомъ, на который наложена стрѣла, стоитъ слѣпой Ламехъ (слѣпота, согласно легендѣ, ясно выражена въ оригиналѣ: у Ламеха глаза закрыты), далѣе

и

0.P.

Рис. 27

слѣдуетъ дерево (какъ и въ византійской миниатюрѣ, по легендѣ означаетъ мѣсто, поросшее лѣсомъ и тростникомъ), за нимъ находимъ Каина, упавшаго на колѣно и пораженнаго въ горло, съ закинутой головой (поза соотвѣтствуетъ легендѣ: „возстенавъ горько, Каинъ издше“). Средина барельефа занята домомъ, изъ двухъ крайнихъ оконъ котораго выглядываютъ двѣ головы: изображаютъ ли онѣ двухъ женъ, ожидающихъ возвращенія Ламеха, который по легендѣ былъ первымъ двоеженцемъ, или тотъ градъ съ бесѣдующими двумя юношами, что мы видимъ на византійской миниатюрѣ, рѣшить не берусь, такъ какъ для меня не вполне ясенъ и градъ, о которомъ упоминаетъ Е. К. Рѣдинъ, и юноши: рѣшить же положительно, мужскія ли это фигуры, или женскія, трудно въ виду плохаго состоянія этой части барельефа. На юношей же легенда указаній не даетъ. За домомъ видимъ Ламеха, ведомаго домой нашедшимъ его въ пустынь, что вполне совпадаетъ съ легендой, передавая ее точнѣе, нежели византійское изображеніе, гдѣ или взять иной моментъ (напр. Ламехъ, уже стоящій передъ женами и кающійся), или не помѣщены тѣ „нѣціи“, которые привели его домой. Наконецъ, двѣ женскія фигуры: это жены Ламеха, предъ которыми онъ совершилъ покаяніе. Думаю, такъ надо понимать эти двѣ фигуры и на византійской миниатюрѣ: легенда подчеркиваетъ извѣстія о женахъ Ламеха: „ноя себѣ Ламехъ слѣпый двѣ жены, имя единой Адда, имя второй Селла... Ламехъ же плачь великъ въспріемый рече: Адда и Селла, слышите гласъ мой, жены Ламеха...¹⁾ Такимъ образомъ, разница въ изображеніи сюжета въ византійской и западной обработкѣ ничтожна: на византійской мы не видимъ Каина (если только мы не должны пред-

¹⁾ Кромѣ того, и подпись (вторая) на византійской миниатюрѣ, мнѣ кажется, не допускаетъ колебанія на счетъ этихъ двухъ фигуръ: ἔχθιστα τ' ἔρουα ταῖς γυναῖξί πως λέγου.

полагать его въ неясной лежащей фигурѣ, считаемой Е. К. Рѣдинымъ за юношу—наставника). Въ этомъ отсутствіи опять таки можно предполагать желаніе слѣдовать легендѣ: мальчикъ — наставникъ видитъ только „колеблющееся тростіе“. Западный художникъ изображаетъ и Каина. Эта особенность западнаго изображенія повторилась и позднѣе, въ XIII в., на мозаикѣ флорентійскаго баптистерія, гдѣ точно также въ изображеніи смерти Каина находимъ лицо его, обрамленное пышными волосами и бородой, въ кустахъ, соотвѣтствующихъ тому же „тростію“. Но кромѣ этого, въ работѣ Вильгельма есть еще отличіе отъ византійской легенды и миниатюры: мы не находимъ „мальчика—наставника“. Была ли эта подробность художнику извѣстна и опущена имъ по какимъ нибудь (м. б. чисто техническимъ) соображеніямъ, или нѣтъ, — сказать трудно. Но первое предположеніе подтверждается, м. б., той же флорентійской мозаикой, гдѣ находимъ мальчика — наставника держащимъ стрѣлы и стоящимъ около самого Ламеха (м. б. направляющимъ даже его руку ¹⁾), и затѣмъ его же (второй моментъ) лежащимъ уже убитымъ, т. е. опять по легендѣ и по византійской миниатюрѣ. Это сопоставленіе позволяетъ намъ видѣть, что въ основѣ византійскаго памятника и западнаго XII в. (а также и XIII в., въ мозаикѣ баптистерія) лежитъ одна и та же легенда въ одинаковомъ для того и другаго развитіи подробностей: приведенная у Е. Male легенда „въ полномъ развитіи“ (по Walfried'у Strabo, IX в.), не объясняетъ подробностей западныхъ изображеній XII и XIII в., какъ легенда греческая, находимая нами въ этомъ видѣ въ Палеѣ, памятникѣ приблизительно X в. ²⁾ Т. о. общій выводъ можетъ быть таковъ: или Вильгельмъ работалъ подъ вліяніемъ греческой легенды, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго для XII в., или же легенда была извѣстна на западѣ въ болѣе полномъ видѣ, нежели у Strabo. Во всякомъ случаѣ мнѣніе Male, что у Strabo легенда достигла „полнаго развитія“, едва-ли можетъ быть принято.

М. Сперанскій.

¹⁾ Мозаика реставрирована.

²⁾ См. Историч. Палею, введеніе, стр. 29.

IV.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія

— А. К. Жизневскій въ письмѣ на имя Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, гр. П. С. Уваровой, сообщаетъ о находкѣ въ нынѣшнемъ, 1893-мъ, году въ селѣ Дягуниѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ., клада, выпаханнаго на берегу Волги. Кладъ, помѣщавшійся въ мѣдномъ, сильно окислившимся, ящикѣ, покрытомъ сковородкою, состоялъ изъ трехъ серебряныхъ монетныхъ слитковъ, такъ называемаго кievскаго типа, серебряныхъ дутыхъ бусъ, серебрянаго, святаго жгучомъ, шейнаго обруча, пары подобной же формы браслетовъ, двухъ колецъ также витыхъ и нѣсколькихъ височныхъ колецъ, частью въ обломкахъ; височныя кольца имѣютъ форму соединенныхъ четырехугольныхъ пластинокъ, покрытыхъ нарѣзнымъ орнаментомъ. Кладъ поступилъ въ Тверской музей.

— Систематическія раскопки въ Могилевской губерніи были въ первые произведены въ 1892 году, по распоряженію г. Губернатора. Районъ раскопокъ обнималъ тѣ 5 уѣздовъ, которые расположены между рѣками Днѣпромъ и Сожемъ и по берегамъ ихъ. Эти 5 уѣздовъ (Быховскій, Рогачевскій, Чериковскій, Климовичскій и Мстиславскій) занимаютъ центральную площадь губерніи, наиболѣе протяженную съ запада (отъ Днѣпра) на востокъ (къ Сожу). На югъ отъ означенныхъ уѣздовъ тянется уѣздъ, Гомельскій, примыкающій къ губерніямъ Черниговской и Минской. Сѣверную же окраину губерніи занимаетъ Сѣнненскій уѣздъ, граничащій съ Витебскою губерніею, а ниже его расположены уѣзды: Оршанскій, сопредѣльный съ Минской и Смоленскою губерніями, Могилевскій, примыкающій отчасти къ Минской губерніи и Чаусскій съ Горецкимъ, составляющіе сѣверную часть центральной полосы Могилевской губерніи.

Въ 4-хъ уѣздахъ — Оршанскомъ, Могилевскомъ, Чаусскомъ и Горецкомъ, систематическія раскопки кургановъ, на сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ еще не были сдѣланы, въ уѣздахъ же Сѣнненскомъ и Гомельскомъ въ 1893 году раскопки производились г. Романовымъ (въ первомъ) и проф. В. Б. Антоновичемъ (во второмъ) по порученію Археологической Комиссіи. Въ 1893-мъ же году были сдѣланы дополнителныя раскопки и въ 5 центральныхъ уѣздахъ г. Чоловскимъ, по порученію Могилевскаго Губернатора.

О нихъ мы и будемъ говорить далѣе, руководствуясь отчетомъ г. Чоловскаго и другими, имѣющими офиціальныи характеръ, свѣдѣніями.

1) Въ Климовичскомъ уѣздѣ, на землѣ крестьянъ дер. Волынижи роднянской волости, вблизи фольварка Тушичинъ раскопанъ курганъ, извѣстный въ народѣ подь названіемъ Волотова могила.

Форма этого кургана овальная: 9 саж. въ длину и 3 саж. въ ширину, высота отвѣсная 2 сажени. При раскопкѣ на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. найдена небольшая кучка пережженныхъ костей животнаго. У подошвы насыпи, на глубинѣ $5\frac{1}{2}$ арш. — крупные угли и черепки горшка перемѣшанные съ золою. Костяка не найдено. Въ народѣ существуетъ легенда, что тутъ жили 2 брата и что младшій убилъ великана — старшаго по неосторожности, во время игры топорами. Замѣтимъ, кстати, что игра топорами (перебрасываніе ихъ изъ рукъ въ руки) была вѣроятно во время пляски, которая и доселѣ въ Бѣлорусіи сохранила названіе топорикъ. (Подобная пляска, только съ кинжалами, существуетъ на Кавказѣ).

Вблизи кургана находятся 2 городища, въ 2-хъ верстномъ разстояніи одинъ отъ другого, на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ р. Бесѣдь. Они окружены валами, окружностію отъ 130 до 150 сажени.

Невдалекѣ отъ кургана, на берегу р. Бесѣди, найдены случайно и разновремененно каменный молотъ изъ отшлифованнаго порфира и хорошо отдѣланный кремневый ножъ, въ 2 вершка длиною (донесеніе исправника).

Раскопки при селеніи Кулишовкѣ по р. Остру (притокъ р. Сожа), въ Хотовижской волости, (сѣв. часть Климов. уѣзда), оказались болѣе содержательными. Здѣсь, среди лѣсистой мѣстности, находится до 60 кургановъ, въ 100 саженьяхъ отъ Бесѣди, между селеніями Кулишовка и Ходунь.

На разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ группы кургановъ находятся развалины какого-то зданія изъ дикаго камня, гдѣ, по словамъ крестьянъ старожиловъ, въ былое время, находили много топоровъ, ножей и перстней съ камнями. Мѣстность носить названіе Хрестъ.

Два старыхъ большихъ кургана, окруженныхъ глубокими рвами, и 2 среднихъ были раскопаны г. Чоловскимъ, при чемъ оказалось:

Курганъ № 1 имѣетъ въ окружности 22 сажени, высота — 5 арш., форма конусообразная, съ провалами на срѣзанной вершинѣ, насыпь — песчаная, поросшая молодымъ лѣсомъ, но встрѣчаются и пни старыхъ, вѣковыхъ сосенъ. Вокругъ подошвы кургана толстый слой черной глины (геля), положенный, вѣроятно, для воспрепятствованія осыпки песчаной

курганной насыпи. На глубинѣ 1 арш. — мелкіе угли, на глубинѣ 5 арш. сунесь, перемѣшанная съ берестою, и остатки дубовыхъ колодь вокругъ костяка. Гробъ былъ сбитъ гвоздями по угламъ. Костякъ истлѣлъ, у головы, обращенной на В., и у правой, протянутой вдоль туловища руки — черепки горшковъ и угля. Вещей при костякѣ не найдено.

Курганъ № 2 — по близости № 1. Окружность 27 саж., высота $5\frac{1}{2}$ арш., форма — усѣченный конусъ, насыпь песчаная, въ глубинѣ которой много старыхъ сосновыхъ пней. При рытьѣ траншеею, въ 8 арш. шириною, стали оказываться, по всей насыпи, мелкіе угли въ разбросѣ на незначительной глубинѣ. Скелетъ находился въ центрѣ кургана, на глубинѣ $5\frac{1}{2}$ арш., слѣдовательно, лежалъ на грунтѣ, головой на В., руки вдоль туловища. При скелетѣ, у поясничныхъ частей костяка, найдены 3 мѣдныхъ предмета, 2 — въ формѣ якорей, и 1 — узорчатая бляшка. Предметы имѣютъ съ внутренней стороны скобочки или ушки для прикрѣпленія къ ремню или, вообще, къ поясу. Костякъ оказался положеннымъ на толстый (около $\frac{1}{2}$ аршина) слой золы, вѣроятно, взятой съ кострища, которое оказалось рядомъ со скелетомъ, на СВ. отъ него. Въ кострищѣ найдены обгорѣлыя человѣческія кости и половинка проволочнаго браслета, также перегорѣвшая.

Курганъ № 3 расположенъ рядомъ съ предыдущимъ. Окружность до 12 саж., высота — 2 аршина. Форма конуса, сильно попорченая, насыпь песчаная. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. мелкіе угли. Въ центрѣ, на грунтѣ подошвы кургана, найденъ небольшой горшокъ черной глины, наполненный углями. Въ В. части кургана, на грунтѣ — большое кострище съ крупными углями и головешками. Костяка не оказалось.

Курганъ № 4 имѣетъ въ окружности 14 саж., высоты — 1 саж. Форма усѣченнаго конуса, насыпь песчаная. Костякъ — головою на западъ, руки протянуты, въ головахъ горшечекъ изъ черной глины, съ отбитымъ краемъ.

2) По Мстиславскому уѣзду произведена раскопка при фол. Печковка помѣщика Зарембо, въ 2-хъ верстахъ отъ гор. Мстиславля. Группа состояла изъ 8 кургановъ; прежде они были окружены вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, нынѣ подвергаются распашкѣ. Раскопка 2 кургана конусообразной формы. Окружность 1-го кургана — 11 саж., высота — 2 арш. Насыпь песчаная, съ примѣсью камней. Скелетъ находился въ центрѣ, на глубинѣ 2 арш., головою на западъ, лицо повернуто къ югу, ноги согнуты въ колѣнахъ, руки вдоль туловища, на пальцѣ прав. руки — серебряный, связанный узломъ перстень, около шеи — бусы изъ пасты, и круглая, металлическая бляха спереди. Въ ю-в. части кургана рядъ камней. Угли въ разбросѣ по всей повер-

ности, но въ маломъ количествѣ. Курганъ — на лѣвомъ берегу рѣки Вѣхры.

Курганъ № 2 меньше предыдущаго, почва каменисто-песчанная. По всей поверхности — мелкіе угли, въ центрѣ, ближе къ подошвѣ — темный слой земли. Костяка не оказалось. Четыре пробныхъ колодца, прокопанныхъ ниже грунта, не показали ничего, кромѣ материка.

Въ имѣніи помѣщика Подобѣда *Вѣхраны* раскопанъ курганъ въ полуверстѣ отъ впаденія р. Вѣхры въ Сожъ. Окружность кургана до 30 саж., форма конусообразная, насыпь черноземъ съ примѣсью песку. Высота до 6 арш. На глубинѣ 3 арш. стали встрѣчаться мелкіе угли и черепки, въ разбросъ, отъ горшковъ изъ черной глины весьма грубой работы. Скелетъ оказался на глубинѣ 5 арш., головою на западъ; положеніе ногъ значительно выше — головы. Вокругъ скелета много черепковъ отъ разбитыхъ горшковъ.

Затѣмъ г. Чоловскимъ осмотрѣны курганы при селеніяхъ: Ключино, Суздалевка и Городище, Соинской волости. Они оказались сильно изрытыми кладоискателями, поэтому къ раскопкѣ ихъ приступлено не было.

3) Въ *Чериковскомъ уѣздѣ*, въ 7 верстахъ отъ Краснополя, вокругъ котораго въ 1892 году произведены были значительныя раскопки, сдѣланы были дополнительные изслѣдованія при д. *Клясинъ*, расположенной въ глухой мѣстности. Изъ 9 кургановъ раскопанъ одинъ, форма погребенія въ которомъ нѣсколько уклоняется отъ прочихъ. Здѣсь найдены, во первыхъ, два костяка на разстояніи 4-хъ аршинъ одинъ отъ другаго; во вторыхъ, костяки лежали отъ поверхности насыпи менѣе, чѣмъ на 1 аршинъ, и въ третьихъ, при одномъ изъ костяковъ найдены украшенія отъ головного убора, чего ни разу не было встрѣчено при раскопкахъ какъ 1892 года, такъ и въ 1893 году.

Клясинскій курганъ имѣетъ окружность въ 14 саж., высоту 2 арш. Форма кургана не указана, относительно состава почвы въ дневникѣ также нѣтъ указаній. Не обозначено также, какимъ способомъ раскопанъ курганъ и до какой глубины доведена раскопка.

Мужской скелетъ лежитъ головою на востокъ; руки были протянуты вдоль туловища. У ступней ногъ найденъ совершенно истлѣвшій ножъ, около праваго колѣна еще какая-то желѣзная вещь истлѣвшая. Положеніе втораго костяка — женщины то же самое. Около черепа найдены бусы разной формы; около ступней найдены по 2 кольца изъ согнутой проволоки.

Въ селеніи Палужъ раскопанъ курганъ вблизи волостного прав-

ленія, на церковной землѣ. Курганъ принадлежитъ къ большому могильнику, который въ настоящее время распаханъ и занятъ подъ огороды. Изъ всей группы сохранились кое-какъ только 7 кургановъ среди огородовъ. Одинъ изъ нихъ раскопанный—имѣетъ коническую форму, окружность въ 29 саж. и отвѣсную высоту въ 2 саж. Насыпь песчаная съ примѣсью чернозема. На глубинѣ 1 аршина стали попадаться мелкіе угли и пережженные кости животныхъ. На глубинѣ 5 арш. въ СВ. части кургана оказался слой бересты, прикрывавшій углубленіе (яму), приблизительно, $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ. Внутри — яма тщательно выложена берестой. Въ ямѣ ничего, кромѣ пепла и нѣсколькихъ небольшихъ углей не оказалось. Береста замѣчена была и въ ЮЗ. части кургана въ значительномъ количествѣ и на $\frac{1}{2}$ аршина отъ его подошвы. Курганъ былъ раскопанъ траншеею въ 7 арш. ширины, костяка не найдено, но на высотѣ $1\frac{1}{4}$ арш., почти въ центрѣ, замѣчены кости мелкаго животнаго.

Изъ числа случайныхъ находокъ текущаго 1893 года слѣдуетъ упомянуть о 92 слиткахъ серебра, вѣсомъ въ 38 фунтовъ. По формѣ (однообразной для всѣхъ слитковъ) это гривны кievскаго типа, вѣсомъ отъ 26 до 28 золотниковъ каждая. Поверхность слитковъ поздраватая, верхняя сторона выпуклая у 42 слитковъ, у остальныхъ 50 шт. плоская. На задней сторонѣ—продольное углубленіе. Въ одномъ слиткѣ острый край отсѣченъ. Кладъ найденъ крестьянскимъ мальчикомъ д. Задрутѣе, Луковской волости, Рогачевскаго уѣзда, въ землѣ на глубинѣ 1 арш.

Вторая случайная находка — палеонтологическая близъ мѣстечка Сухари, Чаусовскаго уѣзда: въ болотѣ лѣсистой мѣстности найдены кости (а по другимъ извѣстіямъ остовъ) мамонта. Въ Могилевскій музей доставлена только часть бивня. Остальныя кости растасканы крестьянами.

Находки костей мамонта не рѣдкость въ Могилевской губерніи. Прежнія находки были по берегамъ р. Днѣпра и Сожа. Нынѣшняя въ болотѣ и на дальнемъ разстояніи отъ Сожа, въ районѣ рѣчки Баси, впадающей въ Проню (Сообщилъ М. В. Фурсовъ).

— Г. Духовниковымъ въ Саратовскомъ листкѣ (№ 200, 1893 г.) напечатана слѣдующая замѣтка: Въ № 6295 „Новаго Времени“ напечатана слѣдующая телеграмма:

„Козловъ, 6 октября. При археологическихъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Саратова найдены двѣ древнія могилы, масса татарскихъ вещей, предметовъ глубокой древности“. Сообщение это нуждается въ большихъ исправленіяхъ. Археологическихъ раскопокъ въ окрестностяхъ

Саратова въ нынѣшнемъ году не было, а производится лишь, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, археологическія наблюденія на Набережномъ Увекѣ и въ окрестностяхъ его при производствѣ земляныхъ работъ строящейся рязанско-уральской желѣзной дороги. По обѣимъ сторонамъ дороги на 435 верстѣ, противъ усадьбы А. Х. Ефремова, обнаружено цѣлое кладбище уже извѣстное археологамъ. На этомъ кладбищѣ замѣтили, что человѣческія кости лежали въ такомъ же положеніи, въ какомъ хоронятъ русскихъ.

Рядомъ съ этой мѣстностью, чрезъ овражекъ, по которому проложены нефтяныя трубы, противъ конторы подрядчика Петриченки, тоже было кладбище, только для очень знатныхъ лицъ. Тутъ открыты два небольшіе склепа (1 арш 7 верш. вышины), изъ которыхъ одинъ совершенно цѣлъ. Склепы сдѣланы изъ $5\frac{1}{2}$ -вершковаго квадратнаго татарскаго кирпича. Въ уцѣлѣвшемъ склепѣ въ деревянномъ гробу похоронено было, безъ сомнѣнія, знатное лицо, — въ азіатскомъ шелковомъ костюмѣ, у котораго сохранились цвѣтъ и рисунокъ, но погребеніе христіанское.

Изъ другой гробницы рѣшительно все было вывезено на насыпь и исчезло для науки.

Что же касается до вещей, собранныхъ въ нынѣшнемъ году на Увекѣ, какъ-то: бусъ, серегъ, колець, татарскихъ зеркаль, пикъ, топоровъ, формъ для отливки вещей, различныхъ сосудовъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, котловъ, ручныхъ жернововъ и др., — то всѣ онѣ не глубокой древности, а относятся, вѣроятно, къ XIII или XIV вѣку, и найдены рабочими въ пластахъ земли съ культурными остатками.

— Г. Кибальчичъ сообщаетъ въ „Кіевленинѣ“ (№ 283, 1893 г.) о находкѣ въ Очаковѣ мраморной головы Геракла, найденной при слѣдующихъ случайныхъ обстоятельствахъ: осенью прошлаго года одной домовладѣлицѣ на Лоцманской улицѣ, въ Очаковѣ, потребовалась глина для обмазки ново-построенной избы. Для этого она вырыла яму, глубиною приблизительно въ двѣ сажени, въ которой неожиданно нашла большое количество камня отъ старыхъ крѣпостныхъ сооруженій. Найденный въ ямѣ строевой матеріаль, заключавшій часть древней мраморной статуи, былъ сложенъ во дворѣ до первой въ немъ надобности. Спустя нѣкоторое время, домовладѣлицѣ потребовался пресъ для квашенія капусты. Она вспомнила при этомъ о подходящемъ матеріалѣ, находившемся подъ рукою, на дворѣ; выбравъ подходящий для указанной надобности камень и обмывъ его отъ грязи, домохозяйка впервые увидала въ немъ изображеніе головы съ бородою. Мраморная голова Геракла носитъ на себѣ слѣды варварскаго уничтоженія, на ней

видно нѣсколько ударовъ тяжелыми орудіями, отдѣлившими ее отъ туловища, носъ, уши и затылокъ попорчены также ударами, тѣмъ не менѣе, она, сравнительно, хорошо сохранилась въ ряду подобныхъ памятниковъ и составляетъ драгоценную археологическо-художественную находку. Выраженіе головы, даетъ ясное представленіе о всей статуѣ Геракла; типичныя черты лица, въ общемъ выражающія могучую силу, въ отдѣльности надбровный мускуль, глубокіе глаза, чрезвычайно изящный ротъ, полузакрытый усами, курчавая, густая, раздѣленная на двое борода, характерныя очертанія щекъ, небольшія уши, толстая шея, короткіе волосы на головѣ съ повязкою—даютъ типъ Геракла, выработку котораго историки приписываютъ Лисиппу. Голова составляетъ собственность г. Кибальчича.

— Въ Тобольскій губернскій музей доставлено нѣсколько старинныхъ серебряныхъ вещей, найденныхъ въ Тарскомъ округѣ, Тобольской губ., а именно: 1) два сосуда, въ формѣ ковшей, съ тисненными на днѣ изображеніями неизвѣстнаго звѣря (похожаго на лисицу), съ такой же узорчатой каймой по краямъ и ручками, въ видѣ головы грифа, съ кольцомъ въ клювѣ, вѣсомъ каждый сосудъ по 33 золотника; 2) два сосуда, въ формѣ гладкихъ полукруглыхъ чашъ, или ковшей безъ ручекъ, вѣсомъ каждый въ 34 золотника, по краямъ чашъ рѣзьба подъ чернью; 3) два слитка, въ формѣ продолговатыхъ, неправильно и округлотрехгранныхъ полосъ, длиною каждая въ три вершка, вѣсомъ обѣ, приблизительно, въ 92 золотника, и 4) двадцать мелкихъ серебряныхъ бухарскихъ монетъ. Вещи найдены 29 іюня, вблизи деревни Тереховой, Логиновской волости, на склонѣ горы, по спуску съ яра на лугъ. Одна изъ мѣстныхъ крестьянокъ, спускаясь съ горы, замѣтила торчавшій изъ земли черепокъ, потянула его и вытащила вмѣстѣ съ нимъ двѣ серебряныхъ чаши безъ ручекъ, вложенныя одна въ другую, и двѣ чаши съ ручками, лежавшія опрокинутыми и тоже вложенными одна въ другую, сверху на первыхъ двухъ. Въ верхней чашкѣ безъ ручки, внутри ея лежали монеты, завернутыя въ истлѣвшую бересту, и два слитка, не завернутые и высунувшіеся изъ чаши концами. Всѣ вещи прекрасно сохранились и вѣсятъ всего около 2 фунт. 41 золотн. Одинъ изъ слитковъ съ одного конца размѣченъ чертами на равныя дѣленія и по крайнему изъ нихъ надрубленъ; видимо, что слитки эти служили матеріаломъ для изготовленія монетъ—ихъ рубили и отрубленные куски штамповали. (Свѣтъ, № 264, 1893 г.)

— Изъ Аѳинъ телеграфируютъ въ „Standard“: при раскопкахъ близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда находился Дельфійскій оракулъ, французскіе археологи сдѣлали важное музыкально-литературное открытіе, а

именно, — нашли гимнъ Аполлону, написанный на камнѣ. Каждый слогъ помѣченъ нотнымъ знакомъ для пѣнія. Надпись эта относится ко II вѣку до Р. Х. Полагають, что она доставитъ еще не вполне известный ключъ въ древне-греческой музыкѣ. Ноты принадлежатъ композитору Аристоксену, ученику Аристотеля. (Нов. Вр. № 6351, 1893 г.)

— Въ 1893 году, весною, директоръ бернского археологическаго музея, пользуясь низкимъ уровнемъ воды, извлекъ изъ тины, по близости острова Сень-Пьерра, доисторическую ладью, замѣчательно сохранившуюся. По внѣшнему виду, она мало отличается отъ подобныхъ ей лодокъ, найденныхъ на днѣ нѣкоторыхъ французскихъ озеръ и, въ свою очередь, принадлежавшихъ доисторическимъ предкамъ нынѣшнихъ французовъ. Извлеченная недавно ладья, выдолблена изъ цѣльнаго дуба и имѣетъ въ длину до пяти сажень. Отъ кормы, шириною въ 1 аршинъ съ четвертью, ладья эта постепенно суживается къ носу, ширина котораго нѣсколько болѣе полъ-аршина. На бокахъ ея имѣются заплаты, прикрывающія квадратныя отверстія, вырубленныя, какъ должны полагать, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ ствола выступали сучья. Для предохраненія ладьи отъ разрушенія, подъ вліяніемъ воздуха и свѣта, ее смочили смѣсью керосина съ политурнымъ лакомъ, стянули обручами и положили на время въ холодное и сырое мѣсто. Благодаря этимъ предосторожностямъ, ладья могла быть доставлена въ цѣльномъ видѣ въ бернскій археологическій музей. (Пр. В.).

— Въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, изд. Археологическимъ Институтомъ, вып. II (1885 г.) приложенъ хромолитографическій снимокъ съ иконы св. Николая Зарайскаго, также португальскаго „золотаго“ короля Эммануила *) и золотой дощечки съ надписью, о которой упоминалось на стр. 158 „Арх. Изв. и Зам.“ Судя по снимку, надпись пластинки, сдѣланная чернью на обѣихъ сторонахъ (снизу она немного обломана), нѣсколько разнится отъ транскрипціи, приведенной Писаревымъ, поэтому исправляемъ ее согласно рисунку: Лѣта зрн г. Генваря в кз д гдрь црь и великій князь Василей Иванович всея Русіи приложилъ кчюдотворному образуу великог чюдтворца Николы Зараского как Бгъ освободил град его ѿ воровскихъ людей его чюдотворцевою млтвою и доби́ли челом гдрю.

— На стр. 319 „Арх. Изв. и Зам.“, стр. 11-я сверху, на-

*) Въ приложенномъ на таблицѣ объясненіи золотой монеты сказано, что она прислана Ивану Грозному королемъ португальскимъ Эмануиломъ въ началѣ XV вѣка (?)

печатано ошибкою Мозырскихъ могилъ, слѣдуетъ читать: Мозыкскихъ могилъ. Урочище Мозыки находятся въ Могилевской губ., Мстиславскаго у., Осянскои волости.

V.

Библиографія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссiи за 1890 годъ. Съ 91 политип. СПб. 1893 г. Цѣна 2 р.

Раскопки Археологической Коммиссiи производились въ 1890 г. въ 11 губерніяхъ и областяхъ Россiи: въ Таврической губ., области Войска Донскаго, Бессарабской и Кіевской губ., Сѣверо-Западномъ краѣ, Казанской губ., Восточной Сибири, Семирѣченской и Сырѣ-Дарьинской обл., Закаспійскомъ краѣ и на Кавказѣ. Перечислить весь богатый матеріаль, доставленный раскопками, нѣтъ возможности, поэтому здѣсь будутъ отмѣчены только наиболѣе выдающіяся раскопки и находки. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Тавр. губ., проф. Н. И. Веселовскимъ изслѣдованъ курганъ „Красныя могилы“, или „Каменный“, гдѣ обнаружены были пещеры, одна изъ нихъ подъ громаднымъ камнемъ; на потолкахъ нѣкоторыхъ находились искусственно сдѣланныя линіи и высѣченныя вглубь изображенія козловъ и лошадей; назначеніе пещеръ г. Веселовскій не опредѣлилъ. Въ Симферопольскомъ уѣздѣ г. Веселовскій раскопалъ цѣлый рядъ кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ выдающійся интересъ по находкамъ; такъ, въ одномъ обнаруженъ костякъ въ наклонномъ положеніи, на спинѣ, съ желѣзнымъ чешуйчатымъ панциремъ подъ головою, золотымъ обручемъ на шеѣ; на груди лежала лошадиная лопатка, ниже — поясъ съ пряжками, въ видѣ орла; сбоку короткій мечъ, конецъ ноженъ котораго золотой съ финифтью, рукоятка меча — желѣзная изъ колець; кругомъ найдено много вещей: золотыя пуговицы, бронзовая, обтянутая листовымъ золотомъ, съ финифтяными украшеніями, фигура львицы, деревянный колчанъ со стрѣлами и проч.; на ногахъ покойника кожаные сапоги. Въ другомъ курганѣ той же мѣстности, разоренномъ, найденъ костякъ съ сохранившимися рыжими волосами.

Ө. А. Браунъ занимался отыскиваніемъ готскихъ поселеній въ Крыму, и въ этомъ году раскапывалъ только Манкупъ; развалины крѣпости находятся на горѣ; въ цитадели г. Брауномъ найдены остатки древней церкви, въ нижней части города остатки другой, богатой, на что указываютъ найденные обломки орнаментовъ, мозаики и остатки фресковой живописи. Но самая инте-

ресная находка была сдѣлана случайно: въ стѣнѣ одной башни г. Браунъ нашелъ мраморную плиту съ 8-ми строчною византійскою надписью, содержащею свидѣтельство объ основаніи какого-то храма, имя его основателя и упоминаніе имени Тохтамыша. Другая еще болѣе важная надпись, вѣданная также въ одну изъ башенъ, но на такой вышинѣ, что ее трудно было достать и г. Брауну удалось только прочесть слова *КАСТРОУ ΘΕΟΔΟΡΟΥ*; этой надписью рѣшается вопросъ, что Θεодоро находился на мѣстѣ Манкупа, но не Инкермана.

Раскопки въ Керчи и ея окрестностяхъ, произведенныя проф. Кулаковскимъ, дали интересные результаты: открыто нѣсколько катакомбъ; стѣны одной покрыты фресками, изображающими Гермеса, Сатира, мужчины въ скиѣскомъ костюмѣ, сидящей женщины и раба съ сосудомъ; на одной изъ стѣнъ той-же катакомбы находится греческая надпись, носящая характеръ заклинанія и имя соорудившаго гробницу (Соракъ сынъ Сорака). Другая катакомба замѣчательна надписями, которыми почти сплошь покрыты стѣны. Надписи, сдѣланныя красною краскою на глинѣ, содержатъ: молитву, псаломъ 90-й до 12 го стиха включительно, славословіе, заключеніе 90-го псалма, конецъ 120-го псалма и 2 первые стиха 26-го псалма; кромѣ того, нѣсколько изображеній крестовъ (подробное описаніе этой интересной катакомбы, сооруженной, судя по имѣющемуся на стѣнѣ ея 788 году мѣстной эры, т. е. 401 г. по Р. Х., находится въ № 6 „Матеріаловъ, издав. Арх. Комм.“). На Глиницѣ, около Керчи, найдено нѣсколько могилъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ склепъ съ деревяннымъ саркофагомъ, въ которомъ была погребена женщина, лежавшая во гробу, обитомъ матеріей, имѣвшей видъ бархата.

Въ Херсонесѣ сдѣлано, благодаря раскопкамъ, открытіе, важное для топографіи города: найдены стѣны, упоминаемыя въ VII кн. гл. 4, § 7 Географіи Страбона; на городищѣ Херсонеса открыто нѣсколько остатковъ христіанскихъ храмовъ, надписей, нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ, между которыми интересна мраморная подставка въ видѣ головы льва, стоящей на одной лапѣ.

Въ Обл. Войска Донскаго раскопки производилъ В. Н. Ястребовъ, разрывшій близъ Новочеркасска и въ юртѣ Голубинской станицы 14 кургановъ. Близъ Азова, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1889 г. была найдена надгробная плита венеціанскаго консула и посла Джікомо Корнаро, г. Ястребовъ произвелъ раскопку, при чемъ найдено было кладбище и остатки зданія.

Д. Я. Самоквасовъ раскопалъ нѣсколько кургановъ Звенигородск. уѣзда, Кіевской губ., около м. Рыжановки, гдѣ въ 1878 г. были найдены въ курганѣ замѣчательныя древности, поступившія въ Краковскій Музей, но предметы, добытыя раскопками Д. Я. Самоквасова, далеко уступаютъ поступившему въ Краковъ; крайне интересна обстановка погребеній и положеніе костей (напр. опис. на стр. 59).

Въ Витебской губ. г. Романовымъ начато изслѣдованіе интереснаго могильника, находящагося около г. Люцина на Комаровой горѣ. Подробности

о Люцинскомъ могильникѣ, относимымъ г. Романовымъ къ IX—X в., имѣютъ быть напечатаны въ особомъ изслѣдованіи.

Изъ археологическихъ изслѣдованій въ другихъ мѣстахъ, особый интересъ представляютъ раскопки г. Клеменцомъ большаго кургана въ могильникѣ Чаа-Таасъ, Минусинскаго округа, Енисейской губ.; хотя курганъ оказался расхищеннымъ, но изслѣдователю, тѣмъ не менѣе, удалось выяснитъ подробности погребенія: въ материкѣ была выкопана яма, дно которой выстлано обрубками дерева и прикрито берестой, туда поставлено нѣсколько гробовъ изъ плитъ и помѣщено нѣсколько труповъ, которые были прикриты берестой, хворостомъ землей, скрѣпленной бревнами и плитами, а надъ всѣмъ сооружена берестяная двухкупольная юрта, опиравшаяся на столбы. Въ разныхъ мѣстахъ кургана найдены предметы изъ золота (аграфъ, пуговицы, пластинки), бронзы и остатки глиняныхъ масокъ, которыя накладывались на лица умершихъ. Въ приложеніяхъ къ Отчету помѣщены: перечень древностей изъ гробницъ Херсонеса, открытыхъ въ 1890 г.; списокъ фотографическихъ снимковъ видовъ и памятниковъ Средней Азии (24 снимка) и таблица распредѣленій древностей между различными учрежденіями.

Ө. И. Буслаевъ. Нѣсколько замѣтокъ при чтеніи одного церковно-археологическаго труда (Христіанское Чтеніе 1893 г., вып. I, 211—220).

Небольшая статья нашего маститаго ученаго, кромѣ очень лестнаго отзыва о трудѣ Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“, заключаетъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ, съ одной стороны, подчеркнуты особенно удачныя наблюденія автора книги, съ другой же стороны—указаны промахи и пропуски его, преимущ. въ области раннихъ памятниковъ западнаго искусства.

Н. В. Покровскій. Памятники православной иконографіи. — Памятники живописи древне-христіанскаго періода. — Памятники византійской иконографіи и искусства (Христіанское Чтеніе 1893 г., вып. I, 38—73; III, 426—477; IV, 13—45; V, 185—221; VI, 385—404).

Новый трудъ профессора Н. В. Покровскаго имѣетъ характеръ общедоступный: назначеніе его, какъ указано самой редакціей журнала,—познакомить съ результатами изысканій и трудовъ въ области церковной археологіи и дать для начинающихъ руководство къ самостоятельнымъ работамъ въ этой области. Въ настоящемъ году мы имѣемъ начало труда: первая его главы. Планъ автора таковъ: во введеніи указана литература предмета, матеріалы (музеи, собранія вещей), намѣчено въ общихъ чертахъ даже практическое значеніе церковной археологіи (напр., въ вопросахъ раскола); излагается затѣмъ, какъ видно уже изъ выписанныхъ заголовковъ, сперва исторія памятниковъ въ первое время христіанства (катакомбы), затѣмъ начало византійскаго искусства (вѣкъ Константина В. и Юстиніана), главн. образомъ мозаики. До сихъ поръ трудъ доведенъ до обозрѣнія мозаикъ византійскихъ на почвѣ Италіи и южной Греціи. Въ дальнѣйшемъ обѣщаетъ авторъ изложить исторію памятниковъ, какъ византійскихъ, такъ и рус-

скихъ. Т. о. мы будемъ имѣть довольно полную исторію иконографіи, начиная съ древне-христіанской и кончая русской. Если и остальная, еще не изданная, часть труда будетъ отличаться тѣми же достоинствами, что и вышедшая, то цѣль, поставленная авторомъ — популярность и подготовка для начинающихъ, — будетъ достигнута; изложеніе отличается и доступностью и серьезной постановкой вопросовъ. Къ тексту приложены и рисунки (въ прорисахъ), если не особенно изящные, то во всякомъ случаѣ удовлетворительно иллюстрирующие текстъ сочиненія.

VI.

Засѣданія Обществъ.

18-го октября 1893 г. состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Въ рѣчи, которою вновь избранный управляющій этимъ отдѣленіемъ открылъ собраніе, И. В. Помяловскій, отъ лица отдѣленія высказалъ благодарность Н. И. Стояновскому, исполнявшему обязанности управляющаго въ теченіе 19 лѣтъ; за этотъ періодъ времени отдѣленіе значительно разрослось и сильно развило свою дѣятельность. Въ настоящее время Н. И. Стояновскій, сложивъ съ себя обязанности управляющаго классическимъ отдѣленіемъ, избранъ его представителемъ въ совѣтъ Общества. Въ томъ же засѣданіи прочитаны были рефераты: С. А. Жебелевымъ „О раскопкахъ американцевъ въ Аргосѣ“ и Я. И. Смирновымъ „О Зевсѣ Сирійскаго Геліополя и его идолъ“. С. А. Жебелевъ въ своемъ рефератѣ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ въ Аргосѣ въ 1892 г. Американской Школой въ Аѣинахъ, которыя опредѣлили расположеніе древняго храма Геры и дали драгоцѣнные архитектурные и скульптурные обломки, среди которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ древне-греческаго искусства временъ Поликлита и его школы является женская голова, относимая къ V-му вѣку до Р. Х.

Я. И. Смирновъ исходной точкой своего обширнаго изслѣдованія сдѣлалъ открытый имъ во время послѣдней экспедиціи, организованной Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, рельефъ съ изображеніемъ божества, сохранившійся въ стѣнѣ одной православной церкви (употребленный въ дѣло какъ строительный матеріаль) въ деревнѣ Ниха, на мѣстѣ древняго Геліополя. Этотъ рельефъ даетъ типичное изображеніе того божества Сиріи (Ададъ), которое, со временъ покоренія Сиріи Александромъ Македонскимъ,

превратилось въ мѣстнаго Зевса, культъ котораго, въ послѣдовавшей затѣмъ періодъ римскаго владычества, разнесенъ былъ повсюду римскими солдатами. (Ист. Вѣстн., ноябрь, 1893 г., стр. 621).

30 октября 1893 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, засѣданіе Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Собраніе было открыто рѣчью А. О. Ивановскаго, посвященною памяти скончавшагося члена Общества С. М. Георгіевскаго, экстраординарною профессора Петербургскаго университета по кафедрѣ китайской словесности. А. О. Ивановскій представилъ обзоръ трудовъ покойнаго сиолога, какъ ученаго и популяризатора свѣдѣній о Китаѣ (въ книгѣ „Принципы жизни Китая“). Собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ. Затѣмъ доложено было о новой присылкѣ Н. Θ. Петровскаго, нашего консула въ Кашгарѣ, доставившаго коллекцію снимковъ съ портретными изображеніями. Въ томъ же засѣданіи были прочтены рефераты Н. Θ. Катановымъ — „Татарская версія легенды о семи спящихъ отрокахъ“ и барономъ В. Р. Розеномъ — „Труды доктора Гольдцигера по исторіи развитія ислама. (Нов. Вр. № 6320, 1893 г.).

3-го ноября 1893 г. состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго предсѣдателя Общества, его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Выслушавъ докладъ комиссіи по присужденію медалей Общества за представленныя на соисканіе медалей сочиненія, собраніе присудило золотую медаль Н. В. Покровскому за его сочиненіе „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“ (изд. Московск. Арх. Общ.) и серебряныя медали: г. Преображенскому за его сочиненіе „Памятники древняго русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи“ и профессору Мальмбергу за его сочиненіе „Метопы въ древне-греческихъ храмахъ“. Членами новой комиссіи по присужденію медалей избраны: Н. И. Веселовскій, В. Г. Васильевскій, баронъ В. Р. Розень, Л. Н. Майковъ и В. В. Латышевъ. Въ томъ же засѣданіи Н. И. Веселовскій сдѣлалъ докладъ „Объ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ“ и И. П. Хрущовъ — о перстнѣ XI — XII в., найденномъ въ м. Бѣлгородкѣ, близъ Кіева, мѣстнымъ священникомъ о. Модестомъ Чечотомъ.

Въ засѣданіи Кіевскаго Общества Естествоиспытателей, 16 октября 1893 г., между прочимъ, профессора П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ сдѣлали совмѣстное сообщеніе „О находеніи костей мамонта и кремневыхъ орудій въ Кіевѣ“. Мѣстность, гдѣ были найдены интересные остатки орудій первобытнаго человѣка и современной фауны, была изслѣдована въ геологическомъ отношеніи профессоромъ Армашевскимъ. Ему принадлежитъ

первая часть сообщенія. Въ началѣ референтъ иллюстрировалъ сдѣланное имъ описаніе характера мѣста находки картой профиля напластованій и снятыми съ натуры видами этой мѣстности, исполненными лаборантомъ университета св. Владиміра, г. Ноллейномъ. Упомянутые остатки найдены на Подолѣ, за Іорданской церковью, въ 40 сажняхъ отъ Кирилловской улицы, въ двухъ усадьбахъ, одной, принадлежавшей нѣкогда инженеру Струве, и въ усадьбѣ г. Багрѣва; въ этихъ двухъ усадьбахъ находятся обнаженія пластовъ земли. Во время земляныхъ работъ, производившихся недавно въ первой усадьбѣ подъ наблюдениемъ г. Хвойко, были найдены кости и кремни. Заинтересовавшись такой находкой, г. Хвойко обратился за разъясненіемъ къ профессору Антоновичу, который, въ свою очередь, пригласилъ проф. Армашевскаго для геологическаго изученія упомянутой мѣстности. Изслѣдованіе, произведенное референтомъ, и составляло предметъ сообщенія. Обнаженіе пластовъ земли въ усадьбѣ бывшей Струве показываетъ слѣдующее расположеніе ихъ: сверху покрытый растительностью лёссъ, мощностью до 3 саж., подъ лёссомъ желтовато-бурые глинистые пески до 3 аршинъ и, наконецъ, еще ниже—зеленовато и желтовато-сѣрые пески до 2½ арш., гдѣ и найдены были шесть кучъ костей мамонта, а именно: два зуба, клыкъ, часть клыка, другой клыкъ въ 2½ аршина и рядомъ кость лопатки съ лежащимъ на ней кремневымъ ножомъ и бедрачная кость. Въ усадьбѣ же г. Багрѣва обнаженіе показало слѣдующіе пласты: сверху лёссъ, толщиной до 3-хъ саж., подъ нимъ желто-бурые песчаные суглинки до 3-хъ аршинъ и, наконецъ, сѣрые пески до 3 хъ саж., съ прослойками бураго угля (культурный слой), гдѣ на глубинѣ 5—6 саж. отъ поверхности и найдены были остатки кремневыхъ оббитыхъ орудій, кучи осколковъ кремней (такъ называемыхъ нуклеусовъ), кусочки угля и кусочки обожженныхъ костей. Отсутствіе на нѣжныхъ и острыхъ краяхъ оббитыхъ орудій слѣдовъ переноски ихъ водой съ мѣста на мѣсто показываетъ на то, что ихъ мѣстонахожденіе было и мѣстомъ ихъ изготовленія. Для референта нѣтъ сомнѣній, что описанные остатки находятся въ *коренной* породѣ, принадлежащей къ послѣтретичнымъ или диллювіальнымъ образованіямъ, и представляютъ собою самыя древнія находки въ Россіи. Въ заключеніе П. Я Армашевскій указалъ на климатъ эпохи нахожденія остатковъ и на топографію прилежащей мѣстности.

Затѣмъ В. Б. Антоновичъ началъ свою часть сообщенія указаніемъ на большой интересъ описанныхъ проф. Армашевскимъ ископаемыхъ остатковъ для археологіи, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *палеолитическимъ* періодомъ, такъ долго длившимся въ исторіи эволюціи человѣка. Попытки раздѣлить эту эпоху на части соотвѣтственно постепенному развитію человѣка породили такъ называемую археологическую классификацію, въ основу которой легли тѣ или другіе признаки орудій первобытнаго человѣка; но эта классификація представляла большой просторъ для произвольныхъ умозаключеній; пришлось обратиться, кромѣ того, къ другимъ даннымъ. Въ настоящее время каменный вѣкъ дѣлятъ на два періода: палеолитическій и неолити-

ческий; первый характеризуется находением *оббитых* кремневых орудий въ диллюви, второй же — находением шлифованных таких-же орудий въ аллюви (новомъ диллюви). Далѣе референтъ указалъ на шесть единственныхъ случаевъ нахождения въ Россіи подобныхъ остатковъ, изъ которыхъ послѣдній имѣлъ мѣсто въ 1882 г. при размывѣ въ половодье оврага въ Подольской губерніи, Новоушицкаго уѣзда, въ м. Студеницы, гдѣ находился по другому поводу самъ референтъ. Вообще, наша находка, по мнѣнію В. Б. Антоновича, несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ присутствіи человѣка въ мѣстѣ нахождения остатковъ, гдѣ онъ, запасшись матеріаломъ для выдѣлки орудій, занимался ихъ изготовленіемъ, чему доказательствомъ служатъ нуклеусы; сюда же онъ собиралъ добытыхъ звѣрей; однимъ словомъ, здѣсь была стоянка первобытнаго человѣка. Находка остатковъ свидѣтельствуетъ, что наша страна была гораздо ранѣе заселена, чѣмъ до сихъ поръ предполагали. Сообщенія закончились демонстраціею публикѣ ископаемыхъ остатковъ мамонта и коллекцій каменныхъ орудій, составленныхъ г. Хвойко и проф. Армашевскимъ. (Кіевлянинъ).

Въ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, 28 октября 1893 г., былъ сдѣланъ свящ. Спѣсивцевымъ докладъ объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ имъ вблизи с. Райгородка, Изюмскаго уѣзда, и свое сообщеніе докладчикъ демонстрировалъ чертежами мѣстности, снимками съ находокъ и, наконецъ, самими находками. Находки эти — своего рода богатство, рѣдко выпадающее на долю отдѣльнаго археолога. Здѣсь встрѣчаются предметы разныхъ эпохъ и народовъ, начиная съ каменнаго періода. Докладчикомъ собрано множество кремневыхъ стрѣлъ, наконечниковъ копій, сѣкиръ и т. п. предметовъ, принадлежащихъ очевидно къ глубокой древности. Изъ металлическихъ вещей обращаетъ на себя вниманіе предметъ, напоминающій верхнюю часть булавы, металлическій крестикъ очень тонкой работы, пуговицы, остатокъ какого-то орнамента, большое количество различнаго рода монетъ, татарскихъ золотоордынскихъ XIV вѣка, и т. п. При этомъ докладчикъ демонстрировалъ и образцы почвъ (глины), въ которыхъ найдены отысканные имъ предметы. Всѣ свои находки о. Спѣсивцевъ передалъ въ распоряженіе историко-филологическаго Общества; большая часть изъ нихъ поступитъ въ университетскій музей и только нѣкоторыя изъ монетъ — въ нумизматическій кабинетъ.

Значительнымъ интересомъ отличался также и другой докладъ — докладъ проф. Багалѣя о рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ, по мнѣнію докладчика, фамиліи князей Куракиныхъ. Содержаніе сборника — историко-сатирическое. Отмѣчаемъ напр. сатирическія произведенія, имѣющія въ виду личность Черниговскаго архіерея Виктора Садковскаго (въ концѣ XVIII вѣка), составленные очевидно въ средѣ епархіальнаго духовенства, можетъ быть въ кругу семинарской молодежи (на это соображеніе особенно наводитъ со-

поставленіе „епитафіи“ на смерть „архіерея и кавалера“ Виктора съ „отвѣтомъ“ того же Виктора „изъ царства мертвыхъ“: и „епитафія“, и отвѣтъ невольно напоминаютъ блаженной памяти семинарскія диспутациі pro и contra, сочиняемыя однимъ и тѣмъ же студентомъ); такимъ же сатирическимъ характеромъ, хотя и въ болѣе широкомъ, политическомъ, такъ сказать, смыслѣ, отличается и „письмо съ Сатурна“, относящееся къ 1772 г. Наивнымъ, вполнѣ народнымъ юморомъ проникнуты помѣщенныя въ сборникъ рождественскія и малорусскія вирши. Далѣе, въ сборникъ вошли: предсказанія Мартына Задеки, письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Великому Князю Константину, длинный документъ (1745 г.), относящійся къ вопросу объ избраніи послѣдняго гетмана, курьезное прошеніе къ Московскому градоначальнику и др. (Южный Край, № 4405, 1893 г.).

Въ засѣданіи общества археологій, исторіи и этнографіи, при Казанскомъ Университетѣ, сдѣланы были И. Н. Смирновымъ и П. А. Пономаревымъ сообщенія о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ референтами минувшимъ лѣтомъ въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ. Изъ этихъ изслѣдованій большіе, сравнительно, результаты, дала экскурсія г. Пономарева. Задачу, которую преслѣдовалъ г. Пономаревъ въ своихъ археологическихъ изысканіяхъ, должна была выразиться въ обзорѣ береговой линіи Волги отъ села Болгаръ до д. Булымеръ, съ цѣлью выяснитъ вопросъ о существованіи здѣсь слѣдовъ курганнаго погребенія древнихъ Руссовъ. Преслѣдуя эту цѣль, г. Пономаревъ раскопалъ семь кургановъ, изъ которыхъ только одинъ достаточно представилъ небезынтересныя данныя. Подъ насыпью этого кургана найдено было кострище, состоящее изъ массы углей и пережженныхъ мелкихъ костей, между которыми находились и человѣческіе зубы. Кромѣ того на кострищѣ найдены: мѣдная бляха, глиняный сосудъ съ плоскимъ дномъ, поясной наборъ изъ мѣдныхъ пластинокъ и большой желѣзной мечъ съ широкимъ, изогнутымъ клинкомъ. Вообще, раскопка кургана, по словамъ г. Пономарева, дала довольно ясную картину погребенія съ трупосожженіемъ и опредѣленнымъ расположеніемъ вещей погребеннаго. А. А. Штукенбергъ, характеризуя булымерскій курганный мечъ, пришелъ къ заключенію, что онъ „представляетъ полное тождество съ скандинавскими мечами позднѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, продолжавшагося примѣрно отъ 700 до 1000 г. по Р. Х.“ Въ своемъ опредѣленіи, какъ замѣчаетъ П. А. Пономаревъ, г. Штукенбергъ оставилъ однако, открытымъ вопросъ—представлялъ ли изслѣдованный курганъ могилу пришельца съ далекаго сѣверо-запада или аборигена, владѣвшаго мечемъ скандинавскаго типа. Признавая соображенія г. Штукенберга весьма вѣроятными и устойчивыми, г. Пономаревъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ возможнымъ подойти и къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса. Ссылаясь на нѣкоторые источники, г. Пономаревъ замѣчаетъ, что скандинавскій типъ меча не устраняетъ возможности считать его принадлежащимъ именно Руссу. Въ

виду этого г. Пономаревъ и допускалъ возможность искать погребальныхъ кургановъ Руссовъ именно въ окрестностяхъ Болгарь. Но дальнѣйшіе поиски дали пока лишь отрицательные результаты.

Въ дальнѣйшемъ развитіи экскурсіи г. Пономоревъ изслѣдовалъ урочище, извѣстное подъ названіемъ „Царицыной могилы“. По преданію, циркулирующему среди мѣстныхъ жителей, „царицына могила“ находится въ лѣсу — „на этотъ бугоръ, какъ гласитъ преданіе, ханъ болгарскій ѣздилъ каждый день завтракать, и такъ полюбилось ему это мѣсто, что онъ тутъ и дочь свою схоронилъ, — оттого и зовутъ это мѣсто „царицыной могилой“. Обслѣдование показало, однако, что урочище совсѣмъ не могила, а просто небольшой „городокъ“, расположенный на выступѣ „Верхняго бора“ и „Глубокаго оврага“. Поверхность городка и склонъ его поросли лѣсомъ, культурный слой незначителенъ, кухонныхъ остатковъ такъ мало, что пробная раскопка, произведенная на площадкѣ и склонахъ, дала въ результатъ одинъ небольшой черепокъ отъ глинянаго сосуда съ плоскимъ дномъ. Наконецъ, г. Пономареву удалось обслѣдовать такъ называемый „Стромиловскій городокъ“, расположенный въ 6 верстахъ отъ д. Булымеръ вверхъ по Волгѣ. Культурный слой этого городка оказался также очень незначительнымъ и небогатымъ кухонными остатками. Но содержаніе одного изъ кругообразныхъ бугорковъ оказалось довольно оригинальнымъ. Подъ виѣшнимъ землянымъ покровомъ была обнаружена цѣлая куча черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ, между которыми оказалась одна оловянная бляха. Характеръ посуды и строеніе описанныхъ городковъ не представляютъ ничего общаго съ болгарской культурой. Характеръ посуды не позволяетъ даже утверждать, что Стромиловскій городокъ имѣетъ значительную древность. Если принять во вниманіе — говоритъ г. Пономаревъ, — что въ этой мѣстности и теперь еще есть нѣсколько мордовскихъ дворовъ, а по преданію — все населеніе дер. Арчиловки и булымеръ былъ мордовскимъ, то можно придти къ заключенію, что Стромиловскій городокъ и Царицына могила представляютъ собой слѣды финскихъ укрѣпленій и поселковъ сравнительно недавней эпохи. (Волж. Вѣст., № 278, 1893 г.).

Приложеніе къ статьѣ: „Клинообразная надпись Русы I
въ Келаны-Кирланы (Алучалу)“.

ТЕКСТЪ,
ТРАНСКРИПЦІЯ и ПЕРЕВОДЪ
КЛИНООБРАЗНЫХЪ НАДПИСЕЙ

Келаны-Кирланы (Алучалу) № XVIII, Армавиръ №№ XIX и XX,
Сарыкамышъ № XXI и Захалу № XV.

М. В. НИКОЛЬСКАГО.

МОСКВА,
Типографія и Словолитня О. О. ГЕРБЕКА, Чернышевскій пер., № 5.
1893.

10. $\text{Pi} - \text{ru} - \text{a} - \text{i} - \text{ni}$ (d.) страна Меланин, Ушедуни, $\text{U} - \text{še} - \text{du} - \text{i} - \text{ni}$
11. $\text{A} - \text{ta} - \text{za} - \text{a} - \text{i} - \text{ni}$ (d.) страна Атазанин, Ерианин, страна Азамерунини, $\text{A} - \text{za} - \text{me} - \text{ru} - \text{ni} - \text{ni}$
12. $\text{i} - \text{pa} - \text{ni} - \text{ab} - \text{ti} - \text{ni}$ (d.) провинция (?), называемой страной идуанин, [страною] отдаленною, XIX царей $\text{su} - \text{si} - \text{ni} - \text{i}$ твердынь $\text{aš} - \text{gu} - \text{bi}$ я взяль,
13. $\text{ku} - \text{ru} - \text{ni} - \text{e}$ всего 23 царя $\text{pa} - \text{ru} - \text{bi} - \text{me} - \text{ši} - \text{ni}$ $\text{ša} - \text{a} - \text{li}$
14. $\text{a} - \text{še}$ (d.) мужей, женщин $\text{Ru} - \text{sa} - \text{a} - \text{še}$ вь страну Біайна [Вань] я отвелъ вь этотъ (?) годъ
15. $\text{na} - \text{a} - \text{ab} - \text{ši} - \text{di} - \text{iš} - \text{tu} - \text{u} - \text{bi}$ (d.) $\text{Ru} - \text{sa} - \text{a} - \text{še}$ Руса, дворцы
16. $\text{man} - \text{ku}$ (d.) $\text{e} - \text{ba} - \text{a} - \text{ni}$ области я возстановилъ,
17. Teiṣbaše богу $\text{ba} - \text{du} - \text{si} - \text{i} - \text{e}$ разрушенный $\text{iš} - \text{di} - \text{iš} - \text{tu} - \text{bi}$ дворець я возстановилъ,
18. Teiṣbaše богъ $\text{a} - \text{na} - \text{i}$ страны

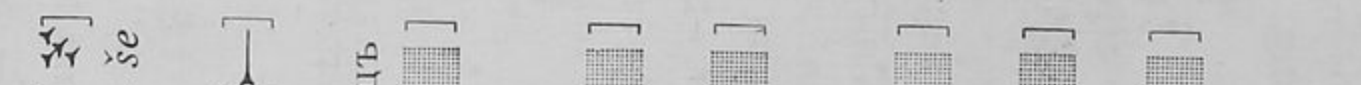

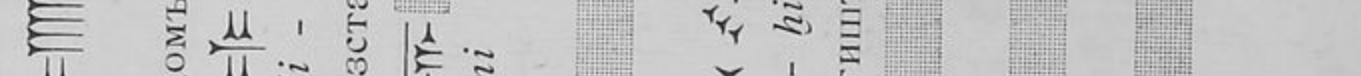
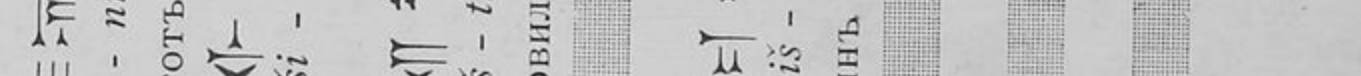
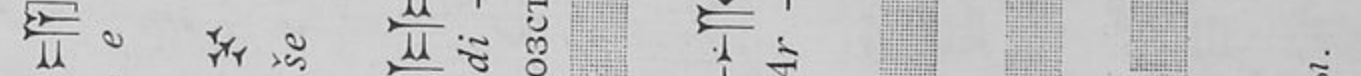

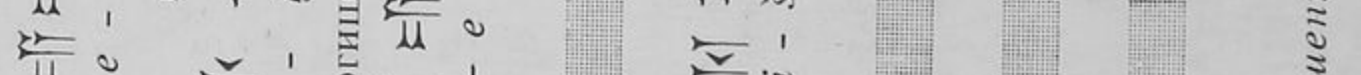

19. *Вся строка стерта.*

XIX. НАДПИСЬ РУСЫ II ИЗЪ АРМАВИРА.

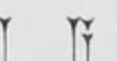

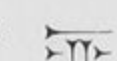
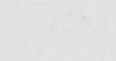

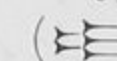

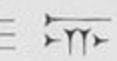
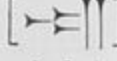

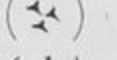

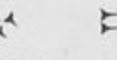

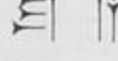
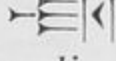
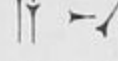

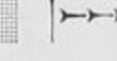
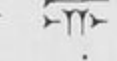

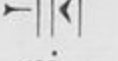

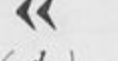

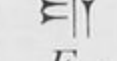

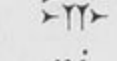
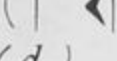

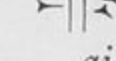

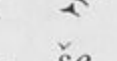

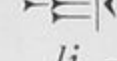
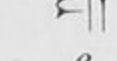
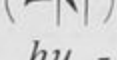
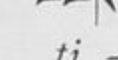
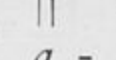

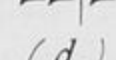

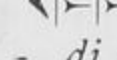
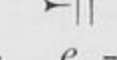
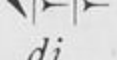
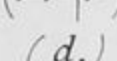

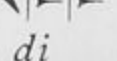

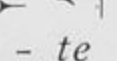
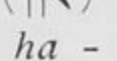
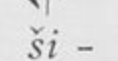

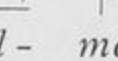
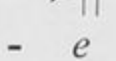
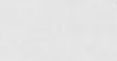

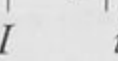
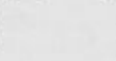
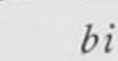
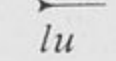

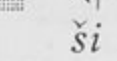
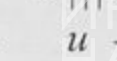
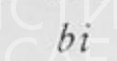
1.
 (d.) Ru - sa - še (d.) E - ri - me - na - ħi - ni - še
 Руса, сынъ Еримена,
2.
 i - ni ħi - ši - ri
 ЭТОТЪ ДОМЪ
3.
 I M IV C XXXII ka
 1432

XX. НАДПИСЬ САРДУРИ II ИЗЪ АРМАВИРА.

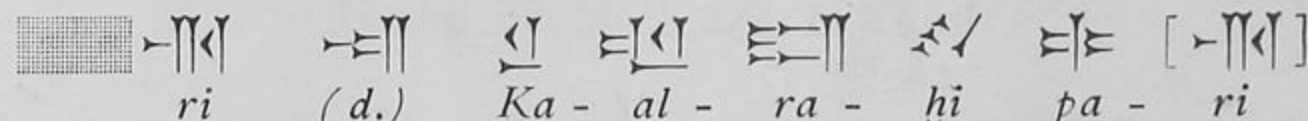
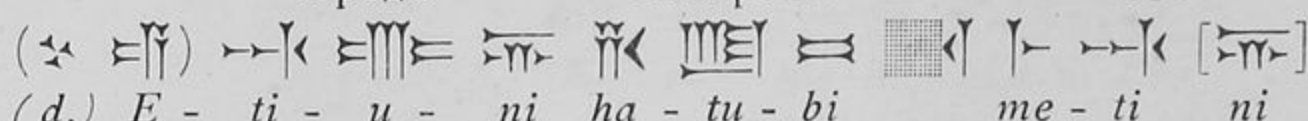
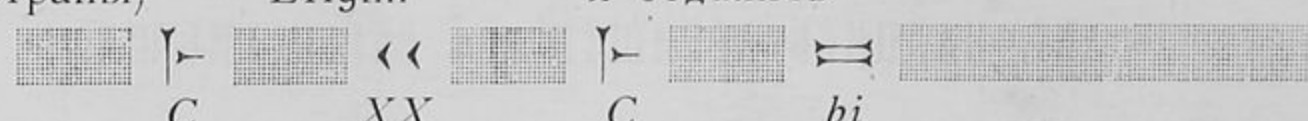

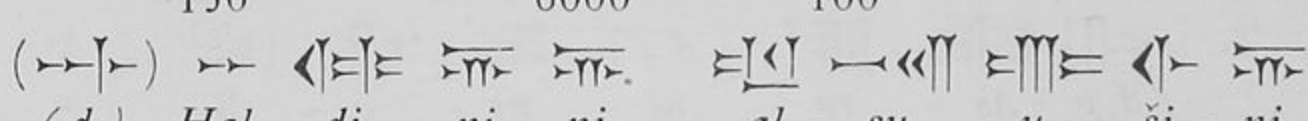
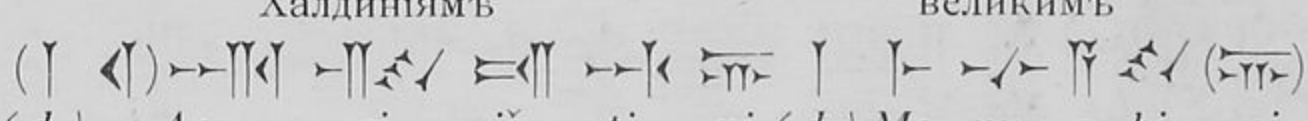
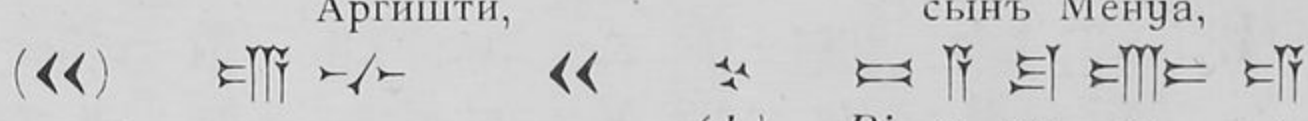
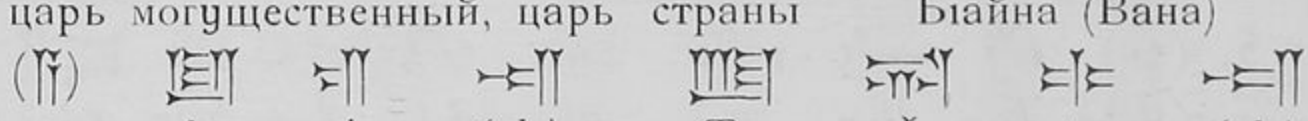
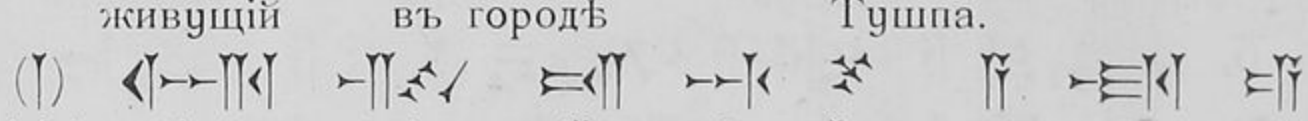
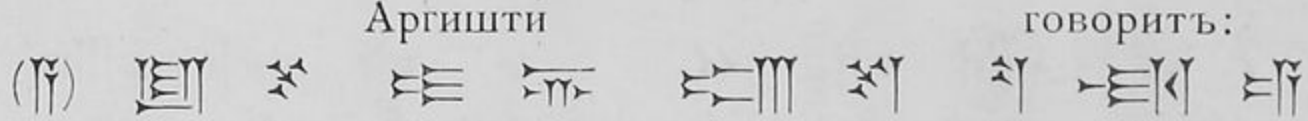
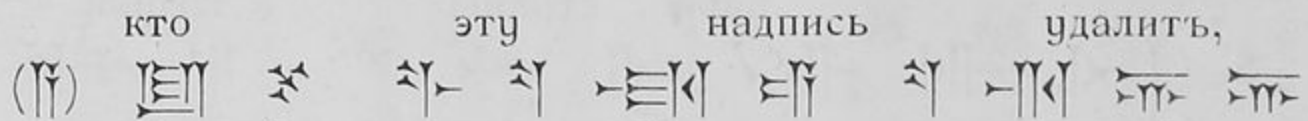
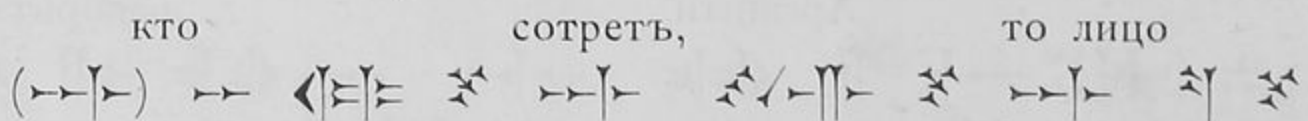
1.
 (d.) Hal - di - e - e - u - ri - e i - ni (d.) Sari - du - ri - še
 Халди, господину, этотъ домъ Сардури,
2.
 (d.) Ar - giš - ti - ħi - ni - še di - iš - tu - ni
 сынъ Аргишти возстановилъ, дворецъ
3.
 (d.) ba - du - u - si - e ši - di - iš - tu - ni
 разрушенный возстановилъ
4.
 ku - u
5.
 (d.) Sari - du - ri - še (d.) Ar - giš - ti - ħi - ni - še
 Сардури, сынъ Аргишти
6.
 ša - ta
7.
 i
8.
 te
9.
10.

Эти строки совершенно стерты.

XXI. НАДПИСЬ АРГИШТИ ИЗЪ САРЫКАМЫША.

1.
al ha - u - bi (d.) A - hu - ri - a - ni
 я завоевалъ городъ Ахуріани,
2.
(d.) Aš - tu - hi - ni - e - i - ni
 города Аштухини страну,
3.
(d.) Me - a lu - . . . . hi ar u i - ni
 страну Меалу . . . . хи,
4.
(d.) Aš - tu - a - hi - ni - e ha - u - bi
 городъ Аштуахини я завоевалъ;
5.
(d.) E - ti - u - ni (d.) I - bi - ra - ni
 страну Етіуни, страну Ибирани
6.
na - a - li a - nu - i a ni
7.
ri - e (d.) (d.) E - ti - u - ni
 царя страны Етіуни.
8.
(d.) Ar - gi - iš - ti - še a - li - e
 Аргишти говоритъ:
9.
hu - ti - a - di (d.) Hal - di - e - di
 по приказанію (бога) Халди,
10.
(d.) - di (d.) - di - aš - te
 (бога) Теишба, (бога) Ардини, боговъ, —
11.
ha - ši - a - al - me - e
 да пошлютъ успѣхъ (мнѣ) боги, —
12.
II u i bi lu ši - u - bi
 локтей я отнял

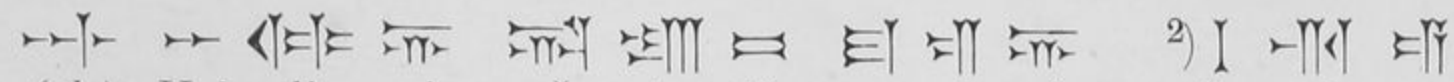

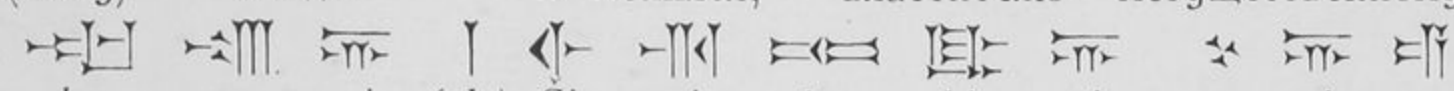
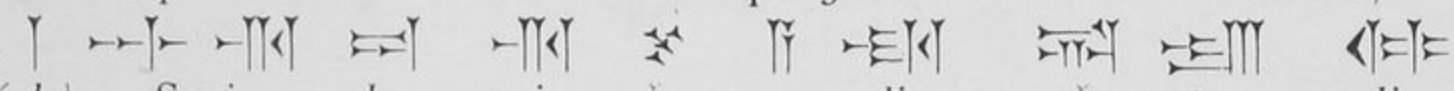
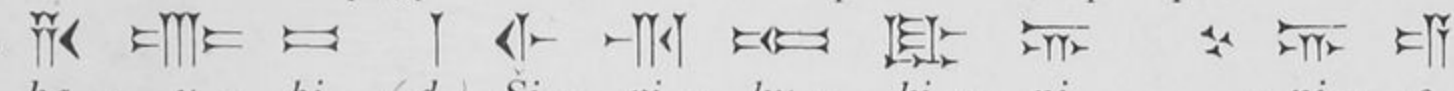
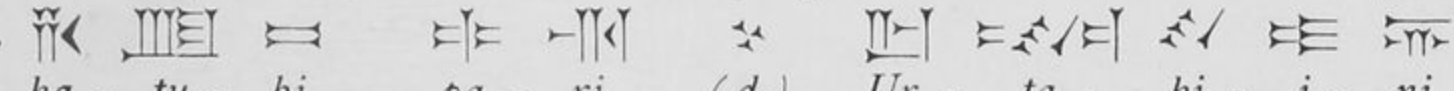

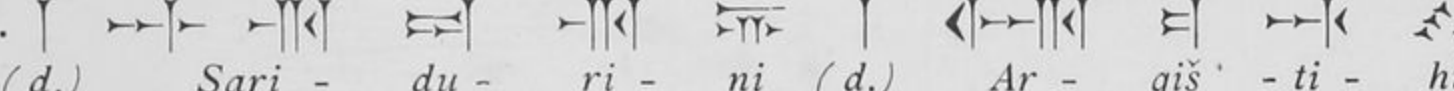
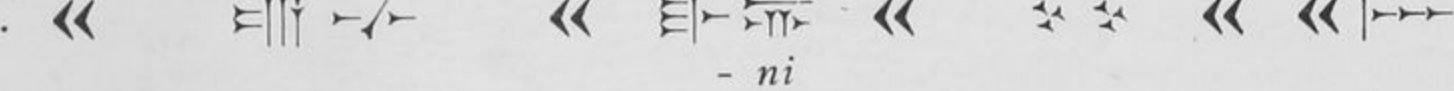
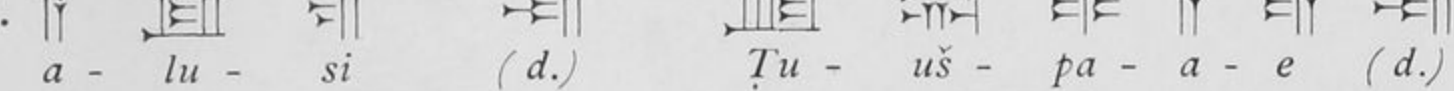

13.
ri (d.) *Ka - al - ra - hi pa - ri*
 городъ Кальрахи отъ
14.
 (d.) *E - ti - u - ni ha - tu - bi me - ti ni*
 (страны) Етіуни я отдѣлилъ
15.
C XX C bi
 100 20 100
16.
C L VI M C
 150 6000 100
17.
 (d.) *Hal - di - ni - ni al - su - u - ši - ni*
 Халдиніямъ великимъ
18.
 (d.) *Ar - gi - iš - ti - ni (d.) Me - nu - a - hi - ni*
 Аргишти, сынъ Менуа,
19.
 - - - (d.) *Bi - a - na - u - e*
 царь могущественный, царь страны Біайна (Вана)
20.
a - lu - si (d.) Tu - uš - pa (d.)
 живущій въ городѣ Тушпа.
21.
 (d.) *Ar - gi - iš - ti - še a - li - e*
 Аргишти говоритъ:
22.
a - lu - še i - ni tu - li - e
 кто эту надпись удалитъ,
23.
a - lu - še pi - tu - li - e tu - ri - ni - ni
 кто сотретъ, то лицо
24.
 (d.) *Hal - di - še (d.) - še (d.)*
 (богъ) Халди, (богъ) Теншба, (богъ) Ардини

Последнія двѣ строки неразборчивы.

XV. НАДПИСЬ САРДУРИ II ВЪ ЗАХАЛУ

(въ исправленномъ и дополненномъ видѣ ¹⁾).

1. ²⁾
 (d.) Hal - di - ni uš - ta - bi ma - si - ni šu - ri - e
 (Богу) Халди я молился, властителю могущественному,
2.
 ka - ru - ni (d.) Ši - ri - ku - ki - ni - - ni - e
 который далъ Ширикукини - землю;
3.
 (d.) Sari - du - ri - še a - li uš - ta - di
 Сардури говорить: при приближеніи
4.
 ha - u - bi (d.) Ši - ri - ku - ki - ni - - ni - e
 я покорилъ Ширикукини - землю,
5.
 ha - tu - bi pa - ri (d.) Ur - ta - hi - i - ni
 я отдѣлилъ отъ страны Уртахины
6.
 (d.) Hal - di - ni - ni al - su - i - ši - ni
 (бож.) Халдиніямъ великимъ,
7.
 (d.) Sari - du - ri - ni (d.) Ar - giš - ti - hi
 Сардури, сынъ Аргишти,
8.
 - ni
 царь могущественный, царь великій, царь странъ, царь царей
9.
 a - lu - si (d.) Tu - uš - pa - a - e (d.)
 живущій въ городѣ Тушпа.

¹⁾ См. Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи въ «Трудахъ Восточной Коммисіи», Вып. III, стр. 448.

²⁾ Знака giš въ подлинникѣ нѣтъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ВЫХОДЯТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ И СОСТАВЯТЪ ТОМЪ ВЪ 25 ЛИСТОВЪ. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою ТРИ (3) РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Историческомъ Музеѣ, на Красной Площади, у Алексѣя Васильевича Орѣшникова ежедневно (кромѣ субботъ и праздниковъ), отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня.

2) Въ антикварной книжной торговлѣ П. П. Шибанова, Москва, Петровскія линіи.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные ТРИ рубля исключительно на имя Московскаго Археологическаго Общества (Москва, Берсеневская набережная, у Каменнаго моста, собств. домъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа; особенно желательны №№ провинціальныя газеты).

Письма и посылки могутъ быть адресованы въ Москву, въ Историческій Музей, на Красной Площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

ІНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ